15 ЯНВ 1917

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛІОТЕКИ. ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

22692

ПЯТЬДЕСЯТЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ.

ДЕКАБРЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

ПЕТРОГРАДЪ.
1916.

Типо-лит. Акц. О-ва „Просвѣщеніе“. Петроградъ, Забалканскій пр., 75.

13 ЯНВ. 1917

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БИБЛІОТЕКИ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ. — ДЕКАБРЬ.

стр.

I. „ЖИТЬ — ЖДАТЬ!“ (Исповѣдь обреченнаго.) — **П. Боборыкина** 5
II. ВѢЧНО ВРЕМЯ... Стих. — **Семена Ѳомина** 28
III. НОВЫЯ СТРОФЫ „ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА“. — **М. Л. Гофмана.** 29
IV. ДА, МЫ ТОСКУЕМЪ И СТРАДАЕМЪ... Стих. — **М. Ватсона** . . 42
V. МОРКВАШИНСКАЯ КОЛОНІЯ. — **Ал. Богданова** 43
VI. ПРЕДМЕТЫ. Стих. — **Ксеніи Морозовой** 73
VII. ЗОВЫ. Стих. — **Ксеніи Морозовой** 74
VIII. КРАСНАЯ ДАЧА. — **Л. Арисовой** 75
IX. ЗИМНІЙ ПЕЙЗАЖЪ. Стих. — **Семена Ѳомина** 93
X. ЭЛЕГІЯ. Стих. — **Ксеніи Морозовой** 94
XI. ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО. Воспоминанія объ Иванѣ Сергѣевичѣ Тургеневѣ. — **С. Роммъ** 95
XII. МАТЕРЯМЪ. Стих. — **Александра Никитина** 133
XIII. УХОДИТЪ, ТИХО ТАЯ... Стих. — **Юрія Зубовскаго** 134
XIV. КЪ МОРЮ ХВАЛЫНСКОМУ. (Туда и обратно.) — **А. Любимова** 135
XV. „ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ“. Стих. — **А. Семенова-Тянъ-Шанскаго** 151
XVI. ИЗЪ ТЕТРАДИ: „ЗАБЫТЫЯ УСАДЬБЫ“. Стих. — **Вл. Вѣтвицкаго** 152
XVII. ДРАМАТУРГЪ-МИСТИКЪ. — **Сергѣя Боткина** 153
XVIII. РАДОСТЬ ПОЗНАНІЯ — РАДОСТЬ БЫТІЯ. Памяти И. И. Мечникова. (Отрывокъ.) — **Д. Овсянико-Куликовскаго** 177
XIX. ВЪ ІЮЛѢ. Стих. — **Семена Ѳомина** 182
XX. БѢЛОСНѢЖКА. Разсказъ Александра Броды. — Перев. **З. Журавской** 183
XXI. ВЪ МЕЧТАХЪ. (По дорогѣ въ Звенигородъ.) Стих. — **Анатолія Доброхотова** 250
XXII. **ХРОНИКА.** — ВОКРУГЪ ДОРОГОВИЗНЫ. (Письмо изъ Лондона.) — **А. Чекина** 251
XXIII. ЛЕЙБНИЦЪ ВЪ РУССКОЙ ФИЛОСОФІИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. — **Т. Райнова** 284
XXIV. РАБОЧАЯ ПОВИННОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ. — **М. Лурье** . . . 298
XXV. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Мирное выступленіе Германіи. — Дипломатическія ноты о мирѣ и ихъ значеніе. — Противоположныя точки зрѣнія обѣихъ воюющихъ сторонъ. — Министерскія перемѣны въ Англіи и Франціи. — Вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ. — Нота президента Вильсона. — Вопросъ о войнѣ и мирѣ. — **Л. Слонимскаго** 360

стр.

XXVI. НА ТЕМЫ ДНЯ. — Сближеніе недавно еще далекихъ другъ отъ друга общественныхъ элементовъ. — Обнаружена ли при этомъ „легкомысленная довѣрчивость"? — Возможные пути безотвѣтственныхъ вліяній. — Рѣчи А. Н. Маклакова и А. С. Стишинскаго. — Достижимое и достигнутое. — Далеко идущая перемѣна настроеній. — Продовольственный вопросъ. — Послѣднія до перерыва засѣданія Государственной Думы. — М. И. Брунъ и Г. Н. Штильманъ †. — **К. Арсеньева** 376

XXVII. ЭДУАРДЪ ФРАНЦЕВИЧЪ НАПРАВНИКЪ. — **Виктора Вальтера** 392

XXVIII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. Часть I. Первая половина XIX ст. Изд. „Задруга". Москва. 1916. — **Ч. В—скаго.** — К. и О. Ковальскіе. Двуликій богъ. Т. I и II. К-во „Жизнь и Знаніе". Петроградъ. 1916. — **М. Королицкаго,** — Извѣстія Петроградской Городской Думы. № 1. Октябрь, 1916 г. — **В. Б—а** 404

XXIX. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 411

XXX. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 413

XXXI. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ статей, напечатанныхъ въ „Вѣстникѣ Европы" за 1916 г. 415

XXXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 425

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: Д. Д. Гримма — по средамъ отъ 3 до 4 ч., (кромѣ праздниковъ).

Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч., по субботамъ отъ 3 до 4 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря — по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

15 ЯНВ. 1917

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВ

№ 1088 лив

„ЖИТЬ — ЖДАТЬ!“
(ИСПОВѢДЬ ОБРЕЧЕННАГО.)

„Нѣтъ конца стремленью —
Есть конецъ страданью“.

Я. Полонскій.

I.

Пролежалъ до завтрака все утро на своемъ балкончикѣ. Кругомъ, на горахъ, глубокій снѣгъ. И въ нашемъ саду — все бѣло. Пріятный морозецъ. Онъ щиплетъ чуть-чуть щеки. Воздухъ входитъ въ бронхи, до самыхъ мелкихъ, и, по увѣренію врачей, выгоняетъ оттуда микробы.

Выгоняетъ?... Не знаю. Когда завелись каверны, бронхи все равно ни къ чему!

Мнѣ уже дѣлали операцію „вылущиванія“ одной такой каверны. Это — здѣшняя большая спеціальность; самое патентованное средство. И не дальше, какъ мой докторъ, изъ русскихъ эмигрантовъ, самъ держится только такимъ вотъ лѣченіемъ. Онъ всегда на ногахъ, бѣгаетъ по лѣстницамъ, бодръ и, кажется, еще долго можетъ продержаться.

И пускай его! На здоровье! Если ему вѣрить, то мой „казусъ“ захваченъ во-время, и, послѣ зарубцованія, я буду хоть и грудной, но еще не приговоренный къ скорому уходу изъ земной жизни.

Все равно: я не со вчерашняго дня приготовляю себя къ уходу въ ту страну, „откуда никто не возвращается“ — какъ сказалъ, одинъ изъ первыхъ, принцъ датскій, до сихъ поръ столь любезный сердцу всѣхъ русскихъ и иныхъ романтиковъ.

И кто же у насъ, со временъ Мочалова и его восторженнаго почитателя Бѣлинскаго, не привыкъ повторять:

„Умереть — уснуть, — не больше!“

Но тотчасъ же потомъ:

„Уснуть — быть можетъ, грезить?“

Вотъ это и есть тотъ великій „rub“, та великая „заковыка“, какъ переводятъ хохлы гамлетовскій возгласъ.

„Грезить?“

Почему же нѣтъ? И эта возможность тяжкихъ грезъ держитъ все культурное человѣчество подъ гипнозомъ загробныхъ страховъ.

Можно и не бояться смерти, какъ не боюсь и я ея, въ тѣсномъ смыслѣ; но позволительно спрашивать себя: „А что же будетъ послѣ нея?“

Ничего?

Это очень легко подумать и выговорить; но убѣдительно ли оно для того, кто не хочетъ быть рабомъ доктрины, хотя бы самой разумной и радикальной?

У Золя, въ одномъ изъ его романовъ, есть такой твердокаменный матеріалистъ, который, вглядываясь въ небо, какъ въ то мѣсто, гдѣ предполагается потустороннее бытіе — сердито повторяетъ, съ широкимъ жестомъ:

— Il n'y a rien, rien, rien!

„Тамъ, въ эѳирѣ, какимъ наполнено все мірозданіе, можетъ и не быть никакого „парадиза“, ни „геенны огненной“; но человѣческое-то „я“ — покончитъ ли оно совсѣмъ съ собою вмѣстѣ, съ жизнью своего сознанія? И можетъ ли это „сознаніе“ продолжиться тогда, когда основа, которой держится оно, т. е. нервное вещество, превратится въ тлѣющую кашу?

Но монологъ датскаго принца начинается вопросомъ, который вездѣ, во всѣхъ странахъ и обществахъ, сдѣлался такимъ избитымъ:

„Быть или не быть?“

Это: „to be or not to be“ — понимается, до сихъ поръ, обыкновенной публикой, какъ чисто личный вопросъ Гамлета, насчетъ того: что онъ съ собою сдѣлаетъ: покончитъ ли съ собою, или останется жить, послѣ жестокаго нравственнаго удара? Эта публика (не одна театральная, а и читающая) полагаетъ, что монологъ — только дума о самоубійствѣ, о цѣнѣ жизни вообще, о томъ: стоитъ ли оставаться въ живыхъ, разъ вы утратили вѣру въ человѣчество и не можете больше выносить душевной тяжести?

А суть тутъ совсѣмъ не такая.

„Быть или не быть“, это значитъ: бытіе кончится ли съ земной жизнью или нѣтъ? А если мое „я“ не исчезнетъ, то какъ оно будетъ существовать, даже безъ всякаго „суб-

страта“, который доработался до духовной жизни, до мысли, эмоцій, радостей, страданій, творчества, всѣхъ чудесъ міровой культуры?

И тутъ сейчасъ же опять всплываетъ холодящій вопросъ всякаго научнаго мыслителя: „Сознаніе — въ той, потусторонней жизни — на чемъ же оно будетъ держаться?“

Вѣдь оно, въ сущности, не что иное, какъ только отраженіе, въ нашемъ мозгу, того, что происходитъ и внѣ и внутри насъ. Оно — не самое бытіе а лишь отблескъ бытія, своего рода кодакъ, или кинематографъ.

Я не сектантъ марксизма, но не могу не считать одно изреченіе Маркса глубоко вѣрнымъ, во всѣхъ смыслахъ:

„Не сознаніе вызываетъ бытіе, а, наоборотъ, бытіе — сознаніе“.

Развѣ мы что-нибудь сознаемъ изъ того, что каждую секунду происходитъ въ нашемъ тѣлѣ? Миріады ячеекъ, образующихъ громадную федерацію нашего тѣла, работаютъ въ разныхъ органахъ; такія же миріады всякихъ бациллъ и инфузорій борются между собою. А мы ровно ничего не видимъ, не слышимъ, не ощущаемъ —-до тѣхъ поръ, пока что-нибудь не разстроится въ этомъ подсознательномъ царствѣ и не доложитъ о себѣ нашему сознанію, только въ видѣ боли, или небывалаго ощущенія.

Чѣмъ я дѣлался старше, тѣмъ моя писательская работа все сильнѣе убѣждала меня въ томъ, что талантъ, воображеніе, такъ называемое творчество — все это зарождается, зрѣетъ и складывается въ образахъ и настроеніяхъ... тамъ гдѣ-то, въ „подсознательномъ“ я, и только, въ данный моментъ, докладывается моему сознанію. Моя воля, расчетъ, напряженіе — ни къ чему, если нѣтъ интуиціи. Это теперь — „буки-азъ-ба“ научной психологіи. А если оно такъ, то это и доказываетъ, что бытіе есть начальный и повелительный фактъ, а сознаніе только зеркало и докладчикъ — ничего больше.

Вѣдь всѣ спиритуалисты и теософы проповѣдуютъ, что Духъ — всемірное начало, а тѣло нѣчто ему подчиненное, и даже чуждое. Можно ли соглашаться на такой дуализмъ? Конечно, нѣтъ — тому, кто, какъ я, признаетъ Единство всего сущаго: будь то энергія, сила, матерія, или что бы то ни было. И всякая форма бытія есть только извѣстная стадія въ развитіи этого единаго „нѣчто“. Ужъ если нужно непремѣнно накладывать на себя ярлыкъ, этикетку, то лучше все-

таки быть монистомъ: этакъ вы себя не приковываете ни къ какому узкому катихизису.

II.

Выхожу на нашу галлерею, послѣ завтрака, — немного пройтись подъ навѣсомъ и по ближайшей дорожкѣ, посыпанной поверхъ твердаго снѣга мелкимъ гравіемъ.

Навстрѣчу — моя сосѣдка по коридору, русская молодая дѣвушка. Она проводитъ уже вторую зиму все въ томъ же санаторіи. Мы съ ней давно знакомы, но разговариваемъ рѣдко. Она окружена молодыми людьми. Тѣ всегда болтаютъ и смѣются, а мнѣ извѣстно, что всѣ они — съ кавернами; да и этой барышнѣ врядъ ли много осталось жить; но, по ея внѣшнему виду, вы никакъ не скажете, что она — въ родѣ какъ „въ послѣднемъ градусѣ".

Вотъ она подходитъ ко мнѣ, въ короткой модной юбкѣ и въ низкихъ башмакахъ. Кофточка также коротка, изъ дамскаго сукна, шея слегка открытая, на головѣ шапочка, еле-еле прикрывающая темя.

— Здравствуйте! — окликнула она меня, подходя.

Лицо у нея еще очень свѣжее; никакихъ видимыхъ „оказательствъ" упорнаго недуга. Типъ — южный. Она родомъ „хохлушка", но воспитывалась и училась въ Москвѣ. Глаза съ игривымъ выраженіемъ. Легкая походка; идетъ, точно танцуетъ польскій.

— Здравствуйте! — отвѣчалъ я ей въ тонъ.

О здоровьѣ здѣсь какъ-то не принято спрашивать при встрѣчахъ.

Жметъ она вамъ руку по-американски, крѣпко, со встряхиваніемъ. Вообще — большая франтиха.

— Хотите пройтись? — спрашиваетъ она меня и становится вровень со мною, точно затѣмъ, чтобы идти въ ногу.

— Да, хочу пройтись!

— Туда? — Она указала на ближнюю дорожку къ лѣсу. Моя любимая прогулка.

Мы пошли, дѣйствительно, въ ногу.

— А знаете что... — вдругъ начала она немного возбужденнѣе.

Голосъ у нея — грудной, низковатый; но опять таки, не голосъ туберкулезной.

— Что такое?

У насъ съ ней, хоть мы и рѣдко бесѣдуемъ, образовался

какъ бы пріятельскій тонъ. Она не держится со мною, какъ съ „почтенной особой“. Я ея старше лѣтъ на пятнадцать, а то и слишкомъ: мнѣ идетъ сороковой, а ей, вѣроятно, — лѣтъ двадцать съ чѣмъ-нибудь.

По моему внѣшнему виду и привычкѣ держать себя въ обществѣ я могъ бы сойти еще за очень не стараго мужчину. И сѣдины у меня пока нѣтъ, ни на головѣ, ни въ усахъ.

— Что же вы хотѣли мнѣ сказать, Нина Николаевна?

Она посмотрѣла на меня въ бокъ, съ усмѣшкой въ глазахъ.

— Мнѣ дали, третьяго дня, книжку журнала съ вашей повѣстью...

— Да-а?

— Вы сами не предложили мнѣ...

— Простите! Я получилъ книжку почему-то, съ большимъ опозданіемъ. Да и вообще я не охотникъ угощать своими произведеніями...

— Вы ужъ очень прибѣдниваетесь, ха-ха! Вы — извѣстный писатель, и цѣну себѣ знаете. А то выходитъ, какъ говорится: „униженіе паче гордости“.

И она опять засмѣялась. Смѣхъ у нея милый, почти дѣтскій; никто бы не сказалъ, что такъ можетъ смѣяться больная, у которой не должно быть иллюзій насчетъ состоянія своихъ легкихъ.

— Ну, хорошо, — шутливо согласился я. — Вы прочли всю вещь?

— Всю. Она меня захватила. Хотѣлось непремѣнно докончить, и я потушила лампочку во второмъ часу...

— А я долженъ взять этотъ грѣхъ на себя? Не спать до такихъ часовъ, когда всѣмъ намъ полагается засыпать не позднѣе десяти!

— Эхъ! Не все ли равно?! — Она даже махнула рукой.

Мы присѣли на диванчикъ въ узенькой бесѣдкѣ.

— Много у васъ тутъ... въ разныхъ мѣстахъ хорошихъ словъ и мыслей. И видно, что все это вы переживали, а не потому только, что оно красиво выходитъ.

— Спасибо.

— Но вотъ у васъ есть одна сценка, тоже въ санаторіи; двѣ подруги; одна — грудная, какъ всѣ мы здѣсь, а другая — здоровая, изъ такихъ... Какъ бы это сказать... изъ сектантокъ что ли?

— Въ родѣ того.

— И она уже обратила больную въ свою вѣру. Вѣдь да?

— Во всякомъ случаѣ, помогла ей безстрашнѣе относиться къ смерти и сохранять болѣе свѣтлое настроеніе...

— Но развѣ это отъ насъ зависитъ? — воскликнула моя собесѣдница. — Смерть сильнѣе всего этого. У французовъ прекрасное есть выраженіе...

— „Fort comme la mort?“ — подсказалъ я.

— Вотъ-вотъ!

— Подруга больной изъ, такъ называемыхъ, теософокъ...

— Я слыхала о нихъ, но хорошенько не знаю: въ чемъ эта новая вѣра.

— Вѣра очень старая, идетъ еще отъ браманизма... есть тутъ немножко и буддизма. Но водятся и такія, кто остается, при этомъ, и христіанками...

— Не знаю! Ну зачѣмъ тутъ все это, когда христіанская вѣра учитъ васъ также, что жизнь тѣла одинъ соблазнъ и грѣхъ, и что тамъ, — она подняла глаза къ небу, — ждетъ васъ райское житье?..

— Или геенна огненная?

Она тихо разсмѣялась.

— Раскаленныя сковороды лизать, какъ стращала меня моя нянька. Этого я не боюсь и не могу признать, чтобы насъ, бѣдныхъ грѣшницъ, такъ жестоко наказывали на томъ свѣтѣ: Богъ слишкомъ милосердъ для этого! Вонъ даже у католиковъ есть чистилище. Но что бы тамъ насъ ни ждало, хотя бы неизреченное блаженство, жизни тамъ не будетъ... Вотъ этой жизни!

И она обвела кругомъ широко раскрытыми руками.

— А вы влюблены въ жизнь?

— Да, влюблена! И возмущаюсь тѣмъ, что какая-нибудь презрѣнная бацилла точитъ мое легкое и приговариваетъ меня къ умиранію, когда все во мнѣ жаждетъ жизни, и съ каждымъ днемъ я все больше ухожу въ этотъ драгоцѣнный даръ неба!

Щеки ея зардѣлись отъ внезапнаго внутренняго волненія.

III.

Милая москвичка-хохлушка нашла, что я какъ бы рисуюсь писательской скромностью.

Ничего такого во мнѣ нѣтъ! Я просто сталъ равно-

душенъ къ своему литературному имени. Не хочу хоронить себя заживо; но сколько бы ни осталось мнѣ жить, желаю одного: не терять чувства своего „я“, работать до тѣхъ поръ, пока есть что сказать, а не потому только, что ты — писатель, и долженъ печататься.

Да, сталъ я равнодушенъ къ собственному писательству, какъ и вообще ко всему человѣческому муравейнику. Я не восклицаю, какъ Экклезіастъ: „vanitas vanitatum et omnia vanitus!“ Подъ „суетой“ всего земного лежитъ нѣчто, что двигаетъ человѣчество по пути, который мы не можемъ повернуть ни вправо, ни влѣво, по своему произволу.

Это путь — просвѣтленія. Передъ человѣческимъ разумомъ все еще спущена завѣса, прикрывающая тайну, глубокую загадку бытія. Вотъ эта тайна и начала меня съ нѣкоторыхъ поръ тревожить и вызывать потребность подойти поближе къ вопросу датскаго принца:

„Быть или не быть?“ Другими словами: бытіе наше въ видѣ человѣческаго сознанія, возможно ли оно въ, такъ называемой, потусторонней жизни?

Я никогда не имѣлъ склонности къ мистикѣ, въ какой бы то ни было формѣ. Какъ писателя, меня считаютъ давно самымъ убѣжденнымъ реалистомъ. О личномъ безсмертіи я никогда не мечталъ, и мнѣ его не нужно и теперь, когда мысль о смерти поневолѣ должна всплывать: вѣдь я какъ-никакъ приговоренъ, если не къ немедленной казни, то все-таки къ самому вѣроятному исходу, ожидающему всякаго серьезнаго больного.

Да, вѣчности я не взыскую. Я даже не могу себѣ ее представить, да и врядъ ли, хотя бы и геніальный математикъ, могъ отчетливо и осязательно вообразить себѣ безконечность во времени и пространствѣ...

Если моя хохлушка не допускаетъ того, что она за грѣхи будетъ „лизать раскаленныя сковороды на томъ свѣтѣ“, то вѣдь она затруднилась бы вообразить и то, въ чемъ будетъ состоять ея блаженное бытіе въ райскихъ обителяхъ...

Когда-то я изучалъ Апокалипсисъ съ особеннымъ интересомъ, опять не какъ мистикъ, а съ чисто-литературной точки зрѣнія, чтобы видѣть: какой это документъ, какимъ духомъ онъ пропитанъ, въ какомъ стилѣ написанъ его греческій текстъ? Это, несомнѣнно, еврейскій документъ, пропитанный духомъ безпощадно карающаго божества,

прямо ветхозавѣтнаго пошиба. Но описаніе рая и райскаго житія — въ комъ же оно можетъ вызвать неудержимое стремленіе: такъ отсчитывать свои дни, вовѣки вѣковъ, вкушая яблоки, которыя будутъ созрѣвать заново каждый мѣсяцъ?

Ужъ не такую же вѣчность живописалъ себѣ и нашъ яснополянскій вѣроучитель, съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ своихъ писаніяхъ и дневникахъ, сталъ говорить о будущей жизни. Умеръ онъ съ довольно смутнымъ представленіемъ о томъ: какъ его „я“ преобразуется послѣ ухода изъ земной жизни. Онъ тоже ждалъ, и ждалъ, съ каждымъ днемъ, все сильнѣе и вѣрилъ, вѣроятно, тому, что та жизнь будетъ чѣмъ-то несказанно прекраснымъ. И онъ сводилъ ее къ высшему, просвѣтленному сознанію своего я. Его не смущало то, что вызоветъ протестъ во всякомъ научно мыслящемъ человѣкѣ: „Какъ же это сознаніе будетъ жить самостоятельно, когда прекратится бытіе, которое его только и питало? И не одинъ яснополянскій вѣроучитель — всѣ спиритуалисты держатся за тотъ же якорь спасенія — за сознаніе, волшебно освобожденное отъ связи съ тѣломъ.

И вотъ набрелъ я на книжку, написанную французскимъ врачемъ, — съ большимъ образованіемъ; онъ самъ говоритъ о себѣ, какъ о вѣрномъ сторонникѣ строго-научнаго направленія. И онъ — то, что нынче называютъ „монистомъ“, и въ немъ нѣтъ уступокъ какой-либо мистикѣ или догматамъ религіи.

Но и его сталъ мучить все тотъ же вопросъ: можно ли допускать, послѣ разложенія нашего тѣла, какую-либо жизнь, и въ чемъ она будетъ состоять?

Прежде, когда я былъ еще студентомъ, и раньше, когда царилъ у насъ самый правовѣрный матеріализмъ (во вкусѣ Бюхнера и Молешотта), самая постановка такого вопроса была бы уже скандальной для всякаго мыслящаго человѣка. Тогда въ матерію вѣрили, какъ во что-то несокрушимое, въ нѣчто, имѣющее абсолютное бытіе. А теперь явилось особое ученіе объ энергіи, какъ основѣ всего сущаго. И пустили его въ ходъ — не мистики, а самые завзятые монисты. Они выступили прямо съ обличеніемъ матеріализма, ибо матерія, по ихъ толкованію, есть грубое понятіе. Къ чему оно сводится?

Если разложить матерію на ея элементы, то, пожалуй, ничего отъ нея и не останется, кромѣ вѣса, тяжести.

Тѣла — даже и самыя микроскопическія — представляютъ собою только какіе-то „вихри“ изъ разныхъ видовъ міровой энергіи. Атомы, если они и недѣлимы, также состоятъ изъ сцѣпленія энергій.

Эѳиръ — что онъ такое? А безъ него нельзя объяснить самыхъ главныхъ физическихъ явленій. Невѣсомое? Но это — только ярлыкъ, прикрывающій наше коренное невѣжество. Мы не можемъ логически представить себѣ такое „невѣсомое“ (какъ все тотъ же эѳиръ), которое пропускаетъ лучъ свѣта со скоростью сотенъ тысячъ километровъ въ минуту, если не въ секунду, и, въ то же время, такъ упруго и твердо, какъ сталь! А это доказываютъ физики. Когда я впервые прочелъ объ этомъ, я былъ пораженъ такимъ всеобщимъ присутствіемъ чуда въ мірозданіи и нашимъ жалкимъ безсиліемъ проникнуть въ тайны бытія.

Это не мистика, это даже не метафизика, а потребность разума, и такой вопросъ, который пришелъ вотъ и автору моей французской книжки, былъ неизбѣженъ и для людей научнаго credo; онъ теперь и поставленъ ребромъ.

Цѣлый рядъ психическихъ состояній выходитъ изъ обыкновенной нормы: гипнозъ, раздвоеніе личности, телепатія, и всего больше — медіумическія явленія. Одно изъ двухъ: или ихъ огуломъ отрицать,—тогда не можетъ быть и рѣчи о постановкѣ вопроса: что произойдетъ съ нашимъ „я“ послѣ земной жизни, а если ихъ признавать, какъ нѣчто несомнѣнно существующее, тогда является необходимость давать опредѣленный отвѣтъ на это искомое.

Студентомъ я, одно время, интересовался этимъ, но мнѣ лично опыты съ патентованными медіумами всегда казались сомнительными. Съ тѣхъ поръ, медіумическія явленія допускаются уже какъ фактъ даже нѣкоторыми извѣстными учеными. Въ нихъ не видятъ теперь одно шарлатанство. А коли оно такъ, то надо признать (что дѣлаетъ и мой французскій врачъ), стало быть, душевная жизнь можетъ продолжаться и внѣ тѣлеснаго состава, и что есть невидимыя для насъ психическія особи, которыя могутъ даже вступать съ нами въ духовныя сношенія...

Но этого еще мало. Такой научный изслѣдователь допускаетъ и то, что называется, „палингенезисомъ“, т. е. какъ бы рядъ перевоплощеній живыхъ существъ, на протяженіи вѣковъ.

Въ это вѣрятъ, сколько я знаю, и теософы, взявшіе это изъ древняго браманическаго ученія. Такъ или иначе, гамлетовскій вопросъ остается въ силѣ:

„Быть или не быть?“

IV.

А вотъ моя милая московская хохлушечка — та, навѣрно, ни во что такое не углубляется. Для нея: „день мой — вѣкъ мой!“ Чуть ей немного полегче, она смѣется, кокетничаетъ съ молодыми паціентами санаторія, охорашивается, какъ птичка, въ своихъ архимодныхъ туалетахъ, и вѣритъ, что она еще продержится много - много зимнихъ сезоновъ.

И у нея есть вѣрные партнеры, преисполненные подвинченной жизнерадости; особенно одинъ южанинъ, изъ испанской Америки, студентъ, на мою оцѣнку, въ послѣднемъ градусѣ. А кто этому повѣритъ, когда онъ гуляетъ по галлереѣ и усиленно ухаживаетъ за нею? Что за блескъ въ черныхъ огромныхъ глазахъ, какая живость движеній, что за ноты въ переливахъ голоса. А ему жить врядъ ли больше двухъ сезоновъ: уже три раза дѣлали ему впрыскиваніе Что жъ! Это завидно. Но вѣдь и ей, моей хохлушѣ, могъ бы тоже представиться посерьезнѣе вопросъ: „А какого рода существованіе ждетъ меня послѣ гробовой доски?“

Какъ они ни хорохорься, но имъ извѣстно, что они уже „на счету“ у той непрошенной гостьи, съ эмблематической косой. Имъ, собственно, слѣдовало бы гораздо сильнѣе этимъ интересоваться, чѣмъ хотя бы мнѣ.

Я лѣтъ на двадцать, или около того, старше каждаго изъ нихъ. Я уже достаточно трепался на бѣломъ свѣтѣ. Иллюзій насчетъ ближайшаго будущаго у меня быть не можетъ, будь я хотя бы и съ нормальными легкими и живи я не на этихъ высотахъ, а гдѣ-нибудь — въ Парижѣ или въ Москвѣ! И нить ихъ жизней одна изъ неумолимыхъ Парокъ непремѣнно отхватитъ ножницами, не сегодня, такъ завтра, не въ этомъ году, къ веснѣ, такъ черезъ два - три года. Имъ-то и надо бы усиленно желать, чтобы новая полоса ихъ бытія — тамъ гдѣ-то — непремѣнно продолжалась и полна была бы связи съ тѣмъ, что они переживали здѣсь, на землѣ. А, кажется, этого совсѣмъ нѣтъ!

Дня три хохлуша не показывалась за общимъ столомъ.

Я справился у горничной нашего коридора. Она мнѣ сказала, что „gnädiges Fraülein“ не выходитъ, что ей не позволяютъ лежать на балкончикѣ ея комнаты, даже и хорошо укутанной; а дни стоятъ яркіе, солнце грѣетъ точно весной!

Я передалъ ей карточку, на которой написалъ:

„Можно васъ навѣстить?“

И тотчасъ же получилъ отвѣтъ, что она хоть и лежитъ, но была бы очень рада побесѣдовать со мной. Нашелъ я ее не въ кровати, а на кушеткѣ, съ ногами, укутанными въ пледъ. Сильно она поблекла, даже какъ-то потемнѣла въ лицѣ; но пріодѣлась, въ шелковомъ капотѣ, съ большимъ кружевнымъ воротникомъ, а голову повязала по-мужски яркимъ платкомъ, какъ повязываютъ въ Андалузіи. Встрѣтила она меня ласковымъ возгласомъ. Голосъ тоже поупалъ; въ ладони руки — замѣтный жаръ.

— Хорошо ли вамъ утомлять себя разговоромъ? — предупредилъ я ее.

— Не все ли равно?

Она махнула рукой.

Я сейчасъ почуялъ: „что-нибудь случилось особенное“.

— Все идетъ по-старому? — осторожно спросилъ я.

— По-старому! Ха-ха! Да, по-старому. Былъ вчера въ родѣ какъ консиліумъ. И я имъ на чистоту сказала: „не водите вы меня, скажите прямо, сколько мнѣ жить?“

— И что же?

— Отшучиваются; а я сама вижу, что зимы здѣсь не выдержу...

— Почему? Вы такая жизнерадостная!

— Мало ли что!

Она протянула мнѣ еще разъ свою маленькую руку съ прозрачными ладонями.

— Знаете, — начала она, — это бываетъ вдругъ... какъ наитіе, свыше...

— Что же именно?

— А вотъ то, что сразу нашло на меня ночью. Голова ясная, все въ ней... какъ бы это сказать... трепетное. И кажется, я въ первый разъ сказала себѣ: „Скоро конецъ, и нечего цѣпляться за жизнь“.

— Цѣпляться? — повторилъ я вслѣдъ за ней.

— Да... Довольно таки печально видѣть это и въ другихъ. Но вотъ гадость: сразу не перейдешь...

Она помолчала, улыбнулась боковой усмѣшкой и добавила:

— Въ лучшій міръ! Тѣ счастливцы, у кого разорвется вдругъ сердце, или хватитъ ударъ. А тутъ будешь тянуться... Знаете, какъ у насъ въ церкви произносятъ слова: „Кончины живота нашего, безболѣзненной, непостыдной, мирной". Но это для удачниковъ!

И опять замолчала.

— Вотъ вы сейчасъ упомянули,—началъ я,—о лучшемъ мірѣ. Если вы въ него горячо вѣруете, это большая отрада.

— Вѣрую ли? Какъ вамъ сказать... Я осталась такой, какъ была въ подросткахъ. Ничего не признавать? Это было когда-то въ большой модѣ, но я сторонилась отъ такихъ разговоровъ и просто жила... О райскомъ житіи не мечтала и не молилась о немъ. Что будетъ, то и будетъ.

— А никогда не задумывались надъ тѣмъ: что же за гробомъ станется съ вашимъ „я", съ вашей душой, чувствами, мыслями? Исчезнетъ ли все это безслѣдно?

— Ей Богу, не знаю! Меня одна барыня хотѣла совратить насчетъ спиритизма. Да это меня не забрало. А разъ я даже расхохоталась, когда на сеансѣ какой-то знаменитый покойникъ началъ писать ужасный вздоръ.

— И васъ тайна ухода изъ жизни не безпокоила...

Я перебилъ себя и добавилъ:

— Милая моя подружка, не думайте, пожалуйста, что я хочу васъ исповѣдывать или обратить въ какую-нибудь вѣру. Но развѣ можно считать смерть концомъ всего?

— По катихизису, разумѣется, нѣтъ. Откроется царство небесное, если въ него попадешь; а я, вѣдь, тоже грѣшница...

Она тихо разсмѣялась.

— Вѣдь если вы согласны допускать новую жизнь для вашего я, помимо всякаго рая, или ада, вамъ не такъ горько и обидно будетъ уходить изъ жизни, такой молодой, влюбленной въ эту самую жизнь.

— Пожалуй! Но сразу, какъ въ это уйти... вотъ въ такую новую мечту?...

По лицу ея прошла тѣнь; рѣсницы были полуопущены.

— Лучше надѣяться.—выговорилъ я, и на эти слова что-то какъ будто откликнулось у меня самого въ груди.

— А главное,—досказала она,—не надо трусить. Я здѣсь заживаться не хочу. Если пришелъ конецъ, поѣду сначала

туда, гдѣ ничто мнѣ не будетъ напоминать о томъ, что я приговоренная къ казни...

— Всѣ люди такіе же приговоренные.

— Такъ тѣ, по крайней мѣрѣ, еще не видятъ, когда именно ихъ поведутъ на „пропятіе“, а я вижу, вотъ съ сегодняшней ночи. А за то, что вы мнѣ сейчасъ говорили, спасибо вамъ! Оно мнѣ пригодится.

Она крѣпко пожала мнѣ руку.

V.

Я, въ нѣкоторомъ родѣ, осиротѣлъ. Улетѣла моя милая хохлушечка. О своемъ рѣшеніи распрощаться съ санаторіемъ она мнѣ объявила дней за пять до отъѣзда.

Мнѣ стало ее жаль и страшно за нее. Я началъ ее отговаривать.

— Вы нигдѣ не проведете зиму такъ, какъ здѣсь.

— Ну, хорошо; а потомъ?

— Съ вашей жаждой жизни и съ вашимъ душевнымъ складомъ вы и здѣсь будете цѣнить каждый мигъ сознательнаго существованія.

— Такъ было все время. А теперь нѣтъ. Не хочу дѣлаться богадѣлкой...

— Какъ богадѣлкой?

— А то какъ же? Вотъ тѣ, что живутъ въ богадѣльняхъ. Такъ онѣ старушенціи. Имъ не стыдно цѣпляться за жизнь, а мнѣ не полагается.

Она выговорила это твердо, безъ всякаго унынія, даже съ блескомъ во взглядѣ.

— Такъ вѣдь мы всѣ, — повторилъ я опять, — болѣе или менѣе приговоренные...

— А вы надѣетесь совсѣмъ выздоровѣть? — спросила она просто и какъ бы утвердительно.

— Не очень. Мнѣ бы, по-вашему, слѣдовало давно покончить съ этой канителью. Довольно помаячилъ на свѣтѣ. Чего же ждать? Нажилъ каверну, наживу и другую, и третью.

— Простите! — она протянула мнѣ руку. — Я не хотѣла васъ огорчить! Вы не цѣпляетесь за жизнь, нѣтъ? Вамъ есть изъ-за чего бороться съ микробомъ легкихъ. Вы — писатель. Вы еще можете нѣсколько лѣтъ хорошо работать, разъ вы смѣло смотрите на исходъ болѣзни.

Московская гос. библиотека

Спорить мнѣ съ ней не хотѣлось, но хотѣлось привести въ другое настроеніе. Слишкомъ обидно было бы видѣть, что такое жизнеобильное существо прочитываетъ себѣ отходную.

Разговоръ былъ на крытой галлереѣ. Мы присѣли.

— Какъ хотите, есть большое утѣшеніе, — сказалъ я, — ждать чего-то... Какой-то тайны...

— Гдѣ? На томъ свѣтѣ?

— Да, если признавать (а это совсѣмъ не дико) что для нашего духовнаго я возможна жизнь внѣ теперешняго тѣлеснаго состава.

— Не знаю, — протянула она и немного опустила голову. — Когда я объ этомъ начинаю думать, у меня умъ за разумъ заходитъ.

И она такъ мило усмѣхнулась.

— Раздумывать много не нужно, а лучше допускать, что такъ можетъ быть...

— Зачѣмъ? — остановила она меня и вскинула пышными рѣсницами своихъ темнокарихъ глазъ.

— Все живое боится пустоты, а вы такъ полны жизни.

— Вѣдь къ чему же это сведется? — вдругъ совсѣмъ серьезно спросила она. — Повторять все: „вѣчная жизнь, вѣчная жизнь!“ Какая? Я не могу никакъ представить ее себѣ. Вѣчность? Это выше моего пониманія. Пустота безъ границъ. И ничего: ни красокъ, ни звуковъ, ни солнца, ни земной радости. Бррр! Нѣтъ! Это хуже, чѣмъ смотрѣть сверху въ бездонную пропасть. Право!

Она встала съ такимъ жестомъ, что ей какъ будто такой разговоръ дѣлался въ тягость. Я прекратилъ его.

И вотъ совсѣмъ я одинокъ въ этой благоустроенной гробницѣ, гдѣ, какъ въ перворазрядномъ отелѣ, пьютъ, ѣдятъ, бренчатъ на фортепьянахъ, катаются на конькахъ и лыжахъ, кутятъ „во всю“, вызывая на единоборство ту непрошенную гостью, которая уже отмѣтила ихъ крестикомъ, одного за другимъ.

Мой послѣдній разговоръ съ хохлушечкой оставилъ во мнѣ замѣтный слѣдъ, и, черезъ день послѣ ея отъѣзда, онъ всплылъ въ моей памяти и повелъ къ цѣлому ряду вопросовъ, которымъ не сразу найдешь разрѣшеніе.

Я сказалъ сейчасъ, что нашъ разговоръ „всплылъ въ моей памяти“.

Память! Вѣдь къ ней, собственно, и сводится возмож-

ность сохраненія нашего я. Разъ ея механизмъ расклеился, и вы уже не сознательная личность, а только испорченный инструментъ, разбитыя клавикорды, откуда можно еще извлечь хриплые звуки, надавивъ на тотъ или другой клавишъ, но сыграть на нихъ что-нибудь уже невозможно.

Недавно я читалъ Метерлинка — тѣ страницы, гдѣ онъ силится проникнуть въ тайну потусторонняго бытія. Его считаютъ чуть не мистикомъ; во всякомъ случаѣ, онъ символистъ въ искусствѣ и восторженный поклонникъ духовной сути человѣка. Но и онъ говоритъ, такъ убѣдительно и ярко, что наше сознаніе держится за самую хрупкую вещь, въ нашей психикѣ — за память. А не станетъ ея — какъ же наше я въ состояніи будетъ начать новую жизнь, связанную со всѣмъ своимъ земнымъ прошлымъ?

Очевидно, это врядъ ли возможно. И уже не мечтатель-идеалистъ, а ученый, глава современныхъ монистовъ, старикъ Гэккель, допуская то, что въ каждой ячейкѣ нашего мозга заключено и духовное начало, все-таки не можетъ признать личную, строго индивидуальную жизнь за гробомъ, и опять таки то, что она связана съ памятью; а память безъ ея мозговой основы немыслима. И выходитъ, что общее безсмертіе допустимо, но не полное возрожденіе отдѣльнаго „я“. А вонъ моя хохлушечка вполнѣ искренно говоритъ, что ея душа, ея умъ, ея воображеніе совсѣмъ и не могутъ представить себѣ вѣчности, и ей, ни малѣйшимъ образомъ не хочется вѣчнаго блаженства, потому что она эту идею ничѣмъ не можетъ наполнить.

Она этого не ждетъ. А чего же? Вѣроятно, ничего. Помирилась съ тѣмъ, что дни ея сочтены, и она не желаетъ постыдно „цѣпляться за жизнь“.

Неужели я (а я вѣдь старше ея чуть не на двадцать лѣтъ) — цѣпляюсь за мое существованіе, въ качествѣ пансіонера швейцарскихъ санаторіевъ! Неужели я малодушнѣе такой вотъ дѣвушки, полной яркой жизненности? Что на это отвѣтить? Стало быть, еще не пробилъ часъ, когда я буду самъ призывать смерть, или когда я безповоротно рѣшу вопросъ: „быть или не быть“, т. е. ждать ли чего, послѣ ухода изъ жизни, или нѣтъ? А пока, во мнѣ еще повелѣваетъ тотъ великій инстинктъ, который все живое держитъ въ повиновеніи и тайномъ нежеланіи конца.

VI.

Въ той же комнатѣ, гдѣ жила хохлушечка, поселилась, тотчасъ послѣ нея, новая больная, и также русская. Это — уже пожилая особа, на видъ совсѣмъ не грудная, довольно даже полная, съ легкой просѣдью, очень тихая, одѣтая почти по-старушечьи.

Ее посадили за столомъ, противъ меня, вѣроятно, какъ мою соотечественницу. Мы съ ней какъ-то незамѣтно разговорились. У нея очень хорошій простой тонъ; но въ этомъ тонѣ чувствуется что-то особенное, какая-то „доминанта", дающая всему колоритъ. Такихъ русскихъ дамъ я что-то не встрѣчалъ.

Она знала — кто я, но воздержалась отъ банальностей, съ какими такъ часто обращаются къ нашему брату:

— Чѣмъ вы насъ порадуете? Что вы теперь пишете?

По двумъ-тремъ фразамъ я могъ понять, что ей извѣстно и то: за кого меня принимаютъ, въ смыслѣ моего направленія, и не политическаго, а скорѣе философскаго.

Совершенно какъ бы невзначай, зашелъ у насъ разговоръ все на ту же тему: какъ окружающіе ближніе ждутъ неизбѣжнаго конца. И по первымъ же ея словамъ, я сталъ догадываться, что она должна принадлежать къ какому-нибудь „толку", если выразиться нашимъ бытовымъ словомъ, когда говорятъ о разныхъ ученіяхъ раскола, или сектантства; только она совсѣмъ не похожа на раскольницу и врядъ ли принадлежитъ къ какой-нибудь евангелической сектѣ. У меня почему-то всплылъ вопросъ:

„Можетъ быть — теософка?"

Я, одно время, интересовался этимъ ученіемъ, и въ той его формѣ, которую вывезла когда-то изъ Индіи русская дама, и въ новѣйшей нѣмецкой, связанной съ проповѣдью и книжками вѣроучителя, носящаго титулъ „доктора". Этого доктора я встрѣтилъ на одномъ конгрессѣ, въ Италіи, и слышалъ его докладъ, слишкомъ краткій, заключавшій въ себѣ самые главные пункты его доктрины. Отъ него идетъ одно нововведеніе, которое облегчило чрезвычайно пропаганду этого ученія, навѣяннаго браманизмомъ съ прибавкою кое-чего изъ буддизма. До него въ теософіи покойной русской дамы не было ничего общаго съ христіанствомъ; а даже какъ бы нѣчто непріязненное. Вся мораль основана была на ожиданіи перехода, если не въ буддійскую „нирвану",

то въ состояніе безусловнаго покоя. Ничего подобнаго страшному суду Евангелія, вѣчной карѣ, или вмѣшательству божества въ судьбу человѣчества.

А новый вѣроучитель пріобщилъ и евангельское credo къ своему катихизису и сдѣлалъ возможнымъ — вѣрующимъ всякихъ христіанскихъ исповѣданій — вступать въ ряды „богомудрыхъ“. Кажется, въ самое послѣднее время они называютъ себя уже не такъ?

Разумѣется, я не сталъ допытываться отъ моей новой знакомой: какого она именно толка, — покойной русской дамы, и теперешней главы англійскихъ теософовъ, или же по нѣмецкому „согласію“?

Но какого бы она ни была толка — все равно: она должна, болѣе, чѣмъ обыкновенная, даже вѣрующая женщина, останавливаться надъ вопросомъ: „быть или не быть“; должна чего-нибудь ждать и, вѣроятно (если она дѣйствительно то, что я предполагаю), имѣетъ гораздо болѣе опредѣленныя представленія о томъ: что ее ждетъ „на томъ свѣтѣ“, какъ у насъ всѣ говорятъ — и кумушки, и свѣтскія дамы.

Насколько я помню, въ книжкахъ нѣмецкаго вѣроучителя даются совѣты и указанія насчетъ, такъ называемой, „концентраціи“, т. е. сосредоточенія въ самомъ себѣ — родъ „умной молитвы“, какъ говорятъ у насъ благочестивые люди изъ народа. Это рекомендуется продѣлывать каждый день. И такая концентрація должна состоять не только въ само-исповѣди, въ подготовленіи себя къ „дѣйственному“ добру; но, полагаю я — и въ думахъ о томъ: что ожидаетъ тебя, когда ты сбросишь съ себя тѣлесную оболочку?

Если не ошибаюсь, они смотрятъ и на сонъ, и на сонныя грезы, какъ на такое состояніе, когда духовное наше „я“ улетаетъ изъ человѣческаго организма. У нихъ есть такіе догматы, какъ признаніе „кармы“ и „астральнаго тѣла“, т. е. тѣхъ особенныхъ моментовъ въ психической жизни, когда (все равно, какъ въ медіумическихъ явленіяхъ, въ каталепсіи, гипнозѣ, раздвоеніи личности) психія человѣка отдѣляется отъ тѣла. Это вѣдь — древнее вѣрованіе браманизма. И Сакія Муни, т. е. Будда, удержалъ его, чтобы привлечь къ своему новому ученію массы народа.

Сторонники теософіи, даже и въ послѣдней ея фазѣ — должны признавать и, такъ называемый, „палингенезисъ“ — по-славянски выражаясь: „паки бытіе“ — т. е. возрожденіе

человѣческаго я въ рядѣ послѣдовательныхъ существованій. Какая-нибудь дама, англійская лэди, или русская тайная совѣтница — и вдругъ ей представится, что въ ней ожила душа Маріи Магдалины, или Маріи Стюартъ!...

Читалъ я недавно, что та преемница нашей русской дамы, которая считается теперь главой англо-индѣйской общины, привезла изъ Индіи какого-то мальчика, котораго стала выдавать за воплощеніе чуть не самого Будды. Кажется, нѣмецкій вѣроучитель и отдѣлился отъ нея, послѣ того, какъ мальчика отдали въ какой-то колледжъ, и онъ оказался тамъ съ очень печальными наклонностями...

Но, такъ или иначе, моя сосѣдка (если только она то, что я предполагаю) должна быть отзывчива на то, что для моей милой хохлуши, приговоренной къ скорому концу, до сихъ поръ, какъ семинаристы любятъ выражаться: „темна вода во облацѣхъ небесныхъ“.

Навѣрно, у насъ съ ней выйдетъ разговоръ, въ этомъ родѣ, при чемъ я, конечно, не буду подвергать ее ни прямому, ни косвенному допросу. Это должно сдѣлаться само собою.

VII.

Точно она сама почувствовала, что я о ней думалъ эти дни, и вдругъ говоритъ мнѣ, когда мы, послѣ завтрака, вышли на крытую галлерею:

— Вы допускаете то̀, что̀ называется телепатіей?

— Самъ не испыталъ; а были производимы опыты, и даже цѣлая школа французскихъ ученыхъ занималась этимъ,— отвѣтилъ я въ совершенно серьезномъ тонѣ.

— И передача мыслей безъ словъ?

— И этого самъ не продѣлывалъ.

— А вотъ вчера... представьте себѣ... мнѣ вдругъ пришло на мысль, что вы обо мнѣ думаете, и даже что̀ именно...

— Что же?—заинтересованно спросилъ я ее.

— Главная мысль была въ родѣ вопроса: какъ я— именно я, а не кто-либо другой — гляжу на нашу земную жизнь и какой признаю видъ загробнаго существованія?..

— Неужели?

Это дало мнѣ какъ бы нѣкоторый внутренній „токъ“.

— Скажите, было что-нибудь похожее на это?

— Если хотите—было.

— Когда же?

— Да и вчера...

— Вечеромъ?

Я сообразилъ и твердо отвѣтилъ:

— Да, къ вечеру.

— Вотъ видите...

И, помолчавъ, она подняла на меня свои вдумчивые глаза и прибавила потише:

— Что-нибудь это да значитъ.

— Можетъ быть...

И я воспользовался этимъ тотчасъ же, не затѣмъ, чтобы продолжать разговоръ о телепатіи, а чтобы перевести его на тему: чего она ждетъ послѣ своего тѣлеснаго ухода изъ жизни?

— Да, я не стану скрывать отъ васъ, — заговорилъ я другимъ, болѣе задушевнымъ тономъ, — что я именно думалъ о васъ въ такомъ направленіи. Я не знаю: какого религіознаго или иного credo вы держитесь; принадлежите ли вы къ какому-нибудь ученію... Но мнѣ стало сдаваться, что вы изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, передъ которыми стоитъ вопросъ: „быть или не быть“...

— Въ какомъ смыслѣ? — остановила она меня.

Я ей объяснилъ, какъ я разумѣю вопросъ датскаго принца.

— Другими словами, — продолжалъ я, — ждете ли вы того, что обѣщаетъ символъ вѣры, чаете ли вѣчной жизни, и какой? Или допускаете что-нибудь другое: совсѣмъ новую форму бытія — индивидуальнаго, или общаго, собирательнаго?

Она слушала меня съ опущенной головой, и лицо ея становилось блѣднѣе. Видно было, что я попалъ въ точку, что такой вопросъ для нея — нѣчто гораздо болѣе близкое и знакомое, чѣмъ для огромнаго большинства мужчинъ и женщинъ, вѣрующихъ въ жизнь вѣчную, за предѣлами могилы. Это меня скорѣе порадовало: я не могу иначе назвать чувства, сразу оживившаго меня.

— Стало... я былъ правъ, думая о васъ?

— Да-а, — протянула она.

— Но не хочу быть нескромнымъ, — поспѣшилъ оговориться я, — проникать кому-нибудь въ душу...

— Почему же? Знаете, я давно нахожу, что мы, русскіе, слишкомъ боимся такихъ бесѣдъ, въ которыхъ и есть только настоящая цѣнность. Люди, и мужчины, и женщины, считаются пріятелями, друзьями. И что же? Они не знаютъ

ничего другъ о другѣ, никогда не чувствовали душевной потребности высказываться о томъ, — кто же они, какой ихъ символъ вѣры? А въ то же время, гдѣ больше, какъ у насъ, злоупотребляютъ ходячей фразой „поговорить по душѣ“.

— И даже „по душамъ“, — добавилъ я, — и мы оба тихо разсмѣялись.

— Вы угадали, — продолжала она еще искреннѣе, — вопросъ, поставленный вами, давно сталъ приходить мнѣ, какъ нѣчто, требующее чего-нибудь болѣе своего, — подчеркнула она, — отвѣчающаго на высшій запросъ души, чѣмъ обыкновенная формула, какую мы заучиваемъ съ дѣтства.

Это было уже прямое указаніе, что со мною бесѣдуетъ женщина съ особымъ пониманіемъ міра. Но я все-таки воздержался отъ вопроса, кто она: теософка, или принадлежитъ къ какому-нибудь другому толку?

— Жить — ждать, — выговорилъ я, взглянувъ на нее.

— Какъ это хорошо сказано! Да! Жить — ждать... И для меня, ждать чего-нибудь такого, что должно произойти, не случайно, не въ видѣ чуда, а на основаніи вѣчныхъ законовъ вселенной, гдѣ человѣкъ призванъ, въ своемъ „я“, даже и при жизни проходить черезъ такія состоянія, которыя могутъ давать ему предвкушеніе другого бытія...

— Астральное тѣло? — выскочилъ у меня вопросъ, совершенно противъ воли.

Она пристальнѣе взглянула на меня и улыбнулась глазами.

— Если хотите, да. И не одно это...

Она такъ просто мнѣ отвѣтила, что я могъ считать ее сторонницей ученія, которое, въ послѣднее время, начало называться по-другому; а можетъ быть и вѣрующей въ то, что идетъ отъ покойной русской дамы, или ея преемницы?

— Значитъ, — спросилъ я, — вы считаете допустимымъ состояніе нашего сознанія — внѣ физическаго организма?

— Допускаю, — также просто выговорила она.

— И такое сознаніе будетъ продолжаться на вѣчныя времена?

— Почему же нѣтъ? Отрицать это могутъ только матеріалисты... И пускай ихъ!

Она это сказала съ добродушной улыбкой и милымъ жестомъ тонкой, худенькой руки.

VIII.

Мы пробесѣдовали добрый часъ. Она, безъ сомнѣнія, изъ тѣхъ, кто „ждетъ“ и вполнѣ опредѣленно — чего-нибудь

совсѣмъ новаго, настоящаго „паки бытія“, и тамъ, за предѣлами нашей планеты, и опять на землѣ, въ какомъ-нибудь человѣческомъ я. На этомъ она, впрочемъ, не особенно настаивала.

Но она крѣпко держится того, что наше духовное существо распадается на двѣ половины, или лучше, на двѣ ступени: подсознательной жизни, обыкновенной, тѣлесной, какъ бы автоматической, и высшей подсознательности.

Это заставило меня спросить ее: не читала ли она книжки того французскаго ученаго врача, считающаго себя „монистомъ“, свободнымъ отъ какого-либо мистицизма и догматическихъ вѣрованій? Но она въ первый разъ слышала его имя. Я предложилъ ей прочесть книжку.

— Благодарю васъ, но, можетъ быть, лучше мнѣ не читать ее? Вы говорите — онъ матеріалистъ?..

— Монистъ; а это не одно и то же.

И тутъ я спросилъ ее:

— Вы никогда не интересовались марксизмомъ? Между русскими интеллигентами, это — не въ рѣдкость...

— Нѣтъ. Я знаю, въ чемъ состоитъ эта доктрина. Но все это основано на матеріальныхъ законахъ и на, такъ называемомъ, классовомъ чувствѣ. Это ничего не говоритъ моей душѣ...

— И я не принадлежу къ этой фракціи; но мнѣ вотъ сейчасъ вспомнился одинъ афоризмъ, который послѣдователи автора „Капитала“ часто приводятъ...

— Что же это?

— Сначала бытіе; потомъ уже сознаніе, а не наоборотъ.

— Въ какомъ же это смыслѣ?

— Даже если признавать высшую подсознательность нашей души, то надо, чтобы первоначально въ ней была извѣстная форма бытія, которое и доложится нашему сознанію.

Она покачала головой.

— Безъ сознанія не можетъ быть никакой жизни, — вымолвила она, точно про себя.

— Значитъ, оно будетъ существовать безъ всякаго бытія? Въ этомъ-то и состоитъ тайна, которую нашему пониманію разрѣшить нельзя.

Подъ самый конецъ нашей бесѣды я спросилъ ее:

— Вы любите Меттерлинка?

— Да, — очень.

— Читали вы то, что онъ писалъ о смерти?

— Читала.

— Онъ тоже ждетъ, послѣ земной жизни, новой формы нашего я; онъ тоже ставитъ сознаніе высшимъ моментомъ загробнаго бытія.

— Да, я вспомнила...

— Но за что держится наше сознаніе, т. е. чувство нашей личности, ея единство и продолженіе въ пространствѣ и времени? Исключительно за память. А тотъ же Метерлинкъ говоритъ объ этой душевной способности, какъ о самой хрупкой, несостоятельной, такой, которой мы можемъ лишиться походя, помимо тѣхъ случаевъ, когда она совсѣмъ исчезаетъ, еще при жизни.

— Это здѣсь! А будетъ ли также и тамъ? — она подняла вверхъ голову. — Мы не знаемъ.

На этомъ мы пожали другъ другу руку.

. . . . . .

Не прошло и трехъ недѣль съ этой бесѣды, и я уже — въ постели, и только сегодня я былъ въ силахъ поставить на согнутыя колѣни папку и взять перо, чтобы записать то, съ чѣмъ я, быть можетъ, уже ухожу изъ жизни.

Какимъ образомъ это такъ быстро подоспѣло?

„Очень просто“ — какъ любятъ говорить у насъ добрые люди.

У меня и тогда, когда я началъ эти записи, было такое чувство, что я уже, въ нѣкоторомъ родѣ, обреченный. Моя каверна стала заживать, и вдругъ, гдѣ-то меня продуло, и началась новая музыка. И опять понадобилась операція — универсальная панацея нашего санаторія. Я сначала протестовалъ. Зачѣмъ цѣпляться за жизнь? Если новая операція и окажется удачной, вѣдь она меня не исцѣлитъ? Еще одинъ-два лѣчебныхъ сезона, и все-таки придетъ конецъ. И хорошо еще, коли быстрый, а вдругъ потянутся годы лежанія, съ отсчитываніемъ безконечныхъ дней, съ полной потерей силъ, безъ идей, безъ работы, съ утратой всякихъ, даже органическихъ, инстинктовъ и позывовъ?..

Брръ! Ни за что!

Но я почему-то уступилъ консиліуму нашихъ эскулаповъ; не изъ страха смерти, нѣтъ! Просто, не хотѣлось дѣлать изъ этого вопросъ, придавать этому какое-либо особенное значеніе. Операція, такъ операція! И я согласился. Для меня въ ней не было ничего новаго и жуткаго. Про-

цедура — та же самая. Я ее вынесъ хорошо. И дня два чувствовалъ себя очень легко. Давно не испытывалъ такого самочувствія.

Но потомъ, весь habitus сразу перевернулся. И дѣлалось все хуже. Мой врачъ повѣсилъ носъ. Придумали еще что-то героическое.

Но тутъ я сказалъ:

— Не желаю! Оставьте меня спокойно умереть.

А имъ совсѣмъ не желательно, чтобы въ ихъ знаменитомъ заведеніи случались покойники. Какъ имъ угодно. Но я самъ себѣ поставилъ діагнозъ: можетъ, протяну зиму, а дальше первыхъ дуновеній весны — не продержусь.

И на меня нашло какое-то особое состояніе покоя и неустрашимости. Вотъ она — душевная неприкосновенность греческихъ мудрецовъ, которая можетъ перейти въ абсолютную „атараксію“, когда пробьетъ послѣдній мигъ земного бытія.

И я не сталъ больше тревожить себя мучительнымъ гамлетовскимъ вопросомъ: „быть или не быть?“ И „быть можетъ: грезить?“

Я послалъ сегодня утромъ за моей сосѣдкой. Она нѣсколько разъ уже навѣщала меня.

Вотъ сейчасъ я ей сказалъ — „въ здравомъ умѣ и твердой памяти“, какъ пишутъ въ завѣщаніяхъ:

— Милая соотечественница! Жить — ждать; и я вѣрю, что и меня, и васъ, и всѣхъ ждетъ нѣчто. И мнѣ отрадно сознавать, что я хоть однимъ глазкомъ проникну въ великую тайну бытія. Не можетъ быть, чтобы судьба всей вселенной сводилась къ земной долѣ такихъ бѣдныхъ созданій, какъ всѣ мы, двуногія существа!..

Больше мнѣ здѣсь нечего прибавить.

П. Боборыкинъ.

Май 1916 г.
Лугано.

* * *

... Вѣчно время... Только время...
Я не знаю — ночь, иль день?
Потерялъ во тьмѣ я стремя,
Ускакалъ мой конь, какъ тѣнь.

Я одинъ... А гдѣ жъ другіе?
Поднимаюсь, рвусь, зову...
Можетъ быть, я въ летаргіи?
Можетъ быть, я не живу?

Голосъ мой какъ будто сдавленъ.
Мысль, плѣненная, безъ силъ...
Я задушенъ... Я отравленъ
Ядомъ тлѣнья и могилъ!

Семенъ Ѳоминъ.

НОВЫЯ СТРОФЫ „ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА“.

Какъ извѣстно, печатая „Евгенія Онѣгина“, Пушкинъ замѣнялъ иногда текстъ пропущенныхъ строфъ римскими цифрами. Во всѣхъ изданіяхъ „Евгенія Онѣгина“ замѣтно вполнѣ естественное стремленіе отыскать текстъ этихъ строфъ и заполнить пробѣлы.

Найденныя строфы вставляются редакторами въ текстъ романа, и, такимъ образомъ, уменьшается число пропусковъ, сдѣланныхъ поэтомъ. Помимо этихъ строфъ, обозначенныхъ цифрою, поэтъ откинулъ множество другихъ, и вполнѣ законченныхъ, и неотдѣланныхъ, которыя не оставили слѣда въ романѣ. Эти строфы, какъ богатый матеріалъ, служатъ обширнымъ комментаріемъ къ „Евгенію Онѣгину“; помимо того, онѣ дороги намъ, какъ всякія строки Пушкина. Современными изданіями строфы эти отнесены въ примѣчанія и печатаются вмѣстѣ съ варіантами романа.

Такое распредѣленіе матеріала кажется вполнѣ правильнымъ и естественнымъ. Въ дѣйствительности же дѣло гораздо сложнѣе, и такая редакція различнаго рода пропущенныхъ строфъ грѣшитъ многими крупными ошибками.

Пушкинъ даетъ намъ объясненіе строфъ, текстъ которыхъ замѣненъ цифрой и многоточіемъ.

Онъ пишетъ: „Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ „Онѣгинѣ“, которыя я не могъ или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но, будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа, и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переплавлять и сплавливать мною сохраненныя. Но, виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсь также, что въ „Донъ-Жуанѣ“ есть двѣ выпущенныя строфы!“ — Анализъ пропущенныхъ строфъ, сохранившихъ „мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало“, подтверждаетъ и нѣсколько поясняетъ слова Пушкина. Поэтъ безусловно правъ, говоря, что эти пропущенныя строфы такъ или иначе прерываютъ связь разсказа. Но Пушкинъ „не могъ“ или „не хотѣлъ“ помѣщать ихъ въ

текстъ романа, потому что строфы эти или совсѣмъ не были написаны (напр. XXXIX, XL и XLI стр. I главы), или были не закончены, не отдѣланы, мало отвѣчали творческимъ замысламъ автора, или потому, что связь ихъ съ дальнѣйшими строфами казалась Пушкину слишкомъ шаткой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ Пушкинъ начиналъ переработку стиховъ, но эта работа не коснулась всего объема пропущенныхъ строфъ, почему возстановленіе ихъ въ основномъ текстѣ не допустимо[1]).

Что же касается строфъ, исчезнувшихъ изъ романа безслѣдно, то мы, не имѣя опоры въ свидѣтельствѣ Пушкина, должны основываться на личныхъ наблюденіяхъ. Правда, руководящую нить даютъ намъ отчасти тѣ же слова поэта. Говоря о необходимости поставить цифру на мѣсто той строфы, которая, „будучи выпущена, прерываетъ связь разсказа", Пушкинъ даетъ намъ право сдѣлать обратный выводъ: не „означается мѣсто, гдѣ быть ей надлежало" той строфы, которая, „будучи выпущена", не „прерываетъ связь разсказа". Такимъ образомъ, мы приходимъ къ выводамъ, что Пушкинъ отмѣчалъ цифрой только тѣ строфы, пропускъ которыхъ прерывалъ связь въ ходѣ романа и, наоборотъ, безслѣдно вычеркивалъ лишнія строфы, независимо отъ ихъ художественнаго достоинства[2]).

На основаніи всего сказаннаго мы считаемъ, что возстановленіе пропущенныхъ строфъ, невѣрное въ принципѣ, влечетъ за собою рядъ ошибокъ. Дѣйствительно, возможно ли возстановить недописанную или совсѣмъ ненаписанную строфу? Возможно ли вставить строфу, часть которой вошла въ составъ другой строфы? Наконецъ, какъ разобраться во множествѣ зачеркнутыхъ варіантовъ черновой строфы, и не будетъ ли произвольнымъ выборъ того или иного варіанта? Однимъ словомъ, возстановленіе пропущенныхъ строфъ связано не только съ нарушеніемъ воли художника, но и съ собственной композиціей редактора-автора.

Рукописи „Евгенія Онѣгина" еще мало изучены, и намъ уда-

---

[1]) Между тѣмъ, если Пушкинъ, по его выраженію, лѣнился „переплавливать и сплавливать строфы", то за Пушкина производили эту работу его изслѣдователи, соединившіе, между прочимъ, два наброска двухъ различныхъ строфъ въ одну строфу (такая строфа напечатана въ основномъ текстѣ первой главы: „Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной привлечь благочестивый взоръ" etc).

[2]) Такъ, Пушкинъ исключилъ изъ третьей главы строфу „Сокровища родного слова, замѣтятъ важные умы, для лепетанія чужова безумно пренебрегли мы"... Очевидно, поэтъ дорожилъ этой строфой, такъ какъ помѣстилъ ее въ альбомъ Онѣгина (альбомъ былъ впослѣдствіи также уничтоженъ, и эта строфа не увидѣла свѣта при жизни Пушкина).

лось найти не только отдѣльные стихи, но и нѣсколько цѣлыхъ строфъ, которыя мы и приводимъ въ настоящемъ очеркѣ.

Наиболѣе интересныя строфы, найденныя нами, относятся къ IV главѣ, къ главѣ VII и къ „Путешествію Онѣгина“.

IV ГЛАВА.

Третья глава кончается встрѣчей Онѣгина съ Татьяной, и Пушкинъ предполагалъ начать IV главу „исповѣдью“ Онѣгина. Но изъ обширной исповѣди поэтъ выдѣлилъ нѣкоторыя строфы, при чемъ четыре изъ нихъ тщательно отдѣлалъ, перенесъ въ начало главы и напечаталъ въ „Московскомъ Вѣстникѣ“ подъ заглавіемъ: „Женщины“. Отрывокъ изъ „Евгенія Онѣгина“. Печатая же „Евгенія Онѣгина“, поэтъ началъ IV главу VII строфой, обозначивъ передъ ней пропускъ шести строфъ. Этотъ пропускъ тѣмъ менѣе понятенъ, что въ чистовой рукописи первыя четыре строфы зачеркнуты, на существованіе же другихъ двухъ строфъ нѣтъ никакого намека. Исключеніе изъ печатной редакціи четырехъ строфъ понятно, такъ какъ между ними и слѣдующими строфами не замѣтно прочной связи. Возможно, что Пушкинъ обозначилъ пропускъ еще двухъ строфъ (V и VI), которыя должны были служить необходимымъ связующимъ звеномъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ написано начало, оно мало подходило къ главѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ могъ считать его необходимымъ для хода романа, такъ какъ первыя строфы, хотя и содержали лирическое отступленіе, но въ то же время давали освѣщеніе жизни и исповѣди Онѣгина. Быть можетъ, говоря о шести пропущенныхъ строфахъ вмѣсто четырехъ, Пушкинъ вспомнилъ о двухъ черновыхъ строфахъ?

Первая изъ этихъ строфъ была до сихъ поръ совершенно неизвѣстна, и мы извлекаемъ ее изъ 2370 тетради Румянцовскаго Музея. Читается она такъ:

Признаться ль вамъ, я наслажденье
Въ то время чувствовать умѣлъ;
Мнѣ было мило ослѣпленье,
Объ немъ я нынѣ пожалѣлъ,
Но я заманчивой загадкой
Не долго мучился украдкой;
И какъ же помогли онѣ? —
Шепнули сами слово мнѣ,
Давно извѣстное по свѣту

И даже никому давно
Ужъ не казалось (и) смѣшно.
(Я разгадалъ загадку эту) [1]),
Сказалъ я: только то, друзья,
Куда какъ недогадливъ я!

Явно чувствуется незаконченность этой строфы, и гораздо болѣе законченный видъ имѣетъ другая строфа:

Страстей мятежныя заботы
Прошли, не возвратятся вновь;
Моей безчувственной дремоты
Не возмутитъ уже любовь.
Пустыя красоты порока
Блестятъ и нравятся до срока.
Пора проступки юныхъ дней
Загладить жизнію моей!
Молва, играя, очернила
Мои начальныя лѣта,
Ей подмогала клевета
И дружбу только что смѣшила;
Но, къ счастью, судъ — слѣпой
Опровергается порой.

Изъ этой строфы были извѣстны только отдѣльные стихи, да и то прочтенные невѣрно и въ перепутанномъ порядкѣ [2]).

Молва, играя, очернила,
Не разъ меня не пощадила
Ей подмогала клевета...

Страстей мятежныхъ заблужденья
Прошли, не возвратятся вновь,
Мои безчувственны...
. . . . . Красотка порока
Блеститъ и нравится до срока...
Пора проступки юныхъ дней
Загладить жизнію моей!

(Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, мы цитируемъ по изд. „Просвѣщенія“ подъ редакціей П. О. Морозова вслѣдствіе того, что это изданіе является и наиболѣе полнымъ и наиболѣе провѣреннымъ.)

---

[1]) Въ прямыхъ скобкахъ мы ставимъ стихи и слова, зачеркнутыя въ рукописи Пушкина.

[2]) Эта самостоятельная строфа, въ качествѣ набросковъ къ III строфѣ, имѣетъ въ современныхъ изданіяхъ такой видъ:

Столь же крупнымъ измѣненіямъ подверглась и середина IV главы. По первоначальной редакціи, послѣ XXIII строфы шла строфа, начинавшаяся словами: „Увы, Татьяна увядаетъ“. На вопросъ старушки Лариной, сосѣди совѣтовали ей „въ Москву подняться всей семьей“, въ надеждѣ, что тамъ „въ толпѣ большого свѣта Татьянѣ сыщется женихъ, Милѣй иль счастливѣй другихъ“. Слѣдующая строфа начиналась словами: „Не въ первой разъ моей Татьянѣ Ужъ назначали жениховъ“. Но эта послѣдняя строфа осталась неотдѣланной, и Пушкинъ вмѣсто нея написалъ другую: „Старушка очень полюбила Благоразумный ихъ совѣтъ“, которая непосредственно примыкала къ первоначальной редакціи XXIV строфы. Стояла „скучная пора“ — осень, и Ларина рѣшила ѣхать, „какъ только будетъ зимній слѣдъ“. Послѣ описанія осени, Пушкинъ посвящаетъ двѣ строфы веснѣ и лѣту („Когда повѣетъ къ намъ весною“ и „Что наше сѣверное лѣто“). Написавъ уже эти строфы, поэтъ вставляетъ повѣствованіе о Ленскомъ и Ольгѣ и соотвѣтственно съ этимъ зачеркиваетъ вторую половину строфы „Увы, Татьяна увядаетъ“ и пишетъ новую редакцію зачеркнутыхъ стиховъ. Вслѣдствіе этого отпадаютъ и слѣдующія строфы. Но, когда поэтъ, послѣ описанія лѣтней инеии Онѣгина, подходитъ къ описанію осени, онъ возвращается къ строфамъ „Старушка очень полюбила“ и „Что наше сѣверное лѣто“ и соединяетъ ихъ въ одну строфу. Такимъ образомъ, мы имѣемъ почти двѣ отпавшія строфы, донынѣ извѣстныя только отдѣльными стихами.

Первоначально XXIX строфа читалась:

„Старушка очень полюбила
Благоразумный ихъ совѣтъ,
Въ столицу ѣхать положила,
Какъ только [будетъ] зимній слѣдъ.
Ужъ небо осенью дышало,
Ужъ рѣже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась;
Ложился на поля туманъ,
Гусей крикливый караванъ
Тянулся къ югу; приближалась
[Довольно] скучная пора:
[Стоялъ ноябрь] ужъ у двора!

Послѣ этого Пушкинъ продолжаетъ:

Когда повѣетъ къ намъ весною,
И небо вдругъ оживлено,

Люблю поспѣшною рукою
Двойное выставить окно.
Съ какимъ-то грустнымъ наслажденьемъ
Я упиваюсь дуновеньемъ,
[Живой] прохладой; но весна
У насъ не радостна — она
Богата грязью, не цвѣтами;
Напрасно манитъ жадный взоръ
Луговъ плѣнительный узоръ,
Не свищетъ ночью надъ водами
Пѣвецъ — и вмѣсто розъ
Въ поляхъ [1]) растопленный навозъ —

Разсказавъ о веснѣ, поэтъ переходитъ къ описанію нашего лѣта и говоритъ:

„Что наше сѣверное лѣто?
Карикатура южныхъ зимъ.
Мелькнетъ и нѣтъ — извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Мы точно пасынки природы:
Питомцы вѣчной непогоды,
Съ зимою только дружны мы,
[Мы] [знаемъ только хладъ зимы]".

Вмѣсто второго четверостишія Пушкинъ пишетъ другое, и строфа въ черновыхъ набросках принимаетъ такой видъ:

„Что наше сѣверное лѣто? —
Карикатура южныхъ зимъ.

---

[1]) Незачеркнутый варіантъ: Одинъ растопленный навозъ.

Приведенная строфа относилась до сихъ поръ къ наброскамъ II строфы VII главы и была передана въ такомъ видѣ:

„Когда повѣетъ къ намъ весною,
И небо вдругъ оживлено,
Люблю поспѣшною рукою
Двойное выставить окно.
Я упиваюсь дуновеньемъ
Живой прохладой первыхъ дней
. . . . . .
. . . . . но весна —
У насъ не радостна она,
Богата грязью, — не цвѣтами;
Пѣвецъ . . . . . .
Напрасно [ищетъ] манитъ жадный взоръ
Луговъ пестрѣющій узоръ...
Одинъ растопленный навозъ...

Мелькнетъ и нѣтъ — извѣстно это,
Хоть мы признаться не хотимъ.
Не шумъ дубравъ, не тѣнь, не розы,
Въ удѣлъ намъ отданы морозы,
Метель, свинцовый сводъ небесъ,
Безлиственный, сребристый лѣсъ,
[Пустыни] ярко-[снѣговыя],
Гдѣ свищутъ подрѣзы саней,
Вотъ слава пасмурныхъ ночей:
Кибитки, пѣсни удалыя,
Двойныя стекла, банный паръ,
Халатъ, лежанка и угаръ“ [1]).

VII ГЛАВА.

Очень интересна строфа седьмой главы, до сихъ поръ совершенно неизвѣстная, которая, судя по черновикамъ, примыкала къ XXIV строфѣ. XXIV строфа читается такъ:

„И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе — слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной;

---

[1]) Въ строеніи этой строфы изслѣдователи совсѣмъ не разобрались и въ примѣчаніяхъ къ XI строфѣ дали такое чтеніе:

Мы — точно пасынки природы:
Питомцы вѣчной непогоды,
Съ зимою только дружны мы.
Не шумъ дубравъ, не тѣнь, не розы,
Снѣга, трескучіе морозы,
. . . . въ удѣлъ намъ отданы.
Метель, свинцовый сводъ небесъ,
Безлиственный, сребристый лѣсъ,
Пустыни ярко-снѣговыя,
Гдѣ свищутъ подрѣзы саней
По слѣду ухарскихъ коней
. . . . . средь ночей,
Кибитки, пѣсни удалыя,
Вотъ наша область, наша слава!
А дома..,
Двойныя стекла, банный паръ,
Халатъ, лежанка и угаръ.

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?..
Ужъ не пародія ли онъ?

Въ слѣдующей строфѣ Пушкинъ непосредственно переходилъ къ описанію путешествія Онѣгина, говоря:

Но мы съ открытіемъ поздравимъ
Татьяну милую мою —
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть о комъ пою.
Убивъ неопытнаго друга,
Томленье [сельскаго] досуга,
Не могъ Онѣгинъ одолѣть —
[Рѣшился онъ въ кибитку сѣсть]. —
Раздался колокольчикъ звучный,
Ямщикъ ударилъ, засвисталъ,
И нашъ Онѣгинъ поскакалъ
[Искать отрады жизни] скучной
По отдаленнымъ [сторонамъ],
Куда, не зная точно самъ.

Но измѣнивъ планъ романа, Пушкинъ отказался отъ этой строфы и, вмѣсто описанія путешествія Онѣгина, разсказалъ объ одиночествѣ Татьяны, о томъ, какъ Ларины поѣхали въ Москву, и о томъ, какъ встрѣтила Москва Татьяну. И только въ концѣ главы поэтъ снова возвратился къ пропущенной строфѣ и взялъ первое четверостишіе ея для начала послѣдней строфы VII главы, замѣнивъ слова „открытіе“ — „побѣдой“.

Но здѣсь съ побѣдою поздравимъ
Татьяну милую мою,
И въ сторону свой путь направимъ,
Чтобъ не забыть о комъ пою...

Но не только одинъ этотъ поворотъ поэтической мысли привлекъ поэта, — и вся строфа была дорога ему, и, отказавшись отъ нея въ цѣломъ видѣ, Пушкинъ еще разъ воспользовался ея отдѣль-

ными стихами въ началѣ главы Путешествія Онѣгина [1]). Послѣдніе восемь стиховъ никуда не вошли и впервые появляются въ нашемъ очеркѣ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ОНѢГИНА.

Восьмая глава и путешествіе Онѣгина имѣютъ очень сложную исторію. Отбросивъ изъ VII главы строфу, въ которой начинался разсказъ о путешествіяхъ Онѣгина, Пушкинъ возвратился къ своему замыслу въ VIII главѣ и посвятилъ странствіямъ своего героя всю главу. Но, написавъ уже слѣдующую главу, девятую, поэтъ, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, уничтожилъ VIII главу, а IX назвалъ VIII. Часть строфъ вычеркнутой главы вошла въ текстъ бывшей IX главы, часть отпала совсѣмъ, часть была выдѣлена въ приложеніе къ роману подъ названіемъ „Отрывки изъ путешествія Онѣгина“. Такимъ образомъ, очевидно, что нѣтъ возможности возстановить текстъ этой главы, уничтоженной Пушкинымъ. Между тѣмъ современныя изданія возстанавливаютъ „Путешествіе Онѣгина“, совершая при этомъ цѣлый рядъ ошибокъ. Важнѣйшей ошибкой является пропускъ первыхъ строфъ странствія Онѣгина. Въ распространенныхъ въ настоящее время изданіяхъ эта глава начинается невѣрно переданной первоначальной редакціей строфы:

Предметомъ ставъ сужденій шумныхъ,
Неловко, согласитесь въ томъ,
Между людей благоразумныхъ
Прослыть притворнымъ чудакомъ,
Какимъ-то квакеромъ, масономъ,
Иль доморощеннымъ Байрономъ,
Иль даже Демономъ моимъ.
Онѣгинъ [вновь займуся имъ],
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Убивъ на поединкѣ друга,
Томясь въ объятіяхъ досуга,
Безъ службы, безъ жены, безъ дѣлъ,
Быть чѣмъ-нибудь давно хотѣлъ.

---

[1]) Когда же путешествіе было уничтожено, стихи эти вошли въ XII строфу восьмой главы:

Онѣгинъ [вновь займуся имъ],
Убивъ на поединкѣ друга,
Доживъ безъ цѣли, безъ трудовъ
До двадцати шести годовъ,
Томясь въ бездѣйствіи досуга...

Въ дѣйствительности же въ первоначальный составъ „Путешествія“ входило, по крайней мѣрѣ, еще четыре строфы. Изъ этихъ начальныхъ строфъ первая была передѣлана для IX строфы VIII главы. До сихъ поръ невозможно возстановить тотъ видъ, какой она имѣла въ „Путешествіи“ [1]).

Остальныя три строфы читались въ рукописи такъ:

Блаженъ, кто въ юности былъ молодъ,
Блаженъ, кто во-время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался,
Кто черни свѣтской не чуждался,
Кто въ 20 лѣтъ былъ франтъ и хватъ,
А въ 30 выгодно женатъ; —
Кто въ 50 освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ,
Кто доброй славы и чиновъ
Спокойно въ очередь добился,
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N N прекрасный человѣкъ.

* * *

Блаженъ, кто понялъ голосъ строгой
Необходимости земной;
Кто въ жизни шелъ большой дорогой,
Большой дорогой столбовой;
Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился,
Кто зналъ, затѣмъ онъ въ свѣтъ явился,
И Богу душу передалъ,

---

[1]) Въ VIII главѣ она читается:

— Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ,
Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важенъ вздоръ
И что посредственность одна
Намъ по плечу и не странна?

Какъ откупщикъ [иль] генералъ,
„Мы рождены, сказалъ Сенека,
Для пользы ближнихъ и своей“ —
(Нельзя быть проще и яснѣй).
Но тяжело, проживъ полвѣка,
Въ минувшемъ видѣть только слѣдъ.
Утраченныхъ, безплодныхъ лѣтъ.

* * *

Несносно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осени гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою,
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній ни страстей.

Среднюю строфу поэтъ исключилъ вовсе, другія же двѣ, съ незначительными измѣненіями, вошли въ VIII главу, какъ X и XI строфы.

Не былъ отмѣченъ до сихъ поръ и другой пропускъ — въ пребываніи Онѣгина на Кавказѣ. Рукописи Пушкина говорятъ о трехъ строфахъ, которыя поэтъ замѣнилъ въ печати одной строфой

Онъ видитъ, Терекъ своенравный
Крутые роетъ берега;
Предъ нимъ паритъ орелъ державный,
Стоитъ олень, склонивъ рога;
Верблюдъ лежитъ въ тѣни утеса,
Въ лугахъ несется конь черкеса,
И вкругъ кочующихъ шатровъ
Пасутся овцы калмыковъ;
Вдали — Кавказскія громады:
Къ нимъ путь открытъ. Пробилась брань
За ихъ естественную грань,
Чрезъ ихъ опасныя преграды:
Брега Арагвы и Куры
Узрѣли русскіе шатры.

Первоначально вмѣсто этой строфы были написаны двѣ другія, чтеніе которыхъ мы и приводимъ:

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Вдали Кавказскія громады,
[Къ нимъ путь открытъ] — чрезъ ихъ преграды
За ихъ естественную грань,
Съ копьемъ — — промчалась брань.
Авось ихъ дикою красою
Случайно тронутъ будетъ онъ.
И вотъ, конвоемъ окруженъ,
Вослѣдъ за пушкою степною,
Въ предверьи горъ, въ ихъ мрачный кругъ
[Вступилъ Онѣгинъ] — — вдругъ.

* * *

Онъ видитъ: Терекъ разъяренный
Трясетъ и точитъ берега;
Надъ нимъ съ чела скалы нагбенной,
Виситъ олень, склонивъ рога;
Обвалы сыплются и блещутъ,
Вдоль скалъ прямыхъ потоки хлещутъ,
Межъ горъ, межъ двухъ — — — стѣнъ
Идетъ ущеліе, стѣсненъ —
Опасный путь все уже-уже,
Вверху чуть видны небеса,
Природы мрачная краса
Вездѣ являетъ дикость ту же!
Хвала тебѣ, сѣдой Кавказъ,
Онѣгинъ тронутъ въ первый разъ.

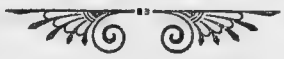
Къ сожалѣнію, какъ видно изъ приведеннаго нами чтенія, въ первой строфѣ недостаетъ четырехъ начальныхъ стиховъ. Разсказавъ о томъ, какъ Онѣгинъ впервые тронутъ былъ Кавказомъ, Пушкинъ обращается къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ о Кавказѣ, которымъ и посвящаетъ слѣдующую строфу („Во время оное, былое“). Мы не приводимъ этой строфы, такъ какъ чтеніе ея, въ виду множества зачеркнутыхъ словъ и стиховъ, можетъ быть дано только въ точной транскрипціи (иначе чтеніе ея будетъ слишкомъ произвольнымъ).

Мы далеко не исчерпали всѣхъ новостей текста порпущенныхъ

строфъ „Евгенія Онѣгина“, ибо стремились дать связное и безспорное чтеніе.

Мы придерживаемся принципа, что черновыя строфы можно давать только въ полной транскрипціи, извлеченіе же изъ транскрипціи законченнаго чтенія можетъ быть всегда только болѣе или менѣе приблизительно. Менѣе произвольны будутъ тѣ строфы, въ которыхъ мало или совсѣмъ нѣтъ незачеркнутыхъ варіантовъ; въ обратномъ случаѣ выборъ варіанта будетъ всегда произвольнымъ и субъективнымъ. Чтеніе черновыхъ строфъ, извлекаемое изъ множества сплошь зачеркнутыхъ черновиковъ, всегда настолько приблизительно, что такія строфы нельзя давать иначе, какъ въ полной и безукоризненной транскрипціи.

М. Л. Гофманъ.



* * *

Да, мы тоскуемъ и страдаемъ,
Жжетъ пламя насъ всеобщихъ бѣдъ,
Но всѣ мы вѣримъ, всѣ мечтаемъ
И сердцемъ чуемъ, сердцемъ знаемъ:
Ужъ близокъ день родныхъ побѣдъ.

Въ дыму и пламени сраженій
Отвагой доблестныхъ бойцовъ
Сметемъ мы въ вихрѣ наступленій
Гордыню дерзкихъ замышленій
И натискъ яростный враговъ.

Въ Россіи, лаврами вѣнчанной,
Защитникъ родины — народъ
Тогда весны благоуханной,
Зари святой, обѣтованной
Увидитъ радостный восходъ.

М. Ватсонъ.

МОРКВАШИНСКАЯ КОЛОНІЯ.

Передъ каникулами въ квартирѣ Иващенко обычно собирались учителя. Такъ уже было заведено издавна, что разъ въ году всѣ оглядывали — какъ съ вершины горы — свою жизнь: давали отчетъ въ прошломъ и строили планы будущаго...

Въ остальное время года раздумывать о жизни было некогда. Сѣрые трудовые дни однообразно проходили за суетой, уроками, иногда развлеченіями. Только каникулы оставались свѣтлымъ желаннымъ праздникомъ.

Въ квартирѣ стоялъ милый учительскій радостный безпорядокъ. Приносили въ складчину, кто что могъ, — и большой некрашеный столъ былъ заваленъ бумажными пакетиками. Нѣкоторые примостились за классной черной партой и прямо изъ круглаго берестоваго кузовка ѣли лѣсную кисловато-душистую землянику, купленую у слободской крестьянки. Другіе за недостаткомъ стульевъ сидѣли на окнахъ. Шумно спорили, курили и въ разговорахъ — не замѣчая — втыкали окурки прямо въ вазонъ съ чахнущимъ невзрачнымъ фикусомъ.

Хозяинъ, Николай Ильичъ Иващенко, добрый словоохотливый старичекъ, прослужившій учителемъ почти тридцать лѣтъ, суетливо бѣгалъ изъ столовой въ кухню, гдѣ хлопотала его жена. Наивно, по-дѣтски, онъ одергивалъ мѣшковатый пиджакъ съ отвисшими отъ тетрадокъ карманами, шаркалъ скрипучими сапогами по полу и слабогрудымъ, изношеннымъ въ работѣ голосомъ говорилъ:

— Вотъ еще попробуйте-ка!.. Марь Петровна моя наварила да напекла разныхъ причудъ... Пташки сирыя!.. Не стѣсняйтесь, — чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!..

Лиловыя старческія глазницы его тепло и ласково озарялись. И весь онъ походилъ на древняго-древняго патріарха, уважаемаго въ его семьѣ.

— Ахъ, вы — юбиляръ нашъ, юбиляръ!.. — нѣжно сказала одна изъ сестеръ учительницъ, Зотикова старшая, Серафима Ивановна. — Славный нашъ!..

Всѣ любили Николая Ильича за то, что въ его честномъ труженичествѣ было много типично-учительскаго, не вознагражденнаго, что̀ горько чувствовалъ въ себѣ каждый.

Когда-то Николай Ильичъ мечталъ объ университетѣ, готовился экстерномъ на аттестатъ зрѣлости. Онъ жилъ тогда въ слободкѣ; въ темной покосившейся хибаркѣ снималъ за полтора рубля въ мѣсяцъ уголъ. Днями онъ за семь верстъ бѣгалъ по грошевымъ урокамъ или за книгами, доставалъ въ мѣстномъ театрѣ роли для переписки. Изъ скуднаго заработка ему еще удавалось удѣлять гроши матери. Ночами онъ сидѣлъ за логариѳмами и Цицерономъ, упражнялся въ сочиненіяхъ по словесности.

Потомъ жизнь сложилась такъ, что мысль объ университетѣ пришлось оставить. Онъ поступилъ въ сельскіе учителя. Но юношескія мечты не скоро остыли. Онъ съ увлеченіемъ занимался по вечерамъ со взрослыми, устраивалъ воскресныя чтенія, развелъ при школѣ садовой питомникъ и принималъ участье въ волостныхъ дѣлахъ. Въ кружкѣ учителей продолжалъ заниматься самообразованіемъ и составлялъ образцовую народную хрестоматію, которая такъ и не была составлена.

Все это осталось позади — какъ хорошій, яркій сонъ...

Въ деревнѣ Николай Ильичъ женился. Скоро его перевели въ городъ. Пришлось испытать острую нужду. Появились дѣти, — мальчикъ и дѣвочка. Часто передъ получкой жалованія, когда не на что было купить хлѣба или лѣкарствъ охватывало отчаяніе, и приходила мысль: не бросить ли учительство... Не пойти ли въ монополію? А на соблазнъ — какъ нарочно — нѣкоторые изъ товарищей одинъ за другимъ стали уходить изъ школъ на службу въ монополію, на вновь открываемыя, выгоднѣе оплачиваемыя мѣста. Стоять за казеннымъ оконцемъ было противно... Въ концѣ концовъ, Николай Ильичъ остался вѣренъ себѣ и учительства не бросилъ. Но жертва обошлась ему дорого. Умерли почти уже взрослыми, во время эпидеміи скарлатины, дѣти, ради которыхъ было испытано столько лишеній. Жизнь сразу опустѣла.

Онъ терпѣливо все вынесъ, — ни на кого не пенялъ ни на что не жаловался. Только на юбилеѣ, когда товарищи чествовали его и законоучитель, приходскій священникъ, перечисляя его заслуги, полѣзъ къ нему цѣловаться и ткнулся

въ лицо щекочущей бородой, онъ не выдержалъ, вспомнилъ всѣ тяготы и обиды учительской жизни и заплакалъ со словами:

— Что ужъ тамъ говорить!..

Теперь онъ всецѣло примирился съ жизнью и радушно собиралъ вокругъ себя молодежь, отдавая ей свой долгій духовный опытъ и облегчая „учительское страстотерпчество", какъ онъ выражался.

— Такъ-то, пташки мои!.. — ласково говорилъ Николай Ильичъ, обходя гостей и довольный тѣмъ, что окруженъ молодымъ веселымъ шумомъ. — Вотъ и еще годъ вынесли на плечахъ!.. Надо за каникулы запасаться силами!.. Давайте-ка думать: кто — куда?..

Каждый годъ было такъ. Гадали, рѣшали, и всегда выходило не то, что хотѣлъ бы каждый. Мѣшали планамъ какія-нибудь неожиданныя обстоятельства.

Вотъ уже третье лѣто Сергѣй Петровичъ Акрамовскій собирался ѣхать въ Финляндію, или въ Крымъ, но не было денегъ, и поѣздка откладывалась.

— Чего же, товарищи, долго думать? — сильнымъ сочнымъ баритономъ откликнулся онъ на слова Николая Ильича и поднялся съ парты... — Надо сочинить экскурсію!.. Э-эхъ, махнуть въ Финляндію и больше ничего!.. Какъ ты полагаешь, Родіонъ?

Родіонъ Васильичъ Менандровъ, къ которому онъ обратился съ вопросомъ, былъ его однокашникомъ по школѣ и пріятелемъ. Можетъ быть, противоположность характеровъ связывала обоихъ. Акрамовскій былъ строгъ до ригоризма, угрюмъ, сосредоточенъ, постояненъ. Онъ получилъ отъ товарищей кличку „трагическій философъ" за свою наклонность къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. Менандровъ — наоборотъ — жилъ мотылькомъ и не задавался никакими вопросами. Онъ былъ очень способенъ, но легкомысленъ и говорилъ про себя, что хорошее и дурное пролетаетъ черезъ его душу безъ слѣда, какъ „черезъ дудку".

Менандровъ повернулся къ пріятелю и пощипалъ кустики своей русой бородки:

— Родіонъ — имя существительное, собственное, перваго склоненія, мужескаго рода, единственное число, именительный падежъ, окончаніе твердый знакъ. Твердый — по ошибкѣ вмѣсто мягкаго, потому что отъ природы лишенъ твердости характера.

Всѣ увидѣли, что Менандровъ немного хмеленъ. И у каждаго мелькнула мысль: „Когда это онъ успѣлъ и гдѣ?“

Зотикова старшая, Серафима, вспыхнула и мучительно сжалась.

Она давно любила Менандрова. Страдала за его сумасбродства, непостоянство и другіе недостатки, боролась съ собой и все-таки не могла отдѣлаться отъ чувства. Втайнѣ надѣялась, что, можетъ быть, когда-нибудь Менандровъ отвѣтитъ ей взаимностью. Тогда она поможетъ ему стать хорошимъ семьяниномъ. Сдѣлаетъ это такъ же добросовѣстно, какъ добросовѣстно дѣлала все: поправляла ученическія тетради, шила себѣ платья, исполняла приказанія начальства и воспитывала сестру.

„Зачѣмъ онъ пьетъ?.. зачѣмъ онъ пьетъ?.. — съ тоской и жалостью мысленно повторяла она про себя.

Акрамовскій заходилъ крупными шагами по комнатѣ, заложивъ руки въ карманы пиджака.

— Что же, въ нынѣшнемъ году, можетъ быть, намъ удастся поѣхать въ Финляндію?

Оживились. Зотикова младшая, Клавдія, представила себѣ учебники географіи, Иматру — фотографія которой была у нея случайно, — скалы, море...

— Ахъ, хорошо бы!.. — воскликнула она. — Только это станетъ дорого!.. Не меньше ста рублей?..

— Пустяки!.. — убѣжденно возразилъ Акрамовскій, поворачивая къ ней угловатое мускулистое лицо... — Хватитъ и половины того... Поѣдемъ по билету четвертаго класса, — въ товарномъ...

— Восемь человѣкъ, сорокъ лошадей!.. — громко крикнулъ Менандровъ. — Въ скотскомъ вагонѣ!..

— Что жъ за бѣда, что въ скотскомъ!.. — спокойно отвѣтилъ Акрамовскій... — Если соберется достаточная компанія, то можно взять отдѣльный вагонъ... При нѣкоторомъ стараніи устроимся даже съ удобствомъ... Вообще все это не суть важно и ничего болѣе...

— Не важно для тебя!.. А вотъ для нихъ?.. — Менандровъ показалъ на учительницъ. — Имена существительныя женскаго рода нуждаются, такъ сказать, въ комфортѣ...

— На пятьдесятъ рублей невозможно!.. — говорилъ еще кто-то изъ угла. — Чтобъ съѣздить въ Финляндію да пожить тамъ, да осмотрѣть примѣчательности, — словомъ, чтобъ экскурсія вышла поучительной, да еще вернуться обратно...

— А я утверждаю, что возможно!.. — горячился Акрамовскій. — И я вамъ докажу это на собственномъ примѣрѣ...

Менандровъ молчалъ, мрачно облокотившись на столъ. Съ нимъ всегда такъ бывало. За веселымъ настроеніемъ слѣдовали взрывы тоски, — или какъ онъ называлъ ее „алкоголической меланхоліей“.

„О чемъ они спорятъ?.. — думалъ онъ. — Все равно ни Крыма, ни Финляндіи большинство изъ нихъ не увидитъ“.

Имъ вдругъ овладѣлъ хмельной задоръ. Отъ шумныхъ разговоровъ въ головѣ плыли мутные качающіеся звоны.

Онъ ожесточенно стукнулъ кулакомъ по столу:

— Э-э!.. Никуда ты, Сережка, не поѣдешь!.. И всѣ мы не поѣдемъ!.. Проторчимъ лѣто въ этой проклятой дырѣ... Да и вся наша жизнь — дыра!.. Вѣрно!.. Не видимъ ничего, не знаемъ ничего, путному не учимъ ничему!.. Разные тамъ еры да яти... А?.. Дали намъ указку и гнемъ мы по ней спину... Подлецы мы, подлецы!.. Всѣ подлецы!.. Къ чорту всѣхъ...

Въ порывѣ самобичеванія онъ еще что-то хотѣлъ сказать, но замѣтилъ, какъ Зотикова старшая вся судорожно измѣнилась отъ внутренней боли, и круто оборвалъ:

— Серафима Ивановна!.. Не смотрите такъ на меня!.. А-а!.. Чорртъ!.. Спутался я совсѣмъ!..

Никто не отнесся серьезно къ его выходкѣ. Смутно улавливали далекую правду въ его словахъ. Но такъ какъ эта правда была горькой, то не вѣрилось ей и хотѣлось думать, что его слезы — пьяныя, дешевенькія и пустыя.

Только Николай Ильичъ приблизился и успокоительно опустилъ руку на его плечо:

— Ахъ, дорогой вы мой!.. Полноте... Фундамента въ вашей жизни не положено... Точки утвержденія нѣтъ... Вотъ и бьетесь вы — какъ муха въ паутинѣ!.. Я это по себѣ знаю... Человѣкъ-то ужъ вы больно шаткій, — безъ устоя... Поддержка близкаго человѣка вамъ нужна, да-да!.. Хорошая, здоровая, можетъ быть, семейная поддержка!.. Школа жизни!..

Серафима Ивановна вспыхнула, какъ будто рѣчь шла о ней.

И чтобъ разогнать тяжелое неловкое настроеніе, навѣянное словами Менандрова, Николай Ильичъ перевелъ разговоръ на прежнюю тему:

— Что же вы пріуныли, пташки сирыя?.. Ну, — нельзя

въ Крымъ, нельзя въ Финляндію — въ другое мѣсто поѣзжайте... Матушка Россія велика... Вотъ на Волгу катайте!.. Дешево и хорошо... Право!..

Акрамовскій и Менандровъ выучили чуть ли не наизусть весь волжскій путеводитель, прежде чѣмъ выбрать мѣсто для лѣтняго поселенія.

Въ серединѣ іюня они выѣхали изъ Тузулука.

Остановились на правомъ берегу Волги, около Морквашъ... Оставивъ въ конторкѣ убогій багажъ, пошли прямо въ лѣсъ... Долго лазили по кручамъ и буеракамъ, выискивая удобный для жилья уголокъ.

Въ сосѣднемъ селѣ узнали, что лѣсъ принадлежитъ сестрамъ помѣщицамъ, старымъ дѣвамъ. Пошли къ нимъ за разрѣшеніемъ поселиться въ лѣсу.

Сестры очень удивились и приняли обоихъ за сумасшедшихъ. Потомъ узнавъ, что они учителя, много смѣялись и отнеслись къ ихъ затѣѣ сочувственно. Даже снабдили коекакими сѣменами для огорода и хозяйственными приспособленіями, — желѣзной лопаткой, топоромъ, пилой.

Выбранное мѣсто было очень живописно. Ровная высокая поляна напоминала горное плато. Вокругъ съ трехъ сторонъ стѣной поднимались старыя покрытыя бурымъ мхомъ березы, а съ четвертой открывался видъ далеко на Волгу, гдѣ маячили баржи и дымили быстро бѣгущіе пароходы.

На спускѣ къ Волгѣ выбивалъ сильный бурлящій ключъ. По земляной прокладкѣ — какъ по жолобу, — вода, журча, стекала внизъ, разсасывая бѣлые известняки.

Ближе къ берегу ключъ падалъ почти отвѣсно, образуя водопадъ. Круча зіяла птичьими и звѣринными норами. Коегдѣ по камнямъ лѣпились дубки и орѣшники, сплетая изумрудную вязь.

Устройство дачнаго жилья заняло нѣсколько дней. Желѣзной лопаткой посрѣзали, гдѣ нужно, тонкую наслойку дерна. Врыли въ землю осиновыя стойки, прибили къ нимъ гвоздями тонкія жерди, заплели вокругъ по-деревенски плетнемъ стѣны изъ хвороста, накатили навѣсъ изъ вѣтокъ и травы. А у входа повѣсили на березовомъ торчкѣ котелокъ, походный чайникъ и ржавое, купленное въ деревнѣ ведерко.

Внутри шалаша смастерили постели, разложили багажъ,—

учебники, книги для чтенія, пиджаки и обувь, потому что ходили босикомъ.

Мѣсили въ ямѣ вязкую сѣрую глину для очага. Работали по очереди. Кончивъ смѣну, Менандровъ валялся благодушно въ мягкой душистой травѣ, а Акрамовскій дѣловито хлопоталъ около построекъ.

— Сережка!.. — кричалъ Менандровъ, залѣзши въ глиняную яму и усердно топоча босыми, измазанными дочерна, ногами. — Мы съ тобой, ни дать ни взять, Несчастлирцевъ со Счастливцевымъ!.. Помнишь?..

Акрамовскій молчалъ. Онъ выравнивалъ плетень шалаша, обламывалъ лишніе мѣшающіе сучки.

— Сережка!.. Ты буржуй!.. — не унимался и задорно поддразнивалъ Менандровъ. — Какъ же ты осуждаешь другихъ, что они рабы привычекъ, рабы обстановки, словомъ, — удобствъ жизни?.. Ты самъ собственникъ!.. Самъ — жалкій рабъ... Рабъ своего шалаша...

— Дальше?.. Ну, что дальше?..

— Дальше ничего!.. Какъ согласить съ твоими принципами, что ты хочешь сдѣлать все покрасивѣй да поудобнѣе? А?

— При чемъ тутъ принципы? — ворчалъ Акрамовскій. — Всякій принципъ можно опошлить глупостью!.. Мѣси глину и не мѣшай!..

Общими усиліями была сложена изъ глины печь. Тонкій дымоходъ былъ отведенъ въ сторону и напоминалъ шею гигантскаго гуся.

За безцѣнокъ Акрамовскій добылъ въ деревнѣ старую почернѣвшую отъ времени пчелиную колоду. Надралъ въ лѣсу лыкъ съ деревьевъ и лыками привязалъ ее къ одинокому могучему клену.

Рой былъ сильный и сразу наполнилъ золотымъ жужжаніемъ лѣсъ. Стало весело и шумно. Акрамовскій не могъ вдоволь нарадоваться своей выдумкѣ. Днемъ онъ съ французскимъ учебникомъ въ рукахъ подходилъ къ клену, подставлялъ подъ солнце открытую голову и наблюдалъ, какъ вьются около темнѣющаго летка нагруженныя добычей пчелы, — какъ разорванной цѣпочкой мелькаютъ надъ синими колокольчиками, чашечками левкоевъ и махровыми тарелочками одуванчиковъ.

Менандровъ посмѣивался надъ нимъ, надъ его сооруженіемъ:

— Экая несуразная махина!.. Не улей, а какой-то допотопный ковчегъ. Удивительно косенъ русскій народъ! Вотъ въ Пензенской губерніи я встрѣчалъ соломенные ульи Кулланда. Почему бы не ввести ихъ вездѣ? Соломы у насъ изобиліе! И удобно...

— Непрактично, Родіонъ!.. Солома спрѣваетъ, и заводятся мыши. Рамочные ульи лучше. Дѣло не въ косности, а въ бѣдности. Вотъ когда я поселюсь въ деревнѣ, то обязательно стану пропагандировать рамочные ульи.

О деревнѣ Акрамовскій говорилъ много, — говорилъ горячо. Городъ тяготилъ его своей безпрерывной, мѣшающей сосредоточиться сутолокой.

— Въ городѣ — ложная культура и ничего болѣе — заявлялъ онъ всегда. — Этой культурѣ — цѣна грошъ, потому что убивается человѣкъ, извращаются здоровыя естественныя потребности, и матеріальное начало властвуетъ надъ духовнымъ. Деревня непосредственнѣй, проще и ближе душѣ.

На вопросы, почему же онъ не переселится въ деревню, онъ объяснялъ, что другія общія условія жизни тамъ неблагопріятны. Особенно плохо учителямъ, которые зависятъ отъ всѣхъ, кому не лѣнь ихъ тѣснить. На тему о правовомъ положеніи учителей онъ читалъ даже докладъ въ обществѣ взаимопомощи. Здѣсь, между прочимъ, онъ высказывалъ, что когда облегчатся условія учительской жизни въ деревнѣ, а главное — когда будетъ введена всесословная волость, — то интеллигенція должна обязательно отправиться въ народъ, какъ это было въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ.

На настоящую свою жизнь Акрамовскій смотрѣлъ, какъ на подготовительную ступень для предстоящей великой работы. И все, что ни дѣлалъ, связывалъ съ планами будущаго.

Поэтому для опыта онъ разбилъ между пчельникомъ и ключомъ образцовый огородъ. Усердно вымѣрилъ бечевкой грядки, обровнялъ съ боковъ заступомъ, насѣялъ овощей и всюду натыкалъ гладко выструганныхъ дощечекъ съ надписями.

Менандровъ въ досужіе часы путался между грядокъ и иронизировалъ:

— Что здѣсь? Бананы? Нѣтъ не бананы, а самая настоящая рѣпа! Что еще? Ананасы — то бишь морковь съ рѣдькой!.. Сережка! Попробуй культивировать еще финики и виноградъ! Чѣмъ чортъ не шутитъ, — можетъ быть и вырастутъ!

Закончивъ постройку шалаша, приступили къ составленію регламента.

По регламенту полагалось вставать немедленно послѣ восхода солнца.

Утромъ — купанье, рыбная ловля, полка и поливка огорода. Въ семь часовъ — чай.

Акрамовскій настаивалъ, чтобъ выбросить этотъ пунктъ:

— Чай — вредная роскошь!..

Менандровъ жалко сморщилъ свое широкое курносое лицо и на весь лѣсъ завопилъ въ отчаяніи:

— Помилосердствуй! Ты, Сережка, тиранъ! Клянусь, тебѣ, что завтра же сбѣгу отъ твоего деспотическаго образа правленія...

— Какъ же мы въ Саратовѣ на курсахъ обходились три недѣли безъ чаю?..

— То въ Саратовѣ, а то въ Морквашахъ!.. Вынуждены были и обходились...

Акрамовскій уступилъ, и пунктъ, разрѣшающій чай, остался.

Послѣ чая полагались занятія иностранными языками и чтеніе книгъ. Въ полдень по очереди кашеварили. Варили уху изъ пойманныхъ плотичекъ, бершей и язиковъ, вегетаріанскую похлебку — съ пшеномъ и собираемыми въ лѣсу травами: щавелемъ, шхердой, молодой крапивой. Пекли въ горячей золѣ картофель. Въ свободные часы бродили по лѣсу, собирали ягоды, грибы, съѣдобныя травы. Передъ вечеромъ снова купались.

Спать ложились на закатѣ солнца. Зарывались съ головой въ траву, спасаясь отъ надоѣдливой мошкары и комаровъ.

Передъ сномъ Акрамовскій обходилъ поляну. Прислушивался къ улью, въ которомъ и ночью глухо кипѣла не прекращающаяся своя таинственная жизнь. Провѣрялъ огородныя посадки и радовался, что уже на два вершка выгнало вверхъ молодые ушастые стебли редиски.

Торжественное настроеніе овладѣвало имъ. Онъ возвращался къ шалашу и говорилъ:

— Родька!.. Ширь-то какая необъятная вокругъ, — свобода!.. И полноты сколько!.. Сколько величія, — вселенской, не оскверненной людьми красоты!.. Послушай, какъ жужжатъ пчелы!..

Менандровъ лѣниво потягивался и съ намѣреннымъ задоромъ поддразнивалъ его:

— Ску-учно!.. Превращаешься въ дикаря, — никакихъ потребностей!..

Акрамовскій вспыхивалъ для спора:

— Какъ дикаря?.. Въ нормальнаго человѣка! Читалъ Родіонъ, Руссо? Тамъ, братъ, такія чудеса порасписаны! Много ли человѣку нужно?.. Если у него не извращены потребности, то очень даже немногое... А современная культура во многомъ ложь, гниль, пагуба для духа!..

— Такъ!..

— Да, такъ!.. Откуда болѣзни, неравенство между классами, обманы, насилія, войны, какъ не отъ культуры?.. Человѣкъ человѣку — волкъ... И ради чего? Ради того, что каждый старается урвать для себя хотя кусочекъ, хотя ничтожную кроху, такъ называемыхъ, „культурныхъ благъ"... Торгуютъ тѣломъ, торгуютъ честью, совѣстью, религіей, справедливостью — лишь бы жить въ комфортѣ, въ квартирахъ со швейцарами, автомобилями, шикарной обстановкой, блестящими обѣдами, парадными выходами, нарядами!.. Сколько зла, слезъ, преступленій, насилій, подлыхъ компромиссовъ!.. Умъ, сила, красота, знаніе — превращены въ орудіе для того, чтобы поработить другихъ... Народы возстаютъ противъ народовъ. — проливаются моря братской крови изъ-за пріобрѣтенія какого-нибудь жалкаго рынка для торговли!. Братъ отворачивается отъ брата... Треть современнаго производства занята выдѣлкой развращающихъ бездѣлушекъ для женщинъ, — предметовъ роскоши... И это называется — человѣкъ!..

— Но такъ всегда было...

— Такъ не должно быть... Какъ я могу пользоваться комфортомъ и всякими культурными сладостями, когда знаю, что у сотенъ и тысячъ людей этого нѣтъ?.. Что я пользуюсь всѣмъ этимъ за чужой счетъ, за счетъ другихъ, угнетенныхъ и обезправленныхъ?.. Что народъ ограбленъ?..

— Ты что же, братъ... значитъ всю культуру того... похерить хочешь?..

— Нисколько!.. Я только возстаю противъ ненужной роскоши, противъ несправедливости... Скажи, пожалуйста, развѣ для того, чтобъ быть сытымъ, мнѣ обязательно необходимы омары или другія тонкости?.. И развѣ не преступно, что изъ-за этихъ омаровъ отнимается у моего ближняго послѣдній кусокъ хлѣба?.. И развѣ не лучше, если я утолю свой голодъ кускомъ простого хлѣба и останусь человѣкомъ?..

— Жить вотъ въ такомъ шалашѣ?..

— Да, и жить вотъ въ такомъ шалашѣ, если это окажется возможнымъ!.. По крайней мѣрѣ, я останусь здоровъ тѣломъ и духомъ и не буду походить на тѣхъ разслабленныхъ, прежде времени состарѣвшихся, пресыщенныхъ гурмановъ, которыми такъ богата культура...

— Хорошо, если ты одинъ!.. Но если у тебя семья?!..

— Семьи не должно быть... Для всякаго труженика изъ низовъ, если онъ хочетъ быть полезнымъ обществу, народу, семья — роскошь. . Семья поведетъ къ компромиссамъ, сдѣлкамъ съ совѣстью, — потребности тѣла будутъ господствовать надъ потребностями духа, — одолѣютъ матеріальныя заботы...

— Но вѣдь это противоестественно!..

— Что же дѣлать?.. Условія нашей жизни — вообще противоестественны... Когда они измѣнятся, тогда — другое дѣло... По крайней мѣрѣ, лично для себя я рѣшилъ, покуда хватитъ силъ, оставаться одинокимъ...

Менандровъ больше не возражалъ.

Споры разнообразили жизнь, но не измѣняли добрыхъ товарищескихъ отношеній между обоими.

На другой день Менандровъ отправился въ Моркваши за хлѣбомъ и разными припасами. Вернулся онъ поздно, запыленный, усталый, съ мѣшкомъ на спинѣ и съ собакой, которую велъ на веревкѣ. Собака была старая, паршивая, съ облѣзшей шерстью по бокамъ и острыми волчьими ушами.

— Вотъ еще новый членъ для нашей колоніи... Песъ Наркисъ! — сказалъ онъ, сбрасывая на землю мѣшокъ. — Для охраны нашихъ богатствъ...

Акрамовскому показалось, что Менандровъ веселѣе и возбужденнѣе обычнаго.

— Послушай, ты никакъ выпилъ? — строго спросилъ онъ.

— Сохрани Богъ!.. Неужто жъ я такой безчувственный подлецъ, что буду тебѣ гармонію природы портить?.. Смердить сивухой среди вселенскаго благоуханія... Сережка, помню и храню свой зарокъ: воздерживаюсь отъ алкоголя!.. Хотѣлъ купить еще пѣтуха для хозяйства, да не хватило финансовъ...

Знойные іюльскіе дни быстро гнали изъ земли огородные посѣвы. Но отъ жары ли, или отъ поздней посадки ростки вышли вялые, тонкіе, съ вытянутыми бѣлесыми корнями. Морковь, показавшая блѣдные рѣзные листья, пожухла. Одна

редиска топорщилась лопухами на всю грядку и выпирала наружу розовые и красные корни.

Рыба въ жару клевала плохо. Изрѣдка попадалась сухая малоголовая сентярка да костистая тарань. Бросили ловить. Свободнаго времени осталось больше... Шатались много по лѣсу.

— Сережка!.. А я написалъ письмо нашимъ тузулукскимъ сиднямъ!..—какъ-то неожиданно объявилъ Менандровъ.— Ты ничего не имѣешь противъ?..

— Наоборотъ... Очень радъ...

Акрамовскій искренно обрадовался. Онъ самъ давно подумывалъ о томъ, чтобъ пригласить кого-нибудь изъ товарищей въ колонію.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ учителя въ ихъ тузулукскомъ кружкѣ мечтали о постройкѣ собственнаго дома для лѣтняго отдыха. Акрамовскій самъ съ знакомымъ техникомъ составлялъ проекты и высчитывалъ стоимость сооруженія. Но не было средствъ. Теперь въ морквашинскомъ лѣсу ему пришла мысль осуществить другой планъ. Пока — „Улита ѣдетъ", и собираются деньги — не проще ли будетъ устроить здѣсь временно лѣтнюю колонію. Землю помѣщицы, навѣрное, согласятся отвести даромъ. Затраты понадобятся небольшія: на первыхъ порахъ можно обойтись легкимъ дощатымъ или глинобитнымъ сараемъ.

Оба примостились передъ срѣзаннымъ пнемъ, замѣнявшимъ столъ. Менандровъ вооружился карандашомъ для поправокъ въ письмѣ и сталъ читать:

— „Дорогіе коллеги!.. Въ данный моментъ волею судебъ мы очутились на берегу Волги, поблизости отъ села Морквашъ. Мѣстность, безъ преувеличенія, — изумительная... Выражаясь фигурально — не лѣсъ, а прямо Эдемъ... Изумрудная лиственность и тому подобное, рѣдкостные жучки, бабочки и цвѣты, которыхъ мы набрали цѣлую коллекцію..."

— Послушай,—ты дурачишься или серьезно?..—съ неудовольствіемъ сказалъ Акрамовскій... — Что за тонъ ты берешь въ письмѣ?..

— Тонъ—самый надлежащій!.. До-ре-ми-фа-соль-ля-си... Пишу самымъ серьезнымъ образомъ... Слушай дальше... „Съ правой стороны отъ насъ утесъ Стеньки Разина, а слѣва..."

— Подожди!..—сердито оборвалъ Акрамовскій...—Какой утесъ?..

— Пустяки!.. Коллекціи и утесъ вставлены для красоты стиля... Читаю дальше... „Слѣва божественная Дѣвичья гора“... Гора, а можетъ быть — коса, словомъ, все равно!..

— Послушай, Родька!.. Что за фантазія пришла тебѣ морочить людей?.. Вѣдь каждый школьникъ знаетъ, что въ Морквашахъ нѣтъ ни утеса Стеньки Разина, ни Дѣвичьей горы...

— Пусть!.. Надо же написать что-нибудь соблазнительное, чтобъ вытащить ихъ изъ тузулукскаго мурья!..

— Я не согласенъ, Родіонъ...

— И не надо твоего согласія!.. За эти строки я самъ лично отвѣтствую всей своей репутаціей и имуществомъ!..

— Какъ мы будемъ смотрѣть на нихъ, когда они пріѣдутъ?..

— Что касается тебя, то не знаю... А я безсовѣстно отвернусь и не буду смотрѣть...

— Протестую!..

— Не протестуй!.. Итакъ, — „справа утесъ Стеньки Разина, слѣва божественная Дѣвичья коса, — то бишь гора... На утесѣ мы третьяго дня разводили костеръ... Варили уху изъ свѣже-пойманныхъ стерлядей, которыхъ уничтожаемъ сотнями. Въ память же своего посѣщенія вырѣзали — какъ полагается туристамъ — годъ, мѣсяцъ и число на камнѣ, около котораго думалъ Степанъ...“

— Профанація!..

— Иначе, ей Богу, Сережка, никакъ невозможно!.. Читаю: „А на Дѣвичьей горѣ собираемъ грибы, ягоды и всякіе произрастающіе полезные злаки... Живемъ же мы въ роскошнѣйшемъ палаццо, которое изъ уваженія къ высокому званію народнаго учителя отвели намъ мѣстныя помѣщицы...

— Родіонъ, не профанируй!..

— „Время мы проводимъ не только съ пріятностью, но и полезно, иначе говоря продуктивно. Много читаемъ, занимаемся языками... Въ нашемъ распоряженіи имѣется образцовая пасѣка, такъ что, когда пріѣдете, угостимъ васъ натуральнѣйшимъ липовымъ медомъ“.

Акрамовскій безнадежно, напередъ отчаявшись за дальнѣйшее содержаніе письма, махнулъ рукой. Менандровъ продолжалъ:

— „А огородную редиску, величиною со школьный глобусъ, Сережка бережетъ для экспонированія на сельско-хозяйственной выставкѣ. Хочетъ, этакое канальство, заслужить золотую медаль!“

— Ну, ты и насочинилъ!.. — засмѣялся Акрамовскій.

— „Къ августу же мѣсяцу надѣемся заполучить ананасы...“

— Воздержись хотя бы относительно меня!.. Какіе же ананасы на сѣверѣ?..

— Хорошо!.. Тогда я припишу въ поясненіе: „Ананасы намъ доставляются изъ образцовой оранжереи сосѣднихъ помѣщицъ ..“

Акрамовскій поднялся.

— Вотъ что, Родька!.. Пиши, что хочешь, — только знай, что я отвѣтственности на себя не беру...

— И не надо!..

Три дня кряду, чтобъ встрѣтить учительницъ, ходили къ плавучей конторкѣ на баржѣ. Сюда приставали пароходы.

Пріѣхали сестры Зотиковы, Серафима и Клавдія, въ одинаковыхъ скромныхъ накидочкахъ, батистовыхъ голубыхъ блузкахъ и туфелькахъ — лодочками.

Акрамовскій и Менандровъ переняли у нихъ съ рукъ на руки два увязанныхъ въ ремни тюка. Акрамовскій покосился на легкія туфельки съ махровыми помпонами и замѣтилъ:

— Обувь не для здѣшнихъ мѣстъ!.. Жидковата!..

Багажъ несли, перевѣсивъ черезъ палки, посмѣнно, подвое: Менандровъ съ Серафимой и Акрамовскій съ Клавдіей. Идти было неудобно. По неторной тропѣ кустарники и трава цѣплялись за платья, и Акрамовскій опять замѣтилъ:

— Вообще ваши костюмы плохо приспособлены для дикаго житья...

— Вы живете дикими звѣрями?..—спросила Клавдія.

— Въ родѣ того!... — весело отвѣтилъ Менандровъ...

Дѣлились городскими новостями. Учительница Лукьянова собиралась ѣхать вмѣстѣ съ ними, но получила хорошій урокъ и раздумала. Федорова вышла замужъ за чиновника контрольной палаты. Николай Ильичъ Иващенко умеръ отъ артеріосклероза.

Сообщеніе это поразило.

— Бѣдный старикъ!...

— Да, вотъ она учительская жизнь!..

Воспоминаніе объ Иващенко вошло въ душу далекой тоской. И вечеръ былъ также мягко-грустенъ и раздумчивъ. Надъ гранью берегового лѣса таяло розовое, пронизанное солнечными лучами облако. Глухо откуда-то падалъ въ ти-

шину тоскливый, мечущійся въ лѣсу, крикъ бездомной кукушки. Съ Волги неясными отголосками подкатывался шумъ.

Нѣкоторое время шли молча, каждый со своими мыслями. Но молодость и жизнь, разсѣянная вокругъ, покорили. Забыли о городѣ, объ Иващенко.

На полпути сдѣлали привалъ.

Серафима усѣлась на колѣнчатомъ изломѣ березы, разщепленной грозой. Думала о томъ, что ее ожидаетъ, и застѣнчивыми дѣвичьими взглядами украдкой наблюдала за Менандровымъ, сидѣвшимъ около. Поѣздка была для нея жертвой. Пришлось отказаться отъ приглашенія родныхъ погостить въ Москвѣ, куда она собиралась четвертое лѣто...

„Знаетъ ли онъ объ этомъ? — думала она. — Что онъ чувствуетъ сейчасъ?... И исполнится ли то, ради чего она сюда пріѣхала“...

— Благодарю васъ, Родіонъ Васильичъ, за ваше доброе приглашеніе, — сказала она, поднимая на него блестящіе неутоленные глаза.

— Что же?... Тоскливо стало однимъ, Серафима Ивановна! — просто отвѣтилъ онъ. — Вотъ Сережка можетъ такъ, а я не могу...

Онъ сказалъ обычную фразу, но въ его тонѣ, въ мягкихъ дружескихъ нотахъ ей послышался обнадеживающій намекъ. И она признательно съ благодарностью посмотрѣла на него.

Неподалеку Акрамовскій и Клавдія полошили лѣсъ звонкими криками. Клавдія восхищалась новизной всего, что встрѣчала. Собирала цвѣты и передавала Акрамовскому. Онъ несъ уже цѣлую копну ихъ въ своихъ неуклюжихъ мозолистыхъ рукахъ, она выдергивала красныя крестовки и лиловыя татарки. Перекусывала зубами травку, связывала узлами для букета. А онъ покорно шелъ рядомъ. И такъ странно было смотрѣть на него въ цвѣтахъ. За мѣсяцъ жизни въ лѣсу онъ загорѣлъ и загрубѣлъ, жесткая щетина на небритыхъ щекахъ придавала ему еще больше суровости. Въ широкополой соломенной шляпѣ и синей рубахѣ, подпоясанной чернымъ шнуромъ, онъ походилъ не то на хуторянина-колониста, не то на сельскаго рабочаго.

— Въ путь!... — скомандовала Клавдія.

Отправились дальше. Тропа чуть замѣтно змѣилась среди кустовъ грифельно-сѣрой полоской. Прыгали по выступамъ. Ноги скользили по корнямъ и травѣ.

Ежикъ, застигнутый врасплохъ, посопѣлъ, осторожно

послушалъ и, когда они удалились, пустился на утекъ, барабаня короткими ножками. Кукушка начала сбивчивый счетъ лѣснымъ днямъ.

— Ку-ку!.. — передразнила Клавдія. — Ай, какъ здѣсь хорошо... Фимочка! Мнѣ кажется, что я опять маленькая-маленькая дѣвочка, и мы съ тобой въ лѣсу!... Помнишь! Такъ же въ кустахъ стучатъ ежики и кукушка гадаетъ... Кукушка, кукушка, сколько мнѣ лѣтъ жить?...

Серафима нѣжно взяла ее за талію.

Къ вечеру добрались до шалашей.

— Нашъ Эдемъ!.. — показалъ Менандровъ. — Вотъ мужской шалашъ, а вотъ вашъ, женскій... пансіонъ для благонравныхъ дѣвицъ. Собственными руками созидали!

Клавдія и Серафима съ любопытствомъ осматривались. Не было разочарованія и досады, а только удивляло все: и шалашъ, и собака на привязи у дерева, и закоптѣлый очагъ съ выжженной лужайкой, и пугало на огородѣ, наряженное въ пестрое тряпье, и пчелиный улей, перехлестанный лыками.

— Какъ же писали о палаццо? — спросила Клавдія.

Менандровъ не смутился.

— Ну, да. Будетъ впослѣдствіи и палаццо! Вѣрно, Сережка? Воздвигнутъ когда-нибудь потомки здѣсь палаццо въ память много претерпѣвшихъ народныхъ учителей! А теперь не все ли равно, гдѣ жить? Не такъ-ли?

Онъ съ паѳосомъ приложилъ къ груди руку и продекламировалъ:

И звѣзда съ звѣздою говоритъ...

— Ахъ, это даже интересно! — засмѣялась Клавдія.

Серафима посмотрѣла на шалашъ и подумала:

„Конечно, нѣкоторое время здѣсь можно будетъ прожить... Только бы ея поѣздка привела къ желаемой цѣли!“

Менандровъ и Акрамовскій удалились готовить чай, — хлопотали.

Заря еще не погасла. Вверху дали были нѣжно освѣтлены, но на горѣ, обращенной склономъ на юго-востокъ, уже стало темно. Отяжелѣвшія холодныя тѣни сгущались по ложбинамъ.

Неясное тихое томленіе наполнило душу Серафимы.

„Хорошо бы теперь остаться только вдвоемъ съ нимъ... Чтобъ никого около не было. Высказать все, что на душѣ. Найти отвѣтъ... И въ одинъ мигъ разорвать цѣпь долгихъ-долгихъ страданій...“

Менандровъ среди поляны складывалъ хворостъ, разводилъ костеръ. Огонь трещалъ по сучьямъ веселыми шумихами. Густой сизый дымъ отъ свѣжихъ вѣтокъ поднимался кверху кучными сизо-багровыми копнами.

— Къ костру!... Спасаться отъ комаровъ! — крикнулъ Менандровъ сестрамъ.

Серафима и Клавдія подсѣли къ костру. Серафима, напряженно ожидающая чего-то, Клавдія, безпечная и шаловливая.

— Скажите, Родіонъ Васильичъ,—спросила она, складывая на травѣ калачикомъ ноги, — здѣсь не водится змѣй?

Менандровъ покосился на Акрамовскаго. Подбросилъ въ огонь мелкихъ вѣтокъ и буркнулъ:

— Было два удава, да Сережка обоихъ сократилъ!.. Онъ вѣдь у насъ строгій, — регламентъ для всѣхъ лѣсныхъ звѣрей прописалъ... Вотъ подождите, онъ и васъ регламентомъ прижметъ!

Клавдія повернула къ Акрамовскому смѣющееся лицо:

— Сергѣй Петровичъ, — правда, вы такой строгій?

Акрамовскій отвѣтилъ мягкой нерѣшительной улыбкой. Такъ рѣдко онъ улыбался. Всегда былъ недоступнымъ и чужимъ. И теперь, въ свѣтѣ костра, весь красно-бронзовый и стройный, съ длинными, почти упадающими на плечи волосами, онъ показался Клавдіи новымъ, понятнымъ и красивымъ.

— Нѣтъ, я не строгій! Это не строгость въ обычномъ смыслѣ слова, а подчиненіе своей жизни идеалу. Подчиненіе матеріальнаго начала духовному...

— Сережка! Повремени со своей философіей. Дай людямъ опомниться! прервалъ Менандровъ.

— Почему же? Я буду рада послушать, — искренно сказала Клавдія. Мнѣ полезно. Вѣдь я ничего-ничего не знаю. Что-нибудь сдѣлаю не такъ, а потомъ начинаю жалѣть. И мнѣ стыдно!

— Вы хорошая! — невольно любуясь ею, сказалъ Акрамовскій.

Похвала была пріятна и смутила ее. Клавдія вспыхнула легкимъ румянцемъ.

Огонь въ кострѣ разгорѣлся ярко. Въ чайникѣ, повѣшенномъ на козелкахъ, закипѣла вода.

Распаковали одинъ изъ тюковъ и достали привезенные изъ города бисквиты.

— Ура!... Княжескія брашна по случаю пріѣзда гостей! —

торжественно провозгласилъ Менандровъ. — Мы вѣдь здѣсь живемъ на травкѣ да на пшенной болтушкѣ!

Были дни, жгучіе отъ зноя и разнѣживающіе, когда хотѣлось съ утра до ночи лежать въ прохладной лѣсной тѣни, или безъ конца погружать разгоряченное тѣло въ освѣжающія волны Волги.

Потомъ разыгралась буря.

Вчетверомъ всѣ сидѣли на обрывѣ „Тузулукскій увалъ". Такъ они прозвали крутохолміе на самомъ берегу рѣки.

Любовались, глядя, какъ мутные, изжелта-сизые валы, отражавшіе сизыя тучи, опѣнивались бѣлыми гребешками. Круто поднимались на глубинѣ и разсыпались по отмелямъ. А у береговъ вѣтеръ щедрыми горстями выбрасывалъ бѣлый бисеръ.

Баканъ на перекатѣ раскачивался и нырялъ.

Серафима зябко куталась въ платокъ. Вѣтеръ съ звонкимъ гуломъ шелъ вдоль зеленой береговой стѣны. Застрѣвалъ, ломая сухія вѣтви въ чащѣ. Возвращался на отрытыя прогалы. Кружился, подбрасывая песокъ и сорванные листья. Лѣсъ дрожалъ отъ вершинъ до оголенныхъ корней, и даже корни въ землѣ стонали и несли наружу глухую, подземную неукротимую силу.

Съ луговой стороны ползли тучи, косматыя и неуклюжія, какъ горы деревенскихъ овчинъ.

Клавдія побѣжала внизъ къ водѣ. Простенькая голубая блузка, подпоясанная кожанымъ ремнемъ, замелькала въ кустахъ.

На берегу она сняла туфли и вспрыгнула на гладко обточенный валунъ. Прибой жадно лизалъ вымоины камня, бурлилъ около ногъ, щекоталъ холодной водой.

— Клавдя, утонешь! — тревожно крикнула сверху Серафима.

Акрамовскій спустился къ валуну.

Взмыла крупная волна и разсыпалась вихремъ брызгъ. Клавдія отъ неожиданности соскользнула и, чтобъ не потерять равновѣсія, прыгнула на берегъ.

— Вотъ видите, какъ я поспѣлъ во-время! — сказалъ Акрамовскій, подавая ей руку и помогая выбраться на кручу.

Оба смотрѣли на разыгравшуюся Волгу. Буйная скачка волнъ заражала желаніемъ чего-нибудь смѣлаго и красиваго.

Хотѣлось унестись далеко въ синѣющій просторъ, слиться съ нимъ въ вольной веселой игрѣ и затеряться.

— Сергѣй Петровичъ, вы хорошо правите лодкой?..

— Да, умѣю... Я выросъ на рѣкѣ.

Онъ привѣтливо посмотрѣлъ на Клавдію и подумалъ: „Какая она особенная, смѣлая и славная дѣвушка! Совсѣмъ не похожа на многихъ“.

— Тогда поѣдемте кататься! Я никогда не была въ бурю на Волгѣ. Это должно быть заманчиво. Посмотрите, волны — какъ огненные бѣлые язычки. Правда, — похоже на бѣлый пожаръ?..

— Да, рѣдкая красота, — отвѣтилъ онъ, захваченный ея влекущимъ къ себѣ порывомъ. — Мы недавно съ Родіономъ были на той сторонѣ, на пескахъ, ловили рыбу. И насъ застала вотъ такая же буря.

— Ахъ, какъ это интересно! не удержалась Клавдія. — Милый Сергѣй Петровичъ! Поѣдемте кататься...

„Милый“! Такъ просто и ненарочно сорвалось у нея. Голосъ разсыпался нѣжно вмѣстѣ съ эхомъ волнъ. Оба встрѣтились глазами Она смотрѣла ясно по-дѣтски. Синія длинныя тѣни скользнули изъ-подъ рѣсницъ.

Горячая охмеляющая волна сладко обожгла Акрамовскаго. Онъ почувствовалъ, какъ между нимъ и дѣвушкой сразу выростаетъ первая волнующая близость.

Но сейчасъ же усиліемъ воли онъ подавилъ въ себѣ чувство. „Зачѣмъ?.. Не нужно!.. Лишнее все это!..“ — рѣшилъ онъ.

— Что же, поѣдемте, или нѣтъ?.. — въ ожиданіи отвѣта повторила Клавдія.

— Пожалуй, поѣдемте!.. — уступая ея просьбѣ, согласился онъ не безъ колебанія.

— Вотъ хорошо! Милый Сергѣй Петровичъ! — дружески и благодарно воскликнула Клавдія. — Фима! Кататься на лодкѣ!

Серафимѣ и Менандрову съ „Увала“ было видно все, что происходитъ на берегу. Менандровъ наблюдалъ съ интересомъ любознательнаго человѣка, Серафима тоскливо думала:

„Какъ у нихъ молодо и какъ счастливо!.. Такимъ легко жить. Почему же у нея съ Родіономъ иначе?.. Вотъ уже недѣля — какъ она въ Моркваашахъ, а онъ попрежнему далекъ отъ нея и неясенъ. . Какъ будто даже сторонится ея... А можетъ быть, она сама виновата, не умѣетъ вызвать его на откровенность?..“

— Родіонъ Васильичъ! Фима! Спускайтесь внизъ, — звала Клавдія...

— Великолѣпно! — подхватилъ Менандровъ. Зачертилъ по воздуху руками, какъ крыльями, — подался къ берегу и запѣлъ:

На просторъ рѣчной волны
Вы-плываютъ расписные
О-острогру-дые челны...

Серафима сразу почувствовала себя брошеной, ненужной и лишней среди всѣхъ нихъ. Обидная горечь щемила въ груди. Сама не зная почему, она поднялась и быстрыми шагами, точно кто подгонялъ ее, пошла, почти побѣжала къ шалашу. Отъ ходьбы и волненія стало душно. Воротъ кофточки тѣснилъ, и сердце неровно и тревожно билось. Вѣтеръ хлесталъ въ лицо.

„Вотъ всегда такъ! — думала она. — Нѣтъ мнѣ счастья! Почему же Клавдія, почему другіе такъ легко берутъ его отъ жизни?.. И почему Менандровъ сегодня особенно холоденъ со мной?.. Совсѣмъ чужой!..“

— Куда вы, Серафима Ивановна! — вдогонку кричалъ ей удивленный Менандровъ.

Она не обернулась.

Маленькая, сжавшаяся, точно побитая, она бѣжала, путаясь въ кустахъ. Сознавала, что дѣлаетъ неловкость, что, можетъ быть, стала теперь жалкой и смѣшной въ его глазахъ, и не могла остановиться. Въ одиночествѣ, она думала, ей станетъ легче... Теперь сѣсть бы гдѣ-нибудь въ лѣсу, въ глухой чащѣ и подъ шумъ волжской бури заглушить голоса другой бури, которая собиралась у нея въ душѣ.

— Какъ же такъ? — разочарованно сказала Клавдія послѣ ея ухода... — Я не хочу ѣхать безъ Серафимы...

— Жаль! — замѣтилъ Акрамовскій. — Видно, придется отложить поѣздку.

— Родіонъ Васильичъ!.. Что у васъ вышло съ Серафимой? — встревоженно обратилась Клавдія къ Менандрову.

Вопросъ, какъ молнія, освѣтилъ Менандрову значеніе происшедшаго. Онъ понялъ все, — понялъ многое, на что раньше не обращалъ вниманія, и ощутилъ неловкость. Уклончиво отвѣтилъ:

— Право, не знаю...

Тучи съ Заволжья придвинулись и обложили гору черными плотными щитами. Нѣсколько молній разорвалось съ грохотомъ надъ кручами.

Оживленные и шумные, всѣ трое вбѣжали въ шалашъ, гдѣ въ грустномъ одиночествѣ ждала ихъ Серафима.

Зажгли внутри шалаша свѣчу. Тяжелый ливень застучалъ по крышѣ, какъ ядреный горохъ. Зашумѣлъ по лохматымъ шапкамъ деревьевъ.

Акрамовскій отвязалъ собаку и привелъ къ шалашу. Наркисъ легъ у входа, прислушиваясь къ порывамъ бури. Круглые глаза поблескивали, какъ виноградины.

Клавдія, бѣгавшая изъ женскаго шалаша въ мужской за книгами, возвратилась промокшая. Смѣялась и шаловливо брызгала вокругъ капелью съ платья и волосъ.

Читали книгу и спорили. На ночлегъ разошлись около полуночи.

Дождь пересталъ. Вдали перемигивались — какъ тайные полюбовники — зарницы.

Но вѣтеръ усилился. Со стономъ гудѣла въ стволахъ и корняхъ извѣчная подземная сила. Угрюмо пылали въ небѣ уцѣлѣвшіе клочки разорванныхъ тучъ.

Клавдія заснула скоро, закутавшись въ большой теплый пледъ. Серафима не спала. Вдали гульливымъ ропотомъ безпокойно шумѣла Волга. Прошли пароходы, обмѣнялись свистками, — одинъ звонкій и задорный, какъ сама жизнь, другой — глухой и сдавленный, съ усиліемъ ищущій себѣ выхода на волю.

У нея на душѣ было также все глухо сдавлено. Она вспоминала, что произошло вечеромъ. И стало жаль своей уходящей безрадостной молодости. Вѣдь ей уже двадцать семь лѣтъ, и казалось, что вся жизнь изжита.

„Вотъ и сегодняшній день, навѣрное, отдалилъ ее отъ Менандрова“.

Поставы шалаша, врытые въ землю, не переставая, скрипѣли. При порывахъ вѣтра крыша зыбко поднималась и опускалась. Нѣсколько холодныхъ крупныхъ капель упало внизъ.

Клавдія во снѣ забредила.

Серафима подняла въ темнотѣ голову и насторожилась, чтобъ разобрать, откуда идетъ странный шумъ. „Кажется, вѣтеръ!..“

— Клавдія!.. — позвала она сестру.

И не успѣла опамятоваться и сообразить что-нибудь, какъ почувствовала, что на нее навалилась тяжелая душная копна. Окутала, придавила съ головы до ногъ, мягкая и мокрая масса вѣтокъ и травы...

Обрушился шалашъ...

Огребая надъ собой руками траву, она пыталась освободиться. Сдѣлать это было не легко. Крышу въ женскомъ шалашѣ накатили плотно, въ два ряда.

Слышно было, какъ рядомъ Клавдія барахталась и кричала.

Первой выкарабкалась изъ-подъ обрушившагося настила Клавдія. Вылѣзла — подобно звѣрушкѣ — мокрая и растрепанная, и стала искать сестру:

— Фима!.. Ты гдѣ?..

Нащупала ее голыми зябнущими руками, помогла освободиться... Испугъ прошелъ, теперь все представлялось только забавнымъ. Клавдія, не обращая вниманія на вѣтеръ и холодъ, прыгала около сестры и смѣялась:

— Крушеніе!.. Фима, ты не погибла?..

Вдвоемъ разгребли останки крыши, разыскали вещи. Клавдія куталась въ пледъ, Серафима въ платокъ. Пошли къ мужскому шалашу, гдѣ было спокойно.

— Товарищи! — буянила у входа Клавдія. — Вставайте на помощь!.. Крушеніе!..

— Что такое? — глухо, спросонья, послышалось изъ шалаша.

— Принимайте пострадавшихъ! Нашъ шалашъ развалился!

Въ мужскомъ шалашѣ закопошились. Раздалось нѣсколько удивленныхъ восклицаній:

— А, вотъ такъ чортъ! Зажги, Сережка, свѣчу!.. Подождите, мы сейчасъ одѣнемся!

Скоро, черезъ нѣсколько мгновеній. Менандровъ пригласилъ сестеръ:

— Теперь шествуйте, ночныя русалки!

— Хорошо! Только вы не смотрите на насъ!.. Мы въ однихъ одѣялахъ. Отвернитесь къ стѣнкѣ! — заговорила Клавдія. — Ой, я попала въ какую то лужу!

Она быстро отдернула босую ногу.

Вошли въ шалашъ. Акрамовскій и Менандровъ сидѣли, наспѣхъ одѣтые, повернувшись къ нимъ спиной.

— Хотите не хотите, принимайте подъ свой кровъ! — защебетала Клавдія. — Фима, милочка, тебѣ холодно?..

Она крѣпко обняла сестру и начала ее кружить.

— Эй, — осторожнѣй, стрекоза! — отозвался изъ угла Менандровъ. — Не разрушьте нашего шалаша!..

— Сумашедшая ты, Клавдюшка! — проговорила Серафима, освобождаясь отъ объятій.

— Что жъ, Родіонъ!.. Пойдемъ посмотримъ, что случилось! — предложилъ Акрамовскій. — А вы, коллеги, возьмите, что нужно изъ нашихъ вещей да и устраивайтесь себѣ въ углу!..

Шалашъ былъ возстановленъ, и жизнь потекла мирно, безъ приключеній.

Начались серебряно-голубыя прозрачныя волжскія ночи.

Мѣсяцъ вставалъ изъ-за луговой стороны оранжевымъ полукругомъ. Поднимаясь выше, свѣтлѣлъ, какъ чеканное серебро. Раздумчиво плылъ по тихимъ просторамъ среди блѣдныхъ лѣтнихъ звѣздъ. Берегъ оживалъ фантастически. Силуэты кустовъ принимали самыя причудливыя очертанія: то казались одинокими затерянными странниками, то стремительными всадниками, мчащимися отъ земли къ небу, въ таинственную неизвѣстность. Въ овражкахъ и ложбинахъ густо западала тьма. Слюда на обнаженныхъ выступахъ далеко мерцала обманнымъ, измѣнчивымъ свѣтомъ.

Регламентъ давно былъ нарушенъ. Вечеромъ происходили прогулки. Акрамовскій долгое время упорствовалъ, требуя, чтобъ всѣ ложились спать въ указанные часы, но, въ концѣ концовъ, сдался и махнулъ рукой на водворившійся безпорядокъ. Только самъ онъ не принималъ участія въ прогулкахъ.

И вообще намѣренно сторонился Клавдіи. Старался погасить въ себѣ просыпающееся къ ней чувство, считалъ его ненужной непростительной слабостью, которая помѣшаетъ осуществить планы.

„Любовь въ моемъ положеніи — недоступная роскошь! — рѣшилъ онъ. — Одно изъ двухъ: или семья, или самосовершенствованіе“.

И когда Клавдія приглашала его на прогулки, онъ упрямо отнѣкивался, ссылаясь на что-нибудь.

Клавдія большей частью находилась въ обществѣ Менандрова и сестры.

Серафима любила мѣсто на поворотѣ рѣки, гдѣ лѣсъ

подходилъ къ водѣ густымъ шатромъ. Пахло грибной плѣсенью, папортниками и крѣпкимъ горькимъ настоемъ отъ дубковъ. Надъ самой рѣкой вешними водами были вымыты ложбинки. Открытые корни свисали бахромой прямо въ воду, и въ кружевныхъ прогалахъ между ними четкими кованными дисками играла луна.

Дальше лѣсъ заканчивался мысомъ. Здѣсь обычно купались и ловили рыбу. Теперь же Серафима и Менандровъ сидѣли вдвоемъ, бесѣдовали.

Клавдія на горѣ копошилась около костра.

Серафима любовалась Волгой. Смотрѣла, какъ съ берега перекинулся серебряными перстеньками зыбкій лунный мостъ.

Ночь западала въ душу томительными желаніями.

— Родіонъ Васильичъ! Вы не сердитесь на меня?..

Она сказала робко, вполголоса, почти съ мольбой. Боялась, что онъ отвергнетъ ее, будетъ смѣяться...

— Нѣтъ, за что же! — дружески отвѣтилъ Менандровъ.

Отвѣтъ ободрилъ... Шевельнулась тайная надежда въ сердцѣ. Линіи лица въ свѣтѣ луны стали мягкими. Но въ углахъ губъ все еще дрожали грустныя темныя складки. И сухіе ищущіе глаза неутоленно горѣли.

— Мнѣ показалось, что вы чуждаетесь меня послѣ той исторіи въ бурю?

— О, нѣтъ... Вы были правы.

— Спасибо вамъ... Вы — добрый.

„Добрый!..“ Это слово остро уязвило его.

„Нѣтъ, — онъ не добрый, — онъ — жестокій“...

Онъ взглянулъ на нее. Она сидѣла маленькая, неподвижная, напряженно сжавшаяся. Старалась скрыть свое волненіе. Но послушныя тѣни на лицѣ выдавали ее, и наброшенный на плечи кисейный шарфикъ то поднимался, то опускался. Ему стало жаль ее, покорную и тихую.

— Серафима Ивановна... Долго вы еще намѣрены пробыть здѣсь?

— Не знаю... Скоро конецъ іюля... Долго оставаться нельзя. Да я, собственно, уже устала отъ такой жизни... Вѣрнѣе, не отъ жизни, а отъ...

Она подыскивала нужное смущающее ее слово. Хотѣлось высказать все, — какъ измучилась она отъ ожиданій... Сложила на колѣняхъ руки... Пальцы слегка вздрагивали.

— Устала отъ самой себя, отъ своихъ настроеній...

Менандровъ испыталъ укоръ совѣсти.

„Да, онъ виноватъ передъ Серафимой!.. Онъ знаетъ, что она его любитъ. Почему же онъ такъ непростительно медлитъ со своимъ рѣшеніемъ?.. Или — да, или нѣтъ, одно изъ двухъ!“

Оба молчали.

„Серафима добра, преданна, серьезна, — думалъ Менандровъ. — Она искренно трогаетъ его, нравится ему. Въ ея характерѣ есть какъ разъ именно то, чего недостаетъ ему, „пустой тростинкѣ“... Будетъ хорошей женой, — другомъ!.. Поддержитъ въ трудную минуту, не дастъ спиться, погибнуть! Нечестно я веду себя въ отношеніи къ ней!.. упрекнулъ онъ себя... Зачѣмъ столько мучаю ее?“

Вспомнились слова Иващенко: „Фундамента въ вашей жизни нѣтъ... Поддержка близкаго человѣка вамъ нужна...“

„Что̀, — если въ самомъ дѣлѣ жениться на Серафимѣ? Нѣтъ, что за дикая мысль!.. Какъ же такъ?.. Взять вотъ да ни съ того ни съ сего сдѣлать предложеніе!.. Странно... Почему же странно?.. Вѣдь она же любитъ его! И ему она нравится...“

Ночь разсѣивала вокругъ тихое очарованіе. Перламутровое облачко обошло ожерельемъ луну и заискрилось голубыми блестками. Каменистые выступы берега бѣлѣли, какъ непорочные платы. Двѣ березки въ просвѣтѣ выпрямляли, стволы, какъ тонкія вѣнчальныя свѣчи.

На небѣ и на землѣ рождалась вѣчная торжественная красота и властно охватывала душу.

— Серафима Ивановна, — заговорилъ Менандровъ, влекомый неудержимымъ порывомъ, который навѣвала на него ночь. Онъ не зналъ, что̀ будетъ говорить дальше... Словъ не было... Была только смутно-угадываемая потребность сдѣлать что-нибудь хорошее, красивое, возвышенное. — Я чувствую себя виноватымъ передъ вами... Я заставилъ васъ такъ много страдать...

Она подняла голову... Въ его словахъ мелькнула для нея нечаянная и близкая возможность такъ долго ожидаемаго счастья...

— Не надо поминать о страданіяхъ! — взволновано сказала она.

— Да?.. Вы ихъ забудете? — совсѣмъ по-новому, измѣнившимся, не своимъ голосомъ, нѣжно, чтобъ не оскорбить ея, спросилъ онъ... Спросилъ, какъ близкій...

Все въ ней сладко затрепетало.

— Да? — повторилъ онъ не столько словами, сколько движеніемъ руки.

Она отвѣтила тихо пожатіемъ:

— Да...

Съ признаніемъ женщины, долго хранившей свою любовь, стыдливо склонилась къ нему:

— Милый!..

— Сережка... а вѣдь я женюсь! — заявилъ на другой день Менандровъ Акрамовскому, когда они шли вмѣстѣ купаться.

Акрамовскій привыкъ не придавать серьезнаго значенія тому, что говоритъ Менандровъ.

— Шутишь?..

— Нѣтъ, безъ шутокъ!.. И черезъ мѣсяцъ свадьба.

— Недоумѣваю... На комъ же?

— На Серафимѣ.

Акрамовскій шелъ впереди, отбрасывая ногой попадавшіеся на пути камни. Такъ онъ дѣлалъ, когда о чемъ-нибудь размышлялъ.

— Что же, — такъ любишь ее, что не можешь обойтись безъ женитьбы?

— Какъ тебѣ сказать! — догоняя его и придерживая крѣпко за руку, чтобъ придать больше убѣдительности словамъ, заговорилъ Менандровъ. — Любовь ли это, — разбираться въ томъ нѣтъ надобности... Зачѣмъ?.. Конечно, у меня не такое чувство, изъ за-котораго другіе, напримѣръ, сходятъ съ ума, не спятъ ночей и прочее... Но Серафима мнѣ нравится... И по характеру своему она для меня самое лучшее, что я могу встрѣтить... Чего же гадать? Не вѣкъ же мытарствовать въ одиночествѣ... Мнѣ уже тридцать съ единицей.

— Значитъ, логическія основанія?

— Называй, если тебѣ нравится, логическими. Вѣдь на этихъ самыхъ основаніяхъ большинство нашего брата-учителей женится!.. Вѣрно! Надоѣстъ бобылемъ мотаться, а тутъ какая-нибудь встрѣча, планы жизни, совмѣстная работа и тому подобное... Лучше Серафимы мнѣ не найти... Довольно и того, что она согласна со мной, свиньей, связать свою жизнь, — облагообразить меня, такъ сказать!..

— Да, — не ожидалъ я! — замѣтилъ Акрамовскій.

— Такъ ужъ, братъ, вышло! Экспромптомъ! Ночь еще этакая лунная, да Волга, да все прочее... Я и самъ не ожидалъ...

Оба спустились на мысъ. Медлили раздѣваться и сидѣли лицомъ къ водѣ. Рябь отъ солнца слѣпила глаза.

— Жениться не трудно! — заговорилъ Акрамовскій. — Тутъ для насъ, учителей, другой больной вопросъ... Вопросъ жизни и смерти. Пойдутъ дѣти... Нужда... Болѣзни.

— Какъ-нибудь устроимся! — отвѣтилъ Менандровъ. — Ну, уроки частные возьму... Буду работать... Она тоже... Вѣдь не сибариты же мы... Всѣ учителя такъ живутъ... Не лучше...

И обоимъ одновременно пришла мысль объ Иващенко:

— Да, не лучше. Вотъ Николай Ильичъ пятидесяти четырехъ лѣтъ превратился въ совершеннаго старика, замученнаго болѣзнями... И умеръ раньше времени...

Солнце начинало парить. Утренняя рябь на водѣ разросталась.

— Сережка, — началъ Менандровъ, — почему бы тебѣ не жениться на Клавдіи?.. Вѣдь тебѣ нравится Клавдія?..

— Почему ты думаешь такъ? — застигнутый врасплохъ смущенно спросилъ Акрамовскій.

— Не слѣпой же я, слава Господи!.. Вижу!

Мелкая тревожная зыбь обошла кругомъ все лицо Акрамовскаго. Словно уличенный въ преступленіи, онъ строго сдвинулъ брови и сказалъ:

— Нѣтъ, — у меня иной планъ жизни. Ради него я долженъ поступиться всѣмъ.

— Почему?

— Потому что только одиночество дастъ неограниченную свободу... Семья, заботы, все это было бы грузомъ для... для...

— Для крыльевъ духа?

— Именно такъ, — для крыльевъ духа...

— Развѣ жъ, Сережка, нельзя бороться вдвоемъ?..

— Вдвоемъ не то... Одному легче... Другой человѣкъ меня стѣснитъ... Принесетъ свои вкусы, привычки... Вдвоемъ, значитъ усложнять потребности и обстановку... А я, напротивъ, — хочу всѣ свои матеріальныя потребности ограничить до минимума... Какъ можно меньше зависѣть отъ обстановки... Если ужъ служитъ обществу, то слѣдуетъ служить

до конца. Никакихъ компромиссовъ... Никакихъ потачекъ и уступокъ для личной жизни.

— Сережка!.. Но вѣдь природа противъ этого?

— Можетъ быть... Что же я могу сдѣлать иное въ нашихъ подлыхъ условіяхъ жизни?..

Менандровъ хотѣлъ возразить, но промолчалъ.

Когда возвращались съ купанія, Серафима и Клавдія попались навстрѣчу. Серафима шла съ распущенными волосами, розовая и какъ бы помолодѣвшая на нѣсколько лѣтъ. На ней была нарядная праздничная сиреневая блузка съ кружевами...

— Кончили купаніе? — крикнула она издали.

Голосъ былъ звонкій, радостный... Молодо и легко онъ слился со звономъ веселаго свѣтлаго дня.

„Да, она счастлива!“ — подумалъ Акрамовскій. И внутри его съ болью дрогнуло что-то свое, неутоленное.

Онъ отмахнулся отъ всколыхнувшагося чувства, какъ отъ досаднаго и мѣшающаго думать. Круто повернулъ въ сторону, чтобъ не встрѣтиться съ Клавдіей. Пошелъ въ лѣсъ крупными упрямыми шагами и оставался тамъ весь день до вечера.

Уѣзжали втроемъ: Менандровъ, Серафима и Клавдія. Надо было приготовиться къ свадьбѣ. Клавдія безъ сестры не захотѣла остаться.

Въ день отъѣзда было облачно и вѣтрено.

Съ низовья бѣжали бѣляки. Баржа, на которой находилась конторка, покачивалась на туго натянутыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ и скрипѣла сходнями.

Клавдія простилась грустно. Смотрѣла большими круглыми васильковыми глазами, и изъ-подъ рѣсницъ дрогнули синія стрѣльчатыя тѣни... Сказала:

— Сергѣй Петровичъ... поѣдемте вмѣстѣ!

Острая, нежданно налетѣвшая боль защемила въ его сердцѣ... Захотѣлось быть вмѣстѣ съ ними. Съ ней... Только не туда въ Бузулукъ, а въ другое мѣсто, — гдѣ лучше...

Онъ заколебался...

„Вотъ уѣдетъ она, — и всему конецъ!..“ — пронеслось тоскливо въ мысляхъ.

Но это было мгновеніе. Онъ сурово пересилилъ себя и сказалъ, отводя лицо въ сторону, чтобъ не встрѣчаться съ ней взглядомъ:

— Спасибо, Клавдія Ивановна!.. Мнѣ еще надо быть въ Морквашахъ.

Чувствовалъ, что говоритъ не то, что нужно...

Прислонившись къ деревяннымъ периламъ, смотрѣлъ, какъ отчаливаетъ пароходъ. Наркисъ, испуганный шумомъ, прижался къ его ногамъ.

Застучали убираемыя сходни. Пароходъ, сверля винтомъ воду, медленно сталъ поворачиваться крѣпкимъ стальнымъ корпусомъ.

Серафима и Менандровъ стояли вмѣстѣ на палубѣ верхняго яруса. Она довѣрчиво и радостно опиралась на его руку. Онъ — непонятно загадочный... Отдѣльно — Клавдія, въ скромной соломенной шляпкѣ, съ бѣлымъ платочкомъ въ рукахъ.

— Пріѣзжайте къ свадьбѣ! — крикнула Серафима.

Акрамовскій промолчалъ и прощально замахалъ фуражкой.

Долго онъ смотрѣлъ, какъ удаляется пароходъ... Мелькалъ бѣлый платочекъ Клавдіи.

Наконецъ всѣ трое на палубѣ слились въ одно слѣпое далекое пятно.

Тогда Акрамовскій свистнулъ Наркиса и пошелъ домой.

Лѣсъ шумно гудѣлъ, какъ въ тотъ день, когда онъ съ Клавдіей стоялъ около валуна. Такъ же буйно бѣсились волны.

Онъ свернулъ къ Волгѣ.

— Да... Вотъ онъ и одинъ... Что жъ?.. Значитъ, такъ нужно!

На одномъ изъ мысовъ налаживалъ лодку баканщикъ Степанъ, у котораго покупали хлѣбъ.

Степанъ въ холщевой грязной рубахѣ, съ разстегнутымъ воротомъ, открывавшимъ загорѣлую коричневую грудь, примѣрялъ уключины. На головѣ у него была солдатская безкозырка, и вѣтеръ трепалъ изъ-подъ нея сивыя пряди волосъ.

— Проводилъ дружковъ? добродушно сказалъ Степанъ.

— Проводилъ...

— Што жъ такъ мало въ нашихъ мѣстахъ гуляли?..

— Дѣло есть, Степанъ... Нельзя...

— Та-акъ... А ты што, за нуждой, али такъ?.. Скушно, поди, одному-то?

— Такъ вѣдь и ты, Степанъ, одинъ? — вопросомъ же отвѣтилъ Акрамовскій

— Ну, мы народъ привышный!.. Насъ куды рѣчной придѣлитъ, тамъ и кормись... Больно времена-то нонѣ трудныя стали...

— И мы, учителя, народъ — тоже привычный! — отвѣтилъ Акрамовскій.

Сразу стало легче на душѣ.

— Дай-ка мнѣ, Степанъ, лодку!.. Въ порядкѣ она у тебя?..

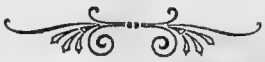
— Въ справности, — какъ быть!.. Лодка добрая! — похвастался Степанъ.

Вдвоемъ стащили къ водѣ лодку. Акрамовскій сѣлъ въ корму и взялся за весла. Слѣдомъ за нимъ съ лаемъ прыгнулъ въ лодку Наркисъ.

Бѣлые гребни задорно кружились у берега. Широкій бушующій просторъ звалъ, чтобъ помѣряться силами.

Акрамовскій оттолкнулся веслами и повернулъ лодку наперерѣзъ валамъ.

Ал. Богдановъ.



ПРЕДМЕТЫ.

Говорятъ: не живые предметы!
Для меня они жизни полны.
Они нѣжною дымкой одѣты
Прошлыхъ дней, промелькнувшихъ, какъ сны.
Взявъ любовно и нѣжно ихъ въ руки,
Я гляжу словно въ зеркало въ нихъ.
Вижу прошлое счастье и муки,
Отголоски мечтаній былыхъ.
И глядятъ въ нихъ, полны обаянья,
На меня изъ забвенья временъ
Взоры милыхъ, чьи мысли, желанья
И весь обликъ въ душѣ схороненъ.
Говорятъ: не живые предметы!
Для меня они жизни полны.
Они нѣжною дымкой одѣты
Прошлыхъ дней, промелькнувшихъ, какъ сны.

Ксенія Морозова.

ЗОВЫ.

Зовы уснувшіе, зовы весенніе!
Тихо дремали вы въ сердцѣ моемъ.
Думала, вы потонули въ забвеніи...
Что жъ загорѣлись вы яркимъ огнемъ?

Сладко туманите сердце вы бѣдное,
Снова, зардѣвшись, вамъ жадно внемлю.
Прочь всѣ печали! Я пѣсни побѣдныя
Жизни и счастью, какъ прежде, пою!

Ксенія Морозова.

КРАСНАЯ ДАЧА.

Съ тѣхъ поръ какъ она ушла изъ моей жизни, все потеряло прежній смыслъ. Погасло большое, яркое пламя въ душѣ. Загорится ли когда-нибудь еще, не знаю... сомнѣваюсь. Странно подумать, что она испортила жизнь себѣ и мнѣ и потомъ ушла. Почему? На этотъ вопросъ врядъ ли могъ бы кто-нибудь отвѣтить!

Съ тѣхъ поръ, какъ ея нѣтъ, все измѣнилось, и самъ я какъ-то потускнѣлъ и посѣрѣлъ. А, главное, пересталъ работать. Вотъ это самое страшное! Была у меня профессія, спеціальность, бросилъ, ничего дѣлать не могу.

— А лодырничать можешь? — иногда спрашиваю я себя и отвѣчаю.

— Могу.

Я не капиталистъ и, если бы не любовь и снисходительность матери, давно бы бѣдствовалъ или... взялся за умъ и снова сталъ бы аккуратнымъ чистенькимъ инженеромъ съ новенькой фуражечкой на головѣ и блестящими, какъ маленькія солнца, пуговицами на форменномъ пальто, какимъ былъ ранѣе.

Я уже не молодъ, но еще не старъ. Любилъ и люблю промежуточныя жизненныя состоянія, когда чувствуешь себя внѣ времени и пространства. Поэтому-то всегда такъ охотно путешествовалъ. Ѣдешь куда-то, цѣль впереди, пока никакихъ обязанностей, никакой отвѣтственности. Я — пассажиръ, какъ сотни другихъ, имѣю билетъ въ карманѣ, и поѣздъ обязанъ доставить меня на мѣсто. Словомъ, я — существо безъ настоящаго. Мое настоящее въ будущемъ.

То же ощущаю и сейчасъ. Лѣто, обязанностей никакихъ, все начнется съ зимы, и пока — я почти счастливъ.

Здѣсь хорошо. Съ этимъ всякій охотно согласится. Деревня, нѣсколько избъ на почтительномъ отдаленіи другъ отъ

друга, лѣсъ, темный и густой, березовая роща, луга, рѣка. И небо, голубое или сѣрое, смотря по его настроенію, но всегда далекое и потому прекрасное.

Пріѣхалъ я сюда одинъ, теперь середина лѣта и, волею судьбы, имѣю знакомыхъ.

Во-первыхъ, Лиза и Нина. Онѣ — сестры! Лиза уже жена и мать. Ея мужъ отсутствуетъ, онъ студентъ-технологъ, а сынъ... о немъ, вѣроятно, буду говорить обстоятельно и неоднократно. Такіе люди, трехъ лѣтъ отъ роду, у которыхъ синіе глаза, ямочки на пухлыхъ ручонкахъ и несложный, но очаровательный запасъ словъ, для меня неотразимо обаятельны. А сынъ Лизы именно таковъ. Когда онъ говоритъ:

— Дядя, моти, обоцекъ! — это значитъ: — Вставай съ кресла, лѣнивый чурбанъ, и пойди съ Вовикомъ собирать грибочки.

Лиза — добрая мѣщаночка съ красивыми глазами и стройной фигуркой. Нина моложе, глупѣе и веселѣе. Меня зовутъ Павелъ Ивановичъ, но онѣ произносятъ оба слова быстро и сокращенно: „Палъ Ванычъ". Какое неудачное созвучіе! Болванычъ, да и только!

А развѣ не Болванычъ этотъ нелѣпый человѣкъ, который безсмысленно просиживаетъ часами у нихъ на террасѣ и пытается себя увѣрить, что торчитъ здѣсь изъ-за вида на рѣку? Всѣ говорятъ, что нигдѣ такъ не видна прекрасная, гордая рѣка и пароходы на ней и баржи, какъ отсюда. Но это неправда, дѣло не въ томъ! Просто Болванычу некуда дѣваться, вотъ онъ и вытягиваетъ свои длинныя ноги на просторной террасѣ.

Солнце уже близко къ закату. Бѣлыя, родныя березки залиты золотымъ сіяніемъ. Онѣ кончаютъ сегодняшній день и завтра рано, рано утромъ начнутъ новый, — зеленыя, свѣжія, молодыя...

— Не мечтайте, Палъ Ванычъ, — говоритъ Лиза и осторожно, ложку за ложкой, суетъ жидкую манную кашу въ маленькій Вовинъ ротикъ. — Пойдите лучше въ огородъ, нарвите намъ къ ужину редиски.

Я встаю и безпрекословно исполняю приказаніе. Чтобы добраться до грядки, надо основательно промочить ноги въ росистой травѣ и, вытягивая редиску, выпачкать руки землей. Но это, конечно, пустяки!

— Опять массу малюсенькихъ вытащили, — строго го-

воритъ Нина и грозитъ пальцемъ. — Онѣ бы выросли большія и превкусныя, а теперь никуда не годятся.

Виновато опускаю голову. Она права, и мнѣ остается лишь молчаливое покаяніе.

* * *

Изрѣдка получаю письма изъ дому отъ матери. Братъ не пишетъ никогда. Онъ очень занятъ ему не до того. Удивительно все-таки мудро распоряжается судьба. Викторъ — сущее утѣшеніе для родителей. Никакихъ экстравагантностей, никакого уклоненія въ сторону. Его жизненный путь ровенъ, какъ скатерть. По окончаніи университета поступилъ въ сенатъ и дѣлаетъ карьеру. У него есть невѣста. Она богата, недурна собой и очень хорошо воспитана. Викторъ на нѣсколько лѣтъ моложе меня, но относится ко мнѣ покровительственно и даже немножко свысока. Онъ былъ любимцемъ покойнаго отца, я — первенецъ — матери.

„Поль, дорогой мой, — пишетъ мать. — Почему вмѣсто заграничнаго путешествія, о которомъ мы столько толковали, ты очутился въ заброшенной русской деревенькѣ? Что за новая фантазія? Прямо въ отчаяніе прихожу. Пора взяться за умъ, слышишь? Поль, ты уже не мальчикъ, и сумасбродства надо оставить. Мы живемъ на дачѣ недалеко отъ Горбановскихъ. Свободное время Викторъ проводитъ съ невѣстой. Павлуша родной, хотѣлось бы и тебя видѣть счастливымъ. Денно и нощно молю Господа объ этомъ! Будь здоровъ. Пиши“.

Что отвѣтить maman? Правду, ложь, или просто шуткой какой-нибудь для отвода глазъ? Бѣдная, сѣденькая maman! какой у нея неудачный, неудачливый сынъ!

* * *

Мой лучшій здѣшній пріятель — Глѣбъ Ивановичъ Величковскій, Глѣбушка, какъ я его называю съ недавняго времени. У него славное открытое русское лицо и въ глазахъ тотъ грустный огонекъ внутренняго безпокойства, который такъ часто встрѣчается у русскихъ интеллигентовъ. А онъ интеллигентъ до мозга костей. Только что получилъ званіе лѣкаря и послѣ долгаго отсутствія пріѣхалъ домой.

Наше знакомство состоялось въ одинъ изъ первыхъ дней моего появленія здѣсь. Теперь мы почти неразлучны. Только къ Лизѣ и Нинѣ ходить не любитъ.

— Потрясающее мѣщанство, — говоритъ онъ, и я въ душѣ съ нимъ согласенъ, но бормочу что-то о прекрасномъ видѣ съ террасы.

У Глѣбушки никогда не бываю, у нихъ тамъ какіе-то нелады въ семьѣ, но зато онъ ко мнѣ приходитъ ежедневно. Сидимъ на крылечкѣ или пьемъ чай подъ старой березой.

— Не понимаю, Павелъ Ивановичъ, — говоритъ онъ. — Годъ безъ дѣла сидите, и это во цвѣтѣ силъ, можно сказать! Да вѣдь стыдно, по-моему, смотрѣть людямъ въ глаза, особенно этимъ, — указываетъ онъ на проѣзжающаго съ возомъ сѣна коряваго вспотѣвшаго мужиченку. — Конечно, виновата среда, въ которой вы воспитывались и жили. Простите меня, но этотъ вашъ братъ Викторъ на мой взглядъ — уродъ, нравственный калѣка...

Онъ умолкаетъ и ждетъ моей реплики, но я молчу.

— Ни о чемъ васъ не спрашиваю, но вижу и чувствую, что на своемъ вѣку продѣлали не мало, но это не оправданіе, наоборотъ, совсѣмъ наоборотъ.

Улыбаюсь виноватой улыбкой и смотрю на своего прокурора. Какой онъ хорошій, нетронутый, честный!

— Глѣбушка, — осторожно спрашиваю я, — любили вы когда-нибудь?

Онъ энергично и сердито мотаетъ головой.

— Нѣтъ, никогда. Удивительная у васъ особенность задавать совершенно неумѣстные вопросы!

Мнѣ вдругъ становится жаль его, несмотря на его молодость, душевную силу, вѣру и смѣлость. Какъ это до сихъ поръ не нашлось милой, свѣтлой дѣвушки, которая оцѣнила бы Глѣбушку, ясность его ума и души, его мужественность и силу и дала ему счастье, то большое, ликующее счастье взаимнаго пониманія, которое она способна дать...

„Милыя, тонкія, чуткія дѣвушки, — думаю я, — полюбите моего Глѣбушку, раздѣлите его сомнѣнія, его вѣру...“

Опять идетъ дождь. Мы беремъ стулья изъ-подъ старой березы и, ворча, вносимъ ихъ въ комнату.

Лѣто на рѣдкость дождливое и грибное. Послѣднее обстоятельство особенно занимаетъ Лизу и Нину, но не меня.

— Не сердитесь, Нина Васильевна, — робко говорю я, показывая одинокій грибъ, лежащій на днѣ моей объемистой корзинки.

— Обоцки, обоцки, — радостно лепечетъ Вовикъ, и самъ онъ напоминаетъ маленькій бѣлый грибокъ на толстенькой, крѣпкой ножкѣ.

Мы съ нимъ въ арьергардѣ и чаще другихъ получаемъ замѣчанія. Ротозѣи, что и говорить; особенно я.

Въ лѣсу тихо, пахнетъ сыростью. Темныя ели подчеркиваютъ молодую бѣлизну березъ. Зеленый, крутой спускъ, усѣянный ромашками и колокольчиками. Внизу сверкаетъ прохладная и гладкая рѣка.

У меня на заводѣ тоже былъ домикъ съ видомъ на рѣку. Онъ стоялъ на такомъ же крутомъ спускѣ, и еще была лодка, бѣлая съ черной надписью „Стрѣлочка", маленькая, только на двоихъ...

Я крѣпко сжимаю пухленькую Вовину ручку. Онъ удивленно поднимаетъ на меня глаза, и въ этомъ ясномъ дѣтскомъ взглядѣ тонутъ далекія, грустныя воспоминанія.

— Возьмись за умъ, Болванычъ, пора, пора! Не течетъ рѣка обратно, что прошло, то безвозвратно, — говорю я Вовику.

Тотъ смѣется и показываетъ мелкіе зубки.

— Дядицка, — заискивающе начинаетъ онъ, — ми Вову на луцки!

Давно погасло яркое пламя въ душѣ, и на его мѣстѣ пустота, мертвая пустота...

Въ сторонѣ отъ деревень и сѣрыхъ избъ, недалеко отъ домика Лизы и Нины, стоитъ двухъ-этажная Калашниковская дача. Съ верхняго балкона, точно на ладони, видна рѣка, роща и далекій горизонтъ. Много старыхъ деревьевъ и кустовъ, но мрачно какъ-то, не уютно! Домъ въ тѣни. Окрашенъ въ красный цвѣтъ, побурѣвшій отъ дождей.

Здѣшніе люди не любятъ легендъ, но Калашниковская дача, темная, непривѣтливая и все же красивая, имѣетъ свою исторію.

Говорятъ, будто бы ея владѣлецъ, богатый купецъ, имѣлъ дочь, красавицу, конечно, но увы! глухонѣмую. Все было, какъ въ сказкѣ. Она полюбила кудряваго приказчика Алешу, но тотъ, несмотря на ея красоту, на любовь, на богатство, отказался жениться на ней и уѣхалъ въ далекую Москву. И вотъ, однажды, въ темную, бурную ночь, глухонѣмая застрѣлилась въ березовой рощѣ, что напротивъ дачи.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Чуть-чуть повыше стали березы въ рощѣ, домъ потемнѣлъ отъ дождей — изъ краснаго сталъ буро-коричневымъ. Старикъ умеръ. Дача пустѣетъ.

Въ прошломъ году какіе-то пріѣзжіе съ юга сняли ее.

Но прожили всего нѣсколько дней и неизвѣстно почему, не смотря на то, что уплатили за все лѣто, что у нихъ была большая семья и много вещей, внезапно уѣхали, никому ни слова не сказавъ.

— Не иначе, глухая ходитъ, — сообщила мнѣ, разсказывая эту исторію, моя хозяйка, пожилая баба съ подоткнутымъ, всегда грязнымъ подоломъ.

Я махнулъ рукой. Разубѣждать ее было лѣнь. Пусть думаетъ, что на красной дачѣ бродитъ душа глухонѣмой... Мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно!

Лежу на травѣ, смотрю въ небо и сочиняю письмо maman, полное глупостей и небылицъ.

Мысли цѣпляются одна за другую и невольно возвращаются къ тому, что было радостью и горемъ моей жизни. Неужели я когда-то былъ счастливъ?

Опять вспоминается заводъ, домикъ у рѣки и, главное, она, моя любовь, моя невѣста. Всплываютъ милыя детали нашей тогдашней жизни... Мнѣ кажется, эти детали причиняютъ особенно острую боль!

Она всегда встрѣчала меня, когда я уходилъ со службы. Вмѣсто того, чтобы идти прямо домой, — домъ ея отца стоялъ недалеко отъ моего, — мы шли лѣсной опушкой.

Медленно, не торопясь. Зачѣмъ намъ было торопиться? Мы были вмѣстѣ. Какое это было счастливое, незабвенное время моей жизни!

Она, смѣясь, старалась идти со мной въ ногу, но на два ея шага приходился одинъ мой.

Иногда я сердился на большую соломенную шляпу, которая закрывала ее отъ меня. Тогда она становилась на цыпочки, закидывала голову быстрымъ движеніемъ, отъ котораго шляпа повисала у нея на спинѣ, и порывисто, крѣпко цѣловала меня.

Мы любили другъ друга, и впереди у насъ была еще длинная, счастливая жизнь. Я такъ думалъ, по крайней мѣрѣ. Развѣ я могъ предугадать то, что случится? Боже мой, какъ больно и сейчасъ, а вѣдь, казалось, время залѣчило эту боль!

Небо опять затягивается тучами. Только что я любовался его прозрачной синевой. Тонкія облака соединились въ настоящую сѣрую тучу. Какая досада! Опять будетъ дождь. Неугомонно трещатъ кузнечики. Ужасно люблю эту лѣтнюю музыку.

... Да, если бы я зналъ, какія послѣдствія будетъ имѣть

мой отъѣздъ, я остался бы безвыѣздно на заводѣ, хоть до самой своей смерти. Но я не могъ предугадать будущаго, я такъ вѣрилъ въ наше счастье!

Начальство предложило мнѣ выгодную командировку. Нѣсколько мѣсяцевъ разлуки, но зато какая награда! Возможность соединиться съ любимой навсегда!

Отъ этой мысли радостно кружилась голова, и мой тихій домикъ у рѣки оживалъ и веселѣлъ. Впрочемъ, мысленно я давно жилъ въ немъ вдвоемъ.

Сначала я получалъ подробныя, длинныя письма. Въ нихъ она отражалась цѣликомъ, любящая, нѣжная. Благодаря этимъ страничкамъ, исписаннымъ мелкимъ, четкимъ почеркомъ, мнѣ легче было переносить разлуку.

Потомъ письма стали приходить рѣже и меньше удовлетворяли меня. Въ нихъ чувствовалось какое-то смятеніе, какое-то непонятное мнѣ волненіе.

Ея родители не любили меня и, должно быть, пользуясь моимъ отсутствіемъ, старались возстановить ее противъ меня, испортить наши отношенія. Наивные, смѣшные люди!

Несомнѣнно, что-то смутило ея покой, но что?

Когда я вернулся нѣсколько мѣсяцевъ спустя, моей невѣсты, моей стрѣлочки, какъ я ее называлъ, уже не оказалось. За это короткое время произошло многое, все...

Сдержанно и сухо говорила со мной ея мать. Мой временный замѣститель на заводѣ будто бы вскружилъ ей голову! Неужели она могла такъ быстро забыть меня и наше счастье, прошлое и будущее?

Я не вѣрилъ, я былъ самъ не свой и требовалъ правды, фактовъ. Увы! главный, все уничтожающій фактъ былъ налицо — она вышла замужъ, уѣхала...

Ея мать пренебрежительно улыбнулась и протянула мнѣ письмо отъ нея. Я прочелъ его медленно, внимательно, спокойно. Иногда я умѣю владѣть собой.

Итакъ, все было кончено: она ушла изъ моей жизни Я вѣжливо откланялся и пошелъ домой...

Съ тѣхъ поръ моя maman недовольна мной, съ тѣхъ поръ я — безъ дѣла, безъ желаній. Съ тѣхъ поръ я — Болванычъ!

Потомъ, позже я узналъ, что она несчастлива... Почему же она испортила жизнь себѣ и мнѣ? Почему?

Я тогда этого не понималъ, не понимаю и теперь...

Скрипятъ колеса. Невольно поднимаю голову. Ѣдетъ

возъ, нагруженный вещами: кровати, столы, стулья, сундуки. Что такое? Я даже вскакиваю съ мѣста. Здѣсь становишься ужасно любопытнымъ. Въ этой глуши все кажется событіемъ. Куда поѣхалъ возъ? Чьи это вещи?

— Представьте, — сказала мнѣ Лиза, когда я пришелъ къ нимъ въ этотъ день, — Калашниковская дача сдана. Завтра переѣзжаютъ. Сумасшедшіе! Почти въ концѣ лѣта, да еще съ затѣями какими-то — балконъ весь украшенъ цвѣтами, на окнахъ тонкія занавѣски, гамакъ, соломенныя кресла. Пойдемте, сами взгляните!

Но Вова рѣшительно запротестовалъ и неожиданно заплакалъ. Лиза принялась вытирать крупныя слезы, неизвѣстно почему выбѣжавшія изъ синихъ Вовиныхъ глазъ.

— Сынъ не пускаетъ, — улыбаясь, сказала она.

Нина прихорашивалась въ сосѣдней комнатѣ. Она стала ужасной кокеткой въ послѣднее время.

Я отправился одинъ. Лиза была права: изящныя занавѣски, цвѣты. Дача сразу повеселѣла, точно протерла заспанные глаза. Калитка была отперта. Я безцеремонно вошелъ въ садъ.

Все казалось разсчитаннымъ на то, чтобы скрыть обитателей дачи отъ любопытныхъ глазъ прохожихъ. Гамакъ висѣлъ въ темной гущѣ деревьевъ, удобныя низенькія кресла размѣстились на сочной лужайкѣ за домомъ. Только балконъ, обсаженный горошкомъ, настурціями и резедой, былъ доступенъ постороннему глазу, лишь наполовину закрытый цвѣтами. Посрединѣ стоялъ столъ съ бѣлой вышитой скатертью, букетъ розъ и кипа новыхъ, неразрѣзанныхъ еще журналовъ. Въ углу, точно въ гнѣздышкѣ, пріютилась низенькая качалка съ желтой шелковой подушкой въ головахъ и мягкой скамеечкой для ногъ.

— „Однако, — подумалъ я, — здѣсь любятъ комфортъ. Что сказалъ бы Глѣбушка?“

Двѣ женщины, очевидно прислуги, усердно подметали нижнюю террасу.

— Вамъ что угодно? — строго и недоброжелательно спросила одна изъ нихъ.

Я не успѣлъ отвѣтить. Баба, мывшая полъ, съ грязнымъ подоткнутымъ подоломъ, оказалась моей хозяйкой и отвѣтила за меня:

— Нашъ онъ, сударушка, Еремѣевскій. Хорошій баринъ, мою избу снимаетъ!

Спасибо хозяйкѣ, благодаря ей безпрепятственно двигаюсь дальше. Странно, прежде меня не интересовала Калашниковская дача, теперь разсматриваю мелочи.

Фасадная сторона дома съ балкономъ смотритъ на березовую рощу и отдѣлена отъ нея только заборомъ. Когда мы спускаемся къ рѣкѣ, то обязательно должны пройти мимо. Но дача имѣетъ и свой собственный спускъ, съ другой стороны, удобный, широкій. Всюду поставлены скамейки со спинками, чтобы можно было отдыхать. Положительно купецъ любилъ комфортъ!

Почти у самой воды сохнетъ только что выкрашенная бѣлой масляной краской изящная лодочка, и на ней черная надпись: „Стрѣлочка".

Черныя буквы запрыгали у меня передъ глазами, сердце ёкнуло, и я быстро, почти бѣгомъ, повернулъ назадъ.

— Болванычъ! Ты опять, опять... — укорялъ я себя. — Мало ли на свѣтѣ бѣлыхъ лодокъ съ черной надписью „Стрѣлочка"? Не воображай, что у тебя одного! Вообще, думаешь, что только ты любилъ, страдалъ, терялъ...

— Наконецъ-то я васъ нашла, Палъ Ванычъ, — обиженно говоритъ Нина, надувъ губки. — Гдѣ это вы пропадали? Точно отъ меня прятались!

Какая она нарядная, вся въ бѣломъ, свѣженькая, розовая!

— Чего расфрантились? — стараясь отвлечь ея мысли въ другую сторону, говорю я. — Никого здѣсь нѣтъ, кокетничать не съ кѣмъ.

Она бросаетъ на меня быстрый, лукавый взглядъ.

— Вотъ, развѣ сюда пріѣдутъ, — указываю я на красную дачу, такъ внезапно повеселѣвшую и помолодѣвшую. — Хотя врядъ ли, я думаю, здѣсь будутъ жить только двое...

Мой голосъ предательски дрожитъ, и я невольно оглядываюсь на нарядную „Стрѣлочку"...

Нина положительно не въ духѣ.

— Ничего неизвѣстно, — авторитетно заявляетъ она. — Можетъ вдругъ поселиться страшно красивый молодой человѣкъ!

— Конечно, — соглашаюсь я, чтобы не спорить, но увѣренъ, что этого не будетъ.

Сегодня на рѣдкость сіяющій, яркій день. Такихъ мало было въ нынѣшнее лѣто.

— Палъ Ванычъ, — говоритъ Нина. — Развѣ вы не видите, что я устала? Возьмите меня подъ руку.

Мы взбираемся молча. Нина тяжело дышитъ. Если бы не крутой подъемъ, можно было бы подумать, что отъ волненія.

— Палъ Ванычъ, — спрашиваетъ она безъ прежняго задора и смотритъ на кончики своихъ туфель, — были вы когда-нибудь влюблены?

Стараюсь улыбнуться и вспомнить разговоръ на ту же тему съ Глѣбушкой, но выходитъ жалкая гримаса.

— Нѣтъ, Нина, никогда.

— Странно, я думала, я слышала...

— Вотъ Лизавета Васильевна намъ машетъ рукой, зоветъ, должно быть. Скорѣе, Нина Васильевна, скорѣе!

— А я была влюблена, — говоритъ она, ускоряя шаги.

— Да, — неопредѣленно мычу я.

— Знаете, Палъ Ванычъ, я очень любила и страдала!

— Бѣдненькая! — соболѣзную я, — это, дѣйствительно, очень печально.

Она искоса поглядываетъ на меня:

— Вы не шутите? Пожалуйста, никому ни слова. Это — моя тайна.

— Я буду нѣмъ, какъ рыба!

* * *

Мнѣ снился ужасный, нелѣпый сонъ. Будто бы на красной дачѣ, на балконѣ, обвитомъ горошкомъ, настурціями и резедой, въ углу, гдѣ низкая, удобная качалка, сидитъ она, та, которую я любилъ, которая ушла изъ моей жизни и никогда не вернется. А на скамеечкѣ у ея ногъ сижу я, положивъ голову на ея колѣни. Господи! Какое счастье! Даже во снѣ я задрожалъ.

— Неужели это ты? — шепталъ я. — Вѣдь это невозможно, невозможно! Скажи, отвѣть мнѣ!

Но она ничего не отвѣтила и грустно смотрѣла на меня. Я спустился съ ней къ рѣкѣ, и мы сѣли въ маленькую, нарядную „Стрѣлочку". Какъ всегда, она — къ рулю, я — къ весламъ. Грести было трудно, я сѣлъ рядомъ съ ней. Лодка покачнулась. Я вскрикнулъ. Она молчала и грустно-грустно смотрѣла на меня...

— Отчего ты молчишь? — спросилъ я ее.

Она молчала. Тогда я понялъ, она была нѣма. Съ какихъ поръ свалилось на нее это несчастье?

— Скажи, — шепталъ я, — скажи, — но уже зналъ, что она ничего не отвѣтитъ.

Когда мы очутились въ рощѣ, наступила ночь, темная, жуткая. Таинственно бѣлѣли скромницы березы и шептались о чемъ-то. Можетъ быть, о ней, обо мнѣ. Сама она, среди нихъ, казалась тоненькой березкой.

Я съ нѣжностью и скорбью смотрѣлъ на нее. И вдругъ случилось нѣчто неожиданное, страшное. Въ ея рукахъ я увидѣлъ револьверъ. Раздался выстрѣлъ. Она упала, какъ подкошенная, и тогда, только тогда ея губы зашевелились и она прошептала:

— Алеша!

— Что ты, моя любовь, моя стрѣлочка? — сказалъ я, склоняясь надъ ней. — Я — Павелъ, Павликъ, какъ ты меня всегда называла! Почему Алеша, кто такой Алеша?

Но уже замолкли ея уста, уже закрылись глаза, и лицо покрылось смертельной блѣдностью.

— Я — Павелъ, слышите, Павелъ, а не Алексѣй!.. — кричалъ я обступившимъ меня любопытнымъ березамъ. — Скажите ей, скажите...

Но тутъ я проснулся. Цѣлый день на душѣ было невыносимо тяжело. Голова болѣла, чувствовалась общая слабость. Къ Лизѣ и Нинѣ я не пошелъ и просидѣлъ одинъ до вечера, пока не явился, по обыкновенію, Глѣбушка.

— Вы больны, — сказалъ онъ, увидѣвъ мое поблѣднѣвшее лицо и тусклые глаза, пощупалъ пульсъ, измѣрилъ температуру.

— Нервничаете! Все отъ бездѣлья! Вотъ двинемся съ вами въ Москву-градъ, а оттуда на работу, хотите? Мнѣ предлагаютъ мѣсто заводскаго врача, давно собираюсь вамъ посовѣтовать устроиться по инженерской части. Работы много, но это-то вамъ и необходимо!

Глѣбушка, Глѣбушка, честный, нетронутый, хорошо тебѣ начинать, а у меня уже одно крыло перебито, поспѣть мнѣ за тобой будетъ трудно... Развѣ ползкомъ.

— Пѣтусокъ ку-ку-ре-ку, — пытается мнѣ разсказать сказку Вовикъ, котораго я посадилъ къ себѣ на колѣни, — лисицка цапъ-царапъ и скусала. Нѣтъ пѣтуска! — горестно разводитъ онъ ручонками.

— Говорятъ, хвораете, Палъ Ванычъ? — спрашиваетъ Лиза.

— Знаете, что — переѣзжайте къ намъ. Ну, что за охота торчать одному въ домѣ? У насъ комната свободная есть.

Лишиться посѣщеній Глѣбушки, долгихъ часовъ одинокихъ размышленій и наблюденій. О нѣтъ, ни за что!

— Что вы! — ужасаюсь я, но, спохватившись, говорю: — Спасибо, голубушка, мнѣ это будетъ неудобно.

Стаканъ со звономъ выпадаетъ изъ рукъ Нины и разбивается на мелкіе-мелкіе черепки.

— Какая ты стала неловкая, Нинуша, — удивляется Лиза.

— Я что-то вспомнила, — тихо говоритъ та и почему-то смотритъ на меня.

— Знаете, Палъ Ванычъ, — звенящимъ голосомъ говоритъ она, — вы были правы. На Калашниковской дачѣ поселилось только двое, и никакого прекраснаго молодого человѣка тамъ нѣтъ.

Я вздрагиваю и настораживаюсь. Двое!

— Вчера былъ такой вѣтеръ, — продолжаетъ она, — а они вздумали кататься на лодкѣ, чуть не перевернулись. Хорошенькая у нихъ лодочка, нарядная такая, „Стрѣлочка“ называется.

— Стрѣлочка, — уныло повторяю я.

Лиза и Нина удивленно смотрятъ на меня.

Проходя мимо красной дачи, опускаю глаза. Я боюсь посмотрѣть туда. Что, если въ углу обвитаго цвѣтами балкона, на низенькой качалкѣ я наяву увижу ее, мою любовь!

Вѣдь можетъ случиться, что стану на колѣни посреди дороги и закричу: „Вернись, вернись“! Или выхвачу револьверъ и выстрѣлю ей прямо въ сердце. Не пожалѣла же она меня въ свое время!

Но можетъ случиться иначе. Я распахну калитку, быстро взбѣгу наверхъ по лѣстницѣ, открою дверь на балконъ и тамъ, въ углу, гдѣ стоитъ низкая качалка, обниму мою гибкую, тонкую стрѣлочку...

Но вѣрнѣе всего, что низко-низко опущу голову и медленно пройду мимо, какъ побитая собака.

Все это бредни, плодъ разстроеннаго воображенія и распущенныхъ нервовъ... Ея здѣсь нѣтъ и быть не можетъ.

Я могу смѣло поднять голову и взглянуть на ту, которая сидитъ на балконѣ красной дачи.

Надо только поднять голову, и всѣмъ сомнѣніямъ наступитъ конецъ.

— Не сегодня! — испуганно убѣждаю я себя. — Только не сегодня! Я слишкомъ слабъ и нервенъ, въ другой разъ.

Въ этотъ день я позже обыкновеннаго засидѣлся у Лизы и Нины. Вовикъ захворалъ. Пустяки, должно быть, но мнѣ казалось, что можетъ разыграться что-нибудь серьезное, и было до боли жаль маленькаго человѣчка. Глаза у него блестѣли, лобъ горѣлъ, а ручки стали вялыя, точно тряпочки. Какъ и подобаетъ больному, капризничалъ онъ больше обыкновеннаго.

Я усѣлся возлѣ него и сталъ выкладывать, по возможности понятнымъ языкомъ, всю сокровищницу сказокъ, которая хранилась у меня въ памяти изъ далекаго-далекаго дѣтства...

Вспомнилъ то, что разсказывала намъ няня, старая Архиповна, и черноглазая, востроносая француженка, смѣнившая ее, и особенно то, что говорили книги, милыя, дѣтскія книги въ красныхъ переплетахъ, съ золотымъ обрѣзомъ.

Сначала Вовикъ лежалъ лицомъ къ стѣнкѣ и тихо, уныло плакалъ, но мало-по-малу сталъ поворачиваться ко мнѣ, и я увидѣлъ по лукавымъ глазенкамъ и полуоткрытому ротику, что мои таланты, какъ разсказчика, вполнѣ оцѣнены имъ.

Исчезли яркія краски лѣтняго дня, поблѣднѣло небо и рѣка, темнѣе и темнѣе казался лѣсъ, точно освѣщенный бѣлыми стволами березъ. Раннія вечернія тѣни окутали скошенный лугъ и тихо добрались до террасы съ открытымъ видомъ на рѣку, до Вовика, до меня...

И теперь уже страшнѣе было слушать про Красную Шапочку, про ея путешествіе къ бабушкѣ, про встрѣчу съ волкомъ.

Глаза Вовика при упоминаніи о волкѣ расширялись все больше и больше, и я уже раздумывалъ о томъ, не устранить ли печальный эпизодъ въ беззаботной жизни Красной Шапочки. Не тутъ-то было!

— Скусалъ, дѣвоцку вовкъ, скусалъ! — взволнованно прервалъ Вовикъ мой эпическій разсказъ и даже приподнялся на локтѣ.

А я-то какъ разъ собирался неожиданно привести охотника и, въ ущербъ сказочной истинѣ, застрѣлить волка до совершеннаго имъ злодѣянія!

— Спать, Вовикъ, спать, — строго сказала Лиза. — Выпьешь молочко, закрой глазки и спи!

Вовикъ чувствуетъ во мнѣ союзника и, крѣпко ухвативъ меня за палецъ, запскивающимъ, кроткимъ голоскомъ говоритъ:

— Сказоцку!

Я вообще не твердъ въ своихъ рѣшеніяхъ, но кто бы устоялъ противъ ласки этого нѣжнаго голоска?

— Лизавета Васильевна, — такъ же заискивающе, какъ Вовикъ, говорю я, — еще пять минутъ. Хорошо?

Она смѣется.

— Палъ Ванычъ, вы совсѣмъ, какъ ребенокъ!

Тѣмъ не менѣе неумолима.

— Вовикъ нездоровъ и долженъ спать, а вы можете посидѣть у него еще пять минутъ.

— Ничего не подѣлаешь, Вовикъ, надо покориться передъ властью. Такъ всегда бываетъ. Чѣмъ ты старше будешь, тѣмъ острѣе это почувствуешь!

Наклоняюсь къ моему внимательному и непритязательному слушателю. Двѣ пухлыя ручонки обнимаютъ меня за шею. Цѣлую горячій лобъ, сухія губки.

— Спи, Вовикъ, крѣпко-крѣпко! А завтра я разскажу тебѣ про мальчика, который былъ величиной съ твой пальчикъ.

Вовикъ одобрительно киваетъ головой. Еще пять минутъ мнѣ можно остаться съ нимъ, но велѣно молчать. И я молчу, какъ статуя, какъ мертвый.

Въ полутемной комнаткѣ сонно улыбается мнѣ Вовикъ, потомъ закрываетъ глазки. Когда я черезъ пять минутъ послушно выхожу на террасу, онъ уже тихо и безмятежно спитъ, сжавъ маленькіе кулачки...

Дома застаю кипящій самоваръ и Глѣбушку. Онъ сидитъ, уткнувши носъ въ толстую медицинскую книгу.

— Здравствуйте, какъ гулять изволили?

Очевидно, не въ духѣ. Въ такихъ случаяхъ надо запастись кротостью и терпѣніемъ.

— Погода-то какъ измѣнилась, — избираю я нейтральнѣйшую изъ темъ, — вѣтеръ вдругъ поднялся, въ рощѣ прямо гулъ стоитъ.

— А вы, небось, струсили!

— Нѣтъ, Глѣбушка, нисколько. Знаете, Вовикъ-то захворалъ, жалость какая!

Онъ поднимаетъ голову и весь преображается.

— Что же сразу не сказали! Жаръ есть? Я сейчасъ пойду туда.

— Нѣтъ, Глѣбушка, жарокъ небольшой. Лучше завтра утромъ сходите. Заснулъ уже, жаль будить!

И я невольно улыбаюсь, вспомнивъ сонное лицо Вовика и его маленькіе, сжатые кулачки.

Глѣбушка снова садится на прежнее мѣсто и опускаетъ глаза въ книгу.

Вѣтеръ налетаетъ порывами, и каждый разъ почему-то становится жутко. Мой чай остылъ. Глѣбушка молчитъ, я — тоже.

Вдругъ раздается далекій, гулкій выстрѣлъ. Въ лѣсу, должно быть.

— Слышали? — внезапно срываясь съ мѣста, говорю я. — Выстрѣлъ, это былъ выстрѣлъ!

— Ну, такъ что же? — спокойно отвѣчаетъ Глѣбушка и невольно заражаетъ меня своимъ спокойствіемъ,—какой нибудь дуралей пугаетъ воображаемыхъ грабителей! Можетъ быть, тѣ господа съ красной дачи.

У меня болѣзненно сжимается сердце. Я тоже почему-то сразу подумалъ о красной дачѣ.

Глѣбушка внимательно посмотрѣлъ на меня.

— Слушайте, батенька,—сердится онъ,—съ такими нервами жить нельзя, чортъ возьми!

Онъ шумно захлопываетъ книгу и, по своему обыкновенію, начинаетъ шагать по комнатѣ. Полъ скрипитъ. Тихо...

Смотрю черезъ мутное стекло. Ночь вѣтряная, темная...

Вдругъ, точно порывомъ вѣтра, распахивается дверь, и входитъ блѣдная, перепуганная Нина.

— Вовикъ? — съ дрожью въ голосѣ спрашиваю я. — Говорите скорѣе, что случилось?

— Несчастье, — повторяетъ она, — несчастье тамъ, — и машетъ рукой въ сторону Калашниковской дачи.

Ноги у меня такъ дрожатъ, что я едва стою. Не владѣя собой, грубо хватаю за руку перепуганную Нину.

— Скорѣе говорите, что случилось?

— Застрѣлился кто-то съ красной дачи, въ рощѣ, — сквозь слезы отвѣчаетъ Нина. — Намъ было страшно, я пошла за вами, Палъ Ванычъ!

Я ее не слушаю и бѣгу, изо всѣхъ силъ бѣгу къ рощѣ.

Теперь сомнѣнія быть не можетъ. Она, моя любимая, избрала эту бурную, жуткую ночь, чтобы покончить счеты съ жизнью! Но почему судьба, грубая и злая, толкнула меня именно сюда, въ Еремѣевское, ее — на Калашниковскую дачу?

Проклятая судьба, не отдала мнѣ утеряннаго!

Вотъ и роща. Мелькаетъ свѣтъ большого фонаря. Тем-

ныя человѣческія фигуры копошатся возлѣ кого-то, лежащаго на землѣ...

Сзади слышу быстрые, догоняющіе шаги Глѣбушки. Еще минута, и я узнаю, увижу...

Бѣлое платье запачкано кровью и грязью. Тутъ же валяется револьверъ. Свѣтъ фонаря падаетъ на блѣдное, мертвое, чужое лицо! Кто-то успѣлъ ей закрыть глаза. Губы плотно сжаты. Кругомъ испуганные любопытные люди.

Я успокоился, но это было больное, мертвое спокойствіе. Мои нервы не выдержали перенесеннаго волненія.

Послѣднее, что осталось у меня въ памяти, это мой отчаянный, рѣзкій крикъ, потомъ закружилась голова, и я почувствовалъ, что падаю куда-то въ темную, темную бездну.

* *
*

Сколько времени прошло, не знаю. Отчетливо, ясно помню вѣтряный вечеръ, перепуганную Нину и то... въ рощѣ. Неужели опять жестокій кошмаръ мучилъ меня?

— Глѣбушка, — говорю я, съ радостью встрѣчая внимательный взглядъ его умныхъ глазъ, — Глѣбушка, это не она застрѣлилась, это чужая дама съ красной дачи.

Онъ пристально смотритъ на меня и щупаетъ пульсъ.

— Нѣтъ, Глѣбушка, я не сошелъ съ ума, увѣряю васъ. Когда-нибудь потомъ я разсказу вамъ все. А теперь скажите, голубчикъ, что случилось со мной.

Онъ хмурится.

— Случилось то, что я предвидѣлъ. Довели себя до того, что, подобно истеричной дѣвицѣ, бухнулись въ обморокъ при видѣ трупа. Едва успѣлъ васъ подхватить, такъ и грохнулись бы объ дерево.

Я слушаю его съ интересомъ.

— Глаза у васъ ясные, спокойные. Вообще теперь ничего. Но сразу испугался, батенька, думалъ, либо спятили, либо мозговое что-нибудь начинается. Поправитесь и маршъ на работу. Программа давно выработана — сначала въ Москву, потомъ на заводъ и восьмичасовой рабочій день, поняли?

— А что Лиза, Вовикъ, Нина? — допытываюсь я.

— Приходили тутъ всѣ. Радуйтесь, батенька, заполонили женскія сердца. Должно быть, подѣйствовали на ихъ воображеніе!

— Ужасно люблю, когда вы сердитесь, Глѣбушка, — говорю я. — Тогда вы похожи на разсерженнаго мальчика.

Онъ ерошитъ волосы и злится не на шутку.

— Молчите, пожалуйста, я требую этого какъ врачъ! Въ такихъ случаяхъ необходимъ абсолютный покой, а вы... Ну, слушайте, приходили эти ваши мѣщаночки, у которыхъ терраса съ видомъ на рѣку. Старшая почему-то притащила и малыша съ собой.

— Да вѣдь ей не на кого Вовика оставить! — робко объясняю я.

— Ну, ладно. Мнѣ это безразлично. Младшая, Нина, стояла блѣдная, какъ мѣлъ и непремѣнно хотѣла взглянуть на васъ. Даже всплакнула.

— А вы?

— А я попросилъ ее отправиться домой и принять хорошую дозу валеріанки.

Закрываю глаза и дѣлаю видъ, что сплю. Глѣбушка беретъ книгу, придвигаетъ стулъ къ моей кровати.

— Глѣбушка, — опять начинаю я. — Скажите, что было на красной дачѣ?

Онъ молчитъ.

— Глѣбушка, родной, — умоляю я его. — Скажите!

По его тонкому лицу пробѣгаетъ тѣнь.

— Павелъ Ивановичъ, — говоритъ онъ, — я боюсь разволновать васъ, вы еще такъ слабы!

Я дѣлаю протестующій жестъ.

— Да ничего особеннаго тамъ и не произошло, обыкновенная семейная драма, — говоритъ онъ и смотритъ въ сторону. — Застрѣлилась дама съ красной дачи. Самъ толкомъ ничего не понялъ, всякое говорятъ. Ну, самоубійство, романическая подкладка, Богъ ихъ тамъ знаетъ что. Дача заколочена. Самоубійцу похоронили. Вотъ и все.

Онъ снова опускаетъ глаза въ книгу. Я больше ни о чемъ не спрашиваю...

* * *

Мы уѣзжаемъ, онъ и я. До города пароходомъ, потомъ поѣздомъ въ Москву. Глѣбушка распоряжается мной, какъ вещью. Сейчасъ онъ пристроилъ нашъ багажъ на палубѣ и вытираетъ платкомъ вспотѣвшій лобъ.

На берегу стоитъ Лиза и Нина съ Вовикомъ на рукахъ.

— Какъ жаль, что вы уѣзжаете! — говоритъ Лиза.

Нина кусаетъ губы, какъ дѣти, когда они собираются

плакать. Я раньше не замѣчалъ у нея этой привычки. Но правду сказать, вообще мало обращалъ вниманія на нее.

Грустно. Пароходный свистокъ такой рѣзкій, пронзительный. Мы всѣ вздрагиваемъ.

„Ѣхать ли мнѣ съ нимъ? — нерѣшительно думаю я, опасливо поглядывая на Глѣбушку. — Пожалуй, надо ѣхать!“

— Прощайте, — говорю я остающимся и взбѣгаю по шаткимъ сходнямъ на пароходъ.

Лиза машетъ платкомъ, а Нина, большая, взрослая Нина совсѣмъ разнюнилась, закрыла лицо руками и плачетъ навзрыдъ. Вовикъ смущенно дѣлаетъ ей пай, пай, — и гладитъ по плечу и спутаннымъ волосамъ.

Далеко-далеко виднѣется красная дача. На верхнемъ балконѣ, какъ ни въ чемъ не бывало цвѣтутъ настурціи, горошекъ и резеда, только въ углу не видно низенькой качалки съ шелковой подушкой въ головахъ и мягкой скамеечкой для ногъ. Окна заколочены.

— Куда вы такъ уставились? — ворчитъ Глѣбушка. — Смотрите, машутъ вамъ. Чувствительная дѣвица эта Нина. Платокъ у нея весь мокрый отъ слезъ!

Прощально киваю и я, добросовѣстно, долго, пока берегъ не становится темной полоской, пока не исчезаетъ этотъ маленькій, ничтожный клочекъ моей большой, надорванной, никому не нужной жизни...

Л. Арисова.

ЗИМНІЙ ПЕЙЗАЖЪ.

Подъ окнами жуетъ сѣнцо гнѣдой.
На розвальняхъ лохматая овчарка,
Какъ ежъ, въ клубокъ свернулась съ головой,
И прыгаетъ, косясь на окна, галка.

По бревнамъ житницъ догорѣлъ закатъ.
Морозитъ. Сумерки звончѣе стали.
Невѣстою принарядился садъ,
И въ небѣ звѣзды тихо замерцали.

Семенъ Ѳоминъ.

ЭЛЕГІЯ.

Я чувствую себя, какъ странникъ на землѣ...
И тянетъ вѣчно вдаль, и нѣтъ нигдѣ покоя.
Волшебная страна мнѣ грезится во мглѣ
И слышится мнѣ тамъ пѣвучій шумъ прибоя.

Такъ поздней осенью въ стремленьи отлетать
Томятся птицы здѣсь, не находя покоя.
Скорѣе въ дальній путь! Имъ хочется опять
Услышать подъ собой пѣвучій шумъ прибоя.

И, вѣрно, потому тоска сжимаетъ грудь,
И мысли тяжкія мнѣ не даютъ покоя,
Что скоро я пущусь въ иной далекій путь,
Гдѣ мнѣ не прозвучитъ пѣвучій шумъ прибоя.

Ксенія Морозова.

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ИВАНѢ СЕРГѢЕВИЧѢ ТУРГЕНЕВѢ.

Мой пріѣздъ въ Парижъ, въ началѣ 1880 года, имѣлъ цѣлью обученіе пѣнію и подготовку къ сценѣ у знаменитой m-me Віардо-Гарсіа. Этой поѣздкѣ предшествовала упорная борьба съ моимъ отцомъ, человѣкомъ стараго закала, считавшимъ театръ и сцену, которой я мечтала посвятить себя, чѣмъ-то крайне унизительнымъ для своей единственной дочери. Мнѣ удалось, однако, въ концѣ концовъ, уѣхать въ Парижъ въ сопровожденіи моего старшаго брата. И вотъ я въ Парижѣ.

Когда я впервые звонила у воротъ обширнаго особняка Віардо, улица Дуэ, 50, сердце мое билось отъ страха и волненія, и я дрожала при мысли о томъ, что „она", великая Віардо, скажетъ о моемъ голосѣ, могу ли я надѣяться быть принятой ею въ число ученицъ. Увижу ли я Тургенева? Это была моя затаенная мысль: Тургеневъ былъ мой любимый писатель уже въ тѣ юношескіе годы.

Меня впустили въ домъ, проводили черезъ большой вестибюль, украшенный старинными картинами и оружіемъ, по чудной, массивной лѣстницѣ темнаго рѣзного дуба, представлявшей, какъ я потомъ узнала, большую цѣнность, въ верхній этажъ, въ салонъ, гдѣ m-me Віардо давала уроки.

Вскорѣ въ комнату вошла пожилая дама, съ отяжелѣвшей фигурой, съ блѣднымъ усталымъ лицомъ, сохранившимъ красивый овалъ; въ этомъ лицѣ поражали громадные глаза, окруженные тѣнями, глаза съ поволокой, умные, все понимающіе, какъ бы видящіе васъ насквозь. M-me Віардо была очень привѣтлива, не переставая пытливо всматриваться въ меня. Она, послѣ пробы голоса, нашла его вполнѣ подходящимъ для большой сцены и согласилась давать мнѣ уроки. Я была счастлива. Но затѣмъ m-me Віардо начала говорить очень серьезно и пространно о трудности сценической карьеры,

о неприглядности закулисной жизни и выразилась въ концѣ, сопровождая слова энергичнымъ жестомъ: „Enfin, pour être artiste, il faut avoir une peau d'éléphant!“ („Чтобы быть артистомъ, надо имѣть кожу слона“.) Эти слова я часто съ грустью вспоминала въ послѣдующіе годы, когда пѣла на сценѣ... Но тогда эти слова не навѣяли на меня и минутнаго сомнѣнія.

Я начала брать уроки у m-me Віардо. Каждый разъ, приходя на урокъ, я мечтала о томъ, что встрѣчу Тургенева. Мнѣ передавали русскіе литераторы, жившіе въ Парижѣ, главнымъ образомъ эмигранты, о своихъ посѣщеніяхъ Тургенева, энергично помогавшаго имъ найти литературную работу: переводы, корреспонденціи въ русскіе журналы и газеты. Извѣстный эмигрантъ—нечаевецъ С. Клячко, переводившій въ то время, благодаря посредничеству Тургенева, „Исторію культуры“ Геттенрота [1]), съ нѣмецкаго на русскій языкъ, и ближе другихъ литераторовъ и эмигрантовъ стоявшій къ Тургеневу въ тѣ годы, передавалъ мнѣ разсказъ Ивана Сергѣевича о его посѣщеніи Москвы, во время открытія памятника Пушкину, осенью 1880 года. Иванъ Сергѣевичъ вернулся изъ Россіи въ Парижъ въ ноябрѣ того же года и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разсказывалъ С. Клячко, какой онъ встрѣтилъ восторженный пріемъ, во время празднествъ, сопровождавшихъ открытіе памятника Пушкину. Его глубоко тронули оваціи со стороны литературныхъ круговъ и молодежи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ съ горечью говорилъ о всемогуществѣ Каткова и вспоминалъ объ одномъ эпизодѣ, въ высшей степени непріятно его затронувшемъ. Это было въ моментъ, когда всѣ депутаціи, одна за другой, возлагали вѣнки къ подножію памятника. Вблизи Тургенева очутились двѣ дамы, съ большимъ вѣнкомъ въ рукахъ. Когда Иванъ Сергѣевичъ повернулся случайно въ ихъ сторону, онѣ съ необычайнымъ озлобленіемъ обратились къ нему со слѣдующими словами: „Этотъ вѣнокъ не вамъ; не подумайте, пожалуйста, что это вамъ“.

Тургеневъ, разсказывая объ этомъ, прибавлялъ тихимъ голосомъ: „Я отступилъ на пару шаговъ и отвѣтилъ имъ: „Я не думаю, что этотъ вѣнокъ мнѣ“. Должно быть, Катковкое отродье, — прибавилъ онъ.

Жившіе въ тѣ годы въ Парижѣ эмигранты — Н. В. Чай-

---

[1]) Готтенротъ. Исторія культуры европейскихъ народовъ. Изд. М. Вольфа, 1882 г.

ковскій, Н. П. Цакни [1]), А. Н. Луканина и мног. другіе — всѣ бывали у Тургенева и пользовались его совѣтами и содѣйствіемъ въ сношеніяхъ съ издателями и редакторами русскихъ журналовъ и газетъ. Всѣмъ извѣстно, въ какой широкой степени Тургеневъ приходилъ на помощь своими матеріальными средствами всѣмъ, обращавшимся къ нему.

Въ первый разъ я увидѣла Ивана Сергѣевича Тургенева въ симфоническомъ концертѣ, данномъ подъ управленіемъ извѣстнаго дирижера Паделу; это было чрезъ 4 мѣсяца послѣ моего пріѣзда въ Парижъ. Въ этомъ концертѣ участвовалъ сынъ m-me Віардо, Поль [2]). Вся семья Віардо была на этомъ концертѣ. Я со своей вышки увидѣла Тургенева и семью Віардо. Тургеневъ выдѣлялся своимъ ростомъ и красивой сѣдой головой. Поль Віардо былъ прекрасный скрипачъ, обладавшій красивымъ, сильнымъ и глубокимъ тономъ. Его высокій ростъ и крупныя выразительныя черты лица невольно останавливали на себѣ вниманіе: всей своей внѣшностью онъ рѣзко отличался отъ другихъ членовъ семьи Віардо.

По окончаніи концерта я поспѣшила къ выходу, чтобы посмотрѣть поближе на Тургенева. M-me Віардо меня замѣтила и заговорила со мной, а затѣмъ представила меня своему мужу, двумъ дочерямъ и, наконецъ, Тургеневу, на котораго я глядѣла, какъ завороженная.

Иванъ Сергѣевичъ поздоровался со мной и заговорилъ по-русски и, узнавъ, что я кіевлянка, сказалъ: „Чудный Кіевъ“.

Я вернулась домой въ восторженномъ настроеніи отъ этой встрѣчи и безъ умолку разсказывала моимъ подругамъ о Тургеневѣ. Я незадолго до этого поселилась въ пансіонѣ, рекомендованномъ мнѣ m-me Віардо, вблизи ея дома. Въ пансіонѣ жили еще нѣкоторыя ученицы m-me Віардо. Съ двумя изъ нихъ, — Августой Гаргани, необычайно красивой итальянкой, и Гедвигой Фермернъ, нѣмкой, — я вскорѣ очень подружилась. Но мое экспансивное, экзальтированное настроеніе онѣ не могли понять, узнавъ, что Тургеневъ старикъ. Какъ писатель, онъ имъ былъ не извѣстенъ и чуждъ: „Tu es toquée“ („Ты не въ своемъ умѣ“), говорили онѣ, когда я увѣряла, что такой красоты большихъ, глубокихъ, синихъ глазъ

---

[1]) Цакни былъ амнистированъ въ 1883 году и, по возвращеніи въ Россію, былъ редакторомъ „Южнаго Обозрѣнія“, издававшагося въ Одессѣ.

[2]) Поль Віардо былъ впослѣдствіи дирижеромъ „Grand Opéra“ въ Парижѣ.

подъ бѣлыми пушистыми бровями, такого выраженія безконечной доброты я никогда не видѣла.

Къ этому времени я начала дѣлать успѣхи въ пѣніи, голосъ мой хорошо развивался, и m-me Віардо, очень строгая и далеко не щедрая на похвалы, все чаще говорила мнѣ на урокѣ: „C'est bien travaillé" („Это хорошо разучено"). Это была большая похвала въ устахъ великой пѣвицы ученическому исполненію какой-либо классической аріи.

Однажды урокъ нашъ былъ прерванъ приходомъ людей, присланныхъ за мраморнымъ бюстомъ m-me Віардо, предназначеннымъ для музея Grand Opéra. M-me Віардо мнѣ сказала съ выраженіемъ грусти: N'est ce pas, c'est si comme on emportait un mort? („Не правда ли, будто уносятъ мертвеца?") Я возразила: Mais, au contraire, c'est l'immortalité qu'on emporte! („Наоборотъ, — это уносятъ безсмертіе".) M-me Віардо была, повидимому, тронута моими словами и поцѣловала меня съ материнской лаской. Необычайное обаяніе, присущее m-me Віардо, въ особенности когда она бывала общительна, шутила и разсказывала о своемъ артистическомъ прошломъ, о созданныхъ ею роляхъ, вызывало въ насъ преклоненіе предъ нею. Поэтому приглашеніе на обѣдъ, полученное мною и моими двумя подругами, итальянкой и нѣмкой, было для меня большой радостью. Мои подруги — Августа Гаргани, впослѣдствіи извѣстная пѣвица, обладала жгучей южной красотой, была стройная, высокая ростомъ молодая дѣвушка; вторая, Гедвига Фермернъ, была блондинка, мечтательная и сантиментальная, тоже очень стройная и высокая ростомъ. Она обладала рѣдкимъ по красотѣ контральто. Впослѣдствіи очень извѣстная пѣвица въ Германіи, она выступала спеціально въ духовныхъ концертахъ (ораторіяхъ).

Я была тоже высокаго роста, у меня были темные волосы. Всѣ мы одѣвались въ черныя платья, и вотъ, когда мы чинно вошли одна за другой въ гостиную m-me Віардо, гдѣ были: Тургеневъ, г. Віардо, двѣ дочери съ мужьями — Шамеро и Дюверную[1]) и сынъ Поль, Иванъ Сергѣевичъ, сидѣвшій у камина, поднялъ глаза съ газеты, которую онъ читалъ, поздоровался съ нами, поправивъ пенснэ съ характер-

---

[1]) Г-нъ Шамеро имѣлъ издательско-типографское дѣло, а г. Дюверную былъ композиторъ и профессоръ консерваторіи. Его симфоническая поэма „Буря" была премирована и исполнена въ 1882 году въ концертѣ Колонна.

нымъ движеніемъ головы вверхъ и, вглядываясь въ насъ пристально, обратился къ m-me Віардо съ улыбкою: „Но вѣдь, это три анабаптиста изъ „Пророка“!, — простеръ свои руки надъ нашими головами и запѣлъ извѣстную мелодію, сопровождающую въ оперѣ „Пророкъ“ каждое появленіе трехъ анабаптистовъ: „Ad nos, ad salutarem undam, venite miseri, venite populi!“ („Къ намъ, къ спасительной водѣ, идите, несчастные, идите, народы!“).

Всѣ присутствующіе засмѣялись. Мы были не мало смущены, но, взглянувъ другъ на друга, только тутъ замѣтили одинаковый нашъ ростъ, одинаковыя черныя строгія платья, и мы поняли впечатлѣніе, произведенное нашимъ чиннымъ появленіемъ. Для нашихъ живыхъ, экспансивныхъ натуръ держаться чинно было очень трудно. Но тутъ намъ стало тоже весело, и смѣхъ нашъ унесъ желаніе „держать себя“ и нашу натянутость, и мы пріобщились къ сердечности и безыскусственной простотѣ тона семьи. Иванъ Сергѣевичъ заговаривалъ со мною иногда по-русски, на что получалъ шутливыя замѣчанія m-me Віардо: „Gros malhônnete, de nouveau vous parlez votre langue barbaré! („Но, безсовѣстный, опять вы говорите на вашемъ варварскомъ языкѣ“.) И тогда я не знала, какъ мнѣ быть: отвѣчать ли Ивану Сергѣевичу по-русски или по-французски? Но видя, что Иванъ Сергѣевичъ продолжаетъ говорить по-русски, я отвѣчала по-русски: искушеніе было слишкомъ велико! Такія, повторявшіяся при случаѣ, замѣчанія m-me Віардо, знавшей хорошо русскій языкъ, написавшей большое количество романсовъ на слова нашихъ лучшихъ поэтовъ, были вызываемы присутствіемъ постороннихъ лицъ, не понимавшихъ русскаго языка.

Однажды, во время ужина на одномъ изъ многолюдныхъ „четверговъ“, Иванъ Сергѣевичъ сѣлъ возлѣ меня и сталъ разговаривать по-русски; вблизи меня были еще двѣ русскія ученицы m-me Віардо; мы всѣ переговаривались. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ что-то смѣшное; мы смѣялись, и остальное общество невольно обратило вниманіе на нашъ уголокъ. Многіе съ любопытствомъ прислушивались къ звукамъ чуждаго имъ языка. Мы всѣ увлеклись и не замѣчали этого. Кто-то изъ гостей замѣтилъ: „Quelle drôle de langue!“ („Какой странный языкъ“.) M-me Віардо, напрасно съ нетерпѣніемъ выжидавшая конца разсказа Ивана Сергѣевича, шутливо произнесла свое обычное: Mais, gros malhônnete, nous avons assez de votre langue barbare! („Но, безсовѣстный, намъ

надоѣло слушать вашъ варварскій языкъ".) Иванъ Сергѣевичъ покорно закончилъ шутку по-французски, но для насъ вся соль разсказа пропала.

За столомъ сидѣла дама, которая, какъ я послѣ узнала, была m-lle Арнольдъ, нѣмка, воспитательница дѣтей m-me Віардо, прожившая у нихъ въ домѣ болѣе двадцати лѣтъ. Семья Віардо была ея семьей. Впослѣдствіи я подружилась съ m-lle Арнольдъ, которая мнѣ разсказывала много интереснаго изъ прошедшаго семьи Віардо, о жизни въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ, повидимому, протекли самые счастливые годы m-me Віардо.

Семья Віардо жила въ Баденъ-Баденѣ въ собственномъ домѣ, роскошно обставленномъ. Тамъ же былъ домашній театръ и сцена. Къ m-me Віардо пріѣзжали учиться пѣнію изъ всѣхъ странъ свѣта, а во время сезона она устраивала музыкальныя утра, на которыхъ присутствовали всѣ великіе міра сего: коронованныя особы, министры, дипломаты, знаменитости артистическаго міра.

M-lle Арнольдъ разсказывала, какъ Иванъ Сергѣевичъ исполнялъ комическія роли въ опереттахъ, написанныхъ m-me Віардо. Между прочимъ, она мнѣ однажды сказала, что Тургеневъ любитъ Клоди, вторую дочь m-me Віардо, больше всѣхъ ея дѣтей.

Я стала невольно наблюдать и часто замѣчала, какъ безконечно нѣжно Иванъ Сергѣевичъ цѣловалъ и ласкалъ Клоди, когда она здоровалась или прощалась съ нимъ.

Ей приходилось приподниматься на цыпочки, чтобы поцѣловать Ивана Сергѣевича, который съ умиленнымъ выраженіемъ лица наклонялъ къ ней голову.

У Клоди были густые блестящіе черные волосы, нѣжный румянецъ, тонкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣзкія черты лица и при томъ большіе глубокіе синіе глаза, подъ густыми черными бровями, составлявшіе рѣзкій контрастъ съ южнымъ типомъ ея лица.

Маріанна, — младшая дочь, — была средняго роста, съ чрезвычайно кроткимъ выраженіемъ лица. Она обладала прекраснымъ голосомъ и пѣла съ артистической законченностью. Обѣ дочери прошли школу пѣнія у своей матери. Маріанна была задумчива и меланхолична по натурѣ.

M-me Віардо на своихъ вечерахъ исполняла съ дочерьми вокальныя тріо, а Клоди и Маріанна пѣли дуэты. Эти ансамбли бывали всегда въ концѣ вечера, послѣ ужина. Го-

лоса ихъ сливались воедино съ проникновеннымъ совершенствомъ: это былъ одинъ тембръ, одно пониманіе, одна школа. M-me Віардо передавала мнѣ, какъ Амбруазъ Тома упрашивалъ Маріанну создать заглавную роль въ его оперѣ „Франческа да-Римини", находя Маріанну какъ бы воплощеніемъ Франчески, предлагалъ ей блестящій ангажементъ въ Большую Оперу, но Маріанна ни за что не хотѣла артистической карьеры и наотрѣзъ отказалась создать Франческу. M-me Віардо прибавила: „C'est une petite bourgeoise!" („Она — маленькая мѣщаночка".)

Сынъ Поль (ему тогда было 24 года) былъ очень жизнерадостный и безпечный по натурѣ. Недавно я узнала, что у него есть взрослая дочь, обладающая необыкновеннымъ голосомъ; въ настоящее время она начинаетъ свою артистическую карьеру въ Парижѣ.

Была у m-me Віардо еще старшая дочь — Элленъ, — жившая въ Германіи, занимавшаяся во Франкфуртѣ преподаваніемъ пѣнія, замужемъ за г. Эриттъ. О ней какъ-то мало говорили, и я послѣ узнала, что между нею и семьей были натянутыя отношенія, но причины я не знаю.

Особнякъ Віардо былъ обширный, трехъ-этажный. Внизу помѣщался большой залъ, столовая и картинная галлерея, освѣщенные сверху. Галлерея заключала множество цѣнныхъ картинъ итальянской, голландской и французской школъ и одну реликвію неоцѣнимую: рукопись партитуры „Донъ-Жуанъ" Моцарта. За эту партитуру было заплачено болѣе ста тысячъ франковъ. Она стояла на пюпитрѣ, развернутая, и эти пожелтѣвшія страницы говорили о безсмертіи человѣческаго генія.

Во второмъ этажѣ помѣщались: салонъ m-me Віардо, гдѣ она давала уроки, спальни, комната г-на Віардо.

Въ третьемъ этажѣ—помѣщеніе Тургенева. Оно представляло рядъ комнатъ, обстановка которыхъ носила отпечатокъ стариннаго комфорта. Вѣяло отдаленностью отъ жизни, спокойствіемъ, тишиной. Мнѣ тогда часто приходилось слышать о пренебрежительномъ отношеніи m-me Віардо къ удобствамъ жизни Ивана Сергѣевича, къ его интересамъ. Я не могу признать справедливости этихъ обвиненій. Тургеневъ жилъ наверху потому, что тамъ было спокойно (это я слышала отъ него лично), и никто не жилъ надъ нимъ. M-me Віардо въ разные моменты говорила мнѣ: „Tu vois, Tourqueneff — c'est

comme un enfant; quelquefois il faut le consoler, lui arranger les choses, mais je l'aime comme un frère!" („Ты видишь, Тургеневъ какъ ребенокъ. Иногда его надо утѣшать, все ему устраивать, но мнѣ онъ дорогъ какъ братъ".)

Послѣ перваго вечера, когда Иванъ Сергѣевичъ окрестилъ насъ „тремя анабаптистами", мы были приглашаемы каждый четвергъ къ обѣду и затѣмъ оставались весь вечеръ. Тогда еще не начинались офиціальные „четверги", и мы были только въ тѣсномъ кругу семьи, какъ въ первый разъ. Во время сезона мы бывали у m-me Віардо только вечеромъ, какъ и другіе гости, и не мало сожалѣли, что интимные вечера окончились. Мнѣ выпало рѣдкое счастье видѣть великаго писателя въ домашней интимной обстановкѣ, въ кругу родного ему семейства. Иванъ Сергѣевичъ почти всегда присутствовалъ на обѣдахъ, но, будучи на діэтѣ, отказывался отъ большинства блюдъ, при чемъ поворачивалъ свою тарелку вверхъ дномъ, клалъ на нее руки и разговаривалъ въ то время, когда другіе были заняты ѣдой.

У меня сохранился дневникъ, который я вела въ продолженіе 1880—1882 гг., и многое черпаю изъ него.

Присутствіе Ивана Сергѣевича на интимныхъ вечерахъ было для меня большой радостью. Устраивались разныя игры въ фанты, въ которыхъ Иванъ Сергѣевичъ тоже принималъ участіе; тогда игра становилась для меня многозначительной и интересной. Вскорѣ я, однако, замѣтила, что И. С. слѣдитъ за нами, „анабаптистами", во время игръ, относясь иногда одобрительно, иногда отрицательно къ выступавшимъ въ играхъ чертамъ нашего характера и нашимъ наклонностямъ. Находчивость, сообразительность и рѣшительность онъ всегда привѣтствовалъ громкимъ одобреніемъ, зато нерѣшительность или проявленіе эгоизма его искренно огорчали, и онъ неодобрительно качалъ головой въ такіе моменты. На его открытомъ лицѣ такъ же ярко отражалось удовольствіе, какъ оно способно было быстро омрачаться! Такъ, въ одинъ изъ интимныхъ „четверговъ", въ кругу семьи играли въ „отгадываніе", при чемъ большими мѣдными каминными щипцами ударяли по рѣшеткѣ камина; по силѣ звука мнѣ пришлось отгадывать дѣйствіе, задуманное обществомъ въ мое отсутствіе. Задача состояла въ томъ, что я должна была снять два зеленыхъ одинаковыхъ абажура съ двухъ лампъ и надѣть одинъ изъ нихъ себѣ на голову, а другой Тургеневу. Выполнивъ первую половину задачи, на-

дѣвъ себѣ на голову абажуръ, я стала догадываться, что второй абажуръ я должна надѣть Ивану Сергѣевичу. Но я не рѣшалась этого сдѣлать, боясь попасть въ смѣшное положеніе. Мои сомнѣнія затягивали игру. Замѣтивъ это, Иванъ Сергѣевичъ нагнулъ голову, и только тогда, ободренная одобрительными кивками всего общества, а надѣла абажуръ на наклоненную голову Ивана Сергѣевича. Кругомъ апплодировали, а я и Иванъ Сергѣевичъ стояли другъ противъ друга въ странномъ уборѣ и улыбались.

Иванъ Сергѣевичъ нѣсколько огорченнымъ тономъ спросилъ: „Почему такая нерѣшительность?“ Я была опечалена этимъ замѣчаніемъ, будучи увѣрена, что И. С. не догадывается, что только мое глубокое благоговѣніе предъ нимъ дѣлаетъ меня такой неловкой и нерѣшительной. Въ другой вечеръ мы играли въ игру, состоящую въ наборѣ и загадываніи словъ по костянымъ пластинкамъ съ отдѣльными буквами на каждой изъ нихъ. Я набрала: „célébrité immortelle“ („безсмертная знаменитость“) и отдала эти пластинки Ивану Сергѣевичу. Съ трепетомъ я слѣдила, какъ онъ располагалъ ихъ на столѣ. Черезъ минуту Иванъ Сергѣевичъ сказалъ, улыбаясь: „Я угадалъ“, но не произнесъ отгаданныхъ словъ, а, набравъ пластинки, загадалъ мнѣ „novice“ („начинающая“). Онъ слѣдилъ за мною, какъ я стала располагать буквы и, увидя, что я отгадала, онъ вздохнулъ и сказалъ: „Молодость!“

Иванъ Сергѣевичъ былъ такъ безыскусственно простъ въ обращеніи съ людьми, что въ его присутствіи не было гнетущаго чувства, какое бываетъ въ присутствіи большинства знаменитостей, кажущихся преисполненными сознанія своего величія. Въ одинъ изъ „четверговъ“ мы застали Ивана Сергѣевича въ очень бодромъ и веселомъ расположеніи духа. Онъ разсказывалъ m-me Віардо съ большимъ юморомъ и игрой словъ о посѣщеніи русскаго титулованнаго поэта, просившаго Ивана Сергѣевича помѣстить его произведеніе въ одномъ изъ русскихъ журналовъ:

Il est venu un comte.
Qui m'a apporté un conte,
Et il m'a fait son compte
Que je médise sur son compte

(„Ко мнѣ пришелъ графъ, который принесъ мнѣ разсказъ и представилъ такой счетъ, что я злословлю на его счетъ“) При этомъ Иванъ Сергѣевичъ раскатисто смѣялся, и пенснэ

неизмѣнно спадало. Иванъ Сергѣевичъ пояснилъ, не называя имени поэта, что поэтъ ставилъ высокія требованія гонорара за свое бездарное произведеніе. Въ тотъ же незабвенный вечеръ Иванъ Сергѣевичъ разспрашивалъ насъ, „трехъ анабаптистовъ“, о нашемъ дѣтствѣ, просилъ разсказать, какъ мы росли, какія воспоминанія отразились на насъ сильнѣе всего и остались въ памяти. Каждая изъ насъ вспоминала и говорила о себѣ, объ обстановкѣ дѣтства, объ ученіи, о видѣнномъ и слышанномъ. Гаргани разсказала о единственномъ большомъ горѣ, пережитомъ ею: о смерти горячо любимой матери. Ея безыскусственный разсказъ былъ трогателенъ. Слезы ея, одна за другой, падали неудержимо по ея чудному лицу, какъ жемчужины, безъ малѣйшей гримасы или болѣзненной складки. Это были дивныя слезы, подобныхъ которымъ я никогда не видѣла потомъ. Гедвига Фермернъ разсказала о морской прогулкѣ, окончившейся неожиданнымъ штормомъ, при возвращеніи въ Любекъ, въ которомъ жила ея семья. Многіе пассажиры погибли. Гедвигу спасъ ея братъ, офицеръ. Родителей считали утонувшими. Только черезъ два дня выяснилось, что отца и мать въ безсознательномъ состояніи вытащили изъ воды и помѣстили въ разныхъ больницахъ.

Я разсказала о томъ, какое сильное впечатлѣніе произвела на меня въ дѣтствѣ игра трагика-негра Ольриджъ, пріѣзжавшаго въ Кіевъ. Игралъ онъ преимущественно Шекспира. Родители взяли меня съ собою въ театръ, и я, восьмилѣтняя, крайне впечатлительная дѣвочка, увидѣла „Макбетъ“ и „Отелло“ въ исполненіи Ольриджа. Впечатлѣніе, оставленное трагедіей и игрой, было настолько сильное, что я перестала ѣсть и спать. Днемъ и въ особенности ночью меня преслѣдовалъ образъ Ольриджа. Я боялась темноты и всюду видѣла выразительное лицо Ольриджа. Подъ впечатлѣніемъ его игры я рѣшила идти на сцену.

Иванъ Сергѣевичъ выслушивалъ каждую изъ насъ внимательно, съ интересомъ. Затѣмъ началъ разсказывать о своемъ дѣтствѣ, о строгости матери, о своихъ играхъ съ деревенскими мальчиками, о соловьяхъ, которыхъ они ловили; какъ онъ любилъ ихъ пѣніе и какъ ему доставалось дома за его самовольныя отлучки. Мнѣ во всемъ, разсказанномъ Иваномъ Сергѣевичемъ, слышались тогда отклики „Записокъ охотника“. Мои подруги сидѣли завороженныя. Въ особенности Иванъ Сергѣевичъ остановился на разсказѣ о суевѣріи

отца, о его боязни домовыхъ, которыхъ отъ времени до времени изгоняли изъ усадьбы. Приходилъ священникъ, освящалъ всѣ углы въ обширномъ домѣ. Это происходило въ поздніе, вечерніе часы, и Иванъ Сергѣевичъ испытывалъ сильный страхъ, идя вслѣдъ за отцомъ и батюшкой по всему большому дому, при колеблющемся пламени свѣчей. Иванъ Сергѣевичъ разсказывалъ, что онъ, не видѣвшій никогда домовыхъ, по ночамъ ожидалъ ихъ появленія, силясь не засыпать. Мало-по-малу Иванъ Сергѣевичъ перешелъ къ разсказу о галлюцинаціяхъ во время частой безсоницы послѣдняго времени. Онъ ясно видитъ свою собственную голову въ громадномъ объемѣ, на высокомъ столбѣ; онъ ясно видитъ, какъ капли крови падаютъ на землю одна за другой; онъ слышитъ шумъ ихъ паденія, онъ чувствуетъ, что это горячія горячія капли, что это его собственная кровь...

У меня похолодѣли руки, и я дрожала. Мои подруги сидѣли неподвижно съ поблѣднѣвшими лицами. Иванъ Сергѣевичъ поднялся, прошелся по комнатѣ, остановился передо мною и, глядя мнѣ въ глаза, серьезнымъ тономъ спросилъ: „Что бы я сдѣлала, если бы ночью явился ко мнѣ домовой?“ Не дожидаясь отвѣта, онъ сталъ давать шутливые совѣты, какъ надо обращаться съ домовыми, что съ ними надо умѣть обходиться и т. д. Иванъ Сергѣевичъ совѣтовалъ развивать въ себѣ силу взгляда и разсказалъ про одну княжну въ Петербургѣ, обладавшую магнетической силою взгляда своихъ громадныхъ черныхъ глазъ. Онъ, въ обществѣ друзей-литераторовъ, отправился, въ лѣтнее время, въ окрестности Петербурга, гдѣ жила княжна, чтобы испытать магнетическую силу ея взгляда. Для этого И. С. остановилъ шедшихъ къ нему навстрѣчу четырехъ крестьянъ и завелъ съ ними разговоръ. Княжна, согласившаяся на этотъ опытъ, стояла въ это время вдали съ друзьями Ивана Сергѣевича и упорно смотрѣла на затылки крестьянъ. Во время разговора, одинъ за другимъ, крестьяне хватались за затылокъ. Иванъ Сергѣевичъ, ожидавшій воздѣйствія взгляда княжны, тотчасъ спросилъ крестьянъ, что съ ними. Крестьяне взглядывали другъ на друга и говорили: одинъ — „горитъ, что-то, затылокъ“; другой — „жжетъ, ваше благородіе“, третій — „кусаетъ“; четвертый повернулся, словно искалъ причину непріятнаго ощущенія. Когда княжна стала, по знаку Ивана Сергѣевича, приближаться къ группѣ, двое изъ нихъ даже заохали.

Когда Иванъ Сергѣевичъ замолкъ, мнѣ стало жутко, и

страшно было взглянуть въ неосвѣщенный уголъ залы. Мои подруги притихли, и лица ихъ выражали волненіе и страхъ. Иванъ Сергѣевичъ всматривался въ насъ пристально; затѣмъ, повернувшись къ столу, за которымъ играли въ домино m-me Віардо, обѣ дочери и віолончелистъ Маріотти, обратился къ m-me Віардо и, указавъ на насъ, смѣясь, сказалъ: „Я хотѣлъ испытать впечатлительность каждаго изъ трехъ анабаптистовъ. Очень интересно видѣть, какъ три молодыя существа, разныхъ національностей, воспитанія, характеровъ, воспринимаютъ одно и то же впечатлѣніе. Вотъ итальянскій „анабаптистъ“ очень взволнованъ, поблѣднѣлъ и дрожитъ. Нѣмецкій „анабаптистъ“ занятъ „Grübeleien“ и немного напуганъ, боится. А нашъ, русскій „анабаптистъ“, совсѣмъ расхандрился и задумался, пріунылъ. А самая большая впечатлительность все-таки у итальянки“. Всѣ насъ обступили и стали дразнить тѣмъ, какъ Иванъ Сергѣевичъ напугалъ насъ. Все же, возвращаясь домой, мы на улицѣ украдкой оглядывались; по темной лѣстницѣ бѣжали, наталкиваясь другъ на друга. Всѣмъ намъ мерещились призраки и всякіе ужасы. Въ эту ночь мы долго восторженно бесѣдовали о проведенномъ вечерѣ, о Тургеневѣ, о его сочиненіяхъ, съ которыми къ тому времени мои подруги ознакомились въ переводѣ и котораго онѣ давно уже вмѣстѣ со мною боготворили.

Послѣ этого вечера, я не видѣла Ивана Сергѣевича такимъ оживленнымъ, встрѣчая его на офиціальныхъ „четвергахъ“ въ продолженіе сезоновъ 80—82 гг.

На этихъ „четвергахъ“ я встрѣчала такъ много знаменитыхъ людей! Нашихъ богатырей искусства: Антокольскаго, Боголюбова, Лемана, Харламова. Нашего музыкальнаго генія — Антона Григорьевича Рубинштейна. Французскихъ знаменитыхъ композиторовъ; Гуно, Тома, Сенъ-Санса, Годара. Всѣ знаменитые артисты того времени, пріѣзжавшіе въ Парижъ, выступали на этихъ вечерахъ.

Лѣто 1881 года я провела въ Россіи. Вернувшись осенью въ Парижъ, я застала семью Віардо и Ивана Сергѣевича вскорѣ послѣ ихъ переѣзда изъ Буживаля. У Ивана Сергѣевича былъ бодрый видъ. Онъ разспрашивалъ меня о Россіи. Годъ былъ знаменательный для общественной жизни Россіи. Все, что я знала и слыхала, мною было сообщено И. С., слушавшему съ большимъ интересомъ мои впечатлѣнія, вынесенныя отъ пребыванія на родинѣ. Въ душѣ я была опе-

чалена своею молодостью, увѣренная, что мои сообщенія Ивану Сергѣевичу должны казаться дѣтски ничтожными, что Иванъ Сергѣевичъ задаетъ вопросы и слушаетъ меня ради „испытанія“, какъ въ тотъ вечеръ, зимой, когда онъ наэлектризировалъ насъ своими страшными разсказами. Но впослѣдствіи я убѣдилась, что у Ивана Сергѣевича сохранилась рѣдкая въ его годы непосредственность, заставлявшая многихъ сомнѣваться въ его искренности. Теперь, вспоминая каждую встрѣчу съ И. С. и вдумываясь въ значеніе и смыслъ отдѣльныхъ моментовъ этихъ встрѣчъ, я поражаюсь свѣжестью и неувядаемостью души и чувствованія Ивана Сергѣевича, выражавшихся въ его способности, — не знаю какъ иначе это назвать — относиться „молодо“ къ окружающимъ, въ особенности къ намъ, къ молодежи. Мои подруги — Гаргани и Фермернъ, — еще не возвратились въ Парижъ, и я была приглашена одна, въ первый „четвергъ“, къ обѣду. Иванъ Сергѣевичъ встрѣтилъ меня словами: „Voilà le gentil anabaptiste revenu! („Вотъ милый „анабаптистъ“ вернулся“.)

Разспрашивая меня о Россіи, онъ заговорилъ по-русски. M-me Віардо не только не прерывала насъ, но сама задавала вопросы, слѣдя за разговоромъ: не было чужихъ, и „варварскій“ языкъ никого не смущалъ. Иванъ Сергѣевичъ говорилъ о своемъ сильномъ желаніи поѣхать въ Россію; при этомъ у него вырвался вздохъ, и онъ глубоко задумался. Мнѣ стало грустно и такъ хотѣлось спросить: „Отчего вы не ѣдете въ Россію?“ Позже я узнала, что Иванъ Сергѣевичъ въ это время, ожидая появленія своего разсказа „Отчаянный“ („Вѣстникъ Европы“, 1882 годъ), переживалъ много тревогъ и волненій, какъ всегда, передъ появленіемъ своихъ новыхъ произведеній. Въ этотъ вечеръ была ненастная погода. Вѣтеръ бушевалъ, и шумъ деревьевъ сада, примыкавшаго къ дому, врывался черезъ закрытыя окна. Иванъ Сергѣевичъ сказалъ, обращаясь къ m-me Віардо: „Помните грозу въ тотъ вечеръ, когда мы пріѣхали къ Жоржъ-Зандъ?“ — „Куда?“ — спросила m-me Віардо. — „Въ Ноганъ“ — отвѣтилъ И. С. и разсказалъ удивительно образно о страшной грозѣ, заглушавшей игру Шопена, такую нѣжную. M-me Віардо заговорила объ обаятельной игрѣ Шопена, не отличавшагося силою удара, но обладавшаго дивнымъ, нѣжнѣйшимъ piano, которое онъ такъ мастерски усиливалъ, что эти тончайшіе нюансы производили иллюзію силы. Въ началѣ октября m-me

Віардо дала мнѣ разучивать трудную арію изъ оперы „Золушка“ Россини. Я много работала надъ ней, но колоратура этой аріи не давалась мнѣ. M-me Віардо была недовольна моимъ исполненіемъ и не сказала: „C'est bien travaillé“ („Это хорошо разработано“). Я была очень огорчена; такая неудача случилась со мной въ первый разъ. Снова принялась я за эту арію и напрягла всѣ усилія, чтобы побѣдить ея трудности. Но и на слѣдующемъ урокѣ я ее спѣла не лучше. M-me Віардо останавливала меня безпрестанно. Я расплакалась и не могла продолжать пѣть. M-me Віардо стала меня упрекать въ неумѣніи владѣть собой; говорила, что самообладаніе необходимо для артистки и строго сказала мнѣ: „Chantez!“ („Пойте“.) Я сдѣлала неимовѣрное усиліе, чтобы сдержать слезы, а слезы текли по лицу, но я запѣла. Какъ я пѣла это веселое allegro, не вытирая глазъ, я не знаю. Но когда я плачевно окончила арію, m-me Віардо меня приласкала и поцѣловала и дала разучивать другую арію, оговоривъ, что черезъ мѣсяцъ я должна снова приняться за „Золушку“ и спѣть ее на урокѣ. Меня охватилъ ужасъ при мысли о предстоящемъ мученіи съ ненавистной мнѣ аріей. Но разсуждать не приходилось. Я рѣшила ежедневно повторять „Золушку“. Но проходили дни и недѣли, а я пѣла не лучше. Я загрустила окончательно, когда приблизился срокъ новаго испытанія. Вслѣдствіе усиленной работы надъ „Золушкой“, мнѣ не удавались и другія аріи. Я приходила въ отчаяніе. Къ концу мѣсяца m-me Віардо, обладавшая необычайной памятью, посмотрѣла въ записную книжку и сказала: „На слѣдующемъ урокѣ вы споете „Золушку“. Я похолодѣла при мысли, что будетъ на слѣдующемъ урокѣ. Три дня я пѣла только „Золушку“ и чувствовала себя очень несчастной, замѣчая, что голосъ не слушается меня. На урокѣ я пѣла очень плохо, голосъ былъ переутомленъ; но я не плакала и была увѣрена, что въ совершенствѣ „владѣю собой“... M-me Віардо встала, приблизилась ко мнѣ и посмотрѣла мнѣ прямо въ глаза. Я не плакала. Я старалась улыбнуться. Но на моемъ лицѣ m-me Віардо, вѣроятно, увидѣла гримасу вмѣсто улыбки и спросила меня коротко и серьезно: „Voyons, qu'est ce que vous avez?“ („Что съ вами?“). Я ей призналась, какъ усиленно работала весь мѣсяцъ надъ этой аріей, какъ пришла въ отчаяніе при мысли, что я никогда не буду артисткой, и рѣшила передъ урокомъ, если арія не удастся, — бросить пѣніе. Приходъ другой ученицы прервалъ нашъ разго-

воръ, принявшій серьезный оборотъ. Я вернулась домой печальная и не могла пѣть въ слѣдующіе дни. Настроеніе мое падало, я хандрила, мнѣ казалось, что голосъ я потеряла и съ нимъ все потеряла въ жизни. Это состояніе продолжалось около двухъ недѣль. У m-me Віардо я не бывала на урокахъ. Но вотъ „три анабаптиста“ получили приглашеніе на обѣдъ въ „четвергъ“. Мнѣ сказано было принести русскія аріи и романсы.

На обѣдѣ присутствовалъ Иванъ Сергѣевичъ, m-me Віардо какъ-то особенно ласкова была со мной. Мнѣ казалось, что всѣ обращались со мною, какъ съ больной. Я почувствовала себя еще болѣе несчастною. Вечеромъ играли въ фанты. У m-me Віардо были приготовлены для насъ маленькія изящныя вещицы для фантовъ. Я получила самыя красивыя вещицы. Еще теперь у меня хранится фарфоровый китаецъ и голубой стеклянный кувшинъ для цвѣтовъ. Послѣ игръ мы пошли въ галлерею, гдѣ Фермернъ пѣла Генделя въ сопровожденіи органа, на которомъ съ большимъ мастерствомъ играла m-me Віардо. Затѣмъ вернулись въ залъ. M-me Віардо предложила мнѣ спѣть что-нибудь русское — то, что я люблю. Я возразила, что двѣ недѣли не могу пѣть, у меня нѣтъ голоса. „Eh bien, chantez sans voix, comme moi! („Пойте безъ голоса, какъ я“.) — сказала m-me Віардо. „Comme vous?!“ („Какъ вы?!“) — возразила я, готовая заплакать. Но m-me Віардо сидѣла у рояля, и мнѣ оставалось только подчиниться. Я развернула ноты и поставила на пюпитръ романсъ Рубинштейна „Душа моя мрачна“, разученный мною самостоятельно. Я запѣла и сама не вѣрила, что это я пою. Голосъ мой звучалъ прекрасно. Дивныя строфы Байрона-Лермонтова, которыми оканчивается романсъ: „...И вотъ она полна, какъ кубокъ смерти, яда полный“, — я пѣла какъ признаніе о моей душѣ.

M-me Віардо радостно взглянула на меня и затѣмъ обратилась къ Ивану Сергѣевичу, сидѣвшему въ обычной позѣ въ креслѣ, возлѣ камина, поправляя щипцами огонь: „Voilà une petite toquée, qui s'imagine de ne pas avoir de voix!“ („Вотъ маленькая безумица, которая вообразила себѣ, что у нея нѣтъ голоса!“). Иванъ Сергѣевичъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и, глядя въ мои печальные глаза, сказалъ: „Au contraire, vous avez une grande voix, il faut la modèrer“. („Наоборотъ, у васъ большой голосъ, вы должны его умѣрять“) и попросилъ меня спѣть еще разъ этотъ романсъ. Я пѣла и была

счастлива, видя устремленный на себя взглядъ Ивана Сергѣевича, одобрительно кивавшаго головой, когда я пѣла:

И если не на вѣкъ надежды рокъ унесъ,
Онѣ въ душѣ моей проснутся.
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ,
Онѣ растаютъ и прольются.
Пусть будетъ пѣснь моя дика! Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки.
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.

Когда я кончила пѣть, всѣ присутствующіе говорили мнѣ много лестнаго о моемъ голосѣ и исполненіи. Настроеніе мое стало радостнымъ, и подъ этимъ впечатлѣніемъ я на другой день начала работать съ удвоенной энергіей.

Когда я пришла на слѣдующій урокъ, я встрѣтила въ вестибюлѣ И. С., выходившаго на прогулку. Онъ привѣтствовалъ меня словами: „Povera Cenerentola!“ („Бѣдная Золушка“), что́ меня заставило разсмѣяться.

Старикъ Віардо рѣдко присутствовалъ на „четвергахъ“. Но мы его видѣли за обѣдомъ и вечеромъ, когда не было чужихъ: онъ былъ на двадцать лѣтъ старше m-me Віардо, молчаливый, сгорбленный старикъ. Мы знали отъ m-me Віардо, что она вышла за него замужъ, когда ей было 20 лѣтъ, во время своего перваго ангажемента въ Парижѣ, въ итальянской оперѣ, которая была подъ дирекціей г. Віардо. Онъ зналъ всю ея семью: отца, знаменитаго тенора Гарсіа, ея мать, которая была испанкой (m-me Віардо и ея дочери говорили часто между собою по-испански), ея сестру, знаменитую Малибранъ. Г-нъ Віардо зналъ русскій языкъ и извѣстенъ, какъ переводчикъ на французскій языкъ Пушкина, Лермонтова и Тургенева.

Иванъ Сергѣевичъ сотрудничалъ въ смыслѣ дословнаго перевода, а г. Віардо облекалъ прозу въ стихотворную форму французской рѣчи. М-ме Віардо иногда призывала мужа для совѣта, когда мы должны были выступать, чтобы услышать его сужденіе о выборѣ и исполненіи арій. Онъ усаживался въ дальній уголъ и внимательно вслушивался, опустивъ голову, никогда не глядя на насъ; мнѣнія своего не высказывалъ и молчаливо уходилъ. Но мы позже узнавали отъ m-me Віардо, что́ г. Віардо одобрилъ и какія замѣчанія онъ

сдѣлалъ по поводу того, что ему не понравилось. Онъ появлялся почти всегда въ просторномъ халатѣ, сгорбленный, не глядя ни на кого. Тѣмъ болѣе насъ удивляло, когда m-me Віардо передавала намъ замѣчанія г. Віардо, что одинъ „анабаптистъ“ слишкомъ затягивается въ корсетъ, или другой „анабаптистъ“ во время пѣнія дѣлаетъ нервныя движенія руками. Не слыша именъ, мы все же знали, къ кому изъ насъ эти замѣчанія относятся.

Когда мнѣ случалось видѣть рядомъ г. Віардо — сутулаго старичка и Тургенева — этого орла, невольно являлся вопросъ: какія отношенія связывали эти три существа? Вѣдь они прожили цѣлую жизнь вмѣстѣ, вѣдь они были молоды, вѣдь они любили...

Все, что говорили кругомъ, о чемъ молчали, о чемъ писали, напрашивалось на отвѣтъ. Я знала, что стихотвореніе Некрасова:

„Завидую тебѣ, твоей поѣздкѣ и судьбѣ“...

относилось къ Тургеневу, уѣхавшему съ m-me Віардо за границу послѣ ея тріумфовъ въ Россіи въ 1845 году.

Участье и вниманіе къ намъ семьи Віардо выражалось на каждомъ шагу. Однажды m-me Віардо нашла, что всѣ „три анабаптиста“ замѣтно похудѣли. Разспросы ея коснулись нашего питанія, и мы признались, что кормятъ насъ очень скупо въ пансіонѣ, въ которомъ m-me Віардо насъ устроила. Поэтому мы стѣснялись жаловаться или перейти въ другой пансіонъ. M-me Віардо очень возмутилась недобросовѣстностью хозяевъ, а еще больше нашей скрытностью и настояла, чтобы мы всѣ немедленно переѣхали въ другой пансіонъ.

„Государственный переворотъ“ совершился подъ протекторатомъ m-me Віардо, и мы были на сей разъ устроены прекрасно.

Жизнь Тургенева и семьи Віардо, въ тѣ годы, была полна красоты, возвышенныхъ интересовъ, хорошихъ, великодушныхъ чувствъ и отношеній къ окружающимъ, способности излучать душевное тепло и умѣнія, желанія и потребности подойти близко къ душѣ человѣка. Все отношеніе Тургенева и семьи Віардо къ намъ, „тремъ анабаптистамъ“, проникнуто было сердечнѣйшей непосредственностью и снисхожденіемъ. Несомнѣнно, они чувствовали, что мы преклоняемся предъ ними, но кто не преклонялся предъ ними?

Мнѣ кажется, насъ приблизила къ нимъ наша моральная нетронутость и наша крайняя юность. Мы себѣ казались такими маленькими, ничтожными предъ ними, но они намъ этого никогда не давали чувствовать.

Мы тогда рѣшили, что въ прошломъ было „многое", было „все". Въ моемъ дневникѣ есть замѣтка: „Только такія избранныя натуры могли создать подобную красоту отношеній и жизни". У m-me Віардо было много учениць, но приблизила она, кромѣ насъ, — нѣсколько позже — двухъ русскихъ учениць: Василенко и Викгорстъ — впослѣдствіи извѣстную путешественницу Корсини.

Въ декабрѣ 1881 года состоялся литературно-музыкальный вечеръ въ русскомъ художественномъ клубѣ, помѣщавшемся „Rue Tilsit", въ домѣ барона Гинзбурга.

Вечеръ былъ устроенъ въ пользу неимущихъ русскихъ художниковъ, жившихъ въ Парижѣ.

На этомъ вечерѣ Тургеневъ читалъ стихотворенія „Пророкъ" Пушкина и „Пророкъ" Лермонтова. Манера чтенія отличалась большой простотой и произвела глубокое впечатлѣніе. Залъ былъ переполненъ.

Присутствовала вся русская колонія, начиная съ посла, князя Орлова, и кончая молодыми художниками.

Когда появилась на эстрадѣ мощная фигура И. С. Тургенева, — весь залъ замеръ. Голосъ Ивана Сергѣевича поражалъ всегда своимъ тембромъ. Голосъ былъ слишкомъ тонкій и какъ-то не подходилъ къ росту и богатырскому сложенію Тургенева. Но въ голосѣ этомъ было столько сердечности, столько теплоты, что контрастъ забывался.

Рядомъ съ Тургеневымъ на этомъ вечерѣ выступалъ поэтъ Минскій, читавшій свои стихотворенія, и скрипачъ Адольфъ Бродскій, профессоръ московской консерваторіи, — другъ моего дѣтства, которому я аккомпанировала на этомъ вечерѣ.

Иванъ Сергѣевичъ, встрѣтивъ меня въ артистическомъ фойэ, удивленно спросилъ: „Вы здѣсь выступаете?" Узнавъ, что я аккомпанирую Бродскому, одобрительно кивнулъ головой и сказалъ: „Это полезно". Ивана Сергѣевича встрѣтили и проводили оваціями. Онъ, вообще, не любилъ быть на виду и искренно страдалъ въ моменты, когда бывалъ предметомъ всеобщаго вниманія.

Мнѣ тогда приходилось слышать отъ многихъ русскихъ, бывавшихъ у Тургенева, что Иванъ Сергѣевичъ аффекти-

руетъ скромность. Это по меньшей мѣрѣ — не вѣрно: Иванъ Сергѣевичъ органически чувствовалъ неловкость, когда при немъ восторгались его геніемъ. Онъ характерно отличался отсутствіемъ самомнѣнія. Эта черта проходитъ красною нитью въ его перепискѣ съ Анненковымъ, съ Стасюлевичемъ, въ особенности въ письмахъ, предшествовавшихъ появленію его произведеній. Я тогда убѣдилась въ этомъ вскорѣ. 14 января, 1882 года, мнѣ выпало счастье участвовать съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ литературно-музыкальномъ вечерѣ, устроенномъ имъ въ русскомъ художественномъ клубѣ, въ пользу русскихъ неимущихъ художниковъ, жившихъ въ Парижѣ. Иванъ Сергѣевичъ читалъ свою повѣсть „Отчаянный", только что появившуюся въ „Вѣстникѣ Европы". Понятно, весь интересъ переполнявшей залъ публики былъ сосредоточенъ на этомъ чтеніи.

На этомъ вечерѣ присутствовало все высшее русское общество, во главѣ съ посломъ, графомъ Орловымъ, наши славные художники, Антокольскій, Боголюбовъ, Леманъ, Харламовъ, Дмитріевъ-Оренбургскій, Крачковскій, Похитоновъ и др. Участвовали: m-me Віардо, которая дала себя уговорить и въ концѣ вечера спѣла „Ich grolle nicht" Шумана и „Нѣтъ, только тотъ, кто зналъ", Чайковскаго (по-русски), сама себѣ аккомпанируя. Пѣніе ея произвело потрясающее впечатлѣніе па присутствующихъ. Такая глубина выраженія, такая сила проникновенія была въ ея потухшемъ голосѣ! Померкшіе глаза ея были полны слезъ, когда присутствовавшее на концертѣ высокопоставленное лицо сказало: „Oh, vraiment, on a le frisson dans le dos!" („О, знаете, у меня пошелъ морозъ по кожѣ").

Иванъ Сергѣевичъ стоялъ вблизи и вглядывался въ m-me Віардо, точно въ новое, незнакомое лицо...

Остальные участвующіе были: віолончелистъ Брандуковъ, а изъ ученицъ m-me Віардо — я и Василенко.

Между прочимъ, когда m-me Віардо разучивала со мной и Василенко для этого вечера русскіе аріи и романсы, она пригласила Ивана Сергѣевича прослушать наше исполненіе и исправить дикцію, если это нужно. Я пѣла, написанный незадолго романсъ m-me Віардо на стихи Пушкина „Старый мужъ, грозный мужъ". Когда я спѣла этотъ романсъ при Иванѣ Сергѣевичѣ, онъ мнѣ замѣтилъ, что я произношу „рѣжь меня, жги меня" — слишкомъ мягко, что слово „меня" звучитъ скорѣе, какъ „миня". „По-южному, — сказалъ онъ,

а въ словахъ „рѣжь и жги“ надо удваивать согласныя, чтобы усилить выразительность“. Этотъ романсъ я исполняла часто на „четвергахъ“.

Была устроена лотерея изъ пожертвованныхъ художниками картинъ, мелкихъ эскизовъ для большихъ работъ и скульптуръ Антокольскаго. Художники пожелали оставшіяся неразыгранными картины и статуэтки раздѣлить между участвующими въ концертѣ. Всѣ стали въ кружокъ, посреди котораго Харламовъ раздавалъ всѣмъ поочередно выигрыши, но взоры и желанія всѣхъ были обращены на маленькую бронзовую статуэтку Антокольскаго — эскизъ Пугачева: всѣмъ хотѣлось получить ее. Пугачевъ сдѣланъ во весь ростъ, голова низко опущена, глаза смотрятъ исподлобья, упрямо и сурово. Руки связаны на спинѣ. Большая сила сквозитъ во всей фигурѣ, мастерски скомпанованной.

И тутъ случилось нѣчто необычайное, взволновавшее всѣхъ. Когда Харламовъ взялъ статуэтку въ руки и протянулъ ее по направленію къ слѣдующему, а это былъ Тургеневъ, — то возлѣ протянулась рука стоявшей сзади неучаствовавшей въ концертѣ ученицы m-me Віардо, русской, имени которой я не хочу называть — мнѣ за нее и теперь еще стыдно — и, взявъ статуэтку, она стала громко восхищаться ею и восклицать: „Какое счастье, я получила „Пугачева“.

Тургненевъ, m-me Віардо, всѣ художники и артисты стояли онѣмѣвшіе. Раздача кончилась, начали разъѣзжаться. M-me Віардо отвела меня въ сторону и сказала: „Quelle action hideus“. (Какой отвратительный поступокъ!) Какъ можно протянуть руку за чѣмъ-нибудь, на что не имѣешь права? Къ тому же эта статуэтка имѣетъ большую цѣнность, нѣсколько тысячъ рублей въ настоящее время, а позже?..“ Я сказала m-me Віардо, что каждый изъ артистовъ, былъ бы, несомнѣнно, счастливъ предложить ее Ивану Сергѣевичу, такъ желавшему ее выиграть и взявшему большое количество лотерейныхъ билетовъ.

Вернувшись домой, я разбудила моихъ „анабаптистовъ“ и передала имъ о случившемся; онѣ были возмущены, такъ же, какъ и я. Мы рѣшили на другой день переговорить съ этой ученицей, упросившей m-me Віардо взять ее съ собою на этотъ вечеръ и причинившей ей такое огорченіе и стыдъ передъ всѣми.

На ближайшемъ урокѣ m-me Віардо снова заговорила о статуэткѣ; она выражала надежду, что N N придетъ въ себя, что настанетъ день, когда она сознаетъ свой поступокъ и вернетъ статуэтку Тургеневу. Но этотъ день не приходилъ. Тогда мы, „анабаптисты", рѣшили, что я должна поговорить съ N N. Съ тяжелымъ сердцемъ, я отправилась къ ней, готовясь къ предстоящей мнѣ трудной задачѣ. Войдя къ ней и не видя въ комнатѣ статуэтки, я спросила: „Гдѣ „Пугачевъ"?" Она отвѣтила: „О, я его спрятала, чтобы кто-либо не вздумалъ его похитить. Вы знаете, мнѣ сказали, что я могу получить за него три тысячи рублей". Тогда я передала ей возмущеніе Ивана Сергѣевича и m-me Віардо, присутствовавшихъ художниковъ и всѣхъ, узнавшихъ о похищеніи ею „Пугачева". Она осталась равнодушной ко всему, мною переданному, и, пожимая плечами, сказала: „Странно, не понимаю. О, я не отдамъ „Пугачева", добавила она. Мнѣ болѣе ничего не оставалось ей сказать. Я ушла, безконечно огорченная.

На ближайшемъ урокѣ я передала о моемъ посѣщеніи N N; m-me Віардо взглянула на меня пристально и сказала: „Вы это сдѣлали? Теперь я вижу, что поступокъ ея сознательный, но она все-таки безсознательна въ своихъ дѣйствіяхъ. Enfin!" — закончила она. Больше не возвращались къ этому печальному инциденту. Впослѣдствіи m-me Віардо призналась намъ, что она продолжала надѣяться на просвѣтленіе N N.

Антокольскій, узнавъ, что Тургеневъ не получилъ „Пугачева", былъ огорченъ. Онъ мнѣ сказалъ это во время одного изъ моихъ посѣщеній. Поступокъ N N остался загадкой для всѣхъ. Гдѣ-то теперь „Пугачевъ"? Когда мы возвращались домой, m-me Віардо поѣхала съ Василенко, а меня проводилъ въ экипажѣ Иванъ Сергѣевичъ. Онъ несъ полученныя мною картины: этюдъ Крачковскаго и акварель Дмитріева-Оренбургскаго. Бережно поставилъ картину въ экипажъ, усадилъ меня и вотъ, — мы вдвоемъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ! Всѣ захватывающія впечатлѣнія этого вечера исчезли въ этотъ моментъ передъ моимъ горячимъ желаніемъ выразить Ивану Сергѣевичу мое преклоненіе передъ нимъ, сказать ему все, что я пережила во время чтенія имъ повѣсти, полной глубокаго трагизма. Иванъ Сергѣевичъ похвалилъ мое пѣніе. Въ этотъ моментъ, наконецъ, у меня хватило смѣлости заговорить о чтеніи Ивана Сергѣевича, которое меня глубоко взволновало. Я говорила, въ юношески безразсудныхъ выраженіяхъ, обо всемъ, что было на душѣ, какъ умѣла. Иванъ Сергѣе-

вичъ недовѣрчиво покачалъ головою. „Вотъ прочтутъ въ Россіи эту повѣсть, начнутъ со всѣхъ сторонъ нападать: одному не понравится одно, другому въ ней не понравится другое". Я тихо возражала. „Нѣтъ, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, — и на „Новь" несправедливо нападали. Я думаю, что молодежь меня не любитъ и не знаетъ, какъ я привязанъ къ ней и къ Россіи. А вѣдь типъ „отчаяннаго" взятъ почти цѣликомъ съ натуры. Это мой племянникъ; онъ въ своей жизни продѣлалъ почти все, что я описалъ, за немногими исключеніями. Я всегда дѣйствительность пропускаю сквозь призму фантазіи. Я убѣжденъ, что типъ „отчаяннаго", человѣка дворянской среды, внутренне неудовлетвореннаго, ищущаго выхода для своихъ силъ и не находящаго его нигдѣ въ окружающей жизни, есть начало всѣхъ дальнѣйшихъ нашихъ бѣдъ, дальнѣйшихъ, созданныхъ мною типовъ дворянской среды".

Мнѣ было больно слышать горечь въ словахъ Ивана Сергѣевича; я возражала, я увѣряла его въ преклоненіи передъ нимъ молодежи, въ томъ, что мы всѣ воспитаны на его произведеніяхъ, которыя мы читаемъ съ благоговѣніемъ, что наши лучшія мысли, наши лучшія чувства принадлежатъ ему. Иванъ Сергѣевичъ только покачалъ головой и, помолчавъ, сказалъ: „А можетъ быть, я уже не способенъ больше писать. Когда человѣкъ перестаетъ жить сердцемъ, когда онъ не въ состояніи больше увлекаться, любить и увлекать другихъ, тогда всему конецъ: угасаетъ самолюбіе и способность писать. Я теперь читаю лучше, чѣмъ прежде, потому что мнѣ все все равно. Въ моей молодости товарищи не довѣряли мнѣ чтеніе, зная напередъ, что я своимъ волненіемъ все испорчу. Вамъ хорошо, вы волнуетесь при пѣніи, вы молоды. Конечно, артистъ-исполнитель можетъ и долженъ себя воспитать, долженъ свое волненіе довести до минимума, научиться владѣть собой; я никогда этого не могъ достигнуть; вѣроятно, во мнѣ не было того, что нужно артисту". Мы подъѣхали къ дому, гдѣ я жила. Иванъ Сергѣевичъ вышелъ изъ экипажа, вынулъ картины, помогъ мнѣ выйти, позвонилъ у подъѣзда и, когда мнѣ открыли, сердечно простился со мной. Въ моемъ дневникѣ эта страница заканчивается такъ: „Иванъ Сергѣевичъ былъ божественъ!"

Ближайшій „четвергъ" у m-me Віардо былъ немноголюдный. И. С. присутствовалъ. Семья была въ сборѣ. Игралъ віолончелистъ Маріотти, пѣли ученицы m-me Віардо, артистка Ришаръ и Террье-Вичини, а также Викгорстъ, Василенко и

мы, „три анабаптиста“. Собрались въ галлерѣ, гдѣ исполняли Генделя и Глюка въ сопровожденіи органа, на которомъ играла Віардо. Позже перешли въ салонъ и играли въ фанты. Сидя большимъ кругомъ, бросали носовой платокъ, при чемъ произносили начало слова, которое долженъ былъ окончить тотъ, кому бросали платокъ, не давая ему упасть. Эта игра требовала большого напряженія, вниманія, ловкости, находчивости, а главное, обстоятельнаго знанія французскаго языка. Проигрывали почти всегда мы, иностранки. Въ этой игрѣ участвовали всѣ, не исключая Ивана Сергѣевича, который отъ души смѣялся, когда мы, съ расширенными отъ страха ожиданія глазами, оканчивали слова самымъ нелѣпымъ образомъ, надъ чѣмъ мы сами сейчасъ же смѣялись. Иванъ Сергѣевичъ нѣсколько разъ спросилъ меня: „Вы боитесь? Это забавно“. Его забавляла, несомнѣнно, смѣна выраженія на нашихъ лицахъ: при его вопросѣ мы бодрились и улыбались, но тутъ же, въ ожиданіи страшнаго платка, испугъ снова выступалъ на нашихъ лицахъ, И всѣ, точно сговорившись, бросали платокъ намъ. Описаніе этого вечера заканчивается въ моемъ дневникѣ такъ: „19 января. Всего черезъ пять дней послѣ моего разговора съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ экипажѣ. Онъ былъ такъ веселъ! Мнѣ всѣ эти дни было тяжело на душѣ и больно отъ сознанія, что и великій писатель могъ чувствовать тернія, лежащія на пути, какъ мнѣ думалось, только пасынковъ искусства“.

31 января въ моемъ дневникѣ помѣчено: „Урокъ у m-me Віардо. Она мнѣ сообщила, что я и Василенко будемъ участвовать въ концертѣ, устраиваемомъ въ честь пріѣзда въ Парижъ Антона Григорьевича Рубинштейна, который обѣщалъ играть. Тургеневъ будетъ читать. Какое счастье!“

4 февраля состоялся концертъ въ честь Антона Григорьевича Рубинштейна, въ русскомъ художественномъ клубѣ. Тургеневъ прочелъ „Два старыя портрета“ — глубоко прочувствованно. Когда онъ кончилъ, никто не аплодировалъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, затѣмъ раздались единодушныя рукоплесканія, долго не смолкавшія. Тургеневъ смущенно раскланивался. Послѣ него игралъ Рубинштейнъ. Какъ онъ игралъ! У меня нѣтъ красокъ, чтобы выразить произведенное имъ на меня впечатлѣніе.

Возвращались мы съ концерта всѣ вмѣстѣ. Отвезли Василенко, затѣмъ m-me Віардо, а Иванъ Сергѣевичъ поѣхалъ проводить меня. Я была наэлектризована всѣмъ видѣннымъ,

слышаннымъ и пережитымъ въ этотъ вечеръ, но чтеніе Ивана Сергѣевича было самымъ сильнымъ впечатлѣніемъ. Я воскликнула: „Иванъ Сергѣевичъ, какъ вы сегодня читали!“ Иванъ Сергѣевичъ съ привѣтливой улыбкой обернулся въ мою сторону и сказалъ: „Когда я читаю свои старыя произведенія, я какъ бы послѣ долгой разлуки вижу добрыя лица милыхъ друзей. Я спокоенъ за нихъ, я имъ вѣрю, я ихъ знаю“. Еще разъ я убѣдилась тогда, что Ивану Сергѣевичу хотѣлось побесѣдовать по-русски, что это желаніе было временами непобѣдимо. Несомнѣнно было для меня и тогда, что Тургеневъ, несмотря на неразрывную связь съ семьей Віардо, имѣлъ чуждыя этой семьѣ запросы, желанія и интересы высшаго порядка. Семья Віардо — были люди утонченныхъ понятій, проникновенные, серьезные эстеты, но въ натурѣ Ивана Сергѣевича были заложены всѣ качества ихъ утонченныхъ натуръ и еще кромѣ того — художественный геній, пропитанный насквозь русскимъ закаломъ, категорически предъявлявшимъ свои права.

Въ концѣ февраля опасно заболѣлъ старикъ Віардо. Уроки у m-me Віардо были прерваны. Когда они возобновились, я замѣтила, что m-me Віардо была очень грустна. Она говорила мнѣ, что семья переживаетъ очень тяжелое время, врачи мало надѣются на возстановленіе здоровья г. Віардо. „Du reste, mon mari est si vieux! Il a vingt ans de plus que moi, et moi, je ne suis pas jeune, par exemple!“ („Конечно, мой мужъ такой старикъ. Онъ на 20 лѣтъ старше меня, а я ужъ тоже не молода, не правда ли?“) Уходя, я на лѣстницѣ встрѣтила Тургенева. Онъ остановился и заговорилъ со мной. Узнавъ, что m-me Віардо сейчасъ давала мнѣ урокъ, онъ сказалъ: „Віардо боленъ, а она даетъ уроки послѣ безсонныхъ ночей. Какая сила воли! Представьте, нашлись люди упрекающіе ее въ жадности, по поводу уроковъ. Между тѣмъ она пересиливаетъ себя, только желая успокоить Віардо, который, узнавъ о перерывѣ уроковъ, понялъ опасность своего положенія. Теперь Віардо доволенъ, что слышитъ пѣніе“.

„Четверги“ были прерваны до 13 апрѣля. Этотъ „четвергъ“ былъ очень многолюдный. Въ дневникѣ названы наши русскіе художники, многіе артисты французскіе и иностранные. Иванъ Сергѣевичъ присутствовалъ. Игралъ композиторъ Годаръ свой концертъ для двухъ скрипокъ съ Полемъ Віардо. Присутствовалъ композиторъ Сенъ-Сансъ, романсы котораго пѣла въ этотъ вечеръ дочь m-me Віардо, Маріанна Дювернуа.

Мы, „анабаптисты“, сидѣли недалеко отъ рояля. Годаръ игралъ вблизи насъ. Его взглядъ остановился на насъ. Мы были въ неизмѣнно черныхъ платьяхъ, среди блестящихъ туалетовъ другихъ дамъ. Годаръ фиксировалъ насъ, и всѣмъ намъ казалось, что онъ иронически улыбается и мигаетъ. Мы были смущены и оскорблены. M-me Віардо, аккомпанировавшая имъ, встала, по окончаніи скрипичнаго дуэта, несомнѣнно, замѣтивъ направленіе взгляда Годара, подошла къ намъ и шопотомъ быстро сказала: „Милыя дѣти, не думайте ничего дурного: у Годара тикъ въ глазахъ“. Мы были ей страшно благодарны и послѣ этого переносили терпѣливо миганіе Годара. Вниманіе m-me Віардо насъ тронуло. Но направленіе взгляда Годара привлекло общее вниманіе въ нашу сторону. Это насъ крайне смущало. Намъ было такъ уютно въ укромномъ уголкѣ! Къ тому же Поль Віардо представилъ намъ Годара и разсказалъ ему, что мы „анабаптисты“. Годаръ былъ не мало удивленъ, пока не получилъ разъясненія.

Въ это время къ намъ подошелъ Иванъ Сергѣевичъ и сказалъ мнѣ по-русски, съ улыбкой глядя на мое разгоряченное лицо: „А вы процвѣтаете“. Несомнѣнно, И. С. видѣлъ и понялъ все происшедшее и хотѣлъ насъ выручить. Впослѣдствіи Иванъ Сергѣевичъ часто обращался ко мнѣ съ этими словами, замѣтивъ, какъ легко я краснѣю отъ малѣйшаго слова.

„Четверги“ нерѣдко заканчивались представленіемъ знаменитаго пуделя, подъ кличкой Фаноръ. Это была очень красивая собака, смышленая, выдрессированная m-me Віардо. Такъ, Фаноръ умѣлъ пѣть. M-me Віардо усаживала его на стулъ и напѣвала закрытымъ ртомъ „La“... Фаноръ старался повторить ноту, но обыкновенно сначала давалъ звукъ ниже „la“. M-me Віардо повторяла „la“, говоря: „Plus haut, plus haut“ („Выше, еще выше“). Фаноръ повышалъ почти въ хромотическомъ порядкѣ, пока не попадалъ на „la“. Когда m-me Віардо говорила: „C'est bien!“ („Теперь хорошо“), онъ соскакивалъ со стула. Бріошъ была ему наградой. Затѣмъ Фаноръ усаживался снова на стулъ, и ему клали на носъ кусокъ сыра, который онъ любилъ. M-me Віардо обращалась къ Фанору со словами: „Ты съѣшь сыръ, когда я произнесу имя Годаръ“. Она произнесла подъ рядъ 20 или болѣе именъ, при чемъ Фаноръ сидѣлъ неподвижно, глядя m-me Віардо въ глаза; но когда произнесено было ею назначенное имя, Фаноръ встряхнулъ головой, и кусокъ попалъ ему въ пасть. Послѣднимъ его

номеромъ была драматическая сцена. M-me Віардо обращалась къ нему со словами: „Фаноръ, ты совершилъ преступленіе, ты долженъ умереть“. Мгновенно Фаноръ падаетъ и закрываетъ глаза. M-me Віардо предложила всѣмъ, стоявшимъ кругомъ, разбудить Фанора. Его теребили, ему предлагали бріошъ, сыръ, но Фаноръ оставался нечувствительнымъ къ соблазнамъ. Иногда m-me Віардо испытывала его долго, уходя или разговаривая съ кѣмъ-нибудь. Фанора тормошили, но онъ продолжалъ быть „мертвымъ“. Но стоило m-me Віардо тихо сказать: „Мой другъ Фаноръ, я тебя прощаю“, какъ Фаноръ вскакивалъ. Однако онъ не дотрагивался до лакомствъ, лежащихъ возлѣ него, пока m-me Віардо не говорила ему: „Mange!“ („Кушай!“). Самое удивительное было то, что Фаноръ различалъ время. Лѣтомъ, когда мы жили въ Буживалѣ, Фаноръ безошибочно, ежедневно въ три часа, отправлялся на вокзалъ встрѣчать m-me Віардо, возвращавшуюся изъ Парижа послѣ уроковъ. Иванъ Сергѣевичъ любилъ Фанора и говорилъ, что считаетъ его знатокомъ людей и что онъ, Иванъ Сергѣевичъ, слѣдитъ за симпатіями и антипатіями Фанора. „Фаноръ привязанъ къ „тремъ анабаптистамъ“, — сказалъ однажды Иванъ Сергѣевичъ, смѣясь.

Послѣдній „четвергъ“ былъ перваго іюня. Иванъ Сергѣевичъ появился на вечерѣ ненадолго. Онъ былъ угрюмъ, брови нависли, глаза имѣли грустное выраженіе. Я спросила m-me Віардо: „Что съ Тургеневымъ, не боленъ ли онъ?“ Мнѣ такъ безумно хотѣлось поговорить съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но это было немыслимо: онъ былъ окруженъ все время и, видимо, тяготился обществомъ. M-me Віардо мнѣ шепнула: „Я вамъ разскажу въ другой разъ, чѣмъ озабоченъ Тургеневъ“.

Черезъ день, придя на урокъ, я спросила m-me Віардо о здоровьѣ Ивана Сергѣевича. Она сказала, вздохнувъ: „Ему не даютъ покоя. Вы знаете, у Тургенева есть дочь, которую онъ ребенкомъ привезъ изъ Россіи и отдалъ мнѣ на воспитаніе, но всѣ попытки сдѣлать изъ нея интеллигентную женщину были напрасны“. Такъ вотъ причина грусти Ивана Сергѣевича.

Семья Віардо и Тургеневъ собирались переѣхать на лѣто въ Буживаль. M-me Віардо предложила намъ, тремъ анабаптистамъ, провести лѣто въ Буживалѣ, чтобы продолжать занятія. Мы нашли вблизи Ле Фрэнъ скромный пансіонъ, съ прелестнымъ садомъ, выходившимъ на узкую, гористую до-

рожку, по которой можно было въ нѣсколько минутъ дойти до парка Ле Фрэнъ. Вилла расположена на берегу Сены. Тѣнистыя аллеи ведутъ къ дому, очень обширному. Большая терраса съ массивными колоннами открываетъ чудесный видъ на Сену и на далекій горизонтъ. Паркъ окружаетъ виллу; старинныя, рѣдкихъ породъ деревья, образуютъ тѣнистыя аллеи. Возлѣ главнаго зданія выстроенъ деревянный двухъэтажный домъ, гдѣ жилъ Тургеневъ. Домъ этотъ назывался „le Chalet". Онъ былъ очень уютный; съ балкона открывался видъ на Сену и окрестности. Иванъ Сергѣевичъ часто сидѣлъ на балконѣ, вблизи котораго находилась крокетная площадка, гдѣ мы ежедневно играли въ крокетъ. Иванъ Сергѣевичъ слѣдилъ за нашей игрой, въ которой иногда принимала участіе m-me Віардо, дѣлалъ намъ замѣчанія и часто переговаривался со мной по-русски.

Въ первый день нашего переѣзда m-me Віардо дала намъ ключъ отъ калитки парка, со стороны нашего дома, и вотъ мы проводили всѣ свободные часы въ паркѣ и на крокетной площадкѣ, возлѣ виллы.

M-me Віардо ежедневно уѣзжала на нѣсколько часовъ въ Парижъ давать уроки. Въ іюнѣ Тургеневу нездоровилось: онъ осунулся и въ жаркіе дни ходилъ закутанный въ красную полосатую испанскую шаль, съ которой онъ не разставался и, сидя въ саду, покрывалъ ею ноги. Онъ жаловался на безсонницу. Къ недомоганію присоединилось еще печальное событіе, усугубившее угнетенное душевное состояніе Ивана Сергѣевича: въ Россіи разразилась Кукуевская желѣзнодорожная катастрофа, и Иванъ Сергѣевичъ получилъ извѣстіе, что въ числѣ погибшихъ пассажировъ былъ его племянникъ, студентъ московскаго университета. M-me Віардо сообщила мнѣ, что Тургеневъ очень разстроенъ этимъ событіемъ. Черезъ нѣсколько дней я поднималась въ паркъ; я быстро шла и вдругъ при поворотѣ неожиданно увидѣла идущаго мнѣ навстрѣчу Ивана Сергѣевича. Отъ неожиданности встрѣчи я, должно быть, покраснѣла. Иванъ Сергѣевичъ сказалъ съ улыбкой: „А вы процвѣтаете, я вижу". Глаза его были грустны, лицо осунулось, и бѣлые волосы, блестѣвшіе на солнцѣ, составляли рѣзкій контрастъ съ потемнѣвшимъ лицомъ. Онъ кутался въ красную шаль.

„Вы знаете, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, — во время Кукуевской катастрофы погибъ мой племянникъ, студентъ московскаго университета, молодой, полный силъ и надеждъ.

Онъ ѣхалъ на похороны родственника и не думалъ, что ѣдетъ на свои собственныя похороны. Я страдаю безсонницей и каждую ночь жду Кукуевской катастрофы... Въ другое время эта смерть племянника затронула бы меня гораздо глубже, но я самъ такъ сильно страдаю, что отупѣлъ совсѣмъ".

Мы приближались къ шалэ. „Какъ вы бодро ходите" — сказала я Ивану Сергѣевичу, но онъ только отвѣтилъ съ грустной улыбкой: „Да вѣдь вы процвѣтаете", выражая этими словами, что я не могу вполнѣ понять его страданій.

Въ одно изъ воскресеній мы обѣдали у Віардо. Иванъ Сергѣевичъ сидѣлъ за столомъ, положа руки на повернутую вверхъ дномъ тарелку, отказываясь отъ блюдъ: онъ въ то время питался исключительно молокомъ. Настроеніе Ивана Сергѣевича было хорошее въ этотъ день. Пріѣхали дочери Віардо съ мужьями, и вся семья была въ сборѣ. Когда всѣ кончили ѣсть супъ, тарелка Гаргани осталась нетронутая. M-me Віардо, замѣтившая это, спросила: „Отчего ты не кушаешь супъ? Гаргани смущенно отвѣтила: „Madame Віардо, въ супѣ муха". M-me Віардо, не задумываясь, возразила: „Il vaut mieux l'avaler, que d'en parler" (Лучше было бы проглотить муху, чѣмъ говорить о ней"). Это замѣчаніе вызвало всеобщій протестъ, поднялся шумъ, нельзя было ничего понять. M-me Віардо ударила своимъ ножемъ по тарелкѣ — всѣ смолкли — и предложила всѣмъ по очереди высказаться. Мнѣнія по этому маловажному вопросу были, однако, очень разнообразны. Одни находили, что слѣдовало муху выбросить, а супъ съѣсть. Но можно ли кушать супъ, въ которомъ плавала муха? — спрашивали другіе. Надо было спросить другую тарелку супа, возражали первые. Гаргани сидѣла смущенная, точно совершила преступленіе. Тогда Иванъ Сергѣевичъ, съ улыбкой слѣдившій за споромъ, сказалъ: „Большой анабаптистъ правильно поступилъ. Я объясняю себѣ слова madame Віардо привычкой педагога къ назиданіямъ" („C'est la bosse pédagogique"). M-me Віардо состроила комическую гримасу шутливаго недовольства и взглянула на Тургенева такъ забавно строго, что всѣ разсмѣялись, и интермеццо съ мухой было окончено.

Часто мы, проведя нѣсколько часовъ на виллѣ и въ паркѣ, оставались къ чаю. Иванъ Сергѣевичъ разспрашивалъ, какъ мы устроились, и увѣрялъ, что собирается придти посмотрѣть нашъ садъ и пообѣдать у насъ. „Но мухъ не будетъ въ супѣ?" спрашивалъ онъ Гаргани.

Однажды Иванъ Сергѣевичъ, сидя на крокетной площадкѣ, спросилъ Гаргани: „Надѣюсь, вы, какъ послушная ученица madame Віардо, упражняетесь въ проглатываніи мухъ?“ (J'éspère, vous vous exercez à avaler les mouches?). „Мухи всегда садятся на цвѣты“, сказалъ Поль Віардо, игравшій съ нами въ крокетъ („Les mouches viennent toujours sur les fleurs“). Иванъ Сергѣевичъ махнулъ на него рукой, сказавъ: „Уходи, муха, и не трогай цвѣтовъ“ („Va-t-en, mouche, et ne touche pas les fleurs“).

У Ивана Сергѣевича хорошее состояніе здоровья чередовалось съ припадками болѣзни, сведшей его черезъ годъ въ могилу. Часто пріѣзжали къ нему литераторы, издатели, просители. Иванъ Сергѣевичъ принималъ всѣхъ, когда бывалъ здоровъ. Но во время его болѣзни привратницѣ было приказано никого не принимать.

Случилось, что пріѣхавшій въ такой день журналистъ просилъ и урезонивалъ привратницу допустить его къ Тургеневу. Чтобы отвязаться, привратница прибѣгла къ увѣреніямъ, что Тургеневъ очень серьезно боленъ и ни въ коемъ случаѣ никого принять не можетъ.

На другой день въ парижскихъ газетахъ появилась замѣтка, что Тургеневъ при смерти. Иванъ Сергѣевичъ утромъ прочелъ о себѣ самомъ эту грустную вѣсть и заподозрилъ окружающихъ, что отъ него скрываютъ опасность его положенія; страшно волновался, и состояніе его здоровья вслѣдствіе этого ухудшилось.

M-me Віардо, понятно, была очень сердита на консьержку и запретила ей давать пріѣзжающимъ къ Тургеневу по дѣлу какія бы то ни было свѣдѣнія о его здоровьѣ. Во избѣжаніе повторенія подобныхъ случайностей, m-me Віардо просматривала газеты и давала Тургеневу читать лишь тѣ, въ которыхъ не было нежелательныхъ свѣдѣній о немъ. Въ это время къ Тургеневу, дѣйствительно, никого не допускали. M-me Віардо проводила всѣ дни у постели Тургенева; очень часто его навѣщали дочери. Иванъ Сергѣевичъ бывалъ особенно доволенъ, когда пріѣзжала Клоди Шамеро. У Клоди были двѣ очаровательныя дѣвочки, которыхъ она изрѣдка приводила съ собой. Старшую, между прочимъ, звали Жанной (Jeanne). Когда Ивану Сергѣевичу стало лучше, мы, анабаптисты, были допущены къ нему. Мы принесли ему цвѣты. Иванъ Сергѣевичъ лежалъ въ кровати. Все время онъ говорилъ со мной по-русски, разсказывалъ, какъ онъ сильно

страдалъ, но что теперь ему лучше и на-дняхъ онъ сойдетъ въ садъ. Въ послѣдующіе дни Иванъ Сергѣевичъ полулежалъ на балконѣ и переговаривался съ нами, игравшими въ крокетъ.

Когда Иванъ Сергѣевичъ сталъ поправляться (въ іюлѣ), въ русскихъ газетахъ появились извѣстія, что Тургеневъ при смерти. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалось безсердечіе m-me Віардо, которая изъ корыстныхъ якобы цѣлей не допускаетъ къ Тургеневу никого изъ русскихъ, пріѣзжающихъ къ нему въ Буживаль. Тургеневъ, прочитавъ эту замѣтку, былъ глубоко огорченъ. Къ этому времени Тургеневъ уже настолько поправился, что сталъ принимать всѣхъ пріѣзжавшихъ къ нему изъ Парижа.

Мы увидѣли однажды Ивана Сергѣевича, выходившаго изъ шалэ, въ сопровожденіи господина — по облику русскаго литератора. Простившись съ нимъ, Иванъ Сергѣевичъ подошелъ къ m-me Віардо, которая играла съ нами въ крокетъ. M-me Віардо взглянула на Ивана Сергѣевича озабоченно и сказала, указывая на удалявшагося литератора: „Я увѣрена, что завтра въ газетной статьѣ этотъ господинъ вложитъ въ ваши уста слова, которыхъ вы никогда не произносили". Иванъ Сергѣевичъ, улыбаясь, возразилъ: „Онъ этого не сдѣлаетъ. Впрочемъ, я чувствую себя теперь гораздо лучше и описывать нечего".

Мы часто проводили вечера въ домѣ Віардо, музицируя, просматривая новыя композиціи, присылаемыя m-me Віардо издателями всего міра. Со мной, окончившей до пріѣзда въ Парижъ, вѣнскую консерваторію, m-me Віардо охотно играла въ четыре руки. Тургеневъ, обычно устраивался въ отдаленномъ углу, на диванѣ, покрываясь неизмѣнной красной шалью. Онъ слушалъ съ интересомъ новинки, а также объясненія m-me Віардо по поводу стилей исполняемыхъ пьесъ; иногда m-me Віардо дѣлилась съ нами воспоминаніями о своей артистической карьерѣ, которыя были очень интересны въ ея увлекательной передачѣ. Тургеневъ иногда вставлялъ свои замѣчанія, напоминалъ о забытыхъ эпизодахъ. Время проходило незамѣтно, а въ десять часовъ всѣ расходились.

Въ эти лѣтніе вечера въ Буживалѣ передъ нами, въ разсказахъ m-me Віардо и Тургенева, вставали картины ихъ общаго прошлаго, картины жизни m-me Віардо, сплетавшейся съ жизнью Тургенева въ одно неразрывное цѣлое. Иванъ Сергѣевичъ необычайно оживлялся, когда воспоминанія каса-

лись эпизодовъ, связанныхъ съ ихъ жизнью въ Баденъ-Баденѣ. Это были годы ихъ счастья, это чувствовалось въ ихъ словахъ, въ ихъ репликахъ, взглядахъ, напоминаніяхъ. Мы узнали о домашнемъ театрѣ при домѣ Віардо въ Баденъ-Баденѣ, гдѣ исполнялись, между прочимъ, оперетты m-me Віардо, въ которыхъ выступалъ Тургеневъ.

Такъ, мы узнали объ исполненіи Иваномъ Сергѣевичемъ заглавной роли въ опереттахъ: „L'Ogre" („Людоѣдъ") и „Le dernier sorcier" („Послѣдній чародѣй"). Въ изображеніи и передачѣ (тутъ же извлекалась партитура и дешифрировалась) такихъ двухъ избранныхъ людей все получало яркую окраску и обаяніе. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Иванъ Сергѣевичъ лежалъ на дивавѣ и читалъ полученную корреспонденцію; мы музицировали. Онъ разрѣзалъ новую книгу и просматривалъ ее. Вдругъ Иванъ Сергѣевичъ громко разсмѣялся. Мы остановились, а m-me Віардо спросила его: „Qu'est ce qu'il y a?" („Въ чемъ дѣло?") Иванъ Сергѣевичъ началъ говорить, но все время смѣхъ прерывалъ его слова. Онъ получилъ нѣмецкій переводъ нѣкоторыхъ своихъ разсказовъ. И вотъ, въ одномъ изъ разсказовъ (не помню въ которомъ) переведенъ разговоръ двухъ охотниковъ-мужиковъ: одинъ справляется у другого, удачная ли была охота. Другой отвѣчаетъ, что только зайца аастрѣлилъ, и прибавляетъ: „За хвостъ, да на солнце" („не стоящаго", объяснилъ Иванъ Сергѣевичъ). Въ нѣмецкомъ переводѣ напечатано: „Hinter dem Schweife, aber zur Sonne" (т. е. „подъ хвостомъ, но къ солнцу"). Иванъ Сергѣевичъ, передавая намъ абсурдный переводъ, смѣялся до слезъ.

Въ моемъ дневникѣ 2-го іюля записано: мы обѣдали у m-me Віардо; вся семья была въ сборѣ; тутъ обнаружилась интересная черта отношеній семьи и Тургенева. Въ этотъ день Тургеневъ былъ бодръ и хорошо настроенъ; онъ дразнилъ сначала Клоди, затѣмъ Маріанну, но намъ былъ непонятенъ интимный смыслъ ихъ пререканій. Наконецъ, молодыя женщины, какъ бы выведенныя изъ терпѣнія, переглянулись и обѣ запѣли мотивъ изъ оперы „Линда" Донинцети. Дѣйствіе, произведенное этимъ короткимъ мотивомъ, всего въ четыре такта, было неожиданное, необычайное: Тургеневъ стремительно поднялся съ мѣста, съ комической гримасой закрылъ руками уши и сталъ быстро удаляться изъ столовой. Тогда Клоди и Маріанна стремительно поднялись со своихъ мѣстъ и, настигнувъ Ивана Сергѣевича, привели его къ столу

и насильно усадили на мѣсто. Онъ все еще затыкалъ уши, пока Клоди и Маріанна не завладѣли его руками, обѣщая больше не пѣть. Когда интермеццо это было окончено и всѣ трое успокоились, а мы все еще недоумѣвающе смотрѣли на нихъ, не понимая, въ чемъ дѣло, m-me Віардо стала намъ объяснять, что „le grand taquineur" (большой насмѣшникъ) — Тургеневъ, подмѣчающій всякую слабость другихъ, угадывающій даже намѣренія и преслѣдующій всегда кого-нибудь въ семьѣ за какой-либо недостатокъ, въ свою очередь тоже уязвимъ. Въ семьѣ прибѣгаютъ въ крайнихъ случаяхъ къ средству, останавливающему Тургенева въ его насмѣшкахъ (taquineries). Это средство — мелодія дуэта изъ оп. „Линда", которую Тургеневъ не выноситъ. „Почему?" — спросили мы всѣ въ одинъ голосъ. Тургеневъ, m-me Віардо и дочери только загадочно улыбнулись. Насъ разбирало любопытство узнать, отчего Иванъ Сергѣевичъ не выноситъ этого мотива. Придя домой, мы рѣшили обратиться къ м-ль Арнольдъ за разъясненіемъ. Но мы потерпѣли фіаско: м-ль Арнольдъ, молча, съ загадочной улыбкой, только пожимала плечами. Случилось такъ, что черезъ нѣкоторое время Василенко разучивала съ m-me Віардо партію „Линды" въ оперѣ того же названія. Было солнечное утро, окна были открыты, и голосъ Василенко разносился и былъ слышенъ издалека. Когда она начала пѣть фатальный мотивъ дуэта: я увидѣла Тургенева, приближавшагося быстрымъ, сравнительно, шагомъ. Онъ остановился подъ окномъ салона, откуда доносилось пѣніе. Постоявъ моментъ, Иванъ Сергѣевичъ быстро удалился въ другую сторону, за уголъ дома, какъ бы желая избѣгнуть встрѣчи со мной. Такъ я и не узнала тайны мотива „Линды".

Мы узнали отъ м-ль Арнольдъ, что приближался день рожденія m-me Віардо — 18-го іюля. Мы, анабаптисты, совмѣстно съ Викгорстъ и Василенко, рѣшили поднести m-me Віардо цвѣты. Въ моемъ дневникѣ помѣчено: мы заказали въ Парижѣ корзину-монстръ съ красными розами. Корзина получилась во время моего урока. Прислуга вызвала m-me Віардо изъ салона. Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась и сказала мнѣ: „Выйди на минуту въ вестибюль". Сердце мое стало усиленно биться, я догадалась, что цвѣты уже доставлены изъ Парижа. Каковы они? Что скажетъ m-me Віардо? Выйдя въ вестибюль, я увидала огромную корзину, наполненную чудными розами, достигавшими человѣческаго роста. M-me Віардо сказала мнѣ: „Посмотри, что я получила!

Отъ кого это?“ — сказала она и съ притворно-дѣловитымъ любопытствомъ стала искать конвертъ, висѣвшій на ленточкѣ, на видномъ мѣстѣ. „Ахъ, вотъ“, — сказала она, видимо разыгрывая сцену. Она вынимала одну за другой всѣ пять визитныхъ карточекъ, пристально вглядываясь въ нихъ, точно не могла ихъ прочесть, изображая на своемъ лицѣ все бо̀льшее удивленіе. Меня разбиралъ смѣхъ. Слуга, обычно очень выдержанный, тоже не могъ удержаться отъ улыбки. M-me Віардо собрала наши визитныя карточки вѣерообразно, какъ карты, и, подойдя ко мнѣ, сказала съ притворной серьезностью: „Ah, petites intrigantes, voilà ce que vous fâites, voilà, pourquoi on va à Paris — pour depenser de l'argent, pour me faire avouer, que je suis vieille, que jai 62 ans!“ („А, маленькія интригантки, вотъ чѣмъ вы занимаетесь, вотъ почему ѣздятъ въ Парижъ, чтобы тратить деньги и чтобы заставить меня признаться, что я стара, что мнѣ шестьдесятъ два года!“)

Весь этотъ монологъ былъ произнесенъ съ удивительно художественнымъ юморомъ. Мнѣ стало весело и смѣшно, и я продолжала ей въ тонъ разыгрывать сцену: я низко опустила голову, съ виноватымъ видомъ, подняла глаза на m-me Віардо, сложила руки и произнесла: „Grâce!“ („Пощадите“). „Ah, maintenant on demainde grâce; eh bien, il n'y a pas de grâce, grossse becasse“ („А, теперь просятъ пощады! Такъ нѣтъ же пощады“). Этотъ экспромптъ вывелъ меня изъ роли: я разсмѣялась. Но каково было мое удивленіе, когда съ разныхъ сторонъ тоже раздался громкій смѣхъ. Я быстро оглянулась и увидѣла: Ивана Сергѣевича, г. Віардо, Поля Віардо и м-ль Арнольдъ, стоявшихъ у всѣхъ дверей, ведущихъ къ вестибюлю. Повидимому, слуга оповѣстилъ всѣхъ о прибытіи корзины цвѣтовъ. Всѣ подошли полюбоваться ими.

M-me Віардо пригласила насъ всѣхъ къ обѣду (это былъ день ея рожденія). Мы собрались въ пять часовъ на крокетной площадкѣ. M-me Віардо объявила Викгорстъ и Василенко, что она съ этого дня будетъ и имъ говорить „ты“. Былъ торжественный обѣдъ; вся семья Віардо въ сборѣ, настроеніе было приподнятое. Насъ угостили старымъ виномъ, отъ котораго кружилась голова; въ особенности Гаргани была необычайно весела. Послѣ обѣда играли на билліардѣ; Гаргани ни разу не попала въ цѣль, и всѣ дразнили ее этимъ. Я разговаривала съ Тургеневымъ и сказала, что, къ сожалѣнію, уѣзжаю въ Россію и страшно горюю, что въ день его рожденія не буду въ Парижѣ. Тургеневъ сказалъ: „Да, мнѣ

скоро стукнетъ 64 года! Куда вы ѣдете теперь?“ — „Я ѣду въ Кіевъ, — отвѣтила я, — но гдѣ бы я ни была 28-го октября, я всегда буду поздравлять васъ въ этотъ день, Иванъ Сергѣевичъ“. — „Не забудете?“ спросилъ, улыбаясь, Тургеневъ. — „О, я — забыть...“, — могла я только пролепетать.

Вечеръ закончился пѣніемъ дуэтовъ и другихъ ансамблей, въ которыхъ принимали участіе дочери m-me Віардо и мы. Въ 10 часовъ всѣ разошлись. Мы возвращались домой въ восторженномъ настроеніи, а я бредила словами Тургенева „не забудете“ и сообщила моимъ подругамъ разговоръ съ Иваномъ Сергѣевичемъ о его днѣ рожденія и о моемъ обѣщаніи всегда, гдѣ бы я ни была, 28-го октября посылать ему поздравительную телеграмму. Увы, я не предчувствовала, что черезъ годъ Тургенева не станетъ! Мнѣ пришлось лишь одичъ разъ поздравить Тургенева. 28-го октября 1882 г. застало меня и Василенко въ Кіевѣ, гдѣ мы дебютировали. Мы послали Тургеневу поздравительную телеграмму, въ которой выразили ему одушевлявшія насъ чувства преклоненія и преданности. Неожиданной, гордой радостью для насъ было полученное въ отвѣтъ на телеграмму письмо Тургенева. Особенно радовались мы тому, что Иванъ Сергѣевичъ отвѣтилъ намъ 29 октября, на другой день по полученіи нашей телеграммы.

Bougival
(Les Frênes).
10 ноября 1882 г.
29-го окт.

„Любезнѣйшія дѣвицы Гуревичъ и Василенко! Вчера получилъ вашу поздравительную телеграмму и былъ искренно тронутъ вашимъ добрымъ воспоминаніемъ обо мнѣ. Благодарю васъ обѣихъ отъ чистаго сердца.

Г-жа Віардо сообщила мнѣ извѣстіе о васъ обѣихъ. Очень я радовался вашимъ успѣхамъ и желаю счастливаго продолженія. Дѣвица Василенко получила, повидимому, приглашеніе на тифлисскую сцену. Прекрасно! Во-первыхъ, это — первый шагъ, что есть важно; во-вторыхъ, Тифлисъ есть своего рода центръ и публика тамъ, говорятъ, прекрасная.

Вотъ что мнѣ приходитъ въ голову: хотя я лично не знакомъ съ кн. Дундуковымъ-Корсаковымъ — начальникомъ края — и хотя, быть можетъ, онъ вовсе не благоволитъ ко мнѣ, но отчего не попытаться? Пошлю ему (черезъ васъ, m-lle Гуревичъ, ибо вашей подруги, можетъ быть, уже въ

Кіевѣ нѣтъ) рекомендательное письмо для милой Smolenska. Удастся — хорошо; не удастся — бѣды отъ этого не будетъ. Я ему скажу что м-lle — была одной изъ любимыхъ учениць г-жи Віардо и т. д. и т. д. Впрочемъ, вы распорядитесь, какъ найдете за лучшее, а письмо вы получите дня черезъ два послѣ этого.

Сегодня все семейство перебралось въ Парижъ, а я пока остаюсь здѣсь. Но черезъ недѣлю я уѣду въ Парижъ. Состояніе моего здоровья все то же.

Еще разъ благодарю, крѣпко жму ваши руки и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ".

Однако, обѣщаннаго письма къ князю Дундукову-Корсакову Тургеневъ не прислалъ. Съ m-me Віардо я дѣятельно переписывалась; у меня есть много ея писемъ. Въ письмахъ за 1882—83 гг. говорилось о болѣзни Тургенева, а также о болѣзни г-на Віардо; о томъ, что зима складывается грустно. „Меня не окружаютъ милые анабаптисты", писала она.

Рядомъ съ грустными извѣстіями всегда мелькалъ неизсякаемый юморъ: такъ по поводу дисторсіи ноги, приковавшей ее на 10 дней къ кровати m-me Віардо пишетъ: „Теперь мнѣ лучше, докторъ увѣряетъ, что черезъ недѣлю я буду снова въ состояніи плясать по канату". Позже, когда я была на сценѣ, m-me Віардо въ письмахъ давала мнѣ указанія относительно исполненія ролей.

Въ августѣ мы нѣсколько разъ ѣздили въ Парижъ, въ консерваторію, на конкурсъ по пѣнію. Мы сидѣли въ ложѣ m-me Віардо. Она была выбрана членомъ жюри, состоявшимъ изъ Амбруаза Тома (директоръ консерваторіи), Массене, Гарсіа — брата m-me Віардо, жившаго въ Лондонѣ. Въ дневникѣ отмѣчено, какъ послѣ одного конкурса мы возвращались съ m-me Віардо въ Буживаль и обѣдали у нихъ. Тургеневъ присутствовалъ на обѣдѣ, но былъ молчаливъ и не въ духѣ; даже ни о чемъ не разспрашивалъ. Вечеромъ мы пѣли тріо, играли въ домино. Василенко гадала на картахъ и всѣхъ смѣшила предсказаніями судьбы. Переводимые ею специфическіе термины съ русскаго на французскій языкъ звучали странно. Когда Василенко подошла къ Тургеневу, лежавшему на диванѣ подъ красною шалью, и стала гадать и предсказывать ему „дорогу", „много денегъ", „разговоръ съ пожилымъ господиномъ" и прочія блага, Тургеневъ оживился и, видимо заинте-

ресованный, спрашивалъ: „Куда? въ Россію? Что раньше: дорога, деньги или пожилой господинъ?“ Василенко совершенно серьезно и увѣренно отвѣчала: „Раньше деньги, потомъ дорога въ Россію и пожилой господинъ“. Иванъ Сергѣевичъ оживился и искренно разсмѣялся. „Въ Россію, въ Россію!“ — повторялъ онъ. Мы были счастливы, что Василенко удалось разсмѣшить грустнаго Тургенева: тяжело было видѣть дорогого Ивана Сергѣевича въ угнетенномъ состояніи духа.

Въ дневникѣ 6-го августа, воскресеніе, есть описаніе проведеннаго дня въ обществѣ m-me Віардо, у которой мы завтракали. Послѣ завтрака мы отправились съ ней на состязаніе пловцовъ, на Сенѣ; это было чрезвычайно интересное зрѣлище. По окончаніи состязанія m-me Віардо повела насъ въ кондитерскую, угостила мороженымъ и пирожными, шутила съ нами такъ молодо, что мы совершенно не чувствовали громадной разницы въ возрастѣ между нами и m-me Віардо. Затѣмъ мы съ ней посѣтили ярмарку въ Буживалѣ; m-me Віардо взяла для насъ, анабаптистовъ, билеты безпроигрышной лотереи; по странной случайности, мы выиграли одинаковыя вазы зеленаго стекла: „Зеленый цвѣтъ будетъ знакомъ моихъ анабаптистовъ“,—сказала m-me Віардо („La couleur verte sera le signe de mes anabaptistes“).

Мы возвратились въ Ле Френъ, играли въ крокетъ и остались къ обѣду. Тургеневъ былъ грустенъ и молчаливъ въ этотъ вечеръ: намъ не удалось на этотъ разъ развеселить его, несмотря на всѣ старанія. Это насъ огорчило тѣмъ болѣе, что его настроеніе всегда явственно отражалось на m-me Віардо.

Приближалось время моего отъѣзда. Я усиленно работала съ m-me Віардо надъ оперными партіями и надъ концертнымъ репертуаромъ.

Одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ, 12 августа, отмѣченъ въ моемъ дневникѣ, какъ очень интересный. Мы, анабаптисты, обѣдали у m-me Віардо; послѣ обѣда всѣ перешли въ салонъ: было назначено исполненіе оперетты m-me Віардо „Послѣдній чародѣй“ („Le dernier sorcier“). Тургеневъ расположился на диванѣ; мы его тщательно укрыли любимой красной шалью. M-me Віардо играла со мной въ 4 руки партитуру оперетты, я дешифрировала аріи этой оперетты и дуэты съ m-me Віардо. Иванъ Сергѣевичъ былъ бодро настроенъ, принималъ живое участіе въ нашемъ исполненіи, подпѣвая и разсказывая подробно, какъ онъ исполнялъ глав-

ную роль „чародѣя“, вспоминалъ различные эпизоды при постановкѣ оперетты, оживился, вставалъ и расхаживалъ по комнатѣ. Онъ говорилъ со мной по-русски и когда я строила планы нашего свиданія съ нимъ въ Россіи, онъ улыбался и одобрительно кивалъ головой. „Я пріѣду въ Россію“, — говорилъ онъ убѣжденно.

Наступилъ день моего отъѣзда — 17 августа. Въ дневникѣ записано: „Утромъ я взяла послѣдній урокъ у m-me Віардо. Она была безконечно-трогательно ласкова со мной при прощаніи и дала мнѣ на память рукопись своихъ романсовъ: „Старый мужъ, грозный мужъ“ и „Тихая звѣздная ночь“, которыя я много разъ исполняла. Затѣмъ я пошла въ шалэ проститься съ Тургеневымъ. Онъ говорилъ оживленно о моей сценической карьерѣ, о моей будущности. Прощаясь, я спросила Ивана Сергѣевича, когда онъ поѣдетъ въ Россію: онъ омрачился и отвѣтилъ: „Я боленъ“. Я стала увѣрять его, что онъ поправится, и я надѣюсь непремѣнно увидаться съ нимъ въ Петербургѣ. Онъ грустно сказалъ: „Попалъ человѣкъ подъ колесо, ну и лежи!“ Мы вышли вмѣстѣ изъ шалэ и подошли къ террасѣ. Онъ ласково, по отечески, съ такими сердечными пожеланіями, простился со мной, что я была тронута до слезъ. Спускаясь по аллеѣ, я нѣсколько разъ оглядывалась и видѣла стоявшихъ на террасѣ m-me Віардо и Тургенева, отвѣчавшихъ на мои прощальныя привѣтствія“. Образъ этого исполина, согбеннаго безпомощно и опиравшагося на палку, не покидалъ моей памяти никогда.

Въ маѣ 1883 г. я получила отъ m-me Віардо извѣщеніе о смерти ея мужа; г. Віардо умеръ 83 лѣтъ отъ роду. M-me Віардо писала писала мнѣ: „Cette mort est un grand vide dans mon existence“ („Эта смерть — большая пустота въ моемъ существованіи“). На траурномъ листѣ, сохранившемся у меня, подписаны всѣ члены семьи, даже самые стдаленные родственники, какъ это въ обычаѣ во Франціи. Имени Тургенева нѣтъ.

Лѣто 1883 г. я провела на Рижскомъ побережьѣ, въ Дуббельнѣ. Нашъ знаменитый писатель Гончаровъ и А. Ѳ. Кони жили это лѣто въ Дуббельнѣ. Я познакомилась съ ними и часто совершала прогулки съ Гончаровымъ и его двумя дѣвочками-воспитанницами.

О смерти Тургенева я узнала во время очень интереснаго разговора съ Гончаровымъ. Сообщилъ намъ эту печаль-

ную вѣсть А. Ѳ. Кони, подошедшій съ газетой въ рукахъ. Я была глубоко потрясена: для меня навсегда исчезла свѣтлая надежда увидѣть Ивана Сергѣевича! Онъ скончался! А что потеряла въ его лицѣ Россія, наша литература! Сколько могъ онъ еще создать намъ шедевровъ!

Гончаровъ отнесся къ извѣстію о смерти Тургенева довольно спокойно; вообще онъ былъ инертенъ и рѣдко оживлялся. А. Ѳ. Кони реагировалъ на смерть Тургенева выраженіемъ душевной скорби, вылившейся въ нѣсколькихъ словахъ, полныхъ искренности и глубокой грусти. Отъ m-me Віардо я получила краткое письмо о смерти Тургенева; къ письму была приложена фотографическая копія портрета Тургенева, написаннаго съ него m-me Віардо послѣ его кончины. Этотъ портретъ я храню.

Тургенева не стало!.. Эти три слова звучали въ моей душѣ долго... Они какъ бы закончили собою самую счастливую, свѣтлую полосу моей жизни.

С. Роммъ.

МАТЕРЯМЪ.

Чьи такъ горьки рыданія?
Кто святой между грѣшныхъ?...
Слышу голосъ страданія
Матерей безутѣшныхъ.

*

Слышу стонъ безнадежности...
„Дѣти, милыя дѣти!“
Сколько муки и нѣжности
Материнской на свѣтѣ!

*

Это платьице бѣлое...
Смѣхъ ласкающе-звонкій...
И слова неумѣлыя...
И смѣшныя ножонки...

*

Вотъ петрушка съ бубенчикомъ,
Конь... другія игрушки“...
Развѣ ты не младенчикомъ,
Воинъ, былъ для старушки?!

*

Слышу стонъ безнадежности...
„Дѣти, милыя дѣти!“
Сколько муки и нѣжности
Материнской на свѣтѣ!!

1916. **Александръ Никитинъ.**

Уходитъ, тихо тая, послѣдняя тоска,
И жизнь опять привольна, отрадна и легка,
И сладко, и небольно о прошломъ вспоминать.
Земля, моя простая, моя святая мать,
Прими меня любовно, пойми печаль мою,
Тебя я такъ глубоко, такъ радостно люблю!
Мою любовь сыновью ты, мудрая, поймешь,
Весь міръ обрызганъ кровью, царитъ въ немъ злая ложь...
Я отъ грѣха отрекся, отрекся навсегда —
Иду въ твои просторы свободы и труда!

Юрій Зубовскій.

КЪ МОРЮ ХВАЛЫНСКОМУ.

(ТУДА И ОБРАТНО.)

Морозъ стоялъ градусовъ на пятнадцать, дулъ вѣтеръ, а снѣга не было, ѣздили на колесахъ; лошади скользили на обледенѣвшихъ камняхъ, ворочали морды, спасая глаза отъ холодной крупы, косо, бѣлыми полосами падавшей съ темнаго неба...

Медвѣдевъ, ѣхавшій съ Острова на Николаевскій вокзалъ, сидѣлъ съежившись, запихивая руки то въ карманы, то въ рукава, перекладывая ногу на ногу, стараясь отогрѣть зябнущія колѣна.

Извозчикъ давно бросилъ понукать, пролетка едва двигалась, и Медвѣдеву казалось, что онъ никогда не выберется съ Исаакіевской площади — сколько ни ѣхали, а громада собора все заграждала дорогу: купола не было видно въ бѣлесоватыхъ полосахъ снѣжной крупы, летѣвшей съ неба, и отъ того еще тяжелѣе, громаднѣе становился порталъ, колонны, ступени храма.

Ему вспомнились разсказы няньки, увѣрявшей, что, когда строили соборъ, всѣ сосѣдніе дома дали трещины, а онъ самъ сталъ уходить въ землю, такъ что удержать его можно было только лѣсами.

— Снимутъ лѣса, — шопотомъ говорила няня, — соборъ уйдетъ въ землю, начнется великая война, а потомъ и свѣтопреставленіе — ты, смотри, молись Боженькѣ, чтобы не снимали.

И онъ молился, просилъ Боженьку, чтобы лѣса не снимали.

„А вѣдь нѣтъ ихъ, — подумалъ Медвѣдевъ, огибая соборъ, — видно права няня — великая война есть, можетъ быть, и до свѣтопреставленія доживемъ...“

Извозчикъ, наконецъ, свернулъ на Морскую, на Невскій, пустынный, бѣлый отъ крупы, летящей въ воздухѣ, несущейся

тонкими полосами по мостовой — все, казалось, движется мимо неподвижныхъ шаровъ изсиня-бѣлыхъ электрическихъ фонарей.

Вокзалъ. Окоченѣлые пальцы безсильны открыть портмонэ, застегнуть пуговицы пальто; кое-какъ справившись, Медвѣдевъ сталъ приходить въ себя въ буфетномъ залѣ, гдѣ хоть накурено, пахнетъ кухней, тепло и свѣтло. Кругомъ суматоха отъѣзда, носильщики, изящныя дамы съ маленькими желтыми саквояжами въ рукѣ, богатые пассажиры въ мѣхахъ и съ пледами, вся гамма провинціальныхъ типовъ отъ губернатора, уже съ вокзала принявшаго осанку „хозяина" той губерніи, куда ѣдетъ, до захолустнаго суетливаго попика, запасающагося водой въ голубой эмалевый чайникъ, вмѣщающій стакановъ пятнадцать свѣтло-желтаго чая...

Холодъ длинной платформы послѣ тепла буфетнаго зала кажется совсѣмъ нестерпимымъ, — а въ вагонѣ, полутемномъ, уютномъ, мягкомъ, опять тепло, можно снять пальто, растянуться на диванѣ, читать, думать, просто смотрѣть въ окно, какъ смотрятъ дѣти.

Чуть слышный издалека третій звонокъ, свистокъ оберъ-кондуктора, гудокъ паровоза, и почти безъ толчка — вагонъ пульманскій — поѣздъ трогается, что замѣчаешь по уходящей назадъ платформѣ. Видишь бѣлые, махающіе платки, беззвучно шевелящіяся губы, иногда слезы прощанія, въ эти дни такъ страшно — часто послѣдняго...

Платформа кончилась: за окномъ вагона черная ночь; сначала ничего не видишь, потомъ глаза привыкнутъ, разглядишь длинный заборъ, вдругъ закрываемый вагонами поѣзда, стоящаго на сосѣднемъ пути; вагоны мелькаютъ страшно близко и быстро, ихъ смѣняетъ паровозное депо, казармы, Американскій мостъ, Преображенское кладбище съ безконечными рядами одинаковыхъ, какъ березовые стволы въ лѣсу, крестами „братскихъ" могилъ, а потомъ поле и лѣсъ, лѣсъ до самой Москвы такой же, какъ тысячу лѣтъ назадъ: мелкорослый, выросшій на болотѣ; ѣдешь по такому лѣсу и не вѣришь, что на обоихъ концахъ его стоятъ города съ двухмилліоннымъ населеніемъ, съ электрическимъ свѣтомъ, съ балеринами, банками, магазинами, гдѣ продаютъ остендскихъ устрицъ, савойскій виноградъ и цвѣты изъ Ниццы ..

Кажется, что въ такомъ лѣсу до сихъ поръ бродитъ бѣлоглазая чудь, ставитъ силки на дикую птицу, молится тѣ-

нямъ, вѣчно дрожитъ отъ болотной лихорадки, отъ предчувствія какой-либо бѣды...

Въ Москвѣ... Китай-городъ или Нѣмецкая слобода? Иванъ-Великій или мануфактура Циндлера? Вмѣсто канцелярій подворья, а трубъ фабричныхъ все-таки больше, чѣмъ колоколенъ — и провинціи, Россіи больше; на станціи, почти всѣ, съ чайниками бѣгутъ за кипяткомъ, и одежда не петроградская: армякъ, зипунъ, полушубокъ — среди нихъ пальто „клешъ" почти затерялось, особенно послѣ того, какъ исчезли заграничные комми-вояжеры...

За Москвой лѣса меньше, горизонтъ шире; около станцій фабричные корпуса, на платформахъ мастеровой съ землистымъ лицомъ, въ пиджакѣ, въ нахлобученной, по апашски, каскеткѣ, руки въ карманахъ брюкъ... Правда, въ Курскѣ церквей опять больше, чѣмъ домовъ, на станціяхъ ждутъ помѣщичьи тройки, мужицкія розвальни и мужики, кажущіеся вдвое больше и сильнѣе деревенскихъ лошаденокъ, — но въ Харьковѣ вокзалъ опять европейскій — даже германскій: громадный, съ тоннелями, съ рампами, приспособленными для прямой нагрузки и разгрузки товаровъ, войскъ, артиллеріи... Онъ залитъ электрическимъ свѣтомъ, на немъ пахнетъ каменноугольнымъ дымомъ, и Медвѣдеву вспомнился вокзалъ во Франкфуртѣ на Майнѣ, поразившій его безчисленными рядами рельсъ, платформъ, ходовъ и выходовъ...

За Харьковомъ лѣса вовсе нѣтъ — степь, безконечная бѣлая, зимой, равнина; кое-гдѣ трубы шахтенныхъ построекъ, иногда металлургическій заводъ. Горы дымящагося, еще не остывшаго шлака; домны съ колышащимъ желто-зеленымъ пламенемъ; стальные канаты со скользящими по нимъ вагонетками; окна заводовъ ярко освѣщены; черные силуэты людей съ ногами и руками тонкими и длинными, какъ у паука; люди желѣзными палками открываютъ дверцы печей, что-то дѣлаютъ вокругъ ослѣпительно сіяющей жидкой массы металла: сталь, какъ вода, разливается ковшами въ тигли...

— Вы увидите, — говорили знакомые Медвѣдеву, — будете подъѣзжать къ Таганрогу — пойдетъ дождь!

Дождь въ самомъ дѣлѣ шелъ въ Таганрогѣ, когда поѣздъ подходилъ къ длинной деревянной платформѣ. Дулъ порывами мягкій, влажный морской вѣтеръ, какъ дуетъ онъ въ Петроградѣ въ концѣ марта, принося первыя дуновенія весны. По плохо, керосиновыми лампами, освѣщенному вок-

залу метался бритый мужчина; пальто драповое, поношенное, на головѣ назадъ сдвинутый котелокъ.

— Чего ищете-то? — обратился къ нему жандармъ, — Ежели узлы, такъ я приказалъ снесть ихъ въ контору.

— Узлы! — трагически вскрикнулъ бритый господинъ, — жену я потерялъ, съ ней ребятъ трое! Ѣхать надо, мѣста нашелъ, а ея нѣтъ! И билеты съ ней! Говорилъ ей, объяснялъ, планъ, дурищѣ, рисовалъ — нѣтъ, потерялась!

— Жену потерялъ! Небось, найдется, — презрительно сказалъ жандармъ вслѣдъ бритому, бросившемуся изъ залы на платформу.

Въ это время входная дверь подъѣзда стала то открываться, то снова захлопываться; чья-то нога то показывалась, то пропадала, стараясь просунуться въ узкую щель; наконецъ, ногѣ удалось влѣзть между захлопывавшейся дверью и косякомъ, и за ногой, бокомъ, пролѣзла женщина, несшая въ одной рукѣ картонку, въ другой ребенка. За ней протиснулись дѣвочка и мальчикъ лѣтъ по восьми, оба заплаканные, оба обвѣшанные узелками и чайниками.

— Они, они! Слава Тебѣ Господи! Сюда, сюда! — закричалъ бритый, опять съ платформы прибѣжавшій въ залъ.

— Говорилъ, не пропадутъ, здѣсь будутъ, — усмѣхнулся жандармъ, смотря, какъ бритый подхватилъ восьмилѣтнюю дѣвочку со всѣми ея узелками на руки, счастливый, кричащій:

— Торопись, Саша, торопись, черезъ полчаса поѣздъ отходитъ! Я ужъ мѣсто нашелъ...

А за Таганрогомъ степь еще шире, но уже то черная, жирная — паръ — то малахитово-зеленая, нѣжная — озими. Солнце въ такой степи садится, какъ въ морѣ, охватывая краснымъ жаромъ пылающій западъ, образующій суровый, почти мрачный, контрастъ съ чернымъ бархатомъ пара. Двое сутокъ поѣздъ шелъ по такой степи, а на третье утро Медвѣдевъ, бросившись къ окну, замлѣлъ отъ восторга, какъ ребенокъ, спрашивая себя:

— Правда ли то, что онъ видѣлъ, или сонъ это?

Совсѣмъ близко, выдѣляясь каждой зазубриной вершинъ на синевѣ неба, стояли сверкающіе снѣгомъ горы. Еще сзади горъ свѣтившее солнце окрасило въ нѣжно-розовый цвѣтъ бѣлые выступы, тѣнь которыхъ синими боками лежала въ лощинахъ.

„И тихъ и чуденъ былъ вокругъ весь Божій міръ!“

Больше двухсотъ верстъ поѣздъ шелъ вдоль горнаго хребта, вездѣ одинаково величественнаго, громаднаго, молчащаго.

И какъ когда-то Толстой — въ „Казакахъ“ — всего однимъ словомъ описалъ чувства Оленина, увидавщаго снѣжныя вершины Кавказа, заставивъ его ко всякой появлявшейся мысли прибавлять: „а горы“ — такъ и Медвѣдевъ, чтобы ни дѣлалъ, все заглядывалъ въ окно, боясь, что онѣ исчезнутъ...

Все измѣнилось, когда показались горы: небо, земля, люди; названія станцій и то перестали быть безымянными — съ каждой почти память связывала чуть ли не столѣтнюю войну, подвиги и страданія, „Бэлу“ и „Кавказскаго плѣнника“, а чаще и больше всего — лукашку...

Лукашки были повсюду, они также носили бурки, черкески, папахи, также равнодушно-презрительно смотрѣли на армейскихъ; тѣ, кого они караулили, убивали, — тѣ измѣнились: въ лохмотьяхъ, часто совсѣмъ босые, всегда въ продранныхъ сбитыхъ сапогахъ, проданныхъ солдатами за полной негодностью, потомки черкесовъ работали по ремонту пути, служили въ батракахъ, а то и такъ шатались безъ дѣла, питаясь неизвѣстно чѣмъ... На когда-то гордыя лица легла тѣнь вымиранія, вокругъ рта, у самыхъ молодыхъ, образовалась горькая складка, какая образуется у всѣхъ членовъ одной семьи, умирающей отъ жестокой наслѣдственной болѣзни, съ дѣтства съѣдающей организмъ... И все-таки сколько прекрасныхъ лицъ! Какой тонкій профиль, какой большой разрѣзъ глазъ, похожихъ на глаза оленя — каріе и печальные...

Къ ночи горы стали уходить вправо; контуры теряли четкость очертанія, громада ихъ становилась безформеннѣе, синѣе, сливалась съ облаками, не позволяя различить, гдѣ кончаются они и гдѣ начинается небо. Но горы еще не совсѣмъ ушли, когда слѣва показалось море, все ближе и ближе подвигавшееся къ полотну дороги.

На станціи Петровскъ-Портъ море плескало почти на рельсы, заливая баластный камень, укрѣплявшій откосы насыпи. Въ порту мачты судовъ качались, какъ пьяныя — всѣ въ разныя стороны; вѣтеръ дулъ такъ, что мѣшалъ идти поѣзду, гналъ песокъ, какъ снѣгъ въ метель, а небо—безъ облачка, синее, глубокое; отъ солнечныхъ лучей вода въ морѣ стала жидко-зеленаго цвѣта, и ряды волнъ съ бѣлыми

гребнями стояли почти неподвижными рядами: такъ быстро одинъ падающій валъ смѣнялся другимъ, встающимъ. Въ саженяхъ ста отъ берега шла двухмачтовая шхуна, спустившая всѣ паруса, кромѣ носовыхъ; она то вся зарывалась въ волнахъ — только мачты торчали, то вся вылетала на гребни волнъ...

У Дербента настоящая Азія: каменныя, полуразрушенныя стѣны постройки до-христіанской эры и фруктовые сады, раздѣленные на мелкіе квадратики оросительными канавами; персы съ шафранными лицами, одной линіей лба и носа, красными губами, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ...

Грозный — когда-то знаменитый аулъ въ дебряхъ Чечни: въ шести верстахъ Ханкальское ущелье, ведущее въ Дагестанъ, куда бѣгутъ Зелимъ ханы...

Теперь, по словамъ автора книжки „Весь Грозный"— въ бывшемъ чеченскомъ гнѣздѣ „стоитъ скромный сѣрый памятникъ генералу Грекову — грозѣ Чечни. Пушкинскій скверъ — огромная пустынная площадь земли, по которой всегда гуляютъ днемъ коровы и свиньи, а по ночамъ хулиганы и проститутки. Скверъ — бывшее кладбище, надо добавить, мусульманское.

Кругомъ нефтяныя вышки — Нобель, Шписъ-Петроль, Ліанозовъ... всѣ на земляхъ сперва Муратъ-беевъ, потомъ лукашекъ, живущихъ станицами по обѣимъ сторонамъ дороги. Видно, что подъ станицы отводили чужую землю—такія въ нихъ широкія улицы, а домишки маленькіе, тонутъ въ грязи; нигдѣ ни деревца, голо тамъ, гдѣ росли знаменитые черкесскіе фруктовые сады, гдѣ цвѣли абрикосы, персики, алыга; остатки садовъ сохранились въ оврагахъ, но заглохшіе, одичалые; оросительныя канавы засыпались, превратились въ рубцы... Верховой казакъ, завязая лошадь по брюхо въ грязи, переѣзжалъ улицу; на немъ винтовка, у пояса кинжалъ и шашка; казаки, сидѣвшіе на бревнахъ, на скамеечкахъ около хатъ, тоже вооружены; у всѣхъ здоровыя, красныя лица; казачата въ отцовскихъ форменныхъ фуражкахъ, налѣзающихъ на уши, въ разстегнутыхъ полушубкахъ, но босые, бѣгутъ къ поѣзду, крича и маша руками...

А названія станцій всѣ чужія: Ингхе, Мамедъ-Кала, Ялата, Хагмосъ, Кизилъ Бурунъ... все жилища Хаджи-Мурата.

Черноземъ степи все тоще и тоще, зеленый покровъ все бѣднѣе, деревьевъ меньше, еще десятокъ - другой верстъ, и начинается пустыня; показывается кустарникъ, жесткій и пу-

танный, какъ нечесанная борода, одинаковый въ Кара-Кумѣ и Сахарѣ. Медленно тащится на необыкновенно высокихъ, безъ спицъ, колесахъ арба. Черные буйволы низко склонили выю подъ первобытнымъ ярмомъ; идутъ такъ, что, кажется, вотъ-вотъ остановятся и ужъ больше не пойдутъ.

Еще дальше — даже сердце забилось у Медвѣдева — караванъ верблюдовъ... Ветхій завѣтъ, земля Ханаанская... Издали, съ вытянутой шеей, маленькой головой, верблюдъ похожъ на страуса, на громадную, диковинную птицу безъ крыльевъ. Пустыня все суровѣе, песчаные бурханы, гряды дюнъ— дно когда-то бывшаго здѣсь моря. Когда это было?

Баладжары — узелъ двухъ дорогъ; одна идетъ вправо, къ горамъ, другая къ морю. Оттуда, изъ-за горъ, пришелъ длинный товарный поѣздъ, всѣ смотрятъ на него съ какимъ-то тревожно-напряженнымъ вниманіемъ; слышится шопотъ: „Плѣнные! пойдемъ посмотримъ!“ Пошелъ и Медвѣдевъ къ вагонамъ, на которыхъ написано: „Сорокъ человѣкъ восемь лошадей!“

Двери товарныхъ вагоновъ закрыты, скобы закручены проволокой; изъ отверстій, высоко прорѣзанныхъ въ стѣнкахъ, выглядываютъ головы людей...

Нѣкоторыя изъ высунутыхъ головъ были обмотаны страшно грязными тряпками, что-то въ родѣ глины, на другихъ были башлыки, но большинство простоволосые. Одна голова, съ рябымъ носастымъ лицомъ, раззѣвала ротъ, произнося все одно и то-же слово:

— Су, су!

— Ишь, воды просятъ, — сказалъ проходившій желѣзнодорожный смазчикъ.

Рядомъ съ Медвѣдевымъ молодой, очень красивый драгунскій офицеръ говорилъ розовой, бѣлой, хорошенькой шестнадцатилѣтней гимназисткѣ:

— Смотрите, вонъ и городъ, мой родной городъ; онъ покажется вамъ страннымъ, не похожимъ на другіе города; въ немъ дома безъ крышъ, безъ дверей и оконъ снаружи, все внутри, все выходитъ на дворъ...

Гимназистка однимъ глазомъ смотрѣла на офицера, другимъ на городъ, повторяя:

— Неужели? Вотъ странный городъ: дома безъ оконъ, безъ дверей, какъ въ сказкѣ!

А странный городъ все ближе; каменные, невысокіе ящики, прорѣзанные узенькими длинными уличками; ящики иногда выкрашены въ жидкую синюю краску.

Медвѣдевъ думалъ, что въ городѣ пахнетъ, какъ въ лавкѣ, торгующей керосиномъ, и повсюду летаетъ сажа, какъ отъ коптящей свѣтильни лампы — въ дѣйствительности небо было бирюзовое, и городъ залитъ солнцемъ, въ декабрѣ сіявшимъ такъ, какъ у насъ не сіяетъ въ іюнѣ...

Солнце Востока заливало лучами дома безъ оконъ и дверей; лѣтомъ оно сжигаетъ, отъ него надо прятаться за наглухо закрытыми ставнями, надо въ комнатахъ развѣшивать мокрыя простыни, чтобы было чѣмъ дышать. Его красно-калильный жаръ такой температуры, что падаль, грязь и отбросы людей Азіи не гніютъ, а сожигаются, высыхаютъ; солнце — единственный, но и самый могучій санитаръ Востока; безъ него люди перемерли бы отъ той заразы, которую они разводятъ вокругъ своихъ жилищъ, не имѣющихъ ни клозетовъ, ни выгребныхъ ямъ, ни канализаціи...

Зимой оно оживляло, грѣло, позволяло дышать легко, полною грудью, дѣлало ненужными мѣха, шубы, валенки, всѣ покрышки, безобразящія человѣческое тѣло, превращающее его въ медленно двигающуюся копну...

Зимой, когда на день, много два, скроется солнце, завоетъ нордъ, тогда въ городѣ, гдѣ нѣтъ ни одного дерева, шумъ стоитъ, какъ въ дремучемъ лѣсу: желѣзныя вывѣски выгибаются, хлопаютъ, падаютъ, вѣтеръ вылетаетъ изъ-за угла, какъ разбойникъ, какъ собака треплетъ со всѣхъ сторонъ, онъ такой сильный, упругій, что, когда дуетъ навстрѣчу, на него приходится полуложиться, чтобы шагъ за шагомъ подвигаться впередъ; задуетъ сзади — словно бѣжишь съ горы, нельзя удержаться, хватаешься за столбъ, лѣпишься по стѣнкѣ, а то унесетъ, свалитъ съ ногъ и покатитъ по мостовой какъ свертокъ бумаги... Всѣ, кому надо быть на улицѣ, одѣваютъ сѣтчатые, громадные, въ родѣ автомобильныхъ, очки — иначе засыплетъ глаза пескомъ; песокъ набивается въ уши, хруститъ на зубахъ, забиваетъ носъ; въ подъѣздахъ песокъ наметаетъ, какъ снѣгъ, даже сквозь ставню онъ пробирается — тонкій какъ пыль.

Нордъ дуетъ съ земли, море въ порту дрожитъ мелкою, кипящей злостью, уходитъ отъ береговъ и тамъ, на просторѣ, хлопается въ пьяной истерикѣ громадными водяными глыбами, бросая, коверкая, топя тысячетонныя суда, какъ бумажные кораблики... А на другой день дуетъ мягкая моряна, сіетъ солнце, и надъ набережной взлетаютъ фонтаны брызгъ разбивающихся о камни волнъ, обдавая бросающихся въ сто-

рону взрослыхъ и дѣтей, лѣзущихъ въ самую воду, каскадами соленой влаги...

Съ вокзала Медвѣдева повезъ извозчикъ татаринъ, съ бородой и щеками, выкрашенными въ коричнево-рыжую краску — хну. Онъ гналъ пару некрупныхъ, но крѣпкихъ лошадокъ такъ, какъ будто за ними гнались. Хорошія, горныя лошади! Все жеребцы, горячатся, ржутъ; у нихъ тонкія ноги, копыто стаканомъ; ихъ украшаютъ уздечками, отдѣланными подъ бирюзу, бубенчиками, шкурками, бѣлымъ головы чолку и бабки красятъ той же рыже-коричневой хной, что и себѣ бороду, ногти и еще кое-гдѣ.

Едва остановились, какъ на вещи накинулись персы носильщики-амбалы. Они сидятъ на тротуарахъ либо на корточкахъ, прислонившись къ стѣнѣ, либо на тѣхъ хомутахъ, которые надѣваютъ на плечи при ношкѣ тяжестей.

Когда Медвѣдевъ расплачивался съ ними за на три четверти ненужный для него трудъ — вещи были легкія — персы трогательно прижимали руки къ груди, кланялись, блестѣли зубами, дѣлали лукавые, какъ у дѣвушекъ, глаза и улыбки, прося:

— Пожалюста, давай еще деньги, пожалюста, бѣдный, бѣдный амбаль!

И нельзя было не дать...

Дома — ящики и внутри совсѣмъ не такіе, какъ у насъ: комнаты необыкновенно высоки, во дворъ выходятъ стеклянныя веранды, на которыя подымаются, прямо съ земли, по узенькимъ, ажурнымъ лѣстничкамъ. На верандахъ цѣлые сады цвѣтовъ — хочется зелени, влаги хоть у себя дома, такъ какъ въ городѣ ихъ нѣтъ.

Конечно, высокія комнаты и много цвѣтовъ — это у богатыхъ, зажиточныхъ, но и бѣдные — не туземцы — стараются держать жилища почище, а то лѣтомъ не вынесешь. Впрочемъ, Медвѣдеву дома не сидѣлось — развѣ есть что-нибудь лучше шатанья по незнакомому городу, среди незнакомыхъ людей другой расы, другого лица, обычаевъ, нравовъ...

Здѣсь, на набережной, гдѣ флаги судовъ всѣ повернуты въ одну сторону и вытянуты вѣтромъ, словно они вырѣзаны изъ жести, такъ хорошо, что никогда бы не ушелъ...

Пристани „Самолета", „Кавказа и Меркурія", „Бр. Каменскихъ" — только пароходы не тѣ, а громадные, морскіе; одинъ стоитъ въ докѣ, врѣзывающемся въ набережную и, кажется, что море отрыгнуло его на берегъ, гдѣ онъ сѣлъ всѣмъ дни-

щемъ и не можетъ шевельнуться. Другіе окутаны бѣлымъ паромъ шумящихъ желѣзными цѣпями лебедокъ, черными клубами дыма, валящаго изъ трубъ. Здоровый, рыжій, русскій рулевой въ большихъ сапогахъ идетъ медленно, тяжело, почти сурово; ученики мореходныхъ классовъ одѣты щегольски, подъ офицеровъ, въ бѣлыхъ фуражкахъ и бѣлыхъ же туфляхъ. У нихъ въ рукахъ бинокли, подзорныя трубы и еще какіе-то морскіе инструменты, блестящіе мѣдными частями; ученики-щеголи наводятъ инструменты на солнце, бинокли на набережную, высматривая хорошенькихъ...

На площадь передъ набережной пришла артиллерія, пѣхота, казаки — ихъ грузятъ на пароходы, везутъ въ Персію.

Казачьи лошади стучатъ копытами по деревянному настилу дамбы, дыбятъ передъ сходнями, шарахаются, пугаясь грохочущей лебедки. Часть ихъ установили на палубѣ, но больше нѣтъ мѣста, и дрожащую отъ испуга лошадь обматываютъ широкой лямкой, она вдругъ отрывается отъ палубы, высоко взлетаетъ на воздухъ, безсильно болтая ногами, опустивъ голову, со страшно подтянутымъ лямкой брюхомъ — ее подхватила лебедка, помахала ею въ воздухѣ и опускаетъ въ черную пасть открытаго трюма...

Люди молчаливы передъ отъѣздомъ туда; ихъ уже провезли тысячи верстъ по желѣзнымъ дорогамъ, теперь повезутъ моремъ, потомъ они пойдутъ пѣшкомъ по горячимъ пескамъ, подъ палящимъ солнцемъ, неся на себѣ винтовку, патроны, скатку, палатку, пищу, запасные сапоги, чайники, кружки — все солдатское хозяйство...

А кругомъ молчаливыхъ рядовъ, все тающихъ, все исчезающихъ въ трюмахъ и на палубахъ пароходовъ, пестрая, шумливая восточная толпа; персы, татары, горцы, армяне, евреи. Персы-амбалы тащатъ на спинахъ ящики съ патронами, бочки съ сахаромъ, кипы хлопка, цибики чая, кули съ мукой, корзины съ фруктами, велосипеды, мотоциклетки и Богъ ихъ знаетъ какіе еще вьюки, укладки, машины. За громадной кипой хлопка или шерсти не видно носильщика — такъ согнулся онъ подъ тяжестью груза, такъ придавилъ онъ его къ землѣ; только ноги семенятъ быстрыми мелкими шажками, и кажется, что съ пароходовъ въ склады и изъ складовъ на пароходы всѣ эти грузы, кипы, ящики бѣгутъ на тоненькихъ ножкахъ сами — какъ въ необыкновенной кинемокартинѣ.

Армяне, толстые, красные, съ носами почти неприличной

величины и выраженія, держатся важно — у нихъ короткія ноги, длинныя туловища, одѣты по-европейски, очень часто по самой послѣдней модѣ; они торговцы, владѣльцы всѣхъ этихъ грудъ товара, наваленнаго на набережной, спрятаннаго въ складахъ, на пароходахъ.

Татары тоже торговцы, но костюмъ у нихъ свой, лица тонкія, бороды крашеныя.

Высоко надъ толпой качаются маленькія головы верблюдовъ, змѣятся ихъ шеи; рядомъ съ ними маленькій оселъ, на немъ, доставая ногами до земли, татаринъ въ чалмѣ, халатѣ... и опять бѣгущіе кули; кипы, ящики...

Башня персидской деревни, черная отъ древности, когда-то стояла у самаго моря, теперь въ саженяхъ ста. Съ нея бросилась царевна, спасаясь отъ замужества со старымъ и нелюбимымъ. Въ каждомъ городѣ востока есть такія башни; съ ними неумирающая легенда связала исторію, какъ всегда, неудавшейся любви, горькую участь молодой дѣвушки... а бокъ-о-бокъ съ черной башней пестрый, зелено-коричневый домъ мѣстнаго милліонера; архитектура дома похожа на сборную московскую селянку, но нѣтъ въ городѣ человѣка, который не позавидовалъ бы его владѣльцу...

За набережной — базаръ, мясные ряды, фруктовые лавки. Мясомъ торгуютъ татары; тысячи ободранныхъ, залитыхъ кровью и жиромъ бараньихъ тушъ, повѣшенныхъ за заднія ноги; окровавленныя головы, съ выпученными остановившимися глазами и высунутыми языками, свалены просто въ кучи, какъ черепа на картинѣ Верещагина. Рядомъ невинная розовая редиска, жирно-красные помидоры, желтые лимоны, оранжевые апельсины, зеленый салатъ; персики съ нѣжнымъ, пушкомъ, пузатенькія фисташки... Отъ ящиковъ и мѣшковъ фруктовыхъ рядовъ пахнетъ гвоздикой, перцемъ, шафраномъ, пряным воздухомъ востока...

Надъ булочными вмѣсто вывѣсокъ виситъ въ громадную лепешку раскатанное тѣсто, и изъ такого же тѣста, у всѣхъ на виду, пекутъ хлѣбъ. Здѣсь же, на улицѣ, присѣла компанія персовъ; сидятъ на корточкахъ вокругъ жаровни, на которой шипитъ и воняетъ запахомъ жженаго мяса жарящаяся баранина. Ѣдятъ прямо руками, и кажется, что это каннибалы ѣдятъ только что убитыхъ враговъ.

Раскатанное въ лепешку тѣсто виситъ и надъ чайными; въ нихъ хорошо, прохладно; на стойкѣ два самовара такой величины, какихъ не бываетъ и на станціяхъ — ведеръ по

пятнадцати; самоварная труба выведена прямо наружу, и самоваръ шумитъ и кипитъ, какъ паровозный котелъ. Чайныя держатъ армяне-духанщики и держатъ чисто; посуда и стаканы мытые, подносы, пестрые въ краскахъ, тщательно вытертые. Хлѣбъ посѣтители приносятъ съ собой; русскіе заглядываютъ сюда рѣдко, случайно; только переодѣтые городовые и сыщики сидятъ часами, слушая и высматривая. На Медвѣдева, когда онъ заходилъ въ чайную, посматривали косо, недружелюбно. Что за человѣкъ? Зачѣмъ?

Здѣсь — все свои, сидятъ на широкихъ скамьяхъ по-турецки, передъ многими настоящіе кальяны съ чубуками, длинными, какъ клистирная трубка. Каждый разъ, когда курильщикъ затянется, вода въ кальянѣ булькнетъ, онъ самъ наполнится синимъ дымомъ. Горцы сидятъ за кальяномъ часами. Какія у нихъ лица! Надменныя, рѣзкія черты, прекрасные глаза, небольшіе, либо круглые, либо заостренные подбородки; видна, хотя и скрытая и подавленная, но неукротимая энергія, страстность, при случаѣ вспыхивающая взрывомъ. Глядя на нихъ, понимаешь французское выраженіе: „il se couche pour mieux sauter!

На головѣ чалма, бронзовая грудь раскрыта; съ такой открытой грудью, безъ всякой зимней одежды, безъ теплой обуви, почти безъ пушекъ ихъ сородичи дрались на снѣжныхъ вершинахъ, зимой переваливъ Понтійскій и Арсіанскій хребты, Коссъ-Дагъ, Боссъ-Дагъ...

Горцы сидятъ молча, даже между собой лишь изрѣдка перекинутся нѣсколькими словами; молча окружаютъ они дервиша въ зеленой чалмѣ, беззубаго, стараго, изможденнаго, но съ глазами, горящими такъ, какъ и въ юности они не горятъ на сѣверѣ. Дервишъ говоритъ быстро, возбужденно, съ жестами, весь извиваясь, дрожа а горцы молчатъ, и въ темной водѣ карихъ глазъ развѣ изрѣдка отразится отблескъ огня глазъ дервиша.

Ихъ слушаютъ — дервишей — переодѣтые сыщики — часто армяне, знающіе ихъ языкъ ихъ хватаютъ, садятъ въ тюрьму, высылаютъ, но никогда въ нихъ нѣтъ недостатка; и тамъ, гдѣ скопляются мусульмане, тамъ есть изступленный старикъ въ зеленой чалмѣ, что-то страстно проповѣдующій, въ чемъ-то необычайно важномъ и опасномъ убѣждающій молчаливую толпу; дервишъ нерѣдко бросается на землю, катается въ истерикѣ, въ спазмѣ аргумента, а горцы молчатъ...

Послушавъ пророка, Медвѣдеву хочется возвращаться въ европейскую часть города, онъ идетъ по базару все дальше, въ гору, возвышающуюся надъ городомъ. Толпа рѣдѣетъ, скоро онъ почти одинъ подымается по крутой песчаной улицѣ. Какіе дома! Маленькіе, облупленные, безъ оконъ, съ низкими воротами, плотно закрытыми; изъ-подъ воротъ, прямо на улицу, течетъ зловонный ручеекъ нечистотъ.

Татарчата, нерѣдко буквально голые, пугливо жмутся къ стѣнѣ; женщины закутаны съ головы до ногъ въ цвѣтные платки-чадры. Платокъ съ головы спускается на лицо, а съ снизу она закрываетъ его другимъ краемъ, придерживая рукой, такъ что остается только узенькая щель для глазъ. Платки старые, прорванные, замызганные. Завидѣвъ чисто одѣтаго, женщины бѣгутъ навстрѣчу, просятъ милостыню, высовывая костлявую руку, чуть пріоткрывая истрепанное нищетой лицо...

Саженъ за пятьдесятъ до вершины горы дома кончаются, пропадаетъ и улица, переходя сначала въ немощеную дорогу, а потомъ и въ тропинку, выводящую прямо, безъ всякой ограды, на кладбище. Сперва кладбище лютеранское, потомъ православное, и на самомъ верху, за стѣной, сложенной изъ дикаго, нетесеннаго камня, мусульманское... Ни деревца, ни травинки: песокъ, камень, плита... Въ стѣнѣ вмѣсто воротъ пробита широкая брешь, около стѣны пять-шесть женщинъ; онѣ сидятъ, поджавъ ноги, кланяются до земли, бормочутъ молитвы... У самаго входа сидитъ человѣческая фигура, совершенно закутанная въ платокъ песочнаго цвѣта: сидитъ неподвижно, даже на милостыню, звякнувшую мѣдякомъ, не обращаетъ вниманія. Что, кого закрываетъ платокъ? Какое горе, какія язвы? За что гнѣвъ Аллаха могъ разразиться надъ этой женщиной? Фигура молчитъ, не шелохнется, и Медвѣдевъ идетъ на кладбище съ такимъ чувствомъ, будтобы его сейчасъ будутъ хоронить, и умереть не жалко, а а только страшно.

На кладбищѣ вырыта громадная яма съ каменными боками; въ яму ведутъ сходни съ перекладинами, на днѣ творило съ известью — словно готовили склепъ сразу на тысячу человѣкъ, да раздумали и бросили...

Все кладбище похоже на каменотесную — такъ много вездѣ разбросаннаго, на половину обдѣланнаго камня; надгробные памятники — простыя плиты, иногда даже не тесаныя, поставлены стоймя; на нихъ странныя, узорчатыя араб-

скія письмена; нѣкоторыя плиты выкрашены жидкой синей краской, а бѣлой нарисована рука съ растопыренными пальцами; кажется, что такая рука высовывается прямо изъ могилы...

Съ вершины горы видъ прямо на бухту, на море, на корабли, кажущіеся лодочками; видны черные, движущіеся во всѣ стороны, люди-букашки, виденъ городъ, за нимъ какія-то странныя обелиски, окутанныя бѣлымъ паромъ и чернымъ дымомъ: нефтяные промыслы: Бибби-Эйбашъ — Дѣвичья Кровь — далеко, налѣво, Балаханы, за ними Сураханы.

Ѣхать на промыслы далеко; первый разъ Медвѣдевъ попадалъ туда на конкѣ, старой, дребезжащей; конка два раза сходила съ рельсъ, ставили ее на мѣсто пассажиры; по обѣимъ сторонамъ рельсъ низкія законченныя зданія рабочихъ казармъ — все безлюдно, свиститъ вѣтеръ, ни одного деревца... Направо море свѣтло-зеленаго, какъ молодой листъ, цвѣта, и бѣлые гребни волнъ напоминаютъ полотна, разостланныя по лугу. Когда-то газы нефти горѣли надъ водой блуждающими огнями, на берегу стоялъ храмъ, огнепоклонники приходили молиться; теперь море затопило берегъ, развалины храма оказались подъ водой, огни погасли... Пришли другіе люди, стали копать узкіе, глубокіе колодцы, понастроили пирамидальныя вышки, чтобы качать и высасывать нефть изъ нѣдръ земли.

Впрочемъ, и теперь нефть иногда загорается, пламя летитъ къ небу, а люди, затратившіе десятки и сотни тысячъ рублей, чтобы получить милліоны, либо стрѣляются съ горя, либо опять начинаютъ копать, бурить...

Въ одну ночь, если забьетъ фонтанъ, вчерашній голякъ превращается въ креза, перерождается, становится покровителемъ извѣстной опереточной пѣвицы и увѣряетъ, что не можетъ не ѣздить въ Парижъ и Ниццу, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ году.

Когда слышишь шумъ нефтяного фонтана, взятаго въ каптажъ, когда знаешь, что изъ земли бѣгутъ, какъ вода, въ въ сутки 200—300 тысячъ пудовъ нефти цѣной по рублю за пудъ — тогда и самъ смотришь на владѣльца фонтана, какъ смотрѣли на Колумба! Правда, надо быть отмѣченнымъ судьбой, чтобы среди милліоновъ, живущихъ въ грязи, нищетѣ, униженіи получить ни съ того ни съ сего всю роскошь жизни, всю полноту наслажденія ея благами...

Сколько разъ вспоминалъ Медвѣдевъ своего пріятеля,

говорившаго ему: „Есть двѣ категоріи счастливыхъ людей: очень талантливые и очень богатые, всѣ и все остальное создано для нихъ“...

Да, для нихъ эти вышки, однѣ старыя, черныя, полуразвалившіяся, другія бѣлыя, азбестовыя, сверкающія на солнцѣ, какъ обелиски; для нихъ ходитъ на безконечно длинномъ канатѣ „желонка“, опускаясь въ самыя внутренности земли, черпая тамъ жирную, темную, пахнущую эѳиромъ массу; это они могутъ спрашивать по телефону изъ Баку въ Москву свою содержанку, не забыла ли она купить чулки...

Медвѣдевъ нѣсколько разъ ѣздилъ съ такимъ счастливцемъ на промыслы. Когда ближе узнаешь ихъ, то узнаешь и то, что не такъ-то ужъ они счастливы, но это тѣ, которымъ воспитаніе кое-что дало, разбудило кое-какія мысли, чувства. Такихъ мало — большинство безъ всякаго воспитанія, безъ всякихъ мыслей и, Боже, какъ они счастливы!

Счастливъ, впрочемъ, и персъ, самъ, ведромъ, черпающій нефть; онъ весь вымазанъ липкой, черной, пахучей нефтью сложенъ, какъ борецъ, зубы на черномъ лицѣ сверкаютъ — хорошій заработокъ! Когда-то въ узкіе, глубокіе колодцы промышленники закапывали задохшихся рабочихъ, вѣрнѣе, когда рабочій задыхался отъ газовъ въ колодцѣ, его, не извлекая умершаго, сейчасъ же засыпали; теперь контроль строже, этого больше не дѣлаютъ, и заработокъ высокъ...

Ѣдешь назадъ съ промысловъ на автомобилѣ; машина бѣжитъ верстъ восемьдесять въ часъ, вѣтеръ такъ бьетъ по ушамъ, что будто бы въ нихъ лопаются, одна за другой, тысячи мелкихъ хлопушекъ, рука, держащая шляпу, затекла и захолодѣла; справа и слѣва песчаная пустыня, овражистая, голая; вдоль откоса оврага промысловое кладбище; бѣлые, одинъ какъ другой, кресты поставлены вплотную; кладбище спускается къ загнившему, до тошноты вонючему озеру, куда стекаетъ мутная, тоже пахнущая эѳиромъ, соленая, промысловая вода. Кажется, что кто то сверху гонитъ это стадо бѣлыхъ крестовъ въ загнившее озерко, а они раскинули свои бѣлыя перекладины — руки и молятъ о пощадѣ...

Во всѣхъ направленіяхъ по пустынѣ проложены трубы нефтепровода; идутъ онѣ въ нѣсколько рядовъ, черныя, извилистыя, во всѣхъ ритмически постукиваетъ: тикъ, тикъ.. это гдѣ-то далекіе насосы качаютъ нефть...

Медвѣдеву было непонятно, какъ можно долго жить на промыслахъ — зачѣмъ? а живутъ, всю жизнь живутъ въ этой

пустынѣ, только становятся молчаливыми, раздражительными; самъ онъ чувствовалъ, что пора уѣзжать, что около нефти съ ея туманящимъ голову запахомъ эѳира долго оставаться не слѣдуетъ или надо идти въ министерство, хлопотать объ отводѣ участка и буравить стальнымъ сверломъ земные пласты...

Послѣ молчанія пустыни городъ кажется необычайно шумнымъ, крикливымъ, оживленнымъ. Мальчишки несутся стремглавъ, дико крича:

— Газэтъ „Арапсъ"! Газэтъ „Кура"! Послѣдный телеграммъ! Германыя окончательно пропала!

Татары гонятъ лошадокъ, словно за ними погоня; армянинъ, шикарно одѣтый, въ перчаткахъ, съ дамой въ театральномъ туалетѣ, кричитъ властно:

— Фаэтонъ...

Горитъ электричество...

На набережной въ этотъ часъ тихо, темно; море кое-гдѣ отсвѣчиваетъ сторожевые огни судовъ, длинная желтая прерывистая и колеблющаяся полоса свѣта въ чернильной чернотѣ ночной воды.

А потомъ опять освѣщенный вокзалъ, звонки, свистъ паровоза, покачиваніе вагона, ослѣпительное утро, и опять справа море, слѣва горы; чѣмъ дальше уходитъ море, тѣмъ ближе горы...

Въ предгорьѣ весна, вся земля покрылась сочною зеленью, и повсюду изъ травы подымаютъ огненно-красныя головки разсцвѣтшіе маки. Ихъ такъ много, что трава кажется окропленною кровью, а на горахъ, на вершинахъ глубокая, ясная, бѣлая зима... Снѣжный покровъ пестритъ черными скалами — будто горы накинули на себя горностаевую мантію. На вечернемъ закатѣ вершины свѣтятся тѣмъ трепетнымъ и нѣжнымъ цвѣтомъ, что даетъ тонкая женская рука, поставленная противъ солнца — цвѣтъ альпійской зари...

А. Любимовъ.

„ТО БЫЛО РАННЕЮ ВЕСНОЙ“ [1].)

Помню утро лѣтнее: воздухъ золотой,
Щебетанье ласточекъ, гдѣ-то надъ рѣкой, —
Воркованье горлинки, — чистый небосклонъ
И въ дали сіяющей благовѣста звонъ.

Помню ленту алую я въ твоей косѣ,
Переливы радуги въ утренней росѣ,
И рѣсницъ опущенныхъ мнѣ отвѣтъ нѣмой, —
Улетѣвшей юности праздникъ золотой!

А. Семеновъ-Тянъ-Шанскій.

[1]) Стихъ гр. А. К. Толстого.

ИЗЪ ТЕТРАДИ:

„ЗАБЫТЫЯ УСАДЬБЫ“.

Сирени, жимолость и заросли жасмина...
Весь въ трещинахъ фронтонъ... колоннъ надменныхъ рядъ..
Плететъ сѣдую сѣть неслышно паутина
Въ покорной тишинѣ пустынныхъ анфиладъ...

Чуть брезжитъ блѣдный лучъ сквозь вставленныя рамы,
И „зайчикъ“ бѣгаетъ по плѣсени картинъ...
Глядятъ изъ ветхихъ рамъ напудренныя дамы,
И арфа брошена — въ углу, у клавесинъ...

Поблекла прошлаго наивная улыбка,
Ушло величіе — какъ дѣтская мечта...
О, пусть все это — сонъ, миражъ, обманъ, ошибка, —
Въ слѣдахъ минувшаго нетлѣнна красота.

Онъ умеръ — дѣтскій вѣкъ наивныхъ пасторалей,
И меркнетъ, съ каждымъ днемъ, угаснувшаго слѣдъ...
Огни погашены... и арфы отзвучали,
И жизнь оборвала послѣдній менуэтъ.

Вл. Вѣтвицкій.

ДРАМАТУРГЪ-МИСТИКЪ.

I.

Вниманіе русскаго драматурга было издавна привлечено по преимуществу окружающей его реальной дѣйствительностью. Его героемъ бывалъ всегда человѣкъ сегодняшняго дня съ чисто личными, индивидуальными переживаніями и очень мѣстнымъ характеромъ, обусловленнымъ средою, его создавшей. Нашъ драматургъ любилъ изображать только то, что онъ видѣлъ и наблюдалъ. И онъ былъ вправѣ такъ поступать въ силу той роли, которую придавалъ театру въ общественной жизни своей родины.

Однако, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ условій и неизмѣнявшихся условій цензурныхъ нашъ театръ потерялъ свое общественное значеніе. Народная совѣсть нашла себѣ иного выразителя, и голосъ художника-драматурга сталъ ей болѣе не нуженъ.

Вынужденный отказаться отъ общественной роли русскій драматургъ все же остался вѣренъ унаслѣдованнымъ имъ традиціямъ реальнаго и бытового театра, хотя кругъ его наблюденій долженъ былъ сильно сузиться. Героемъ большей части современныхъ пьесъ бываетъ средній человѣкъ съ его сѣрыми буднями. Переживанія этого человѣка имѣютъ исключительно мѣстное и временное значеніе. Драматургъ, поглощенный мелочью повседневной жизни, словно хочетъ заставить зрителя забыть о существованіи въ людяхъ тѣхъ силъ, которыя подымаютъ ихъ надъ обыденностью и соединяютъ съ инымъ, незримымъ міромъ. Правда, нѣкоторыми писателями были сдѣланы попытки оставить бытъ и перейти къ изображенію въ символахъ вѣчныхъ началъ жизни. По этому пути русскихъ драматурговъ повели ихъ западно-европейскіе современники. Однако, попытки и тѣхъ и другихъ большого успѣха не имѣли. И это вполнѣ понятно, потому что далеко не всегда и не всякій художникъ можетъ настолько глубоко

заглянуть въ человѣческую душу, чтобы почувствовать въ ней то вѣчное начало, которое объединяетъ людей всѣхъ вѣковъ и народовъ. Для этого надо быть не только драматургомъ, но еще и мистикомъ.

До сихъ поръ подобное соединеніе встрѣчалось очень рѣдко, такъ какъ оно возможно только на почвѣ живой религіозной культуры. Самымъ яркимъ и сильнымъ драматургомъ-мистикомъ былъ Кальдеронъ.

II.

Представимъ себѣ Мадридъ XVII вѣка. Стоитъ жаркій лѣтній день. Башенные часы пробили полдень, ставни во всѣхъ домахъ наглухо закрыты, и на пустынныхъ улицахъ города никого не видно. Съ безоблачнаго синяго неба падаютъ раскаленные лучи солнца. Воздухъ словно остановился. Все притихло въ природѣ. Обмелѣвшая рѣка едва течетъ, и полувысохшія деревья, покрытыя тонкою пылью, не смѣютъ шелохнуться.

Но вотъ жара начинаетъ спадать, скоро пробьетъ 3 часа, и городъ постепенно оживаетъ. Раскрываются нѣкоторыя ставни, и на улицахъ появляются прохожіе. Оживленіе быстро растетъ. Къ богатому дому подаютъ карету, въ которую садятся двѣ изящныя сеньоры въ свѣтлыхъ платьяхъ, съ цвѣтными шалями вокругъ стана и красными гвоздиками въ черныхъ, какъ смоль, волосахъ. Проходятъ молодцоватые кавалеры; ихъ шеи стянуты жесткими воротничками; они позвякиваютъ шпагами и весело раскланиваются съ дамами, снимая большія широкополыя шляпы. Въ кварталахъ, населенныхъ простымъ людомъ, также пробуждается жизнь. Ремесленники и торговцы, старики и подростки покидаютъ свои дома и спѣшатъ туда, куда проѣхала карета съ дамами и куда прошли нарядные кавалеры. Въ этотъ день весь Мадридъ имѣлъ одну и ту же цѣль — побывать на представленіи новой комедіи.

Черезъ подворотню скромнаго по внѣшнему виду зданія публика проходитъ на дворъ (corral), окруженный съ четырехъ сторонъ домами. Прямо противъ входа въ концѣ двора находится невысокая эстрада. Это — сцена (el tablado). Въ ея глубинѣ виденъ небольшой помостъ, называемый „театральнымъ возвышеніемъ“ (lo alto del teatro), — смотря по содержанію пьесы онъ представляетъ собою башню, замокъ,

балконъ или гору. Задней стѣнкой сцены служатъ однотонные ковры. Надъ сценой — навѣсъ, предохраняющій актеровъ отъ дождя и солнца.

Возлѣ сцены во дворѣ стоятъ ряды скамеекъ (bancos), за которыми начинается часть, предназначенная для стоячей публики. Вся эта часть театра, соотвѣтствующая современному партеру, именовалась дворикомъ (patio). Со зрителей, стоявшихъ за скамьями, взималась очень ничтожная плата, вслѣдствіе чего эта публика состояла исключительно изъ простолюдиновъ, которые по причинѣ шумнаго своего поведенія назывались „мушкетерами“ (mosqueteros). Авторы очень боялись этихъ воинственныхъ любителей сценическаго искусства, такъ какъ отъ нихъ въ значительной степени зависѣлъ успѣхъ пьесы. Когда „мушкетеры“ бывали недовольны, они заглушали актеровъ топотомъ ногъ, свистками и криками.

Вдоль стѣнъ обоихъ боковыхъ зданій располагалось амфитеатромъ нѣсколько скамеекъ (las gradas), защищенныхъ небольшимъ навѣсомъ. Это были болѣе дорогія мѣста.

Самые богатые и знатные люди смотрѣли на представленіе изъ оконъ прилежащихъ домовъ (aposentos y desvanes). Тутъ сидѣли идальго и кабальеро со своими женами и дочерьми.

Для простыхъ женщинъ была устроена особая ложа въ задней части двора (cazuela или corredor de las mugeres).

Таково было устройство двухъ лучшихъ театровъ Мадрида, называвшихся дворами Креста (corral de la Cruz., осн. въ 1579 г.) и Принца (corral del Principe, осн. въ 1582 г.). Оба они принадлежали двумъ благотворительнымъ братствамъ, которыя содержали больницу для бѣдныхъ женщинъ и пріютъ для призрѣнія дѣтей-подкидышей. Одна часть взимавшейся съ публики платы шла на благотворительное дѣло, а другую — бралъ себѣ антрепренеръ.

Представленія совершались три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Начало было лѣтомъ въ 3 часа, а зимою — въ 2 часа пополудни.

Солнце лѣтняго дня печетъ въ три часа еще довольно сильно. Оно ярко освѣщаетъ пеструю толпу, набившую театръ и съ нетерпѣніемъ ожидающую начала спектакля. Расположившіяся въ домахъ дамы перекинули черезъ рѣшетки балконовъ свои шали (mantones) — и сѣрыя стѣны зданій оживились веселыми красочными пятнами. Внизу по двору хо-

дятъ водоносы съ большими кувшинами свѣжей воды и торговцы излюбленнаго театральной публикой питья, называвшагося „алоха“ (aloja), — смѣсь воды и меда съ присоединеніемъ разныхъ пряностей. Тутъ же съ трудомъ пробираются разносчики, громко предлагающіе жареный миндаль и фрукты. Вотъ сидящая наверху дама захотѣла получить апельсинъ. Она кидаетъ сверху монету, а разносчикъ ловко бросаетъ требуемый плодъ, который проносится по воздуху, играя въ лучахъ солнца, словно желтая птица.

Однако публикѣ надоѣло ждать, и она начинаетъ выражать свое нетерпѣніе топотомъ ногъ и свистками... Ковры, повѣшенные въ глубинѣ сцены, зашевелились, и затѣмъ на эстраду выходятъ женщина съ кастаньетами и нѣсколько мужчинъ съ гитарами. Не двигая ногъ, но извивая свой станъ, какъ змѣя, женщина, потрескивая кастаньетами, запѣла старый романсъ, а мужчины, подпѣвая, бренчали по струнамъ гитаръ. Вотъ, что они пѣли въ тотъ день:

„— Абенамаръ, Абенамаръ, мавръ изъ мавровъ, въ день твоего рожденія были знаменія большія. Спокойно было море, и стояла полная луна. Тотъ, кто при такомъ знаменіи родился, не долженъ говорить неправду.

„Тогда отвѣтилъ мавръ, послушайте, что онъ отвѣтилъ:

„— Я не скажу неправды, сеньоръ, хотя бы это стоило мнѣ жизни, такъ какъ я сынъ мавра и плѣнной христіанки.

„— Благодарю, Абенамаръ, за твою любезность. Что это за замки, вотъ тѣ, что такъ высоки и красивы?

„— Сеньоръ, одинъ изъ нихъ — Альгамбра, а другой — мечеть...

„Тогда сказалъ король Хуанъ. Послушайте, что онъ сказалъ:

„— Если бы ты согласилась, Гранада, я бы на тебѣ женился и отдалъ въ приданое Кордобу и Севилью.

„— Я замужемъ, король донъ Хуанъ, я замужемъ и не вдова. Мавръ, который мною владѣетъ, очень меня любитъ“.

Пѣніе кончено. Пѣвцы удаляются. На сцену входитъ актеръ и произноситъ небольшой монологъ шуточнаго содержанія (loa), заключающійся просьбой прослушать внимательно слѣдующую пьесу.

Затѣмъ начинается представленіе „комедіи“ — такъ называли испанцы всякую драму вообще, хотя бы въ ней происходили ужасающія по трагизму событія. „Комедія“

была пьесой очень сложной по интригѣ и красочной по изображенной въ ней жизни, въ которой всѣ зрители узнавали близкіе имъ мѣстные нравы. Когда дѣйствіе происходило на чужбинѣ прилагались нѣкоторыя старанія, чтобы придать актерамъ иностранный видъ: съ этою цѣлью мавры получали чалмы, а римляне каски.

Когда мѣстомъ дѣйствія была улица, на сценѣ ставили холстъ съ нарисованнымъ на немъ окномъ; для обозначенія лѣса ставили холстъ съ изображеніемъ двухъ деревьевъ. Но большая часть пьесъ проходила при однѣхъ драпировкахъ, висѣвшихъ въ глубинѣ сцены.

Интрига была такъ сложна, и дѣйствіе такъ часто перекидывалось изъ одного мѣста въ другое, что декораторъ рѣшительно не могъ помочь зрителямъ представить себѣ то, о чемъ говорили имъ актеры. Вотъ герои отправляются въ путешествіе; они странствуютъ по чужимъ краямъ, проходятъ огромныя пространства и видятъ всякія чудеса, — и обо всемъ этомъ актеры разсказываютъ, ходя по сценѣ взадъ и впередъ, а зрители внимаютъ имъ и рисуютъ въ своемъ воображеніи все, о чемъ они слышатъ.

Употреблялись въ дѣло кое-какія машины для полета ангеловъ и появленія въ небесахъ младенца Христа. Въ одной сценѣ показались тучки, и послышался громъ, который былъ произведенъ катаніемъ подъ эстрадой бочекъ съ камнями. Сложныя театральныя машины не были извѣстны.

Послѣ перваго акта комедіи была разыграна веселая и забавная интермедія. Послѣ второго акта на сцену вышли танцоры. Танцы послѣдовали также послѣ третьяго и послѣдняго акта пьесы.

Во время заключительныхъ танцевъ публика уже стала расходиться. Зрители были утомлены трехчасовымъ представленіемъ, хотя они себя не очень стѣсняли соблюденіемъ тишины.

Такимъ былъ народный мадридскій театръ, двери котораго широко раскрывались для всѣхъ желающихъ. Здѣсь и собиралось, какъ мы видѣли, все общество, богатое и бѣдное, знатное и незнатное — испанцы того времени были всѣ ярыми театралами.

Увлеченіе театромъ коснулось даже короля, который, казалось, уже совсѣмъ застылъ въ своемъ величіи. Филиппъ IV былъ такимъ же страстнымъ театраломъ, какими были и его подданные. Поэтому этотъ король устроилъ при

своемъ дворцѣ роскошный по тому времени залъ для театральныхъ представленій. По обѣимъ сторонамъ зала находились другъ противъ друга ложи, скрытыя рѣшетками. Вдоль ложъ стояли два ряда скамеекъ, покрытыхъ персидскими коврами — это были мѣста для дамъ. Такъ какъ придворные спектакли происходили вечеромъ, то залъ приходилось освѣщать: съ этою цѣлью зажигали шесть большихъ восковыхъ свѣчей, поставленныхъ въ огромные шандалы.

Предъ собиравшимися здѣсь людьми актеры представляли тѣ же пьесы, которыя шли и въ народныхъ театрахъ. Но какъ различно было воспріятіе этихъ пьесъ! То, что вызывало во „дворѣ Креста“ бурю восторга или шумныя проявленія недовольства, — здѣсь прослушивалось при гробовомъ молчаніи. По придворному этикету выражать свои чувства считалось неприличнымъ. По примѣру короля всѣ приглашенные на спектакль сидѣли неподвижно и чинно, словно восковыя куклы.

Вотъ какъ одинъ французскій путешественникъ описалъ королевскій выходъ въ театральную залу: „Кавалеры и дамы уже дожидались. Открылась дверь, и въ комнату медленно вошла придворная дама съ восковой свѣчей въ рукахъ. За нею шли король, королева и инфанта. Король раскланялся съ дамами и сѣлъ въ свою ложу. Королева и инфанта сѣли рядомъ съ нимъ. Въ теченіе всего представленія король сидѣлъ неподвижно; онъ только разъ сказалъ одно слово королевѣ и изрѣдка, не поворачивая головы, бросалъ взгляды то направо, то налѣво. А рядомъ съ королемъ стоялъ карликъ. По окончаніи представленія дамы стали подходить съ поклономъ къ королю, и затѣмъ всѣ удалились“.

III.

Испанскій драматургъ XVII вѣка проявилъ особенный интересъ къ изображенію человѣка въ состояніи страстнаго возбужденія и страданія, иногда проходящаго, а часто кончающагося трагически. Кромѣ того, онъ ввелъ въ сферу искусства религію и удѣлилъ въ своемъ творчествѣ мѣсто лирическому чувству.

Трагическое, религіозное и страстно-чувствительное настроеніе эпохи католическаго возрожденія нашло себѣ яркое выраженіе въ драмѣ. Лучше всего и полнѣе всего его передалъ Кальдеронъ.

Лопе де Вега стоялъ по содержанію своего творчества ближе къ Сервантесу. Онъ большой натуралистъ по художественнымъ пріемамъ; его дѣйствующія лица индивидуальнѣе и живѣе, а народная струя его пьесъ сильнѣе, чѣмъ у Кальдерона. Но Лопе никогда не могъ подняться до вершинъ трагизма и религіозности кальдероновскихъ драмъ, въ которыхъ слышатся звуки, чуждаго землѣ міра. Изящный и граціозный лирикъ Лопе также не зналъ лирическаго паѳоса, близкаго душѣ Кальдерона и всей его эпохѣ нервическихъ и надорванныхъ людей, потерявшихъ равновѣсіе и гармонію. Поэтому величайшимъ художникомъ испанской драмы должно назвать Кальдерона, хотя онъ былъ во многомъ типичнымъ представителемъ уже умирающей націи: какъ таковой онъ потерялъ вкусъ къ реальной жизни и предпочиталъ міръ мечты и мысли, — искусства и философіи. А Лопе, не понимавшій философскихъ тонкостей, былъ, какъ Сервантесъ, влюбленъ въ простую и обыденную дѣйствительность.

Лопе и Кальдеронъ не только различно относились къ окружавшей ихъ жизни, но также и свои земные дни они оба провели совсѣмъ по-разному. Жизнь Лопе была красочна, разнообразна и богата чисто земнымъ содержаніемъ. Жизнь Кальдерона бѣдна и однообразна. На историческомъ фонѣ старой Испаніи Лопе де Вега выдѣляется, какъ очень выпуклая фигура, а Кальдеронъ мало замѣтенъ, — этотъ великій мастеръ символической поэзіи кажется самъ какимъ-то символомъ.

Донъ Педро Кальдеронъ де ла-Барка родился въ Мадридѣ 17 января 1600 года. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ іезуитской коллегіи, а затѣмъ онъ слушалъ лекціи по каноническому праву въ саламанскомъ университетѣ (1617—1619 гг.). Послѣ этого, вступивъ въ ряды арміи, Кальдеронъ находился отъ 1625 года до 1628 года въ Ломбардіи и Фландріи. Вернувшись на родину Кальдеронъ поселился въ Мадридѣ и посвятилъ себя цѣликомъ поэзіи. Однако, литературныя занятія не заглушили воинственнаго духа: когда въ 1640 году вспыхнуло каталонское возстаніе, Кальдеронъ бросилъ работу надъ комедіей „Поединокъ любви и ревности“ съ тѣмъ, чтобы отправиться въ походъ вмѣстѣ съ рыцарями ордена Сантьяго, къ которому онъ принадлежалъ. Въ 1651 году Кальдеронъ принялъ священство. Съ этого времени онъ занимался по преиму-

ществу сочиненіемъ сакраментальныхъ драмъ для города Мадрида, а свѣтскія пьесы писалъ только по заказу короля.

Чтимый, какъ поэтъ, и всѣми уважаемый, какъ добродѣтельный человѣкъ и примѣрной жизни священникъ — Кальдеронъ дожилъ до глубокой старости, переживъ шестнадцатью годами своего покровителя короля Филиппа IV. Онъ скончался 25 мая 1681 года. Его оплакивала вся нація.

VI.

Кальдеронъ былъ большимъ мастеромъ интриги. Архитектоника дѣйствія его пьесъ поражаетъ своей продуманностью, правильностью и отсутствіемъ всего случайнаго.

Кальдерона никакъ нельзя назвать импровизаторомъ, и въ этомъ отношеніи между нимъ и его предшественниками цѣлая пропасть.

Испанскіе писатели XVI и XVII столѣтія были въ большинствѣ случаевъ импровизаторами и, какъ таковые, писали лишь въ пылу вдохновенія. Поэтому въ исторіи литературы никогда не было такъ много неоконченныхъ произведеній, какъ въ старой Испаніи, когда у цѣлаго ряда авторовъ хватало терпѣнія только для написанія первыхъ частей, а вторыя части оставались неоправданнымъ обѣщаніемъ.

Предшественники Кальдерона, драматурги и прозаики, сходились въ полномъ пренебреженіи композиціи, которою они не хотѣли стѣснять свободы своего вдохновенія. Вслѣдствіе этого композиція ихъ произведеній бывала большею частью очень неправильной, а иногда даже и совершенно безформенной.

Въ плутовскихъ повѣстяхъ разсказъ ведется обыкновенно отъ лица главнаго героя, изъ устъ котораго мы узнаемъ о всѣхъ случившихся съ нимъ приключеніяхъ. Число разсказовъ зависитъ исключительно отъ воли автора, который можетъ прервать ихъ нанизываніе безъ боязни нарушить цѣльность впечатлѣнія.

Въ такомъ же родѣ написанъ „Донъ-Кихотъ", — съ тою только разницей, что въ этомъ романѣ разсказъ ведется не отъ лица главнаго героя. Случайныя встрѣчи даютъ поводъ не только къ длиннымъ описаніямъ лицъ, послѣ болѣе не встрѣчающихся, но даже къ вставленію совершенно самостоятельныхъ новеллъ. Проходя черезъ весь романъ,

донъ-Кихотъ связываетъ отдѣльныя его части исключительно внѣшнимъ образомъ.

Тѣмъ же принципомъ внѣшней связи пользовался и Лопе де Вега при построеніи своихъ комедій. Ему было невѣдомо, что значитъ художественная необходимость. И онъ нанизывалъ сцены, какъ авторы плутовскихъ новеллъ — свои разсказы.

Въ противоположность Лопе, писавшему спѣшно, небрежно и, такъ сказать, интуативно, — Кальдеронъ былъ разсудоченъ въ своемъ творчествѣ. Его композиціи всегда очень тщательно продуманы. Благодаря этому дѣйствіе его пьесъ развивается замѣчательно стройно и плавно, безъ всякихъ скачковъ и отступленій.

Вотъ, напр., планъ дѣйствія комедіи „За тайное оскорбленіе — тайное мщеніе", тема которой — оскорбленіе дона Лопе и его месть.

Первый актъ имѣетъ только подготовительное значеніе: авторъ завязываетъ дѣйствіе и вводитъ на сцену трагическое настроеніе.

Во второмъ актѣ мы имѣемъ: зарожденіе подозрѣній въ донъ Лопе и подтвержденіе этихъ подозрѣній.

Въ третьемъ актѣ донъ Лопе рѣшаетъ отомстить и затѣмъ осуществляетъ свою месть.

Такъ естественно, логично и красиво развивается все дѣйствіе пьесы.

По умѣнію ввести трагическое настроеніе Кальдеронъ былъ большимъ и тонкимъ художникомъ. Тихо и незамѣтно онъ вливалъ въ души зрителей печаль, а затѣмъ заставлялъ сердца ихъ биться въ тревогѣ и ожиданіи несчастья. Такъ, въ первомъ актѣ мы видимъ Леонору, ѣдущую въ Португалію къ своему жениху, дону Лопе. Что-то свѣтится въ глазахъ невѣсты, но то не радость, а прозрачныя дѣвичьи слезы. Она плачетъ, потому что ѣдетъ вѣнчаться съ тѣмъ, кого не любитъ, и вспоминаетъ того, кого любила. Онъ погибъ ея возлюбленный вмѣстѣ съ ея мечтой о счастьѣ, и вотъ она ѣдетъ, одинокая, вѣнчаться съ другимъ. Однако, она не совсѣмъ одинока: съ нею печалится вся природа. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не печаль разлита во всемъ, что насъ окружаетъ? Плачетъ суровый утесъ, воетъ вѣтеръ, и ему вторитъ эхо. Плачетъ и стонетъ огонь, пожирая свою жертву. И если все въ этомъ мірѣ плачетъ, то какъ же не плакать дѣвушкѣ, потерявшей своего милаго?

На пути Леонора встрѣчается съ однимъ продавцомъ драгоцѣнныхъ камней, котораго къ ней приводятъ, чтобы утѣшить ея скорбь. Этотъ продавецъ оказывается дономъ Луисомъ, бывшимъ возлюбленнымъ Леоноры, котораго она ошибочно считала погибшимъ. Луисъ напоминаетъ о своей любви, но теперь было уже поздно. Такъ рѣшаетъ Леонора, но Луисъ съ этимъ согласиться не можетъ. И первый актъ кончается его восклицаніемъ, предвѣщающимъ трагическую катастрофу:

— Я буду любить Леонору, хотя бы цѣной своей жизни!

Во второмъ актѣ Леонора и Лопе уже повѣнчаны. Тѣмъ временемъ португальскій король собирается въ походъ, и предъ Лопе встаетъ трудный вопросъ: идти ли ему съ королемъ на войну или же остаться дома? Разумъ напоминаетъ ему о долгѣ дворянина и солдата, а сердце болѣзненно сжимается при мысли о возможной разлукѣ съ молодой женой. Для разрѣшенія своего сомнѣнія онъ обращается къ женѣ и близкому другу дону Хуану, живущему у него въ домѣ. Отвѣтъ обоихъ оказался, какъ разъ обратнымъ, чѣмъ можно было ожидать: Леонора посовѣтовала идти въ походъ, а другъ — остаться. Такой отвѣтъ заронилъ въ душу Лопе подозрѣніе, которому онъ вскорѣ получилъ подтвержденіе. Однажды вечеромъ донъ Лопе, вернувшись домой, нашелъ у себя неизвѣстнаго мужчину, который объяснилъ странность своего нахожденія въ чужомъ домѣ тѣмъ, что онъ хотѣлъ спастись отъ преслѣдовавшаго его врага. Этотъ мужчина былъ дономъ Луисомъ.

Мести дона Лопе посвященъ третій актъ пьесы. По мнѣнію честолюбиваго идальго отомщеніе должно быть тайнымъ, чтобы оскорбленіе не стало явнымъ.

Судьба словно позаботилась объ осуществленіи желаній мстителя. Когда донъ Лопе садился въ лодку, собираясь ѣхать изъ Лиссабона въ мѣстечко, гдѣ жила его жена, къ нему подошелъ одинъ кабальеро и попросилъ его подвезти. Лопе охотно согласился, такъ какъ узналъ въ просившемъ дона Луиса.

И вотъ они отплыли отъ берега. Одинъ изъ нихъ, радуясь представшему случаю отомстить, а другой, смѣясь надъ мужемъ, который самъ везъ женѣ ея любовника.

Послѣ этого Кальдеронъ переноситъ зрителя на берегъ моря, гдѣ, прислушиваясь къ плеску волнъ, сидитъ печальная Леонора. Она ждетъ дона Луиса, котораго увидитъ въ по-

слѣдній разъ, такъ какъ она рѣшила положить конецъ его любви. Вдругъ вдали въ морѣ послышался протяжный, раздирающій душу крикъ. А затѣмъ вскорѣ глазъ могъ различить плавающаго человѣка. Когда пловецъ вышелъ изъ воды, Леонора узнала въ немъ своего мужа.

Донъ Лопе сталъ разсказывать женѣ, какъ перевернуло его лодку, въ которой онъ ѣхалъ съ однимъ кавалеромъ изъ Лиссабона: кавалеръ этотъ, звавшійся дономъ Луисомъ, погибъ. Услышавъ это имя, Леонора упала въ обморокъ. Въ глазахъ мужа это было послѣднимъ доказательствомъ измѣны жены.

Вечеромъ того же дня домъ дона Лопе загорѣлся. Пожаръ начался какъ разъ съ комнаты Леоноры. На глазахъ всѣхъ людей Лопе побѣжалъ спасать жену и вынесъ ее въ своихъ объятіяхъ мертвой.

Такъ погибла невинная Леонора, не совершившая никакого преступленія.

V.

Кальдеронъ не умѣлъ создавать характеровъ. Этимъ онъ, какъ драматургъ, рѣзко отличается отъ Шекспира.

Чтобы создать характеръ, нужно умѣть примѣчать мелкія, индивидуальныя особенности людей. Для этого надо очень любить простую обыденную жизнь. И надо еще любить наблюдать, т. е. какъ бы впитывать въ себя все окружающее: замѣчать движенія и жесты, подслушивать обрывки разговоровъ и догадываться о значеніи отдѣльныхъ восклицаній.

Мольеръ, котораго современники называли „созерцателемъ“, просиживалъ цѣлыми часами возлѣ цирюльни — весь ушедшій въ наблюденіе за проходившими мимо него людьми.

Кальдеронъ, какъ человѣкъ совсѣмъ иного душевнаго склада, не могъ этого дѣлать. Обыденная жизнь не притягивала его къ себѣ, но скорѣе даже отталкивала. Все мелкое и случайное скользило только по поверхности его сознанія.

Внѣшній міръ вообще мало интересовалъ Кальдерона, которому онъ казался слишкомъ матеріальнымъ, конкретнымъ и грубымъ. А то, что мы называемъ характеромъ, есть та конкретная внѣшняя форма, въ которую воплощается душа Характеръ это — земная одежда души.

Этимъ временнымъ и земнымъ воплощеніемъ безсмерт-

наго духа Кальдеронъ пренебрегалъ, и поэтому онъ не могъ его изображать такъ же ярко, какъ этого достигали Сервантесъ и Лопе. Такіе характеры, какъ крестьянинъ Педро Креспо изъ „Саламейскаго алькальда", встрѣчаются у Кальдерона очень рѣдко. Въ его творчествѣ это только случайные гости.

Кальдеронъ не былъ лишенъ дара психологическаго прозрѣнія. Напротивъ, этимъ даромъ онъ обладалъ въ большой степени. Поэтому никакъ нельзя сказать, что его драмы лишены психологическаго содержанія, — и Гёте былъ глубоко неправъ, называя героевъ Кальдерона оловянными солдатиками.

Правда, герои Кальдерона лишены „характерной" оболочки, индивидуальной и колоритной, но въ нихъ всѣхъ свѣтится съ необыкновенною яркостью единый и вѣчный человѣческій духъ. Это не оловянные солдатики, а выразители всѣмъ людямъ присущей духовной стихіи.

Кальдеронъ былъ равнодушенъ къ тому, что людей разъединяетъ на землѣ, благодаря ихъ различнымъ общественнымъ положеніямъ, занятіямъ и привычкамъ. Его интересовало то, что людей объединяетъ, — то общее и вѣчное, которое горитъ и играетъ въ каждомъ человѣкѣ.

И онъ взялъ на себя задачу, которая была по плечу только такому титану, какимъ онъ былъ: онъ хотѣлъ уловить стихію, скрытую въ тайникахъ человѣческой души и лишь иногда прорывающуюся въ бурномъ проявленіи страсти.

Его интересовали по преимуществу вулканическія изверженія любви и ревности. Онъ умѣлъ, какъ не кто другой, внимать глубокимъ гуламъ и слѣдить за движеніемъ пылающей лавы.

Эти страсти привлекали къ себѣ вниманіе также и Шекспира. И великій англійскій драматургъ сумѣлъ въ нихъ подмѣтить общечеловѣческое начало, которое отдѣлило образы Джульетты и Отелло отъ рамокъ мѣста и времени, сдѣлавъ ихъ близкими всѣмъ вѣкамъ и народамъ. Но, несмотря на это, мы не можемъ забыть индивидуальныхъ особенностей Отелло и Джульетты, безъ которыхъ ихъ страсти станутъ для насъ непонятны. Характеры этихъ героевъ объясняютъ ихъ страсти. Въ „Ромео и Джульеттѣ" Шекспиръ изобразилъ не любовную страсть вообще, а — первую любовь двухъ юныхъ существъ, разъединенныхъ фамильными предразсудками. Ревность и месть Отелло въ глазахъ Шекспира неотдѣлимы отъ мавританскаго происхожденія героя.

Шекспиръ изображалъ матеріальное, индивидуальное и конкретное выраженіе страсти въ человѣкѣ. А Кальдеронъ стремился представить самую страсть въ ея сущности и по возможности внѣ зависимости отъ всего, что ее обусловливаетъ на землѣ въ характерахъ, національностяхъ и общественныхъ положеніяхъ.

Шекспира страсть интересовала, какъ явленіе, а Кальдерона, какъ вещь въ себѣ. Въ глазахъ Шекспира каждый человѣкъ былъ самостоятельной единицей, всецѣло принадлежащей себѣ и землѣ. А въ глазахъ Кальдерона каждый человѣкъ былъ только символомъ, знакомъ, однимъ изъ многихъ равныхъ ему выраженій единой и вѣчной стихіи, чуждой землѣ и всему земному.

Эта стихія проявляется сильнѣе всего въ любви.

Разъ въ сердцѣ человѣка вспыхнуло это пламя — ему никогда не погаснуть. И оно превратитъ въ пепелъ того, въ комъ оно разгорѣлось.

Мужчина, полюбившій по-настоящему женщину, никогда ея не разлюбитъ. Отымите у него эту женщину, онъ задохнется въ дымѣ огня, пылающаго въ немъ самомъ.

Такія мысли навѣваетъ драма „Любовь послѣ смерти".

Дѣйствіе происходитъ въ Гранадѣ и ея окрестностяхъ. Возстаніе морисковъ въ полномъ разгарѣ. Мятежники уже заняли всю Альпухарру.

Казалось бы, что въ моментъ, когда въ сердцахъ всѣхъ потомковъ былыхъ побѣдителей Испаніи возникла надежда, сулившая имъ возрожденіе свободы и славы, — въ такой моментъ не могло быть мѣста мечтамъ о личномъ счастьѣ. А между тѣмъ и въ такое время подобныя мечты возникаютъ и распускаются, и, быть можетъ, какъ-то особенно пышно и ярко.

Такъ было и теперь. На горизонтѣ виднѣлось кровавое зарево пожара, а на небо взошла ясная и свѣтлая звѣзда любви.

Въ горахъ, въ одномъ изъ мѣстечекъ, занятыхъ повстанцами, обручаются Альваро и Клара. Они безконечно счастливы, но щемящее предчувствіе бѣды не даетъ имъ покоя. Кажется, вотъ-вотъ налетитъ ураганъ и уничтожитъ едва начинающіе распускаться цвѣты.

Счастье не для всѣхъ: несчастные пользуются имъ недолго.

И предчувствіе оправдывается. Когда молодые подаютъ

другъ другу руки раздается звукъ вражеской трубы: то наступаютъ испанскія войска, присланныя для усмиренія мятежниковъ. Обрученіе прерывается, и любящіе должны разлучиться.

Правительственныя войска одерживаютъ побѣду. Они берутъ городъ Галеру и разрушаютъ его до основанія. Въ этомъ злополучномъ городѣ находилась Клара, которую смертельно ранитъ одинъ испанскій солдатъ, прельстившійся драгоцѣнностями прекрасной мавританки.

Альваро, пришедшій на свиданіе, застаетъ Клару при послѣднемъ издыханіи. И надъ трупомъ невѣсты онъ клянется въ томъ, что смерть не можетъ разъединить двухъ любящихъ — любовь сильнѣе смерти, и поэтому она не можетъ погаснуть.

Месть должна быть доказательствомъ этой гордой любви, не желающей признать себя побѣжденной и горящей яркимъ погребальнымъ факеломъ надъ тѣломъ той, душа которой улетѣла на небо.

Месть для Альваро не является необходимою потребностью. Онъ не жаждетъ отмщенія. Для него месть есть только доказательство безсмертія его любви.

Послѣ смерти возлюбленной его чувство достигаетъ особенной силы. Альваро задыхается отъ любви. Онъ приходитъ въ какой-то экстазъ; что-то заволакиваетъ его разумъ. Онъ теряетъ способность разсуждать и дѣйствовать по личной волѣ. Какая-то невѣдомая сила начинаетъ имъ руководить.

И вотъ онъ, переодѣтый, находится во вражескомъ станѣ. Зачѣмъ онъ тутъ? Оттого, что здѣсь среди тридцати тысячъ солдатъ онъ долженъ найти убійцу своей невѣсты, имени и наружности котораго онъ не знаетъ.

Да, развѣ это не безуміе?! Конечно, безуміе, но что такое любовь, какъ не безуміе! Въ этомъ черезчуръ разумномъ и умномъ мірѣ одна любовь свята и безумна.

Любовь — стихія. Она возникаетъ тамъ, гдѣ ее менѣе всего ждутъ, и разгорается тогда, когда это труднѣе всего предположить.

Такова любовь. Но каковы же Альваро и Клара? Каковы ихъ вкусы и привычки? Да, вообще, кто же они такіе?

Они — просто люди; такіе же люди, какъ многіе другіе, какъ и всѣ. Кальдерону нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Они его нисколько не занимаютъ. Художникъ хо-

тѣлъ въ нихъ выразить и выразилъ всю силу всепобѣждающей любовной страсти.

Кальдерона интересовала только любовь, взятая сама по себѣ, — любовь вообще, внѣ времени и пространства, любовь, какъ великая стихійная сила, царствующая на землѣ. Онъ былъ равнодушенъ къ индивидуальнымъ особенностямъ въ любви двухъ личностей. И онъ былъ равнодушенъ къ нимъ, потому что сами-то люди были въ его глазахъ не конкретными единицами, но абстрактными символами.

Кальдеронъ изобразилъ не проявленіе любви въ одной человѣческой душѣ, а страстный любовный порывъ единаго и вѣчнаго человѣческаго духа.

Послѣ любви Кальдеронъ интересовался болѣе всего ревностью.

По существу, ревность есть та же любовь; это — та же страсть, только взятая въ другомъ ея проявленіи, — съ другой стороны.

Ревность — это тѣнь любви. Она отличается всѣми особенностями стихійной силы: она возникаетъ неожиданно, вдругъ, безъ всякой причины и безъ всякаго повода.

Іерусалимскій тетрархъ Иродъ, герой драмы „Ревность — величайшее чудовище", застаетъ свою жену Маріанну въ большой грусти. Не понимая этой печали, Иродъ загорается безпричинной ревностью.

Предшествующее поведеніе жены не давало никакого повода къ ревности. Иродъ не можетъ заподозрить ни одного мужчину изъ всѣхъ, бывающихъ у него во дворцѣ. И, несмотря на это, онъ все же ревнуетъ.

Эту безпричинную и безпредметную ревность такъ же трудно себѣ представить, какъ пламя, несущееся по воздушному пространству, въ которомъ ему нечего сжигать и гдѣ оно все же не гаснетъ.

Такая ревность необъяснима разсудкомъ и кажется невѣроятной уму. И это потому, что она есть настоящая страсть, а страсть есть стихія.

Языкъ стихіи непонятенъ разуму; его смыслъ угадываютъ только поэты и мистики.

Во время борьбы Октавіана съ Маркомъ Антоніемъ, Иродъ помогалъ послѣднему. Октавіанъ побѣдилъ, и тетрархъ попалъ къ нему въ плѣнъ. Вотъ онъ входитъ въ комнату побѣдителя и къ великому своему изумленію замѣчаетъ въ его рукахъ портретъ Маріанны. Оказывается, что Октавіанъ

случайно нашелъ этотъ портретъ и безумно въ него влюбился. Теперь пламя страстной ревности нашло себѣ пищу. Иродъ посаженъ въ башню подъ стражу. Онъ знаетъ, что его казнятъ, и, боясь, что послѣ его смерти Маріанна станетъ женою Октавіана, онъ проситъ двухъ своихъ вѣрныхъ приближенныхъ убить жену.

Сильнѣе и безумнѣе ревность быть уже не можетъ. Это чувство пожираетъ человѣка, котораго скоро не будетъ среди живыхъ. И человѣкъ, стоящій на порогѣ смерти, находится въ какомъ-то бѣшеномъ экстазѣ страсти. Это уже не ревность живого человѣка, а ревность мертвеца. Это ревность послѣ смерти, вырывающаяся багровымъ пламенемъ изъ могилы въ темную осеннюю ночь.

Такова ревность, тѣнь любви, ея вѣчная и жестокая спутница. Она капризна и своею сущностью противорѣчитъ всей человѣческой логикѣ.

А тетрархъ Иродъ, кто онъ? Онъ только гребень волны въ океанѣ страсти. А развѣ можно отличить одну волну отъ другой?

Иродъ есть человѣкъ вообще, — личность безъ индивидуальныхъ особенностей.

Кальдеронъ хотѣлъ показать напряженіе страсти, на которое бываетъ способенъ человѣческій духъ. Онъ хотѣлъ изобразить ревность, какъ нѣкую вѣчную стихію, внѣ ея проявленія въ отдѣльномъ человѣкѣ. Въ его глазахъ все частное и временное всегда заслонялось общимъ и вѣчнымъ.

Для Кальдерона не существовало индивидуальности. Его интересовалъ только тотъ хаосъ страстей, который скрытъ въ тайникахъ всѣхъ человѣческихъ душъ. Этотъ хаосъ, обычно не видимый и не чувствуемый, проявляется только тогда, когда человѣкъ бываетъ въ состояніи страстнаго возбужденія и страданія. Стихійныя силы всегда поднимаются изъ нѣдръ страдающей и несчастной души человѣческой.

Въ своихъ драмахъ любви и ревности Кальдеронъ не далъ цѣльныхъ шекспировскихъ характеровъ, но онъ сумѣлъ понять всю глубину и силу этихъ чувствъ, изображенныхъ имъ съ изумительной яркостью и полнотой.

Гёте очень вѣрно замѣтилъ, что „Кальдеронъ даетъ квинтъ-эссенцію человѣческаго“; вникая въ сущность страсти, Кальдеронъ раскрывалъ сущность жизни. Онъ былъ художникомъ-выразителемъ стихійнаго порыва страдающаго духа, единаго и вѣчнаго.

VI.

По мѣрѣ подъема на горы остающаяся внизу земля и окружающая природа становятся все величественнѣе и красивѣе.

Поднявшись на нѣкоторую высоту, путешественникъ любуется тѣмъ, что осталось позади него на землѣ: расположенное въ долинѣ селеніе выглядитъ издали изящнымъ и опрятнымъ, а пыльная и грязная дорога, по которой восходящій только что шелъ, кажется ему чистой бѣлой лентой. Съ горной высоты нельзя не любоваться красотою земли.

Но вотъ путешественникъ поднялся выше. Долина исчезла изъ его глазъ. Деревья стали рѣдѣть, и живыя существа перестали встрѣчаться на пути. И, наконецъ, онъ очутился среди громаднаго каменистаго пустыря. Здѣсь нѣтъ никакихъ признаковъ жизни; только кое-гдѣ растутъ изъ-подъ камня какіе-то неживые бѣлые цвѣты. Здѣсь нѣтъ мѣста краскамъ такъ же, какъ и звукамъ: это царство безмолвія и бѣлизны. Тогда взоры путешественника поднимаются къ небу, которое громаднымъ синимъ шатромъ раскинулось надъ его головой. И тутъ покинутый всѣмъ, что есть живого: людьми, животными и растеніями — человѣкъ начинаетъ чувствовать близость иного міра, который не воспринимался имъ внизу, гдѣ этому мѣшали всѣ земные звуки и краски. Теперь, забывъ о землѣ, человѣкъ впитываетъ въ себя единственную и неуловимую красоту вселенной, вѣчная жизнь которой ощущается имъ почти осязательно.

Въ творчествѣ Кальдерона есть также свое восхожденіе ввысь.

Въ трагедіяхъ страсти мы неясно воспринимаемъ контуры земного и любуемся имъ съ высоты. А въ религіозныхъ драмахъ, едва ощущая реальную жизнь, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ вѣчнымъ духомъ.

VII.

Слѣдя за исторіей „стойкаго принца“ дона Фернандо, зритель постепенно переходитъ изъ матеріальнаго міра въ міръ идей: на его глазахъ человѣкъ, освобождаясь отъ тѣла, становится духомъ.

Въ началѣ пьесы португальскій принцъ донъ Фернандо

является смѣлымъ и воинственнымъ воиномъ, готовымъ сразиться съ невѣрными и жаждущимъ славы своему оружію. Казалось бы, что все должно подчиниться ему, этому сильному и прекрасному принцу. Но судьба судила иначе. Донъ Фернандо побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ.

Плѣнному предлагаютъ свободу, если Португалія отдастъ маврамъ крѣпость Сеуту. Не колеблясь и безъ сомнѣній, инфантъ отвергаетъ такое предложеніе. Тогда его заковываютъ въ цѣпи и обрекаютъ на позоръ и муки.

Невдалекѣ отъ мѣста страданій принца во дворцѣ его мучителя жила прекрасная собою Фениксъ, дочь фесскаго царя. Не умѣя ничему радоваться, она скучала и изнывала въ тоскѣ. Однажды она встрѣтила гадалку, которая ей сказала: „Несчастная женщина! Твоя красота будетъ цѣною мертвеца". Фениксъ не могла понять этихъ словъ и поэтому она стала тосковать еще больше, чѣмъ прежде.

Когда донъ Фернандо уже умеръ, пришло португальское войско, присланное для его избавленія. На этотъ разъ португальцы не только побѣдили, но даже захватили въ плѣнъ царскую дочь Фениксъ. И тогда въ обмѣнъ на Фениксъ они получили трупъ своего инфанта.

Такъ исполнилось предсказаніе гадалки: Фениксъ стала цѣною мертвеца.

Фениксъ и донъ Фернандо — двѣ противоположности. Этотъ контрастъ былъ необходимъ Кальдерону, чтобы сдѣлать рельефнѣе образъ принца.

Донъ Фернандо и Фениксъ сходятся въ страданіи и печали: одинъ страдаетъ изъ-за силы и богатства своего духа, а другая тоскуетъ изъ-за душевной пустоты и немощи.

Живя одной лишь собою, — своею внѣшней, физической красотой, дочь фесскаго царя настолько обнищала душой, что земля и небо, садъ и море стали для нея бездушнымъ ликомъ, не волнующимъ и не радующимъ (см. хорн. I, сц. 3). Въ радужной игрѣ цвѣтовъ она видитъ только холодный блескъ отдаленныхъ небесныхъ свѣтилъ (см. хорн. II. сц. XIV).

Обрекшій свое тѣло на страданіе и уничтоженіе ради идеи, которая была ему дороже, принцъ благодаритъ Бога за предоставленіе человѣку возможности проявить въ несчастьѣ высшія душевныя силы: смиреніе и терпѣніе. Поэтому онъ не впадаетъ въ отчаяніе и, умирающій, радуется

проявленію жизни въ цвѣтахъ (см. хорн. сц. XIV). Онъ славитъ солнце и Творца, и молитъ о лишнемъ мгновеніи жизни, которая кажется ему прекрасной даже въ страданіи (см. хорн. III, сц. 6).

Донъ Фернандо и Фениксъ встрѣчаются три раза, и три раза Кальдеронъ взвѣшиваетъ ихъ достоинство на невидимыхъ вѣсахъ.

При первой встрѣчѣ Фернандо еще здоровый человѣкъ, но Фениксъ испытываетъ предъ нимъ ужасъ и страхъ: она словно предвидитъ трупъ, цѣною котораго ей предсказано быть (см. хорн. II, сц. XIV). Чаша принца перевѣшиваетъ.

Они встрѣчаются вторично, когда въ умирающемъ принцѣ догорали послѣднія искры жизни. Но и на этотъ разъ цвѣтущая здоровьемъ инфанта оказалась его недостойной. И принцъ съ гордостью замѣтилъ ей о своемъ духовномъ превосходствѣ (см. хорн. III, сц. 7).

Въ третій разъ инфанта встрѣтилась уже съ мертвымъ тѣломъ принца и теперь только она стала равной ему (см. хорн. III, сц. XIII). Живая и прекрасная, но бездушная женщина, равноцѣнна лишь трупу.

По мѣрѣ того, какъ инфантъ освобождался отъ своего бреннаго тѣла, духъ его становился все сильнѣе и радостнѣе. Лишаясь земного счастья, онъ незримыми узами все тѣснѣе связывался съ вѣчностью.

Въ XI сценѣ послѣдняго акта предъ зрителемъ открывается необычайное зрѣлище: духъ умершаго дона Фернандо съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ ведетъ къ стѣнамъ Феса португальское войско. Тѣло принца погибло, а духъ его побѣдилъ: міръ духовный побѣдилъ міръ вещественный.

Кальдеронъ прославилъ героизмъ воина Христа, который предпочелъ мученичество отдачѣ невѣрнымъ христіанскаго города.

Принявшій вѣнецъ мученичества стойкій принцъ донъ Фернандо былъ апостоломъ воинственной и героической религіи возрожденнаго католицизма, провозгласившаго жестокую борьбу съ еретиками и невѣрными.

VIII.

Цѣль человѣка — достиженіе царства небеснаго. Такъ думали добрые католики старой Испаніи.

Царство небесное достигается добромъ и справедливостью.

Чтобы творить добро, нужно побѣдить свою грѣховную волю, — свои земныя страсти, — привязанность къ земному міру и его благамъ. Тогда только человѣкъ можетъ отдаться волѣ Бога.

Святой Хуанъ де ла Крусъ, одинъ изъ интереснѣйшихъ мистиковъ Испаніи XVI вѣка, говоритъ въ своемъ трактатѣ „Subida del monte Carmelo", что душа человѣка должна погрузиться во мракъ ночи, если она хочетъ соединиться съ Богомъ. „Ночь души есть ночь чувства и желаній". Все земное, радующее чувство и возбуждающее желаніе, должно перестать существовать для человѣка Чтобы достигнуть этого душа должна загорѣться любовью къ Богу, т. е. отдать свою волю въ Его руки (см. 1-ю книгу назв. трактата).

Погрузившись въ темноту, душа отдается цѣликомъ вѣрѣ, пути которой полны неизвѣстности и тайны. Благодаря вѣрѣ душа чувствуетъ себя какъ бы преображенной (см. 2-ю книгу того же сочиненія).

Грѣховную волю можетъ преодолѣть только тотъ, кто пойметъ тщетность и ничтожность жизни, которая не болѣе мимолетнаго сна. Спасется тотъ, кто отдастся сновидѣніямъ, ниспосланнымъ ему Богомъ. Такого состоянія достигла святая Тереса: „Я смотрю какъ будто съ высоты, — писала она на одной изъ послѣднихъ страницъ своей исповѣди. Богъ далъ мнѣ родъ сна въ жизни, вслѣдствіе чего мнѣ кажется почти всегда, что я вижу во снѣ то, что я вижу наяву".

Для спасенія души необходимо понять, что земная жизнь есть сонъ.

Разсужденія и опытъ испанскихъ мистиковъ иллюстрируются драмой Кальдерона „Жизнь есть сонъ".

„Жизнь есть сонъ" — не философская, а религіозно-мистическая драма.

Король польскій Басиліо, занимаясь астрологіей, прочелъ по звѣздамъ, что сынъ его Сехисмундо проявитъ необыкновенно злой и жестокій характеръ. Желая избавить своихъ подданныхъ отъ такого монарха, Басиліо приказалъ посадить сына въ башню, скрытую отъ взоровъ всѣхъ людей въ глубинѣ непроходимыхъ горъ.

Однако, когда Сехисмундо былъ уже взрослымъ, королю пришла охота испытать его характеръ. Принцу дали снотворнаго и затѣмъ перевезли его во дворецъ. На слѣдующее утро Сехисмундо роснулся уже не узникомъ, а наслѣдникомъ престола.

Принцъ, дѣйствительно, оказался человѣкомъ необузданныхъ страстей. Тогда отецъ заключилъ его вторично въ тюрьму.

Попавъ опять въ положеніе узника, Сехисмундо просвѣтляется душой и исполняется презрѣнія ко всему земному. Въ его глазахъ жизнь получаетъ цѣну сна. И онъ рѣшаетъ отдаться безропотно тѣмъ снамъ, которые пошлетъ ему небо.

Вскорѣ возставшіе противъ Басиліо солдаты провозгласили королемъ Сехисмундо, освободили его изъ темницы и заставили принять надъ ними командованіе.

Теперь, понявъ тщету жизни, Сехисмундо былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ: кроткимъ, миролюбивымъ и добрымъ. Поэтому онъ не только не хотѣлъ мстить отцу за всѣ свои мученія, но самъ сталъ просить у него прощенія за поведеніе во время своего краткаго пребыванія во дворцѣ.

Такъ гордый король Басиліо былъ побѣжденъ смиреніемъ сына.

Басиліо и Сехисмундо — представители двухъ разныхъ отношеній къ Богу и міру.

Король Басиліо не побѣдилъ своей грѣховной воли и не отдался волѣ Божіей. Напротивъ, гордый своею земною мудростью, онъ думалъ постичь замыслы Бога и хотѣлъ вмѣшаться въ Его руководство міромъ. Благодаря этому, стремясь разумомъ къ добру, онъ творилъ несправедливость и зло, лишая сына свободы и всѣхъ человѣческихъ радостей.

Сехисмундо, по природѣ склонный ко злу, преодолѣлъ зло и достигъ добра, побѣдивъ въ себѣ грѣховную волю и отдавшись волѣ Бога. Злую волю Сехисмундо преодолѣлъ не земною мудростью, а тѣмъ, что онъ сумѣлъ, понявъ призрачность земной жизни, отказаться отъ нея во имя вѣчности. Отреченіемъ отъ жизни онъ побѣдилъ жизнь.

Отказавшись отъ личной воли и отдавъ себя волѣ Бога, Сехисмундо сдѣлалъ то, чему учили великіе мистики старой Испаніи.

IX.

Высшая ступень, до которой дошла религіозная поэзія Кальдерона это — сакраментальныя драмы. Въ этихъ пьесахъ Кальдеронъ совсѣмъ покидаетъ реальный міръ и переходитъ въ міръ абстракціи, аллегоріи и символовъ. Тутъ мы уже не на горной вершинѣ, а въ сферѣ неподвижныхъ звѣздъ.

Сакраментальныя драмы имѣли всѣ одну и ту же цѣль — прославленіе таинства Евхаристіи. Онѣ имѣли всегда форму

аллегорій, содержаніе которыхъ заимствовалось либо изъ классической миѳологіи, либо изъ священной исторіи. Иногда аллегорія бывала цѣликомъ фантастичной.

Дѣйствующими лицами сакраментальныхъ драмъ были разныя абстракціи, какъ-то: Вѣра, Надежда, Земля, Воля, Разумъ и т. д.

Эти религіозно-философскія аллегоріи пользовались громаднымъ успѣхомъ среди народа, который предпочиталъ ихъ всѣмъ свѣтскимъ пьесамъ.

Сакраментальныя драмы представлялись весной въ праздникъ Тѣла Господня (Corpus Christi).

Въ день представленія король отправлялся къ мессѣ въ церковь святой Маріи, находившейся возлѣ дворца. По окончаніи службы изъ церкви выходила процессія, въ которой шелъ и самъ король съ зажженною свѣчею въ рукахъ. За королемъ шли гранды и члены разныхъ совѣтовъ. А впереди всѣхъ священники несли дарохранительницу.

Въ процессіи выступали разныя фигуры, сдѣланныя изъ картона. То были мавры, эѳіопы и головы великановъ на плечахъ карликовъ. Но самой любимой фигурой была такъ называемая Tarasca — огромныхъ размѣровъ змѣя съ длиннымъ хвостомъ и коротенькими ногами. Люди, приводившіе змѣю въ движеніе, сбрасывали ея хвостомъ шляпы зѣвакъ и жестоко пугали этимъ чудовищемъ всѣхъ прохожихъ.

Предъ балкономъ дворца, на которомъ стояла королева, всѣ фигуры останавливались и кланялись. Король также снималъ передъ королевой шляпу. Отсюда процессія возвращалась въ церковь.

Въ пять часовъ пополудни на площади передъ дворцомъ при свѣтѣ восковыхъ свѣчъ играли сакраментальную драму, которую потомъ въ теченіе мѣсяца представляли на улицахъ Мадрида. Для этого на углахъ и площадяхъ города устраивались эстрады.

Далекія отъ жизни и абстрактныя сакраментальныя драмы имѣли одну особенность, благодаря которой испанская публика ихъ очень любила, а мы должны причислить ихъ къ числу замѣчательнѣйшихъ памятниковъ поэзіи.

Эта особенность есть лиризмъ. Кальдеронъ, какъ лирическій поэтъ, проявился всего полнѣе и ярче въ сакраментальной драмѣ. Вообще, чѣмъ менѣе реально и конкретно содержаніе драмъ Кальдерона, тѣмъ сильнѣе бьетъ въ нихъ лирическая струя. Комедіи интриги совсѣмъ лишены лирики,

которой значительно больше въ пьесахъ трагическаго содержанія. Но больше всего лиризма въ сакраментальныхъ драмахъ. Какъ будто освободившись отъ бремени тяготѣвшаго надъ нимъ внѣшняго міра, Кальдеронъ только тутъ могъ отдаться всецѣло своему чувству. И лирическіе отрывки прорываются черезъ холодныя аллегоріи, какъ алые маки — чрезъ щели каменныхъ зданій.

Вотъ для примѣра лирическій монологъ мысли въ драмѣ „Пиръ короля Валтасара“ (изъ I сцены):

„Я — лучъ свѣта, раздѣляющій
Людей отъ животныхъ...
Я измѣнчивѣе луны
И свѣтлѣе солнца.
Я нигдѣ не останавливаюсь,
Не имѣя смерти и рожденія,
И вѣчно движусь, не зная,
Гдѣ я остановлюсь.
Я сопутствую всѣмъ:
Несчастнымъ и счастливымъ.
Нѣтъ мужчины, въ которомъ меня бы не было,
И нѣтъ женщины, въ которой я бы не жила.
Я раздѣляю съ королемъ заботы
О государствѣ и коронѣ.
Я — бодрствованіе и рвеніе
Королевскаго наперсника...
Я — радость счастливаго
И печаль несчастнаго.
И, въ концѣ концовъ, безпокойная и стремительная,
Гдѣ бы я ни была,
Я — все и ничто, такъ какъ
Я — человѣческая мысль“.

Внимая такимъ строкамъ, блистающимъ подобно драгоцѣннымъ алмазамъ всѣми цвѣтами радуги, зрители заслушивались ими и забывали о всемъ внѣшнемъ мірѣ, убаюканные ритмомъ словъ и образовъ. Такія мѣста давали слушателямъ то, что обычно даетъ всякое стихотвореніе: они передавали опредѣленное настроеніе и захватывали душу, какъ музыка.

X.

Творчество Кальдерона было сплошнымъ гимномъ міру вѣчныхъ идей и цѣнностей. Въ тѣ годы, когда жилъ нашъ драматургъ, человѣкъ съ живой душой не могъ придавать значенія земному и не могъ ему вѣрить.

Годы политическаго счастья и военной славы Испаніи уже миновали. Кальдерону пришлось быть свидѣтелемъ постепеннаго разрушенія и гибели его родины. Онъ видѣлъ слабаго и безпомощнаго короля, отдавшагося волѣ корыстолюбиваго фаворита. Видѣлъ придворныя интриги, всеобщій грабежъ, произволъ всѣхъ чиновниковъ и растущую съ каждымъ днемъ безнравственность общества. На глазахъ Кальдерона государственное зданіе, сооруженное императоромъ Карломъ и его сыномъ Филиппомъ II, постепенно разрушалось: сначала возстала Каталонія, потомъ отложилась Португалія, затѣмъ французы перешли испанскую границу и объявили войну англичане. А со смертью короля Филиппа IV и переходомъ престола къ слабоумному Карлу II, больше уже ни на что хорошее нельзя было надѣяться.

Въ такое время, когда гибло все земное и прахомъ разлетались всѣ земныя цѣнности, очи людей, естественно, должны были обратиться къ небу, какъ къ единственному своему спасенію. Нельзя было не стремиться къ божественной правдѣ и красотѣ, когда кругомъ царили ложь и безобразіе. И нельзя было не думать о вѣчности, когда все временное оскорбляло и мучило совѣсть.

XI.

Кальдеронъ совмѣщалъ въ себѣ расчетливаго техника съ поэтомъ и мистикомъ.

Все мелкое, частное и случайное въ мірѣ ускользало отъ его взора, такъ какъ онъ слишкомъ широко все захватывалъ и черезчуръ глубоко во все проникалъ.

Его творчество производитъ впечатлѣніе готическаго храма: въ немъ все монументально, возвышенно и строго.

Оно также напоминаетъ лѣсъ осенью, когда деревья красуются яркостью своего убранства, а въ свѣжемъ и прозрачномъ воздухѣ уже ощущается приближеніе зимней стужи.

Въ знойныхъ страстяхъ героевъ Кальдерона и въ пышномъ колоритномъ стилѣ его драмъ чувствуется „прощальная краса осени“.

Кальдеронъ — послѣдній геній старой Испаніи.

Сергѣй Боткинъ.

РАДОСТЬ ПОЗНАНІЯ — РАДОСТЬ БЫТІЯ.

ПАМЯТИ И. И. МЕЧНИКОВА.

(ОТРЫВОКЪ.)

... Великій ученый, одаренный геніальной интуиціей, онъ былъ въ своей молодости, уже озаренной свѣтлой радостью познанія, отравленъ ядомъ глубокой скорби о человѣчествѣ, — онъ былъ пессимистомъ.

Въ зрѣломъ возрастѣ и еще больше въ старости эта скорбь утихла. Опытомъ жизни и опытомъ науки, нераздѣльно слитыми, онъ пришелъ къ оптимизму: радость познанія увѣнчалась радостью бытья, и скорбь о человѣчествѣ разрѣшилась дѣятельной любовью къ нему.

И послѣ сорокалѣтнихъ исканій, эти великія цѣнности духа вылились въ форму „раціональнаго міровоззрѣнія", весь смыслъ котораго — въ живомъ соболѣзнованіи страданіямъ человѣчества и въ стремленіи, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать его физическому и духовному оздоровленію.

Ярко выраженная въ его яркой личности, эта связь познающаго разума съ всечеловѣческой любовью не была его исключительной прерогативой: онъ только былъ однимъ изъ многихъ представителей этого высокаго уклада психики, элементы котораго вырабатываются въ процессѣ научнаго познанія, — въ тихихъ убѣжищахъ науки, удаленныхъ отъ повседневной суеты, отъ водоворота текущей жизни...

Для насъ, профановъ, это звучитъ парадоксомъ: чтобы почувствовать живую радость бытья, надо наукой отгородиться отъ жизни; чтобы возвыситься до раціональной любви къ человѣчеству, надо изучать не его, а природу...

Но подъ обличіемъ парадокса скрывается глубокая психологическая и моральная правда.

Конечно, радость жизни и любовь къ человѣчеству —

не монополія обителей натуралистической мысли и лабораторій точнаго знанія: эти вѣковѣчныя цѣнности вырабатываются и въ другихъ мѣстахъ, въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности и, наконецъ, въ самомъ водоворотѣ жизни. Но вездѣ и слишкомъ часто онѣ отравляются специфическими ядами человѣчества, и, кажется, только въ тихихъ убѣжищахъ науки, въ лабораторіяхъ точнаго знанія эта отрава обезвреживается достаточно дѣйственнымъ противоядіемъ.

Ядовитъ человѣкъ и въ своемъ одиночествѣ, какъ „единственный", и въ своей соціальности, какъ существо стадное. Самоотрава духа, индивидуальная и коллективная, заражаетъ прежде всего, ту функцію психики, которая, въ порядкѣ міровой эволюціи, явилась послѣднею и, по праву, признается „вѣнцомъ творенія": человѣческій разумъ въ его высшихъ стремленіяхъ и проявленіяхъ. Достаточно извѣстно, какъ легко уклоняется онъ отъ правильнаго пути, какъ подверженъ онъ навожденіямъ своихъ же фантазій, гипнозу страстей, всяческимъ самообманамъ души. Такъ вотъ, въ тихихъ обителяхъ и лабораторіяхъ точной науки эти психическіе яды либо совсѣмъ устранены либо сведены къ ничтожному минимуму, который въ счетъ не идетъ. Тамъ могутъ ошибаться, но въ самихъ ошибкахъ сказывается здравая работа ума. Тамъ изощряются строгіе методы познанія, тамъ созидается дисциплина раціональной мысли и упрочивается „сила сужденія", на которой основываются свобода, автономія и творческая дѣятельность разума.

... Въ тихихъ обителяхъ науки о природѣ, въ заповѣдныхъ лабораторіяхъ точнаго знанія зрѣетъ и крѣпнетъ, быть можетъ, больше, чѣмъ гдѣ-либо, мысль и забота о человѣчествѣ. Ничего парадоксальнаго въ этомъ нѣтъ: вѣдь человѣчество есть часть природы, ея человѣческое продолженіе и, въ то же время, „ея человѣческая оппозиція".

Любая вѣтвь естествознанія, благодаря успѣхамъ научной мысли и совершенству методовъ изслѣдованія, имѣетъ или близка къ тому, чтобы имѣть свою прикладную сторону, прямо или косвенно служащую интересамъ человѣчества. Прикладная наука слѣдуетъ за отвлеченной съ необходимостью логическаго вывода. Въ обителяхъ науки о природѣ, въ лабораторіяхъ точнаго знанія психологически невозможно забыть о человѣчествѣ, не думать о немъ, не соболѣзновать ему. На этой почвѣ тамъ возникаетъ даже соревнованіе, своего

рода „спортъ“, — кто скорѣе откроетъ невѣдомую болѣзнетворную бактерію, — кому удастся найти цѣлебную сыворотку...

Въ постоянномъ „дѣловомъ“, на почвѣ научнаго наблюденія и опыта, общеніи съ природой упрочивается критическое къ ней отношеніе. Сантиментальный культъ природы, идея ея совершенства, ея гармоніи, эти пережитки былого ея обожествленія, развѣнчиваются и уступаютъ мѣсто совсѣмъ другому воззрѣнію, тому самому, которое нѣкогда натуралистъ и врачъ Базаровъ выразилъ въ афоризмѣ: „Природа — не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней работникъ“.

Это превращеніе „храма“ природы въ „мастерскую“ означаетъ, что разумъ человѣческій созрѣлъ, окрѣпъ, созналъ свою силу, въ ея противоположности слѣпымъ силамъ природы, — и ужъ закончились (хотя бы и не всегда благополучно) тѣ болѣзни его роста, которыя выражаются въ различныхъ формахъ „миѳологическаго мышленія“. На этомъ пути рядъ блистательныхъ побѣдъ одержалъ человѣкъ надъ природой. Оттуда, между прочимъ, довѣріе и уваженіе къ „научному мышленію“, — своего рода „культъ“ человѣческаго разума, орудующаго методами точнаго изслѣдованія. Отъ природы къ человѣку — таковъ лозунгъ естествознанія, закономѣрно отвѣчающій поступательному ходу міровой эволюціи.

И неудивительно, что рядомъ съ отвлеченнымъ, теоретическимъ интересомъ познанія природы возникаетъ и крѣпнетъ живой практическій интересъ сочувствія и соболѣзнованія человѣчеству въ его борьбѣ за существованіе, въ его немощахъ, недугахъ, бѣдствіяхъ и скорбяхъ. Это — лучшая школа гуманности.

И если представимъ себѣ всю сумму чистыхъ радостей теоретическаго познанія и присоединимъ къ ней сумму утѣшеній и упованій, вызываемыхъ успѣхами прикладной науки, да еще прибавимъ сумму состраданія и любви къ человѣчеству, изъ того же источника проистекающую, то въ итогѣ получится огромная, въ прежнія времена невѣдомая, энергія раціональной мысли, разумнаго оптимизма и свѣтлой радости бытія...

... Это не та непосредственная, натуральная радость бытья, которая свойственна всякому нормальному человѣку и такъ ярко проявляется въ дѣтствѣ и которая въ опытѣ жизни почти всегда подлежитъ ограниченію и омраченію. Это — ра-

дость производная, благопріобрѣтенная въ процессѣ познанія, — достояніе прочное, не подлежащее ни ограниченію, ни омраченію, — и разъ она внѣдрилась въ душу, опытъ жизни надъ нею не властенъ. Ея сила такъ велика, что даже прирожденнаго пессимиста, какъ Мечниковъ, она способна превратить въ оптимиста. „Раціональное міровоззрѣніе“ Мечникова, отправляющееся отъ пессимистическихъ предпосылокъ и заканчивающееся оптимистическими выводами, — это любопытный психологическій документъ, свидѣтельствующій о благотворномъ, цѣлебномъ воздѣйствіи науки, какъ познавательнаго и творческаго процесса на всю психику человѣка: на сферу мысли, на сферу чувства и на аппаратъ воли и даже на инстинкты, въ томъ числѣ и на инстинктъ жизни. Суть дѣла тутъ вовсе не въ самомъ „міровоззрѣніи“, которое, на той же научной почвѣ, можетъ обернуться весьма различными построеніями, а въ особомъ мироощущеніи, бодрящемъ и жизнерадостномъ, и въ подчиненіи ирраціональныхъ силъ души раціональной дисциплинѣ мысли. На этомъ пути сила разума незамѣтно переходитъ въ силу морали, и въ своемъ крайнемъ выраженіи весь процессъ являетъ намъ ту глубоко отрадную картину, въ которой нельзя разглядѣть, гдѣ кончается дисциплина интеллектуальная и гдѣ начинается — моральная. И тогда радость бытья, добытая въ процессѣ научнаго познанія, изъ величины психологической преобразуется въ величину моральную, чѣмъ и объясняется ея несокрушимость, — ея сопротивляемость бѣдствіямъ, разочарованіямъ и всякимъ ядамъ жизни, въ противоположность бренности и неустойчивости натуральнаго, непосредственнаго чувства жизни. Передъ нами явленіе высшаго порядка: оправданіе жизни, обрѣтеніе ея смысла и цѣли, ея возведеніе на степень нравственнаго долга, согласованнаго съ требованіями разума...

Передъ нами — глубоко привлекательныя черты особаго — профессіональнаго — типа, яркими представителями котораго были, напримѣръ, Дарвинъ, Пастеръ, Сѣченовъ, Мечниковъ...

Это, прежде всего и по преимуществу — профессіональный типъ ученаго-натуралиста, но его характерныя признаки присущи и многимъ другимъ ученымъ, работающимъ въ областяхъ науки, къ естествознанію въ тѣсномъ смыслѣ не принадлежащихъ. Онъ возникаетъ и развивается всюду, гдѣ господствуютъ интересы отвлеченной истины, раціональ

наго познанія вещей, гдѣ примѣняются методы точнаго изслѣдованія, гдѣ вѣетъ духомъ свободной науки, гдѣ достаточно упрочились навыки объективнаго изученія.

Между наукой о природѣ и наукой о человѣчествѣ нѣтъ пропасти: человѣчество есть „оппозиція“ не природѣ, а природы, и, подобно послѣдней, оно — не „храмъ“, а „мастерская“, гдѣ человѣкъ — работникъ. Работѣ этой, работѣ человѣка надъ человѣчествомъ, теоретической и практической, конца-краю нѣтъ. Въ числѣ работниковъ не послѣднее мѣсто занимаютъ и ученые-спеціалисты, вносящіе въ треволненный человѣческій міръ силу, авторитетъ, достоинство, спокойствіе и этику научной мысли.

Духъ научнаго отношенія къ вещамъ, навыки научнаго мышленія, оздоровляющіе и бодрящіе, распространяются и за предѣлы ученыхъ спеціальностей. Свобода, автономія и высокое моральное достоинство познающаго разума стали цѣнностями слишкомъ очевидными и слишкомъ обаятельными, и человѣчество не захочетъ оставить ихъ въ исключительномъ вѣдѣніи призванныхъ ученыхъ и приложитъ всяческія усилія къ тому, чтобы сдѣлать ихъ своимъ неотъемлемымъ достояніемъ...

„Профессіональный типъ“, видоизмѣняясь и расширяясь, несомнѣнно, станетъ когда-нибудь всеобщимъ, „человѣческимъ по преимуществу“...

Д. Овсянико-Куликовскій.

ВЪ ІЮЛѢ.

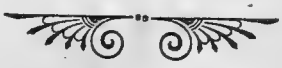
Березы въ царственномъ покоѣ.
Струится зной. Сверлятъ стрижи.
Изъ сада — вѣянья левкоя,
А съ поля — терпкій запахъ ржи.

Симфонію играютъ пчелы,
Благословляя всѣ цвѣтки.
Рѣзвясь въ безвучности веселой,
Снуютъ на солнцѣ мотыльки.

Проходитъ день. Съ закатомъ въ небѣ
Нѣжнѣй тона. Исчезла мгла.
А тамъ, въ поляхъ, въ созрѣвшемъ хлѣбѣ,
„Спать-спать“ звенятъ перепела.

И мнится: скоро зной-истома,
И этотъ нѣжный небосклонъ,
И запахъ ржи и чернозема —
Пройдетъ-мелькнетъ, какъ дѣтскій сонъ!

Семенъ Ѳоминъ.



БѢЛОСНѢЖКА.

Разсказъ Александра Броды.

I.

— Я боюсь смуглыхъ женщинъ. Онѣ слишкомъ красивы, слишкомъ будятъ желанія. У нихъ въ глазахъ какой-то темный блескъ. Въ нихъ скрыта тайна. Пока онѣ дѣвушки, онѣ сами не знаютъ этой тайны. Только угадываютъ ее; но когда онѣ станутъ женщинами, тогда пойдетъ уже настоящее. И какъ онѣ иной разъ ждутъ этого! Онѣ жаждутъ поскорѣе выйти замужъ, чтобы все узнать, чтобы пить жизнь полной чашей и до дна. Имъ хочется всего; одно только пугаетъ ихъ — благороднѣйшее призваніе женщины, потому что это вѣдь портитъ цвѣтъ лица, портитъ фигуру, отвращаетъ мужчинъ и мѣняетъ цвѣтъ волосъ...

— О какихъ смуглыхъ женщинахъ ты говоришь, скажи, пожалуйста?

— О тѣхъ, которыхъ я боюсь и вмѣстѣ съ тѣмъ люблю. О тѣхъ, кому я поклоняюсь, какъ ты, какъ всѣ мы. Мало ли ихъ въ столицѣ. И въ эту пору года, весной, онѣ такъ красивы, ихъ мраморная кожа пріобрѣтаетъ такой теплый оттѣнокъ, ихъ темные волосы такъ искрятся, словно они горятъ внутри, и я только дивлюсь, какъ это мы, мужчины, не падаемъ всѣ къ ихъ ногамъ, какъ мухи на сахаръ... Нѣтъ, шутки въ сторону. Себѣ я не хочу такой жены. Мнѣ нужна бѣлоснѣжка. Понимаешь, бѣлоснѣжка.

Часы надъ кассой пробили четыре. Всѣ посѣтители ночного кафе уже разошлись; кельнера, усталые, едва держались на ногахъ. Даже газовые рожки свѣтили какъ-то сонно; Мумія, какъ прозвали посѣтители кассиршу, сидѣла на своемъ высокомъ стулѣ, полузакрывъ глаза, и пальцы ея лѣниво перебирали спицы, вязавшія красный чулокъ. Уборщицы мели полъ между столиками и брызгали его водой. Какой-то подвыпившій посѣтитель долго мѣшкалъ у двери,

ища, къ кому бы привязаться. Онъ подошелъ было къ столику двухъ друзей, но разглядѣвъ, какія у нихъ широкія плечи, счелъ за лучшее скромно притворить за собой дверь и пойти своей дорогой.

Друзья остались только вдвоемъ въ большомъ кафе и исчерпали до горькаго осадка настроеніе, которое создается задушевною пріятельскою бесѣдою въ ночномъ кафе, когда вы уже размякли, ослабли, вамъ кажется, что вы срослись со стуломъ, такъ что подняться съ него невозможно, а воздухъ, насыщенный кофеиномъ, проникая въ одурѣлый мозгъ, вызываетъ тамъ престранныя разстройства. Напримѣръ, начинаешь думать, что эта ночь будетъ безконечной, и разсвѣтъ никогда не наступитъ. Да и зачѣмъ, почему непремѣнно должно настать утро? Потому что часы на политехникумѣ показываютъ часъ разсвѣта? Смѣшно. А вдругъ солнцу не захочется вылѣзть изъ-за горизонта, вдругъ оно забудетъ или попросту не сможетъ, что-нибудь технически задержитъ его. Ну, разумѣется, планетная система испортилась, и день никогда не наступитъ, и вѣчно-вѣчно будетъ длиться ночь.

— Ну, ночь прошла. Смотри, газеты несутъ, пора и въ постель, — сказалъ докторъ.

Но Эмерихъ Баласса просилъ его посидѣть еще немного.

— Ну, чуточку. Въ парахъ горячаго грога мнѣ сейчасъ такъ ясно рисовалась моя Бѣлоснѣжка.

— Какая же она собою?

— Бѣленькая, невысокая, стройная. Одѣта такъ, какъ одѣваются на сценѣ энженю въ комедіяхъ. Безъ корсета, бюстъ не такой пышный и соблазнительный, какъ у брюнетокъ, но все же чувствуется, что сладко было бы склонить на него усталую голову. Волосы свѣтлые, мягкіе, пушистые, расчесанные на проборъ. Чуть-чуть замѣтное кокетство въ слегка подвитой челкѣ, сохранившейся еще отъ тѣхъ поръ, когда Бѣлоснѣжка была совсѣмъ маленькой дѣвочкой и носила распущенные волосы до пояса и круглую гребенку въ нихъ.

— Гм... Ты, чего добраго, увидишь свою Бѣлоснѣжку и груднымъ младенцемъ въ парахъ грога.

— Навѣрное, я вижу и ея семью.

— Слушайте, слушайте!

— Ея родители живутъ далеко отсюда, въ маленькой деревушкѣ, въ которую еще не проникъ духъ желѣзнодорожной спекуляціи.

— Прекрасно, что же это за люди?

— Хорошіе, простые люди.

— Наивные, но крупные землевладѣльцы?

— Полно шутить. Отецъ ея можетъ быть пасторомъ, учителемъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Пасторъ, конечно, реформистъ.

— Это, дѣйствительно, порода симпатичная. Я зналъ одну такую барышню. Глаза у нея были голубые, какъ васильки. Мнѣ очень хотѣлось, чтобы она вышла замужъ за кого-нибудь изъ нашихъ будапештскихъ. Хозяйка она была удивительная. Стряпала чудесно и при этомъ очень мило улыбалась.

— И что же сталось съ этой дочерью пастора?

— Вышла замужъ за пастора.

— И теперь нѣжно, какъ горько-сладъ, обнимаетъ своего супруга.

— Это что еще за горько-сладъ такой?

— Цвѣтокъ.

Оба вынуждены были умолкнуть. Женщины, метущія въ проходахъ, окутали ихъ облаками пыли. Оба закашлялись; унылый кельнеръ, стоявшій неподалеку, глазами выталкивалъ ихъ вонъ изъ комнаты.

— Ну, надо уходить, насъ выгоняютъ.

— Еще пять минутъ. Я уже не вижу своей Бѣлоснѣжки, но я ѣду искать живую, настоящую. Какую-нибудь да найду— по-моему, ихъ много. Надо только поѣхать на вокзалъ...

— Такъ сдѣлай это.

— И сдѣлаю. Вотъ погоди, увидишь: ужъ я найду, долженъ найти — съ закрытыми глазами найду, такую, какъ мнѣ нужно.

— Какъ же ты — такъ кассиру и скажешь, что ты ѣдешь искать Бѣлоснѣжку, или, можетъ быть, назовешь ему мѣсто, куда ты ѣдешь?

— Въ Трансильванію. Меня тянетъ туда. Я самъ не знаю почему. У меня нѣтъ тамъ ни одной знакомой души. И мѣстность-то я знаю только по учебникамъ и потому, что у меня осталось въ памяти отъ какого-то фантасмагорическаго романа Іозики.

Измученный кельнеръ прибѣгъ, наконецъ, къ уловкѣ, которую люди этого цеха часто примѣняютъ къ посѣтителямъ, которые кажутся имъ ненадежными въ смыслѣ платежеспособности или же къ такимъ, которые слишкомъ долго засиживаются. Онъ подошелъ и освѣдомился:

„Господа требовали счетъ?

Они ничего не требовали, но расплатились и вышли. На улицѣ было еще темно и безлюдно. По Рингу громыхали какой-то особенной формы трамвайные вагоны, которыхъ не увидишь днемъ. Улицы словно вымерли. Вдали, за театромъ, вѣтеръ колыхалъ забытыя платья, вывѣшенныя въ качествѣ моделей надъ лавкою съ готовымъ платьемъ и, казалось, онъ раскачиваетъ повѣшенныхъ.

Неожиданно въ мракъ улицы врѣзалось что-то изсѣрабѣлое, движущееся — это мясники гнали убойный скотъ на бойню. Глухо и какъ-то жалобно ревѣло безсмысленно спѣшащее навстрѣчу смерти стадо, пугаясь длинныхъ бичей, которыми щелкали погонщики, хотя впереди ждало худшее.

Воздухъ былъ влажный, пронизывающій, холодный; обоимъ стало жалко бѣдныхъ животныхъ. Они поговорили немного на тему о человѣческой жестокости, потомъ однакожъ инженеръ вернулся къ Бѣлоснѣжкѣ.

— Повѣрь мнѣ, самое разумное, поѣхать куда-нибудь въ незнакомую мѣстность, тамъ познакомиться съ какой-нибудь бѣдной дѣвушкой съ библейскимъ именемъ, съ какой-нибудь Евой или Сарой, влюбиться и жениться.

Они дошли до угла Большого Ринга. Уже свѣтало, но Тріумфальная арка вокзала Восточной желѣзной дороги еще горѣла огнями. Докторъ жилъ поблизости, друзья простились.

— Ну, до свиданья.

— До свиданья.

— Встрѣтимся завтра за обѣдомъ?

— Ну, ладно, за обѣдомъ.

Эмерихъ повернулъ было назадъ, къ центру города, но вдругъ остановился и взглянулъ на часы. Черезъ двадцать минутъ отходитъ первый поѣздъ въ Трансильванію.

Онъ кликнулъ проѣзжавшаго извозчика, поѣхалъ домой, наскоро уложился, написалъ двѣ открытки, извѣщая, что ему неожиданно пришлось уѣхать. За полминуты до отхода поѣзда былъ снова на вокзалѣ и, прежде чѣмъ успѣлъ сообразить что онъ собственно дѣлаетъ, столица скрылась изъ виду, какъ будто ея никогда и не было на свѣтѣ...

II.

Въ купэ онъ сидѣлъ у окна, радуясь, какъ школьникъ, ѣдущій домой на каникулы. Какая прелесть эти широкія

зеленыя поля, этотъ огромный сіяющій куполъ небесъ! И ничего подъ нимъ, между землей и небомъ, кромѣ двухъ-трехъ людей, сѣющихъ какое-то дурное сѣмя. Издали они одного цвѣта съ землею; разница только въ томъ, что они движутся. А черезъ пять минутъ ужъ ничего живого не было кругомъ, ни человѣка, ни животнаго; земля казалась предоставленной самой себѣ; она еще не совсѣмъ пробудилась; скрытые въ ней обильные ростки жизни еще не вызваны наружу, въ ней еще не началась работа. Только вблизи станціи наблюдались признаки жизни; виднѣлись красныя куртки мужиковъ, копающихъ землю, склоненныя фигуры женщинъ, поливающихъ гряды. Головъ не было видно; издали казалось, что онѣ цѣлуютъ землю.

Эта мирная картина была не по душѣ отравленному кофеиномъ инженеру. Его отталкивала эта ширь, эта непривычная роскошь красокъ. Онъ закрылъ глаза и уснулъ — надолго. Проснулся онъ ужъ вечеромъ. Онъ былъ одинъ въ купэ; надъ головою его уже горѣлъ газъ. Въ первый моментъ ему показалось, что онъ у себя на фабрикѣ. Онъ протеръ глаза и выглянулъ въ окно. И увидѣлъ передъ собою горы; поѣздъ шелъ между отвѣсныхъ стѣнъ утесовъ. Гдѣ это можетъ быть? Ему стоило посмотрѣть на часы, чтобы сейчасъ же отвѣтить себѣ на этотъ вопросъ. Но онъ не посмотрѣлъ: ему нравилось ѣхать такъ, не зная гдѣ, не зная куда, какъ будто въ незнакомомъ мірѣ. Нелѣпая мысль мелькнула у него: а что если поѣздъ дойдетъ до конца рельсоваго пути, но не остановится, а помчится дальше, въ иной міръ?.. Сверкнула молнія, разъ и другой; Баласса напрягъ зрѣніе, чтобы при свѣтѣ молніи разглядѣть мѣстность, сколько-нибудь оріентироваться. Но кромѣ скалъ и елей, стереотипныхъ такихъ же, какъ вездѣ, онъ ничего не разглядѣлъ.

Теперь только онъ взглянулъ на часы — черезъ часъ онъ будетъ въ Клаузенбургѣ. Этотъ часъ показался ему томительно долгимъ: онъ озябъ и проголодался; хотѣлось скорѣе поѣсть и отдохнуть, какъ слѣдуетъ, въ мягкой постели...

На другой день онъ всталъ освѣженный и радостный. И, даже не посмотрѣвъ города, взялъ экипажъ и поѣхалъ. Куда? — куда-нибудь — разыскивать Бѣлоснѣжку. Кучеру онъ наудачу назвалъ первое прочитанное на стѣнной картѣ имя какой-то деревушки.

Ѣхать пришлось около четырехъ часовъ; наконецъ, они

добрались до небольшой и узкой котловины. Въ первый моментъ инженеръ даже не сообразилъ, что онъ у цѣли: передъ ними былъ цѣлый лѣсъ сирени, въ полномъ цвѣту. Изъ-за кустовъ лишь тамъ и сямъ выглядывала бѣлая стѣна или пучекъ соломы, какъ золото сверкавшей на полдневномъ солнцѣ.

А вотъ и домикъ, маленькій, убогій. Должно быть, люди всѣ на работѣ въ полѣ. Нигдѣ не видно ни души; улица во владѣніи куръ, бѣлыхъ мотыльковъ и ребятишекъ; но дѣти и мотыльки жили въ ладу, и каждый безъ помѣхи дѣлалъ свое дѣло. Дѣти обрывали вѣтки сирени, устраивали себѣ изъ пышныхъ кистей лошадей, экипажи, куколъ, палатки; мальчики и дѣвочки играли вмѣстѣ, одѣтые почти одинаково, въ цвѣтныхъ рубашечкахъ. Только одинъ взрослый и повстрѣчался имъ, угрюмый сгорбленный крестьянинъ, указавшій имъ дорогу.

— Трактиръ закрытъ; всѣ на лугу. Ступайте къ господину пастору.

И они заѣхали прямо во дворъ къ пастору. Эмерихъ Баласса вышелъ изъ экипажа и направился къ дому.

Навстрѣчу ему шла Бѣлоснѣжка.

Она была почти совсѣмъ такая, какой онъ представлялъ себѣ ее: тоненькая, стройная, личико бѣленькое, руки загорѣлыя. Онъ не предвидѣлъ только нѣсколькихъ веснушекъ на подбородкѣ и около тоненькаго носика, да еще того, что они сразу подружатся. Дѣвушка первая съ нимъ поздоровалась, взяла его за руку и повела въ домъ, чтобъ во дворѣ собаки не напали на него.

Въ домѣ было тихо, уютно. На окнахъ свѣжіе букеты сирени; съ дощатаго потолка, вмѣсто люстры, спускался украшенный лентами снопъ — память жатвы. И все пахло лавандой: немногочисленная мебель, сложенныя горкой толстыя книги приходскихъ записей, самый воздухъ въ комнатахъ былъ пропитанъ этимъ простымъ, но милымъ запахомъ — запахомъ хорошихъ людей.

Гостю всѣ обрадовались, и никто не удивился его появленію. Его приняли тепло, радушно, какъ стараго знакомаго; только толстый котъ, грѣвшійся на солнышкѣ, на глиняномъ полу, бросалъ на него недружелюбные, завистливые взгляды: „Зачѣмъ молъ, ты пріѣхалъ и еще какъ разъ къ обѣду? Теперь меня, навѣрно, выгонятъ изъ-за стола“.

За обѣдомъ все узнали другъ о другѣ, разговорились о

политикѣ, коснулись религіозныхъ вопросовъ, выяснили причины паденія извѣстнаго политическаго дѣятеля, поговорили о русскихъ и поспорили о томъ, вправѣ ли называться крупнымъ человѣкомъ нынѣшній руководитель судьбъ страны. Послѣ обѣда старикъ пасторъ прилегъ вздремнуть; посторша пошла выгонять куръ изъ огорода, дѣти убѣжали на лугъ, плясать. Они остались вдвоемъ.

Дѣвушка сѣла за старую разстроенную фисгармонію, стоявшую у окна. Пальчики ея были одного цвѣта съ потемнѣвшей слоновой костью клавишъ. Въ честь гостя она сыграла извѣстный псаломъ, положенный на музыку, сыграла тихо, мечтательно, скверно. Но полдневное солнце, свѣтившее сквозь вѣтки сирени у окна и сквозь бѣлыя занавѣски, окружало ея головку словно золотымъ ореоломъ, и она походила на святую Цецилію, какой изобразилъ бы ее кальвинистскій Рафаэль.

Эмерихъ Баласса не упустилъ момента и, пока старый пасторъ дремалъ, а толстый котъ прислушивался, щуря зеленые глаза, онъ разсказывалъ дѣвушкѣ, какъ скучно и тоскливо жить въ большомъ городѣ, какъ онъ одинокъ, не имѣя ни друзей, ни знакомыхъ — ни одной знакомой дѣвушки...

Бѣлоснѣжка словно обрадовалась этому. Потомъ разсказала ему про себя:

— Я рано ложусь и рано встаю. Работа всегда найдется, и я не знаю, что значитъ скучать. Хорошія книги я люблю читать, но здѣсь хорошихъ книгъ совсѣмъ нѣтъ. Учитель все обѣщаетъ привезти изъ города и не привозитъ. У регента есть весь Іокай, но отецъ съ нимъ поссорился и...

— Что же вы дѣлаете цѣлый день, какъ проводите время?

— Хозяйничаю. Я люблю стряпать, въ особенности маринады, варенья; вотъ мы васъ угостимъ за ужиномъ — сливами и абрикосами.

Въ томъ, какъ она выговорила эти слова, была какъ будто искорка кокетства. И такъ прелестно улыбнулась, ласково и дѣловито. Въ зеркалѣ этой улыбки отразилась будущая жена, заботливая хозяюшка въ большомъ передникѣ, которая хлопочетъ о томъ, чтобъ въ домѣ было достаточно всего запасено на зиму, и подноситъ мужу въ ложечкѣ отвѣдать сладкаго сиропа.

Теперь уже не только инженеръ, но и дѣвушка не отве-

дила глазъ отъ двери. Оба удивлялись, какъ долго не идетъ хозяйка дома; да и пасторъ что-то заспался, не разбудить ли его?

Но тутъ вмѣшался котъ: онъ влѣзъ черезъ окно, чтобъ поиграть съ солнечнымъ зайчикомъ на кожаномъ диванѣ, и при этомъ перескочилъ черезъ спящаго пастора; тотъ проснулся. Вошла пасторша, съ полнымъ передникомъ утятъ. Разговоръ перешелъ на другое...

Бѣлоснѣжка показала Балассѣ особый сортъ гіацинтовъ, выращенныхъ въ выдолбленной половинкѣ брюквы. Гіацинты цвѣли необычайно пышно, да и живой цвѣточный горшокъ пустилъ ростки...

Пообдничали, погуляли; затѣмъ сѣли за ужинъ. За ужиномъ Бѣлоснѣжку немножко побранили: опять она ничего не ѣстъ, и пожаловались гостю, что она, вообще, ѣстъ очень плохо, не завтракаетъ, все только другихъ откармливаетъ, а сама худѣетъ. Одними лимонами только и живетъ, да еще ѣстъ ихъ съ кожей. Накидывается на незрѣлые персики, на зеленыя сливы, поѣдаетъ ихъ въ огромномъ количествѣ... а потомъ у нея начинается лихорадка...

Бѣлоснѣжка жалобно взглянула на гостя.

— Но вѣдь это же не такое ужъ большое преступленіе? Вы не очень осуждаете меня?

— Конечно, я не осуждаю васъ.

Ему даже понравилось, что дѣвушка чуточку причудница и лакомка — это было забавно, мило. Бѣлоснѣжкѣ такой и быть должно. И вечеромъ, когда они всѣ усѣлись прохлаждаться посерединѣ двора, онъ сорвалъ совсѣмъ зеленую георгину и подалъ ей со словами:

— А зеленыхъ цвѣтовъ вы не ѣдите?

Оба разсмѣялись. При этомъ Эмерихъ замѣтилъ, что смѣхъ Бѣлоснѣжкѣ не къ лицу, что она словно насилуетъ свои черты, заставляя ихъ смѣяться. И на мигъ у него мелькнула мысль: „А, что, если это не настоящая Бѣлоснѣжка?“

Но это была Бѣлоснѣжка. Можно ли сомнѣваться? Вѣдь онъ узналъ ее съ перваго взгляда. Нуженъ былъ только маленькій предлогъ, чтобъ открыть ей цѣль своего пріѣзда. На минуту ихъ оставили вдвоемъ подъ тутовымъ деревомъ.

Сквозь мелкіе листочки трепетной листвы свѣтилъ мѣсяцъ, обливая словно серебрянымъ панцыремъ фигуру дѣвушки.

— Знаете, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? — сказалъ Эмерихъ Баласса.

— Знаю.

— Зачѣмъ же?

Дѣвушка молчала.

— Чтобъ найти себѣ жену.

Бѣлоснѣжка наклонила голову.

— Хотите быть моей женой? Пойдете за меня?

— Пойду

— И вы даже не спрашиваете, кто я, что я?

— Нѣтъ.

— Значитъ, вы вѣрите мнѣ? Вѣрите, что мы предназначены другъ для друга? Вѣрите, что меня привела сюда высшая сила, которая править нами?

Молодой человѣкъ и самъ не зналъ, какъ у него сорвались съ устъ эти высокопарныя слова, и ему стало немножко неловко. Но раздумывать было некогда, такъ какъ Бѣлоснѣжка отвѣтила:

— Вѣрю.

Эмерихъ взялъ ее за руку. Ея рука покорно, ласково, честно и безъ кокетства отвѣтила на его пожатіе.

Когда хозяйка выдала прислугѣ мыло для завтрашней большой стирки, они были уже помолвлены. Только еще поцѣловаться не успѣли; но Эмерихъ умышленно отложилъ это до слѣдующаго пріѣзда.

III.

Пришелъ декабрь. Бѣлоснѣжка писала жениху, что холстъ на ея приданое уже вытканъ, и приданое все готово; что отецъ ея уже сдѣлалъ оглашеніе въ маленькой деревянной церкви съ башенкой.

До сихъ они откладывали, но теперь можно назначить и день свадьбы. Вотъ онъ пріѣдетъ на Рождество, и они вмѣстѣ рѣшатъ. Вѣдь онъ пріѣдетъ?

Она ждетъ его.

За четыре дня до Рождества Эмерихъ Баласса собрался въ путь, чтобы вернуться уже съ молодой женой. До Новаго года они успѣютъ сыграть свадьбу. Съ января онъ взялъ квартиру; фабрика, на которой онъ служилъ, съ Новаго года повыситъ ему жалованье; а на наградныя къ празднику можно будетъ прикупить все недостающее.

Безъ особеннаго волненія ѣхалъ онъ къ невѣстѣ. Ѣхалъ онъ туда уже въ четвертый разъ и не скрывалъ отъ себя,

что всегобольше волновался, когда вошелъ въ этотъ домъ впервые, незнакомымъ человѣкомъ. И всего лучше, всего отчетливѣе разглядѣлъ невѣсту, когда еще совсѣмъ не зналъ ея. Теперь образъ ея какъ-то затуманился въ его душѣ Выѣхавъ въ экипажѣ изъ Клаузенбурга и вглядываясь въ надвигающійся мракъ, онъ тщетно силился представить себѣ себѣ ясно ея фигуру и лицо. Не могъ. Видѣлъ лишь что-то бѣлое, безтѣлесное, вѣявшее на него неопредѣленнымъ, но милымъ ароматомъ.

А вѣдь, онъ ѣдетъ за этой безтѣлесной бѣлизной, за этимъ смутнымъ ароматомъ.

— Какой прекрасной, какой чистой будетъ наша супружеская жизнь! — говорилъ онъ себѣ. — Несомнѣнно, такъ. А вѣдь какъ странно, какъ необычно достигъ онъ этой жизни! Да, не очень-то все это было обдуманно и разсудительно, — разсуждалъ онъ самъ съ собой. — Ну, еще бы! вѣдь это же была любовь! — И онъ весь ушелъ въ самоанализъ, къ которому у него, отъ природы, особенной склонности не было, да не было и времени, въ непрерывной работѣ.

Дорога была такая скучная, такая длинная, поневолѣ разговоришься самъ съ собой, а то даже жутко въ этой тишинѣ. Было бы ему поѣхать въ экипажѣ, по крайней мѣрѣ, слышалъ бы скрипъ колесъ по снѣгу...

Сани его беззвучно скользили по свѣже выпавшему снѣгу. Лошади и безъ понуканіи бѣжали рѣзво; кучеръ подремывалъ. И все кругомъ будто дремало, даже деревья, холмы и небо. Все было сковано холодомъ смерти, унылой, вѣчной нѣмотой. Снѣгъ, казалось, освѣщалъ небо, и отблескъ снѣга таялъ въ темени небосвода.

Эмерихъ былъ весь укутанъ въ шубу; только глаза оставлены открытыми, но и глазамъ нечего было видѣть. Даже вороны, любительницы такихъ картинокъ настроенія, что-то не показывались.

Колея впереди постепенно исчезала, заносимая снѣгомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выпалъ свѣжій снѣгъ, никто не ѣздилъ по этой дорогѣ. Хорошо еще, что кучеръ дремлетъ и лошади предоставлены самимъ себѣ. На крутомъ поворотѣ кучеръ однакоже проснулся, и тотчасъ же сани начали подпрыгивать на ухабахъ, рискуя опрокинуться.

Скоро однакожъ исчезли и ухабы. Они скользили по дивному бѣлому снѣговому ковру. Кучеръ почесалъ за ухомъ:

— Гмъ! Непріятная штука.

И, вправду, непріятная. Безъ всякаго предупрежденія изъ ночной тьмы налетѣла на нихъ снѣжная буря.

Все стало бѣлымъ: небо, воздухъ, земля. Метель мгновенно замела всѣ слѣды да если бъ и не замела, при этомъ слѣпящемъ свѣтѣ ничего нельзя было бы разглядѣть.

Кучеръ повернулъ лошадей противъ вѣтра. Усталыя, озябшія, онѣ не противились; имъ было все равно, что теперь будетъ: „Йоська (ихъ возница) — малый смышленый; онъ ужъ самъ остережется".

— Накатаемся вдоволь, — сказалъ Йоська.

— Мы что же назадъ ѣдемъ?

— Ну, да, назадъ... Не найдется ли у васъ, баринъ, спички?

Кучеру никакъ не удавалось раскурить свою трубку, и это страшно злило его. Безъ трубки во рту онъ ночью совершенно не въ состояніи былъ бороться съ дремотой. И теперь онъ все время клевалъ носомъ, и Эмериху поминутно приходилось будить его.

Они кружили, поворачивая въ разныя стороны, теперь ужъ и сами не зная, куда они ѣдутъ, впередъ или назадъ. Лошади тоже утратили присущую имъ способность оріентироваться и, казалось, были того мнѣнія, что самое лучшее стоять на мѣстѣ. Онѣ останавливались; возница хлесталъ ихъ кнутомъ, и тогда начинался бѣшеный бѣгъ сквозь снѣжные вихри. Инженеру казалось, что онъ ужъ не на саняхъ ѣдетъ, а мчится съ головокружительною быстротою въ безконечность. Онъ самъ усталъ; душу и тѣло его окутывала дремота; онъ натянулъ на голову капюшонъ шубы и закрылъ глаза, напрягая воображеніе, чтобы вызвать передъ глазами въ моментъ опасности образъ невѣсты, увидѣть ея губы, почувствовать жаръ ея поцѣлуя.

И онъ, дѣйствительно, видѣлъ и чувствовалъ ее. Она сидѣла у него на колѣняхъ и обнимала его обѣими руками, словно крыльями.

По всей видимости и лошади пришли къ тому убѣжденію, что всѣмъ имъ суждено замерзнуть здѣсь. Метель разгулялась еще пуще; жестокій холодъ забирался и подъ шубу, И нигдѣ ни деревни, ни придорожнаго кабачка, ни даже пещеры, чтобъ укрыться отъ бури. Не только мѣстность была незнакомая — это былъ какой-то странный, чуждый міръ.

— Чисто свѣтопреставленіе! — пробурчалъ кучеръ и снова уснулъ. Онъ пересталъ интересоваться своей участью, предоставивъ все на волю судьбы и лошадей.

Пришлось барину самому взять вожжи въ руки. И такъ они скользили, ныряя на ухабахъ, то по гладкому полю, между деревьевъ, обступившихъ стѣной дорогу, по горамъ и доламъ, и эта неизмѣнность, одинаковость пути была страшнѣе самаго мрака.

Наконецъ признаки жизни. Въ снѣгу лежалъ замерзшій солдатъ, на немъ сидѣли двѣ вороны, царапая когтями мѣдный значекъ на фуражкѣ. Неформенная, праздничная фуражка примерзла къ черепу солдата; вороны трудились напрасно, тщетно силясь сдвинуть ее.

Баласса разбудилъ кучера, слѣзъ, вмѣстѣ съ нимъ и осмотрѣлъ замерзшаго. Жизни въ немъ оставалось не больше, чѣмъ въ снѣгѣ, которымъ онъ былъ засыпанъ весь, до подбородка.

Они отогнали воронъ съ маленькой кокетливой фуражки — больше они ничего не могли сдѣлать для мертваго.

Хотѣли было положить его на сани, но лошади, почуявъ мертвеца, рѣшили, что это не дѣло, и дернули въ сторону; такъ имъ и не удалось забрать его съ собой. И они поѣхали дальше, снова кружа по незнакомымъ мѣстамъ и не соображая, гдѣ они и сколько времени уже ѣдутъ. Они не знали, ночь еще или уже утро, ѣдутъ они дни, или часы и который день занимается — слѣдующій, или, можетъ быть, уже третій.

Кучеръ только головой моталъ, когда Эмерихъ спрашивалъ его, какъ онъ думаетъ, который теперь часъ? На часахъ ничего невозможно было разглядѣть.

Навѣрно, уже поздно: давно разсвѣло, только не видно за метелью... Лошади стали: онѣ не хотѣли и не въ состояніи были идти дальше.

Эмерихъ Баласса вылѣзъ изъ саней и, путаясь въ длинной, тяжелой шубѣ, побѣжалъ впередъ, все впередъ. Онъ усталъ до смерти, дремота одолѣвала его, но онъ заставлялъ себя бѣжать, бѣжать безостановочно. Отъ времени до времени оглядывался, ѣдутъ ли сани за нимъ, но ничего не видѣлъ, кромѣ чернаго пятнышка, которое то появлялось, то исчезало, а потомъ остановилось и, постепенно уменьшаясь, совсѣмъ исчезло наконецъ.

Мысль, что, если онъ остановится, и онъ уйдетъ изъ жизни, какъ это черное пятнышко, придала ему силы и окрылила его энергію. Онъ бѣжалъ, спотыкался, падалъ, поднимался на ноги и, отдышавшись, снова бѣжалъ.

Ему казалось, что образъ Бѣлоснѣжки въ душѣ его съ

каждымъ шагомъ становится свѣтлѣе. Но это былъ свѣтъ извнѣ; это былъ свѣтъ утра, все усиливавшійся... теперь передъ нимъ разстилался словно огромный, необозримый бѣлый листъ бумаги.

Неожиданно заблистало солнце и озарило раскинувшееся вокругъ дѣвственно бѣлое снѣжное поле, что-то сверкнуло ему въ глаза, на мигъ ослѣпивъ ихъ. Передъ нимъ былъ гигантскій катокъ, и на немъ двѣ овсянки и полевой жаворонокъ, бѣжавшіе вприпрыжку, на перегонки съ дѣвушкой.

На берегу пылалъ костеръ изъ тростника, у котораго грѣлась старуха въ крестьянскомъ платьѣ и то по-румынски, то по-венгерски, визгливымъ голосомъ кричала дѣвушкѣ, чтобъ она была осторожнѣй — Йезусъ, Марія! — и не бѣгала такъ, сломя голову.

А барышня все прибавляла ходу. Теперь ея фигурка темнымъ силуэтомъ рисовалась на серебристомъ фонѣ снѣга далеко-далеко. Однако, нѣсколько минутъ спустя, она стала выдѣляться отчетливѣй, все ярче и теперь уже она какъ будто освѣщала снѣгъ, ледъ, весь міръ.

Когда кончился ледъ, дѣвушка остановилась. Заслонила глаза рукой отъ солнца и отъ слѣпящаго блеска льда, посмотрѣла вверхъ и увидѣла Эмериха Балассу. Они смотрѣли другъ на друга, какъ двое дѣтей, и оба дивились необычайному явленію.

Появленіе дѣвушки, поистинѣ, было поразительно, загадочно, необъяснимо. Какъ она попала въ эту Богомъ забытую глушь? Кто она? Откуда взялась? Она походила на одинокую пышно расцвѣтшую гвоздику на склонѣ ледяной горы.

Они поглядѣли другъ на друга, и оба разомъ улыбнулись. Эмерихъ поклонился; дѣвушка кивнула головкой и вдругъ повернувшись, побѣжала по льду, на перегонки съ своими крылатыми спутниками Ея фигура снова стушевалась, и только отливавшіе красной мѣдью волосы золотистымъ пятномъ отсвѣчивали на темной поверхности льда. Неожиданно она совсѣмъ скрылась за бѣлымъ кустомъ и не появлялась, не откликаясь на зовъ старухи.

— Іо! Іо! куда ты убѣжала? Вернись назадъ.

Въ прозрачномъ, какъ хрусталь, воздухѣ пронесся звонкій смѣхъ.

Старуха поднялась, растерянно озираясь кругомъ, и вдругъ накинулась на незнакомаго мужчину, по-румынски крича:

— Это ты прогналъ ее!

— Я?

Это слово, собственный голосъ словно разбудили Балассу. Его сознаніе, усыпленное страшной усталостью, снова окрѣпло. Онъ почувствовалъ, что долженъ воззвать къ добротѣ этихъ людей, иначе онъ погибнетъ.

И въ то же время ему было необычайно хорошо; въ головѣ его роились какія-то туманныя, но сладкія грезы.

Онъ попросилъ разрѣшенія погрѣться у костра, присѣлъ и вмѣстѣ со старухой сталъ звать:

— Іо! Іо!

Медленно, подразнивая старуху, Іо, наконецъ, приблизилась и тоже подошла къ костру погрѣться. Старуха отвязала ей коньки и всю ее укутала теплыми платками, такъ что отъ ея стройной фигуры видно было теперь только круглое, но красивое лицо.

Дѣвушка сжала губки, чтобъ не расхохотаться. Но тотчасъ же лицо ея выразило испугъ и огорченіе; незнакомый мужчина неожиданно закрылъ глаза и сталъ весь бѣлый, какъ снѣгъ, на который склонилась его голова.

Она нагнулась къ нему и по-румынски спросила его:

— Что съ тобой?

Старуха вскрикнула; Эмерихъ Баласса открылъ глаза и вяло выговорилъ:

— Ничего; я усталъ.

— Кто ты такой?

— Женихъ.

— Куда ты шелъ?

— На свадьбу.

— Откуда ты пришелъ?

— Не знаю.

— Что тебѣ нужно было здѣсь?

— Я заблудился.

Онъ говорилъ чуть слышно, какъ во снѣ, дѣвушка расплакалась; старуха сняла у дремлющаго незнакомца шляпу съ головы.

— Красивый мужчина! — промолвила она.

Взоръ дѣвушки приковался къ уже разгоравшемуся отъ жара лицу Эмериха, и она, въ свою очередь, замѣтила:

— Да, красивый... и, видать, хорошій человѣкъ.

На мигъ онѣ забыли объ опасности; но, когда чужой мужчина пересталъ отвѣчать на ихъ вопросы, обѣ снова испугались.

— Бѣги за старикомъ, — сказала Іо, — а я побуду съ нимъ.

Она не только осталась съ нимъ, но и положила его голову къ себѣ на колѣни и прижалась лицомъ къ его груди, чтобы услыхать, бьется ли сердце.

Оно билось и даже слишкомъ часто. Эмерихъ открылъ глаза, и взглядъ его упалъ на дѣвушку.

— А ты кто такая?

— Іо Баннай.

— Ты моя?

— Да, твоя. Только не закрывай глазъ; я не позволю, я хочу, чтобъ ты смотрѣлъ на меня. Слышишь? Ты долженъ смотрѣть на меня. Я такъ хочу!

Пришелъ какой-то странный человѣкъ; волосы и лицо у него были одного цвѣта, совсѣмъ желтые. Нельзя было разобрать, старъ онъ или молодъ; онъ кашлялъ, какъ кашляютъ всѣ провинціальные врачи, но настроенъ былъ еще хуже, чѣмъ это обыкновенно бываетъ съ врачами, которымъ приходится много ѣздить по больнымъ. Ворча себѣ подъ носъ, онъ втащилъ бѣднаго безчувственнаго инженера на телѣжку, запряженную парой ословъ, и сказалъ Іо:

— Садись и ты, дѣвочка; подержи ему голову, чтобъ его не зашибло козлами — козлы-то у насъ хлябаютъ.

И ослы были такіе же расхлябанные, унылые, заморенные, какія-то тряпки, а не ослы. Желтолицый человѣкъ взгромоздился на козлы. По временамъ онъ оборачивался и освѣдомлялся:

— Что онъ — еще не померъ? Прислушайся, бьется ли сердце. Да ты чего? Подъ рубашку залѣзь, прижми руку къ голой груди.

Іо повиновалась, подсунула руку подъ сорочку, нащупала мѣсто, гдѣ должно было биться сердце, и съ торжествомъ воскликнула:

— Бьется! Бьется!

Желтолицый докторъ замахнулся кнутомъ на ословъ и вздохнулъ:

— Хоть бы въ дорогѣ то не померъ! — И тотчасъ же принялся философски размышлять вслухъ: — Теперь дѣло обстоитъ такъ: сохраненіе человѣческой жизни зависитъ исключительно отъ субъективныхъ ощущеній двухъ молодыхъ и тщедушныхъ ословъ. Скажемъ такъ: ослы плохо настроены, не торопятся домой, тамъ у нихъ черезчуръ мало чертополоху,

чтобъ согрѣть ихъ, и силенки ихъ маленькія, такъ что скоро бѣжать они не могутъ, и въ результатѣ...

Онъ оглянулся на дѣвушку.

— Ну-ка, дитя мое милое, скажи, что въ результатѣ.

Дѣвушка испуганно, растерянно взглянула на отца, не понимая.

— Не знаю, — промолвила она.

— Не знаешь? Не хочешь знать. Боишься, это мнѣ не нравится. Ты не должна знать страха... И, значитъ, въ результатѣ будетъ:...

— Что?

— Летальный исходъ.

Іо молчала; она положила къ себѣ на колѣни, казалось, безжизненную голову, чтобы предохранить ее отъ толчковъ на ухабахъ; дорога была скверная. И, немного погодя, сказала:

— Я не вѣрю.

Старый докторъ — ибо все-таки онъ былъ старый — хотѣлъ было прочесть ей по этому поводу маленькую лекцію, но дорога была такъ плоха, что ослы требовали неустаннаго наблюденія за ними и непрерывныхъ понуканій.

По счастью, деревня была уже недалеко, хоть ея и не было видно. Только дорога становилась все хуже, словно давнымъ-давно никто не въѣзжалъ въ деревню и не выѣзжалъ изъ нея, ни на саняхъ, ни колесахъ. Однакожъ тамъ и сямъ виднѣлись длинные слѣды лыжъ или же узенькіе опечатки женскихъ туфель. Наконецъ двѣ перпендикулярно поднимающихся кверху голубыхъ струйки дыма разрѣзали на части небо.

— Пріѣхали! — вскричала Іо.

Старуха, которую не посадили на телѣжку, потому что осламъ не свезть было всѣхъ четверыхъ, пѣшкомъ скорѣй добралась до дому и встрѣтила ихъ у маленькаго обветшалаго домика.

— Мама! — крикнула ей дѣвушка. — Стели скорѣй постель.

— Которую?

— Мою.

Два дня лежалъ Эмерихъ въ бреду въ домѣ Банная; Іо все это время не отходила отъ него. Онъ не ощущалъ боли, но былъ такъ истощенъ, такъ страшно обезсиленъ, что докторъ опасался, какъ бы онъ не умеръ, безъ всякой болѣзни, просто отъ истощенія. И никогда еще Эмерихъ не проводилъ такихъ

блаженныхъ дней, какъ эти два, когда онъ былъ ближе къ смерти, чѣмъ къ жизни. Онъ и не подозрѣвалъ, что смерть уже раскинула надъ нимъ покровъ забвенія; ему чудилось, что онъ лежитъ въ теплой душистой ваннѣ, пахнущей розами, и видитъ всѣ предметы сквозь воду.

Желтолицаго человѣка онъ почти не замѣчалъ, хотя тотъ и много возился съ нимъ; онъ видѣлъ только Іо, хотя и не такою, какой она была въ дѣйствительности, а въ разныхъ видахъ. То она казалась ему сестрой, то дамой, которую онъ давно ужъ какъ-то случайно увидалъ въ окнѣ вагона промчавшагося мимо поѣзда и больше не встрѣчалъ; то совсѣмъ маленькой дѣвочкой, въ которую онъ былъ влюбленъ въ дѣтствѣ, то его невѣстой, когда онъ еще не зналъ ея, и въ тотъ періодъ, когда онъ уже обнималъ ее.

Эта неопредѣленность не мучила его, наоборотъ, была пріятна. На второй день онъ однако взялъ Іо за руку и спросилъ:

— Кто ты такая?

— Дѣвушка.

— Ты моя?

— Ну да, твоя.

Іо кивнула старухѣ, чтобы та вышла изъ комнаты. Та вышла, но тогда больной сталъ черезчуръ ужъ требователенъ: онъ хотѣлъ, чтобъ Іо поцѣловала его въ оба глаза.

Дѣвушка нагнулась къ отцу:

— Это не повредитъ ему?

— Нѣтъ; скорѣй принесетъ пользу, — совсѣмъ серьезно отвѣтилъ старикъ.

Она нагнулась надъ больнымъ и поцѣловала его.

На утро третьяго дня Эмерихъ былъ уже совсѣмъ здоровъ. Всталъ, одѣлся и пошелъ въ сосѣднюю комнату благодарить чудного старика за его доброту и участіе. Ему давно пора было уѣхать.

Вѣдь его маленькая невѣста, бѣдная Бѣлоснѣжка, навѣрное, страшно тревожится о немъ.

Однакожъ, докторъ еще четыре дня не отпускалъ его. Всѣ дороги были занесены сугробами; уйти отсюда можно было развѣ только въ Тардъ, и то съ большимъ трудомъ и лишь пѣшкомъ; обыкновенно путь туда беретъ часа четыре, а теперь и на двое сутокъ хватитъ. И Эмерихъ остался, нѣсколько смущенный, однакожъ противъ воли забавляясь необычайной обстановкой.

И деревень такихъ онъ не видѣлъ; въ сущности, это была даже не деревня, а просто колоссальный виноградникъ, безъ улицъ. Дома стояли Богъ знаетъ какъ далеко другъ отъ друга. Лѣтомъ здѣсь, должно быть, очень красиво; да и теперь эта картина не лишена была суроваго величія. Между домовъ кружили бѣлыя овчарки; люди и домашній скотъ прятались отъ холода въ домахъ и весь день грѣлись у печи; такъ у огня и спали и говорили громко только въ тѣ двѣ недѣли, когда полагалось играть свадьбы. Деревня оживлялась, и люди толпились кучкой на снѣгу, только когда приходилъ экзекуторъ, сборщикъ податей. Это былъ милѣйшій человѣкъ, общій кумъ и пріятель, всегда предупреждавшій вовремя, чтобъ тотъ или другой крестьянинъ перенесъ свои вещи къ сосѣду, потому что онъ, по приказу короля, придетъ ихъ описывать за неустойку. Какой-то прогорѣвшій баринъ, въ которомъ человѣколюбіе и чувство долга вели жестокую борьбу между собой; человѣкъ, рожденный для княжескаго титула и ставшій экзекуторомъ.

Общій любимецъ, но изрядно выпивавшій экзекуторъ и его двѣ дочери были единственными гостями у Банная. Румынскій попъ дружилъ съ крестьянами и сторонился отъ „господъ", потому — неловко плевать на деревянный полъ. Католическій патеръ уже пятнадцать лѣтъ, какъ поссорился съ докторомъ изъ-за постановленій Тридентскаго Собора и даже на смертномъ одрѣ не пожелалъ съ нимъ примириться и даже слугамъ своимъ строго-настрого запретилъ хворать.

Бѣдный докторъ существовалъ лишь тѣмъ, что послѣ дракъ при сборѣ винограда подавалъ медицинскую помощь пострадавшимъ. Впрочемъ, и вина въ этой мѣстности было не такъ ужъ много; и мѣстная молодежь скорѣе симулировала опьянѣніе; упиться допьяна тутъ можно было развѣ только водкой, которую гнали дома, да снѣговой водою, сохраняемой въ цистернахъ. Ни одного колодца въ деревнѣ не было, и воду экономили точно такъ же, какъ маисовую муку и селедки, которыя привозили изъ города и которыя недѣлями висѣли съ потолка, какъ украшеніе.

Постоянная равномѣрная нужда свила себѣ здѣсь прочное гнѣздо, пригибала къ землѣ и дома, и людей и дѣлала ихъ всѣхъ какими-то одинаковыми, похожими другъ на друга. И мысли, и рѣчь, даже черты были похожи. Филоксера изъ года въ годъ грабила ихъ, и голодать вошло у нихъ въ привычку. Однакожъ они не роптали, не препятствовали фило-

ксерѣ наѣдаться досыта ихъ достояніемъ и, вмѣсто того, убили на смерть двухъ чиновниковъ, вздумавшихъ было вывести это вредное насѣкомое.

Никогда и нигдѣ еще не было Эмериху Балассѣ такъ хорошо, какъ здѣсь, какъ въ эти дни. Онъ душилъ въ себѣ желаніе остаться здѣсь совсѣмъ, но оно снова и снова всплывало наверхъ.

— Какъ хорошо было бы никогда не уѣзжать отсюда!.. Такая сладостная тишина, такой изумительный покой!..

— Ну еще бы! — говорила Іо. — Вы живете среди вѣчнаго шума. Отецъ говоритъ, что у васъ тамъ, въ городѣ, даже дома трясутся отъ грохота трамваевъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? И у меня въ канцеляріи не шумно. И вообще я не живу шумной столичной жизнью. Я живу тамъ почти такъ же одиноко и замкнуто, какъ вы здѣсь. Я кончилъ институтъ, сдалъ экзамены, получилъ мѣсто, выждалъ годъ и...

— И что?

— И пріѣхалъ сюда.

Онъ собственно хотѣлъ сказать: „А теперь я женюсь“ И дѣвушкѣ хотѣлось спросить: „А теперь вы женитесь?“ Но оба смущенно обходили эту тему. Помимо этого, Іо поражала его своей откровенностью и прямотой. Она говорила обо всемъ безъ всякаго смущенія, какъ женщина, не знающая сдержанности, и въ то же время, какъ маленькая дѣвочка которая прижимаетъ къ груди куклу и дѣлаетъ видъ, будто кормитъ ее грудью.

Большую часть третьяго и четвертаго дня они провели вдвоемъ. Докторъ ѣздилъ въ сосѣднюю колонію на вскрытіе, вмѣсто окружного врача, который былъ слишкомъ грузенъ и слишкомъ зажиточенъ и терпѣть не могъ „этого занятія“, а, можетъ быть, и не имѣлъ необходимыхъ для этого инструментовъ.

Старуха поглядывала за ними, но часто уходила — въ хлѣву свинки что-то капризничали и не брали корма, она возилась съ ними цѣлыми вечерами.

И они сидѣли вдвоемъ у глиняной печи. Іо обнимала кругленькую пузатенькую печку и говорила:

— Это мой мужъ Я очень люблю его, и онъ меня любитъ. Вотъ я сейчасъ поцѣлую его и все время буду цѣловать, пока зима не пройдетъ.

— А когда придетъ вашъ настоящій мужъ

— Онъ никогда не придетъ.

— Почему?

— А зачѣмъ? Бракъ — это глупость. И я, навѣрное, стала бы обманывать своего мужа. Такова ужъ женская природа.

Эмерихъ широко раскрылъ глаза. Если бы онъ услыхалъ это отъ другой женщины и въ другомъ мѣстѣ, онъ пожалѣлъ бы эту дѣвушку, какъ душевно-больную, или же, не говоря ни слова, подошелъ бы къ ней и поцѣловалъ бы ее. Но здѣсь въ этой глухой деревнѣ, въ этой обстановкѣ, онъ могъ лишь удивляться и смотрѣть на нее, безъ всякихъ дурныхъ мыслей.

Лицо дѣвушки сіяло такимъ теплымъ, кроткимъ свѣтомъ; въ глазахъ ея былъ чистый блескъ, не горѣлъ пожирающій огонь; скорѣй они были немного сонные.

Она призналась:

— А знаете, я спать хочу. Десять часовъ: въ это время я уже обыкновенно сплю. Что же это отецъ не идетъ? Вы подождите его здѣсь — вы вѣдь тутъ и спите, а я уйду. Погодите, я вамъ постелю постель.

И она ушла къ себѣ. И сейчасъ же погасила огонь. Изъ темной комнаты донесся ея голосъ:

— Спокойной ночи. Вы уже спите? Завтра я что-то вамъ скажу.

— Что?

— Завтра.

— Скажите сейчасъ.

— Ну, подойдите къ двери. Я не хочу кричать.

Эмерихъ сталъ у двери. Іо сказала:

— Я сегодня о многомъ хотѣла васъ спросить, да такъ и не спросила. Скажите мнѣ только одно, а то я не усну. Что бы вы дѣлали, если бъ та, на которой вы женитесь, не стала вашей женой? Могли бы вы жить безъ нея? Жениться на другой? Да или нѣтъ?

Эмерихъ подумалъ и отвѣтилъ, рѣшительно, однакоже, смущенно:

— Я не покончилъ бы съ собой, но и жить безъ нея не могъ бы. Это была бы уже не жизнь.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи.

Больше они не разговаривали, но и уснуть никто изъ нихъ не могъ.

Эмерихъ Баласса и не ложился; онъ присѣлъ къ столу и ждалъ хозяина. На столѣ лежала какая-то книга; онъ придвинулъ ее къ себѣ, но читать не могъ, ибо книга была англійская, а онъ не зналъ англійскаго языка. Это былъ одинъ

изъ томовъ Герберта Спенсера; на заглавномъ листѣ крупнымъ, красивымъ мужскимъ почеркомъ было написано: „Propriety of Io“.

Творенія англійскаго философа въ этой глуши — и собственность Іо.

Кто она — эта Іо? Почему у нея такое невозможное имя, которымъ, навѣрное, не крестили ни одной христіанской дѣвушки съ тѣхъ поръ, какъ Юпитеръ бродилъ по землѣ, ухаживая за хорошенькими женщинами? Вся она соткана изъ противорѣчій, нежданныхъ, поразительныхъ, смущающихъ. Онъ не зналъ, что подумать объ этой странной дѣвушкѣ, которая ходитъ въ мужскихъ высокихъ сапогахъ, носитъ на шеѣ жемчугъ и въ отвѣтъ на комплименты швыряется техническими терминами. Какъ она сюда попала? Чья она дочь? Неужто же этой крестьянки, которую она зоветъ матерью и которая говоритъ съ ней подобострастно, какъ служанка? Чудака доктора, съ которымъ она держится по-пріятельски?

Онъ зашагалъ изъ угла въ уголъ.

— Вы еще не спите? — раздался полусонный голосъ Іо. — А отецъ не вернулся еще?

— Нѣтъ. Вѣдь и вы тоже не спите. Или уже спали и проснулись?

— Нѣтъ. Мнѣ очень грустно, но это хорошо, что грустно. Только два раза въ жизни было мнѣ такъ грустно, какъ сегодня, и тоже безъ причины. Хочется плакать, рыдать, жаловаться — и не могу. Давайте лучше поболтаемъ. Приставьте къ двери большое кожаное кресло; я разскажу вамъ сказку. Только не входите, потому что это — я вѣдь знаю — не принято. И такъ вѣдь хорошо: я слышу вашъ голосъ и вижу ваше лицо, даже съ закрытыми глазами... Какую же вамъ сказку разсказать?

— Что-нибудь о себѣ.

— Хорошо... Жила-была... Знаете, кто я? Знаете, какъ вы меня называли, когда лежали въ бреду съ 40 градусами температуры?

— Нѣтъ, не знаю.

— Бѣлоснѣжкой. Я стала думать объ этомъ и вспомнила, что когда меня еще мать причесывала, а я глядѣлась въ зеркало, я очень нравилась себѣ. И стала думать, кто же я такая. А вдругъ я совсѣмъ не то, что я есть — вдругъ я заколдованная принцесса. Я охотно живу съ отцомъ, да больше нигдѣ и не жила. Прежде мнѣ страшно хотѣлось переѣхать

въ городъ, жить въ большомъ многоэтажномъ домѣ; я даже плакала, такъ мнѣ хотѣлось этого; но отецъ не захотѣлъ, а теперь и я не хочу. Но все же иногда мечтаю о другой жизни и жду принца-избавителя. Если вы встрѣтите такого, скажите ему, чтобъ онъ ѣхалъ сюда, если у него найдется время. Пусть пріѣзжаетъ, я жду его.

— Вѣдь вы же говорите, что никого не полюбите и будете обманывать того, кого полюбите.

Отвѣтъ дѣвушки затерялся въ шумѣ. Во дворъ съ грохотомъ въѣхала телѣжка. Взревѣли радостно ослы; въ домѣ залаяли собаки; имъ откликнулись издали всѣ ихъ сородичи; хозяйка визгливо жаловалась на отсутствіе аппетита у свиней.

— Отецъ вернулся, — сказала Іо, — я выйду поболтать съ нимъ. Онъ въ это время всегда бываетъ въ отличномъ настроеніи.

И, въ самомъ дѣлѣ, старикъ пріѣхалъ очень веселый. Онъ обнялъ не только дочь, но и гостя. Взялъ ихъ обоихъ за руки и оглядѣлъ съ ногъ до головы, справа и слѣва. Потомъ сказалъ:

— Чудесная бы пара изъ васъ вышла. На рѣдкость парочка.

Хозяйка радостно замѣтила:

— Завтра уже поѣдутъ на колесахъ въ Тардъ.

— Наконецъ-то! — воскликнулъ Баласса.

Послѣдній день онъ съ Іо были неразлучны. Это былъ необычайный день. Солнце сіяло ослѣпительно; снѣгъ искрился и сверкалъ; морозъ разрисовалъ всѣ стекла причудливыми узорами.

Утромъ они ходили на гору, къ итальянскимъ дровосѣкамъ, смотрѣть на похороны.

Внизъ, въ долину, дорога была ненадежная; но подниматься наверхъ, по тропинкѣ между елями, было и безопасно, и пріятно. Они ѣхали на ослахъ, вдоль замерзшаго горнаго ручья, по которому теперь спускали внизъ срубленныя деревья. Баласса, для котораго все это было ново, вздрогнулъ, впервые увидавъ огромное количество срубленныхъ стволовъ, съ трескомъ несшихся внизъ по льду. Лѣсъ поразилъ его своимъ величіемъ готическаго собора съ милліонами колоннъ и башенъ. Невольно каждый разъ, вступая подъ его своды, они понижали голосъ. Мѣстами тамъ было совсѣмъ темно, но Іо знала дорогу: она брала за руку Эмериха и вела его. Желтолицый докторъ трусилъ рысцой за ними. Они лишь изрѣдка обмѣнивались словомъ, наслаждаясь зрѣлищемъ дѣвственнаго снѣга и чистымъ ароматомъ красноватыхъ елей.

— Я какъ будто въ первый разъ въ жизни дышу, — говорилъ инженеръ.

— Воздухъ здѣсь всегда чудесный, но сегодня лучше, чѣмъ когда-либо, — сказала Іо.

— Чудесная штука жизнь! — вскричалъ Эмерихъ.

— Печальная, — вздохнула Іо.

Докторъ что то буркнулъ себѣ подъ носъ.

Они дошли до просѣки: пять-шесть срубленныхъ, распиленныхъ на куски елей загородили имъ дорогу.

— Вотъ и конецъ спору: каждая изъ этихъ елей силилась перерасти другую, загородить ей солнце; и вотъ погибли всѣ заразъ. Ели еще глупѣй людей, — философствовалъ докторъ.

Они пошли на голоса; навстрѣчу неслось пѣніе, такое потрясающее, что они невольно, инстинктивно схватились за руки.

— Уже хоронятъ, — сказалъ докторъ. — Безумцы эти итальянцы. Бросаютъ яркое солнце, море и идутъ сюда рубить лѣсъ въ лютую трансильванскую зиму. Прежде это дѣлали румыны; теперь у насъ и дровосѣки, и лѣсоторговцы исключительно итальянцы. Правда, многіе изъ нихъ не только не возвращаются на родину съ деньгами, но и шкуру свою оставляютъ здѣсь.

Молодые люди не слушали его; стоя по щиколку въ снѣгу, ежась отъ холода, они прислушивались къ погребальному напѣву, доносившемуся все внятнѣй и громче. Вѣтки елей дрожали отъ этихъ звуковъ, отряхивая нѣжные навѣсы.

Докторъ тихонько подпѣвалъ:

— Circum dederunt me genitus mortis dolores inferni, circum dederunt me!

Потомъ погромче, торжествующе:

— Requiem aeternam dona ei Domine et lux perpetua luceat ei. Dolores inferni circum dederunt me!

— Идемте, погребальный обрядъ сейчасъ окончится, — сказалъ онъ, подталкивая впередъ дочь и гостя.

Дѣйствительно, обрядъ погребенія подходилъ къ концу.

На носилкахъ, сплетенныхъ изъ еловыхъ вѣтвей, лежалъ трупъ итальянскаго рабочаго. Его и въ смерти сильная мозолистая смуглая рука сжимала безформенное деревянное Распятіе. Покойника одѣли въ парадное платье, даже не забыли повязать на шею синій галстучекъ. Вмѣсто подушки

подъ голову ему подложили свернутую мягкую бѣлую широкополую шляпу, по которой разсыпались сѣдѣющіе густые волосы. Нашелся и покровъ — новенькій бѣлый передничекъ, должно быть, купленный покойнымъ для своей дочурки, чтобъ отвезти или послать его домой.

— Гдѣ же могила? — спросилъ Эмерихъ.

— Могилы нѣтъ, — отвѣтилъ докторъ. — Въ зимнюю пору тутъ ни за какія деньги не дороешься до кусочка освященной земли. Да ему и здѣсь будетъ не плохо; пролежитъ до весны, а весной похоронятъ его на кладбищѣ около церкви, въ нижней колоніи. Смотрите, вотъ его могила.

Могила, гробъ, кладбище — все воплотилось въ гигантскомъ снѣжномъ комѣ, въ которомъ было выдолблено углубленіе, достаточное для того, чтобъ помѣстить въ немъ человѣческое тѣло.

— Вонъ въ эту дырку и засунутъ бѣднаго сына солнца.

— И онъ закоченѣетъ?

— И заморозятъ его.

— О, тамъ тепло!

— Ну, это какъ сказать. Въ іюнѣ здѣсь становится вдругъ страшно жарко; снѣгъ растаетъ; человѣкъ оттаетъ; земля всосетъ его, ручей возьметъ его и снесетъ въ море... Ни одного кусочка отъ этого бѣдняги не достанется освященной землѣ кладбища.

Дровосѣки обступили покойника и стали читать молитвы по-итальянски. Ни одной женщины не было съ ними. Не было и священника. Четверо молодыхъ парней взяли носилки и при словѣ „Аминь!“, раскачавши, бросили ихъ во внутрь снѣжнаго кома. Потомъ всѣ принялись засыпать и утрамбовывать отверстіе и сверху поставили деревянный крестъ, чтобы найти товарища, если имъ вздумается отыскать его.

— Ну, теперь его и женина ругань не подыметъ, — замѣтилъ одинъ изъ рабочихъ, съ козлиной бородкой.

Іо подняла глаза на Эмериха:

— Не оставляйте меня!

Скорбные и грустные шли они внизъ. И все же обоимъ хотѣлось бы, чтобъ эта скорбь и этотъ путь длились подольше.

Молодежь шла впереди, сзади старикъ. Онъ разболтался, сперва все восхвалялъ своихъ ословъ; потомъ началъ декламировать изъ Пѣсни Пѣсней. Ослы, встревоженные его громкимъ голосомъ, пошли не въ ногу.

— Какъ бы намъ не свалиться въ пропасть, — сказалъ Эмерихъ.

— О! это было бы хорошо, — сказала Іо.

— Вѣдь вы же только что боялись смерти, цѣплялись за меня и просили не оставлять васъ.

— Одной мнѣ не хотѣлось умирать; вдвоемъ — о да Впрочемъ, мнѣ и страшно было не за себя — за васъ. Мнѣ вдругъ представилось, что это я — та женщина въ Ломбардіи, которая теперь овдовѣла, а вы — этотъ несчастный съ подвязаннымъ подбородкомъ, котораго замуровали въ снѣжный склепъ. Это было такъ страшно... Я и теперь дрожу всѣмъ тѣломъ...

Тѣмъ временемъ докторъ продолжалъ философствовать. Сначала обращался къ нимъ; потомъ, видя, что имъ не до него, сталъ разсуждать съ самимъ собой.

— Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ такъ было бы лучше, — тихо сказалъ Эмерихъ, словно про себя, а не для Іо.

— Что было бы лучше?

— Если бъ я никогда сюда не пріѣзжалъ.

— Почему?

Онъ не отвѣтилъ; оба смолкли. Старикъ, воспользовавшись паузой, снова началъ проповѣдывать. Онъ всячески старался занять гостя, оказать ему вниманіе и ласку. И раза четыре спросилъ его:

— Когда же вы опять къ намъ?

— Можетъ быть, никогда.

Старикъ побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Никогда? Кто посмѣетъ сказать такое слово? Какъ вы рѣшаетесь произнести его? Глупое слово! только такіе самомнительные господа, какъ вы, рѣшаются употреблять его. Словно васъ спросятъ, чего вамъ хочется, куда вамъ хочется, гдѣ вы были бы счастливы и гдѣ вамъ лучше уничтожиться. Развѣ васъ спрашивали, когда вы родились, желаете ли вы родиться? Развѣ васъ спросятъ, гдѣ вы желаете быть погребеннымъ? Вонъ та черная, какъ католическій патеръ, ворона — столько же важный факторъ въ этомъ мірѣ, какъ и вы, любезный мистеръ Неверморъ [1]).

Хорошее настроеніе старика было испорчено; не вернулось оно и дома. Онъ ворчалъ и придирался къ инженеру, и поминутно говорилъ дочери:

---

[1]) Nevermore — по-англійски: никогда.

— Ты не очень-то вѣрь этому мосье Никогда. Эти городскіе баре много врутъ. И я тоже когда-то вралъ, какъ они.

Всѣ трое принужденно засмѣялись. Старикъ умолкъ, сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть на снѣгъ.

Вечеръ уже наступилъ, но лампы не зажигали. Снѣгъ освѣщалъ комнату.

Іо дала научное объясненіе этому свѣту. Она, вообще, очень старалась казаться умной и ученой. Она и въ самомъ дѣлѣ знала много, но въ знаніяхъ ея было много пробѣловъ. Она, напримѣръ, была отличнымъ маленькимъ электротехникомъ, но изъ всей венгерской литературы знала одного Петефи; въ Петефи воплотилась для нея вся поэзія; всѣ почти его стихотворенія она знала наизусть и, въ угоду гостю, декламировала ихъ, одно за другимъ, въ серебристомъ полусвѣтѣ, наполнявшемъ комнату, тихимъ, низкимъ, почти монотоннымъ контральто. Лишь изрѣдка вздрагивалъ этотъ голосъ, давая угадывать, что она чувствуетъ и понимаетъ міръ, изображенный поэтомъ.

Медленно-медленно стемнѣло; теперь они уже не видѣли другъ друга. Но никому не пришло въ голову попросить зажечь лампу. Такъ они въ темнотѣ и простились на ночь, безъ слова, безъ вздоха.

Быть можетъ, оба надѣялись, что до утра что-нибудь случится и не надо будетъ уѣзжать. Но ничего не случилось.

Утро было такое же холодное, темное и суровое, какъ всѣ раннія зимнія утра. Пріѣхалъ извозчикъ и постучалъ кнутомъ въ уже освѣщенное окно кухни. Старуха разбудила инженера.

Желтолицій докторъ уже покашливалъ въ сѣняхъ, дожидаясь гостя, чтобы проститься съ нимъ. Онъ простился сухо, даже не взглянувъ на гостя; и Эмерихъ не смотрѣлъ ни вправо, ни влѣво: казалось, самая душа его окоченѣла. Онъ сѣлъ въ повозку, велѣлъ кланяться Іо, старухѣ сказалъ: „Цѣлую ваши ручки“, а кучеру: „Трогай!“ И лошади тронули. Хозяинъ нѣкоторое время смотрѣлъ вслѣдъ отъѣзжающему, потомъ обернулся. За нимъ стояла Іо. Вся дрожа, раскинувъ руки, глядя на дорогу, на которой скрылась повозка.

— Уѣхалъ! — глухо выговорила она, блѣдная, какъ смерть.

Желтолицый взялъ ее за руку и буркнулъ:

— Чортъ его дери!

Іо все смотрѣла въ окно, хоть и ничего не могла видѣть; вѣтеръ скоро замелъ слѣды. Ничего не видно было въ окно, кромѣ изсиня-бѣлаго ровнаго безучастнаго снѣга.

Старикъ прикрикнулъ на нее:

— Ну, чего смотришь? Уѣхалъ и слава Богу. Скатертью дорога. Не за чѣмъ было и пріѣзжать. Этакое жулье!.. И зачѣмъ человѣкъ мѣшается въ Божьи дѣла. Оставили бы его тамъ лежать, на льду.

Его свѣтло-желтыя рѣсницы были влажны отъ гнѣва. Сжимая руку дочери, но не смѣя поднять глаза, словно тяжко виновный передъ нею, онъ говорилъ:

— Твоя мать была права: недаромъ ей глядѣть на него не хотѣлось. Она хорошая, умная женщина, мать, не такая глупая фантазерка, какъ мы съ тобой. Она единственный разумный человѣкъ здѣсь въ домѣ; а мы съ тобой юродивые, и я на ней женюсь: пойду къ пастору и перевѣнчаюсь съ ней.

Іо все смотрѣла въ окно: она не слушала отца; лишь изрѣдка ловила отдѣльныя слова.

— Зачѣмъ онъ пріѣхалъ сюда! — выговорила она чуть слышно. — И зачѣмъ уѣхалъ! И рѣшительно отвернулась отъ окна.

Въ единый мигъ она измѣнилась: щеки ея пылали: она стиснула руку отца и, скрививъ губы, словно вотъ-вотъ заплачетъ, воскликнула:

— Я хочу, чтобъ онъ вернулся!

Она топнула ножкой, оттолкнула руки отца и съ стихійной странностью выкрикнула:

— Не пускай его, не позволяй ему уѣхать! Я хочу, чтобъ онъ остался со мной. Хочу, чтобы онъ былъ моимъ!

Старикъ понурилъ голову и смиренно шепнулъ:

— Что же мнѣ дѣлать? Скажи мнѣ, что я долженъ дѣлать

Дѣвушка властно подняла руку.

— Верни его!

— Вернуть? Онъ не придетъ. Онъ не можетъ придти, дочурка моя, моя королевна, моя фіалочка, ну, будь же умницей, пойми — вѣдь онъ же не можетъ придти, онъ, глупый, женится, его невѣста ждетъ. Богъ съ нимъ. Ты себѣ лучшаго найдешь; онъ же принадлежитъ другой, онъ не хочетъ тебя. Неужто же ты будешь вѣшаться ему на шею, ты, моя королевна? Пфа!

Онъ скорчилъ презрительную мину, словно собирался плюнуть, но не плюнулъ.

— Это неправда, неправда! неправда! — закричала Іо такъ громко, что перепуганная старуха просунула голову въ дверь, но тотчасъ же снова спряталась.

Дѣвушка разрыдалась, невнятно причитая:

— Уѣхалъ, мой милый, хорошій, красивый! Уѣхалъ онъ, посланный сюда, чтобы на рукахъ унести меня отсюда. Вѣдь, я для него и радость, и покой, весь міръ. Меня онъ хочетъ, только меня и никого другого!

Старикъ прижалъ къ груди свое дитя.

— Что же мнѣ дѣлать? Скажи, что же я могу сдѣлать, если онъ тебя не любитъ, если онъ боится, если свѣтъ отнимаетъ его у тебя?

— Свѣтъ? — Іо изумленно подняла глаза на отца, словно она въ первый разъ въ жизни услыхала это слово.

— Да, свѣтъ, разлучающій тѣхъ, кто тянется другъ къ другу съ непреодолимой страстью. Честность, которая есть не что иное, какъ глупость и мошенничество.

Онъ яростно сжалъ кулаки.

— Но я приведу его назадъ къ тебѣ, силой приведу. Оторву его отъ невѣсты и насильно заставлю быть счастливымъ съ тобой, моя царевна.

Немного успокоившись, онъ посадилъ дочку къ себѣ на колѣни и началъ гладить ея волосы:

— Ну, вотъ, видишь, моя королевна, какъ намъ хорошо было съ тобой, пока мы жили одни, безъ чужихъ. Зачѣмъ же ты меня оставила, зачѣмъ ушла отъ меня?

Въ голосѣ старика звучала глубокая скорбь. Онъ осушилъ слезы Іо, но у него у самого глаза были влажные.

— Это большое несчастье, большое несчастье, но мы не сдадимся. Я не поддамся, я! Если вы милы другъ другу, если любите другъ друга, изъ васъ должна быть пара. Я это сдѣлаю, я — вотъ увидите!..

Іо нѣжно обняла голову старика и заглянула ему въ глаза, успокоенная, облегченная, гордая своимъ отцомъ.

— Вотъ какой ты сильный, вотъ ты какой могучій!

И дѣйствительно, этотъ маленькій, тщедушный, желтолицый человѣчекъ казался сильнымъ и могучимъ въ этотъ моментъ, когда онъ, гордо выпрямившись, стоялъ рядомъ съ дочерью и, наморщивъ высокій, блестящій лобъ, смотрѣлъ въ окно, ища на снѣговомъ полѣ, сливающемся съ небомъ, неподвижной точки...

IV.

Они спали, спали безъ конца. Іо четыре дня не выходила изъ своей комнаты. Домъ весь притихъ угрюмо, кромѣ старухи, которую радовали двѣ вещи: во-первыхъ, то, что докторъ призвалъ ее и на ея родномъ языкѣ, румынскомъ, объявилъ ей, что онъ, послѣ двадцати одного года совмѣстной жизни, убѣдившись въ ея вѣрности и самоотверженности, женится на ней, пойдетъ съ нею къ священнику и попроситъ ихъ обвѣнчать. Второй радостью для старухи, менѣе важной, но, можетъ быть, болѣе сильной, было то, что ей удалось, наконецъ, заставить ѣсть своихъ свинокъ, вообразившихъ, будто онѣ страдаютъ отсутствіемъ аппетита. А потому она чувствовала себя счастливой и оставила мужа и дочь въ покоѣ. Вѣдь они, все равно, были сами по себѣ и всегда вдвоемъ, но не съ нею, и даже говорили между собой на языкѣ, ей непонятномъ.

Теперь они, впрочемъ, цѣлыми днями не разговаривали. Даже избѣгали смотрѣть другъ на друга. И, хотя по ночамъ оба не спали, противъ своего обыкновенія не одѣвались, чтобы вмѣстѣ почитать.

Такъ прошла почти цѣлая недѣля въ томительномъ безмолвіи, въ смутномъ тягостномъ ожиданіи.

— Вы поссорились, что ли? — допытывалась старуха.

Іо утвердительно кивнула головой. Но вдругъ опомнившись, подбѣжала къ отцу и принялась ласкаться къ нему, говоря:

— Нѣтъ, я не сержусь на тебя. Теперь все прошло, совсѣмъ прошло.

Ея губы дрожали отъ сдержанной боли, но она владѣла собой. И не плакала. Только по ночамъ рыдала, уткнувшись въ подушку, и не отвѣчала, когда отецъ заговаривалъ съ ней. Тщетно старикъ приходилъ къ ней въ комнату, тщетно уговаривалъ ее... Она была безутѣшна.

— Ну, говори же, что я долженъ сдѣлать. Убить? Кого убить?

Цѣлый часъ онъ бился, и молилъ, и успокаивалъ ее, и только черезъ часъ замѣтилъ, что она спитъ и не слышитъ его, и плачетъ во снѣ.

Но на утро на лицѣ Іо не видно было слѣдовъ слезъ. Наоборотъ, она была, казалось, въ отличномъ расположеніи духа. Она выбѣгала въ сѣни и хлопала въ ладоши, радуясь причудамъ погоды. Въ началѣ января неожиданно настала

весна. Все растаяло; все вокругъ превратилось въ живое, текучее серебро.

Лишь вдали, далеко-далеко показалась движущаяся черная точка.

Іо поблѣднѣла.

— Что тамъ такое, отецъ?

— Человѣкъ.

— Нѣтъ, повозка.

Отецъ и дочь переглянулись.

— Это онъ; онъ вернулся, — тихо выговорила Іо.

Сидя, почти спокойно, ждала она, пока повозка подъѣхала. Зато тѣмъ больше волновался докторъ. Онъ надѣялся, волновался, разочаровывался, злился.

— Ну, разумѣется, это извозчикъ.

— Какое. Это известь везутъ изъ Бактара.

— Нѣтъ, это бричка изъ Тарда. Ужъ не спорь, я же вижу.

— Да нѣтъ же, это таможенникъ.

Повозка скрылась за холмомъ. Старикъ съ комическимъ отчаяніемъ взглянулъ на дочь; та улыбнулась.

— Я, навѣрное, знаю, что это онъ. Пойдемъ въ комнаты чтобъ онъ не подумалъ, что мы ждали его на улицѣ. Или, можетъ быть, пойдемъ ему навстрѣчу?

Не прошли они и тридцати шаговъ по размокшей дорогѣ, какъ уже стало для нихъ несомнѣннымъ, что въ телѣжкѣ, дѣйствительно, сидитъ Эмерихъ Баласса. Старикъ отъ радости едва не вскрикнулъ и не заплясалъ на улицѣ.

Дѣвушка очень спокойно поздоровалась съ гостемъ, какъ будто онъ и не уѣзжалъ. Зато радость старика была бурной и шумной.

— Ну, вотъ видите, чего стоитъ ваше „никогда". Вотъ видите, вы вернулись, и ничто вамъ не мѣшаетъ навсегда остаться у насъ.

Онъ слова не далъ сказать гостю, буквально стащилъ его съ повозки, самъ снялъ съ него шубу, готовъ былъ на рукахъ внести его въ домъ. Кричалъ, чтобъ подавали ужинъ, обѣдъ, вино, топили печи. Баласса, наоборотъ, ото всего отказывался.

— Мнѣ, собственно, не слѣдовало бы даже изъ экипажа выходить. Я радъ васъ повидать, но я пріѣхалъ не за этимъ. Я за вами пріѣхалъ, докторъ. Поѣзжайте со мной. Покушайте и одѣвайтесь.

— Куда? — спросила, блѣднѣя, Іо.

Это былъ единственный вопросъ, съ которымъ она обратилась къ Эмериху.

И онъ теперь только въ первый разъ повернулся къ ней; но взглядъ его лишь скользнулъ по ея фигурѣ, боязливо, пламенно, уныло — лишь на мигъ. Онъ снова повернулся къ доктору.

— Моя невѣста больна. Врачи не знаютъ, что дѣлать.

— Чѣмъ она больна? Какіе симптомы? — докторъ весь побагровѣлъ отъ волненія.

— Въ томъ-то и горе, что никакихъ симптомовъ. Она таетъ, какъ свѣчка, а отчего — невѣдомо. Все зябнетъ, съѣсть что-нибудь не упросишь, чахнетъ на глазахъ день ото дня. Одинъ врачъ предполагаетъ психическую причину: говоритъ, что, когда я лежалъ здѣсь больной и малютка не знала, почему я не ѣду, она такъ измучилась, что слѣдствіемъ душевныхъ волненій было физическое истощеніе. Другой говоритъ, что это у нея наслѣдственное малокровіе, чахотка, ужъ и не знаю, что еще. А я знаю только одно, что оба они дураки и невѣжды, и просто фокусничаютъ, потому что не умѣютъ вылѣчить больной.

— А свадьба? — спросилъ докторъ.

— Отложена.

— Не лучше ли было бы, въ интересахъ дѣвушки, совсѣмъ похерить свадьбу?

— Нѣтъ, не лучше, — сухо сказалъ Баласса.

Старикъ ходилъ изъ угла въ уголъ, сердито бормоча себѣ подъ носъ:

— Надо помочь... конечно... это долгъ мой... молодость свое возьметъ. Вылѣчить можно...

— Я затѣмъ и пріѣхалъ къ вамъ, чтобы вы ее вылѣчили. Вамъ это удастся, вамъ я вѣрю, — сказалъ Эмерихъ, поднимаясь съ мѣста.

— Если возможно, ѣдемте сейчасъ же.

Они поѣхали. Іо сама хлопотала о томъ, чтобъ имъ было удобнѣй ѣхать, положила имъ въ ноги нагрѣтые кирпичи; заставила ихъ взять съ собою теплый пледъ. Сама ихъ торопила и крикнула имъ вслѣдъ: „До свиданья!“ Потомъ побѣжала на верхнюю веранду и смотрѣла имъ вслѣдъ, пока они не скрылись изъ виду. И еще долго потомъ стояла на верандѣ, мысленно слѣдя ихъ путь... до самаго конца... Вотъ они входятъ въ пасторскій домъ... теперь передъ ними невѣста. Отецъ подходитъ къ ней, велитъ ей сѣсть, беретъ ея

руку, гладитъ... Какая она изъ себя?.. красивая?.. Вылѣчитъ ли ее отецъ?..

V.

Стилизованная, въ духѣ прерафаэлитовъ, святая Дѣва стояла передъ докторомъ. Вся бѣлая, прозрачно-бѣлая и прозрачно-зеленая. И улыбалась чаянному избавителю. И улыбка ея казалась также стилизованной, и стилизованнымъ нѣжный, чуть розоватый румянецъ, выступившій на ея щекахъ отъ этой улыбки.

Трогательный обликъ, тѣнь человѣка, едва окрашенная тѣнь. И эта тѣнь хочетъ отнять у его дочери самою кровью предназначеннаго ей суженаго? И эта тѣнь хочетъ на пути къ алтарю переступить черезъ тѣло его дочери, здоровой, сильной, полной буйной жизни? Это ничтожество, не умѣющее даже быть счастливымъ по-человѣчески, хочетъ сдѣлать несчастной его Іо, его прекрасную, жаждущую любви, единственную Іо?

На минуту отецъ взялъ верхъ въ его душѣ надъ врачемъ. Но тотчасъ же онъ овладѣлъ особой и уже не глядѣлъ на пасторскую дочку, а щупалъ ей пульсъ.

— Костякъ совсѣмъ хорошій, — бормоталъ онъ себѣ подъ носъ. — Пульсъ нормальный, — объявилъ онъ громко. — Не думаю, чтобы здѣсь имѣлось налицо какое-нибудь органическое разстройство, но и спѣшить съ внимательнымъ осмотромъ тоже не хочу. До вечера времени много, это еще успѣется.

Пропитанная скорбью и запахомъ лаванды комната какъ будто ожила; въ ней стало положительно свѣтлѣй отъ этихъ словъ, отъ появленія въ ней желтолицаго. Не прошло и получаса, какъ дѣвушка порозовѣла, и Эмерихъ Баласса съ изумленіемъ замѣтилъ, что невѣста украдкой ищетъ его руки и пожимаетъ ее.

„Малютка вѣритъ мнѣ — это не плохо“, — думалъ докторъ, глядя на дѣвушку и видя, что щеки ея порозовѣли и острый подбородокъ словно округлился. Улыбка уже не сходила съ ея личика, и теперь она отвѣчала на вопросы.

Докторъ тоже предложилъ ей нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ поступилъ, какъ всегда: словно позабывъ, что въ комнатѣ есть больная, началъ говорить, по обыкновенію, много и интересно, ополчаясь на больныхъ и на болѣзни.

Какъ всегда, онъ доказывалъ, что здоровый духъ живетъ только въ здоровомъ тѣлѣ, доводя до крайности эту теорію, увѣряя, что не стоитъ и лѣчить больныхъ, страдающихъ

органическими недугами, ибо поддерживать въ нихъ жизнь, значитъ, вредить другимъ, вредить всему человѣчеству. Государство само должно взять на себя уничтоженіе тѣхъ, кто страдаетъ органическими, неизлѣчимыми недугами. Онъ долго и краснорѣчиво распространялся на эту тему, которая была его конькомъ; къ счастью, его никто не понялъ, кромѣ инженера; прочіе только дивились его краснорѣчію, его умѣнью говорить и звучному пріятному тенору, который, исходя изъ этихъ увядшихъ устъ, испорченныхъ зубовъ, звучалъ прямо чарующе.

Онъ говорилъ, а самъ все приглядывался къ пасторской дочкѣ. И видѣлъ, какъ она постепенно оживлялась, какъ, при каждомъ благопріятномъ для нея словѣ доктора розовѣли ея щечки, какъ она сама начинала вѣрить, что она совсѣмъ здорова. И онъ то ликовалъ, то погружался въ безысходное уныніе. Онъ видѣлъ, что ему стоитъ только захотѣть, чтобы черезъ нѣсколько недѣль головку дѣвушки увѣнчалъ свадебный вѣнокъ изъ флеръ д'оранжа.

— Боже мой! и пусть ее. Пусть эта бѣдная дѣвочка окутаетъ свою головку вѣнчальной фатой... быть можетъ, погребальнымъ покровомъ его дочери...

Онъ вдругъ запнулся посрединѣ фразы. Задумался и не слыхалъ, какъ пасторша начала жаловаться на упрямство своей дочки и приписывать всѣ ея недуги тому, что она съ дѣтства по утрамъ ничего не ѣла.

Нестерпимая боль сдавила сердце старику. Ноздри его расширились, словно ему вдругъ не хватило воздуха. Онъ съ изумленіемъ оглядѣлся вокругъ, какъ будто очутившись въ незнакомой улицѣ. И пришелъ въ ярость, замѣтивъ, какъ эта стилизованная святая украдкою сжимаетъ руку жениха.

— Эта тѣнь, это ничтожество! Она еще желаетъ любить! Хочетъ отнять у его дочки ея милаго, по праву ей принадлежащаго, нарочно созданнаго для нея! Эта воплощенная слабость, эта дѣвушка, предназначенная быть матерью больныхъ дѣтей, создавать поколѣнія, удѣлъ которыхъ вѣчные недуги, этотъ губительный для расы типъ, это жалкое, унылое созданьице будетъ жить, а его цвѣтущій отпрыскъ, полный буйныхъ соковъ жизни, долженъ погибнуть?

Онъ оглядѣлся вокругъ, не видитъ ли кто-нибудь его мыслей. Не высказалъ ли онъ ихъ словами въ то время, какъ сердце его корчилось отъ боли и ярости. Нѣтъ, люди вокругъ него говорили спокойно, добродушно, а глазки дѣвушки становились блестящими.

Ему ненавистны были эти глаза, ненавистна вся дѣвушка. И это чахлое созданьице долженъ онъ вылѣчить, подержать ему свѣчку, пока оно будетъ одѣваться къ вѣнцу. Этакихъ-то лѣчить, сохранять? Ненужныхъ для жизни?

На мигъ у него помутилось въ головѣ.

Нѣтъ! Убить, уничтожить. Вотъ, что долженъ онъ сдѣлать, если онъ справедливый и мужественный человѣкъ.

Убить? Нѣтъ, но предоставить все на волю природы, и пусть надъ дѣвушкой исполнится ея справедливый приговоръ. Уничтожить? Исподтишка, коварно? Это было бы гнусно, хоть и справедливо. Справедливо и съ его точки зрѣнія, и съ точки зрѣнія интересовъ человѣчества. Въ сущности, онъ только исполнилъ бы свой долгъ врача, содѣйствуя уничтоженію этой дѣвушки, этого, несомнѣнно, ненадежнаго, даже вреднаго матеріала.

Мораль говоритъ другое. Присяга запрещаетъ ему сдѣлать это... Но что ему мораль? Пусть думаютъ объ этомъ тѣ, кому это идетъ на пользу. Для него важно лишь одно: кровь, порода, здоровое человѣчество, интересамъ котораго служить для него и радость, и долгъ.

Но какъ же ему выполнить свой долгъ, когда другой долгъ — долгъ присяги — велитъ ему поставить на ноги это чахлое созданіе, вернуть его въ объятія жениха и тѣмъ навѣки помѣшать соединиться людямъ, созданнымъ другъ для друга, составляющимъ дивную пару? То, что одна изъ половинокъ этой пары его дочь, — это дѣло второстепенной важности; тутъ главное...

Ахъ, главное, вѣдь, только въ томъ, чтобы у пасторской дочери явился аппетитъ... Онъ вытеръ потъ со лба, непомѣрно высокаго, подумалъ немного и выговорилъ вслухъ:

— Главное, чтобъ вы имѣли довѣріе ко мнѣ. Предоставьте эту дѣвицу въ полное мое распоряженіе. Я почтительно отказываюсь отъ сотрудничества моихъ коллегъ.

— Все будетъ такъ, какъ угодно господину доктору, — отвѣтилъ пасторъ.

Докторъ былъ пораженъ. Неужто этотъ человѣкъ отгадалъ его мысли? Ахъ, да. Въ волненіи онъ заговорилъ громко. И онъ продолжалъ въ томъ же духѣ, чтобы не вызвать подозрѣнія:

— Итакъ, приступимъ къ дѣлу. Давайте посмотримъ барышню. Только, чуръ, не конфузиться. Мужчинъ прошу уйти; мамаша можетъ оставаться.

Изслѣдованіе длилось добрыхъ полчаса; докторъ заставилъ дѣвушку раздѣться до сорочки. Онъ качалъ головой: у тринадцатилѣтней дѣвочки грудь больше развита, чѣмъ у нея.

Онъ едва удержался, чтобъ не высказать этого. Едва сдержалъ себя, чтобъ не воскликнуть:

— Стыдъ и срамъ! Съ такимъ тщедушнымъ тѣльцемъ идти замужъ!

Но, вѣдь, женихъ тотчасъ насторожился бы; и родители, и сама дѣвушка сразу утратили бы въ него вѣру.

Онъ сѣлъ къ столу и написалъ рецептъ. Желѣзо, только лишь желѣзо. Дѣвочка должна окрѣпнуть. Ничего у нея нѣтъ, кромѣ слабости и того, что она очень ужъ эѳирное созданіе и совсѣмъ не заботится о себѣ.

— Немножко желѣза, немножко здороваго эгоизма, и все будетъ въ порядкѣ.

Онъ написалъ рецептъ, условный, заурядный, лично ему не внушавшій довѣрія, но всѣми рецептурными учебниками признанный полезнымъ и дѣйствительнымъ. Чѣмъ была больна невѣста, — этого онъ и самъ не могъ понять. Быть можетъ, у нея и ничего нѣтъ; просто ея организмъ не можетъ приспособиться къ условіямъ жизни людей. Она не терпитъ мяса, а растительная пища недостаточно питательна для ея организма. Быть можетъ, и вправду, ее такъ истощила тревога, мучительное ожиданіе, страхъ, что она можетъ потерять любимаго.

Докторъ обѣщалъ опять пріѣхать и, дѣйствительно, сталъ ѣздить каждый день, несмотря на трудную дорогу.

И выздоровленіе дѣвушки шло гигантскими шагами.

„Почему? — спрашивалъ себя желтолицый, постегивая косматыхъ осликовъ, вяло бѣжавшихъ домой. Потому что она вѣритъ мнѣ“, — отвѣчалъ онъ самъ себѣ. И смѣялся — горькимъ, насмѣшливымъ, зловѣщимъ смѣхомъ.

Дома, съ Іо, онъ говорилъ обо всѣхъ своихъ паціентахъ, только не объ этой. Вообще, дома онъ ходилъ съ поджатымъ хвостомъ, какъ побитая собака. Озабоченно и недовѣрчиво взглядывалъ онъ на дочь, когда она ласкалась къ нему и по привычкѣ гладила ему подбородокъ. Въ такія минуты и глаза у него становились, какъ у старой собаки. И онъ ворчалъ:

— Оставь меня въ покоѣ!

Она и оставляла; только разъ спросила:

— Когда тамъ будутъ играть свадьбу?

Онъ не посмѣлъ сказать ей правду, не посмѣлъ сказать,

что въ домикѣ пастора взошло смѣющееся солнце, что пасторша уже перебираетъ изюмъ для свадебнаго пирога. Онъ навралъ своей дѣвочкѣ съ три короба, чтобы только поддержать въ ней надежду.

Сколько же еще ждать? Чего онъ ждетъ? На какой счастливый случай надѣется?

Цѣлыми ночами Іо слышала, какъ отецъ ея ходитъ изъ угла въ уголъ. Иногда она приходила къ нему, и они начинали болтать, какъ прежде. Отецъ ухаживалъ за дочерью, словно влюбленный, старался какъ-нибудь развлечь, разсѣять ее.

— Если бы люди знали, что за принцесса живетъ въ этой лачугѣ.

Іо низко опускала голову.

— Не надо мнѣ никого, я ненавижу людей, — говорила она, какъ во снѣ.

— Кого же ты любишь?

— Мнѣ хотѣлось бы умереть.

Оба умолкали. Желтолицый докторъ оглядывался, не подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь. Потомъ склонялся къ дочери и спрашивалъ ее тревожнымъ шепотомъ:

— Ты очень любишь его?

— Очень.

— Хочешь, чтобъ онъ былъ твоимъ?

— Хочу.

— А если это невозможно?

Дѣвушка не отвѣчала; широко раскрытыми глазами смотрѣла она на пламя свѣчи. Старикъ продолжалъ допытываться:

— Могла бы пережить это? Могла бы ты жить безъ него?

— Нѣтъ.

Былъ уже бѣлый день на дворѣ, когда они разошлись. Докторъ поѣхалъ въ городъ за лѣкарствами, такъ какъ аптеки по всей округѣ не было, и ему приходилось изъ своей домашней аптечки снабжать медикаментами шесть деревень. По большой части онъ самъ и приготовлялъ лѣкарства по своимъ рецептамъ, что доставляло ему много непріятностей, такъ какъ крестьяне торговались или же не платили вовсе, такъ что онъ приплачивалъ изъ своего кармана. И самые досадные для него дни были, когда ему приходилось ѣздить въ городъ за лѣкарствами. Но въ этотъ разъ онъ торопился въ городъ, хотя могъ и повременить еще. Вернулся домой поздно вечеромъ и, не отдыхая, поѣхалъ снова въ Тардъ, чтобъ навѣстить невѣсту. Видъ у нея былъ хуже обыкновен-

наго, хоть она и ни на что не жаловалась. Докторъ пощупалъ пульсъ:

— Да, маленькая лихорадка, — буркнулъ онъ угрюмо. — Придется опять подлѣчить ее.

Родители, испуганные, хотѣли телеграфировать жениху, хотя было условлено, что онъ пріѣдетъ только за два дня до свадьбы, а до этого оставалось еще цѣлыхъ двѣнадцать дней.

— О, до тѣхъ поръ мы будемъ танцовать! — пошутилъ докторъ. И уѣхалъ, пообѣщавъ завтра пріѣхать снова и привезти лѣкарство.

Въ первые дни больной полегчало; на щекахъ ея выступила краска; къ ней возвращались силы и бодрость. Но уже на слѣдующее утро ей стало хуже и съ каждымъ днемъ она становилась блѣднѣе и безсильнѣе. Съ открытыми глазами, молча, лежала она на диванѣ, безъ слезъ, безъ жалобъ, безъ улыбки на лицѣ.

Кончина была такой легкой, что ея никто и не замѣтилъ. Безмолвно, скромно окутанная тайной ночи отлетѣла жизнь изъ тѣла бѣдной дѣвочки, за послѣдніе дни ставшаго почти прозрачнымъ. Утромъ, когда мать принесла ей въ постель парного молока, блѣдное дитя не протянуло за нимъ руки, какъ обыкновенно.

Ее будили, звали, не хотѣли вѣрить, что она мертва. Въ полдень пріѣхалъ докторъ и вывелъ всѣхъ изъ комнаты.

— Оставьте бѣдную. Пусть покоится въ мирѣ.

Какъ докторъ и старикъ, онъ плакалъ вмѣстѣ съ остальными, всхлипывая, блѣднѣя, совсѣмъ разстроившись отъ огорченія, хотя въ его глазахъ это было только обычнымъ медицинскимъ случаемъ...

...Пришли крестьяне поглазѣть на покойницу... пріѣхалъ Эмерихъ Баласса. Бѣлоснѣжку уложили въ крашеный зеленой краской гробъ. Былъ апрѣль, канунъ Пасхи; на похороны сошлась вся деревня. Женщины наплакали полные передники; крестьянскія дѣвушки въ пышныхъ юбкахъ полными слезъ глазами смотрѣли, какъ зеленый гробъ, украшенный цвѣтами, положили на только что наломанныя вѣтки, съ нераспустившимися почками. Гробъ несли съ каждой стороны по три парня, съ обнаженными саблями; на кончикѣ блестящей сабли у каждаго былъ проткнутый лимонъ.

Женихъ, шатаясь, шелъ за гробомъ; онъ былъ совсѣмъ убитъ и шагалъ машинально, самъ не понимая, гдѣ онъ и какъ попалъ сюда.

Позади него трусилъ мелкой рысцой желтолицый докторъ. И все заговаривалъ съ женихомъ; но такъ какъ тотъ не реагировалъ на это, онъ самъ отвѣчалъ на свои вопросы. Потомъ, когда ему удалось, наконецъ, добиться отъ измученнаго жениха вялаго: „да", онъ вдругъ повеселѣлъ. А по возвращеніи съ кладбища совсѣмъ ожилъ и на прощанье цѣлую минуту трясъ руку инженера.

— Мы ждемъ васъ, — выговорилъ онъ медленно, значительно, подмигнувъ Балассѣ.

Тотъ машинально кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Мы ждемъ вашего возвращенія, — еще разъ шепнулъ старикъ. И сѣлъ въ свою телѣжку.

И Баласса явился. Гораздо раньше, чѣмъ они думали и надѣялись. Не прошло и мѣсяца, какъ у него оказалось „дѣло" въ этой мѣстности. Онъ пріѣхалъ на могилу къ одной невѣстѣ — повидать другую. Жалость къ одной, любовь къ другой вновь привела его сюда.

VI.

Восемь мѣсяцевъ спустя въ тардской церкви обвѣнчали инженера съ Іо. Такъ захотѣлъ Баннай. Само собою, для того, чтобъ у его дочери бумаги были всѣ въ порядкѣ, онъ сперва самъ перевѣнчался по всей формѣ со старухой.

Іо мало интересовалась свадьбой.

— Я бы и такъ пошла за тобой, — говорила она, — какъ мать за отцомъ.

Всѣ эти проволочки, оглашеніе, вѣнчаніе, были докучны ей; она боялась проповѣди, боялась зрителей и, въ глубинѣ души, боялась печальнаго лица пастора. И не могла понять, зачѣмъ она должна вѣнчаться въ той самой церкви, гдѣ еще недавно украшали цвѣтами скамью передъ алтаремъ для ея предшественницы.

Желтолицый докторъ дѣлалъ хитрое лицо.

— Конечно, тамъ надо вѣнчаться. Господу Богу все равно, годомъ раньше, годомъ позже это потонетъ въ пучинѣ временъ — точно такъ же, какъ Ему все равно, которая изъ многихъ-многихъ милліоновъ дѣвушекъ украситъ въ этотъ день свою голову миртовымъ вѣнкомъ.

Женихъ съ невѣстою не понимали его, но они уже привыкли къ тому, что старикъ отъ избытка ума иной разъ болтаетъ непонятное, и покорились его волѣ, и поклялись другъ

другу въ вѣрности на вѣки вѣчные въ маленькой скромной деревенской церкви.

Снова надвигалась зима; снова деревни стояли въ снѣгу. Не легко было по глубокому снѣгу добраться до кладбища, но все-таки передъ отъѣздомъ молодые пошли проститься съ Бѣлоснѣжкой. И отворачивались другъ отъ друга, чтобъ не глядѣть одинъ на другого ласково передъ этимъ бѣлымъ холмикомъ. И, хотя губы ихъ жаждали поцѣлуевъ, оба поцѣловали только крестъ на могилѣ, сперва мужъ, потомъ жена.

Потомъ они уѣхали. Старикъ проводилъ ихъ только до границы. И тамъ простился съ ними, насильно вырвавшись изъ объятій дочери, махнулъ рукой, жестомъ, который постороннему показался бы смѣшнымъ, и молвилъ:

— Уѣзжайте! Скорѣй уѣзжайте!

Іо, дрожа отъ волненія, допытывалась:

— Отецъ, когда же ты пріѣдешь къ намъ?

— Завтра... никогда... нескоро... долго не пріѣду...

Трудно было даже понять, что онъ такое говоритъ. Одно лишь поняли они, что онъ хочетъ, чтобъ они скорѣй уѣхали

И они мчались, мчались... скоро высокіе, покрытые снѣгомъ холмы остались позади; они пріѣхали въ край, гдѣ цвѣла весна.

Наконецъ, они были дома. Не прошло еще полныхъ сутокъ, а они ужъ убѣдились, что нѣтъ и не можетъ быть въ мірѣ ничего естественнѣй того, что они вмѣстѣ, нераздѣльно, навсегда. Имъ казалось, что такъ это всегда и было, и всегда будетъ. Они до того слились воедино, что потеряли разумъ и говорили всякій вздоръ.

— Кто я? — спрашивала Іо.

— Я, — отвѣчалъ Эмерихъ.

— Откуда ты меня привезъ?

— Я тебя привезъ?

Въ освѣщенной газомъ квартиркѣ большого, казарменнаго типа, многоэтажнаго дома свила себѣ гнѣздо юная, пылкая, наивная любовь. Шумъ, проникающій черезъ тонкія, изъ кирпича сложенныя стѣны не мѣшалъ имъ; они наслаждались одиночествомъ столицы, гдѣ оглушительный шумъ замѣняетъ тишину. Они видѣли и слышали только другъ друга, прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а они все еще испуганно вздрагивали, когда кто-нибудь стучался къ нимъ.

Они кого-то ждали, боялись кого-то, кто можетъ стать между ними.

Но никто и ничто не мѣшало имъ, кромѣ работы, канцеляріи, отнимавшей у инженера значительную часть дня. Іо цѣлыми днями сидѣла одна, пополняя пробѣлы своего воспитанія. Отецъ далъ ей миѳологическое имя и соотвѣтствующее воспитаніе; о домашнемъ хозяйствѣ, о женскихъ рукодѣльяхъ она не имѣла понятія. На кухнѣ оказалась до того невѣжественной, что служанкѣ даже не доставляло удовольствія обманывать ее. Іо давала ей гульденъ на паприку и радовалась, какъ ребенокъ, когда служанка приносила съ рынка хлѣбецъ такой же формы, какіе пекли у нихъ дома. Стряпня была для нея загадочнѣй всякой алхиміи, и она дивилась умѣнью служанки сварить изъ овощей и мяса супъ.

Мужъ ласково подтрунивалъ надъ нею. Въ особенности, надъ тѣмъ, что она обращалась со служанкой, какъ съ учительницей, какъ съ существомъ высшей породы; той, понятное дѣло, это очень нравилось, и она, съ своей стороны, была такъ груба съ молодой госпожей, что иной разъ доводила ее до слезъ. Іо только грозилась:

— Вотъ погодите: пусть только пріѣдетъ моя мама!..

Она охотно повидалась бы съ матерью, послушала ея совѣтовъ. Но мать не ѣхала и не писала, просто потому, что она писать и не умѣла.

Докторъ писалъ еженедѣльно длинныя письма, любовные диѳирамбы дочери и зятю. Но порой у него проскальзывали нотки непонятной обиды и гнѣва:

— Не стану больше писать: Іо не любитъ меня; она невѣрная, неблагодарная, не цѣнитъ того, что я былъ для нея и отцомъ, и нянькой, и кавалеромъ, и учителемъ и ея браво...

VII.

Ея браво? Что онъ хотѣлъ сказать этимъ? Оба не поняли, но не огорчились этимъ и не обидѣлись на старика. Они настойчиво вызывали его въ Будапештъ подъ разными правдивыми и выдуманными предлогами, но тщетно. Онъ напрямикъ заявилъ, что не пріѣдетъ, потому что не желаетъ видѣть ихъ въ обстановкѣ большаго города.

— А если бы я заболѣла? — спрашивала Іо.

— И тогда не пріѣхалъ бы, — отвѣчалъ старикъ.

Два дня спустя послѣ полученія этого письма, подъ вечеръ, когда Эмерихъ уже собирался уходить, въ его канцелярію вошелъ старикъ. Тесть и зять обнялись; въ глазахъ желтолицаго стояли слезы. Стыдясь своей радости, онъ озирался:

— Здѣсь никого нѣтъ?

Они были одни. Старикъ усѣлся.

— Усталъ я; только что пріѣхалъ; ѣхалъ безостановочно.

— Какъ? Прямо съ вокзала? Вы развѣ еще не были у насъ?

— Нѣтъ, и не буду. Не хочу, чтобъ Іо видѣла меня, чтобъ она знала о моемъ пріѣздѣ.

— Что такое случилось?

— Ничего. Мнѣ нужно повидать здѣшнихъ врачей; я привезъ сюда богатую паціентку; она немножко помѣшана... Да нѣтъ, чортъ возьми! Зачѣмъ тутъ врать? Я самъ хочу посовѣтоваться съ врачами; меня терзаетъ жестокій нервный недугъ. Представь себѣ: у меня каждый день галлюцинаціи; мнѣ мерещится твоя бывшая невѣста, пасторская дочка, она разговариваетъ со мной. Иду отъ одного мужика къ другому, и по дорогѣ изгороди оживаютъ, и изъ кустовъ я слышу ея голосъ.

— И что же она говоритъ вамъ? — разсѣянно спросилъ Баласса, разыскивая на столѣ свои манжеты.

— Да всякій вздоръ: „Извините, господинъ докторъ, но, и я имѣю право жить. Жизнь такъ прекрасна, и жизнь дается только разъ. А вы отняли у меня мою жизнь — да, отняли. Зачѣмъ вы это сдѣлали? Зачѣмъ? Зачѣмъ вы отравили меня?“

Послѣднія слова онъ выговорилъ шопотомъ, дрожа. Согбенный, весь точно надломленный, онъ былъ скорѣй комиченъ. Однакожъ Эмерихъ Баласса пришелъ въ ужасъ.

— Но вѣдь это же сумасшествіе! — выговорилъ онъ, понизивъ голосъ и озираясь, не слышитъ ли его кто посторонній.

— Нѣтъ, это правда, — спокойно сказалъ докторъ.

Было темно въ просторной канцеляріи; лишь пламя газоваго рожка, горѣвшаго надъ письменнымъ столомъ, освѣщало два мертвенно-блѣдныхъ лица.

— Это правда, — громко и гнѣвно повторилъ желтолицый. — Дѣвушка не лжетъ: я отравилъ ее.

— Отравили? Что за нелѣпость! Можетъ быть, недостаточно хорошо лѣчили, но, значитъ, лучше не умѣли. Но развѣ это можетъ вызвать душевное заболѣваніе? Бѣдняжка должна была умереть, потому что такъ было ей суждено.

Зять заглядывалъ въ глаза тестю, ища въ нихъ безумія, взялъ его за руку, силился утѣшить, успокоить. Докторъ отвернулъ голову.

— Не смотри на меня такъ, не то я самъ повѣрю, что я спятилъ. А я же знаю вѣдь, что я не сумасшедшій, и знаю, что я сдѣлалъ. Даю тебѣ честное слово, что я говорю въ здравомъ разумѣ, и умоляю тебя вѣрить мнѣ. То, что я скажу тебѣ, ужасно, но я долженъ кому-нибудь довѣриться, иначе я начну кричать о томъ на площадяхъ. Это глупость съ моей стороны и преступленіе, что я говорю именно тебѣ; какъ разъ тебѣ не слѣдовало бы этого знать, но ты — единственный человѣкъ, который меня не выдастъ. Но что, если ты это сдѣлаешь, если ты выдашь меня? Я даже надѣюсь, что выдашь. Ужасно хорошо было бы раздѣлаться, наконецъ, со всѣмъ этимъ, и именно черезъ тебя. Одно только, если бы можно было такъ устроить, чтобъ судьба пощадила Іо. Ея это коснуться не должно; она не должна знать... если бъ можно было усыпить ее на это время...

Желтолицый докторъ вытеръ потъ со лба большимъ желтымъ платкомъ съ бѣлыми разводами и тяжело перевелъ духъ.

— Погоди немножко, дай въ себя придти — все сразу вдругъ прихлынуло къ мозгу, къ устамъ... Дьявольски пріятно, наконецъ, высказать это... Да ты не бойся меня, не волнуйся; у тебя видъ испуганный, хотя ты и не вѣришь моимъ словамъ. Ты все еще считаешь меня сумасшедшимъ — это потому, что ты судишь поверхностно. Я знаю, что съ виду оно такъ и должно казаться, и самъ думаю, не лучше ли было бы упрятать меня въ какую-нибудь санаторію, или лѣчебницу. Жилъ бы я себѣ недурно, безъ заботъ, на полномъ пансіонѣ, игралъ бы въ карты съ младшими коллегами, а со старшими бы ужиналъ — вѣдь, они мои старые товарищи по клиникѣ. Ну, отъ времени до времени, для порядка, далъ бы затрещину служителю, побуйствовалъ бы малость, чтобъ не казаться слишкомъ ужъ здоровымъ, чтобы меня не выставили. Это было бы совсѣмъ не плохо, и вамъ особенно не повредило бы. Ну, что жъ такое, что человѣкъ на старости лѣтъ спятилъ? Это случается и съ молодыми. Вы бы навѣщали меня, можетъ, и внучковъ привозили бы. Тамъ вѣдь, чудесный садъ, на Леопольденъ-фильдъ. Я могъ бы разыгрывать собою садовника и слѣдовать, такимъ образомъ, истинному своему призванію. Но...

— Но...? — невольно вырвалось у Эмериха.

— Но дѣло въ томъ, что я — не сумасшедшій. Мой умъ такъ ясенъ и здоровъ, что я даже надежды не имѣю

когда-нибудь сойти съ ума. Если есть правда на свѣтѣ, такъ правда все то, что я говорю. Выслушай меня, Эмерихъ, и не дѣлай себя смѣшнымъ, изображая психіатра. Это я убилъ пасторскую дочку. А почему? По двумъ причинамъ: одна главная, другая побочная. Главная, самая важная, пожалуй, покажется тебѣ ложью; вы вѣдь не стоите на точкѣ зрѣнія естественника — вамъ этого не понять. Давая ей мышьякъ, вмѣсто хинина, я содѣйствовалъ утвержденію великаго закона. Но я не стану детально выяснять тебѣ главной причины, ты все равно со мной не согласишься. Теперь надо сказать тебѣ о побочной. Я сдѣлалъ это для Іо, ради Іо, чтобъ она была счастлива. Имѣла она или не имѣла права быть счастливой?

Эмерихъ выпустилъ руку тестя и отвернулся; теперь лица его не было видно въ темнотѣ; былъ слышенъ только его голосъ:

— Это ужасно! Съ ума можно сойти! Съ ума сойти!

— И на это, милый мой, нуженъ талантъ, — возразилъ докторъ, — когда это не дано человѣку, ничего онъ съ собой не сдѣлаетъ. Ну, самое трудное теперь ужъ позади, ты знаешь, что произошло. Главное было, чтобъ ты зналъ Какъ ты къ этому отнесешься — это ужъ твое дѣло. Оставишь то при себѣ, для личнаго употребленія, или же донесешь, кому. слѣдуетъ? Можетъ быть, и лучше было бы предать это огласкѣ. Только съ этимъ вѣдь связанна длинная процедура: пасторскую дочку придется выкапывать изъ могилы...

У старика перехватило голосъ; онъ сѣлъ, косясь на шагавшую изъ угла въ уголъ фигуру Эмериха Баласса.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, — началъ онъ снова, послѣ паузы, — мнѣ очень хотѣлось бы знать, что ты обо всемъ этомъ думаешь. Что ты чувствуешь. Ненавидишь меня за то, что я лишилъ тебя невѣсты, или же готовъ молиться на меня за то, что я далъ тебѣ въ жены лучшую женщину въ мірѣ? Правда, я могъ сдѣлать это лишь при условіи совершенія аморальнаго поступка, но ты вѣдь чистъ тебя вѣдь это не затрагиваетъ; ты честенъ; ты никого не убивалъ. Останься она жить, ты, вѣрный своему слову, женился бы на ней, хотя любви у тебя не было къ ней, хотя все твое сердце, вся твоя кровь рвались къ другой. Іо и ты — вы оба чисты, и до поступковъ стараго дурака, который случайно приходится вамъ родственникомъ, вамъ нѣтъ никакого дѣла. Развѣ вы отвѣтственны за него? Будь я вашъ сынъ — ну, вы могли

бы упрекать себя, что плохо воспитали меня, но вѣдь я же отецъ — не въ вашей власти было повліять на меня.

У него снова не хватило дыханія; онъ снова сдѣлалъ паузу. Баласса сталъ передъ нимъ:

— Пощадите меня: скажите, что все это ложь.

Старикъ вспылилъ:

— Болванъ! Зачѣмъ мнѣ лгать?

И голосъ его звучалъ такъ, что сомнѣваться было уже невозможно. Очевидно, старикъ говорилъ правду: его маленькая кальвинистская святая умерла насильственною смертью, была убита изъ за Іо. И теперь ея блѣдный трупъ ляжетъ между ними непреодолимою преградою. Что изъ того, что никто не увидитъ его, когда онъ видитъ, чувствуетъ, трепещетъ передъ нимъ...?

— Бѣдное маленькое созданіе! Бѣдное дитя! — невольно вырвалось у Эмериха. — Бѣдная дѣвочка! Чѣмъ ты кого обидѣла?...

Старикъ взялъ шляпу и направился къ двери.

— Ну, я иду. Господь съ тобою. Прощай. — Онъ отворилъ дверь, но снова притворилъ ее и вернулся къ столу.

— Если ты думаешь, что моя внезапная смерть, могла бы вамъ помочь, вели — и я умру. Скажи сейчасъ, или телеграфируй — черезъ двое сутокъ я буду готовъ. Только мнѣ думается, ты и самъ видишь, что это не нужно. Мой организмъ можетъ довольно прилично служить еще лѣтъ двадцать, и было бы глупо, даже несправедливо отнять у него радость выполнять свои функціи. Если ты иного мнѣнія, ты скажи. Только одно условіе: Іо не должна знать, почему я забастовалъ. Помни. Впрочемъ, это столько же въ твоихъ интересахъ, сколько въ моихъ. Почему — это ты самъ отлично знаешь. Она въ ту же минуту уйдетъ отъ тебя. Уступитъ свое мѣсто мертвой. Съ отвращеніемъ и ужасомъ покинетъ мѣсто, украденное у другой. И какъ ты думаешь, что она тогда сдѣлаетъ?

— Что же?

— Она станетъ на мою сторону. Пойдетъ въ тюрьму со мной. Будетъ сидѣть у меня на могилѣ. Она будетъ со мнойЯ ее знаю.

Онъ весь дрожалъ отъ волненія, едва могъ говорить. И вышелъ, шатаясь, еще болѣе разбитый, чѣмъ пришелъ Эмерихъ видѣлъ, какъ онъ вышелъ, слышалъ въ темномъ коридорѣ его осторожные шаркающіе шаги, и однакожъ передъ глазами его все еще блестѣлъ этотъ огромный, желтый лобъ.

Онъ стиснулъ зубы ему хотѣлось размозжить кулакомъ эту ненавистную голову. Онъ рычалъ отъ ярости и боли, и это словно разбудило его, Взглянулъ на часы уже десять. Онъ помчался домой.

Іо ждала его у воротъ; рядомъ съ ней стояла служанка. Молодая женщина вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ, отъ страха, что съ ея мужемъ могло что-нибудь приключиться. Она ощупывала его, не вѣрила, что онъ живъ и невредимъ. А убѣдившись, что ни подъ какой автомобиль онъ не попалъ, она пришла въ такое радостное возбужденіе, что даже не замѣтила, какъ скупъ былъ на слова въ этотъ вечеръ ея супругъ. Впрочемъ, по вечерамъ они и всегда не очень много разговаривали, а спѣшили улечься и, мирно обнявшись, засыпали.

Но въ этотъ вечеръ инженеръ отвелъ руки жены, обнимавшей его, и перешелъ въ сосѣднюю комнату работать.

VIII.

— Нѣтъ, это вы, душа моя, оставьте. Надо же и работать нельзя все ворковать, какъ голубки. Вы думаете, жизнь нескончаемый поцѣлуй, а я — принцъ, которому только и заботы, что любить? Жизнь вовсе не пламенный поцѣлуй; скорѣй — ядовитый уксусъ.

Іо удивленно взглянула на мужа, неожиданно превратившагося въ свѣтскаго философа. Она была испугана и въ то же время восхищена. Она склонила голову на плечо мужа и положила ножки ему на колѣни.

— Какъ ты хорошо говоришь! Я страшно люблю тебя слушать; ну, говори еще... Я немножко боюсь тебя, но это ужасно хорошо. За что ты сердишься на меня? Чѣмъ я провинилась?

— Ты? Ничѣмъ. Но жизнь такъ страшно жестока.

Іо звонко разсмѣялась, даже подпрыгнула отъ смѣха, какъ ребенокъ. Но замѣтивъ, что мужъ не вторитъ ея смѣху и остается мрачнымъ, сразу тоже приняла серьезный видъ.

— Это правда: на свѣтѣ столько голодныхъ и больныхъ людей. Особенно здѣсь... Сколько я ихъ вижу, когда иду на рынокъ! Мнѣ такъ хотѣлось бы помочь имъ, но вѣдь я только женщина; почему вы, мужчины, не сговоритесь между собой и не приведете этого въ порядокъ?

Эмерихъ Баласса невольно улыбнулся, но тотчасъ же

нахмурился, словно и улыбка казалась ему грѣхомъ, а поцѣлуй — преступленіемъ: онъ рано уходилъ теперь изъ дому, поздно возвращался и дома всегда былъ страшно занятъ.

— „Ну, спокойной ночи, дѣтка, мнѣ опять придется всю ночь чертить. Что подѣлаешь — надо жить.

Мгновенно, безъ всякихъ колебаній, онъ обособился отъ существа, съ которымъ былъ слитъ душой и тѣломъ. Онъ чувствовалъ, что такъ и надо было поступить, но къ чему это приведетъ, не могъ предвидѣть. Старался только, чтобы Іо ничего не заподозрила, чтобъ она не стала допытываться о причинахъ.

Изрѣдка, когда онъ заставалъ жену особенно печальной, онъ цѣловалъ ее въ лобъ и спѣшилъ уйти.

Іо не перечила ему, но наблюдала за нимъ. Въ первые дни она не огорчалась, думая, что у мужа, дѣйствительно, спѣшная работа. Ходила на цыпочкахъ, умоляла служанку не шумѣть и не смѣяться громко. Но работа, а, главное, дурное настроеніе у Эмериха длились слишкомъ долго. Іо теряла терпѣніе и плакала.

Но слезы ея быстро высыхали; не въ ея характерѣ было постоянно представлять себѣ самое скверное. Порой она старалась убѣдить себя, что такъ оно и быть должно и что это вѣдь тоже счастье — жить съ нимъ въ одномъ домѣ, дышать однимъ воздухомъ. Что мужъ ея не любитъ больше это пришло ей въ голову только на мигъ. Но въ этотъ мигъ она не задумалась бы убить и мужа, и себя. Были у нея и такія минуты, когда она, взявъ себя въ руки и наморщивъ лобъ, вглядывалась въ невѣдомую ей городскую жизнь, ища ключа къ загадкѣ. А иногда въ ней просыпалась маленькая естествоиспытательница, и она говорила себѣ, что мужчины всѣ таковы: такъ они устроены, что черезъ извѣстный промежутокъ времени жены имъ надоѣдаютъ, но тѣмъ не менѣе, въ душѣ, они продолжаютъ любить ихъ попрежнему.

Самыя счастливыя ея минуты были тѣ, когда ей казалось, что Эмерихъ только играетъ съ нею, притворяется скучающимъ, и что она несчастнѣе его. Тогда въ ней поднималось женское упрямство.

— Ладно, посмотримъ, кто изъ насъ дольше выдержитъ. — И она дѣлала сердитые глаза.

Уже второй мѣсяцъ жили они бокъ-о-бокъ и другъ безъ друга. Въ десять вечера они желали другъ другу доброй ночи, и Эмерихъ уходилъ въ свой кабинетъ работать.

Іо ложилась и тотчасъ гасила свѣчу. Два мѣсяца она удерживалась, чтобы не встать, не подкрасться на цыпочкахъ къ двери, не посмотрѣть, какъ работаетъ ея мужъ, сидитъ ли онъ за письменнымъ столомъ, какое у него лицо, не холодно ли ему, не зѣваетъ ли онъ... Несносный! милый!

И, наконецъ, не выдержала. Дождалась полуночи и неслышно подкралась къ стеклянной двери.

Подъ коптящей лампой, склонивъ голову на руку, спалъ Эмерихъ Баласса. Или, можетъ быть, онъ не спитъ? Можетъ быть, просто усталъ и отдыхаетъ?

Іо ждала на порогѣ, когда мужъ ея подыметъ голову: ей хотѣлось во что бы то ни стало заглянуть ему въ лицо, и она рѣшила, что не уйдетъ, пока онъ не проснется; и ждала, вздрагивая при каждомъ шорохѣ... Почти до утра пришлось ей ждать: керосинъ почти весь выгорѣлъ въ лампѣ, когда Эмерихъ, наконецъ, поднялъ голову; Іо едва удержалась, чтобъ не вскрикнуть, не зарыдать, такъ страшно измѣнилось его лицо, прежде такое оживленное, веселое. Ей хотѣлось рвануться къ нему, обнять его, выплакаться у него на груди но она не посмѣла.

Изо дня въ день, изъ ночи въ ночь, слѣдила такимъ образомъ Іо за своимъ мужемъ и видѣла, что онъ ночи напролетъ сидитъ за письменнымъ столомъ, часто безъ сна, но ничего не дѣлая. Почему же онъ не ложится? Она не могла взять этого въ толкъ. И каждую ночь бодрствовала вмѣстѣ съ нимъ, дрожа при мысли, что онъ найдетъ ее подглядывающей, изнемогая въ непрерывной борьбѣ съ самой собой.

„Войти или не надо? Окликнуть его или нѣтъ?“

Они оба были совсѣмъ больны отъ этой фантастической, нелѣпой ночной жизни; безсонныя ночи, вѣчно подавляемая страсть измучили обоихъ хуже всякой лихорадки. И лишь порой, забывшись, испуганно и нѣжно, они вглядывались другъ въ друга, съ горячей жалостью во взорѣ, и говорили каждый о своемъ здоровьѣ, но сухо, принужденно, дѣланно-равнодушнымъ тономъ.

Іо не выдержала наконецъ, и написала отцу. Обо всемъ — о своемъ отчаяніи, о своихъ надеждахъ; и закончила письмо словами: „все кончено“...

Съ слѣдующей почтой пришелъ отвѣтъ. Старикъ писалъ:

— Ничего не кончено. Я пріѣду и все самъ устрою. Пусть торжествуетъ правосудіе.

— Правосудіе? При чемъ тутъ правосудіе? — Іо не поняла

этого и уже раскаивалась, что обратилась къ отцу. Только она, она одна вправѣ была доискиваться правды; разгадки этой жестокой мрачной тайны, которая внезапно стала между ними чтобы оледенить, убить и разлучить ихъ навсегда.

Она рѣшила подойти къ мужу, взять его за руку, заглянуть ему въ глаза и сказать:

— Если ты разлюбилъ меня, скажи, но не мучь, не мучь меня!

Сотни разъ повторяла она себѣ эту фразу; два дня она звенѣла у нея въ ушахъ прежде, чѣмъ она нашла въ себѣ силу встать съ кровати и въ темнотѣ подкрасться къ двери. За столомъ Эмериха не было. И лампа была погашена. Можетъ быть, онъ уснулъ?..

Едва дыша, ощупью, въ темнотѣ она добралась до дивана, на которомъ лежалъ, одѣтый, ея мужъ. Она дотронулась до него рукой.

— Это я, Эмерихъ, я..

Вмѣсто отвѣта онъ страстно прижалъ ее къ себѣ. Но тотчасъ же руки его разжались.

— Уйди отсюда! Уйди, — сказалъ онъ громко.

Она не уходила; она обнимала его.

— Нѣтъ, не уйду. Люблю тебя; хочу, чтобъ ты любилъ меня; я знаю что ты меня любишь. Зачѣмъ же мучишь такъ? Не мучь меня, лучше избей. Убей лучше. Какъ хочешь будь жестокъ со мной, только не мучь. Ну, хочешь я принесу тебѣ ножъ? Зарѣжь меня, но только...

Рыданія заглушили ея слова.

Они сидѣли рядомъ на диванѣ, поникнувъ головой, пристально вглядываясь въ непроницаемую тьму. Слышенъ былъ только тихій женскій плачъ.

— О чемъ ты плачешь? Вѣдь ты же ничего, ничего не знаешь!.. — вырвалось у него съ такой мукой, и голосъ его такъ рѣзнулъ по сердцу Іо, что слезы ея вмигъ изсякли.

Она обвила руками шею мужа, осыпая лицо его жаркими поцѣлуями.

— Что ты знаешь? Скажи мнѣ, что ты знаешь. Только мнѣ скажи, твоей кошечкѣ, больше никому! — шептала она, страстно прижимаясь къ нему и шепча ему на ухо, каждое слово сопровождая долгимъ поцѣлуемъ.

Онъ не противился ей и не отвѣчалъ. Теперь ужъ не отталкивалъ ее отъ себя, даже самъ приникъ къ ней, нѣжно обнялъ ее, но не говорилъ ни слова, точно самъ отъ себя хотѣлъ утаить эти мучительно сладкія запретныя ласки.

Молчала и Іо; сердце ея согрѣлось у него на груди, и голова кружилась отъ воскресшей нѣжности милаго. И вскрикнула отъ радости, когда мужъ въ темнотѣ началъ цѣловать ее по своему особенному, имъ изобрѣтенному методу, прижимаясь глазами къ глазамъ, сперва чуть-чуть, потомъ сильнѣе и, наконецъ, такъ сильно, что глаза начинали горѣть, какъ губы отъ страстныхъ поцѣлуевъ.

Отрывистый веселый смѣхъ прозвучалъ въ темнотѣ, женскій смѣхъ, солнечный лучъ во мракѣ.

— Не смѣйся, — сдавленнымъ голосомъ взмолился Эмерихъ, заглушая ея смѣхъ поцѣлуями. — Не смѣйся, иначе я убью тебя. Ты ненавистна мнѣ за то, что я такъ безумно люблю тебя. Мнѣ надо было бы возненавидѣть тебя, а я дрожу надъ тобой. Пусть лучше все пропадетъ, только ты будь моей. Мнѣ жутко съ тобой и такъ хочется зарыться лицомъ въ твои волосы. Лучше бы ты ногами меня оттолкнула отъ себя за то, что я такъ люблю тебя, и мнѣ бы слѣдовало оттолкнуть тебя за то, что ты такъ любишь меня. Это преступленіе, преступленіе, преступленіе. Мы не должны касаться другъ друга. Прижмись ко мнѣ, крѣпче прижмись, вѣдь я еще живой, а надо было бы мнѣ не жить. Крѣпче сдави меня, чтобы я умеръ, чтобъ мы оба умерли.

— Хочешь, умремъ вмѣстѣ?

— Хочу.

— Когда?

— Сейчасъ, разъ ты такъ хочешь.

Они отодвинулись другъ отъ друга, дрожа, смотрѣли другъ на друга и видѣли, какъ ихъ глаза блестятъ во тьмѣ.

— Ты знаешь, мы не въ правѣ жить.

— Знаю.

— Ты знаешь? Кто тебѣ сказалъ?

— Ты. Я чувствую.

— Ты знаешь, что изъ-за насъ кто-то долженъ былъ умереть.

— Кто?

— Моя первая невѣста.

— Знаю. Но вѣдь ты любилъ меня.

— Тебя, и никого, кромѣ тебя. Изъ-за этого она и умерла. Ради того, чтобы мы могли принадлежать другъ другу, она была убита.

— Убита? Кто же ее убилъ?

— Отецъ твой.

— Убилъ?

— Отравилъ.

— Кто это говоритъ?

— Онъ самъ, отецъ твой.

— Кому же онъ это сказалъ?

— Мнѣ. Онъ выдалъ себя: онъ не могъ больше терпѣть, пріѣхалъ сюда и разсказалъ.

Какъ молніи вспыхивали въ ночи вопросы и отвѣты. Словно какой-то таинственный свѣтъ озарялъ обоихъ, они и во тьмѣ видѣли другъ друга. И трепетали оба и схватились за руки, ища защиты другъ у друга.

Ихъ сердца были полны любовью, но взорамъ ихъ мерещился блѣдный холодный обликъ, печальный призракъ мертвой дѣвушки.

Свѣтало; Іо вся дрожала отъ озноба.

Обоимъ казалось, что ихъ ласки преступленіе. Рука невольно тянулась къ рукѣ, и все же они старались отдалиться другъ отъ друга.

— Что же намъ дѣлать? — вымолвила про себя жена.

— Что же намъ дѣлать? — спросилъ мужъ.

И съ этой ночи, какъ только они сходились, уста ихъ то вслухъ, то про себя твердили все тотъ же вопросъ: что же имъ теперь дѣлать? Они искали отвѣта и не находили. Втайнѣ оба надѣялись, что что-нибудь случится и освободитъ ихъ, но пока ни одинъ изъ нихъ ничего не могъ придумать.

IX.

Призракъ пасторской дочери, любовь которой была принесена въ жертву ихъ любви, стоялъ между ними, разъединялъ ихъ и въ то же время будилъ въ нихъ ненасытное страстное желаніе и чѣмъ преступнѣе, чѣмъ запретнѣй казались имъ ихъ ласки, тѣмъ труднѣе было имъ подавлять въ себѣ эти желанія, какъ трудно бываетъ правляться съ жаждой въ жаркій іюльскій день. Они съ ума сходили оба, порою доходили до полубезсознательнаго состоянія и падали въ объятія другъ друга.

Іо немножко ревновала къ мертвой.

— Ты любилъ ее; скажи, вѣдь ты любилъ ее? Ну, скажи, я не разсержусь, — грустно допытывалась она.

Эмерихъ молчалъ. Она настаивала,

— Нѣтъ-нѣтъ. Я не любилъ ея, — шепталъ онъ, наконецъ, словно оправдываясь, и подробно, до мельчайшихъ деталей разсказывалъ ей все, что произошло въ пасторскомъ домѣ.

— Я работалъ, жилъ одинъ. Это была чуть ли не первая порядочная дѣвушка, съ которой я познакомился. Такая трогательная. Мнѣ такъ хотѣлось полюбить ее и въ то же время я былъ бы съ ней всю жизнь несчастенъ.

Но бывало, особенно подъ утро, что онъ такъ говорилъ о маленькой мученицѣ, словно съ тѣхъ поръ, какъ она пострадала за него, онъ дѣйствительно влюбился въ нее.

— Теперь я часто ее вижу, вижу и во снѣ и наяву, особенно на службѣ. Она смотритъ на меня такъ грустно, нѣжно, такъ кротко. Она была такъ добра ко мнѣ. Не знаю, есть ли лучше ея человѣкъ на свѣтѣ. Она захворала изъ-за того, что я опоздалъ на свадьбу. Она не могла вынести такой долгой разлуки со мной. Никогда меня ни одинъ человѣкъ такъ не любилъ, такъ не полюбитъ, какъ она меня любила.

О самомъ фактѣ отравленія, о преступленіи желтолицаго доктора они почти не говорили. И никогда не называли того, что онъ сдѣлалъ, настоящимъ именемъ. Только Іо разъ сказала:

— Я люблю отца. Еще больше люблю его за то, что онъ это сдѣлалъ.

— За то, что онъ убилъ?

— За то, что онъ убилъ.

— Тогда я и тебя боюсь.

Мужъ пугливо поднялъ глаза на жену. Но тотчасъ же еще пламеннѣе прижалъ ее къ себѣ. Только этого недоставало, чтобъ Іо добровольно признала себя сообщницей отца. Теперь мужъ подходилъ къ ней съ такимъ видомъ, словно онъ совершалъ прелюбодѣяніе съ собственной женой. Иной разъ ему даже приходило въ голову, что черезъ это онъ и самъ становится участникомъ преступленія. И это ощущеніе было въ немъ такъ сильно, что онъ едва удерживался, чтобъ не пойти къ прокурору и не разсказать всего. Охотнѣе всего онъ самъ бы сѣлъ въ тюрьму и посадилъ сюда того, кто это сдѣлалъ ради нихъ, но не спросясь ихъ.

Случалось, что Іо говорила: — Такъ дольше жить нельзя. Пусть отецъ сознается во всемъ и приметъ кару; мы же...

— Мы же...?

— Мы разойдемся. Я на сѣверъ, ты на югъ; можетъ, никогда и не встрѣтимся.

Они то и дѣло рѣшали разстаться, прощались и все жъ каждый разъ возвращались другъ къ другу.

— Хорошо же, когда такъ, иди къ ней, если ты ее

больше любишь, — говорила жена, когда мужъ растроганно и умиленно вспоминалъ о бѣдной малюткѣ.

Дошло до того, что въ ихъ маленькой квартиркѣ поселилась третья — бѣлый призракъ. Іо видѣла въ немъ свою соперницу, Эмерихъ — недоступную, недостижимую возлюбленную. Однакоже они не цѣликомъ были во власти призрака. Вмѣстѣ они снова чувствовали себя сильными. Они разсказывали другъ другу свои мечты и сны, дѣлились каждымъ маленькимъ движеніемъ души. И въ концѣ концовъ, стали находить особое наслажденіе въ томъ, чтобы ни одной мысли не таить другъ отъ друга. Все время они дрожали оба отъ волненія и страха и въ то же время пылали жгучей страстью, какъ въ медовый мѣсяцъ. Они были такъ счастливы, и это счастье такъ обособляло ихъ отъ всѣхъ людей, что, когда имъ случалось выходить изъ дому и видѣть другой міръ и другихъ людей, они дивились и пугались. И начинали бояться, какъ бы этотъ міръ не втиснулся между ними, не узналъ ихъ тайны и не разлучилъ ихъ.

— Никто, никто не долженъ знать этого! — говорила Іо.

— Нѣтъ, долженъ. Я чувствую, что долгъ намъ велитъ открыть это. Я не вынесу, я сломаюсь подъ тяжестью этой тайны. Пусть узнаютъ это всѣ люди, пусть исполнится правосудіе, — говорилъ Эмерихъ въ минуты полнаго душевнаго и физическаго истощенія, когда онъ, держа въ объятіяхъ жену, не видѣлъ и не чувствовалъ ея.

Бывало и такъ, что оба приходили къ этому рѣшенію. Іо тоже казалось, что правосудіе должно свершиться, что Бѣлоснѣжка требуетъ этого, какъ своего права. Но какъ же это сдѣлать? И она жалѣла, и она не разъ плакала о бѣдной дѣвочкѣ. И были минуты, когда она сама себѣ казалась ненавистной, потому что этой бѣдной милой дѣвочкѣ пришлось погибнуть изъ-за нея. Но никогда, ни на одну минуту не приходило ей въ голову обвинить отца. Она не боялась его, не осуждала его и даже не представляла себѣ возможности принести въ жертву его. Напрасно мужъ и намеками и прямо говорилъ ей, что тутъ дѣйствовать долженъ тотъ, „кто это сдѣлалъ“. Она не понимала, что онъ хочетъ сказать этимъ, но чувствовала въ его рѣчахъ обвиненіе и, вся дрожа, блѣднѣя говорила:

— Не онъ, а мы убійцы, мы съ тобой.

И писала отцу письма, полныя любви и ласки, и увѣ-

ряла, что теперь у нихъ все хорошо, да никогда худо и не было это она такъ, шутила. Старикъ покорялся ея желанію, хоть и съ трудомъ, хоть и грозя, что онъ пріѣдетъ, и пусть торжествуетъ правосудіе.

Теперь она ужъ понимала, что онъ подразумѣваетъ подъ этимъ „торжествомъ правосудія", и дрожала отъ ужаса при одной мысли.

— Я не хочу, чтобъ съ отцомъ что-нибудь случилось, не хочу и не хочу. Если ему будетъ худо, я ни одной минуты не смогу жить съ тобой, — говорила Іо, полушутя, полусерьезно, ласкаясь къ мужу.

— Не забывай того, что я сказалъ тебѣ, — говорилъ въ отвѣтъ мужъ и уходилъ на службу. И она весь день смотрѣла на часы. И, когда мужъ возвращался, она, прежде чѣмъ отвѣтить на его привѣтствіе, прежде чѣмъ протянуть ему руку для поцѣлуя, пытливо взглядывала на него и спрашивала:

— Что нибудь случилось?

Отвѣтъ всегда былъ неизмѣнно тотъ же:

— Нѣтъ.

Тотчасъ же она успокаивалась и начинала ласкаться къ мужу.

— Я не хочу, чтобъ мы объ этомъ говорили. Поклянись мнѣ, что мы никогда больше не заведемъ этого разговора. Зачѣмъ намъ такъ калѣчить нашу жизнь? Вѣдь мы оба больны отъ этого. За что мы должны погибать? Вѣдь это все неправда.

Со всею хитростью, присущей женщинѣ, она старалась убѣдить и мужа, и себя, что вся исторія Бѣлоснѣжки выдумана.

— Все это бредъ помѣшаннаго, это неправда! Это неправда.

Два дня подъ рядъ они, дѣйствительно, не поднимали объ этомъ разговора. Но, когда на третій день Эмерихъ пришелъ домой къ обѣду, Іо вскрикнула, дрожа какъ въ лихорадкѣ:

— Что случилось? Что-нибудь случилось?

— Да, — отвѣтилъ Эмерихъ Баласса звучнымъ спокойнымъ голосомъ.

Еще день они провели вмѣстѣ. Въ этотъ послѣдній день они обмѣнялись всего лишь нѣсколькими фразами. Іо раза четыре спрашивала:

— Такъ онъ, значитъ, самъ донесъ на себя? Скажи, а ты тутъ не при чемъ? Ну скажи, дай мнѣ руку въ томъ, что это такъ.

И она пристально, пытливо вглядывалась въ лицо мужа.

На другой день, когда онъ пришелъ домой обѣдать, на столѣ возлѣ его прибора лежала записка:

„Онъ въ тюрьмѣ, онъ мой отецъ. Я иду къ нему, я хочу быть съ нимъ. Я васъ очень любила“.

Столъ былъ накрытъ; служанка внесла суповую чашку.

— Барыня велѣли сказать, чтобъ баринъ кушали безъ нихъ.

Эмерихъ Баласса еще разъ перечелъ крупнымъ почеркомъ написанное письмецо и тутъ только замѣтилъ постскриптумъ:

„Берегите свои вещи, чтобы Марія не крала ихъ; я убѣдилась, что она воровка“.

X.

Хозяинъ гостиницы зналъ, что назначено вскрытіе и что по этому случаю въ Тардъ пріѣдетъ много народу, и выписалъ изъ Кляузенбурга боченокъ мартовскаго пива. И приготовилъ льду, чтобы охлаждать пиво. Онъ не ошибся въ расчетѣ. Въ день вырытія трупа изъ могилы, жара стояла удушающая, и господа, прибывшіе на вскрытіе, какъ истые горожане, то и дѣло забѣгали къ нему выпить стаканчикъ. Хозяинъ накрылъ для нихъ особый столъ въ своей гостиной, или, лучше сказать, въ своей спальнѣ. Огромныя кровати съ грудой взбитыхъ чуть не до потолка перинъ, покрытыхъ зелеными одѣялами, еврейскія фамильныя реликвіи на стѣнѣ немного смущали гостей, но пріятная прохлада въ воздухѣ и ледяное пиво мирили ихъ и съ этимъ.

Къ часу пополудни должны были прибыть могильщики, и слѣдователь съ докторами никакъ не могли сговориться, когда же имъ обѣдать — до вскрытія, или же послѣ. По предложенію окружного врача, толстяка и обжоры, рѣшено было, что не годится идти на кладбище съ пустымъ желудкомъ. Однакожъ слѣдователь, страдавшій несвареніемъ желудка, предпочелъ бы поѣсть уже послѣ выполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Врачъ-экспертъ присоединился къ своему коллегѣ, говоря:

— За обѣдомъ мы и обсудимъ всенеобходимое.

Такъ они и начали — съ обѣда. За обѣдомъ врачи заявили, что ихъ коллега, обвинившій себя въ убійствѣ, просто-напросто сумашедшій. Все, что онъ говоритъ, бредъ

помѣшаннаго — въ любомъ учебникѣ психіатріи можно найти аналогичные примѣры.

Вызванный врачъ-экспертъ ссылался на Мейнерта и Шарко, окружной поддакивалъ ему во всемъ.

— Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ онъ требуетъ вскрытія тѣла? — допытывался слѣдователь.

— Это-то и доказываетъ, что онъ сумашедшій; сумасшедшіе всегда этого требуютъ. Эта вещь извѣстная, — не задумываясь отвѣтилъ, окружной врачъ.

Экспертъ подтвердилъ это, но съ оговоркой:

— Ну, положимъ, не всѣ сумашедшіе требуютъ этого.

— Но такіе — всегда.

Слѣдователь смотрѣлъ, какъ они аппетитно посыпали мясо паприкой и солью, какъ рѣзали его на маленькіе кусочки по всѣмъ правиламъ гигіены и думалъ:

„Чтожъ, это естественно, что они, какъ врачи, не хотятъ вѣрить, чтобъ ихъ коллега такъ злоупотребилъ своею властью. Я понимаю, что ихъ приводитъ въ ужасъ мысль, что врачъ можетъ быть хоть отчасти прикосновененъ къ преступленію. Еще бы! Глупая чернь способна сдѣлать изъ этого очень неудобные для нихъ выводы!“

И онъ высказалъ это громко; но доктора горячо запротестовали. Такъ увлеклись, что даже позабыли о ѣдѣ. Маленькій сынъ окружного врача, котораго баловникъ-отецъ взялъ съ собой прокатиться, пугливо поглядывалъ на слѣдователя, какъ бы боясь, чтобы и ихъ съ отцомъ не впутали въ бѣду. Однакожъ успокоился, увидѣвъ, что его папаша съ толстымъ докторомъ умѣютъ постоять за себя. Они вдвоемъ дружно напали на слѣдователя, доказывая ему, что онъ, во-первыхъ, въ этомъ ничего не понимаетъ, а во-вторыхъ, даже и права не имѣетъ вмѣшиваться.

— Да, впрочемъ, что тутъ спорить. Пойдемъ, посмотримъ тѣло, — сказалъ экспертъ такимъ тономъ, какъ будто отъ него зависѣло однимъ дуновеніемъ вдохнуть новую душу въ тѣло, пролежавшее уже болѣе года въ гробу.

Окружной враъ скорчилъ кислую физіономію. Онъ вообще, находилъ вскрытіе совершенно излишнимъ. Онъ боялся жары и ненавидѣлъ трупный запахъ. Правда, для черной работы онъ прихватилъ съ собой цирюльника, но все же, такъ какъ онъ былъ представителемъ судебной медицины, ему придется, во всякомъ случаѣ, и самому касаться трупа. И онъ сокрушенно почесывалъ толстый затылокъ.

Да и прочимъ не очень-то хотѣлось идти жариться на солнцѣ, и они неохотно вышли изъ прохладной комнаты. Передъ трактиромъ уже дожидались судья и понятые, которые переругивались межъ собой, но при появленіи господъ изъ города, умолкли. Наконецъ они всѣ усѣлись на скверныя дрожки.

Бѣлые клубы пыли тотчасъ окутали ихъ. Они ужъ не видѣли другъ друга и не разговаривали между собой, пока не доѣхали до кладбища. Здѣсь только они отдышались, откашливаясь и бранясь. Окружной врачъ торжественно вытащилъ свой портсигаръ и угостилъ всѣхъ сигарами, даже и пастора, который стоялъ, совсѣмъ убитый, разслабленный, словно дряхлый старикъ, котораго нисколько не касалось все происходившее. Но ему велѣно было придти сюда и присутствовать при вскрытіи, и онъ пришелъ. Господа закурили сигары. Толстый докторъ сразу потонулъ въ облакахъ дыма. Даже и старикъ пасторъ вложилъ въ ротъ сигару. Слѣдователь потребовалъ коньяку, ему было не хорошо. Цирюльникъ съ наслажденіемъ затягивался дорогой сигарой, разсыпался въ похвалахъ романтическому положенію кладбища и жалѣлъ лишь о томъ, что здѣшніе жители не посадили на кладбищѣ кипарисовъ и плакучихъ ивъ, чтобы солнце не такъ выжигало цвѣты на могилахъ.

Рои всевозможныхъ насѣкомыхъ носились и жужжали въ воздухѣ. Толстый докторъ отмахивался и ругался.

— Изъ-за этихъ подлецовъ прямо съ мѣста двинуться нельзя! Да прогоните вы ихъ.

Понятые тотчасъ принялись гоняться за жуками и подняли такой шумъ, что даже не замѣтили, какъ изъ разрытой могилы вытащили полуразвалившійся гробъ, разъѣденный селитрой, которую въ изобиліи содержитъ почва здѣшней мѣстности. Слѣдователь, подкрѣпившись стаканчикомъ коньяку, обмакнулъ перо въ подставленную ему чернильницу; окружной врачъ, презрительно поморщившись, скомандовалъ:

— Ну, господинъ цирюльникъ, за работу.

Цирюльникъ безъ труда отвинтилъ крышку гроба. Всѣ невольно попятились назадъ, только пасторъ остался на прежнемъ мѣстѣ, и такъ какъ члены комиссіи смотрѣли въ сторону, онъ машинально шагнулъ впередъ и нагнулся надъ трупомъ дочери. Всѣ смотрѣли на старика. Онъ улыбнулся. Они испугались, но какое-то смутное чувство заставило ихъ присоединиться къ нему. И теперь они всѣ

смотрѣли въ гробъ, въ которомъ лежала Бѣлоснѣжка. Казалось бы, ничего не должно было остаться отъ нея, кромѣ того, что вызываетъ отвращеніе и ужасъ. А между тѣмъ она лежала, какъ живая; ея лицо и руки, ея платье, вся фигура были покрыты словно волшебнымъ серебристымъ покровомъ, сотканнымъ селитрой. Прекрасная, какъ ангелъ, она улыбалась. Члены комиссіи вздохнули съ облегченіемъ.

— Дивно! — сказалъ слѣдователь.

А врачъ-экспертъ шепнулъ тихонько:

— Первый разъ въ жизни вижу такую покойницу.

Окружной врачъ нагнулся къ уху слѣдователя:

— Ну развѣ похоже, что она отравлена? Развѣ это можетъ быть при отравленіи?

Они не рѣшались коснуться тѣла. Только обступили его и смотрѣли. Цирюльникъ потянулся было къ трупу, но окружной врачъ отстранилъ его.

— Вы не въ правѣ касаться его, пока господинъ экспертъ, или я не прикажу вамъ.

Понятые безпокойно переминались съ ноги на ногу: имъ хотѣлось узнать, въ правду ли дѣвушка была отравлена и состоится ли казнь убійцы.

— Здѣсь все въ порядкѣ. Трупъ такъ великолѣпно сохранился, что это исключаетъ всякую возможность предположить отравленіе, — объявилъ врачъ-экспертъ, звучнымъ басомъ, тономъ, не допускающимъ возраженій.

— Ну, разумѣется, здѣсь все въ порядкѣ, — надменно повторилъ окружной врачъ.

Слѣдователь, не сомнѣваясь болѣе, предложилъ экспертамъ письменно изложить свое заключеніе. Экспертъ, откашливаясь, началъ диктовать:

— Тѣло такъ изумительно хорошо сохранилось, что отравленіе, какъ причина смерти, просто-напросто исключается. Далѣе...

— Только покороче, ради Бога покороче! — шепталъ слѣдователь, которому комары искусали всѣ ноги. Онъ не обѣдалъ и успѣлъ проголодаться и поминутно поглядывалъ на свои золотые часы, что́ отвлекало вниманіе крестьянъ отъ гроба.

Окружной врачъ, совершенно разомлѣвшій отъ жары, прикрикнулъ на нихъ:

— Вы чего глазѣете? Тутъ все въ порядкѣ спускайте гробъ въ могилу.

И ткнулъ палкой въ воздухъ въ направленіи трупа.

Было уже около четырехъ часовъ; солнце свѣтило прямо на Бѣлоснѣжку. Словно статуя, высѣченная изъ драгоцѣннаго камня, была эта покойница; она сіяла, блистала, жила.

— Только что не говоритъ, — шепталъ цирюльникъ.

А можетъ быть, она и говорила; ея губы какъ будто шевелились. Или, можетъ быть, это солнечный свѣтъ, проникшій сквозь листву, игралъ на ея лицѣ?

— Совсѣмъ какъ живая. И это тоже доказываетъ, что она скончалаоь совсѣмъ здоровой, — неожиданно объявилъ окружной врачъ, у котораго въ головѣ немножко помутилось отъ жары, прерывая диктовку своего коллеги. Но тотчасъ же раскаялся и, чтобы загладить свой промахъ, предложилъ химическій анализъ. Но насмѣшливая улыбка эксперта и тутъ зажала ему ротъ, и онъ поспѣшно началъ объяснять судьѣ, что тутъ слѣдовало бы сдѣлать въ интересахъ оздоровленія деревни... Экспертъ продолжалъ диктовать, отчетливо выговаривая латинскія слова; наконецъ, и у него изсякъ запасъ научныхъ терминовъ. Съ послѣднимъ латинскимъ словомъ, слетѣвшимъ съ его устъ, гробъ снова опустили въ могилу, и Бѣлоснѣжка вернулась къ своимъ прерваннымъ грезамъ...

XI.

Старуха подгоняла все еще немного взъерошенныхъ, но теперь уже болѣе сытыхъ ословъ. Рядомъ съ нею сидѣла Іо, а позади ихъ, бариномъ, желтолицый докторъ, ѣхавшій изъ тюрьмы домой.

Вновь обрѣтенная свобода нѣсколько волновала его — напримѣръ, что онъ могъ вволю дышать свѣжимъ воздухомъ и говорить съ тѣми, кто былъ ему дорогъ. Однакожъ съ близкими ему говорить было трудно, и онъ все время велъ интимный разговоръ съ ослами.

— Спрашивается, кто же ослы-то? Я или они? Мы трое? Конечно, нѣтъ; значитъ, они, начальство — это внѣ сомнѣнія.

Іо печально слушала; старикъ видѣлъ ея печаль и комментировалъ ее по-своему:

— Вотъ эти, сѣрые, не обвиняютъ меня; они вѣрятъ, что я невиненъ, и только разумъ у меня немножко помутился. Разъ они вѣрятъ этому, почему бы этому и не быть? Главное, чтобъ они вѣрили.

Дома старикъ развеселился; здоровался отдѣльно съ каждымъ стуломъ и столомъ, а большой диванъ такъ даже обнялъ.

— А хорошо все-таки жить на свѣтѣ, — патетически воскликнулъ онъ. И тотчасъ же, шутя добавилъ: — Разъ хотятъ, чтобъ я былъ помѣшаннымъ и жилъ, ну что жъ, я буду жить; если угодно, буду и немного помѣшаннымъ. Эту роль я съ удовольствіемъ беру на себя.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя эту роль, со всѣми вытекающими изъ нея послѣдствіями. Бросилъ практику и всецѣло посвятилъ себя сельскому хозяйству и разведенію скота. Немного денегъ у него было отложено, а старуха такъ хорошо сумѣла пустить ихъ въ оборотъ, что ословъ перевели на менѣе тяжелую работу, а вмѣсто нихъ купили пару лошадей. Жили они почти довольные своею участью; старикъ теперь почти никогда не сердился, только перемѣнилъ привычки и разговаривалъ больше съ животными, отъ имени которыхъ давалъ себѣ отвѣты, какіе ему больше нравились:

Іо поймала его однажды на разговорѣ съ курицей.

— Здравствуйте, сударыня. Не правда ли, вы не откажетесь скушать изъ моихъ рукъ зернышко кукурузы?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ онъ за курицу. — Вы мнѣ очень симпатичны.

И вправду, умъ стараго доктора, прежде такой ясный и острый, но всегда склонный къ крайностямъ, немного сошелъ съ рельсовъ. Онъ самъ отлично это зналъ и констатировалъ чаще всего въ бесѣдахъ съ Іо.

— Видишь ли, — говорилъ онъ дочери, — я вѣдь всегда былъ чудакомъ, и весьма возможно, что то, что обо мнѣ говорятъ мои коллеги, правда. Я донесъ на себя, потому что свихнулся; можетъ, и вправду это у меня была только фантазія, навязчивая мысль. Я вѣдь теперь и самъ не знаю, что́ правда, что́ неправда. Мой умъ утратилъ увѣренность въ себѣ, но это ничего; это даже хорошо.

Временами онъ хвасталъ, какъ ему теперь легко живется.

— Понимаешь, безъ отвѣтственности. Ни въ чемъ и самому себѣ не отдаю отчета. Это первобытное состояніе, это счастье.

Но иногда онъ впадалъ въ удручающее, безпредѣльное уныніе. И гналъ дочь изъ дому.

— Да уѣзжай ты. Возвращайся къ мужу; пусть онъ кормитъ тебя — это его обязанность. Чего ты сидишь у матери на шеѣ и вынимаешь у нея, у бѣдной, послѣдній кусокъ изо рта? Выбрала себѣ мужа, такъ и ступай къ нему, живи съ нимъ.

А не то начиналъ елейно проповѣдывать:

— Жена, да оставитъ отца и матерь свою и прилѣпится къ мужу своему...

Іо обыкновенно терпѣливо слушала его и даже взглядомъ не выдавала, какая для нея жертва жить возлѣ отца и въ разлукѣ съ тѣмъ, кто въ мысляхъ былъ съ ней неразлученъ.

Жизнь ея текла спокойно, какъ въ дѣвичествѣ; минутами она даже забывала, что она замужемъ. И тогда спрашивала себя: „Господи Боже, да я какъ будто второй разъ начинаю жизнь сызнова"... Но это только иногда. Обыкновенно она все ясно помнила: и встрѣчу съ Эмерихомъ, и свое замужество, и мужа. И мысленно переживала каждый часъ, каждую минуту, проведенную съ нимъ вмѣстѣ, и вызывала въ мечтахъ знойныя картины медоваго мѣсяца.

Если бъ не близость отца и не воспоминаніе о мертвой соперницѣ, она даже была бы счастлива. Но она страдала все-таки. И очень огорчалась тѣмъ, что за цѣлый мѣсяцъ мужъ ни слова не написалъ ей.

Не писала и она. И это полное молчаніе, раздѣлявшее ихъ, внушало безотрадныя, пугающія, отчаянныя мысли.

Ночью она садилась на кровати и думала:

„Теперь ночь, и онъ думаетъ о ней. Не обо мнѣ, а о ней".

Ей такъ хотѣлось прервать это молчаніе и въ то же время оно нравилось ей, нравилось благоговѣйно цѣликомъ уходить мыслью въ прошлое. Ей только одного недоставало: какого-нибудь предмета, захваченнаго „изъ дому". Разъ, напримѣръ, ей пришло въ голову: какъ было бы пріятно взять въ руки маленькій сливочникъ, купленный ею на прошлой недѣлѣ... А ситечко — такое оно было хорошенькое на стѣнѣ, рядомъ съ котлетной доской...

Виситъ ли оно на прежнемъ мѣстѣ, это хорошенькое ситечко?

На второй мѣсяцъ ее стало неудержимо тянуть домой. Въ особенности по утрамъ. Едва раскрывъ глаза, она вскакивала съ постели и бѣжала къ окну, поглядѣть на дорогу. Уѣхать бы, уйти, хотя пѣшкомъ, только уйти домой.

— Зачѣмъ я здѣсь живу? Что мнѣ здѣсь нужно? — спрашивала она себя. — Зачѣмъ мнѣ было пріѣзжать сюда? Какъ я могла его оставить?

Были минуты, когда она негодовала на отца, чего ради а должна приносить ему жертвы? Были минуты, когда она

ненавидѣла Бѣлоснѣжку, даже и за то, что она умерла. И, думая о томъ, что ея отецъ былъ причиной смерти этой блѣдной дѣвушки, говорила себѣ:

— Отецъ хорошо сдѣлалъ; такъ и надо было. — Но тотчасъ же пугалась: — Да вѣдь этого не было; онъ не сдѣлалъ того, въ чемъ обвинялъ себя, значитъ, отпадаетъ и та причина, изъ-за которой я пріѣхала сюда. Надо вернуться... Но вѣдь онъ тоже знаетъ что намъ нѣтъ причины жить въ разлукѣ, почему же онъ не ѣдетъ за мной?

Она ждала его; цѣлые дни просиживала у окна, глядя на дорогу. Какъ въ дѣвушкахъ ждала и знала, вѣрила, что онъ пріѣетъ, но онъ не ѣхалъ: вѣра и знаніе обманывали ее.

Онъ не ѣхалъ. Правда, вмѣсто себя, онъ присылалъ цвѣты. Много-много красныхъ пышно расцвѣтшихъ розъ. Но ни разу не прислалъ съ цвѣтами письмеца; и розы отцвѣтали и осыпались.

Но Іо потихоньку цѣловала увядшія розы; желтолицый докторъ однажды поймалъ ее на этомъ. И сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ, отвернулся, чтобъ не смутить дочери. Потомъ спросилъ:

— Ты написала ему?

— Нѣтъ.

— Что жъ ты не поблагодаришь его?

— Онъ въ этомъ не нуждается.

— Когда же ты вернешься къ нему?

— Никогда.

— Значитъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не пріѣдетъ за тобой?

— И тогда не вернусь, если и пріѣдетъ.

И все-таки она ждала его. Онъ не пріѣхалъ, но прислалъ письмо. Что онъ не можетъ жить безъ нея, что онъ боленъ, смертельно боленъ, что онъ пріѣдетъ за ней, если бы даже ради этого ему пришлось убить кого-нибудь. Можетъ ли онъ, позволитъ ли она ему пріѣхать?

Іо однимъ словечкомъ отвѣтила:

— Нѣтъ.

Утромъ она послала это коротенькое письмецо, а къ вечеру написала другое, длинное, въ которомъ Эмериха называла своимъ милымъ, дорогимъ мужемъ и умоляла не забывать ея. Вѣдь они и вдали, и врозь могутъ принадлежать другъ другу. Просила не измѣнять ей, грозилась, что, если онъ измѣнитъ... Но только онъ не долженъ пріѣзжать за нею; вмѣстѣ они не смогутъ жить. Она не хочетъ, не мо-

жетъ, не смѣетъ жить вмѣстѣ съ блѣднымъ призракомъ, съ своей соперницей... Вѣдь какъ бы они ни старались забыть о ней, она все равно будетъ жить въ ихъ воображеніи и стоять между ними, даже когда губы ихъ сольются въ поцѣлуѣ. Было бы вѣчной мукой и вѣчнымъ преступленіемъ жить вмѣстѣ, какъ мужъ и жена, разъ въ глубинѣ души оба они знаютъ, что „та" погибла изъ-за нихъ.

Все письмо было переполнено поцѣлуями. Даже по уголкамъ стояло: „Цѣлую васъ". А, въ концѣ все-таки приписано: „Не пріѣзжайте".

И снова ихъ раздѣлило молчаніе: мужъ не пріѣхалъ и не писалъ больше.

Теперь Іо писала ему, умоляя его пріѣхать. Но не отправляла писемъ и въ глубинѣ души все-таки сердилась, почему онъ не пріѣзжаетъ, когда она зоветъ его. И снова въ эту мрачную бездну молчанія упалъ букетъ. Снова алыя розы, безъ записки, безъ единой буквы.

Они тосковали другъ по другѣ, какъ двое влюбленныхъ, разлученныхъ строгими родителями. Іо исхудала, подурнѣла отъ вѣчныхъ волненій, стала почти некрасивой. Сама она не замѣчала этого, но отъ отца это не ускользнуло:

— Ты стала совсѣмъ уродомъ; ты чахнешь. Твой мужъ разлюбитъ тебя. Ну да ладно: я съ тобой живо справлюсь, — говорилъ онъ съ напускной суровостью.

Иногда онъ подходилъ къ ней съ лаской.

— У тебя навѣрно, что-нибудь болитъ внутри. Это физическое. Я начинаю убѣждаться, что ты, дѣйствительно, больна. Покажи-ка языкъ.

Онъ подробно разспрашивалъ ее, а Іо отвѣчала съ той же прямотой, какъ въ свои дѣвическіе годы, когда у нея не было отъ отца никакихъ тайнъ. Они бесѣдовали, какъ двѣ женщины, и Іо ничуть не стыдилась, а только путалась въ отвѣтахъ, такъ какъ состояніе ея здоровья нисколько ея не интересовало.

На другой день опросъ повторился снова, но длился ужъ недолго. Широкій ротъ старика растянулся въ довольную улыбку; онъ погладилъ дочку по головкѣ и съ таинственнымъ видомъ шепнулъ ей:

— Какъ же мы назовемъ малютку? Вѣдь это будетъ дѣвочка.

И разсмѣялся такъ длительно и громко, что Іо испугалась. Ей едва удалось утихомирить его. Она обняла старика.

положила голову ему на плечо и заплакала. Они были одни въ комнатѣ; старуха заглянула въ дверь и скрылась.

— Одна уходитъ, другая приходитъ. Быть можетъ, та, которая теперь придетъ, и есть та, что ушла, — невнятно бормоталъ старикъ. И, повернувшись къ женѣ, громко повторилъ тоже. Потомъ обнялъ Іо и шепнулъ ей: — Я очень счастливъ.

— А я очень-очень несчастлива! — чуть слышно прошептала молодая женщина.

XII.

Іо сильно нездоровилось. Она терпѣла, сколько могла, но, наконецъ, не выдержала и разбудила отца, чтобъ попросить у него какого-нибудь лѣкарства. Старикъ перепугался, началъ искать успокоительныхъ; потомъ признался ей, что тутъ лѣкарства не помогутъ — надо терпѣть, это единственное средство.

— Съѣшь что-нибудь, и я съѣмъ за компанію.

Было ужъ за полночь; они съ трудомъ разыскали немного хлѣба и овощей. Закусили, поболтали; Іо почувствовала себя немного лучше и легла, но не отпускала отъ себя отца. Давно ужъ они оба не были такъ хорошо настроены; Іо не мучили ея фантазіи; старикъ былъ внѣ себя отъ радости, что можетъ сидѣть у постели дочери, матерински заботиться о ней, давать ей медицинскіе совѣты и разговаривать съ ней о чудесной дѣвочкѣ, которая своимъ появленіемъ разгонитъ мракъ, принесетъ имъ всѣмъ солнце и радость.

— Твой мужъ уже знаетъ объ этомъ? — спрашивалъ онъ, лукаво и таинственно.

— Нѣтъ, и не будемъ говорить объ этомъ, — полусердито, полугрустно отвѣчала Іо.

Однакожъ они говорили, все время возвращались къ этому. И, когда догорѣла свѣча и они остались въ темнотѣ, тогда раскрылось сердце женщины, и она разсказала все — разсказала, какъ бѣлый призракъ втиснулся между ею и мужемъ и разлучилъ ихъ навсегда. И, вся дрожа отъ страха, призналась, что оба они не въ состояніи отрѣшиться отъ мысли, что „та“ умерла, должна была умереть изъ-за нихъ...

— Я не сержуеь на тебя за это и не боюсь тебя; вѣдь я люблю тебя и знаю, что ты добрый, — прибавила она, стуча зубами.

Они умолки. Ни слова больше не было сказано между

ними. Іо натянула одѣяло на голову; старикъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

На дворѣ уже разсвѣло; хозяйка готовила свиньямъ уже второй завтракъ.

Начался длинный-длинный день; утро тянулось безъ конца; Іо и отецъ ея уходили и возвращались, гуляли во дворѣ, въ саду и нигдѣ не находили покоя.

Разъ двадцать они встрѣчались и не знали, что сказать другъ другу; старикъ все спрашивалъ, скоро ли будетъ готовъ обѣдъ, и торопилъ накрывать на столъ, говоря, что ему надо идти.

За обѣдомъ онъ ничего не ѣлъ, придирался къ женѣ, что она больше заботится о свиньяхъ, чѣмъ о немъ, всталъ изъ-за стола сердитый и ушелъ.

Онъ возвратился поздно, когда всѣ уже легли, однакоже не спали, тревожась за него; въ особенности Іо, которая, заслышавъ отцовскіе шаги за дверью, тотчасъ встала и пошла отворять ему.

— Это ты отецъ? — машинально спросила она.

Старикъ не отвѣтилъ; Іо повторила вопросъ. Отвѣта не было. Тогда она въ испугѣ вскрикнула:

— Это ты? Отвѣчай же?

— Ну да, я; не кричи такъ, — едва слышно отвѣтилъ старикъ и, шатаясь, вошелъ. — Не кричи такъ; я упалъ; не пугай матери, — шепнулъ онъ и, придерживаясь за стѣнку, дотащился до своей кровати.

— Открой постель, только не шуми; я упалъ, расшибся; вотъ лягу, такъ, навѣрно, полегчаетъ. Не надо свѣта — помоги мнѣ раздѣться.

Іо, онѣмѣвъ отъ испуга, раздѣла и уложила отца.

— Вотъ такъ, теперь все хорошо. Укрой меня; не зажигай свѣчи: мнѣ непріятенъ свѣтъ. Не бойся, у меня поврежденіе внутреннее; это пройдетъ. Пойди сюда, поближе, возьми меня за руку.

Іо сѣла на край постели и взяла въ свои горячую руку отца. Долго никто изъ нихъ не говорилъ ни слова. Наконецъ, Іо спросила:

— Гдѣ ты упалъ?

— На ровномъ мѣстѣ, гдѣ, казалось бы, трезвому нельзя упасть. И однакожъ этотъ неосторожный шагъ можетъ мнѣ стоить жизни.

Онъ говорилъ съ трудомъ, шопотомъ, прерывающимся

голосомъ. Іо попросила его замолчать. Онъ умолкъ, но потомъ снова заговорилъ, и голосъ его звучалъ уже слышнѣе:

— Погоди, — говорилъ онъ, — погоди немножко, побудь со мною... я хочу что-то сказать тебѣ. Ты только повѣрь, не пугайся — я умираю. Я легъ съ твердымъ убѣжденіемъ, что умру, и умру, конечно. Такъ оно и будетъ, потому что я такъ хочу.

Іо слушала, притаивъ дыханіе, едва удерживаясь, чтобы съ рыданіемъ не упасть ему на грудь. Она сжала его еще горячую руку. Старикъ вздрогнулъ.

— Я знаю, что ты меня любишь. Мнѣ больно это и въ то же время такъ отрадно. Слушай, Іо. Ты имѣешь рѣдкій случай говорить съ человѣкомъ, который не лжетъ. Люди вообще становятся вполнѣ правдивы только передъ смертью, но рѣдко человѣкъ знаетъ, что для него насталъ смертный часъ. Когда кто-нибудь говоритъ, что знаетъ это, по большей части онъ позируетъ. Можетъ, и я позирую, но только врядъ ли. Нѣтъ-нѣтъ, я знаю, что для меня насталъ послѣдній часъ; я теперь чистый, хорошій, правдивый, прежде всего правдивый, и я клянусь тебѣ, клянусь тебѣ всѣмъ, что...

Онъ не могъ договорить и остановился передохнуть. Прошло съ полчаса прежде, чѣмъ онъ опять собрался съ силами. Но теперь ужъ искалъ словъ и порой бормоталъ нескладицу.

— Не плачь, — говорилъ онъ — смерть — это счастье для меня. Почему? Ты только не пойми меня неправильно: я чудесно прожилъ свою жизнь, и это было такое счастье, что я тебя увидѣлъ и узналъ, что ты была моя. Я навѣрное знаю, что ты и я одно и то же; я уйду, ты останешься. Но и я вѣдь тоже останусь; мнѣ не зачѣмъ уходить, и ты можешь вернуться къ мужу. Возвращайся къ нему, и пусть васъ будетъ трое, четверо, пятеро, пусть васъ будетъ много. Вы будете смѣяться, плакать, жить, радоваться жизни и размножаться. Вы будете вѣчностью.

Онъ снова отдохнулъ, потомъ вдругъ вскрикнулъ:

— Клянусь! Клянусь, это было безуміе, сумасшествіе, это неправда, неправда!.. Пасторская дочка... она умерла своею смертью, тихо, спокойно... Я этого не сдѣлалъ...

Такъ и не дознались, дѣйствительно ли онъ упалъ и повредилъ себѣ что-нибудь внутри, или же умеръ своею во-

лей, отъ своей руки. Онъ умеръ, какъ тѣ немногіе сильные люди, которые, ложась, заявляютъ, что больше не встанутъ, и, дѣйствительно, ужъ не встаютъ. Были однакожъ признаки, противорѣчившіе такого рода объясненію его кончины— ссадины на тѣлѣ и утвержденіе козьяго пастуха, что онъ видѣлъ, какъ докторъ, словно ребенокъ, катился кувыркомъ съ высокой горы Кальварія. Какъ бы то ни было, въ послѣдніе часы онъ, должно быть, переживалъ душевныя муки. Ибо лицо его, почти смѣшное отъ сочетанія высокаго гладкаго лба съ комическимъ маленькимъ носикомъ, было все искажено, какъ голова собаки, убитой и брошенной въ ровъ.

По всей вѣроятности, ему было безразлично, что о немъ подумаютъ. Однакожъ, очевидно, изъ пристрастія къ позѣ, за день до своей смерти онъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы о немъ получше говорили послѣ его смерти. Онъ написалъ своему зятю длинное письмо, въ которомъ на разные лады доказывалъ, что онъ не убивалъ Бѣлоснѣжки, не могъ и не хотѣлъ убить ея. Значительная часть письма была посвящена небольшому этюду объ отравленіи. И изъ этого этюда становилось яснымъ, какъ день, что нелѣпо было даже и предполагать, что пасторская дочка могла быть отравленной. Вторая часть письма была посвящена вопросу почему онъ самъ дочесъ на себя, обвиняя себя въ отравленіи. Эта часть была довольно путаная и полна техническихъ терминовъ, перемежающихся клятвами: докторъ приписывалъ себѣ всевозможныя маніи, доказывалъ, что онъ не виноватъ и заключалъ словами: „Я этого не сдѣлалъ, клянусь честью! Зачѣмъ бы я сталъ лгать теперь, когда правосудіе уже не имѣетъ власти надо мной? И какъ бы я могъ теперь лгать?“

И въ самомъ дѣлѣ, чего ради сталъ бы онъ лгать?

Эмерихъ Баласса вздохнулъ свободнѣе, прочтя это предсмертное письмо. Онъ повѣрилъ, убѣдился и выздоровѣлъ. Волшебнымъ словомъ желтолицый погасилъ въ душѣ его ореолъ мученичества, осіявшій образъ Бѣлоснѣжки.

Часъ спустя, онъ уже сидѣлъ въ поѣздѣ и мчался, чтобъ еще разъ увидѣть этого страннаго, несчастнаго, добраго и большого человѣка, застать его, хотя бы мертвымъ.

Онъ пріѣхалъ прямо на похороны и потомъ не жалѣлъ объ этомъ. Его любимая осталась одинокой, покинутой, безъ опоры. Безмолвная, убитая, не въ силахъ даже обнять его. Они взялись за руки и вмѣстѣ вернулись домой съ кладбища.

Онъ почти радовался тому, что смерть отца такъ сломила Іо: ея молчаливость, ея кротость придавали ей въ его глазахъ новую прелесть. При каждомъ словѣ на глаза ея навертывались слезы.

Но вѣдь слезы только вода, хотя и чистая; а вода высыхаетъ, изсякаетъ, испаряется. И слезы Іо изсякли, когда ей впервые улыбнулась ея маленькая дочка.

Потому что у нея, дѣйствительно, родилась дѣвочка.

— Какъ же мы назовемъ ее? — спросила Іо.

Эмерихъ долго думалъ и не могъ придумать имени, достаточно красиваго и милаго.

Іо закрыла глаза и мечтательно выговорила:

— Какъ звали первую твою невѣсту, ту бѣдную бѣлую дѣвушку? Ахъ да, Катериной; ну да, Катериною, Катей. Такъ мы иназовемъ ее. По крайней мѣрѣ, она будетъ знать, что мы помнимъ о ней, и ты, и я...

Бѣлоснѣжка лежитъ, плотно сжавъ губы, на своемъ сверкающемъ подземномъ ложѣ. Она никому не разскажетъ, что ее убили. И никому не скажетъ, что желтолицый человѣкъ солгалъ, что онъ въ свой смертный часъ нашелъ въ себѣ силы солгать, чтобъ его дитя было счастливо. Ради своего дитяти онъ второй разъ убилъ — убилъ призракъ соперницы его дочери, его Іо.

Бѣлоснѣжка молчитъ: ей не дано говорить. Да, если бъ и дано было, тихая, кроткая бѣлая дѣвушка все равно, не сказала бы. Сжала бы губки, тихонько усмѣхнулась и подумала бы про себя: „Ну, что жъ, пусть будутъ счастливы, если имъ такъ ужъ хочется счастья“.

Тутъ и конецъ сказкѣ про Бѣлоснѣжку.

Перев. **З. Журавская.**

ВЪ МЕЧТАХЪ.

(ПО ДОРОГѢ ВЪ ЗВЕНИГОРОДЪ.)

По дѣлу мелкому въ глухой уѣздный судъ
Плетусь томительно съ нахмуреннымъ возницей.
Надъ нами облака кудрявыя плывутъ
Въ невѣдомую даль лиловой вереницей.
Не вяжется у насъ обычный разговоръ
О земскихъ платежахъ, пожарахъ и оброкѣ...
Встрѣчаетъ насъ лѣсной задумчивый просторъ
И озеро съ его волнистою осокой.
А дальше вижу я старинный барскій паркъ,
Со львами ветхія, обросшія ворота,
Бесѣдку стильную въ кругу разбитыхъ аркъ,
Гдѣ скачутъ воробьи и галки безъ заботы.
И мнѣ мечтается: княгиня страстно ждетъ
Меня — полковника временъ Екатерины
У тѣхъ заброшенныхъ тоскующихъ воротъ
И машетъ вѣткою душистаго жасмина.
Осадитъ кучеръ мой горячихъ лошадей,
И важно я сойду походкой величавой,
Но съ трепетомъ въ груди, къ красавицѣ моей,
Герой, увѣнчанный военной громкой славой.
Мы будемъ говорить о счастьѣ и любви
Въ тѣснистомъ паркѣ, тамъ, подъ дымкой лѣтней ночи.
И будутъ рокотать призывно соловьи,
А сквозь просвѣтъ вѣтвей заблещутъ неба очи...

. . . . . .

Мечты крылатыя летятъ себѣ, летятъ,
Картины радости рисуютъ кистью смѣлой...
Дѣйствительность жалка — я бѣдный адвокатъ,
Спѣшу въ уѣздный судъ на маленькое дѣло.

Анатолій Доброхотовъ.

ВОКРУГЪ ДОРОГОВИЗНЫ.

(ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.)

I

Въ отношеніи неизбѣжности обезцѣненія денегъ въ ходѣ войны и соотвѣтствующаго роста цѣнъ вполнѣ оправдались неблагопріятныя предсказанія, дѣлавшіяся наканунѣ нынѣшней міровой войны и рисовавшія дороговизну естественнымъ послѣдствіемъ нарушенія международнаго мира. Высокія цѣны, дѣйствительно, превратились теперь въ неизмѣннаго спутника военныхъ осложеній. Въ Англіи напр., за этотъ періодъ цѣны росли въ правильной прогрессіи, превышая цѣны наблюдавшіяся въ іюлѣ 1914 г., на 18,0% — въ январѣ 1915 г., на 32,5% — въ іюлѣ того же года 45,0% — въ январѣ 1916 г., и на 61% — въ іюлѣ [1]). Къ началу третьяго года войны, такимъ образомъ, англійскій соверенъ, по своей покупательной способности, упалъ съ 20 ш. до 12 ш. 2½ п.

Общественно-политической проблемой, однако, дороговизна не становится въ силу одной только всеобщности и неизбѣжности роста цѣнъ. Какимъ бы темпомъ цѣны ни поднимались, ихъ размѣръ безразличенъ для общества, разъ онѣ не давятъ на бюджетъ потребителя и не производятъ въ этомъ бюджетѣ существенныхъ перемѣнъ. Вопросъ о дороговизнѣ выдвигается на первый планъ лишь неблагопріятнымъ соотношеніемъ между общей суммой средняго заработка и средними цѣнами или, что то же, пониженіемъ реальной покупательной способности населенія.

Отсутствіемъ такого неблагопріятнаго соотношенія и объясняется тотъ относительный иммунитетъ отъ отрицательныхъ послѣдствій дороговизны, которымъ въ теченіе всего пережитаго періода конфликта Англія пользовалась безъ особенныхъ усилій, въ то время какъ въ другихъ воюющихъ странахъ вопросъ о дороговизнѣ острымъ ребромъ выпиралъ въ жизни тыла и отвлекалъ огромное ко-

---

[1]) „Board of Trade Labour Gazette“, за январь 1916 г. стр. 237—238.

личество творческой энергіи общества и государства. Паденіе въ цѣнности соверена здѣсь не давило на главную массу населенія въ силу того, что прогрессирующій ростъ цѣнъ встрѣчалъ вполнѣ противовѣсъ въ прогрессивномъ же ростѣ общей суммы заработковъ англійскаго рабочаго класса. Если къ 1-го января 1916 г. стоимость питанія рабочей семьи въ Англіи увеличилась на 45,0%, что означаетъ, при фактически не измѣнившейся суммѣ другихъ расходныхъ статей рабочаго бюджета[1]), повышеніе стоимости существованія всего на 27—35%, — то къ этому же времени заработная плата (т. е. расцѣнки сдѣльныя и поденныя) возросла, въ зависимости отъ категоріи рабочихъ, на 10—18 3/4 и даже 25%. При этомъ, какъ отмѣчалось „Рабочей Газетой Министерства Торговли" (январь 1916 г., стр. 4—5), „цифры... не принимаютъ въ расчетъ возрастанія заработковъ, какъ въ результатѣ сверхурочныхъ работъ и большой регулярности найма, что представляетъ собою самую замѣтную особенность 1815 г., такъ и широко проведеннаго перемѣщенія рабочихъ съ низко оплачиваемыхъ на значительно лучше оплачиваемые посты, благодаря острому недостатку рабочихъ рукъ въ амуниціонныхъ предпріятіяхъ". Особенно это послѣднее обстоятельство, — переходъ отъ плохо оплачиваемыхъ работъ на работы, гдѣ вознагражденіе больше, представляетъ собою весьма дѣйственный факторъ повышенія общей суммы рабочихъ заработковъ. Именно перемѣщенія эти за послѣднее столѣтіе были причиной повышенія уровня комфорта въ средѣ англійскихъ рабочихъ на сто процентовъ больше, чѣмъ если бы дѣйствовало одно только увеличеніе въ размѣрѣ оплаты труда и удешевленіе жизни[2]). Трудно, разумѣется, установить, за отсутствіемъ точныхъ статистическихъ данныхъ, реальный, выраженный опредѣленными абсолютными и относительными цифрами, размѣръ увели-

---

[1]) Самая крупная статья бюджета — квартирная плата, на которую уходитъ около четверти всего рабочаго дохода (по вычисленію извѣстной анкеты „Cost of living of the working classes", Cd. 3864, 1907) — почти совершенно не измѣнилась. За исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ Лондона, въ Англіи „рента" за время войны находилась, какъ правило, въ стаціонарномъ положеніи. Конечно, колебанія въ стоимости питанія несравненно серьезнѣе для бюджета наихуже оплачиваемыхъ категорій труда, въ виду того, что пропорція дохода, расходуемая на пищу, уменьшается по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ сумма дохода. Въ семьяхъ съ доходомъ ниже 30 ш. — на пищу тратится двѣ трети, тогда какъ при доходѣ въ 40 ш. и выше на это идетъ около 57%. См. „British and foreign trade and industrial conditions" (Second Fiscal Blue Book), Cd. 233 1904, стр. 6.

[2]) Ср. „Wages and price and cost of living", Labour Year Book 1916 стр. 208.

ченія покупательной способности населенія. Фактъ тотъ, что это увеличеніе было весьма значительно и что, — какъ на это указывалъ въ серединѣ мая 1916 г. извѣстный англійскій экономистъ, проф. Эшли, — населеніе не только въ состояніи выдерживать дополнительныя издержки, но и располагаетъ существеннымъ излишкомъ, съ помощью котораго оно повышаетъ уровень комфорта, сберегаетъ для будущаго или увеличиваетъ сумму доступныхъ ему удовольствій[1]).

Для Англіи поэтому долгое время проблема дороговизны не могла не быть несравненно болѣе академической, чѣмъ для другихъ участниковъ войны. За исключеніемъ начальной стадіи войны, когда впервые мирная атмосфера нормальнаго существованія Европы оказалась внезапно разсѣянной громомъ артиллерійскихъ залповъ, и естественной реакціей на создавшуюся общую неустойчивость положенія былъ бѣшеный ростъ цѣнъ, проблема эта здѣсь, фактически, даже и не значилась въ спискѣ проблемъ, требовавшихъ своего немедленнаго рѣшенія. Со стороны государства вовсе почти не наблюдалось попытокъ борьбы съ дороговизной. Только въ первые дни и недѣли „потребительской паники", которая вызвала „экстренное законодательство" по контролю за снабженіемъ населенія, заботы по охранѣ интересовъ гражданской части его фигурировали въ дѣятельности англійскаго кабинета; съ тѣхъ же поръ, можно сказать, кабинетъ Асквита и не предпринималъ планомѣрной борьбы съ ростомъ цѣнъ. Правда, угроза конфискаціи продуктовъ, сознательно не выпускаемыхъ на рынокъ съ цѣлью игры на повышеніе, нависшая надъ спекулянтами съ момента изданія „Articler of Commerce (Returns etc.) Act". 23 августа, 1914 г., — все время продолжала сохранять свою силу. Для опредѣленныхъ продуктовъ и для опредѣленныхъ отраслей народнаго хозяйства она не разъ являлась оздоровляющимъ факторомъ. Такъ, въ серединѣ 1916 г. съ ея помощью государство подвергло конфискаціи всю шерсть сбора 1916 г., на которой началась было спекулятивная игра, а еще ранѣе ссылка на полномочія правительства позволила министру торговли широко поставить контроль за торговымъ судоходствомъ. Равнымъ образомъ, сдѣланныя тогда же попытки обезпечить населеніе тѣми или иными продуктами (напр., сахаромъ) давали положительные результаты на протяженіи двухъ лѣтъ войны непрерывно, хотя и подвергались нерѣдко критикѣ со стороны торгово-промышленныхъ круговъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, дальнѣйшаго развитія начальныя мѣропріятія государства отнюдь не получали, несмотря на безоста-

---

[1]) The price of food", by prof. N. J. Ashley, „Times", N of 15 May, 1916.

новочный ростъ цѣнъ. Напротивъ, въ настроеніи руководителей государства въ Англіи неоднократно проявлялось стремленіе вернуться къ „естественной игрѣ экономическихъ силъ“ и подчиниться „желѣзному закону спроса и предложенія“, а въ экономической литературѣ дѣлались попытки по возможности рельефнѣе оттѣнить неудачи германской политики нормированія цѣнъ, съ цѣлью дискредитировать вмѣшательство государства въ эту область. Дѣлавшійся ею выводъ, что „установленіе максимальныхъ цѣнъ скорѣй создавало затрудненія, чѣмъ ихъ уничтожало“ [1]), былъ всецѣло воспринятъ англійскими политическими дѣятелями, не разъ высказывавшими сомнѣніе (какъ это сдѣлалъ напр., Асквитъ въ своемъ отвѣтѣ делегаціи тредъ-юніоновъ 19 іюня 1916 г.) — относительно того, былъ ли германскій „экспериментъ успѣшенъ“, и заявлявшими, что „насколько мы знакомы съ фактами, эти факты не предрасполагаютъ насъ къ повторенію или попыткамъ повторенія эксперимента здѣсь“. Въ общемъ, и само населеніе относилось настолько безразлично къ росту цѣнъ, что не оказывало на политическихъ дѣятелей опредѣленнаго давленія.

Правда, организованные рабочіе Англіи на каждомъ своемъ съѣздѣ выражали неудовольствіе по поводу непрерывнаго вздорожанія условій существованія. Но это вытекало не столько изъ сознанія тягостности возросшихъ цѣнъ для массы населенія, сколько изъ того факта, что ростъ цѣнъ, хотя и не связанный съ ухудшеніемъ положенія потребителя, ведетъ лишь къ обогащенію опредѣленнаго соціальнаго класса, къ укрѣпленію его экономической и политической мощи. Для этой позиціи представителей англійскаго рабочаго класса была характерна та альтернатива, которая всегда выдвигалась, когда тредъ-юніонистами выражался протестъ противъ роста цѣнъ, въ качествѣ мѣры борьбы съ дороговизной рабочими съѣздами всегда указывалась либо „конскрипція б гатства“, либо „нормировка цѣнъ“. Въ такой альтернативѣ ясно сказалось то, что тредъ-юніонисты подходили къ вопросу не съ точки зрѣнія потребителя, которому важна прежде всегда дешевизна продуктовъ, а съ точки зрѣнія производителя, стремящагося сократить долю общественнаго капитала, накопляемаго и отчуждаемаго въ свою пользу непроизводительными классами. Другими словами, дороговизна не давала себя чувствовать потребителю, т. е. не была по существу дороговизной, она безпокоила рабочихъ лишь какъ производителей, т. е. въ качествѣ орудія распредѣленія народнаго богатства, напра-

---

[1] „Attempt to fix prices in Gepmany“, by Mary Stocks, Economic Journal, vol. XXV, стр. 279.

вляющаго непропорціонально значительный избытокъ дополнительнаго національнаго дохода въ распоряженіе общественнаго класса, экономическіе и политическіе интересы котораго противоположны интересамъ рабочихъ.

Этотъ, наблюдавшійся въ теченіе почти всего періода переживаемаго конфликта относительный индифферентизмъ къ росту цѣнъ къ концу второго года войны смѣнился, однако, въ Англіи своей противоположностью.

Съ одной стороны, по мѣрѣ развитія военныхъ событій и ихъ вліянія на весь строй хозяйственной жизни страны, въ быту англійскихъ рабочихъ появился новый элементъ, самымъ серьезнымъ образомъ ограничившій силу естественнаго противовѣса этому росту. Политика экономіи въ расходованіи національнаго дохода, порожденная, какъ читатели знаютъ изъ нашей статьи „Подъ знакомъ экономіи" („Вѣст. Евр.", мартъ, 1916 г.), финансовыми затрудненіями при расплатѣ за быстро увеличивавшійся частный и государственный импортъ, побудила кабинетъ Асквита, въ рядѣ другихъ мѣръ, сократить и урегулировать темпъ повышенія заработной платы. Государство, превратившись въ главнаго потребителя продуктовъ народнаго хозяйства, заинтересовано было въ предупрежденіи дальнѣйшаго роста издержекъ производства, въ томъ числѣ и заработной платы. Особыми регламентами, опубликованными по соглашенію съ „Совѣщательнымъ комитетомъ по военному производству", состоящимъ изъ рабочихъ делегатовъ, и отдѣльными крупными тредъ-юніонами, было поэтому предусмотрѣно, что вопросъ о всякомъ увеличеніи расцѣнокъ долженъ пойти предварительно на расмотрѣніе опредѣленныхъ государственныхъ органовъ. Это было сдѣлано, понятно, съ цѣлью создать тормоза для дальнѣйшаго поступательнаго движенія заработной платы, которое одновременно увеличивало частное потребленіе и поднимало цѣны на продукты потребленія военнаго. Въ этомъ направленіи, по крайней мѣрѣ, велась политика государства по отношенію къ оплатѣ труда. Такъ, напр., въ октябрѣ 1915 г., когда для всѣхъ категорій желѣзнодорожнаго труда былъ, наконецъ, установленъ „военный прибавокъ" въ 5 шилл. въ недѣлю, „Національный союзъ желѣзнодорожныхъ служащихъ" (National union of railwaymen), по настоянію кабинета, далъ согласіе на то, чтобы въ теченіе войны не производилось дальнѣйшее повышеніе оплаты труда его членовъ. Аналогичные договоры заключили съ правительствомъ и другія рабочія организаціи. Естественно, результатомъ этого подчиненія вопроса о повышеніи заработной платы компетенціи государственныхъ органовъ не могло не быть то, что темпъ увеличенія оплаты труда въ теченіе 1916 г.

значительно замедлился. Опубликованныя министерствомъ торговли свѣдѣнія показываютъ, что въ то время, какъ за первую половину 1915 г. расцѣнки 2.080.000 рабочихъ были подняты на 369.635 ф. ст. въ недѣлю, или на 3 ш. $6^1/_2$ п. на душу, въ первую половину 1916 г. увеличеніе расцѣнокъ для 2.029.000 рабочихъ достигало уже только 234.000 ф. ст. въ недѣлю, или 2 ш. $3^1/_2$ п. на душу. Контрастъ въ темпѣ еще значительнѣе, если сравнить данныя за опредѣленные мѣсяцы. Такъ, въ маѣ 1915 г. расцѣнки 969.680 рабочихъ были подняты на 188.485 ф. ст., т. е. на 3 ш. $10^3/_4$ п. для каждаго, а въ маѣ 1916 г. воспользовались увеличенными расцѣнками всего 370.000 рабочихъ, при чемъ размѣръ увеличенія составлялъ уже лишь 31.000, иначе говоря, подушная надбавка равнялась, только 1 ш. 8 п. въ недѣлю. Все это свидѣтельствуетъ, конечно, объ извѣстной замедленности въ ростѣ общей суммы заработной платы страны.

Между тѣмъ, на ряду съ тенденціей къ замедленію въ ходѣ увеличенія заработной платы, ростъ цѣнъ наблюдался въ прежней прогрессіи. Противъ этого роста государствомъ не принимались особенно настойчивыя мѣры, въ виду того, что всякое сокращеніе покупательной способности населенія содѣйствовало рѣшенію въ томъ или иномъ направленіи задачи, чрезвычайно затруднявшей англійскій кабинетъ — именно, задачи возможно болѣе широкой экономіи въ частномъ потребленіи. Такимъ образомъ, къ концу второго года войны мало-по-малу стала исчезать главная причина относительной индифферентности массоваго потребителя къ росту цѣнъ — т. е., нормальное, и даже болѣе благопріятное, чѣмъ нормальное, соотношеніе въ темпѣ увеличенія дохода и издержекъ по снабженію предметами первой необходимости. Дороговизна стала врѣзываться острымъ клиномъ въ повседневную жизнь Англіи, производя въ бюджетѣ потребителя существенныя измѣненія и вырастая вмѣстѣ съ тѣмъ въ соціально-политическую проблему.

Особенное значеніе въ этомъ отношеніи пріобрѣло въ Англіи, въ условіяхъ военнаго времени, вздорожаніе свѣжаго молока. Цѣны на эту главную статью дѣтскаго питанія всегда были здѣсь въ достаточной мѣрѣ высоки, чтобы сдѣлать невозможнымъ, для значительныхъ, сравнительно, группъ населенія сколько-нибудь надлежащее потребленіе молока. Данныя, собранныя до войны многочиленными изслѣдованіями положенія низкихъ категорій труда, всегда ясно свидѣтельствовали о нежелательномъ, съ точки зрѣнія благополучія подрастающаго поколѣнія, обстоятельствѣ, что дѣти рабочихъ семей съ заработкомъ въ 1 ф. ст. въ недѣлю, или около того, никогда не имѣютъ возможности питаться этимъ продуктомъ. Даже

суррогаты свѣжаго молока нерѣдко становились въ недавнемъ прошломъ недоступными или менѣе доступными опредѣленнымъ слоямъ населенія. „Консервированное молоко, единственный родъ молока, который по средствамъ женщинѣ, располагающей 20 ш. въ недѣлю, теперь стоитъ на полпенни за жестянку дороже“ — отмѣчала, напр., г-жа Пемберъ Ривсъ въ отчетѣ объ анкетѣ, произведенной еще въ 1911 г. „Обществомъ фабіанцевъ“[1]). Общій ростъ цѣнъ придалъ этой статьѣ дѣтской діэты совершенно исключительное значеніе. Въ рабочемъ классѣ необходимо должно было произойти — и произошло — либо значительное сокращеніе потребленія молока вообще, либо замѣщеніе свѣжаго молока молочными суррогатами (молочная пудра, консервированное молоко и т. д.) въ несравненно большемъ масштабѣ, чѣмъ до войны. На „выставкѣ экономіи“, открывшейся въ Лондонѣ 26-го іюля 1916 г., гдѣ за наиболѣе экономное расходованіе семейнаго бюджета выдавались преміи, на разсмотрѣніе жюри было представлено много бюджетовъ рабочихъ семей съ доходомъ въ 30 ш., т. е. съ доходомъ, превышавшимъ въ полтора раза ту сумму, какая до войны не позволяла потреблять свѣжаго молока. Почти каждый бюджетъ этого порядка включалъ въ себѣ расходъ на молоко лишь явно недостаточнаго размѣра. Въ одномъ случаѣ только семья изъ пяти душъ потребляла свѣжее молоко, но всего на 1 ш. въ недѣлю или не болѣе двухъ квартъ; въ другихъ случаяхъ молоко совершенно отсутствовало или замѣнено было молочными препаратами[2]). Такимъ образомъ, на фонѣ общей дороговизны, вздорожаніе этого продукта вызвало серьезное сокращеніе его потребленія не только у семей, въ обычное время находящихся „по ту сторону черты нищеты“, но и у семей, ранѣе являвшихся потребителями молока въ болѣе или менѣе нормальныхъ размѣрахъ и обезпечивавшихъ своимъ дѣтямъ единственную дѣйствительно здоровую и необходимую пищу. Тѣмъ самымъ къ главному мотиву постановки общественно политической

---

[1]) „Family Life on a pound a week“, by Mrs Pember Reeves, Fabian Tract N 162, London, 1913, стр. 3.

[2]) Аналогичные факты сообщаетъ и „Женская Кооперативная Гильдія“, произведшая спеціальную анкету среди своихъ членовъ — женщинъ, принимающихъ участіе въ кооперативномъ движеніи. По даннымъ анкеты, одна семья, въ которой 5 человѣкъ — дѣти въ возрастѣ отъ 11 мѣсяцевъ и до 12 лѣтъ, потребляетъ теперь всего 1 пинту молока въ день, въ другомъ случаѣ, въ которомъ больному туберкулезомъ врачъ предписалъ молочную діэту, молоко было совершенно не по средствамъ. На ряду съ этимъ фактическимъ сокращеніемъ въ потребленіи свѣжаго молока, анкета Гильдіи отмѣчаетъ повсемѣстное употребленіе снятого и консервированнаго молока. Цит. по „The Daily News“, № отъ 14-го августа 1916 г.

проблемы дороговизны — неблагопріятному соотношенію между, съ одной стороны, ростомъ цѣнъ на продукты и предметы массоваго потребленія, а съ другой, возрастаніемъ денежнаго дохода — здѣсь присоединился и иной мотивъ, именно — сознаніе ущерба, наносимаго этой дороговизной подрастающему поколѣнію страны.

Въ нѣсколько меньшей мѣрѣ, но по существу вполнѣ аналогично, вызвали постановку этой проблемы и колебанія въ цѣнахъ на нѣкоторые другіе продукты первой необходимости, — колебанія, толкавшія государство на опредѣленныя мѣры борьбы съ дороговизной. Такую роль сыгралъ, напр., ростъ цѣнъ на уголь въ Лондонѣ въ суровую зиму 1914—1915 г., связанный со значительными страданіями для бѣднѣйшей части населенія столицы и приведшій, послѣ разслѣдованія положенія особой парламентской комиссіей, къ изданію въ іюлѣ 1915 г. „Coal Price (Limitation) Act", 1915. Этотъ „Актъ объ ограниченіи цѣнъ на уголь" — которымъ оптовая цѣна, назначаемая у „входа въ шахту", установлена была въ размѣрѣ, превышающемъ норму (т. е. среднюю цѣну, наблюдавшуюся между 13 іюня 1913 г. и 13 іюня 1914 г.) всего на 4 ш. — и предшествовавшее ему парламентское разслѣдованіе много содѣйствовали возбужденію общаго вопроса о дороговизнѣ задолго до того, какъ цѣны на остальные продукты стали давить на массоваго потребителя и произвели въ его бюджетѣ существенную перемѣну.

По мѣрѣ того, какъ вопросъ о дороговизнѣ началъ вырастать въ общественно-экономическую проблему, прежній, характерный для довольно длительнаго періода войны индефферентизмъ къ дороговизнѣ постепенно смѣнялся попытками энергичной борьбы съ нею. Это новое общественное настроеніе стало сказываться въ англійской жизни, прежде всего, значительнымъ усиленіемъ активности спеціальныхъ организацій, цѣлью которыхъ является охрана потребительскихъ интересовъ.

Запись массовыхъ потребителей въ члены кооперативныхъ обществъ за 1915—1916 г. достигла необычайныхъ размѣровъ. Въ одномъ, располагающемъ 40 тысячами членовъ бирмингамскомъ кооперативѣ — „Birmingham Industrial Co-operative Society" — послѣдній отчетъ правленія констатируетъ, напр., приростъ въ числѣ членовъ за время войны въ 50%. Даже небольшія потребительскія общества, въ которыхъ „дивидендъ на покупку" (т. е. сумма, возвращаемая покупателю по сведенію баланса пропорціонально суммѣ его покупокъ за опредѣленный срокъ), благодаря относительной незначительности торговаго оборота, невысокъ и не особенно поэтому облегчаетъ тяготы дороговизны, привлекаютъ теперь къ себѣ массоваго потребителя въ несравненно большемъ

числѣ, чѣмъ до войны. Такъ, „Кооперативное Общество Западнаго Лондона“, насчитывающее, вопреки двадцатилѣтнему существованію (въ Лондонѣ кооперація развивается крайне медленно) всего около 11 тысячъ членовъ и выдающее дивидендъ лишь въ 6—10 пенсовъ на фунтъ стерлинговъ покупокъ (при средней нормѣ его въ Англіи въ 2 ш. $5^1/_2$ п.), за два года войны занесло въ списки своихъ членовъ 2785 потребителей — цифра, которую ему не удавалось достичь даже за предшествовавшее пятилѣтіе, тоже отмѣченное значительнымъ ростомъ цѣнъ. Можно сказать, что по всей Англіи вздорожаніе условій существованія съ момента, когда оно начало давить, если не на всѣхъ потребителей одинаково, то на болѣе или менѣе значительныя массы ихъ весьма сильно, вызвало непреодолимое стремленіе къ кооперативному объединенію.

И для этого стремленія характерно особенно то, что англійскій потребитель не только идетъ въ уже существующія налаженныя организаціи, но и пытается создать потребительскія общества, своеобразнаго образца, приспособленныя къ специфическимъ потребностямъ минуты либо наиболѣе задѣтымъ въ данный моментъ интересамъ потребленія. Такимъ обществомъ является, напр., ассоціація, возникшая въ западномъ лондонскомъ пригородѣ Илингѣ, гдѣ вслѣдъ за повышеніемъ цѣны на молоко съ 5 п. за кварту до 6 п. группа болѣе или менѣе состоятельныхъ, на мѣрку мирнаго времени, лицъ — люди съ „неизмѣняющимся доходомъ“ (чиновники, городскіе и банковскіе служащіе и т. д.) — образовала кружокъ для „борьбы съ вымогательствомъ молочнаго треста“. Здѣсь, послѣ активной пропаганды, способствовавшей расширенію круга организованныхъ потребителей и обезпечившей возможность получать продуктъ непосредственно у фермеровъ, удалось снабжать членовъ новаго общества первоклассным молокомъ по цѣнѣ въ $4^1/_2$ п. за кварту.

Равнымъ образомъ, измѣнились въ Англіи и позиціи тредъюніонистовъ. Рабочія делегаціи, посылаемыя къ представителямъ министерства, настаиваютъ теперь уже не только на выдвигавшейся ими ранѣе альтернативѣ — либо конскрипція богатства, либо нормировка цѣнъ, а и на установленіи нормальнаго соотношенія между цѣнами и покупательной способностью населенія. Съ этой цѣлью ими предъявляется требованіе либо повышенія заработной платы, пенсій старости и тому подобныхъ формъ оплаты нынѣшняго и прошлаго труда, либо энергичной борьбы съ ростомъ цѣнъ.

На митингѣ исполнительнаго комитета „Національнаго Союза Желѣзнодорожниковъ“, напр., 2-го августа 1916 г. была вынесена

резолюція, не оставляющая никакихъ сомнѣній ни относительно самого факта подобной перемѣны, ни относительно причинъ ея. „Такъ какъ правительство, — говорилось въ этой резолюціи, — не предприняло дѣеспособныхъ шаговъ по контролю за цѣнами на продукты первой необходимости, то комитетъ, согласно инструкціямъ, даннымъ общимъ собраніемъ делегатовъ, постановляетъ обратиться ко всѣмъ желѣзнодорожнымъ компаніямъ Соединеннаго Королевства съ требованіемъ увеличить заработную плату всѣхъ членовъ союза на 10 ш. въ недѣлю, на слѣдующихъ основаніяхъ: во-первыхъ, продолжительность войны перешагнула за предѣлы, предусмотрѣнные договаривавшимися сторонами въ октябрѣ 1916 г., во-вторыхъ, стоимость существованія поднялась, и все еще продолжаетъ подниматься, въ болѣе значительной пропорціи, чѣмъ допустимо размѣромъ нынѣшнихъ заработковъ членовъ союза, во многихъ случаяхъ абсолютно недостаточныхъ для поддержанія достойнаго уровня существованія“.

Въ силу спеціальнаго соглашенія между главнѣйшими группами англійскихъ организованныхъ рабочихъ — углекопами, транспортными рабочими и желѣзнодорожными — извѣстныхъ подъ именемъ „Тройственнаго Союза“ (по которому требованія, выставленныя одной изъ союзныхъ организацій, поддерживаются остальными) подобное выступленіе „Національнаго Союза Желѣзнодорожниковъ“ пріобрѣтали бы значеніе крайне важнаго симптома общихъ настроеній англійскаго рабочаго класса по отношенію къ росту цѣнъ, если бы за этимъ выступленіемъ не послѣдовалъ даже цѣлый рядъ ему подобныхъ. Между тѣмъ по всей Англіи рабочія организаціи начали къ концу второго года войны созывать многотысячные протесты противъ дороговизны, подъ лозунгомъ „Руки прочь отъ пищи народа“ („Hands off from the Peeple's Food“), а спеціальный „Военный Комитетъ“ этихъ организацій („War Emergency Committee“) добился свиданія съ премьеромъ для подачи ему докладной записки по вопросу о дороговизнѣ. Очевидно, теперь и рабочіе здѣсь подходятъ къ вопросу о дороговизнѣ съ точки зрѣнія уже и потребителя, а не только производителя, выдвигаютъ впередъ интересы потребленія, требующіе дешевизны продуктовъ.

Вздорожаніе молока побудило и муниципалитеты поднять свой голосъ. 57 мѣстныхъ самоуправленій выступили въ защиту дѣтей: „Въ интересахъ публичнаго здравія и благополучія дѣтей, — читаемъ въ ихъ резолюціи, — мы съ серьезнымъ безпокойствомъ разсматриваемъ ростъ цѣнъ на молоко, особенно въ то время, когда муниципалитеты получаютъ отъ правительства указанія на необходимость принять всевозможныя мѣры по уходу за дѣтьми, и наста-

иваемъ на томъ, чтобы правительство предприняло всѣ необходимые шаги по контролю за цѣнами на молоко въ интересахъ подрастающаго поколѣнія страны".

Все это вмѣстѣ взятое — и наличность въ соціально-экономической жизни Англіи реальныхъ условій возникновенія проблемы дороговизны, и вытекающее отсюда стремленіе населенія къ удешевленію существованія — не могло поддерживать прежней индифферентности государства къ вопросу о дороговизнѣ. Кабинетъ Асквита, если и не перемѣнилъ сразу же своего отношенія къ этому вопросу, то, во всякомъ случаѣ, сдѣлалъ шагъ въ сторону удовлетворенія общественныхъ требованій, назначивъ въ концѣ іюля 1916 г. особый комитетъ при министерствѣ торговли для разслѣдованія причинъ, вызвавшихъ и продолжающихъ вызывать общее вздорожаніе условій существованія, и разработки конкретныхъ мѣръ борьбы съ ростомъ цѣнъ. Государство, прибѣгнувъ къ назначенію этого комитета, въ которомъ, къ слову сказать, особенно сильно представлены рабочіе[1]) поставило изученіе вопроса на широкій фундаментъ. Комитетъ уполномоченъ „разслѣдовать главныя причины, которыя привели къ вздорожанію продуктовъ общаго потребленія съ самаго начала войны, и рекомендовать такія, необходимыя для улучшенія положенія мѣры, какія кажутся практичными и своевременными въ виду необходимости поддерживать должный притокъ продуктовъ". За всѣмъ тѣмъ, планъ всесторонней, координированной борьбы съ дороговизной ставился государствомъ въ зависимости отъ сущности причинъ этой дороговизны, и первый опубликованный 29 сентября 1916 г. докладъ комитета посвященъ не столько даже животрепещущему вопросу о мѣрахъ борьбы, сколько академическому анализу роста цѣнъ такихъ продуктовъ, какъ мясо, молоко и копченая свинина, т. е. весьма важной, но не отвѣчающей прямо на общественныя требованія задачѣ.

II.

На первый взглядъ, поступательное движеніе цѣнъ въ Англіи за время войны слѣдуетъ приписать относительному сокращенію реальнаго предложенія. Съ такимъ объясненіемъ мы встрѣ-

---

[1]) Въ комитетъ, работающій подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго автора экономическихъ и соціологическихъ трудовъ, Дж. Робертсона, вошли такіе крупные дѣятели рабочаго и соціалистическаго движенія, какъ членъ „Общества фабіанцевъ", г-жа Пемберъ Ривсъ, члены „Независимой Рабочей Партіи" — Кляйнсъ и В. Андерсонъ — лица, давно посвятившія свое время и энергію изученію вопроса о дороговизнѣ и въ теченіе войны не мало поработавшія надъ возбужденіемъ интереса къ нему.

чаемся постоянно и въ парламентѣ, и въ прессѣ, его выдвигалъ въ своемъ предварительномъ отчетѣ уже знакомый намъ комитетъ по изученію дороговизны въ Англіи и имъ предусматривается и опредѣленная линія поведенія. „Въ общей сложности, — говорилъ, напр., товарищъ министра торговли, Претименъ, въ палатѣ общинъ 23-го августа 1916 г. — за время войны должно было имѣть мѣсто огромное увеличеніе потребленія... — вполнѣ достаточное, чтобы послужить причиной весьма значительнаго роста цѣнъ. Съ другой стороны, предложеніе одновременно сократилось съ отвлеченіемъ труда отъ земледѣлія... Цѣны, съ которыми мы имѣемъ дѣло, не британскія только, но и міровыя, такъ какъ современныя транспортныя средства превратили цѣны всѣхъ важнѣйшихъ продуктовъ въ міровыя цѣны... Всѣ наши усилія должны быть поэтому направлены въ сторону увеличенія количества поступающихъ на торговый рынокъ товаровъ".

Подобный діагнозъ болѣзни, отъ которой къ концу второго года войны стала страдать Англія, равно какъ и предложенное лѣкарство, далеко, конечно, не безосновательны. Для Англіи, какъ страны, вынужденной организовывать свое нормальное снабженіе на основѣ развитого океанскаго транспорта, сокращеніе транспортныхъ средствъ, достигшее за два года войны почти трети общаго тонажа мірового судоходства, означало сокращеніе и въ общемъ объемѣ предложеній на англійскомъ торговомъ рынкѣ. Въ силу нѣкоторыхъ обстоятельствъ, съ которыми мы познакомимся ниже, абсолютное уменьшеніе въ тонажѣ судовъ, разгруженныхъ въ англійскихъ портахъ, не привело къ абсолютному уменьшенію англійскаго импорта, по крайней мѣрѣ — поскольку рѣчь идетъ о главныхъ статьяхъ его[1]). Несмотря, однако, на это, предложеніе на внутреннемъ рынкѣ Англіи оказывается все-таки сравнительно упавшимъ въ силу того, что на ряду съ сокращеніемъ транспортныхъ средствъ, угрожавшихъ абсолютно уменьшить импортъ, наблюдался непрерывный ростъ спроса.

Въ англійской арміи солдатъ потребляетъ приблизительно въ полтора раза больше, чѣмъ онъ потреблялъ, когда не былъ еще одѣтъ въ куртку защитнаго цвѣта. Призывъ на дѣйствительную службу шести милліоновъ душъ связанъ былъ поэтому со значительнымъ повышеніемъ спроса на продукты массоваго потребленія и соотвѣтствующимъ сокращеніемъ предложенія на общемъ товарномъ рынкѣ.

---

[1]) Если принять количество соотвѣтствующихъ товаровъ, ввезенныхъ въ Англію въ іюнѣ 1914 г., за 100, то въ іюнѣ 1916 г. цифры ввоза составятъ, для зерна — 112,1, для мяса — 107,2 для масла и маргарина — 69,4, для сыра — 119,0, для какао — 274,0, для сахара — 97,9, для чая — 85,2 для табака — 217,8 и т. д., См. „Board of Trade Labour Gazette" іюль 1916 г., стр. 263.

Яснѣе всего это сказалось въ отношеніи мясного снабженія. Весь мясной импортъ монополизированъ государствомъ для снабженія своихъ и союзныхъ войскъ (бельгійскихъ, французскихъ и итальянскихъ), и на долю частнаго потребленія идетъ лишь излишекъ ввезеннаго продукта. Какое значеніе это имѣетъ для уровня цѣнъ на мясномъ рынкѣ — даетъ представленіе пропорція замороженнаго мяса, въ нормальное время дополнявшаго недостатокъ въ мясѣ туземномъ и составлявшаго, по даннымъ 1913 г., 40,9% общаго мясного потребленія[1]). Характерно, что цѣны на привозную говядину возросли въ Англіи значительно больше — въ іюлѣ 1916 г., по сравненію съ іюльскими цѣнами 1914 г., на 79—98%, въ зависимости отъ сорта мяса, чѣмъ на говядину туземную, для которой вздорожаніе опредѣлилось 60—80%. Но аналогичное неблагопріятное соотношеніе спроса и предложенія дѣйствовало въ смыслѣ повышенія цѣнъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда государство не прибѣгало къ прямой реквизиціи продуктовъ — на зерновомъ и др. рынкахъ. Таково неизбѣжное слѣдствіе отвлеченія отъ производительной дѣятельности многомилліонныхъ массъ и превращеніе ихъ въ непроизводительныхъ потребителей: независимо отъ возможнаго во время войны роста и частнаго потребленія, спросъ арміи поглощаетъ не только дополнительный ввозъ, но и тотъ ввозъ, который въ мирное время шелъ на удовлетвореніе нормальнаго частнаго спроса. „Усиленіе рекрутировки для увеличенія боевыхъ силъ и пополненія расходовъ въ людяхъ, — писалъ еще въ концѣ 1915 г. Дж. Гобсонъ, — увеличиваетъ потребленіе, уменьшая въ то же время производительныя силы націи, пригодныя для удовлетворенія нуждъ гражданскаго населенія. Такимъ образомъ, каждая дальнѣйшая фаза войны должна сказаться въ жизни рабочихъ дальнѣйшимъ вздорожаніемъ условій существованія“ [2]).

Въ этомъ отношеніи, иначе говоря, Англія раздѣляетъ полностью судьбу всѣхъ другихъ участниковъ войны. И если бы причиной возникновенія здѣсь проблемы дороговизны было только то, что съ развитіемъ военныхъ операцій неизбѣжно суживается русло, по которому притекаетъ масса продуктовъ народнаго потребленія, то борьба съ ростомъ цѣнъ сводилась бы и здѣсь къ мѣрамъ, диктуемымъ въ такихъ условіяхъ давно установленной общественно-экономической функціей высокихъ цѣнъ — именно, принудительной эконо-

---

[1]) „Seventeenth Abstract of Labour Statistics of United Kingdom“, Cd. 7733, 1915, стр. 46.

[2]) „The Cost of Living“, by John Hobson, „Labour Yearbook“ for 1916, Лондонъ; 1916, стр. 216.

міей въ потребленіи [1]). Какъ извѣстно, эта функція высокихъ цѣнъ приводитъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ къ явному неравенству въ распредѣленіи общественнаго продукта; такъ какъ подобныя цѣны нарушаютъ бюджетное равновѣсіе массоваго потребителя несравненно болѣе, чѣмъ равновѣсіе бюджета имущихъ классовъ, то экономія въ потребленіи достигается ими цѣною усиленія соціальной несправедливости. Тѣмъ самымъ диктуется и ихъ альтернатива — именно государственная и муниципальная регламентація потребленія въ интересахъ массъ, подобная той, какая имѣетъ мѣсто (на ряду, впрочемъ, съ высокими цѣнами) въ Германіи. Политика хлѣбныхъ, мясныхъ и иныхъ карточекъ вытекаетъ сама собою изъ діагноза дороговизны, какъ болѣзни „тощихъ годовъ". И этотъ выводъ уже дѣлался въ англійскомъ парламентѣ. „Если необходимо ограничить потребленіе ввозимой пищи..., ограниченіе должно быть проведено путемъ прямого регулированія потребленія — говорилъ въ палатѣ общинъ бывшій морской министръ, Уинстонъ Черчилль, 22-го августа 1916 г. — Надлежащій способъ — это выпускъ мясныхъ и хлѣбныхъ карточекъ, либо комбинація того и другого". Иныхъ методовъ борьбы съ дороговизной при данныхъ условіяхъ и не существуетъ, а соціально-политическія послѣдствія такой борьбы строго ограничены сущностью этого метода, по природѣ своей являющагося для современнаго человѣчества „экстреннымъ", т. е. пріуроченнымъ къ строго ненормальному, несвойственному состоянію производственныхъ силъ положенію вещей и проводящемъ въ жизнь индустріализованнаго общества чуждыя ему основы „коммунизма нищеты".

Но при всей справедливости и обоснованности діагноза наблюдающейся въ Англіи дороговизны, какъ болѣзни „тощихъ годовъ", эта формула еще не исчерпываетъ вопроса о причинахъ поступательнаго движенія здѣсь цѣнъ. Этотъ вопросъ несравненно сложнѣе проблемы соотношенія „спроса" и „предложенія", понимаемаго въ обычномъ смыслѣ этого слова. Передъ нами налицо фактъ не абсолютнаго сокращенія „предложенія" въ смыслѣ отсутствія физической и экономической возможности снабжать населеніе требуемымъ количествомъ продуктовъ (какъ это справед-

---

[1]) „Если сумма предложенія не можетъ быть вовсе увеличена въ какой либо періодъ (напр., 11-мѣсячный періодъ между жатвой одного и жатвой слѣдующаго года въ тѣ времена, когда зерно не могло поступать въ Европу изъ южнаго полушарія) — говоритъ Э. Кэнанъ въ „Economic Journal" (vol. XXV, стр. 267—268) ростъ цѣнъ полезенъ потому, что онъ вводитъ экономію въ потребленіе... народъ, подъ давленіемъ роста цѣнъ, урѣзываетъ потребленіе такъ, чтобы данное количество продукта хватало на весь періодъ, а не было потреблено ранѣе его окончанія".

ливо по отношенію къ Германіи), и даже не фактъ возрастанія „спроса“ далеко за предѣлы, въ которыхъ рессурсы поставщиковъ Англіи и ея транспортныя средства не въ состояніи удовлетворять этотъ спросъ. Анализъ колебаній цѣнъ показываетъ, что въ хозяйственной жизни страны непрерывно дѣйствовалъ, въ теченіе двухъ лѣтъ войны, факторъ, существенно отклонявшій стрѣлку этого колебанія въ сторону отъ равнодѣйствующей „спроса“ и „предложенія“.

Общее количество зерна, напр., поступившаго на англійскій рынокъ за 48 недѣль истекшаго „зернового года“ (по 29 іюля 1916 г. включительно) равнялось 97, 311, 785 имперскимъ квартерамъ, тогда какъ въ 1914—1915 гг. за соотвѣтствующій періодъ оно составляло всего 91, 614, 112 кв., а въ послѣдній передъ войною „зерновой годъ“ (1913—1914)—91, 987, 958 кв. Иначе говоря, въ теченіе второго года войны населеніе Англіи получило на 5,7% больше зерна, чѣмъ до нынѣшняго конфликта. Весьма вѣроятно, конечно, что частное и военное потребленіе хлѣба здѣсь нѣсколько превышаетъ нормальный спросъ на зерно. Бюджеты рабочихъ семей, собранные „Женской Кооперативной Лигой“, свидѣтельствуютъ, во всякомъ случаѣ, о дѣйствительномъ увеличеніи хлѣбнаго потребленія: въ бюджетѣ, признанномъ руководителями анкеты типичнымъ, вмѣсто 56 ф. хлѣба, покупавшихся до войны семьей изъ 9 душъ, въ недѣлю, въ концѣ второго года войны показано уже 84 ф. или на 50% больше. Равно поднялось потребленіе зерновыхъ продуктовъ и въ арміи. Но имѣющіяся данныя не позволяютъ предполагать, что ростъ „спроса“ на много превышаетъ ростъ „предложенія“. Извѣстно, что потребленіе хлѣба стаціонарно и даже падаетъ, когда увеличивается потребленіе другихъ продуктовъ; арміи же предоставлена разнообразная пища, и, такимъ образомъ, трудно предположить, что войско требуетъ намного больше хлѣба, чѣмъ составляющіе его потребляли до призыва на дѣйствительную службу. Что касается типичныхъ примѣровъ перехода гражданскаго населенія на исключительно хлѣбную пищу, то характеръ этихъ примѣровъ лишаетъ возможности дѣлать на основаніи ихъ выводъ о значительности роста общаго потребленія хлѣба. Анкета „Женской Кооперативной Лиги“ имѣла цѣлью иллюстрировать крайніе случаи давленія высокихъ цѣнъ на потребителя, и поэтому коснулась преимущественно семей, чей доходъ за время войны измѣнялся мало или вовсе не измѣнялся. „Мой мужъ — клэркъ, — писала, напр., Лигѣ одна хозяйка на поясненіе своего бюджета. — Онъ не получаетъ никакого военнаго надбавка и не имѣетъ никакого дополнительнаго заработка... До войны мы по

субботамъ отправлялись на Смитфильдскій рынокъ (извѣстный центральный мясной рынокъ Лондона) и покупали тамъ за 2 ш. 6 п. баранью ногу, хватавшую намъ, съ экономіей, на обѣды въ теченіе всей недѣли, но теперь мы можемъ покупать только небольшой кусокъ мяса, что хватаетъ намъ съ трудомъ на пару дней. Остальные дни мы живемъ хлѣбомъ съ масломъ и небольшими порціями молочнаго пуддинга, къ которому приходится прибавлять воды". Аналогично экономическое положеніе и другихъ семей, у которыхъ анкетой констатированъ переходъ къ исключительно хлѣбной пищѣ. Въ среднемъ, однако, заработокъ населенія въ Англіи началъ отставать отъ роста цѣнъ лишь въ самое послѣднее время, и потому дороговизна не въ состояніи была еще произвести подобный же переворотъ въ бюджетѣ англійскаго массоваго потребителя. Между тѣмъ, цѣны на хлѣбъ, устанавливаемыя здѣсь въ прямой зависимости отъ цѣнъ на зерно (вздорожаніе квартера послѣдняго на 4 ш. автоматически приводитъ къ повышенію стоимости 4-фунтового хлѣбца на $^1/_2$ п.), поднялись съ $5^1/_2$ п. — стоимость хлѣба въ Лондонѣ наканунѣ войны — до 9 и даже $9^1/_2$ п., т. е. на 63,6—72,7 %.

Что такой ростъ цѣнъ былъ совершенно непропорціоналенъ соотношенію спроса и предложенія, можно видѣть и потому, что имѣло мѣсто на лондонской зерновой биржѣ въ серединѣ августа 1916 г. Округъ, обслуживаемый послѣдней, требуетъ, по свѣдѣніямъ лондонскаго еженедѣльника „The Statist" (№ отъ 19-го августа, 1916 г., стр. 347), около 100.000 квартеровъ зерна въ недѣлю. Къ 1-го іюля въ этомъ округѣ имѣлось 218.000 кв. зерна и 154.000 мѣшковъ муки (эквивалентъ, приблизительно, 343.000 кв. зерна, количество, достаточное для болѣе, чѣмъ трехнедѣльнаго снабженія его населенія. Въ теченіе шести недѣль, считая съ этого времени, поступило въ лондонскія зернохранилища еще 575.000 кв. привознаго зерна и 125.000 мѣшковъ муки. Несмотря на это, цѣна зерна за тотъ же періодъ поднялась съ 52 ш. за квартеръ до 72 ш. или на 38,4%. Ясно, что въ данномъ случаѣ цѣны не соотвѣтствовали равнодѣйствующей спроса и предложенія — тѣмъ болѣе, что при такомъ же точно соотношеніи того и другого ровно годъ тому назадъ стоимость квартера пшеницы равнялась 60—62 ш. или была на 13,9—16,7 % меньше. Другими словами, колебанія цѣнъ въ Англіи за время войны, дѣйствительно, не могутъ быть всецѣло объяснены формулой „соотношеніе спроса и предложенія", такъ какъ налицо имѣются колебанія, вызываемыя совершенно инымъ фактомъ.

Конечно, характеръ этого фактора въ достаточной мѣрѣ вскрывается уже самой возможностью подобныхъ произвольныхъ колеба-

ній въ цѣнахъ. Рѣчь идетъ понятно, о спекулятивной игрѣ на повышеніе, которая царитъ теперь на любомъ англійскомъ рынкѣ. Даже такіе органы финансоваго міра какъ „Times“, вынуждены признать это. „Систематическія усилія не выпускать пшеницу на рынокъ иначе, какъ по фантастическимъ цѣнамъ... не дѣлаются,— читаемъ мы въ № отъ 16-го августа 1916 г. — Но, если уборка съ рынка нѣкоторыхъ сортовъ зерна немедленно по ихъ поступленіи и удержаніе ихъ въ складахъ въ теченіе неопредѣленно длительнаго срока такъ, чтобы заставить мельниковъ покупать исключительно дорогіе сорта... составляетъ „корнеръ“ въ зернѣ, то было бы трудно отрицать, что въ настоящее время мы переживаемъ такой „корнеръ“. Еще опредѣленнѣе выражался другой, спеціально финансовый и экономическій органъ, не только утверждавшій, что быстрый скачекъ цѣнъ на пшеницу съ 52 ш. до 72 ш. за квартеръ въ теченіе второй половины іюля и первой августа былъ плодомъ спекуляціи, но и точно называвшій цифру чистой наживы, которой воспользуются спекулянты въ случаѣ успѣха, — 7 или 8 ш. на квартеръ удерживаемаго отъ продажи зерна[1]). Наконецъ, докладъ комитета, государственнаго контроля („Committee of Public Accounts“), опубликованный въ серединѣ августа, содержитъ рядъ важныхъ фактовъ, иллюстрирующихъ точно такое же положеніе вещей и въ дѣлѣ военнаго снабженія. По сообщенію комитета, департаменты, траты которыхъ подверглись обслѣдованію, вынуждены были вести непрерывную борьбу со стремленіями предпринимателей вырабатывать „на почвѣ національной нужды совершенно ненормальную прибыль“, и въ докладѣ постоянно встрѣчаются упоминанія о неблагопріятномъ вліяніи картелей и др. промышленныхъ комбинацій на условія заключенія контрактовъ. Правительству, испытавшему нужду въ немедленной поставкѣ опредѣленныхъ продуктовъ, приходилось „принимать всѣ продукты независимо отъ цѣнъ на нихъ[2]) и въ конечномъ счетѣ, въ виду „ясно чрезмѣрныхъ“ („clearly exorbitant“) требованій, прибѣгнуть къ угрозѣ прямой конфискаціи. Все это показываетъ, какова движущая сила вздорожанія жизни — она заключается, разумѣется, въ повышеніи цѣнъ далеко за предѣлы нормальныхъ издержекъ производства и распредѣленія общественнаго продукта. И достаточно взглянуть на „балансы“ торговыхъ фирмъ, закончившихъ къ іюлю 1916 г. свой операціонный годъ, чтобы убѣдиться въ такомъ именно происхожденіи высокихъ цѣнъ. Предпріятія самаго разно-

[1]) „The Statist“: „The London wheat corner“, въ № отъ 12 августа 1916 г. стр. 306.

[2]) Second Report of Public Accounts Committee, H. C. 115, 1916, стр. 7.

образнаго типа регистрируютъ удвоенныя, по сравненію съ нормой мирнаго времени, прибыли. Такъ, фирма „Workington jron and Steel“ закончила 1915—1916 операціонный годъ съ прибылью въ 485.410 ф. ст., что превысило на 278.939 ф. ст. или на 135% прибыль, реализованную въ 1913—1914 г. другая судовладѣльческая фирма, по свѣдѣніямъ, оглашеннымъ въ палатѣ общинъ 23 августа, закончила годичныя операціи съ прибылью на 187% превысившей обычный размѣръ ея; крупнѣйшее ситценабивное товарищество „Calico Printers' Association“, подвело балансъ съ избыткомъ въ 1.104.732 ф. ст., вмѣсто 443.786 ф. ст., занесенныхъ въ балансъ 1913—1914 г., даже небольшая химическая фабрика „Roburite and Ammonal, Ltd“, уплатившая уже налогъ на военную прибыль въ 60% въ состояніи была дать своимъ акціонерамъ 36.095 ф. ст. чистой прибыли, по сравненію съ 5843 ф., отмѣченной въ качествѣ таковой въ отчетѣ за 1913—1914 г.

Такимъ образомъ, ближайшей причиной образованія въ Англіи проблемы дороговизны является не только и даже не въ подавляющей мѣрѣ естественное сокращеніе предложенія по сравненію со спросомъ, а характеръ народно-хозяйственной организаціи, позволяющей ассоціаціямъ промышленниковъ и торговцевъ регулировать цѣны въ узко групповыхъ интересахъ. Въ Англіи, иначе говоря, повторилось то же, что имѣло мѣсто и въ Германіи — именно, использованіе войны опредѣленными группами населенія въ ущербъ остальной массѣ его. И до накопленія горючаго матеріала общественнаго недовольства безпрестаннымъ ростомъ цѣнъ, отношеніе здѣсь государства къ подобной эксплоатаціи момента внѣшнихъ осложненій для наживы было отмѣчено печатью относительнаго индифферентизма, и даже съ возникновеніемъ широкаго движенія среди потребителей это отношеніе продолжало носить ту же печать. Въ области снабженія гражданскаго населенія имъ не было создано никакого дѣйствительнаго противовѣса антиобщественнымъ операціямъ картелей и трестовъ. Напротивъ, тенденція къ повышательному движенію цѣнъ въ этой области какъ будто даже встрѣчала поддержку со стороны кабинета Асквита. Предписанный соотвѣтствующимъ закономъ („Coal Price Limitation Act“, 1915) минимумъ цѣнъ на уголь „у входа въ шахту“ въ 4 ш. сверхъ среднихъ цѣнъ, наблюдавшихся до войны, имъ былъ поднятъ, напр., въ концѣ іюня 1916 г. для южно-уэльскаго горно-заводскаго округа, согласно ходатайству углепромышленниковъ, на 2 ш. 6 п., т. е. до 6 ш. 6 п., хотя ростъ издержекъ производства отнюдь не оправдывалъ подобнаго шага.

Здѣсь именно и наталкиваемся на основную сущность той

причины, которая породила въ Англіи проблему дороговизны. Демократически организованное государство, опирающееся на волю большинства населенія, не можетъ быть направлено на обслуживаніе частныхъ интересовъ въ явный ущербъ интересамъ общимъ. Если, поэтому, оно поддерживаетъ въ извѣстной мѣрѣ повышательную тенденцію цѣнъ, то, очевидно, эта тенденція въ той или иной степени должна оказаться не только полезной и выгодной тѣмъ, сравнительно малочисленнымъ группамъ населенія, которыя наживаются на дороговизнѣ, но и соотвѣтствующей жизненнымъ интересамъ самого государства. И не трудно увидѣть, что, дѣйствительно, отношеніе послѣдняго къ росту цѣнъ диктуется его военно-финансовой политикой.

Благодаря размѣрамъ военныхъ тратъ, свободныхъ денегъ въ странѣ теперь крайне мало. Мы это можемъ видѣть и по бюллетенямъ денежнаго рынка страны, съ каждой недѣлей войны отмѣчающимъ растущую „scarcity of money" т. е. недостатокъ въ деньгахъ, и по состоянію обычнаго барометра торговыхъ финансовъ, по учетному проценту Англійскаго банка, поднявшемуся за время войны съ $2^3/4$ до 6 % (къ августу 1916 г.). Характерно для этого недостатка денегъ что сравнительно небольшой заемъ, устроенный здѣсь Новымъ Южнымъ Уэльсомъ по $5^1/4$ % годовыхъ, потерпѣлъ полную неудачу [1]). Несмотря на это, государство требуетъ, однако, ежедневно отъ 5 до 6 милліоновъ ф. ст. — сумму, почти что равнявшуюся суммѣ ежедневнаго національнаго дохода до войны.

Правда, ему нужны не столько деньги, сколько продукты и услуги, пригодные для утилизаціи въ ходѣ военныхъ операцій. Но оно получаетъ все необходимое для снабженія арміи не путемъ прямой реквизиціи (размѣръ реквизиціонныхъ операцій его крайне ограниченъ, и, при томъ, всегда подобныя операціи выполняются съ вознагражденіемъ владѣльца), а утилизируя свою покупательную способность на національномъ рынкѣ. Слѣдовательно, ему надо предварительно пріобрѣсти эту покупательную способность. И оно пріобрѣтаетъ ее не столько даже путемъ косвенной реквизиціи, податнаго обложенія, сколько путемъ привлеченія въ сундуки казначейства соотвѣтствующей части національнаго дохода въ видѣ подписки на свои долго- и краткосрочные займы. По росписи на 1916—1917 г., напр., налоговыя поступленія обѣщаютъ дать 502.275.000 ф. ст., тогда какъ всякаго рода внутренніе займы должны обезпечить поступленіе 902.498.575, ф. ст. Тѣмъ самымъ создается въ Англіи настойчивая потребность въ капитализаціи національ-

---

[1]) „The Statist", отъ 19 августа 1916 г., стр. 314.

наго дохода, такъ какъ при отсутствіи свободныхъ денегъ займы могутъ быть покрыты подпиской, и государство можетъ получить необходимую покупательную способность лишь въ томъ случаѣ, если требуемыя суммы будутъ съ должной быстротой образовываться въ ходѣ зарабатыванія національнаго дохода и изъ суммъ этого послѣдняго [1]). Поэтому къ концу второго года войны мы и наблюдаемъ въ Англіи формированіе послѣдовательной финансовой политики, направленной именно къ обезпеченію капитализаціи возможно большей доли національнаго дохода.

Въ теченіе уже болѣе, чѣмъ годичнаго періода казначейство здѣсь не выпускаетъ свидѣтельствъ единовременнаго долгосрочнаго займа; „фондовый долгъ" (funded debt) не пополняется съ момента заключенія послѣдняго $4^1/_2$% займа, давшаго 582.630.000 ф. ст., несмотря на то, что такой долгъ считается англійскими финансистами единственно цѣлесообразной и безопасной формой государственнаго долга. Вмѣсто него, накопляется, такъ наз., „текущій долгъ" (floating debt), представляющій собою кратковременные займы государства — срокомъ даже на 3 мѣсяца. „War loans", занимавшіе такое большое мѣсто въ финансовой политикѣ англійскаго казначейства въ теченіе перваго года войны и подлежащіе погашенію не ранѣе 1925 и не позже 1945 г., т. е. много времени спустя по возстановленіи нормальной хозяйственной активности, исчезли за время второго года войны, и на смѣну имъ появились „Treasury Bills" (векселя казначейства) срокомъ на 3, 6, 9 и 12 мѣсяцевъ, либо „Treasury Bonds" (обязательства казначейства) срокомъ отъ 3—5 лѣтъ, двухлѣтнія „War Expenditure Certificates" (свидѣтельства военныхъ расходовъ) и „War Saving certificates" (свидѣтельства военныхъ сбереженій) въ 1 ф. ст. номинальныхъ, распродаваемыя при посредствѣ банковъ и почтовыхъ конторъ по цѣнѣ въ 15 ш. 6 п. Такихъ „векселей", „обязательствъ" и „свидѣтельствъ" было выпущено по 19 августа 1916 г. на 1.240.030.000 ф. ст., при чемъ на долю „векселей" приходится изъ этой суммы 840,363.000 ф. ст. или свыше двухъ третей (67,7%), и это предпочтеніе данной формѣ финансированія войны можетъ имѣть только одно объясненіе. Какъ ни желательно, съ точки зрѣнія финансовой

---

[1]) Въ противномъ случаѣ будетъ имѣть мѣсто то, что въ Англіи принято называть „inflation", т. е. увеличеніе денежнаго обращенія безъ соотвѣтствующаго увеличенія реальнаго капитала. Выпускъ займовъ покрываемыхъ такимъ фиктивнымъ кредитомъ, тожественъ „кредитнымъ операціямъ", выражающимся выпускомъ неограниченнаго количества бумажныхъ денегъ и сказывающимся паденіемъ цѣнности денежной единицы, т. е. дороговизной жизни.

устойчивости, заключеніе долгосрочныхъ займовъ и образованіе „фондоваго долга“, политика „текущаго долга“, угрожающая, въ случаѣ затрудненій на денежномъ рынкѣ, поставить казначейство въ безвыходное положеніе въ моментъ погашенія очередныхъ векселей (на что и указывалось въ палатѣ общинъ во время дебатовъ по кредитамъ министерства финансовъ 10 августа), диктуется объективнымъ состояніемъ англійскаго денежнаго рынка. При отсутствіи свободныхъ средствъ, казначейство въ состояніи привлечь въ свои сундуки нужныя суммы только въ случаѣ, если оно будетъ собирать всякую „свободную покупательную способность“, какъ только она создается въ процессѣ образованія національнаго дохода. Единственнымъ фактически, средствомъ подобнаго уловленія ея является именно выпускъ краткосрочныхъ обязательствъ: „большая часть денегъ въ Лондонѣ, — читаемъ мы въ органѣ извѣстнаго англійскаго финансиста и статистика, сэра Пейша, — въ настоящее время не пригодна для помѣщенія въ долгосрочныхъ обезпеченіяхъ, а нынѣшній учетный процентъ либо поощряетъ прямое помѣщеніе иностранныхъ денегъ въ векселяхъ казначейства, либо позволяетъ банкамъ и учетнымъ конторамъ предлагать благопріятныя условія для утилизаціи свободныхъ средствъ на короткій срокъ [1]). Иначе говоря, съ помощью „векселей казначейства“ создается спеціальный магнитъ для капиталовъ, фактически не свободныхъ, не представляющихъ собою „сбереженій“ націи, но въ извѣстной стадіи своего обращенія временно освобождающихся и въ этомъ полусвободномъ состояніи поглощаемыхъ операціями казначейства. Тѣмъ самымъ, въ хозяйственной жизни страны, на ряду съ „денежнымъ голодомъ“, появляется, благодаря военнымъ тратамъ, прямая тенденція къ возможно большей капитализаціи національнаго дохода, такъ какъ капиталистически организованное хозяйство не можетъ функціонировать безъ достаточнаго капитальнаго обращенія, и суммы, искуственно отвлекаемыя казначействомъ, необходимо должны покрыться вновь образующимся общественнымъ капиталомъ.

Эта же, созданная военными тратами потребность въ усиленной капитализаціи національнаго дохода выдвигаетъ на первый планъ ту общественно-экономическую функцію высокихъ цѣнъ, которая сводится къ ускоренію процесса накопленія общественнаго капитала. Въ капиталистически организованномъ обществѣ цѣны играютъ, какъ извѣстно, роль рычага, направляющаго продуктъ національнаго производства по опредѣленному руслу. При цѣнахъ, покрывающихъ только реальныя издержки производства,

---

[1]) „The Statist“, № отъ 12 августа 1916 г., стр. 292.

полный продуктъ труда поступаетъ въ распоряженіе тѣхъ, кто его производитъ, и тѣмъ самымъ накопленіе капитала замедляется или даже совершенно пріостанавливается; личное потребленіе (учитываемое, какъ часть издержекъ производства, — возстановленіе живой рабочей силы) поглощаетъ цѣликомъ результаты затраты хозяйственной энергіи. При высокихъ же цѣнахъ, значительно превышающихъ издержки производства, часть количественно такой же хозяйственной энергіи страны можетъ быть направлена на потребленіе общественное, т. е. на образованіе общественнаго капитала. Эти цѣны означаютъ высокій уровень прибылей, что, въ свою очередь, равносильно огромному накопленію покупательной способности въ рукахъ группъ населенія, не испытывающихъ настоятельной потребности въ немедленной утилизаціи этой способности для удовлетворенія личныхъ нуждъ и потому затрачивающихъ свои избыточныя средства на развитіе производственныхъ силъ. Процессъ накопленія общественнаго капитала, другими словами, ускоряется, при прочихъ равныхъ условіяхъ, пропорціонально росту цѣнъ.

Но ростъ цѣнъ непропорціонально издержкамъ производства происходитъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ только однимъ путемъ — именно, путемъ вздуванія цѣнъ. Отсюда слѣдуетъ, что финансовая политика, поощряя тенденцію къ капитализаціи все большей и большей доли національнаго дохода, открываетъ полную возможность и повышательнаго движенія цѣнъ, такъ какъ проведеніе ея въ жизнь предполагаетъ какъ разъ тотъ ростъ прибылей, который предусматриваетъ и повышеніе стоимости товаровъ непропорціонально издержкамъ производства. При высокихъ цѣнахъ государство, иначе говоря, погашаетъ свои военные счета путемъ утилизаціи соціально-экономической функціи этихъ цѣнъ и превращаетъ тѣмъ самымъ процессъ накопленія общественнаго капитала, съ помощью эксплоатаціи потребителя, изъ общественно-вреднаго въ общественно-полезное явленіе. Таковъ именно былъ смыслъ отвѣта, даннаго Асквитомъ депутаціи тредъ-юніонистовъ 19 іюля. „Одно изъ главныхъ средствъ борьбы съ дороговизной, — говорилъ онъ, — заключается въ контролѣ надъ торговымъ судоходствомъ и огосударствленіи его съ цѣлью понизить фрахтъ. Весьма значительная доля дополнительныхъ прибылей судоходства, — продолжалъ онъ, — берется государствомъ въ видѣ налога на таковую. Что же касается остатка, то въ интересахъ страны, чтобы былъ созданъ значительный резервъ капиталовъ для подготовки къ международному соперничеству послѣ войны“.

III.

Съ одной стороны, такимъ образомъ, за время войны въ соціально-экономической жизни Англіи образовались все предпосылки возникновенія въ обостренной формѣ проблемы дороговизны, съ другой же стороны, характеръ этой проблемы связалъ ростъ цѣнъ, въ ходѣ развитія англійской финансовой политики, съ военными финансами, превращающими, по крайней мѣрѣ, на первый взглядъ — свойственный капиталистическому режиму процессъ накопленія общественнаго капитала путемъ эксплоатаціи потребителя въ болѣе, чѣмъ когда-либо цѣнное для общества явленіе. Такова та дилемма, лицомъ къ лицу съ которой государство въ Англіи оказалось къ началу третьяго года войны. Сравнительно простая, если брать ее, какъ продуктъ „тощихъ годовъ", проблема дороговизны, въ такой постановкѣ, превращается въ крайне сложную задачу, вокругъ нея наматывается настолько запутанный клубокъ соціальныхъ противорѣчій, что бездѣйствіе государства становится легко объяснимымъ явленіемъ.

Дороговизна, однако, ударила въ Англіи по существованію массъ, — если не равномѣрно, то, во всякомъ случаѣ, настолько ощутительно, что ничто не въ состояніи въ большей мѣрѣ служить источникомъ осложненій, чѣмъ именно это бездѣйствіе. Броженіе среди рабочихъ, упершихся въ тупикъ государственнаго „индифферентизма" къ росту цѣнъ, уже разлилось широко по всей странѣ. Стачка желѣзнодорожниковъ, едва не вспыхнувшая по вопросу о повышеніи „военнаго добавка" на 10 ш. въ недѣлю и предупрежденная только согласіемъ удвоить существующій „военный добавокъ", была выраженіемъ этого броженія. Но повышеніе заработной платы, ради котораго возникаетъ внутренняя междуусобица—какъ это сознается самими рабочими— отнюдь не рѣшаетъ вопроса. Облегчая отчасти положеніе тѣхъ, на долю кого выпало повышеніе, оно оставляетъ попрежнему въ тѣни огромную массу потребителей и даже еще ухудшаетъ ихъ положеніе. Увеличеніе денежнаго дохода части потребителей только усиливаетъ спросъ на рынкѣ съ ихъ стороны въ ущербъ остальной массѣ потребителей, такъ какъ оно открываетъ возможность еще болѣе значительной „игрѣ на повышеніе". Характерно, что въ ходѣ образованія въ Англіи проблемы дороговизны это обстоятельство играло чрезвычайно важную роль: „Въ странѣ — сообщалъ, напр., „Times" въ № отъ 16 сентября 1916 г., — цѣны стоятъ выше тамъ, гдѣ значительная пропорція рабочихъ зарабатываетъ крупныя суммы... Розничныя цѣны на пищевые припасы, за исключеніемъ хлѣба, про-

являютъ поразительное неравенство и, повидимому, опредѣляются суммой, которую можно вытянуть у потребителя... Именно въ такихъ округахъ наиболѣе серьезно недовольство среди тѣхъ, чей доходъ не возросъ подъ вліяніемъ войны". Въ силу этой безполезности, при сложившихся обстоятельствахъ, увеличенія номинальной заработной платы, углекопы, напр., (какъ на это указалъ предсѣдатель ежегодной конференціи федерированныхъ горнозаводскихъ округовъ Англіи и Уэльза, Стефенъ Уолшъ) „воздерживались отъ использованія преимуществъ, доставляемыхъ имъ благопріятнымъ соотношеніемъ спроса и предложенія на рынкѣ горнозаводскаго труда". Тѣмъ самымъ, рабочими выдвигается на первый планъ именно задача борьбы съ повышательнымъ движеніемъ цѣнъ. „Рабочіе, — говоря словами того же дѣятеля англійскаго тредъ-юніонизма, — не могутъ игнорировать факта, что... весь базисъ соглашеній относительно заработной платы будетъ уничтоженъ, если останутся въ силѣ условія, низводящія покупательную способность заработка... почти что къ нулю... На пути къ увеличенію стоимости существованія должна быть поставлена прочная преграда, такъ какъ... есть предѣлъ человѣческому долготерпѣнію, и регулированіе цѣнъ на пищевые припасы и всѣ другіе предметы первой необходимости является спѣшнымъ очереднымъ вопросомъ, если не хотятъ ввергнуть Англію въ водоворотъ серьезныхъ внутреннихъ осложненій".

Такое настроеніе главной массы потребителей побуждаетъ общественное мнѣніе страны толкать государство въ сторону того или иного рѣшенія стоящей передъ нимъ дилеммы. Ни одинъ органъ печати не считаетъ теперь допустимымъ дальнѣйшую неопредѣленность государственной политики въ данномъ вопросѣ. Если радикальный еженедѣльникъ „Nation" указываетъ, что „страна не намѣрена дольше выносить то скандальное вздуваніе прибылей, которое было столь печальной чертой войны" [1]), то и въ „Times" мы встрѣчаемся съ признаніемъ, что „правительство (откладывая рѣшеніе проблемы дороговизны) играетъ съ огнемъ и напрашивается на катастрофу [2])". Болѣе того, въ томъ же „Times" появилась даже попытка ослабить впечатлѣніе отъ критики германскихъ мѣропріятій по борьбѣ съ дороговизной, критики, выдвигаемой здѣсь представителями кабинета въ отвѣтъ на ходатайства муниципалитетовъ, рабочихъ организацій и т. д. о регулированіи цѣнъ. Бывшій берлинскій корреспондентъ газеты пишетъ въ № отъ 23 сен-

---

[1]) № отъ 23 сентября 1916 г., стр. 775.

[2]) Изъ письма А. Шэдуэлля въ № отъ 20 сентября 1916 г.

тября 1916 г., что „поскольку рѣчь идетъ о Германіи, важно не то, что пищевые припасы стоятъ тамъ дорого, а то, что цѣны на нихъ стали при системѣ контроля, повидимому, устойчивыми... Нѣмецкая схема контроля была неудовлетворительной и продолжаетъ быть таковой. Во многихъ случаяхъ максимальныя цѣны устанавливались слишкомъ поздно, и вслѣдствіе этого уровень ихъ опредѣленъ былъ непомѣрно высокимъ, и всей организаціи дѣла мѣшало сильное вліяніе аграріевъ, особенно прусскихъ, и различные политическіе и иные факторы, ослаблявшіе силу „вмѣшательства правительства". Но главное то, что именно „вмѣшательство правительства" спасло положеніе въ Германіи... Цѣны въ Германіи не поднимаются потому, что „вмѣшательство правительства" не допускаетъ роста ихъ" [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, зависимость военныхъ финансовъ отъ темпа накопленія общественнаго капитала частными лицами перестала подъ вліяніемъ нароставшаго недовольства дороговизной, обладать тѣмъ вѣсомъ, какимъ она располагала до того. Съ рѣзкой критикой финансовой политики, связывающей расплату по военнымъ счетамъ съ дороговизной, выступили въ палатѣ общинъ не только представители рабочихъ, но и другіе коммонеры. „Мы нуждаемся въ дѣеспособномъ обложеніи, намъ нужно каждое пенни, которое мы въ состояніи собрать этимъ путемъ, а судовладѣльцы накопляютъ огромныя прибыли, и мы беремъ, съ помощью особаго налога, 60% этихъ прибылей, — говорилъ, напр., Черчилль 22 августа 1916 г. — ...Я считаю этотъ аргументъ совершенно порочнымъ и незаконнымъ съ точки зрѣнія государственной политики. Если мы имѣемъ въ виду, когда разсматриваемъ вопросъ о цѣнахъ, систему обложенія, то я скажу, что мы не можемъ создать большаго зла или худшей системы обложенія, чѣмъ та, съ помощью которой мы пользуемся группой лицъ такъ, какъ будто она была сборщикомъ податей, и даемъ этой группѣ собирать подати съ большой выгодной для себя путемъ обложенія продуктовъ первой необходимости... Если рѣчь о накопленіи резервнаго капитала на послѣвоенный періодъ, то я долженъ сказать, по этому поводу что такой аргументъ не допустимъ въ демократической странѣ. Общее несчастіе, выпадающее на долю народныхъ массъ во время войны, не должно быть использовано, какъ средство аккумуляціи

---

[1]) „Движеніе цѣнъ въ Германіи за іюль, — читаемъ мы, напр., въ „Board of Trade Labour Gazette" (сентября 1916, стр. 314) — ...таково, что не производитъ фактически никакихъ перемѣнъ въ общемъ уровнѣ цѣнъ по сравненію съ предшествующимъ мѣсяцемъ". Въ Англіи же наблюдается ростъ дороговизны почти что въ правильной ариѳметической прогрессіи.

капитальныхъ фондовъ въ частныхъ рукахъ для утилизаціи ихъ по окончанію войны къ частной выгодѣ".

Тѣмъ самымъ, государству въ Англіи диктовалось вполнѣ опредѣленное рѣшеніе поставленной передъ нимъ дилеммы. И такой выводъ сдѣланъ былъ даже первымъ докладомъ комитета, назначеннаго для изученія проблемы дороговизны, хотя, въ общемъ, этотъ докладъ признанъ былъ далеко неудовлетворительнымъ, какъ проявляющій недостаточную рѣшительность и отсутствіе твердо опредѣлившихся принциповъ [1]). Начиная съ предложенія, чтобы муниципалитеты открывали всюду, гдѣ имѣется основаніе предпологать вздуваніе цѣнъ, собственныя мясныя, молочныя, булочныя, бакалейныя и зеленныя лавки и кончая пожеланіемъ, чтобы правительство урегулировало ввозъ въ Англію продуктовъ соотвѣтственно реальнымъ потребностямъ населенія, — во всемъ докладѣ комитета красной нитью проходитъ мысль о необходимости болѣе энергичнаго воздѣйствія государства на цѣны, независимо отъ послѣдствій, съ какими связано это для военныхъ финансовъ.

Въ сущности, иначе и не могло быть. Въ ходѣ образованія въ Англіи проблемы дороговизны выяснилось одно, чрезвычайно важное для опредѣленія соціально-политическихъ результатовъ постановки этой проблемы обстоятельство. Мы говоримъ о попутномъ превращеніи государства въ одного изъ самыхъ главныхъ потребителей и соотвѣтствующей окраскѣ его интересовъ въ потребительскіе цвѣта.

Существеннымъ условіемъ возникновенія здѣсь проблемы дороговизны было, какъ мы знаемъ, возрастаніе военнаго потребленія за счетъ потребленія гражданскаго. Армія выступила въ роли потребителя на общемъ рынкѣ, и именно ея соперничество здѣсь съ населеніемъ и открыло возможность спекулятивной игры на повышеніе. Тѣмъ самымъ, для государства, какъ потребителя въ колоссальномъ масштабѣ, далеко не могъ быть безразличенъ ростъ цѣнъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній непосредственно касался его покупательной способности. Хотя положеніе цѣнъ на общемъ рынкѣ, поскольку оно задѣвало интересы, главнымъ образомъ, гражданскаго населенія, не вызвало со стороны кабинета Асквита, какъ правило, активныхъ шаговъ, покуда, во всякомъ случаѣ, этихъ шаговъ не требовало настойчиво общественное мнѣніе — то все же положеніе ихъ на спеціально военномъ рынкѣ необходимо должно было безпокоить Spending Departments (расходующіе департа-

---

[1]) Ср., напр., передовую „The Price of food" въ „Daily News" отъ 30 сентября.

менты) правительства. Подобная „потребительская“ позиція государства вытекала, понятно, изъ сущности затрудненій, съ которыми связана задача изысканія средствъ на финансированіе войны въ размѣрахъ, почти что равныхъ нормальному ежегодному доходу націи. Отсюда та настойчивость, съ какой министерство финансовъ въ Англіи добивалось съ самаго начала войны возможно болѣе полнаго контроля надъ расходами военнаго и морского министерствъ, отсюда тотъ рядъ мѣръ для приспособленія тяжеловѣсной бюрократической машины къ чрезвычайно спѣшнымъ и требующимъ немедленнаго рѣшенія вопросамъ этого контроля, о которыхъ сообщаетъ въ своемъ второмъ докладѣ „Committe of Public Accounts“ [1]).

Само собою, эта „потребительская“ позиція государства отчетливѣе и скорѣе всего выяснилась въ области снабженія арміи военнымъ матеріаломъ, такъ какъ именно въ этой области кабинетъ наткнулся сразу же на „явно вымогательскія стремленія“ поставщиковъ, а потому здѣсь прежде всего и сказались попытки государства защитить свои потребительскіе интересы. Съ помощью цѣлаго ряда предписаній, изданныхъ на основаніи Defence of the Realm Acts (Актовъ о защитѣ державы) органы его получили полномочія подвергать безусловной реквизиціи земельные участки (регламентъ № 2), амуницію, „военный матеріалъ всякаго рода, пищу, фуражъ и всевозможные продукты и припасы, требующіеся въ связи съ производствомъ амуниціи или для этого производства“ (регламентъ № 2-б) выработку фабрикъ, производящихъ амуниціи или оружіе (регл. № 7), самыя фабрики (регл. № 8), „Актъ объ амуниціи“ (Munition of War Act), въ свою очередь, уполномочилъ спеціально образованное министерство контролировать производство аммуниціи въ интересахъ государства-потребителя. Результатомъ всего этого было то, что издержки по военному снабженію арміи были понижены въ среднемъ на 25—30%, и многіе продукты теперь поставляются министерству амуниціи даже по болѣе низкимъ цѣнамъ, чѣмъ до войны. Въ опубликованныхъ 10 октября протоколахъ „Комитета Государственнаго Контроля“ сообщается, напр., что кордитъ въ 1915 г. обходился министерству въ 2 ш. 3 п. за фунтъ, а въ 1916 г. уже только въ 1 ш. $7^1/_2$ п. — меньше, чѣмъ въ нормальное время; стоимость 18 фунтовыхъ снарядовъ была понижена, съ помощью полномочій, данныхъ Defence of the Realm Acts, съ

---

[1]) Всѣ спѣшные финансовые вопросы по тратамъ адмиралтейства, напр., рѣшаются не самимъ адмиралтействомъ, а спеціальнымъ комитетомъ казначейства съ участіемъ одного представителя морскихъ властей. См. Second Report стр. 3.

20—23 ш. до 12 ш. 6 п.; пропорціональнаго пониженія министерство добилось для всѣхъ другихъ снарядовъ.

Но военнымъ снабженіемъ въ узкомъ значеніи этого слова дѣло не могло, конечно, ограничиться. Армія потребляетъ не только снаряды, а „явно вымогательскія“ цѣны поставщиками назначались для всего, на что существовалъ исключительный спросъ — отъ джутовыхъ мѣшковъ, нужныхъ для укрѣпленія траншейныхъ брустверовъ и до мяса, шерсти, сѣна и т. п. продуктовъ, закупаемыхъ правительственными агентами для нуждъ арміи. По этому государдарству необходимо должно было принять аналогичныя мѣры, въ интересахъ экономіи, во всей области снабженія арміи. Эти мѣры и были приняты путемъ дополненій къ „Актамъ о защитѣ державы“, какъ только выяснилось, что „обычный способъ закупки неудовлетворителенъ въ силу того, что правительство закупаетъ фактически не только все, что предпріятія производятъ, но во многихъ случаяхъ нуждается даже въ большихъ количествахъ и тѣмъ самымъ обязано принимать продукты независимо отъ цѣнъ на нихъ“ [1]). Результатъ подобныхъ мѣръ оказался, понятно, такимъ, какого государство-потребитель желало: „во многихъ случаяхъ правительство брало подъ свой контроль цѣлыя отрасли производства,—такія, какъ джутовое или производство кожи для обуви—съ тѣмъ результатомъ, что экономія на джутовыхъ мѣшкахъ для брустверовъ достигаетъ не менѣе 3 милліоновъ ф. ст. въ годъ, и кромѣ того весьма значительныя сбереженія сдѣланы на закупкѣ другихъ предметовъ“ [2]).

Но для того, чтобы подобные результаты могли оказаться въ жизни англійской арміи, государству нужно было взять подъ свой контроль цѣлыя отрасли народнаго хозяйства, нужно было организовать, фактически, всю національную промышленность. Дѣло въ томъ, что, въ сущности, невозможно провести твердой границы между частнымъ и спеціально военнымъ потребленіемъ, когда рѣчь идетъ о милліонахъ мобилизованныхъ гражданъ. Армія въ значительной мѣрѣ пользуется тѣми же продуктами, которые идутъ на удовлетвореніе нуждъ и гражданскаго населенія, а назначеніе сырья, утилизируемаго въ народно-хозяйственныхъ процессахъ и закупаемаго предпріятіями, можетъ быть установлено только послѣ окончательной переработки его въ продукты непосредственнаго потребленія. Поэтому государство, добиваясь экономіи въ расходованіи своихъ средствъ, вынуждено было подчинить своему вѣдѣнію болѣе или менѣе всю область хозяйственной активности страны.

---

[1]) Second Report of Public Accounts Committie стр. 7.
[2]) Ibid.

Это подчиненіе—происходящее лишь постепенно, по мѣрѣ уясненія конкретныхъ нуждъ арміи, но съ каждымъ дальнѣйшимъ мѣропріятіемъ все глубже захватывающее народное хозяйство, и имѣло мѣсто въ Англіи въ теченіе всего военнаго времени. Какую бы область индустріи мы ни взяли, мы всюду наталкиваемся на наличность государственнаго контроля. Конечно, степень этого контроля далеко не всюду одинакова. Если въ амуниціонныхъ или приспособленныхъ подъ выработку аммуниціи предпріятіяхъ, либо въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ она настолько велика, что превращаетъ все производство въ государственную монополію, руководимую министерствомъ аммуниціи или аналогичнымъ учрежденіемъ, то въ другихъ разрядахъ народно-хозяйственнаго аппарата она настолько незначительна, что государству предоставляется лишь право конечнаго наблюденія за операціями частныхъ лицъ. За всѣмъ тѣмъ, можно было бы сказать, что англійское народное хозяйство въ настоящее время переживаетъ, если уже не пережило, процессъ послѣдовательнаго огосударствленія.

Въ тѣхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, когда контроль не полонъ; когда частнымъ иниціативамъ все еще предоставляется извѣстная свобода, соблазнъ вздутыхъ цѣнъ служитъ неопродолимымъ импульсомъ къ укрѣпленію за государствомъ болѣе полной мѣры контроля. Такъ было, напр., съ операціями на рынкѣ одного сорта лака, съ помощью которыхъ цѣны на этотъ лакъ поднялись на 100 % и побудили правительство, согласно офиціальному извѣщенію, „предпринять шаги къ пріостановкѣ вздуванія цѣнъ на продуктъ, необходимый для военныхъ цѣлей". Такъ было затѣмъ съ поставкой шерсти, ростъ цѣнъ на которую наканунѣ послѣдней, осенней сборки шерсти, вызвалъ со стороны государства весьма серьезный шагъ. Вся собранная шерсть была подвергнута реквизіи, и распредѣленія этого сырья среди его потребителей-владѣльцевъ шерстонабивныхъ и шерстоткацкихъ фабрикъ было поручено особому комитету по установленнымъ государствомъ цѣнамъ; продажа же сукна допускается лишь на условіи, что надбавка къ предписаннымъ цѣнамъ, т. е. прибыль предпріятій, будетъ строго ограничена указанными комитетомъ нормами. Этотъ шагъ послѣдовалъ потому, что, въ виду возможности еще одной зимней кампаніи, армейскіе заказы на шерстяные предметы создавали благопріятную почву для спекуляціи, а,—какъ убѣжденъ „Times",—усиленіе государственнаго контроля „сохранитъ странѣ много милліоновъ фунтовъ стерлинговъ". Слѣдуетъ отмѣтить также аналогичное закрѣпленіе за государствомъ роли верховнаго контролера народно-хозяйственной активности и въ каменноугольной промышленности, гдѣ постепенно отъ установленія пріоритета госу-

дарственныхъ заказовъ на уголь и антрацитъ дѣло развивалось въ сторону всѣ болѣе и болѣе полнаго контроля и привело къ тому, что существующіе три комитета) по усиленію выработки каменноугольныхъ копей, по контролю за цѣнами и по экспорту угля) объединены были подъ общимъ руководствомъ для большей координированности дѣйствій и гдѣ уже возникла мысль о переходѣ всѣхъ копей въ прямое завѣдываніе этихъ комитетовъ. Наконецъ, помимо монополіи на мясной импортъ, о которомъ уже упоминалось выше, а равно и монополіи на ввозъ сахара, установленной въ самомъ началѣ войны; государство ввело также, если не монополію, то, во всякомъ случаѣ, достаточно существенный контроль и за импортомъ зерна. Оно предписываетъ, чтобы судна, грузящіяся въ Аргентинѣ, Канадѣ также или Соединенныхъ Штатахъ, заполняли 75% своей грузовмѣстимости именно зерномъ, оно скупило на монопольныхъ началахъ весь избытокъ зерна въ Австраліи и Индіи. Оно воспользовалось своими запасами зерна и требованіемъ грузить судна на три четверти этимъ продуктомъ для того, чтобы разбить позиціи зерновыхъ синдикатовъ, устраивавшихъ „корнеръ" на зернѣ еще въ февралѣ 1916 г., когда, вслѣдствіе спекуляцій, стоимость хлѣба поднялась до 9 п. и угрожала дойти до 10 п. за четырехфунтовый хлѣбецъ: благодаря вмѣшательству государства, цѣны на зерно упали съ 74 ш. за квартеръ до 51 ш., и населеніе получило возможность покупать хлѣбъ за 8 п. Но въ виду того, что далеко не всегда и не во всѣхъ случаяхъ этотъ процессъ оказывался дѣйствительнымъ, государство 10 октября назначило спеціальную коммиссію „для изысканія новыхъ источниковъ зернового снабженія, для покупки и продажи зерна и контроля за доставкой его и муки, и вообще для выработки мѣръ по поддержанію зернового снабженія".

Такое усиленіе и расширеніе государственнаго контроля производится, понятно, по соображеніямъ военной необходимости и въ интересахъ, прежде всего, правильнаго удовлетворенія нуждъ англійской арміи. Даже въ области зернового снабженія пріоритетъ интересовъ арміи сказался въ томъ, что полному подчиненію этого дѣла вѣдѣнію государства предшествовали шаги по координаціи закупокъ иностраннаго зерна, производимыхъ союзными правительствами. Въ концѣ 1915 г., какъ объ этомъ сообщилъ 10 октября министръ торговли Ренсименъ въ палатѣ общинъ, англійскимъ, французскимъ и итальянскимъ правительствами былъ назначенъ особый комитетъ для общей закупки зерна и предупрежденія повышательнаго движенія цѣнъ на зерновомъ рынкѣ подъ вліяніемъ несогласованныхъ, сталкивающихся выступленій на немъ. Но отсутствіе строго опредѣленной границы между чисто военнымъ потреб-

леніемъ и спросомъ со стороны гражданскаго населенія не позволяетъ отдѣлить мѣры, направленныя къ обезпеченію интересовъ арміи, отъ мѣръ, предназначенныхъ къ обслуживанію нуждъ населенія. Если зерновая монополія необходима потому, что въ противномъ случаѣ снабженіе арміи мучными продуктами не было бы поставлено на прочную базу, то тѣмъ самымъ на долю государства выпадаетъ отвѣтственность за все — и военное и невоенное — снабженіе. Помимо даже прямого желанія его руководителей, оно вынуждено озаботиться доставкой мучныхъ припасовъ и гражданскому населенію. Аналогично, государство — монопольный торговецъ шерстью отвѣтственно за удовлетворительное снабженіе шерстяными предметами всего населенія — и той части его, которая находится на фронтѣ, и той, которая остается въ тылу. Именно поэтому экстренный конгрессъ тредъ-юніонистовъ въ Лондонѣ постановилъ въ концѣ іюля добиваться, съ цѣлью борьбы съ дороговизной, слѣдующаго:

1) эффективнаго контроля надъ судоходствомъ и перехода его въ государственную собственность;

2) реквизиціи зерновыхъ продуктовъ туземнаго происхожденія по справедливымъ цѣнамъ, исключающимъ спекулятивное вздуваніе ихъ и эксплоатацію населенія, контроля надъ иностраннымъ и колоніальнымъ зерномъ соотвѣтственно нуждамъ страны,

и 3) закрѣпленія цѣнъ на уголь путемъ поправокъ и дополненій къ „Акту объ ограниченіи цѣнъ на уголь“, для огражденія потребителя отъ чрезмѣрныхъ цѣнъ, требуемыхъ копевладѣльцами и торговцами углемъ въ обходъ явнымъ намѣреніямъ акта.

И характерно, что первый же докладъ комитета по изученію дороговизны въ Англіи въ значительной мѣрѣ ограничился, въ области конкретныхъ указаній, только подчеркиваніемъ необходимости укрѣпить уже существующую систему, развить ее и расширить сферу ея операцій до предѣловъ, включающихъ обслуживаніе нуждъ гражданскаго населенія. „Мы подписали рекомендаціи, на которыхъ сошлись всѣ члены комитета, — прибавляли къ докладу въ особой запискѣ семь членовъ комитета (всего въ комитетѣ 12 человѣкъ), — придерживаясь убѣжденія, что если эти рекомендаціи будутъ координировано проведены въ жизнь, то онѣ окажутъ явно укрѣпляющее вліяніе на цѣны. Но, вдобавокъ, мы хотѣли бы настаивать на слѣдующихъ предложеніяхъ. Нынѣшнія обстоятельства, будучи совершенно исключительными и ненормальными, поддаются легко использованію для вздуванія цѣнъ и накопленія крупныхъ прибылей, и мы полагаемъ, что зло не можетъ быть пріостановлено иначе, какъ вмѣшательствомъ правительства...

Правительство, мы полагаемъ, должно было бы все болѣе и болѣе расширять закупку мяса и копченой свинины изъ источниковъ, внѣ Англіи находящихся — гдѣ возможно стать монопольнымъ закупщикомъ, и должно настаивать на томъ, чтобы покупающая публика пользовалась полностью выгодами благопріятныхъ условій закупки[1])". Иначе говоря, самый фактъ превращенія государственнаго аппарата въ аппаратъ контроля за основной функціей народнаго хозяйства — удовлетвореніемъ жизненныхъ потребностей человѣка — является отправной точкой цѣлесообразной борьбы съ дороговизной: онъ создаетъ возможность огражденія интересовъ гражданскаго населенія въ полной гармоніи съ интересами арміи и государства въ цѣломъ.

И слѣдуетъ замѣтить, что государство въ Англіи, несмотря на установившуюся связь дороговизны съ финансовой политикой его и вытекающимъ отсюда воздержаніемъ въ теченіе долгаго времени отъ послѣдовательнаго прямого воздѣйствія на уровень цѣнъ, необходимо утилизировало эту возможность въ тѣхъ случаяхъ, когда оно становилось монопольнымъ поставщикомъ того или иного продукта. Наибольшій опытъ въ данномъ отношеніи оно пріобрѣло, разумѣется, въ области снабженія населенія сахаромъ: съ самаго начала войны здѣсь дѣйствуетъ система монопольной закупки сахара, такъ какъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій автоматически закрылись источники, откуда страна до того получала свыше 75% всего потреблявшагося ею сахара, и опытъ этой системы рельефно оттѣняетъ значеніе для населенія государства какъ поставщика. Правда, цѣны на сахаръ стоятъ теперь въ Англіи несравненно выше, чѣмъ до войны, — именно, онѣ поднялись къ 1 сентября 1916 г. на 163% т. е. въ два съ половиною раза; правда также, что количество сахара, поступающаго въ распоряженіе англійскаго потребителя, теперь значительно меньше обычнаго, и лавки отпускаютъ его только своимъ постояннымъ кліентамъ въ размѣрѣ двухъ-трехъ фунтовъ при каждомъ заказѣ. За всѣмъ тѣмъ, вздорожаніе этого продукта обусловливается гораздо больше повышеніемъ акциза на него (чуть ли не на 500%), чѣмъ какой-либо иной причиной. И даже при такомъ повышеніи акциза кубанскій сахаръ обходится англійскому потребителю дешевле, чѣмъ населенію Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ государство въ Англіи, закупая его, ставитъ себѣ прямой цѣлью обезпеченіе возможно болѣе регулярной и дешевой поставки этого продукта потребителю. „Вашему комитету сообщено (читаемъ мы, напр., въ отчетѣ „Public Accounts Committee", стр. 13), — что,

[1]) Interim Report of Departamental Committee on Food Price, стр. 17.

если бы весь сахаръ, находящійся въ распоряженіи комиссіи по доставкѣ сахара, былъ теперь распроданъ, прибыли комиссіи достигли бы приблизительно полутора милліоновъ ф. ст.; но что въ настоящее время комиссія сама вынуждена уплачивать болѣе высокія цѣны и что ея цѣлью является не выжиманіе прибыли изъ потребителя, а сведенія балансовъ въ концѣ своихъ операцій съ самымъ незначительнымъ излишкомъ". Иными словами, потребитель приглашается лишь покрыть реальныя издержки по доставкѣ сахара. Аналогично, когда въ палатѣ общинъ было объявлено объ образованіи такой же комиссіи для организаціи снабженія населенія зерномъ, то на запросъ одного рабочаго коммонера министръ торговли Ренсименъ разъяснилъ, что правительство „не имѣетъ намѣренія привозить сюда зерно для того, чтобы вся выгода этого была отобрана торговцами у потребителя".

Подобное превращеніе органовъ государства въ своего рода „Генеральный штабъ индустріи" (какъ назвалъ данный процессъ министръ аммуниціи, Монтегю), разумѣется, не рѣшаетъ еще всѣхъ сложныхъ вопросовъ, выросшихъ вокругъ проблемы дороговизны и по необходимости остающихся пока безъ отвѣта.

А. Чекинъ.

ЛЕЙБНИЦЪ ВЪ РУССКОЙ ФИЛОСОФІИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

16-го ноября сего года исполнилось 200 лѣтъ со дня смерти Лейбница. Великій философъ, полагавшій, что науки и искусства должны идти на „пользу всего человѣческаго рода“ и самъ принесшій дѣйствительную пользу всему человѣчеству, Лейбницъ имѣетъ право на благодарное воспоминаніе въ Россіи и по особому основанію. Его имя связано у насъ съ незабвенными реформами Петра Великаго въ области нашей духовной культуры. Съ нимъ совѣтовался преобразователь Россіи, заботясь о насажденіи у насъ науки, объ организаціи ея очаговъ и способахъ ея широкаго распространенія. Съ обычной своей отзывчивостью и экспансивностью, Лейбницъ дѣлился съ Петромъ своими широкими и продуманными взглядами по этимъ вопросамъ, и если, спустя 200 лѣтъ послѣ этого его „соучастья“ въ реформѣ, мы можемъ сказать, что у насъ есть наука, что существуютъ очаги ея созданія и все умножаются способы и пути ея распространенія, то не безъ основанія мы должны будемъ помянуть Лейбница добрымъ и признательнымъ словомъ въ 200-лѣтнюю годовщину его смерти (Ср. А. С. Лаппо-Данилевскій: „Петръ Великій — основатель Академіи Наукъ“).

Русская философія тоже имѣетъ основаніе вспомнить о Лейбницѣ. Не потому лишь, что онъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ философской мысли, „вѣчный спутникъ“ и учитель всякаго философа, но и потому, что именно въ Россіи съ особенной силой было подчеркнуто огромное значеніе Лейбница въ виду текущихъ потребностей и задачъ философскаго творчества. Въ 1898 г. Е. Н. Бобровъ заявилъ, что лозунгомъ ближайшихъ поколѣній философовъ „станетъ не назадъ къ Канту“, а — „назадъ къ Лейбницу!“ Оправдается ли это пророчество и въ какомъ смыслѣ — покажетъ будущее. Но, очевидно, что появленіе самаго пророчества съ такимъ содержаніемъ и въ устахъ русскаго мыслителя не было внезапнымъ, — для этого оно слишкомъ рѣшительно, — и что, по крайней мѣрѣ, въ прошломъ Лейбницъ не былъ чуждъ русскимъ философамъ. Нѣсколько замѣчаній, предла-

гаемыхъ нами по этому предмету, будутъ только краткимъ напоминаніемъ о роли Лейбница въ русской философіи второй половины минувшаго вѣка и отчасти въ нашей современной философіи.

Впрочемъ, это „возвращеніе къ Лейбницу" въ нашей философіи можно датировать не ранѣе, чѣмъ 80-ми годами. 50—70 гг. не благопріятствовали знакомству съ нимъ и усвоенію его идей. Въ 50—60 гг. въ нашей философіи намѣтились различныя теченія, но имъ всѣмъ было не до Лейбница, вообще — не до вспоминаній о далекомъ прошломъ. Русскихъ мыслителей 50—60 гг. манили насущныя задачи настоящаго, а малое ихъ знакомство съ прошлымъ не позволяло имъ понять, что настоящее и въ философіи связано съ прошлымъ. Въ 70 гг. у насъ много спорили о метафизикѣ, приводя данныя за и противъ нея, но, за спорностью предмета и остротою его современнаго положенія, тоже не имѣли поводовъ и охоты вспоминать о прошломъ. Съ 80 гг. эти споры почти прекратились, метафизика въ глазахъ многихъ оказалась „оправданной" — и тутъ вспомнили объ учителяхъ философіи, въ частности — о Лейбницѣ. Въ 90 гг. этотъ интересъ еще окрѣпъ. У насъ (сперва въ духовномъ журналѣ „Вѣра и Разумъ") стали переводить сочиненія Лейбница, писать о немъ и вдохновляться имъ.

Историческій Лейбницъ, какъ извѣстно, былъ очень разностороннимъ умомъ. Онъ былъ не только философомъ, но и первоклассным математикомъ, юристомъ, историкомъ и богословомъ. Обладая огромной эрудиціей, Лейбницъ умѣлъ органически перерабатывать и объединять въ стройномъ и изящномъ синтезѣ данныя почти всѣхъ тогдашнихъ наукъ. Потому его философія очень богата содержаніемъ и оттѣнками, и ее нелегко уложить въ обычную простую формулу. Разныя ея стороны продолжаютъ раскрываться и въ наши дни. Взгляды Лейбница, сыгравшіе до сихъ поръ наибольшую роль въ философіи, не составляютъ еще всей философіи Лейбница. Но говоря объ его историческомъ вліяніи, достаточно учесть тѣ моменты его міровоззрѣнія, которые такое вліяніе уже оказали. Въ этомъ отношеніи Лейбницъ — почти исключительно метафизикъ. Теорія познанія играла у него подчиненную роль, а этика и эстетика остались мало развитыми. Въ центрѣ же идей Лейбница стоятъ три слѣдующія: понятіе объ активной индивидуальности или монадѣ, какъ послѣднемъ элементѣ сущаго; понятіе о всеобщей одушевленности сущаго, сстоящаго изъ этихъ „монадъ"; наконецъ — понятіе о мірѣ, какъ предустановленной Богомъ гармоніи всѣхъ монадъ.

Подъ монадой, или, какъ мы переводимъ это слово, — индивидуальностью — Лейбницъ понималъ простѣйшій элементъ сущаго, отличающійся свойствами единичности, единственности въ своемъ

родѣ, недѣлимости, замкнутости, неизмѣнности и активности. Послѣднее свойство позволяетъ разсматривать монаду, какъ центръ силъ, дѣятельности, и въ этомъ смыслѣ Лейбницъ считаетъ ее единствомъ во множествѣ, которое порождается проявленіемъ силъ монады. Всѣ монады одушевлены, но однѣ больше, другія меньше. Иными словами, монады дѣлятся на безсознательныя и сознательныя и образуютъ какъ бы лѣстницу, въ которой низшая ступень обладаетъ минимальной сознательностью, какъ бы затемненной и спутанной, а высшая является совершенно проясненнымъ сознаніемъ (это — Богъ). Между этими предѣлами помѣщаются монады съ промежуточными степенями сознательности и составляютъ непрерывный рядъ, стремящійся къ предѣльной, максимальной сознательности. Въ понятіи объ этой лѣстницѣ монадъ, идущихъ другъ за другомъ непрерывно, Лейбницъ использовалъ основы открытаго имъ анализа безконечно — малыхъ. Онъ именно думалъ, что сосѣднія монады отличаются другъ отъ друга безконечно мало и оттого образуютъ непрерывный рядъ. Часто утверждаютъ, что понятіемъ о такомъ рядѣ Лейбницъ предвосхитилъ современное понятіе эволюціи. Мнѣніе это преувеличено. Лейбницъ не признавалъ внутренняго общенія между монадами и возможности для нихъ развиваться другъ изъ друга. Напротивъ, самостоятельныя относительно другъ друга монады являются „безпрерывными, отъ момента до момента, излученіями Божества...“ Это представленіе только родственно понятію объ эволюціи, но, въ сущности, съ нимъ не совпадаетъ и его въ себѣ не заключаетъ. Какъ бы то ни было, „излучая“ монады, Богъ, по мнѣнію Лейбница, располагаетъ ихъ въ нѣкоторомъ порядкѣ согласія, гармоніи. Понятіе объ этой предустановленной гармоніи міра является однимъ изъ труднѣйшихъ. Развивая его, Лейбницъ лавировалъ между двумя принципами. Съ одной стороны, представляя себѣ монады началами самостоятельными, внутренне самодовлѣющими, Лейбницъ всячески подчеркивалъ ихъ взаимную непроницаемость. „Монады вовсе не имѣютъ оконъ, черезъ которыя что-либо могло бы войти туда, или оттуда выйти“. Но если бы Лейбницъ довелъ до крайности эту мысль, у него осталась бы совершенно необъяснимой связь между монадами, — міръ разсыпался бы на индифферентные элементы. Стремясь избѣжать этого, Лейбницъ обращается къ изначальному творчеству Бога и строитъ понятіе предустановленной гармоніи между монадами. Свой внутренній характеръ, не нарушающій автономіи монадъ, эта гармонія почерпаетъ, по Лейбницу, изъ духовной природы монадъ. Мысль Лейбница состоитъ въ томъ, что, подобно намъ, сознательнымъ монадамъ, каждая монада отражаетъ духовно міръ остальныхъ монадъ, являясь, по выраженію

Лейбница, „постояннымъ живымъ зеркаломъ вселенной“. Нужно помнить, что это — живое зеркало, такъ какъ, по Лейбницу, духовность во всѣхъ своихъ степеняхъ есть не чисто созерцательное пассивное начало, а непрестанная сила, дѣйственность.

Таковы главныя идеи Лейбница какъ онѣ изложены въ его „Монадологіи“ (1714.) Въ русской философіи именно онѣ и оказывали наибольшее вліяніе. Но русскіе мыслители подчеркивали, главнымъ образомъ, два момента въ философіи Лейбница: его индивидуализмъ и его спиритуализмъ, при чемъ и тотъ и другой пріобрѣталъ у нихъ оттѣнокъ нѣсколько чуждый Лейбницу. И предпочтеніе этихъ моментовъ и присвоеніе имъ особаго оттѣнка можетъ быть объяснено отчасти общими причинами.

Симпатія ко всякимъ формамъ индивидуализма составляетъ одну изъ особенностей русской духовной жизни XIX в. мы не были избалованы условіями, благопріятными для развитія индивидуальности. Напротивъ, этому развитію чинились всяческія препятствія, съ которыми и приходилось и приходится вести „борьбу за индивидуальность“. Препятствія эти частью „внѣшнія“, т. е. собственно политическія, частью и внутреннія, лежащія въ нѣдрахъ нашей культуры и исторіи, даже въ насъ самихъ, поскольку индивидуальность не можетъ быть даромъ, а должно быть внутренне заслужена и выработана нами самими. Какъ бы ни было, но индивидуальность есть нашъ политическій и соціальный идеалъ, и мы тянемся къ нему, какъ къ величайшему благу. Конечно, это находитъ себѣ отраженіе и въ нашей философіи, особенно въ областяхъ ея, лежащихъ ближе къ „жизни“, — такова этика. Русскіе мыслители, разбираясь въ нравственныхъ вопросахъ, обыкновенно начинаютъ и кончаютъ проблемой нравственной личности, индивидуальности, хотя въ этикѣ не мало и другихъ философски не менѣе важныхъ вопросовъ. Въ болѣе теоретическихъ областяхъ философіи, какъ метафизика, эта тяга къ индивидуальности сама по себѣ, конечно, значительно ослабляется, уже вслѣдствіе „отвлеченности“ метафизики. Поэтому метафизическій индивидуализмъ не столь распространенъ въ русской философіи послѣднихъ десятилѣтій, какъ этическій. Но существуетъ еще рядъ причинъ, ограничивающихъ эту распространенность. Среди нихъ мы обратимъ здѣсь вниманіе только на слѣдующую. Въ 80—90 гг. XIX в. въ тѣхъ наукахъ, къ которымъ русскіе философы всего ближе по своей школьной подготовкѣ, т. е. въ наукахъ историческихъ, филологическихъ и отчасти соціальныхъ — однимъ изъ самыхъ могущественныхъ теченій былъ коллективизмъ разнаго рода. Онъ сказывался въ требованіи изучать роль и существо „массъ“, „общества“; „классовыхъ группъ“ въ исторіи, филологіи и, конечно,

въ соціальныхъ наукахъ. Отсюда расширеніе статистическаго метода на многія области исторіи, науки о языкѣ и т. д., отсюда цѣлый рядъ вопросовъ, напримѣръ — о коллективно-трудовыхъ основахъ рѣчи, искусства и т. п. Это коллективистическое теченіе, несомнѣнно, отозвалось и въ философіи, особенно чисто теоретической. Вслѣдствіе этого (и другихъ, чисто философскихъ, причинъ) и здѣсь понятію объ индивидуальности стали придавать меньшее значеніе, замѣщая его часто понятіемъ о разныхъ коллективныхъ, „соборныхъ" началахъ. Напримѣръ, въ теоріи познанія и въ метафизикѣ не столько интересовались познающей индивидуальностью, индивидуальнымъ сознаніемъ, сколько выдвигали понятіе о сознаніи „всеобщемъ", „коллективномъ", „соборномъ". Такимъ образомъ, даже помимо чисто философскихъ причинъ, теоретическій, въ частности метафизическій индивидуализмъ не былъ у насъ господствующимъ въ философіи 80—90 гг. Но все же потребность въ немъ, вызываемая нашей общей тягой къ индивидуальности, была, и не мало русскихъ философовъ шли какъ бы навстрѣчу индивидуализму Лейбница.

Но именно поскольку они шли навстрѣчу, и при томъ — подъ вліяніемъ особенно стимулирующихъ побужденій, а не пассивно воспринимали индивидуализмъ Лейбница, они должны были придать ему физіономію, чуждую самому Лейбницу. Послѣдній никогда не подчеркивалъ своего индивидуализма; даже полемизируя съ „ученіемъ о единомъ всеобщемъ духѣ", враждебномъ его плюрализму и индивидуализму, Лейбницъ не выдвигалъ на первый планъ индивидуальность, какъ источникъ и корень всего. Какъ мы замѣтили, онъ заботился не только о самостоятельности монады, но и объ органической связности міра, о гармоніи между монадами. Поэтому индивидуализмъ — только одинъ изъ мотивовъ его философіи, а не принципъ, самодержавно опредѣляющій въ ней все содержаніе. Напротивъ, русскіе мыслители разсматривали индивидуализмъ какъ главенствующій принципъ философіи. Недаромъ одинъ изъ нихъ, достаточно связанный съ другими и характерный для нихъ, назвалъ свою философію „критическимъ индивидуализмомъ" (Е. Н. Бобровъ.)

Въ обоснованіе яркой склонности нашихъ лейбницеанцевъ къ спиритуализму Лейбница можно также указать причину общаго характера. Дѣло въ томъ, что наша философія 80—90 гг. была, до извѣстной степени, реакціей противъ явнаго или скрытаго матеріализма, очень распространеннаго въ предшествующія десятилѣтія, если не среди философовъ, то среди мыслящихъ круговъ вообще. Какъ всегда, реакція складывается „антитетически". Чѣмъ грубѣе подчеркивалъ матеріализмъ первичность и реальность „матеріи",

тѣмъ рѣзче противопоставляли ему утвержденіе духа. При нѣкоторой экспансивности и страстности это ведетъ къ крайнему спиритуализму, къ представленію всего сущаго исключительно по образцу моего духа. А такая страстность и экспансивность была присуща многимъ изъ нашихъ дѣятелей 80—90 гг. въ философіи. Отсюда и предпочтеніе, какое они оказывали спиритуализму Лейбница. Но отсюда же и нѣкоторое видоизмѣненіе этого спиритуализма на русской почвѣ.

Спиритуализмъ самого Лейбница довольно умѣренный. Понятіе о безсознательныхъ монадахъ и непрерывно-возвышающихся степеняхъ сознательности позволяло Лейбницу сохранить границу между сознательно-духовными существами, каковы мы, и матеріальнымъ бытіемъ. Правда, послѣднее, по Лейбницу, духовной же природы, но все же сильно отличной отъ нашей. Главное же, Лейбницъ не отрицалъ все же существованіе этой матеріи и не думалъ объявлять ее „нашимъ представленіемъ". Напротивъ, наши лейбницеанцы, по своему страстному спиритуализму и еще подъ вліяніемъ Канта, склонялись къ упраздненію отдаленныхъ различій между монадами, а матерію легко объявляли только нашимъ субъективнымъ представленіемъ.

Теперь намъ нужно коротко прослѣдить, какъ сказывались только что отмѣченныя вліянія индивидуализма и спиритуализма во взглядахъ отдѣльныхъ русскихъ мыслителей.

Мы разобьемъ послѣднихъ на двѣ группы. Члены одной связаны не только съ Лейбницемъ, но и другъ съ другомъ, образуя довольно непрерывный и преемственный рядъ, начинающійся въ 80 гг. и доходящій до нашихъ дней. Члены другой связаны съ Лейбницемъ порознь, а между ними самими замѣтной связи не было. Мы начнемъ съ первой группы.

Вліяніе Лейбница на ея представителей восходитъ къ родоначальнику этой группы, бывшему юрьевскому профессору Густаву Тейхмюллеру. Сочиненія послѣдняго написаны по-нѣмецки и къ русской философіи не могутъ быть причислены. Но въ виду его роли родоначальника школы русскихъ лейбницеанцевъ, разсматриваемой нами, его имя не можетъ быть обойдено и въ исторіи русской философіи.

Тейхмюллеръ, собственно, не былъ послѣдователемъ Лейбница. Онъ даже не испыталъ сильнаго вліянія со стороны послѣдняго и воспринялъ его идеи въ свѣтѣ нѣмецкихъ идеалистическихъ ученій XIX в., особенно — Лотце. Но все же онъ чтилъ Лейбница и кое-что у него позаимствовалъ, придавъ нѣкоторымъ идеямъ Лейбница новый видъ. Теоретическая философія Тейхмюллера изложена

имъ въ сочиненіи „Дѣйствительный и кажущійся міръ“ (1882). Въ центрѣ этой философіи находимъ мысль, что философію надо начинать съ анализа нашего личнаго сознанія и что весь „дѣйствительный“, а не просто „кажущійся“ міръ необходимо представлять себѣ по аналогіи съ нашимъ „я“. Отсюда получается представленіе о мірѣ, какъ о множествѣ личностей, изъ представленій которыхъ надъ дѣйствительнымъ міромъ возводится еще міръ кажущійся — матерія, пространство, время т. п. Легко замѣтить, что монада, индивидуальность Лейбница понята Тейхмюллеромъ, какъ личность, какъ самосознаніе, — мысль, только родственная Лейбницевской, но не совпадающая съ нею. Преобразованіе монады въ самосознаніе вызвано у Тейхмюллера вліяніемъ Канта и нѣмецкой послѣкантовской философіи, обычно исходившей изъ понятія самосознанія. Отсюда получилось у Тейхмюллера понятіе о двухъ мірахъ — дѣйствительномъ, всегда духовномъ, и кажущемся, матеріальномъ, но на дѣлѣ лишь воображаемомъ, нереальномъ. Это понятіе о двухъ мірахъ и о нереальности, а лишь воображаемости матеріи, въ общемъ, чуждо Лейбницу, хотя у него иногда встрѣчаются отдаленные намеки на это понятіе. Измѣненія, внесенныя Тейхмюллеромъ въ точку зрѣнія Лейбница, имѣли значеніе въ исторіи русскаго лейбницеанства: русскіе ученики Тейхмюллера не только усвоили эти измѣненія, но еще стали думать, что самъ Лейбницъ философствовалъ въ духѣ Тейхмюллера, который будто бы лишь дополнилъ и развилъ взгляды Лейбница. Вслѣдствіе этого оптическаго обмана, овладѣвшаго первыми непосредственными послѣдователями Тейхмюллера, вліяніе Лейбница на нихъ гораздо слабѣе, чѣмъ они сами думали. Но по мѣрѣ того, какъ они освобождались отъ вліянія Тейхмюллера, росло вліяніе дѣйствительнаго Лейбница. Поэтому, можемъ сказать, что въ разсматриваемой группѣ лейбницеанцевъ смѣнѣ ея представителей соотвѣтствовало все болѣе и болѣе глубокое усвоеніе идей Лейбница.

Самымъ раннимъ послѣдователемъ Лейбница былъ у насъ А. А. Козловъ, профессоръ кіевскаго университета. Въ 70 гг. онъ занимался историческими и критическими работами, въ 80-е же перешелъ къ выраженію своихъ положительныхъ взглядовъ. Этотъ переходъ совпалъ съ ознакомленіемъ Козлова съ упомянутымъ сочиненіемъ Тейхмюллера. Козловъ разсказывалъ впослѣдствіи (см. его сборникъ „Свое Слово“, 1898 г., № 5, стр. 121), что его положительные взгляды сложились „уже около пятнадцати лѣтъ“ назадъ, слѣдовательно — въ 1883—4 гг., т. е. сейчасъ послѣ выхода (въ 1882 г.) „Міра“ Тейхмюллера. По словамъ Козлова, онъ основалъ въ 1886 г. первый русскій философскій журналъ „Философскій

Трехмѣсячникъ“ именно „для ознакомленія соотечественниковъ“ съ усвоеннымъ имъ тогда „направленіемъ“. До самой своей смерти Козловъ только и занимался, что такимъ „ознакомленіемъ“, и дѣлалъ это въ сборникѣ „Свое Слово“, который самъ же и заполнялъ отъ первой до послѣдней строки. Распространяя идеи Тейхмюллера, онъ старался развивать ихъ дальше такъ, что его нельзя считать простымъ популяризаторомъ философіи юрьевскаго мыслителя.

Козловъ считалъ, что защищаемая имъ философія основана Лейбницемъ. Называя эту философію панпсихизмомъ, т. е. ученіемъ о всеобщей одушевленности, онъ утверждалъ, что „множество положеній монадологической системы Лейбница образуютъ внутреннее ядро панпсихизма“ („Свое Слово“, 1898, № 5, стр. 123). Отъ Лейбница панпсихизмъ перешелъ къ Лотце, отъ него къ Тейхмюллеру. „Важнѣйшей заслугой ихъ, особенно Тейхмюллера, направленію панпсихизма можно считать дальнѣйшее развитіе того, что сдѣлано Лейбницемъ, а также и поправку ошибокъ, оставленныхъ и сдѣланныхъ самимъ Лейбницемъ“. (Тамъ же, стр. 156.) Такимъ образомъ, философію Лейбница Козловъ воспринялъ черезъ посредство Тейхмюллера. Это ясно также изъ того, какъ онъ представлялъ себѣ идеи Лейбница. Онъ считалъ, что послѣдній опредѣлялъ бытіе вообще по аналогіи съ нашимъ личнымъ бытіемъ, и толковалъ это опредѣленіе Лейбница въ томъ слыслѣ, будто, кромѣ самосознательнаго бытія, никакого другого и нѣтъ („Свое Слово“, 1892, № 4, стр. 152—3, примѣчаніе второе). На дѣлѣ, Лейбницъ ссылался на наше бытіе не какъ на самосознаніе, а какъ на силу, монаду въ его смыслѣ (что видно и изъ цитаты, приводимой Козловымъ, но истолкованной имъ по-своему). Козловъ, также безъ основанія, а лишь подъ вліяніемъ идей Тейхмюллера, увѣрялъ, будто есть „основная мысль Лейбница, что матеріальный міръ существуетъ не самъ по себѣ, а только въ нашемъ представленіи...“ (тамъ же, стр. 155, примѣчаніе первое). На дѣлѣ это мысль не Лейбница, а Тейхмюллера.

Воспринимая идеи Лейбница въ окраскѣ Тейхмюллера, Козловъ, впрочемъ, почувствовалъ въ Лейбницѣ то, чего не почувствовалъ Тейхмюллеръ. Послѣдній, исходя въ философіи изъ понятія самосознанія, не интересовался особенно его индивидуальностью. Мы говорили, какія общія причины склоняютъ русскаго философа вообще интересоваться особенно какъ разъ проблемой индивидуальности. Козловъ — хорошій примѣръ этого. Онъ думалъ именно, что „бытіе индивидуальныхъ субстанцій и душъ есть основное и существенное положеніе для панпсихизма“ („Свое Слово“, 1898, стр. 122, курсивъ Козлова). Такимъ образомъ, принципъ индивидуальности, характерный для Лейбница, но умѣряемый (какъ и его панпсихизмъ,

т. е. спиритуализмъ) принципомъ міровой гармоніи, становится у Козлова „основнымъ и существеннымъ“. Поэтому, философія Козлова можетъ быть опредѣлена, какъ панпсихическій индивидуализмъ, и мы видимъ, какъ въ ней находятъ себѣ мѣсто и спиритуализмъ, и индивидуализмъ — въ формѣ, болѣе подчеркнутой, преувеличенной, чѣмъ у самого Лейбница.

Козловъ былъ непосредственнымъ послѣдователемъ Тейхмюллера, но не его университетскимъ ученикомъ. Двое изъ этихъ учениковъ также явились его послѣдователями. Это Н. Я. Озе и Е. Н. Бобровъ, первый — профессоръ юрьевскаго университета,, второй — казанскаго (а раньше — приватъ-доцента юрьевскаго).

Озе не развивалъ идей учителя, а старался разъяснить ихъ путемъ изложенія и критики философіи Лотце, котораго Тейхмюллеръ считалъ своимъ предшественникомъ. Самъ Тейхмюллеръ не разъ указывалъ, что философія Лотце не всегда послѣдовательна и однородна, хотя въ ней и есть цѣнное ядро. Озе попытался показать это анализомъ міросозерцанія Лотце и сдѣлалъ это въ книгѣ „Проективизмъ и персонализмъ въ философіи Лотце“ (сперва въ „Ученыхъ Зап. Юрьев. Унив.“ 1893—1896, отдѣльно въ 1896 г.). Подъ проективизмомъ Озе понималъ ученіе, что матеріальный міръ, находящійся во времени и въ пространствѣ, — „кажущійся“ въ смыслѣ Тейхмюллера. Это то же ученіе, которое у Козлова именуется панпсихизмомъ. Слѣды его и уклоненія отъ него и ищетъ Озе у Лотце. Подъ персонализмомъ Озе понималъ ученіе, что понятіе бытія можетъ быть опредѣлено только какъ понятіе личности. Это „индивидуальность“ Козлова. Хотя Озе не подчеркиваетъ это, но все же его persona звучитъ ближе къ Козлову, чѣмъ къ Тейхмюллеру, собственно не „индивидуалисту“. Такимъ образомъ, спиритуализмъ и индивидуализмъ находимъ и во взглядахъ Озе. Лейбницъ вліялъ на него черезъ Тейхмюллера и отразился въ преувеличенномъ видѣ, хотя эта преувеличенность не такъ замѣтна у Озе, какъ у Козлова.

Зато очень замѣтна она у другого ученика Тейхмюллера — Боброва, который испыталъ такъ же и вліяніе Козлова. Въ 1894 г. онъ напечаталъ книгу „О понятіи искусства“, въ 1895 г. — диссертацію „Отношенія искусства къ наукѣ и нравственности“, въ 1898 г. брошюры „О понятіи бытія“, „Къ исторіи критическаго индивидуализма“ и „О самосознаніи“. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ, излагая взгляды Тейхмюллера и Козлова, старается развить ихъ дальше и построить систему „критическаго индивидуализма“. Бобровъ первый прямо подчеркнулъ названіемъ системы ея индивидуалистическій характеръ, выступившій уже у Козлова. Го-

воря о намѣтившемся въ 80—90 гг. „возвращеніи къ метафизикѣ“, Бобровъ заявилъ: „Возвращеніе къ метафизикѣ, собственно, можетъ знаменовать собою только возвращеніе къ индивидуализму (монадологизму) или (называя это направленіе по его величайшему представителю) къ лейбницевству. Лозунгомъ будущаго поколѣнія метафизиковъ, легко возможно, станетъ не „назадъ къ Канту“, а — „назадъ къ Лейбницу“ („Изъ исторіи критическаго индивидуализма“ 1898, стр. 39—40). Съ индивидуализмомъ Бобровъ соединяетъ и спиритуализмъ, утверждая, что въ защищаемой имъ философіи „понятіе реальнаго бытія совпадаетъ съ понятіемъ сознанія вообще, а критеріемъ реальности или наличнаго существованія начинаетъ служить единственно непосредственное сознаніе“ („О самосознаніи“, 1898, стр. 16). Не нужно думать, что упомянутое сознаніе вообще какое-то „всеобщее сознаніе“. Таковаго, по Боброву, вовсе нѣтъ, — „мы въ своемъ непосредственномъ сознаніи, кромѣ обычнаго „эмпирическаго я“, не находимъ никакого другого „я“...“ (тамъ же, стр. 17). Индивидуализмъ и панпсихизмъ характеризуютъ, такимъ образомъ, и философію Боброва. Первая черта у него выдвинута рѣзче, чѣмъ у Лейбница. Вторая подчеркнута менѣе и менѣе развита, — видимо, она занимала Боброва не столько, сколько первая. Въ предисловіи къ брошюрѣ „О понятіи бытія“, излагающей соотвѣтствующіе взгляды Тейхмюллера и Козлова, Бобровъ заявилъ, что это изложеніе — только введеніе въ развитіе его собственныхъ взглядовъ. Но такого онъ такъ и не представилъ и до сихъ поръ. Это тоже отчасти подтверждаетъ предположеніе, что панпсихизмъ занималъ его меньше индивидуализма. Въ этомъ можно видѣть, кажется, нѣкоторый спадъ спиритуалистической волны 80—90 гг. и, въ этомъ отрицательномъ видѣ, приближеніе къ Лейбницу, который своего спиритуализма на первый планъ не выдвигалъ. Аналогичный спадъ можно подмѣтить и относительно индивидуализма у другого послѣдователя Лейбница и Козлова — С. А. Аскольдова.

Онъ былъ лично близокъ съ Козловымъ въ 90 гг., когда кіевскій философъ переселился въ Петроградъ и сталъ называть себя, по мѣсту жительства, „петербургскимъ Сократомъ“ и „Сократомъ съ Песковъ“. Аскольдовъ выступилъ въ 1900 г. — книгой „Основныя проблемы теоріи познанія и онтологіи“. Въ этомъ сочиненіи онъ исходилъ изъ понятія „я“ какъ единственно-извѣстной намъ реальности и утверждалъ, что о бытіи можно судить лишь по ней, а потому „идея всеобщей одушевленности является не только единственно возможной и мыслимой съ чисто гносеологической точки зрѣнія, но также вполнѣ подтверждается данными

эмпирическихъ наукъ" (назв. соч., стр. 204). Такимъ образомъ, у Аскольдова налицо и индивидуализмъ и панпсихизмъ, спиритуализмъ. Послѣдній у него значительно умѣреннѣе, чѣмъ у Козлова, такъ какъ Аскольдовъ допускаетъ, что внѣ нашего „я" есть не только „я", но и другія формы бытія. „Разсмотрѣніе общихъ свойствъ органическихъ и неорганическихъ системъ приводитъ насъ, — говоритъ Аскольдовъ, — къ тому выводу, что именно ихъ слѣдуетъ признать показателями внутренней жизни, подобной нашему сознанію" (тамъ же, стр. 201). Если эта жизнь реальная, то реальны и ея „показатели" — „общія свойства органическихъ и неорганическихъ системъ". Такой взглядъ, безъ сомнѣнія, совсѣмъ не то, что понятіе объ этихъ свойствахъ, какъ только „кажущихся", только „моихъ представленіяхъ", и это гораздо ближе къ Лейбницу, чѣмъ къ Тейхмюллеру и Козлову. Но въ этомъ отношеніи Аскольдовъ проявляетъ большую робость. Гораздо смѣлѣе онъ въ ограниченіи своего индивидуализма. Его предшественники не ставили спеціально вопроса о связи индивидуальностей, монадъ, образующей міръ, какъ цѣлое. Аскольдовъ этотъ вопросъ выдвинулъ. Уже Лейбница онъ заставилъ не объявлять индивидуализмъ единственной основой философіи. Аналогичное дѣйствіе этотъ вопросъ оказалъ и на Аскольдова. Онъ пришелъ къ такому выводу. „Мы можемъ понимать міръ состоящимъ изъ множества взаимодѣйствующихъ между собою частей — душъ... или же мы можемъ его понимать его живымъ единствомъ... Въ пользу этого послѣдняго взгляда было въ свое время высказано много соображеній. Мы, съ своей стороны, всецѣло присоединяемся къ этому способу міропониманія", хотя и въ видѣ лишь вѣроятной гипотезы (указ. соч., стр. 243). Такимъ образомъ, заговоривъ о связи монадъ, Аскольдовъ пришелъ къ „идеѣ мірового единства, какъ живой личности", „къ объединенности всего міра въ единствѣ высшей души" (стр. 243 и 246) — несомнѣнное ограниченіе индивидуализма, даже болѣе рѣшительное, чѣмъ у самого Лейбница, считавшаго, что „нѣтъ надобности прибѣгать къ предположенію о единомъ всеобщемъ духѣ и лишать природу ея частныхъ и всегда пребывающихъ совершенствъ"

Еще ближе, чѣмъ Аскольдовъ, подходитъ къ Лейбницу проф. Н. О. Лосскій, связанный съ Козловымъ еще въ 90 гг. и прямо признавшій свою зависимость отъ него (въ предисловіи къ книгѣ „Обоснованіе интуитивизма", 1906). Онъ признаетъ и свою близость къ Лейбницу (см. брошюру Лосскаго: „Логика проф. А. И. Введенскаго"). До недавняго времени не было достаточно ясно, въ чемъ эта близость. Но въ 1915 г. Лосскій издалъ трудъ: „Міръ какъ

органическое цѣлое“ (въ „Вопросахъ философіи и психологіи“). Здѣсь близость очевидна. Лосскій думаетъ, что міръ состоитъ изъ „множества субстанцій“, хотя и отличныхъ другъ отъ друга, но не настолько, чтобы между ними не было общенія и единенія. Поэтому „ученіе Лейбница о томъ, что субстанціи не имѣютъ оконъ и дверей, должно быть отвергнуто самымъ рѣшительнымъ образомъ“. (Вопр. фил. и псих., кн. 127, стр. 133). Но связь между этими субстанціями не одинакова. Однѣ входятъ въ „царство гармоніи“, другія въ „царство вражды“. Первое — „царство Духа“. Второе — „душевно матеріальное царство“. Въ первомъ царствѣ отдѣльныя субстанціи, хотя и индивидуализированныя, взаимно другъ друга проникаютъ, такъ что „всякая часть здѣсь есть цѣлое“, но и „часть существуетъ для цѣлаго“ (Вопр., кн. 128, стр. 203). Въ царствѣ вражды субстанціи разрознены и страдаютъ какъ бы гордыней индивидуализма... Основной источникъ всѣхъ несовершенствъ царства вражды заключается въ поставленной имъ ложной цѣли — стать самому Абсолютнымъ“ (тамъ же, стр. 224). Но и второе царство одухотворено, и въ самой его разорванности сквозитъ первозданное и единство, вѣрнѣе — гармонія. Оба царства реальны, — въ этомъ Лосскій возвращается къ Лейбницу. Единство этихъ царствъ есть не общая міровая душа, а только гармонія самостоятельныхъ единицъ. Среди нихъ — само Абсолютное. Это опять по Лейбницу. Гармонія міра настолько отлична у Лосскаго отъ грубаго единства міра, что онъ, вопреки Лейбницу, отказываетъ Абсолютному въ роли Творца простыхъ субстанцій. Но и въ этомъ мы видимъ замыселъ Лейбница, боявшагося „единой души“ изъ страха, что она лишитъ міръ множественности, самостоятельности и частныхъ, индивидуальныхъ совершенствъ. Мы видимъ, что у Лосскаго индивидуализмъ и спиритуализмъ умѣряются — первый гармоніей міра, второй — признаніемъ его реальной множественности, разнородности. Эта точка зрѣнія выражаетъ наибольшее приближеніе къ Лейбницу въ разсматриваемомъ ряду русскихъ философовъ.

Отмѣтимъ, что въ этомъ же ряду (какъ ученикъ Козлова по кіевскому университету) находится и проф. К. Ф. Жаковъ; но онъ заимствовалъ у Лейбница не указанныя выше мысли, а его методъ безконечно малыхъ въ приложеніи къ философіи и динамизмъ Лейбница. (Главное его соч. — „Основы эволюціонной теоріи познанія (лимитизмъ)“ 1912). Теперь упомянемъ о мыслителяхъ внѣ школы Тейхмюллера — Козлова, испытавшихъ вліяніе Лейбница.

Сюда очень мало можно отнести Вл. Соловьева. Въ его метафизикѣ центральное понятіе — Абсолютное, какъ „Единое Все“.

Оно не благопріятствовало вліянію Лейбница. Въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ Соловьева попадаются слѣды частичнаго вліянія Лейбница, но не прямого, а, напр., черезъ Фехнера. Напримѣръ, Соловьевъ говоритъ: „Подлинное бытіе или собственная самостоятельная дѣйствительность принадлежитъ только центрамъ живыхъ силъ — монадамъ“... (Собр. соч., I изд., стр. 220). Но тутъ рѣчь идетъ не о бытіи вообще, а только о матеріальномъ, и заявленіе Соловьева имѣетъ очень частный, узкій смыслъ. Гораздо замѣтнѣе вліяніе Лейбница въ философіи проф. Л. М. Лопатина, который выступилъ въ 1886—1891 гг. съ сочиненіемъ „Положительныя задачи философіи“. По шутливому выраженію Соловьева въ одномъ стихотворномъ посланіи къ Лопатину, послѣдній, подобно Лейбницу, принимаетъ „мѣшокъ субстанцій“. Субстанцію онъ опредѣляетъ словами Лейбница и прибавляетъ: „Мнѣ кажется, что эти опредѣленія Лейбница понятія субстанціи можно считать изящнымъ и точнымъ выраженіемъ того, что аналитически заключается въ самой коренной его сути“ (т. II, стр. 215). Но у Лейбница монада не только духъ, но духъ-сила. Лопатинъ повторяетъ: „Понятіе субстанціи и понятіе реальной силы совпадаютъ между собой“ (тамъ же). У обоихъ получается отсюда панпсихизмъ, такъ какъ оба признаютъ матерію реальностью, а не однимъ представленіемъ, хотя и приписываютъ этой реальности духовную основу. У обоихъ получается и индивидуализмъ, но опять умѣренный, такъ какъ для обоихъ субстанція не просто самосознаніе, „я“, а духовная сила вообще. Впрочемъ, индивидуализмъ Лопатина еще сдержаннѣе, чѣмъ таковой Лейбница. Послѣдній старался соединить его съ понятіемъ о гармоніи міра, какъ предустановленной. Лопатинъ считаетъ это понятіе „однимъ изъ самыхъ искусственныхъ, безплодныхъ и безсодержательныхъ, измышленій во всей исторіи метафизики“ (т. II, стр. 385). Вопросъ о связи субостанціи онъ рѣшаетъ такъ: „только въ признаніи органической связи между единымъ и многимъ можно искать разрѣшенія проблемы объ истинно-сущемъ. Единое начало вещей не исчезаетъ во множествѣ своихъ проявленій, не поглощается имъ, — наоборотъ, въ своей объективаціи оно осуществляетъ себя, какъ реальный центръ конкретнаго многообразія. Лишь для такого пониманія бытіе является тѣмъ, чѣмъ оно быть должно по коренной своей сути, — живымъ обнаруженіемъ дѣятельной силы“ (тамъ же, стр. 270). Но развѣ у Лейбница не то же „пониманіе“ диктуетъ понятіе о міровой гармоніи, какъ проявленіи божественной силы во множествѣ ея творческихъ излученій?

Въ 1893 г. появилась (въ 17 кн. „Вопр. фил. и псих.“) статья Н. В. Бугаева, московскаго математика: „Основныя начала эволю-

ціонной монадологіи". Авторъ заявлялъ: „Моя система имѣетъ нѣкоторое сходство съ монадологіей Лейбница, или монадологіей предустановленной гармоніи"... (стр. 26). „Монада, опредѣляетъ Бугаевъ въ духѣ Лейбница, — есть живая единица, живой элементъ. Она есть самостоятельный и самодѣятельный индивидуумъ" (стр. 27). „Міръ есть собраніе громаднаго числа простыхъ и сложныхъ монадъ различныхъ порядковъ" (стр. 41). Преувеличенный индивидуализмъ Бугаева, несомнѣненъ. Таковъ и его панпсихизмъ. Свое высшее выраженіе и тотъ и другой получаютъ въ мысли Бугаева, что монады стремятся къ „безконечному благу", а міръ изъ собранія монадъ стремится стать монадою. Конечно, такой міръ не только психиченъ, но и этиченъ — дальше этого трудно идти въ панпсихизмѣ. Съ другой стороны, разъ міръ — только „собраніе" монадъ и не имѣетъ гармоніи, а только стремится къ ней — это величайшее торжество индивидуализма, напоминающаго анархическія утопіи. Эта преувеличенность индивидуализма и панпсихизма отличаетъ Бугаева отъ умѣреннаго и гармоническаго Лейбница.

Наконецъ, отмѣтимъ еще вліяніе Лейбница на Н. Я. Грота. Въ изслѣдованіяхъ послѣдняго о „психической энергіи", см. — „Понятіе души и психической энергіи въ психологіи" („Вопр. фил. и псих.", 1897, кн. 37 и 39) и „О времени" (тамъ же, 1894, кн. 33, 25)], явственно различается понятіе о душѣ, какъ дѣятельной, энергической монадѣ въ духѣ Лейбница.

Изъ приведеннаго бѣглаго обзора вліянія Лейбница на русскую философію видно, что онъ, дѣйствительно, не чужой для насъ и что истекшее 200-лѣтіе со дня его смерти — не одинъ внѣшній поводъ вспомнить о немъ, какъ о несомнѣнномъ факторѣ русской философской культуры.

Т. Райновъ.

РАБОЧАЯ ПОВИННОСТЬ ВЪ ГЕРМАНІИ

1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ МОНОПОЛІЯ ТРУДА.

Зданіе нѣмецкаго военнаго хозяйства приходитъ къ своему увѣнчанію. „До логическаго конца“ проводятся тенденціи, успѣвшія уже проявиться и раньше въ длинномъ рядѣ постепенно накапливавшихся мѣропріятій. Возведеніе ихъ проявленій въ стройную и всеобъемлющую систему формально документируетъ жалкое фіаско германскаго капитализма. Онъ оказался не въ состояніи справиться собственными силами съ первымъ же серьезнымъ испытаніемъ, посланнымъ ему исторіей — съ продолженіемъ хозяйства въ обстановкѣ современной войны. Капитализмъ, какъ система хозяйства, основанная на вольнонаемномъ трудѣ, перестаетъ существовать. Онъ замѣняется въ Германіи феодализмомъ,—системой, основанной на зависимомъ, на крѣпостномъ трудѣ. Это, конечно, не „пылеобразный“ феодализмъ средневѣковья изъ кучи, сравнительно слабо связанныхъ одна съ другой хозяйственныхъ единицъ. Наоборотъ, это феодализмъ организованный, планомѣрно связавшій всѣ части національнаго хозяйства и располагающій всѣми средствами современной техники, — но все же феодализмъ. Какъ въ средневѣковье, — внизу, въ основѣ, крѣпостной трудъ, а вверху — сліяніе въ полное юридическое тождество органовъ и носителей государственной власти и хозяйственнаго руководства. Читатель понимаетъ, дѣло идетъ о провозглашаемыхъ теперь въ Германіи „всеобщей рабочей повинности“ и „обязательной организаціи всего производства“. Истинное значеніе этихъ столь демократическихъ по названію мѣръ раскрывается лишь по ознакомленіи со всѣмъ ихъ конкретнымъ содержаніемъ. Тогда оказывается, что рѣдко болѣе демократическія слова прикрывали болѣе реакціонное содержаніе, сколь ни часто случаются повсемѣстно подобныя подстановки. Нѣмецкая и иностранная печать единодушно признаютъ исключительную важность новаго германскаго начинанія какъ для дальнѣйшихъ перспективъ нынѣшняго историческаго момента, такъ и въ принципіальномъ отношеніи. По объему и стройности

новый планъ организаціи превосходитъ все, сдѣланное Германіей доселѣ въ этомъ отношеніи, ибо „сразу организуетъ все“. Онъ вызываетъ уже требованіе подражанія со стороны впечатлительныхъ или заинтересованныхъ наблюдателей (напр. итал. газ. „Corriere della Sera“ и лондонскія и парижскія телеграммы 18 нояб. н. ст.). Всѣ эти обстоятельства побуждаютъ къ болѣе подробному изложенію его.

Прославленная въ первый періодъ войны „эластичность капитализма“, особенно проявившаяся въ Германіи и т. д., оказалась не эластичностью устойчивости, а эластичностью въ приспособленіи къ экономическому регрессу, къ переходу въ феодализмъ. Подобная перемѣна можетъ не умалить дохода многихъ владѣльцевъ разныхъ хозяйствъ, — вѣдь и на основѣ крѣпостного труда процвѣтали въ свое время большіе доходы и крупныя хозяйства. Но ужъ, во всякомъ случаѣ, она не свидѣтельствуетъ о внутренней силѣ и прочности германскаго капитализма, какъ системы, основанной на вольнонаемномъ трудѣ и безъ вольнонаемнаго труда перестающей быть капитализмомъ и превращающейся въ крѣпостничество. Въ древніе и средніе вѣка система хозяйства была устойчивѣе, она не уступала мѣсто своей предшественницѣ даже при серьезныхъ испытаніяхъ въ столь изумительно короткій срокъ. Вѣдь гордое зданіе германскаго капитализма, основаннаго на вольнонаемномъ трудѣ и свободѣ частнаго усмотрѣнія, разсыпалось всего въ два года. Отнынѣ въ Германіи владѣльцы могутъ переуступать другъ другу приписанныхъ къ нимъ рабочихъ, какъ когда-то мѣняли крестьянъ на борзыхъ щенятъ. Если Бичеръ-Стоу описывала насильственное разлученіе съ семьей негра, проданнаго на южныя плантаціи, — то отнынѣ германскіе аграрные и индустріальные феодалы получили право принудительно отрывать отъ семей и отъ привычнаго и обезпечивающаго занятія и переводить хотя бы на другой конецъ страны новоявленныхъ крѣпостныхъ нашихъ дней. Ниже будетъ показано, какія особенности новой мѣры предопредѣляютъ фактическое ограниченіе круга ея дѣйствія прежде всего и почти исключительно уже наличнымъ пролетаріатомъ.

Весь трудъ мужчинъ отъ юности до старости объявляется отнынѣ подлежащимъ государственной рабочей повинности, дополняющей государственную воинскую повинность. Каждый обязанъ отнынѣ работать тамъ, гдѣ ему будетъ указано органами государственной власти, государство только передаетъ этотъ секвестрованный имъ трудъ въ распоряженіе владѣльцевъ отдѣльныхъ опредѣленныхъ предпріятій, за которыми и закрѣпляетъ на извѣстныхъ условіяхъ отдѣльныхъ опредѣленныхъ рабочихъ. Но при наличности

такой „государственной монополіи труда“ отсутствуетъ и не вводится государственная монополія средствъ производства. Новый нѣмецкій порядокъ сохраняетъ за владѣльцами право собственности на средства производства и право извлеченія въ свою личную пользу доходовъ изъ ихъ предпріятій, обслуживаемыхъ отнынѣ огосударствленнымъ и обязательнымъ трудомъ прежде свободныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ, Германія осуществляетъ прямую противоположность тому, что всегда проповѣдывали нѣмецкіе соціалисты (отсюда смущеніе предъ новой мѣрой даже въ органѣ Шейдемана). Какъ напоминаетъ, протестуя, Луиза Цицъ въ противовоенной „Лейпцигской Народной Газетѣ“ (органъ Гаазе-Ледебура послѣ перехода „Форвертса“ къ Шейдеману), нѣмецкіе соціалисты требовали, наоборотъ, огосударствленія средствъ производства и полной свободы труда: при недостаткѣ работниковъ въ какой-либо профессіи всегда можно привлечь таковыхъ улучшеніемъ условій труда и средствами культурно-моральнаго воспитанія и дѣйствія. И вдругъ вмѣсто этого, при томъ безъ огосударствленія возсредствъ производства, получить всеобщую казарму или, какъ выражаются оппозиціонныя нѣмецкія рабочія газеты, „всеобщій Zuchthaus“ (каторжную тюрьму). Можно полагать поэтому, что новая мѣра усилитъ не только производство снарядовъ въ Германіи, но усилитъ также давленіе со стороны народныхъ массъ на имперское правительство въ смыслѣ возрастанія требованій публично отказаться отъ всѣхъ и всякихъ, прямыхъ и замаскированныхъ аннексій и протекторатовъ. Не случайно поэтому какъ разъ въ преддверіи новой мѣры, — подготовительное обсужденіе ея съ общественными организаціями идетъ уже съ начала октября н. ст., — Бетманъ-Гольвегъ отрекся въ рейхстагѣ публично отъ аннексіи Бельгіи, расточая рабочимъ заискивающія увѣренія: мы хотимъ только мира, мира и мира, но для этого нужны двѣ договаривающіяся стороны, а не мы одни.

Вмѣсто огосударствленія средствъ производства новый порядокъ въ Германіи только завершаетъ организацію государствомъ всѣхъ частныхъ предпринимателей въ одно стройное цѣлое, работающее подъ централизованнымъ государственнымъ руководствомъ и управленіемъ. Въ значительной мѣрѣ все это осуществлено уже въ первые два года войны, оно теперь приводится лишь въ болѣе стройную и выдержанную въ подробностяхъ, систему (всеобщее ограниченіе нормы прибыли, формально для всѣхъ одинаковое, но фактически благопріятствующее, какъ увидимъ, крупнымъ предпріятіямъ, принудительное закрытіе многихъ мелкихъ и среднихъ предпріятій ради сосредоточенія рабочихъ

силъ въ рукахъ болѣе крупныхъ „феодаловъ новой формаціи“, и т. д.). Суть новаго мѣропріятія заключается, конечно, не въ совершенствованіи всѣхъ этихъ подробностей по использованію матеріальныхъ рессурсовъ хозяйства, а въ новомъ регулированіи распоряженія рабочими силами людей. „Война все болѣе дѣлается войной рабочихъ силъ“, заявилъ генералъ Гренеръ, поставленный во главѣ всей новой организаціи, (онъ зарекомендовалъ свои организаціонныя способности управленіемъ съ самаго начала войны желѣзными дорогами Германіи и оккупированныхъ областей). Ученый вюртембергскій генералъ могъ бы сослаться на Ллойдъ-Джорджа и Каутскаго. Первый сказалъ въ рѣчи на Бристольскомъ конгрессѣ: „Профессіональные союзы принадлежатъ къ могущественнѣйшимъ силамъ въ жизни Англіи. Съ ними побѣда обезпечена, безъ нихъ наше дѣло пропало“. А про Германію К. Маркіонини пишетъ въ журналѣ Каутскаго, отъ 10 нояб. н. ст.: если капитализмъ „держался“ во время войны, то лишь потому, что носитель производства, пролетаріатъ самъ подперъ собой капиталистическое зданіе, „не будучи въ состояніи по недостатку соціальнаго классового воспитанія ни предупредить войну, ни осуществить свою конечную цѣль“. „Судьба капиталистическаго производства въ Германіи, пишетъ сотрудникъ этого нѣмецкаго журнала, находится фактически въ рукахъ пролетаріата въ той же мѣрѣ, какъ и судьба арміи, въ которой онъ также составляетъ большинство“. Генералъ Гренеръ въ послѣднемъ интервью съ журналистами подтверждаетъ это воззрѣніе новымъ афоризмомъ: война превратилась въ часть рабочаго вопроса. Но если такъ думаютъ или, по крайней мѣрѣ, считаютъ нужнымъ такъ выражаться нынѣшніе руководители германскаго государственнаго корабля, то какое же предъ нами кричащее противорѣчіе: то канцлеръ, то Гренеръ по очереди заявляютъ, что все зависитъ отъ рабочихъ, — и одновременно возстанавливаютъ для этихъ самыхъ рабочихъ, хотя и модернизованное, но все же крѣпостное право. Судя по отзывамъ большей части органовъ рабочей печати, повидимому, большинство нѣмецкихъ рабочихъ готово подчиниться даже „демократизованному“ крѣпостному праву, пока не видитъ опроверженія распространяемыхъ ежедневно большинствомъ нѣмецкой печати извѣстій о намѣреніяхъ противниковъ расчленить страну и подчинить остатокъ враждебному политическому контролю. Впрочемъ, новое мѣропріятіе само способствуетъ нарастанію въ пролетаріатѣ оппозиціонныхъ теченій: какъ разъ послѣдніе дни принесли извѣстія о переходѣ въ рабочей партіи на сторону противовоенной оппозиціи такихъ пунктовъ, какъ Штеттинъ, Бохумъ (центръ каменноугольнаго производства) и др.

2. ПРЕДЪ ВВЕДЕНІЕМЪ РАБОЧЕЙ ПОВИННОСТИ.

Конечною цѣлью новаго хозяйственнаго строя офиціально объявлено въ Германіи обезпеченіе наибольшаго количества силъ для военной промышленности въ узкомъ и широкомъ смыслѣ этого слова (сельское хозяйство, напр., включено въ понятіе „военной промышленности). Средствъ для этого новый планъ примѣняетъ три. Во-первыхъ — централизація въ единой принудительной организаціи всѣхъ матеріальныхъ рессурсовъ народнаго хозяйства и управленіе ими согласно поставленной цѣли. Тѣмъ самымъ, кстати, кладется начало полному проведенію принципа „Zwangsproduktion“ въ сельскомъ хозяйствѣ, противъ чего еще нѣсколько мѣсяцевъ назадъ возражало правительство. Во-вторыхъ, централизація неограниченнаго распоряженія всѣми наличными и возможными рабочими силами. Въ-третьихъ, необходимыя для этого измѣненія въ бытѣ населенія (централизованное приготовленіе пищи вмѣсто милліоновъ частныхъ кухонь и организація присмотра за дѣтьми). Новый законъ организуетъ лишь первыя два средства, относительно третьяго же ожидаются дополнительныя распоряженія, имѣющія развить въ общеобязательную систему осуществленныя уже въ довольно большомъ масштабѣ начинанія въ этомъ направленіи.

Легко видѣть, что центромъ всей организаціонной работы является именно обязательная рабочая повинность. Первое средство, — принудительная организація матеріальныхъ рессурсовъ, — является необходимой предпосылкой возможности использовать въ намѣченныхъ цѣляхъ рабочую повинность. Если уже лѣтомъ воспрещена была строительная дѣятельность ради увеличенія числа рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ (и переведено въ земледѣліе много рабочихъ рукъ изъ текстильной, одежно-бѣльевой и обувной промышленности), то теперь государство разсчитываетъ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ воспретить однѣ формы промышленности ради сосредоточенія силъ въ другихъ, признаваемыхъ болѣе важными въ данный историческій моментъ. Въ свою очередь, третье средство, — принудительное измѣненіе быта, — является лишь неизбѣжнымъ послѣдствіемъ полнаго проведенія рабочей повинности и должно наступить по мѣрѣ достиженія на практикѣ такой полноты. Сходное положеніе вызываетъ сходныя послѣдствія. Австрія нѣсколько раньше перешла къ системѣ „всеобщей принудительности производства“ (законъ 22 авг. н. ст. 1916 г.) и къ командировкамъ на работы (декретъ Франца-Іосифа въ маѣ 1915 г.), — хотя и не въ столь всеобъемлющемъ видѣ, какъ теперь въ Германіи. И вотъ, даже такія приверженныя къ домашнему очагу партіи вѣнскаго рейхсрата, какъ

„христіанско-соціальная“ (клерикальная) и „блокъ нѣмецкихъ буржуазныхъ партій рейхсрата“, постановили на своихъ конференціяхъ въ концѣ октября ходатайствовать о „возможно быстрѣйшей обязательной соціализаціи кухоннаго хозяйства“.

Подобныя же постановленія выносились уже и въ Германіи, — мысль о всеобщей рабочей повинности и обо всемъ, что изъ нея вытекаетъ, никоимъ образомъ не является здѣсь неожиданной. Наоборотъ, послѣдніе два мѣсяца принесли рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью отчасти объективно подготовить, отчасти освоить общественное мнѣніе и его руководителей съ идеей широкаго примѣненія принудительныхъ работъ. Что плѣнные командируются на работы принудительно, къ этому привыкли всѣ, надо было приготовить то же самое для гражданскаго населенія. Къ открывшейся въ концѣ сентября н. ст. сессіи рейхстага были собраны уже матеріалы о состояніи рабочихъ силъ въ Германіи, фактическихъ и поренціальныхъ (ср. корр. „Учетъ рабочей силы“, „Рус. Вѣд.“ 2 нояб.). Начались переговоры съ руководителями партій и профессіональныхъ союзовъ, значительно задержавшіе опубликованіе въ печати предположеній о новомъ мѣропріятіи. Какъ извѣстно, оно возвѣщено было статьей директора берлинскаго областного центра по государственному страхованію рабочихъ Фрейнда 12 нояб. н. ст. — статья эта пролежала въ портфелѣ „Berliner Tageblatt“ пять недѣль, пока получила возможность появиться. Между прочимъ, при этихъ предварительныхъ обсужденіяхъ былъ потребованъ и данъ рядъ такъ называемыхъ „гарантій“ для рабочихъ, о которыхъ и о реальномъ значеніи которыхъ будетъ еще рѣчь (участіе делегатовъ рабочихъ въ центральномъ управленіи „рабочей повинностью“, мѣры относительно заработной платы и т. д., — все это и составляетъ модернизацію или если угодно, „демократизацію“ вводимой отнынѣ въ Германіи фактически крѣпостной зависимости рабочихъ).

Въ данномъ случаѣ повторилось то же, что съ провозглашеніемъ Польскаго государства: неожиданная для внѣшняго міра и вызывающая внутри страны со стороны недовольныхъ упреки въ пренебреженіи рейхстагомъ „внезапная“ мѣра — въ дѣйствительности основана на предварительно полученномъ имперскимъ правительствомъ согласіи большинства партій и заинтересованныхъ организованныхъ общественныхъ силъ. Прошло время, когда Германіей можно было править безъ рейхстага и противъ воли большинства общества — основательно замѣтилъ недавно либеральный депутатъ Готгейнъ. Большинство рейхстага само постановляетъ иногда, какъ было въ случаѣ съ Польшей, разойтись предъ самымъ опубликованіемъ подлежащаго акта, чтобы „не портить впечатлѣнія,“

если меньшинство не желаетъ отказаться отъ рѣзкаго протеста. Меньшинство, — какъ въ случаѣ съ Польшей консерваторы, — печатаетъ потомъ жалобы на отсутствіе предварительнаго публичнаго обсужденія вопроса въ рейхстагѣ, но само собой такой порядокъ, (сколь ни заслуживаетъ порицанія устраненіе предварительной гласности самимъ большинствомъ партій и организованныхъ общественныхъ силъ) не можетъ быть просто приравняемъ къ свободѣ усмотрѣнія правительства въ случаѣ, если бы оно противополагало бы себя рейхстагу и организованнымъ общественнымъ силамъ страны и поступало бы вопреки волѣ большинства.

Уже 28 окт. н. ст. рейхстахъ одобрилъ выработанныя въ томъ же октябрѣ его комиссіей руководящія указанія для единообразнаго направленія дѣятельности всѣхъ посредническихъ учрежденій по указанію труда. Благодаря предстоящему въ связи съ „рабочей повинностью“ большему передвиженію рабочихъ силъ между разными мѣстами страны и отдѣльными предпріятіями, упомянутымъ учрежденіямъ предстоитъ большая работа (за время войны они умножены въ числѣ и объединены въ мѣстные союзы, сѣть которыхъ связана между собой и обнимаетъ всю страну). Изъ одобренныхъ рейхстагомъ правилъ, кромѣ равенства въ управленіи выборныхъ отъ рабочихъ и хозяевъ, стоитъ особо отмѣтить еще пожеланіе объ открытіи при всѣхъ посредническихъ учрежденіяхъ спеціальныхъ женскихъ отдѣленій,

Одновременно опубликовано было о введеніи принудительной рабочей повинности для бельгійцевъ и поляковъ — начинали съ оккупированныхъ окраинъ, дабы показать населенію Германіи, что приняты уже всевозможныя мѣры для пріумноженія рабочихъ силъ въ странѣ, и остается только ввести принудительность труда для самого нѣмецкаго населенія. При этомъ въ Бельгіи принудительность была установлена только для безработныхъ, каковыхъ тамъ по нѣмецкому офиціальному отчету свыше полумилліона, и перевозка ихъ въ Германію началась 17 октября н. ст., (слѣдуетъ замѣтить, многіе бельгійцы безработны просто потому, что германское правительство вывезло предварительно въ Германію машины многихъ бельгійскихъ фабрикъ для усиленія техническаго оборудованія нѣмецкихъ заводовъ; во время недавней поѣздки депутата Легина въ Бельгію установлено, напр., что изъ одного Люттиха съ его райономъ вывезено 500 машинъ).

Въ Польшѣ октябрьскій декретъ Безелера ввелъ принудительный наборъ въ „гражданскіе рабочіе батальоны“ всѣхъ тѣхъ, кто теперь получаетъ пособіе по безработицѣ или получалъ таковое раньше. Въ Варшавѣ и Лодзи, — какъ сообщаетъ краковская

„Nova Reforma“ отъ 28 окт. н. ст., — учреждены центральные сборные пункты. По доставкѣ туда безработные формируются въ „рабочіе гражданскіе батальоны“; подъ командой офицеровъ часть ихъ отправляется на работы при арміи въ оккупированныхъ провинціяхъ, а другая часть вывозится въ Германію (для размѣщенія, главнымъ образомъ, въ сельскомъ хозяйствѣ, горномъ дѣлѣ и на металлическихъ заводахъ). Послѣ провозглашенія Польскаго государства Безелеръ 8 ноября н. ст. нѣсколько видоизмѣнилъ постановку дѣла, призвавъ всѣхъ желающихъ вступать добровольцами въ польскіе легіоны, — такіе добровольцы освобождаются отъ принудительнаго включенія въ „гражданскіе рабочіе батальоны“. Такимъ образомъ, въ Польшѣ нѣтъ принудительнаго набора въ солдаты (германское правительство опубликовало на-дняхъ, что его и не будетъ), но есть принудительный наборъ въ „рабочіе батальоны“ для обслуживанія арміи и пересылки въ Германію.

Большой принудительный притокъ иностранныхъ рабочихъ вызвалъ требованіе нѣмецкихъ рабочихъ распространить на нихъ защиту рабочаго законодательства, дабы иначе не создалась для хозяевъ возможность притѣснять туземныхъ рабочихъ, ссылаясь на возможность пользоваться беззащитными бельгійцами или поляками. Уступая этимъ настояніямъ, правительство сначала завѣрило, что привозные рабочіе изъ враждебныхъ странъ будутъ получать заработную плату не ниже полагающейся самимъ нѣмцамъ соотвѣтственной профессіи и въ соотвѣтственномъ мѣстѣ. А 2 ноября н. ст. союзный совѣтъ утвердилъ законъ, коимъ всѣ принудительно и добровольно доставленные въ Германію иностранные рабочіе, „подданные воюющихъ противъ Германіи государствъ“ (и поляки), подлежатъ дѣйствію государственнаго страхованія отъ болѣзней и включаются въ больничныя кассы на такихъ же основаніяхъ, какъ нѣмцы (только жены не получаютъ пособій при родахъ).

Дальнѣйшимъ шагомъ была смѣна военнаго министра, которому рейхстагъ (въ дебатахъ объ административныхъ арестахъ по распоряженію военной власти и о цензурѣ) подавляющимъ большинствомъ отказалъ въ пригодности быть руководителемъ гражданской жизни даже въ менѣе важныхъ вопросахъ, чѣмъ всеобщая рабочая повинность. Вмѣсто него назначено было два популярныхъ генерала, извѣстныхъ организаторскими способностями, между которыми и было раздѣлено на двѣ части прежнее военное министерство. Ген. Штейнъ получилъ „Kriegsministerium“, что включаетъ политическое воздѣйствіе на гражданское населеніе (руководство военными генералъ-губернаторами, административные аресты, цензура, публичныя собранія и т. д.)—и въ публичномъ засѣданіи обѣщалъ

рейхстагу, что при немъ не повторятся политическія „ошибки“ его предшественника, и что рейхстагъ впредь не услышитъ о столь скандальныхъ административныхъ арестахъ и преслѣдованіяхъ, какъ оглашенные въ немъ въ октябрѣ (однако, Мерингъ еще подъ арестомъ). Другой генералъ, вюртембержецъ Гренеръ, получилъ 3 ноября н. ст. вновь учрежденный „Kriegsamt“, включающій между прочимъ завѣдываніе всѣми хозяйственными мѣропріятіями, касающимися гражданскаго населенія, въ томъ числѣ новой „рабочей повинностью“. Черезъ пару дней, 8 ноября н. ст., Гренеръ сдѣлалъ обширный докладъ представителямъ печати объ организаціи и способахъ осуществленія рабочей повинности (докладъ этотъ опубликованъ былъ недѣлей позже), а 12 ноября н. ст. появился во всѣхъ газетахъ призывъ правительства „къ женщинамъ и дѣвушкамъ Германіи“ вступать добровольно физическими работницами на заводы и т. д., въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ это до сихъ поръ имѣло мѣсто. Ибо всеобщая рабочая повинность вводится пока лишь для мужчинъ въ возрастѣ отъ 16 до 60 лѣтъ. Для женщинъ она сможетъ быть введена лишь по мѣрѣ завершенія централизаціи кухоннаго дѣла („массовое кормленіе“), пока же правительство заявляетъ о намѣреніи ограничиваться лишь „патріотическимъ давленіемъ“ на дѣвушекъ и бездѣтныхъ женъ и вдовъ. Пора бросить „старый глупый кастовый духъ“ — такъ дословно именуетъ правительство Бетманъ-Гольвега въ этомъ своемъ обращеніи распространенное въ среднихъ и высшихъ слояхъ общества воззрѣніе, будто быть наемнымъ физическимъ рабочимъ менѣе почтенно, чѣмъ рантьеромъ, домовладѣльцемъ или свѣтской дамой. Бетманъ-Гольвегъ вообще оказался мастеромъ по части чеканки ходкихъ демагогическихъ словечекъ, — невольная или „противовольная“ дань вліянію демократическихъ идей въ населеніи. Но изъ устъ имперскаго правительства бросить въ лицо гордымъ германскимъ консерваторамъ и магнатамъ „глупый кастовый духъ“ — это, пожалуй, побиваетъ его прежній рекордъ. Чѣмъ болѣе крупныя жертвы требуются отъ населенія, тѣмъ болѣе пріятныя его слуху вещи слѣдуетъ говорить, — этотъ рецептъ усвоенъ германскими правителями довольно твердо.

Послѣдней стадіей дѣла было открытіе съ половины ноября н. ст. газетной кампаніи въ пользу „новой организаціи національнаго хозяйства“. Противъ нея безусловно высказалась только противовоенная половина рабочей партіи (теченія Гаазе-Каутскаго и Либкнехта-Меринга). Другая половина (Шейдеманъ) еще не сказала послѣдняго своего слова, настаиваетъ еще пока на изъятіи изъ подчиненія „принудительности“ уже наличныхъ рабочихъ (т. е. тре-

буетъ принудительности только для зажиточныхъ), но судя по поведенію органовъ профессіональной прессы это скорѣе всего лишь пріемъ для усиленія „гарантій“ въ пользу рабочихъ. Остальныя крупныя партіи, кромѣ рабочей, — всѣ за новый законъ (да иначе не былъ бы и учрежденъ самый „Kriegsamt“). Организація дѣла спѣшно налаживается, 16 ноября н. ст. союзный совѣтъ утвердилъ законъ объ экстренной однодневной переписи всего населенія 1 декабря н. ст., и съ новаго года законъ о всеобщей рабочей повинности долженъ вступить уже въ силу. Ниже приводятся сообщенія самого „Kriegsamt“ о новой организаціи хозяйства и о порядкѣ осуществленія новой повинности (особенно по № 66 изданія W. берлинской Internationale Korrespondenz, печатаемой на правахъ рукописи, т. е. безъ цензуры).

3. ВОЕННО-ГОСУДАРСТВЕННЫЙ „КАПИТАЛИСТИЧЕСКІЙ ФЕОДАЛИЗМЪ“.

Для руководства всей хозяйственной жизнью Германіи и всеобщей рабочей повинностью созданъ „Kriegsamt“, распадающійся на семь частей. Первая изъ нихъ, — военный штабъ при „Kriegsamt'ѣ“, — несетъ на себѣ, главнымъ образомъ, освѣдомительную службу, какъ по отношенію къ печати, такъ и къ персоналу служащихъ — принимаетъ жалобы и т. п., является фактически контролирующей инстанціей, наблюдающей за надлежащимъ характеромъ результатовъ дѣятельности вообще. Остальныя шесть частей можно сгруппировать такъ: 1) производство, 2) заготовка и потребленіе, гражданское и военное, 3) организація рабочей повинности.

Первой цѣли служитъ „вѣдомство производства“ (Betriebsamt). Во главѣ его съ титуломъ „шефа техническаго штаба“ поставленъ популярный въ промышленныхъ кругахъ г. Зорге, директоръ крупповскаго Грузонскаго завода въ Магдебургѣ. Ему подчинены семь отдѣловъ: 1) сельское хозяйство, 2) горная промышленность, 3) металлургія, 4) производство желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, 5) химическая промышленность, 6) взрывчатыя вещества, 7) отдѣлъ условій труда. Всѣ частныя и казенныя предпріятія каждой отрасли хозяйства всецѣло подчиняются соотвѣтственному отдѣлу (имѣютъ быть образованы еще отдѣлы для нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ отраслей). Всѣ предпріятія, подчиненныя какому-либо отдѣлу руководятся имъ, какъ одно цѣлое, какъ одно отдѣленіе „большой фирмы Германія“ (выраженіе Гренера, главы „Kriegsamt'a“). Что особенно важно, отмѣняются всѣ „секреты производства“, въ томъ числѣ защищенные патентами, при томъ безъ всякаго вознагра-

жденія владѣльцамъ. Профессора и доценты высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній вмѣстѣ со студентами старшихъ курсовъ всѣ возвращаются съ фронта и въ качествѣ уполномоченныхъ „Kriegsamt'a" отправляются по странѣ „разъѣздными экспертами". Имъ поручается сравнить методы производства и всѣ „фабричные секреты" отдѣльныхъ предпріятій, при чемъ наилучшіе методы и патенты должны затѣмъ быстрѣйшимъ образомъ вводиться повсемѣстно. Можно думать, послѣдствія этого мѣропріятія будутъ велики и для мирнаго времени. Дѣлается все менѣе вѣроятнымъ, чтобы послѣ такихъ преобразованій въ Германіи по окончаніи войны попросту было возстановлено прежнее „анархическое хозяйство частной конкурренціи".

Второй задачѣ, — заготовкѣ и потребленію (отчасти, впрочемъ, и производству), — служатъ четыре учрежденія „Kriegsamt'a". Во-первыхъ „Вумба", какъ непринужденно именуетъ ген. Гренеръ „вѣдомство заготовки оружія и снаряженія" для арміи. Въ немъ растворяется прежнее фельдцейхместерство и въ него входитъ „отдѣлъ фабричныхъ заготовокъ" (которому подчиняются также текстильная, одеждно-бѣльевая и обувная промышленность). Второе учрежденіе — „отдѣлъ сырыхъ матеріаловъ", руководимый формально майоромъ Коэттомъ, а фактически извѣстнымъ промышленнымъ магнатомъ Ратенау (главой „Всеобщей Компаніи Электричества"), выпустившимъ недавно любопытную книжку о роли своей въ созиданіи этого учрежденія и „мобилизаціи промышленности" вообще (онъ приписываетъ себѣ идею созданія подчиненныхъ „отдѣлу сырыхъ матеріаловъ" многочисленныхъ „Kriegsgesellschaften" съ принудительно-синдикатскими функціями, по одному такому обществу въ каждой отрасли промышленности). Далѣе, третье учрежденіе — „отдѣлъ народнаго хозяйства и вопросовъ продовольствія". Онъ долженъ, между прочимъ, руководить удовлетвореніемъ потребностей гражданскаго населенія въ пищѣ и одеждѣ путемъ опредѣленія, какая часть имѣющихся запасовъ идетъ для арміи, какая — населенію. Въ соотвѣтствіи съ планами этого отдѣла предписано работать и „Имперскому продовольственному вѣдомству" (Батопкій). Наконецъ, четвертымъ учрежденіемъ этой группы является „отдѣлъ ввоза и вывоза за границу": разъ все почти производство сосредоточивается въ государственномъ управленіи, то неизбѣжна передача въ руки государства также всего вывоза и ввоза (это постепенно подготовлялось уже ранѣе монополизаціей все большаго числа отраслей внѣшней торговли въ „Центральномъ закупочномъ обществѣ").

Соотношеніе между первой и второй группой хозяйственныхъ департаментовъ „Kriegsamt'a" понятно: „вѣдомство производства"

руководитъ самымъ производственнымъ процессомъ, а остальныя частью доставляютъ ему сырые матеріалы, частью распредѣляютъ произведенное. Небольшая дисгармонія, вносимая подчиненіемъ „Вумбѣ“ текстильной промышленности, объясняется тѣмъ, что по недостатку матеріаловъ она работаетъ почти исключительно на армію, т. е. на „Вумбу“. Гражданское населеніе должно довольствоваться уже имѣющейся на складахъ и старой одеждой и бѣльемъ (съ 1 ноября н. ст. карточки введены и на поношенныя вещи). Обращаетъ на себя вниманіе отсутствіе въ кругѣ дѣятельности „Kriegsamt'a“ какъ разъ той отрасли, въ какой Гренеръ имѣетъ наиболѣе заслугъ: желѣзныхъ дорогъ. Объясняется это тѣмъ, что желѣзныя дороги подчинены военному министерству (ген. Штейнъ) и такъ какъ онѣ все время функціонируютъ удовлетворительно и не разстраиваютъ товарнаго транспорта, то ихъ оставили въ томъ же завѣдываніи и впредь (какъ и раньше, военное министерство будетъ руководить ими въ согласіи съ руководителями производства, т. е. отнынѣ — съ „Kriegsamt'омъ“).

Удовлетвореніе потребностей арміи и хозяйства въ людяхъ является задачей послѣдняго учрежденія „Kriegsamt'a“. Это седьмое учрежденіе распадается, въ свою очередь, на двѣ части. „Вѣдомство пополненія арміи“ („Kriegsersatzamt“) отправляетъ мужчинъ въ войска въ качествѣ дополнительныхъ рекрутовъ, по мѣрѣ нарастанія надобности въ послѣднихъ. Число подлежащихъ призыву оно сообщаетъ второму отдѣлу („Kriegsarbeitsamt“), въ рукахъ котораго находится вмѣстѣ съ тѣмъ самая организація всеобщей рабочей повинности. Это послѣднее „вѣдомство военнаго труда“ по заявленію Гренера является самымъ главнымъ, сложнымъ и обширнымъ учрежденіемъ всей системы. Въ качествѣ дѣлового бюро для него отведенъ самый большой отель Берлина. Во главѣ этого вѣдомства формально поставленъ полковникъ Родинъ. Вѣдомство, имѣющее задачей проведеніе рабочей повинности и распредѣленіе и перераспредѣленіе всѣхъ наличныхъ силъ (включая инвалидовъ и военноплѣнныхъ), распадается на два отдѣла: 1) отдѣлъ общихъ организаціонныхъ вопросовъ и принципіальныхъ вопросовъ сношеній съ рабочими и ихъ организаціями, и 2) отдѣлъ техническихъ вопросовъ и распредѣленія рабочихъ. Представителямъ рабочихъ профессіональныхъ союзовъ гарантируется участіе въ управленіи „Kriegsarbeitsamt'омъ“ — впрочемъ, объ этомъ придется говорить особо въ связи съ перечнемъ вообще предоставляемыхъ рабочимъ „гарантій“. При распредѣленіи рабочихъ рукъ по качеству и количеству необходимо считаться съ техническими потребностями каждой отрасли производства. Потому для каждой отрасли назначается особый „техническій докладчикъ“

изъ числа наиболѣе извѣстныхъ предпринимателей и спеціалистовъ даннаго производства. Каждому мужчинѣ отъ 16 до 60 лѣтъ, который не занятъ еще ни въ одной изъ отраслей промышленности признанныхъ необходимыми (добыча угля, земледѣліе и т. д.), будетъ данъ извѣстный срокъ на пріисканіе себѣ подобнаго занятія. Кто окажется неработающимъ къ окончанію срока, — будетъ откомандированъ въ какое-либо предпріятіе принудительно. Равнымъ образомъ, принудительно распредѣленъ будетъ между другими отраслями избытокъ людей, если таковой окажется въ какой-либо индустріи по сравненію съ выработаннымъ для нея планомъ. Наконецъ, допускается въ случаѣ технической надобности принудительный переводъ уже наличныхъ рабочихъ изъ одного города въ другой или въ деревню, а равно принудительное перераспредѣленіе рабочихъ изъ признанныхъ подлежащими пріостановкѣ отраслей промышленности и отдѣльныхъ предпріятій. Какъ упомянуто, уже сейчасъ постановленіями союзнаго совѣта сокращены на три четверти обувная, пивоваренная и текстильная промышленность, на половину производство спирта, вовсе запрещено частное домостроительство и т. п. Теперь предстоитъ еще болѣе усиленное привлеченіе въ „военныя индустріи“ рабочихъ изъ другихъ отраслей хозяйства. Отчасти эти послѣднія отрасли вовсе прекратятъ свое существованіе, отчасти будутъ поддерживаться силами женщинъ, поскольку вѣдомство генерала Гренера будетъ пока еще предоставлять ихъ для этого. Такимъ образомъ подавляющая часть германскаго хозяйства будетъ непосредственно управляться „Kriegsamt'омъ“ (сельское хозяйство, крупная промышленность и пр.). Небольшое количество прочихъ предпріятій (напр. типографіи) остаются формально самостоятельными, но фактически и они должны и могутъ двигаться только въ рамкахъ удѣленныхъ имъ рабочихъ силъ и сырыхъ матеріаловъ и разрѣшеннаго имъ производства. Иначе сказать, черезъ $2^1/_2$ года войны Германія приходитъ къ вполнѣ централизованному управленію всѣмъ производствомъ. Реальный смыслъ этой централизаціи силъ заключается въ принудительномъ пониженіи уровня быта жителей въ пользу и ради усиленія средствъ разрушенія. Ибо закрываются и воспрещаются какъ разъ „гражданскія“ отрасли промышленности и предпріятія (напр., постройка жилищъ) — иначе и не можетъ, быть въ виду непосредственной практической цѣли всего предпріятія. „Сдѣлать невозможнымъ повтореніе событій на Соммѣ“ — такъ формулируетъ ее ген. Гренеръ.

Для руководства производствомъ на мѣстахъ „Kriegsamt“ будетъ имѣть повсемѣстно своихъ уполномоченныхъ изъ числа нынѣшнихъ владѣльцевъ и директоровъ крупныхъ предпріятій и соотвѣт-

ствующихъ спеціалистовъ. Областныя агентуры „Kriegsamt'a“ будутъ учреждены въ 26 важнѣйшихъ пунктахъ Германіи (въ 24 изъ которыхъ находятся резиденціи военныхъ генералъ-губернаторовъ, управляющихъ нынѣ Германіей на мѣстахъ и получающихъ указаніе всячески содѣйствовать „Kriegsamt'y“). Между прочимъ, изъ всего изложеннаго видно, что было бы неправильно приравнивать новое нѣмецкое вѣдомство только къ „министерству снаряженій“ — роль и значеніе его больше и шире. Что касается владѣльцевъ подчиняемыхъ „Kriegsamt'y“ предпріятій, то крупнымъ предпринимателямъ особенно плакаться не на что. Какъ видно изъ изложеннаго, именно они фактически будутъ руководить всѣмъ вѣдомствомъ. Изъ ихъ среды взятъ „шефъ техническаго штаба“ г. Зорге, они имѣютъ выставить изъ своей среды „техническихъ докладчиковъ“ по каждой отрасли хозяйства, которые будутъ руководить принудительнымъ распредѣленіемъ и перераспредѣленіемъ рабочихъ. Они остаются руководителями своихъ предпріятій и получаютъ еще принудительно въ свое распоряженіе всѣ рабочія силы націи, даже такія, какихъ иначе не заполучили бы. Закрыться придется только мелкимъ и пожалуй части среднихъ предпріятій, не поддающимся быстрому усовершенствованію въ техническомъ отношеніи. Разъ рѣшено затрачивать имѣющіяся рабочія силы только при „наилучшихъ методахъ работы“, то это означаетъ сосредоточеніе силъ въ крупныхъ, технически хорошо поставленныхъ предпріятіяхъ цѣною остановки отсталыхъ. Подобнымъ образомъ „хлѣбная монополія“ забросила полтора года назадъ цѣлыя тысячи мелкихъ и среднихъ мельницъ, сосредоточивъ все производство муки всего на нѣсколькихъ сотняхъ крупныхъ, а „коммунальное земледѣліе“ свело въ хозяйства, управляемыя изъ одного центра, заброшенные было участки взятыхъ на войну мелкихъ крестьянъ. Наконецъ, не страшно для крупныхъ фирмъ и принудительное ограниченіе прибыли. Одновременно съ введеніемъ „рабочей повинности“ и въ видѣ нѣкоторой компенсаціи общественному мнѣнію военное министерство вводитъ принудительное ограниченіе доходовъ частныхъ фирмъ. Именно, къ дѣйствительной себѣстоимости продукта будетъ разрѣшаться прибавлять въ пользу предпріятія „только десять процентовъ“. Во-первыхъ, это и самъ по себѣ доходъ очень крупный. Вѣдь годовой оборотъ, сумма годового производства какого-либо предпріятія обычно гораздо больше вложеннаго въ него капитала. Потому 10% чистаго дохода съ оборота (со стоимости всѣхъ продуктовъ) обозначаютъ значительно болѣе высокую прибыль, — о такихъ барышахъ германской промышленности въ общемъ въ мирное время и не снилось. Иначе сказать, „компенсація общественному мнѣнію“ оказывается весьма скромной и

замѣтной развѣ только въ сравненіи съ чудовищной наживой въ тѣхъ странахъ, гдѣ дѣло не дошло и до этого. Во-вторыхъ, подобное однородное для всѣхъ предпріятій ограниченіе дохода ставитъ крупныя предпріятія въ особо благопріятныя условія по сравненію съ мелкими и средними. Ибо въ крупныхъ и технически совершенныхъ предпріятіяхъ производство вообще идетъ быстрѣе, и обороты относительно больше. Потому ограниченіе прибавки къ себѣстоимости продукта десятью процентами для крупныхъ фирмъ можетъ означать порой даже увеличеніе дивиденда, въ то время какъ для прочихъ оно равносильно нѣкоторому пониженію сказочныхъ „военныхъ" барышей. Такъ это и оцѣнила берлинская биржа. Крупныя фирмы еще въ большей противъ прежняго мѣрѣ будутъ сосредоточивать отнынѣ у себя и производство, и рабочихъ, и доходы, послѣдствія чего скажутся и въ мирное время. Централизованные „Kriegsamt'омъ" предприниматели всей страны слились какъ бы въ единое акціонерное общество („фирма Германія", по Гренеру), которому они передали всѣ свои сепаратные „секреты производства" и отъ котораго получили гарантію высокаго дивиденда, пропорціональнаго обороту, поставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ рабочія силы націи въ принудительную крѣпостную зависимость въ отношеніи себя. Ниже мы увидимъ, каковы предоставляемыя послѣднимъ „гарантіи" и переспективы.

4. НѢМЕЦКІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ И РАБОЧАЯ ПОВИННОСТЬ.

Для приданія популярности принудительной рабочей повинности ее старались выставить сначала, какъ очень демократическую мѣру: до сихъ поръ трудились почти одни лишь рабочіе и крестьяне, а теперь привлекутъ къ дѣлу и „зажиточныхъ бездѣльниковъ". Подобными демагогическими поясненіями пестрѣли въ теченіе первыхъ двухъ недѣль нѣмецкія газеты „партій порядка". Однако, безжалостныя цифры точно устанавливаютъ совсѣмъ другое практическое значеніе и общественное содержаніе новой мѣры. На 1 сент. н. ст. 1916 г. въ Германіи оставалось всего около девяти милл. подлежащихъ повинности мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Изъ нихъ, судя по отчетамъ больничныхъ кассъ, состояло уже въ это время наемными рабочими около 6870 тыс. мужчинъ. Сверхъ того, немобилизованныхъ крестьянъ и помѣщиковъ вмѣстѣ съ помогавшими въ хозяйствѣ мужскими членами ихъ семей въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ оставалось около 1330 тыс. чел. Въ число наемныхъ рабочихъ не включены тѣ изъ торговыхъ, конторскихъ, банковскихъ, техническихъ и т. п. служащихъ, которые получали болѣе $2\,^1/_2$ тыс.

марокъ жалованья въ годъ. Если число ихъ сократилось вдвое сравнительно съ мирнымъ временемъ (какъ принимается въ соотвѣтствіи съ процентомъ мобилизованныхъ мужчинъ), то сейчасъ должно быть еще около 300 тыс. такихъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 17 до 60 лѣтъ. Всего, значитъ, занято было къ 1 сент. н. ст. около $8^1/_2$ милл. мужчинъ, подлежащихъ новой повинности (да еще около милліона плѣнныхъ). Изъ остающихся 500 тыс. надо отсчитать еще владѣльцевъ болѣе крупныхъ предпріятій, получающихъ часто въ Германіи право оставаться дома для руководства дѣломъ, не взирая на приказъ о мобилизаціи (этотъ порядокъ называется „рекламаціей"; къ началу войны, кромѣ сельско-хозяйственныхъ, въ Германіи было еще около 40 тысячъ предпріятій, каждое изъ которыхъ занимало свыше 50 рабочихъ). Затѣмъ слѣдуетъ откинуть учителей, чиновниковъ, арестантовъ — на „зажиточныхъ бездѣльниковъ" придется въ итогѣ лишь около трехъ процентовъ по отношенію къ массѣ уже занятыхъ мужчинъ (считая плѣнныхъ). Ясно, не ради такой незначительной прибавки предпринимается новое грандіозное дѣло. Смыслъ его заключается въ введеніи принудительной зависимости по отношенію къ тѣмъ, кто уже теперь работаетъ. Это призналъ открыто вице-канцлеръ Гельфферихъ въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага 23 ноября н. ст. Тѣмъ самымъ положенъ былъ конецъ слащавымъ разговорамъ о „законѣ противъ бездѣльниковъ", и новая мѣра офиціально разоблачилась, какъ „законъ противъ работающихъ", какъ лишеніе личной свободы именно ихъ и прежде всего ихъ. Что касается остающихся около двухъ сотъ тысячъ „зажиточныхъ бездѣльниковъ", то какъ разъ они не особенно почувствуютъ тяжесть новаго крѣпостного права. Законъ обѣщаетъ при назначеніи на работы „по возможности принимать во вниманіе прежнее занятіе", а такъ какъ упомянутые „бездѣльники" никогда не имѣли нужды заниматься физическимъ трудомъ (кромѣ рѣзанья купоновъ или полученія платы отъ квартиронанимателей) и обладаютъ обычно среднимъ образованіемъ, — то имъ обезпечены легкія мѣста въ конторахъ, бюро, въ качествѣ надсмотрщиковъ и т. п.

Практическое значеніе рабочей повинности для мужчинъ исчерпывается, такимъ образомъ, созданіемъ права принудительно распоряжаться наличнымъ мужскимъ пролетаріатомъ Германіи и проложеніемъ дороги къ введенію такой же принудительности по отношенію къ женщинамъ. Послѣднюю мѣру правительство предполагало отсрочить до весны или лѣта 1917 г. (до тѣхъ поръ для замѣны туземныхъ мужчинъ, уходящихъ по дополнительнымъ мобилизаціямъ въ армію, хватитъ прилива отъ принудительно переводимыхъ въ Германію польскихъ и бельгійскихъ безработныхъ и

нѣмецкихъ „бездѣльниковъ“). Консерваторы и націоналъ-либералы предлагаютъ и для женщинъ ввести рабочую повинность безотлагательно. Крупная промышленность, представляемая въ Германіи націоналъ-либералами, и аграріи, именующіеся консерваторами, жалуются на своеволіе и даже „нежеланіе работать“ женщинъ, особенно солдатскихъ женъ, и хотѣли бы и для нихъ не откладывать созданіе крѣпостной зависимости на завтра, если бы можно было провести ее уже сегодня.

Опубликованіе вѣсти о грядущей рабочей повинности было встрѣчено бурными привѣтствіями въ многочисленныхъ интервью разныхъ крупныхъ промышленниковъ и видныхъ помѣщиковъ. Помѣщики подчеркиваютъ значеніе новой мѣры для перевода въ сельское хозяйство тѣхъ рабочихъ силъ, которыя теперь избѣгаютъ его. А предприниматели, — коммерціи совѣтникъ Сакъ, предсѣдатель союза саксонскихъ промышленниковъ Леманъ, разные желѣзозаводчики и горнопромышленники, — въ одинъ голосъ твердятъ о созданіи „осѣдлости“ рабочаго въ данномъ предпріятіи, какъ о важнѣйшемъ положительномъ содержаніи новой мѣры. Подъ „осѣдлостью“ имѣется въ виду возможно болѣе прочное принудительное прикрѣпленіе рабочаго къ данному заводу. Если бы удалось лишить рабочаго права оставлять мѣсто по собственному усмотрѣнію (напр., имѣя въ виду лучшее), то нѣмецкіе рабочіе оказались бы всецѣло въ рукахъ своихъ хозяевъ. Забастовки при „рабочей повинности“ вообще не допускаются, все ставится на военную ногу, только оплата труда остается въ области гражданскихъ отношеній. Но какъ разъ здѣсь рабочій остается совершенно безпомощнымъ, разъ у него отнимается право не то что бастовать, а даже индивидуально разсчитаться, уйти съ завода, предупредивъ за установленное число дней. Новая повинность вводитъ медицинскій осмотръ всѣхъ мужчинъ съ тѣмъ, что освобожденіе отъ рабочей повинности возможно только по „рекламаціи“, т. е. если „военное вѣдомство“ ген. Гренера признаетъ данное лицо незамѣнимымъ въ его прежней профессіи (чиновникъ, учитель). Но у физическаго рабочаго нѣтъ „прежней профессіи“ внѣ физическаго труда, — ни на какую „рекламацію“ онъ не можетъ надѣяться.

Понятна, такимъ образомъ, двойная опасность, грозящая германскому пролетаріату отъ новой повинности. Однимъ рабочимъ она грозитъ принудительнымъ переведеніемъ въ хуже оплачиваемыя занятія и районы страны (особенно въ сельское хозяйство, въ деревню). Всѣмъ остальнымъ рабочимъ она грозитъ беззащитностью на прежнемъ мѣстѣ, слѣдовательно, тоже ухудшеніемъ условій труда, пониженіемъ уровня быта, если не путемъ прямого пониженія за-

работной платы, то путемъ отказа хозяевъ повышать ее далѣе въ соотвѣтствіи съ ростомъ дороговизны. Если ужъ при безумной наживѣ первыхъ $2^1/_2$ лѣтъ войны предприниматели Германіи норовили возможно меньшую долю „тратить“ на заработную плату, то легко представить, что будетъ, если нажива окажется ограниченной десятью процентами оборота. Если сравнить отчеты горнопромышленныхъ и металлургическихъ фирмъ за 1915—16 годъ съ отчетами ихъ за послѣдній мирный 1913—14 г., то оказывается: количество добычи и производства уменьшилось, валовая выручка за добытое и произведенное, однако, увеличилась, при чемъ сумма выплаченной за годъ заработной платы уменьшилась, а полученная чистая прибыль возросла. Секретарь союза горнорабочихъ депутатъ Гуэ сдѣлалъ на этотъ счетъ 21 ноября н. ст. много поучительныхъ сопоставленій (напр. горно-металлургическое общество „Доброй Надежды“ получило 23,4 милл. мар. чистой прибыли вмѣсто прежнихъ 7 милл., т. е. свыше, чѣмъ втрое, а выплатило заработной платы только 48,6 милл. вмѣсто 51,3 м. м.; горнозаводское общество „Бохумскій союзъ“ получило 23 мил. мар. чистой прибыли вмѣсто 12 милл., а заработной платы выплатило только 26% вмѣсто 39% по отношенію къ валовой выручкѣ за всю добычу).

Примѣръ горнорабочихъ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нѣмецкіе рабочіе не могутъ положиться на защиту одного только „благожелательнаго усмотрѣнія“ правительственной администраціи. Какъ разъ горнорабочимъ оказывалось особое „покровительство“, министръ торговли неоднократно призывалъ горнохозяевъ къ повышенію заработной платы, и тѣмъ не менѣе за все время войны до третьей четверти 1916 г. она повысилась въ среднемъ только на 20% (офиціальныя данныя). Между тѣмъ цѣны на продовольствіе повысились къ этому времени уже на 110%. Горнорабочіе сводятъ концы съ концами только потому, что нѣмцы получаютъ теперь лишь двѣ трети обычнаго количества пищи (до войны расходовали на пищу 50% своего бюджета, теперь должны были бы расходовать 105%; но получаютъ только двѣ трети, т. е. на сумму 70% довоеннаго бюджета, что равно всему прежнему расходу на пищу съ прибавкой всѣхъ 20% роста заработной платы). Можно съ увѣренностью сказать: если бы профессіональные союзы не оживляли время отъ времени въ умахъ горнохозяевъ мысль о возможности общей забастовки углекоповъ, несмотря на бургфриденъ, и если бы отдѣльные углекопы не начинали порой оставлять копи въ поискахъ лучше оплачивающейся работы, — настояніямъ министра торговли не удалось бы добиться и такихъ скромныхъ улучшеній. Понятно поэтому, что вопросъ о степени свободы перемѣны мѣстъ явился однимъ изъ основ-

ныхъ пунктовъ во всемъ дѣлѣ съ „рабочей повинностью“ и центральнымъ пунктомъ общественной борьбы по поводу новаго закона, въ рейхстагѣ и внѣ него. Какъ бы введеніемъ къ ней послужили происшествія въ Рурскомъ округѣ (Бохумъ), главномъ каменноугольномъ бассейнѣ Германіи. Здѣсь 10 ноября н. ст. во всѣхъ копяхъ вывѣшено было объявленіе окружного военнаго начальства, что, на основаніи военнаго положенія, рабочимъ разрѣшается отнынѣ брать расчетъ и мѣнять службу только съ письменнаго разрѣшенія владѣльцевъ копи или горно-фабричной инспекціи. „Возбужденіе рабочихъ приняло такіе размѣры“, нѣсколько туманно сообщаетъ органъ Шейдемана, что, по телеграфной жалобѣ правленія союза горнорабочихъ, военный генералъ-губернаторъ Вестфаліи и Рейнской провинціи уже 15 ноября н. ст. отмѣнилъ это распоряженіе и въ полной мѣрѣ возстановилъ право рабочихъ на личную свободу.

Имѣя въ виду такую чувствительность занятыхъ въ крупной промышленности рабочихъ къ свободѣ передвиженія — правительство не рѣшилось закрѣпостить рабочихъ безоговорочно и откровенно. Вмѣсто этого оно выдвинуло устами ген. Гренера „систему гарантій“, объ объемѣ которыхъ пошелъ сейчасъ споръ. Вѣдь дѣло, главнымъ образомъ, въ надлежащемъ использованіи квалифицированныхъ рабочихъ, трудъ которыхъ не можетъ быть замѣненъ съ равнымъ успѣхомъ работой едва обученнаго чернорабочаго. Но этого нельзя достигнуть принудительнымъ путемъ, для этого необходимо участіе воли и добровольное согласіе самихъ рабочихъ. Профессіональные союзы трехъ направленій (с.-д., партіи центра и лѣволиберальные) сообщили правительству, что „непереносимыя ограниченія личной свободы наткнулись бы на самое рѣшительное сопротивленіе профессіональныхъ союзовъ“. Въ этихъ союзахъ сейчасъ нѣсколько болѣе милліона платящихъ мужчинъ (да два милліона ихъ членовъ въ арміи). Съ этимъ пришлось считаться; — хуже, конечно, положеніе неквалифицированнаго труда, особенно сельскихъ рабочихъ — здѣсь закрѣпощеніе должно носить болѣе тяжелый характеръ даже при одинаковыхъ бумажныхъ постановленіяхъ. Но професіональные союзы потребовали „реальныхъ гарантій“ и здѣсь, въ виду возможности принудительнаго перевода промышленныхъ рабочихъ въ сельское хозяйство и въ виду неизбѣжности общаго культурно-политическаго приниженія пролетаріата въ результатѣ установленія крѣпостной зависимости хотя бы для одной его части. Требованія эти не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, хотя кое-что было достигнуто. Противовоенная часть нѣмецкихъ рабочихъ рѣшительно отвергала всю затѣю съ введеніемъ „рабочей повинности“. Патріотическая часть, представляемая группой Шейдемана, заявляла, что

сама она противъ „повинности“, но такъ какъ подавляющее большинство рейхстага и правительство все равно рѣшили ее ввести и такъ какъ „партіямъ порядка“ и правительству по морально-политическимъ соображеніямъ важно, чтобы „всеобщую рабочую повинность“ не пришлось проводить противъ голосовъ всѣхъ рабочихъ депутатовъ, и потому правительство и рейхстагъ склонны сдѣлать нѣкоторыя уступки, — то можно голосовать за законъ, если правительство и рейхстагъ согласятся на условія и требованія профессіональныхъ союзовъ.

5. ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ „ГАРАНТІИ“.

Возстановленіе юридически зависимаго, крѣпостного труда, какъ содержаніе „рабочей повинности“, по замыслу правительства должно было сопровождаться чрезвычайнымъ расширеніемъ административнаго усмотрѣнія въ отношеніи подлежащихъ повинности лицъ. Весь законопроектъ состоялъ всего изъ 4-хъ параграфовъ, дававшихъ лишь общія формулировки, а вся суть помѣщена въ „инструкціяхъ“, какія предполагалось мѣнять, смотря по надобности, по усмотрѣнію высшей администраціи, безъ рейхстага. Форма гармонировала съ содержаніемъ: если ужъ возстанавливать крѣпостную зависимость (какъ увидимъ ниже, рабочимъ пришлось выставлять требованіе о „правѣ свиданій съ семьей“ и т. п.), — то естественно дополнить ее не правовыми гарантіями, а „сердечнымъ отеческимъ попеченіемъ“. Согласно съ этимъ ген. Гренеръ просилъ рейхстагъ и рабочія организаціи „не стѣснять свободы движеній „Kriegsamt'a“ и повѣрить на слово, что правительство будетъ соблюдать обѣщаемыя Гренеромъ пять гарантій. Гарантіи эти таковы.

Во-первыхъ, правительство будетъ пользоваться правомъ принуждать возможно меньше: не столько, сколько понадобилось бы для обезпеченія полной побѣды, а лишь столько, сколько надо для обороны, для обезпеченія производства такого количества военныхъ припасовъ, какое хватитъ и нужно только для обороны. Эта оригинальная „гарантія“ усердно повторяется во всѣхъ выступленіяхъ „Kriegsamt'a“, въ интервью Гренера отъ 8 нояб. н. ст. съ берлинской печатью, въ интервью 17 нояб. н. ст. въ „Internationale Korrespond“ и т. д. Само собой, если подобныя заявленія что-либо показываютъ, то только силу возникшихъ въ нѣмецкомъ пролетаріатѣ противовоенныхъ теченій, съ которыми высшимъ представителямъ власти поневолѣ приходится считаться Во всякомъ случаѣ, реальной гарантіей противъ возможности пониженія уровня быта нѣмецкихъ рабочихъ, вслѣдствіе введенія „рабочей повинности“, подобныя обѣщанія не являются.

Вторая гарантія заключается въ обѣщаніи, что плата „никоимъ образомъ“ нигдѣ не будетъ понижена, „возможность пониженія совершенно исключена“, ибо правительство на основаніи полномочій „Kriegsamt'a“ имѣетъ право и средства не допускать хозяевъ къ подобному использованію принудительно-зависимаго положенія рабочихъ, и никоимъ образомъ ихъ до этого не допуститъ. Однако, и это обѣщаніе тоже не является достаточной гарантіей. Во-первыхъ, мало не понижать плату, — надо ее повысить въ соотвѣтствіи съ удорожаніемъ жизни и потребностями нормальнаго культурнаго человѣка. Во-вторыхъ, если квалифицированнаго рабочаго изъ текстильной промышленности принудительно переведутъ въ сельское хозяйство, то для него будетъ плохимъ утѣшеніемъ, что заработная плата земледѣльческому рабочему не понижена сравнительно съ уровнемъ ея до введенія рабочей повинности. Ибо самъ текстильщикъ получалъ въ городѣ гораздо больше, чѣмъ получалъ обычно сельскій батракъ. То же самое имѣетъ мѣсто даже въ предѣлахъ той же самой отрасли промышленности, если рабочаго переводятъ изъ района страны съ высокимъ уровнемъ заработной платы въ районъ съ низкой платой. Наконецъ, во многихъ случаяхъ придется разлучаться съ семьей, жить отдѣльно отъ нея на другомъ концѣ Германіи, и даже дѣйствительно непониженнаго прежняго заработка не хватитъ на поддержаніе прежняго уровня быта, разъ приходится жить „на два дома“.

Третья гарантія заключается въ обѣщаніи правительства, что въ вопросѣ объ условіяхъ труда ничего не будетъ рѣшаться безъ участія самихъ рабочихъ и безъ предварительнаго обсужденія съ профессіональными союзами“. Именно для этой цѣли вводится отдѣлъ „условій труда“ въ „вѣдомствѣ производства“ („Betriebsamt“ — см. гл. 3). Означенный отдѣлъ будетъ обсуждать всѣ эти вопросы совмѣстно съ представителями рабочихъ и давать обязательныя директивы всѣмъ предпріятіямъ, подчиненнымъ „Kriegsamt'y“, т. е. почти всѣмъ предпріятіямъ страны: „будетъ дѣлаться все для удовлетворенія желаній рабочихъ“. Это звучитъ весьма категорически. Но нѣмецкіе рабочіе отлично помнятъ такія же категорическія завѣренія своего правительства въ области продовольствія, повторявшіяся много разъ чуть не съ перваго полугодія войны. На дѣлѣ всѣ отвлеченныя обѣщанія „продовольственной справедливости“ оставались на бумагѣ, пока шагъ за шагомъ, медленно и съ трудомъ рабочіе вырывали у режима Бетманъ-Гольвега сначала хлѣбъ, потомъ мясо, картофель, масло и т. д. Зажиточные люди все время питались лучше. Черезъ полтора года войны нѣмецкіе рабочіе успѣли отвоевать только 40% тогдашней разницы.

Даже теперь, почти черезъ $2^1/_2$ года, рабочіе завоевали только 80% мыслимаго улучшенія, неравенство пищи въ пользу зажиточныхъ все еще сохраняется въ Германіи (см. „Новое въ германскомъ продовольствіи“ въ „Вѣстн. Евр.“ за ноябрь). При такомъ опытѣ даже политически малосознательные слои, — какъ участники профессіональныхъ союзовъ партіи центра, — не желаютъ полагаться на одни обѣщанія. Они желаютъ точнаго огражденія закономъ ихъ интересовъ и, главное, — свободы самимъ заботиться о себѣ. свободы объединенной самодѣятельности и личной перемѣны мѣстъ,

Вопросъ о пониженіи быта и уровнѣ заработной платы упирается такимъ образомъ все въ тотъ же вопросъ о свободѣ оставленія мѣста, о порядкѣ распредѣленія рабочихъ по предпріятіямъ. Правительство обѣщаетъ сначала обратиться съ призывомъ къ добровольцамъ: если добровольно вызовется столько неработавшихъ прежде мужчинъ и женщинъ, что этого вполнѣ хватитъ для сельскаго хозяйства, военной промышленности и прочихъ признаваемыхъ важными отраслей, то къ неотозвавшимся мужчинамъ вовсе не будутъ примѣнять принудительности, ибо и безъ нихъ обойдутся. Но это случай нереальный, о которомъ правительство упоминаетъ лишь для того, чтобы подчеркнуть чистоту своихъ намѣреній. Ибо нѣтъ такого количества свободныхъ мужчинъ, чтобы ихъ хватило и на сельское хозяйство и т. д. и на „неважныя“ отрасли промышленности и на долю нежелающихъ записываться въ „рабочіе рекруты“. На этотъ случай правительство предвидитъ отправку особыми „окружными комиссіями“ письменныхъ приказовъ всѣмъ мужчинамъ отъ 17 до 60 лѣтъ: въ теченіе двухъ недѣль послѣ полученія приказа отыскать себѣ мѣсто въ какой-либо „военной промышленности“. Если онъ этого не успѣетъ или не захочетъ сдѣлать, то на 15-й день отправляется на работу принудительно въ то мѣсто страны и то предпріятіе, какое ему будетъ назначено. Для охраны интересовъ рабочихъ (въ смыслѣ „возможнаго“ принятія во вниманіе здоровья, прежняго занятія, мѣстонахожденія семьи и возраста) при такомъ ихъ распредѣленіи правительство предлагаетъ свою четвертую гарантію. Именно осуществленіемъ рабочей повинности и распредѣленіемъ рабочихъ вѣдаетъ „вѣдомство военнаго труда“ („Kriegsarbeitsamt“ — см. гл. 3) и пара десятковъ областныхъ „комитетовъ“ (Ausschuss — при каждомъ военномъ генералъ-губернаторѣ), каждому изъ которыхъ въ свою очередь подчиненъ рядъ мѣстныхъ „окружныхъ комиссій“. Такъ вотъ, во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ „будетъ образовано представительство большихъ профессіональныхъ союзовъ“, при томъ съ правомъ рѣшающаго голоса, а не только совѣщательнаго. Предста-

вители союзовъ будутъ назначены въ правленіе центральнаго „Kriegsarbeitsamt'a". Затѣмъ каждый областной „комитетъ" (по одному на генералъ-губернаторство) будетъ образованъ изъ пяти человѣкъ: одинъ офицеръ, одинъ фабричный или горный инспекторъ, одинъ гражданскій чиновникъ, одинъ хозяинъ и одинъ рабочій. Иначе сказать, не только въ центральномъ правленіи, но и въ областныхъ „комитетахъ" рабочіе не являются дѣйствительной силой, безъ согласія которой нельзя обойтись. Эти областные „комитеты" рѣшаютъ, какія предпріятія въ данной области подлежатъ закрытію, какія расширенію, куда и откуда надо переводить рабочихъ въ предѣлахъ области (передвиженіями между областями вѣдаетъ центральный „Kriegsarbeitsamt", который согласно своему общему плану руководитъ также областными комитетами) и т. д. Эти же комитеты рѣшаютъ окончательно судьбу отдѣльныхъ лицъ, если тѣ жалуются на полученный ими приказъ мѣстной „окружной комиссіи" (подача жалобы не останавливаетъ исполненія приказа). Во всѣхъ этихъ важныхъ вопросахъ представитель рабочихъ можетъ провести свое мнѣніе, только склонивъ на свою сторону еще двухъ человѣкъ. Ясно, что при желаніи съ нимъ могутъ вовсе не считаться, и подобная степень представительства вовсе не является „гарантіей" (обезпеченіемъ права рабочихъ самимъ распоряжаться собой), а только извѣстнымъ оформленіемъ врава возбуждать ходатайства.

Такъ или иначе, попавъ на работу въ сельское хозяйство или иную отрасль „военной промышленности", или будучи застигнутъ тамъ вступленіемъ въ силу „рабочей повинности", — рабочій сталкивается лицомъ къ лицу съ основнымъ вопросомъ: о правѣ прекращать работу по собственному усмотрѣнію, о правѣ оставлять мѣсто и искать лучшаго, о правѣ быть недовольнымъ. Тутъ германское правительство и предлагаетъ свою пятую гарантію. Вообще, рабочій имѣетъ право поступить на другое мѣсто только въ томъ случаѣ, если его прежній хозяинъ выдастъ ему письменное разрѣшеніе съ удостовѣреніемъ согласія своего на оставленіе рабочимъ службы. Но если хозяинъ отказываетъ въ выдачѣ такого разрѣшенія, — тутъ начинается „гарантія", это приходится оговорить, дабы читатель догадался, — то рабочій можетъ пожаловаться въ упоминавшуюся выше мѣстную „окружную комиссію", которая рѣшаетъ вопросъ окончательно, безъ права дальнѣйшаго обжалованія. Въ случаѣ „серьезнаго основанія" комиссія можетъ выдать рабочему разрѣшеніе на перемѣну мѣста и безъ согласія прежняго хозяина. Каждая такая „окружная комиссія" состоитъ изъ четырехъ человѣкъ: офицеръ въ качествѣ предсѣдателя, одинъ предста-

витель гражданской администраціи, одинъ хозяинъ и одинъ рабочій. При равенствѣ голосовъ рѣшаетъ голосъ предсѣдателя. Такимъ образомъ фактически все предоставляется на усмотрѣніе офицера. Рабочій не является такой же равноправной договаривающейся стороной, какъ хозяинъ. Захочетъ хозяинъ, — отпуститъ; не захочетъ — рабочій можетъ пожаловаться офицеру, голосъ котораго все рѣшаетъ въ „окружной комиссіи", — и только. Буде окажется „серьезное" основаніе и если офицеръ будетъ гуманный, — онъ заступится. Совершенно такъ было и при крѣпостномъ правѣ. Отъ барщины нельзя было отказаться безъ полученія отъ помѣщика „вольной". Но при истязаніи непосильными трудами и т. п. разрѣшалось жаловаться начальству. Если начальникомъ оказывался гуманный Салтыковъ — онъ вступался, въ противномъ случаѣ продолжала свое дѣло Салтычиха. Совершенно такое же прикрѣпленіе вводится теперь однимъ ударомъ сразу для всего мужского пролетаріата Германіи (и ожидается для женскаго). Война завершила здѣсь свой кругъ, — истощая все болѣе производительныя силы и все дальше заводя на пути экономическаго регресса, она пришла, наконецъ, къ первой крупной вѣхѣ: къ возстановленію крѣпостного права. Всѣ „гарантіи" оказываются только маской — плохой маской изъ „хорошихъ" словъ — едва прикрытаго лжедемократическими побрякушками крѣпостничества.

6. УКАЗАНІЯ ОПЫТА.

Случаю угодно было, чтобы какъ разъ предъ обсужденіемъ законопроекта о рабочей повинности въ Германіи состоялся въ Вѣнѣ съѣздъ австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ, первый за время войны и посвященный въ значительной мѣрѣ подведенію итоговъ опыта съ принудительной работой въ Австріи. При близкой связи германскаго и австрійскаго рабочаго движенія доклады и резолюціи этого съѣзда произвели въ Германіи несомнѣнное впечатлѣніе и послужили поводомъ къ формулировкѣ нѣкоторыхъ требованій и поправокъ къ законопроекту. Вскорѣ послѣ начала войны австрійское военное министерство издало особыя правила о принудительной работѣ (право на это дано было ему закономъ 17 декаб. 1912 г.), дополненныя затѣмъ императорскимъ постановленіемъ въ маѣ 1915 г. Согласно этому въ Австріи теперь всѣ работоспособные мужчины отъ 17 до 55 лѣтъ, поскольку они не призваны въ войска, подлежатъ принудительной гражданской рабочей повинности въ мѣрѣ надобности по усмотрѣнію администраціи. Гражданская администрація имѣетъ право предписать каждому мужчинѣ поступить на любой казенный

или частный заводъ или иное предпріятіе, изготовляющее какіе бы то ни было необходимые для арміи предметы, но владѣльцы собственныхъ предпріятій не могутъ назначаться на работы внѣ мѣста нахожденія ихъ предпріятій. Хозяева обязаны платить своимъ рабочимъ, на которыхъ распространена такая принудительность, не свыше 8 австрійскихъ кронъ въ день (3 руб. 20 коп.). Оставлять работы воспрещается, какъ скопомъ, такъ и лично; за непослушаніе и провинности такіе „обязанные" рабочіе подлежатъ военному суду и военнымъ дисциплинарнымъ наказаніямъ. Съ другой стороны, безъ ихъ согласія хозяинъ не долженъ мѣнять условій труда, а для разсмотрѣнія жалобъ учреждены особыя окружныя и областныя комиссіи. Словомъ, въ Австріи дѣйствуетъ порядокъ, довольно близкій къ тому, какой хотѣло установить у себя германское правительство. Разница, впрочемъ, въ томъ, что въ Австріи онъ обнимаетъ только работающихъ непосредственно на армію, а въ Германіи правительство хотѣло охватить имъ всѣхъ рабочихъ поголовно.

На основаніи долгаго и горькаго опыта съѣздъ австрійскихъ профессіональныхъ союзовъ осудилъ австрійскую практику рабочей повинности. Фактически принудительность примѣнена тамъ только къ рабочимъ, просто всѣ рабочіе военной промышленности объявлены „принудительно обязанными". Оставившія широкій просторъ усмотрѣнію администраціи законоположенія дали тѣ результаты, какіе предсказывались рабочими союзами уже при самомъ появленіи этихъ законоположеній — а теперь германское правительство хотѣло обезпечить себѣ такія же „развязанныя руки", какими пользуется австрійское. Безграничность административнаго усмотрѣнія доходила въ германскомъ законопроектѣ до того, что рейхстагу предоставлялось только постановить о вступленіи въ силу рабочей повинности. А отмѣну закона § 4-й проекта предоставлялъ союзному совѣту! Иначе сказать, администрація и стоящія за нею силы могли бы „на законномъ основаніи" сохранить рабочую повинность и на время послѣ войны и никто не имѣлъ бы „законнаго права" протестовать противъ попытки увѣковѣченія крѣпостного труда. Каковы же практическіе его результаты, органъ австрійскихъ металлистовъ формулировалъ въ связи съ упомянутымъ съѣздомъ въ пяти пунктахъ, вытекающихъ изъ беззащитнаго положенія рабочихъ. На видъ разница въ употребленіи рабочими средствъ самозащиты не велика между Германіей и Австріей. Въ Австріи „обязаннымъ" рабочимъ стачки воспрещены, а въ Германіи, хотя рабочіе сохраняли до сихъ поръ право стачекъ, но бастовали во время войны ровно вдесятеро меньше, чѣмъ въ мирное время. Однако, во время переговоровъ между хозяевами и рабочими союзами въ Германіи предъ

хозяевами и правительствомъ все время стоялъ призракъ стачекъ, что и побуждало къ уступчивости. Дѣятели нѣмецкаго профессіональнаго движенія склонны даже полагать, что во время войны въ Германіи наблюдается мало стачекъ не изъ-за бургфридена со стороны рабочихъ, а изъ-за большей уступчивости со стороны хозяевъ. Когда хозяева упираются, — какъ было въ прошломъ мѣсяцѣ съ условіями общегерманскаго тарифа деревообдѣлочниковъ, а передъ тѣмъ со строительными, кожевенными и др. рабочими, — и дѣло уже почти доходитъ до всеобщей забастовки,— вмѣшиваются военныя власти и заставляютъ хозяевъ идти на уступки. Между тѣмъ въ Австріи за стачки полагается военный судъ и военное усмиреніе. Незадолго до выстрѣла Фридриха Адлера въ Австріи въ г. Шпейерѣ разыгралась забастовка на крупномъ аммуниціонномъ заводѣ, занимающемъ теперь 24 тысячи человѣкъ. По полученнымъ газетой „Berner Tagwacht" собщенію изъ Шпейера при „усмиреніи" мирнаго собранія стачечниковъ подъ открытымъ небомъ убито около семисотъ чел. (въ нѣмецкихъ рабочихъ поручено было стрѣлять чешскимъ солдатамъ). При общей неудовлетворительной постановкѣ „обязаннаго" труда понятно, что онъ привелъ, согласно органу австрійскихъ металлистовъ, къ такимъ результатамъ. Плата взрослому рабочему-металлисту отъ 3 до 5 кронъ въ день (отъ $1^1/_2$ до 2 руб. по довоенному курсу), въ иныхъ мѣстахъ больше, но зато въ другихъ металлистъ въ цвѣтѣ силъ получаетъ лишь $2^1/_2$ кр., т. е. рубль въ день. Почти во всѣхъ предпріятіяхъ безъ всякихъ основаній понижены аккордныя платы при сдѣльныхъ рабочихъ. За воскресныя и сверхурочныя работы заводы расплачиваются съ рабочими по обыкновенной таксѣ (не въ полуторномъ размѣрѣ). Все это творится вопреки прежнимъ тарифнымъ договорамъ, формально не отмѣненнымъ, и несмотря на бумажное требованіе правилъ о рабочей повинности, чтобы измѣненіе условій труда происходило только съ согласія рабочаго. Хозяева достигаютъ этого согласія очень просто: если несогласный рабочій принадлежитъ къ „рекламированнымъ" (т. е. призванъ въ армію, но оставленъ для пользы дѣла на заводѣ), то военному начальству немедля заявляется, что такой-то рабочій больше заводу ненадобенъ, и его сейчасъ же отправляютъ въ окопы. А если несогласный рабочій не подлежитъ воинской повинности, а только рабочей повинности, то его безъ объясненія причинъ въ „военно-дисциплинарномъ" порядкѣ переводятъ въ особые „дисциплинарные рабочіе батальоны", дѣйствующіе на фронтѣ при австрійской арміи. Глядя на все это, не очень многіе смѣютъ не соглашаться на измѣненіе условій труда, разъ оно „предлагается" хозяиномъ. Тѣмъ болѣе, что ядро и цвѣтъ созна-

тельныхъ организованныхъ австрійскихъ рабочихъ давно уже взято подъ ружье (въ организаціяхъ сохранилось ко времени съѣзда лишь около четверти), и составъ пролетаріата пополнился массой лишенныхъ классового сознанія и непривыкшихъ къ стойкости элементовъ. Выходцы изъ буржуазной среды, бѣженцы, вчерашніе крестьяне, дѣти, старики, не выходившія доселѣ за предѣлы семьи женщины — вотъ кто пополнилъ составъ австрійскаго пролетаріата (съ прибавкой еще военноплѣнныхъ, уподобленныхъ крѣпостнымъ еще раньше прочихъ). Хозяева, говоритъ органъ австрійскихъ металлистовъ, видя ослабленіе рабочихъ организацій, хотятъ совсѣмъ ихъ добить и уничтожить, чтобы „облегчить себѣ управленіе своимъ предпріятіемъ" и въ мирное время. Для этого они пользуются военной дисциплиной, введенной австрійской рабочей повинностью для объявленныхъ „обязаными" рабочихъ. Именно, владѣльцы нерѣдко просятъ военное начальство на основаніи „военной дисциплины" запретить рабочимъ состоять членами профессіональныхъ союзовъ и даже запретить посѣщать всякія собранія. Иной офицеръ отказываетъ, а иной соглашается, — бываютъ случаи перевода съ фабрики въ „дисциплинарные рабочіе батальоны" на фронтѣ за одинъ только отказъ выйти изъ профессіональнаго союза.

Такова веселенькая картинка „рабочей повинности" въ Австріи. Разумѣется, промышленная Германія съ ея мощными еще и сейчасъ рабочими организаціями не чета полусамодержавной, полуаграрной Австріи. Въ такомъ неприкрыто-откровенномъ видѣ, какъ тамъ, въ Германіи возстановить крѣпостное право нельзя. Нельзя, по крайней мѣрѣ, сдѣлать это сразу, не обезсиливъ предварительно рабочія организаціи провозглашеніемъ принудительности работы, прикрѣпленіемъ рабочаго къ мѣсту, отмѣной права стачекъ, постановкой административнаго усмотрѣнія на мѣсто рабочаго самоуправленія (къ этому и сводились „гарантіи" генерала Гренера). Для уменьшенія сопротивленія со стороны рабочихъ вице-канцлеръ Гельфферихъ и руководитель новой „повинности" Гренеръ дали въ засѣданіяхъ бюджетной коммиссіи рейхстага 24 и 25 ноября н. ст. еще восемь обѣщаній (въ дополненіе къ пяти „гарантіямъ"). Именно, дѣятели профессіональныхъ союзовъ и печати будутъ изъяты отъ „рабочей повинности", такъ что организованное рабочее движеніе не будетъ уничтожено простымъ принудительнымъ раскассированіемъ его дѣятелей. „Областные комитеты" не будутъ подчинены военнымъ генералъ-губернаторамъ, а будутъ только находиться съ ними въ „контактѣ", во взаимодѣйствіи. Особымъ императорскимъ указомъ генералъ-губернаторы лишены будутъ права издавать какія бы то ни было постановленія, въ чемъ бы то ни было мѣняющія или

дополняющія постановленія о рабочей повинности[1]); генералъ-губернаторамъ императоръ прикажетъ безусловно повиноваться „Kriegsamt'у“ во всемъ, что касается рабочей повинности. Въ провинціяхъ къ контролю надъ ея проведеніемъ будутъ привлечены депутаты рейхстага соотвѣтственныхъ округовъ. Переводимые принудительно въ другой городъ или въ деревню семейные рабочіе получатъ особое пособіе сверхъ заработной платы, спеціально для покрытія добавочныхъ расходовъ, проистекающихъ изъ жизни „на два дома“ (кромѣ получающихъ особо высокую плату). Правительство съ одной стороны будетъ „не только осуждать, но и бороться“ (формула Гельфериха) противъ использованія хозяевами принудительной повинности для пониженія заработной платы, а съ другой стороны, представитъ рейхстагу отдѣльно проектъ дополнительнаго повышенія налога на военную прибыль, чтобы еще болѣе ее ограничить. Право организаціи вообще и участія въ профессіональныхъ союзахъ въ частности не будетъ ограничиваться и затрагиваться никакими распоряженіями, сохранится въ томъ же объемѣ, какъ было до войны и какъ оно дѣйствуетъ сейчасъ. Наконецъ, рабочая повинность не повлечетъ за собой военной дисциплины для рабочихъ, и рабочіе попрежнему будутъ подлежать гражданскимъ законамъ и судамъ, а не военнымъ (кромѣ мобилизованныхъ солдатъ, оставленныхъ работать на заводѣ, которые уже теперь подлежатъ военнымъ законамъ — такъ наз. „рекламированные“). Правительство проситъ считать все это не простыми предположеніями, но „формальными обязательствами“, однако, высказывается противъ включенія ихъ въ законъ, дабы не лишить „Kriegsamt'а“ гибкости и свободы движеній.

Нечего и говорить, что даже полное и точное выполненіе

---

[1]) Поводомъ послужили приказы отъ 16 ноября н. ст. мецскаго и страссбургскаго генералъ-губернаторовъ, которыми они „на основаніи военнаго положенія“ ввели принудительную рабочую повинность въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Именно, каждые мужчина и женщина обязаны отправляться на работу, куда имъ укажетъ гражданская администрація, хотя бы это требовало переселенія изъ обычнаго мѣста жительства. Администрація имѣетъ право кому угодно предписывать подобную работу, если она сочтетъ это полезнымъ для производства или обезпеченія „предметовъ, необходимыхъ для народа или войска“. При неподчиненіи приказу виновный ставится на работу принудительно. За самовольное оставленіе или пріостановку указанныхъ работъ виновный или виновная подвергаются заключенію въ тюрьмѣ до года. То же самое за „пренебреженіе работой“ (такъ называемая итальянская забастовка). Эти приказы пока не отмѣнены, обѣщано отмѣнить ихъ послѣ принятія рейхстагомъ общаго для всей Германіи закона.

всѣхъ этихъ обѣщаній не гарантировало бы нѣмецкихъ рабочихъ отъ самаго зловреднаго использованія нѣмецкими предпринимателями новаго крѣпостного права (Frondienst, барщина — такъ именуютъ рабочую повинность австрійскіе и германскіе профессіональные органы). Во-первыхъ, потому, что крѣпостное право нельзя облагородить и „обезвредить"; крѣпостная зависимость одного человѣка отъ другого не отмѣняется и не парализуется принятіемъ мѣръ противъ „эксцессовъ", противъ самодурскихъ излишествъ и т. п. поступковъ рабовладѣльцевъ, — рабъ все же остается рабомъ, существомъ безъ права принимать собственное рѣшеніе и обязаннымъ только повиноваться. Будутъ ли за неповиновеніе отсылать въ „дисциплинарные рабочіе батальоны" на фронтъ, какъ въ Австріи, или только сажать до года въ тюрьму, какъ предлагало въ своемъ законопроектѣ германское правительство, — это вопросъ вкуса и не мѣняетъ существа дѣла.

Во-вторыхъ, всѣ эти обѣщанія не касаются самаго существеннаго пункта, — права оставлять мѣсто, прекращать работу при несогласіи съ ея условіями, — и не обезпечиваютъ рабочимъ равенства въ управленіи всѣмъ дѣломъ, во всѣхъ рѣшающихъ учрежденіяхъ (мѣстныя „окружныя комиссіи", затѣмъ „областные комитеты" и, наконецъ, центральное „вѣдомство военнаго труда"). Кромѣ того, въ-третьихъ, если бы правительство Бетманъ-Гольвега свято и нерушимо старалось блюсти свои „формальныя обѣщанія" — они не обязательны для фабрикантовъ, разъ они не включены въ законъ. Напр., военное министерство еще весной написало ген.-губернатору Рейнско-Вестфальской области, чтобы во всѣхъ горныхъ, металлургическихъ и прочихъ предпріяхъ области учреждены были „заводскіе рабочіе комитеты", какъ органъ представительства интересовъ рабочихъ предъ хозяевами. Ген.-губернаторъ передалъ предписаніе „торговопромышленной палатѣ", а она разослала его всѣмъ частнымъ фирмамъ. „Несмотря на это по сію пору не извѣстенъ ни одинъ случай въ этой области, чтобы былъ учрежденъ гдѣ-либо заводской рабочій комитетъ" (изъ рѣчи депутата Гисберта, секретаря профессіональныхъ союзовъ партіи центра, 25 ноября н. ст. въ бюдж. ком. рейхстага). Фабриканты и заводчики просто отвѣтили, что для нихъ не обязательны соглашенія и обѣщанія, какими кормитъ рабочихъ за ихъ спиной военное министерство, ибо въ Германіи нѣтъ закона, который обязывалъ бы хозяевъ соглашаться на такіе комитеты, а по доброй волѣ они не желаютъ. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Но сверхъ того, нѣтъ никакихъ основаній думать, что администрація будетъ ночей не досыпать — все въ заботахъ, какъ бы наиболѣе свято и нерушимо соблюсти данныя въ бюджетной комиссіи

обѣщанія. Во-первыхъ, сами Гельфферихъ и Гренеръ недаромъ говорили о „гибкости“ и подобныхъ цирковыхъ качествахъ, какія не должны быть отняты отъ рабочей повинности точнымъ установленіемъ правъ рабочихъ въ самомъ законѣ. Во-вторыхъ, въ томъ же засѣданіи произошло слѣдующее. Депутатъ Давидъ, — патріотическій с.-д., — разсказалъ, что генеральная комиссія профессіональныхъ союзовъ основала во время войны „свободный германскій союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ“. До войны ж.-д. рабочимъ запрещено было вступать въ примыкающіе къ с.-д. партіи профессіональные союзы. Послѣ начала войны запрещеніе было отмѣнено, и Легинъ позаботился использовать его на практикѣ, основавъ соотвѣтственный союзъ, который сталъ быстро расти. Это не понравилось прусскому министру путей сообщенія Брейтенбаху, и онъ написалъ союзу, что запретитъ желѣзнодорожникамъ участвовать въ немъ, если тотъ не откажется отъ пользованія правомъ стачекъ. Союзъ отвѣтилъ, что во время войны онъ не предполагаетъ устраивать стачекъ. Брейтенбахъ потребовалъ, чтобы союзъ отказался отъ стачекъ навсегда и помѣстилъ бы этотъ отказъ въ своемъ уставѣ. Легинъ отказалъ въ этомъ требованіи, объяснивъ министру съ завидной откровенностью, что это есть „вымогательство“, и что подобнаго обращенія не потерпитъ „ни одна уважающая себя рабочая организація“. Тогда министръ воспретилъ желѣзнодорожникамъ участіе въ союзѣ, а они изъ него все-таки не вышли, разсчитывая, что въ военное время не такъ быстро рѣшатся дѣйствовать противъ желѣзнодорожниковъ, перейти отъ словъ къ дѣлу (дороги, разумѣется, считаются мобилизованными). Депутатъ Носке, — тоже патріотическій с.-д., — дополнилъ картину такимъ штрихомъ: на указаніе одному изъ высшихъ чиновъ прусскаго министерства путей сообщенія относительно недовольства рабочихъ запрещеніемъ вступать въ союзъ, чинъ отвѣтилъ: „Возбужденіе можно успокоить окопами, господа въ рейхстагѣ и ландтагѣ могутъ говорить, что имъ угодно, но распоряженіе измѣнено не будетъ“. Проще говоря, пользуясь принудительностью и зависимостью труда своихъ рабочихъ, „прусскій жел.-дор. министръ пользуется нуждой войны, чтобы навязать организаціи то, чего онъ не въ силахъ добиться въ мирное время“ (изъ рѣчи Гисберта въ тотъ же день).

На все это Гельфферихъ отвѣтилъ, что Брейтенбахъ вполнѣ правъ, ибо нельзя терпѣть жел.-дор. организацій, признающихъ стачки, до войны онѣ тоже не терпѣлись, и Брейтенбахъ продолжаетъ только прежнюю практику, а вынудить новую, прикрываясь обстоятельствами момента, хочетъ какъ разъ Легинъ. Разумѣется, Гельфферихъ правъ въ установленіи этихъ фактовъ, — Легинъ

можетъ переживать теперь похмелье (хотя какъ разъ онъ лично не принадлежалъ къ числу особенно вдохновлявшихся обѣщаніемъ „новой оріентировки“ внутренней политики, а выступалъ просто въ качествѣ „патріота по внутреннему убѣжденію“). Но тѣмъ показательнѣе отвѣтъ Гельфферпха для уясненія, что понимаетъ союзный совѣтъ подъ охраной „справедливыхъ“ интересовъ рабочихъ, и насколько можно довѣриться его попеченію безъ включенія точныхъ правилъ въ самый текстъ закона. Не надо забывать, что въ союзномъ совѣтѣ рѣшающій голосъ принадлежитъ какъ разъ Пруссіи, т. е. прусскому министру сельскаго хозяйства, ставленнику аграріевъ Шорлемеру (отличился только что протестомъ противъ повышенія пособія семьямъ мобилизованныхъ[1]), ибо такое повышеніе понизитъ-де число желающихъ работать женщинъ), упомянутому Брейтенбаху и подобнымъ.

Впрочемъ, нѣмецкимъ рабочимъ нѣтъ надобности ждать рабочей повинности, чтобы знать, какъ нѣмецкая администрація на практикѣ „осуждаетъ и борется“ противъ использованія хозяевами стѣсненности воли рабочаго. Для этого достаточно посмотрѣть на „рекламированныхъ“, — на мобилизованныхъ рабочихъ, оставленныхъ работать на заводѣ и подлежащихъ отправкѣ на фронтъ, если хозяинъ заявитъ, что они ему больше не нужны. „Лейпц. Нар. Газ.“ сообщаетъ 23 ноября н. ст. о случаяхъ произвольнаго пониженія заработной платы „рекламированнымъ“ въ тѣхъ случаяхъ, когда за ихъ спиной не стоитъ ревниво ограждающій своихъ членовъ профессіональный союзъ (это объясняетъ отчасти интересный фактъ столь обильнаго, превышающаго мирный уровень притока новыхъ членовъ въ германскіе профессіональные союзы, что за послѣдній годъ они уже не только не таютъ, несмотря на всѣ дополнительныя мобилизаціи, а опять растутъ; въ частности, число членовъ „свободныхъ“ профессіональныхъ союзовъ превышаетъ сейчасъ 900 тыс. чел.). Одинъ юристъ сообщаетъ въ „Berliner Tageblatt“ отъ 26 ноября н. ст. о случаяхъ, когда подъ угрозой отправки въ окопы „рекламированныхъ“ служащихъ заставляютъ

---

[1]) По предложенію с.-д., рейхстагъ сдѣлалъ въ началѣ ноября нов. ст. правительству представленіе о необходимости повысить казенное пособіе женамъ мобилизованныхъ до 20 мар. (вмѣсто 15-ти) и дѣтямъ до 10 мар. (вмѣсто 7,5 м). въ мѣсяцъ. Обычно въ крупныхъ городахъ прибавляется еще 100% отъ городской думы, такъ, что, напр, жена безъ дѣтей будетъ получать 40 мар. (и отдѣльно квартирное пособіе). Представитель правительства возражалъ, ссылаясь на то, что будто и такъ „многія жены солдатъ живутъ на пособіе, не желая работать“. Однако 1 декабря н. ст. союзный совѣтъ подчинился постановленію рейхстага.

теперь же подписывать маловыгодные для нихъ контракты на мирное время. Число примѣровъ можно было бы умножить: разъ уже Легинъ, Давидъ, Носке и Гисбургъ категорически отказываются „довѣряться торжественнымъ обѣщаніямъ“ объ охранѣ интересовъ рабочихъ нѣмецкой администраціей и вмѣстѣ съ депутатомъ Беренсомъ (членомъ національной „Deutcshe Fraktion“, однимъ изъ лидеровъ „христіанскихъ“ профессіональныхъ союзовъ) заявляютъ о полной непріемлемости для рабочихъ всѣхъ партій „рабочей повинности“ въ предложенномъ правительствомъ видѣ, — то, значитъ, воистину, ничтожно и иллюзорно значеніе всѣхъ ласковыхъ словъ, какими нѣмецкая администрація сопровождаетъ провозглашеніе для пролетаріата всеобщаго, равнаго, прямого и явнаго крѣпостного права.

Нѣмецкая рабочая повинность, нѣмецкая администрація, — скажетъ иной читатель, — къ чему столько подробностей, столько обличеній по адресу нѣмецкой повинности, нѣмецкой администраціи. Ахъ, читатель! Когда русокудрую Лизу слишкомъ страстно полюбитъ Иванъ... Мы любимъ страстно.

7. ТРЕБОВАНІЯ РАБОЧИХЪ.

„Принудительный законъ для поставки хозяевамъ дешевыхъ рабочихъ“ — такъ характеризовалъ правительственный проектъ о рабочей повинности (въ засѣданіи бюджетной комиссіи рейхстага 24 ноября н. ст.) глава с.-д. профессіональныхъ союзовъ депутатъ Легинъ. А другой столпъ германскаго рабочаго патріотизма, второй предсѣдатель с.-д. партіи депутатъ Эбертъ высказалъ въ своей рѣчи такое общее положеніе о рабочей повинности: „какъ бы законъ ни составить — онъ сослужитъ величайшую службу хозяевамъ, рабочіе будутъ отданы въ ихъ руки въ такой мѣрѣ, какъ это прежде едва ли казалось бы возможнымъ“. И тѣмъ не менѣе Легинъ и Эбертъ ограничились предложеніемъ ряда поправокъ, грозя голосовать противъ закона лишь въ случаѣ ихъ отклоненія. Они заявили, что дѣйствуютъ примѣнительно къ обстоятельствамъ: разъ большинство рейхстага все равно за законъ, то они хотятъ купить извѣстное смягченіе его цѣной приложенія своего штемпеля къ „выдачѣ рабочихъ хозяевамъ“. Описанную Гоголемъ операцію съ сѣченьемъ унтеръ-офицерской вдовы продѣлать все равно молъ, неизбѣжно — такъ пусть унтеръ-офицерской вдовѣ дано будетъ „право“ самой посѣчь себя, все будетъ не такъ больно. При предварительныхъ переговорахъ союзовъ съ правительствомъ, говоритъ Легинъ, „намъ сказали, что

единогласное принятіе закона рейхстагомъ — патріотическая обязанность". Союзы тогда же объявили, что рабочіе не нуждаются ни въ какомъ принужденіи для работы, — ихъ принуждаетъ искать работы нужда, принужденіе только ослабитъ ихъ позицію предъ хозяевами. Или, какъ это высказала быстро созванная уже 21 ноября н. ст. конференція союза текстильныхъ рабочихъ, пролетаріатъ „относится къ рабочей повинности съ величайшимъ недовѣріемъ. Конференція полагаетъ, что слѣдствіемъ ея будетъ ростъ прибыли предпріятій военной промышленности. Конференція предлагаетъ энергичную добровольную поставку рабочихъ союзами и биржами труда въ военную промышленность, которая должна платить достаточно высокую заработную плату для добровольнаго притока рабочихъ". Далѣе конференція заявляетъ, что при несогласіи правительства съ этимъ планомъ, — а оно не согласилось съ нимъ, — рабочіе могутъ вытерпѣть „повинность" только въ видѣ обусловленной срокомъ временной мѣры, при условіи огосударствленія военной промышленности и уничтоженія такимъ путемъ наживы владѣльцевъ и, наконецъ, съ тѣмъ, чтобы законъ установилъ „достаточныя гарантіи въ пользу защиты рабочихъ". Легинъ и руководители „христіанскихъ" (партіи центра) и гиршъ-дункерскихъ (прогрессивныхъ) профессіональныхъ союзовъ представили правительству списокъ гарантій и оно ни одной изъ нихъ не помѣстило въ проектъ закона: это вызвало „горькое разочарованіе", какъ выразился въ бюджетной комиссіи рейхстага лидеръ „христіанскихъ" профессіональныхъ союзовъ Беренсъ. А Легинъ заявилъ, что у руководившаго выработкой закона вице-канцлера Гельфериха, очевидно, „нѣтъ соціальнаго смысла". На это Гельфферихъ отвѣтилъ, что „апеляціи къ его соціальному чувству онъ противопоставляетъ апелляцію (призывъ) къ патріотическому чувству депутата Легина". Иначе сказать, по мнѣнію вице-канцлера Германской имперіи соціальное чувство, т. е. чувство общественной справедливости, не можетъ быть въ настоящее время примирено съ патріотическимъ чувствомъ, пусть германскіе рабочіе выбираютъ между вѣрностью себѣ и вѣрностью германскому патріотизму. Легинъ, — рабочій по происхожденію, знающій свою силу, — тутъ же отвѣтилъ въ томъ смыслѣ, что ему очень жаль, но колебаться онъ не будетъ: онъ лучше не исполнитъ патріотическаго долга, чѣмъ долга по отношенію къ рабочимъ, повелѣвающаго требовать для нихъ хотя бы тѣхъ гарантій, безъ какихъ они и на время не желаютъ „повинности" [1]) Этотъ любопытный эпизодъ ярко освѣщаетъ

[1]) Однако, какъ увидимъ ниже, мѣра гарантій, какой удовлетворился деп. Легинъ, оказалась весьма скромной.

субъективныя представленія вліятельныхъ руководителей профессіональныхъ союзовъ о „бургфриденѣ“(междуклассовомъ перемиріи на время войны). Консервативныя газеты на другой день обрушились на Легина, объявили его поправки рѣшительно непріемлемыми и дѣлающими невозможнымъ принятіе всего закона, и еще разъ объявили, что отношеніе профессіональныхъ союзовъ къ бургфридену, видимо, исчерпывается формулой:

Und willst du nicht mein Bruder sein,
So schlag'ich dir den Schädel ein.
(И если ты не хочешь быть моимъ братомъ,
То я размозжу тебѣ черепъ)

Однако на прочія „бюргерскія“ партіи перспектива имѣть противъ закона голоса всѣхъ рабочихъ депутатовъ (а не только группы Гаазе и либкнехтіанца деп. Рюле) произвела сильное впечатлѣніе („это было бы несчастьемъ“, сказалъ въ своей рѣчи депутатъ центра), и въ результатѣ быстро составилось большинство за уступки рабочимъ. Во-первыхъ, по соглашенію съ націоналъ-либералами и прогрессистами партія центра внесла поправку къ закону: время прекращенія дѣйствія закона о рабочей повинности будетъ опредѣлено не союзнымъ совѣтомъ (т. е. не правительствомъ), а рейхстагомъ, по собственному его усмотрѣнію; всѣ инструкціи къ закону могутъ издаваться союзнымъ совѣтомъ только съ утвержденія бюджетной комиссіи рейхстага, которая получаетъ право собираться также, когда рейхстагъ закрытъ. Въ постановленіи этомъ сказался отчасти ростъ собственнаго гражданскаго сознанія бюргерскихъ партій за время войны: при началѣ войны имъ и въ голову не приходило требовать контроля надъ дѣйствіями правительства, и напр., 4 авг. н. ст. 1914 г. рейхстагъ передалъ союзному совѣту свои полномочія въ области народнаго продовольствія [1]).

Затѣмъ представители тѣхъ же трехъ партій заявили о согласіи своемъ внести въ текстъ закона различныя гарантіи для рабочихъ. Вмѣстѣ съ примыкающими къ нимъ поляками и эльзасцами и съ с.-д. это даетъ болѣе трехъ четвертей рейхстага. Тогда Легинъ представилъ проектъ гарантій въ видѣ поправокъ къ закону, сообща выработанныхъ профессіональными союзами, примыкающими къ тремъ партіямъ: рабочей, прогрессистовъ и центра. Въ основу проекта положены такія идеи: 1) всеобщая организованность рабо-

---

[1]) Послѣдствіемъ было частое пренебреженіе со стороны правительства къ продовольственнымъ резолюціямъ рейстага, осуществлявшимся постепенно лишь подъ давленіемъ народнаго недовольства. Теперь даже націоналъ-либералы высказываются за отвѣтственность министровъ и канцлера, — до войны они „принципіально“ были за безотвѣтственность.

чихъ, въ частности, признаніе профессіональныхъ союзовъ представительствомъ пролетаріата; 2) равенство съ хозяевами вмѣсто разрѣшенія только ходатайствовать, къ чему сводился правительственный проектъ; 3) замѣна „благожелательнаго“ административнаго усмотрѣнія собственнымъ самоуправленіемъ рабочихъ. Напр., какъ привлечь дополнительныхъ рабочихъ въ какое-либо предпріятіе, работающее на военныя нужды? Для этого надо прежде всего установить привлекательную заработную плату и затѣмъ предоставить дальнѣйшія заботы организаціямъ, описаннымъ ниже. Черезъ профессіональные союзы, биржи труда и „заводскіе комитеты“ (см. ниже) эти организаціи вербуютъ добровольцевъ. Семейные получаютъ сверхъ платы отдѣльное пособіе въ случаѣ жизни „на два дома“. Рекламированные, т. е. мобилизованные, но оставленные на заводахъ рабочіе относительно свободы поисковъ и перемѣны мѣстъ, оплаты и условій труда всецѣло пользуются правами обыкновенныхъ рабочихъ и изъемлются въ этомъ отношеніи изъ подчиненія военной дисциплинѣ. Переселяющіеся рабочіе получаютъ право безплатныхъ поѣздокъ домой для свиданія съ семьей, всѣ вообще — „неограниченное право организаціи при всякихъ обстоятельствахъ для всѣхъ рабочихъ“ (къ этому пункту Легинъ добавилъ: „только при этой предпосылкѣ могутъ рабочіе представители голосовать за законъ“), а равно право неограниченнаго участія во всякихъ собраніяхъ. Улучшается страхованіе (между прочимъ ренты исчисляются по дѣйствительному среднему заработку, а не по искусственно пониженнымъ закономъ, особо вычисленнымъ нормамъ), гарантируются казенныя пособія безработнымъ, потерявшимъ работу по причинѣ закрытія фабрикъ въ силу закона о рабочей повинности ради усиленія военной промышленности и не имѣющихъ подходящаго иного мѣста и т. д. Всѣ права и участіе во всякихъ создаваемыхъ закономъ учрежденіяхъ распространяются на всѣхъ рабочихъ, въ томъ числѣ на сельско-хозяйственныхъ. Женщины за исполненіе мужской работы получаютъ равную съ мужчинами плату. Если при всемъ томъ не находится достаточнаго числа добровольцевъ для перехода въ военную промышленность, то рабочіе сами опредѣляютъ между собой, кому изъ ихъ среды слѣдуетъ уѣхать на новое мѣсто. Сверхъ того, для уменьшенія эксплоатаціи „обязаннаго“ положенія рабочихъ, создается слѣдующая организація.

Во-первыхъ, при „Kriegsamt'ѣ“, именно при самомъ ген. Гренерѣ, учреждается „парламентскій совѣтъ“ исключительно изъ членовъ рейхстага, избираемыхъ пропорціонально отъ всѣхъ партій. Этому совѣту принадлежитъ полный контроль надъ всей дѣятельностью „Kriegsamt'a“, и, кромѣ того, ген. Гренеръ долженъ обсуждать съ нимъ

всѣ принципіальные вопросы. Такимъ образомъ, не только инструкціи должны утверждаться бюджетной комиссіей, но вся практика должна находиться подъ непрерывнымъ надзоромъ парламента.

Во-вторыхъ, въ каждомъ предпріятіи съ числомъ рабочихъ не менѣе двадцати человѣкъ, каково бы оно ни было (не исключая земледѣльческихъ хозяйствъ, конторъ, магазиновъ и т. д.), избирается всѣми рабочими „заводскій комитетъ". Въ выборахъ участвуютъ всѣ рабочіе съ 18 лѣтъ, мужчины и женщины. Комитетъ признается законнымъ представительствомъ рабочихъ даннаго предпріятія, члены его ограждаются особыми постановленіями отъ преслѣдованій хозяевъ и увольненія. Хозяева обязаны вести съ комитетомъ переговоры и входить съ нимъ въ соглашенія какъ относительно платы и условій труда для всѣхъ рабочихъ вмѣстѣ, такъ и по поводу жалобъ отдѣльныхъ рабочихъ. Въ лицѣ этихъ комитетовъ профессіональные союзы получаютъ фактически ячейку, обнимающую весь пролетаріатъ и руководимую наиболѣе толковыми и активными его элементами, объединившимися въ профессіональныхъ союзахъ, гдѣ взвѣшиваются съ болѣе широкой точки зрѣнія всѣ обстоятельства и планы и вырабатываются необходимыя директивы. При такомъ положеніи притокъ новыхъ членовъ въ профессіональные союзы долженъ быть очень великъ. Первоначально въ близкихъ профессіональнымъ союзамъ органахъ, напр., въ новомъ „Форвертсѣ", выдвигалась мысль попросту потребовать включенія въ эти союзы всѣхъ рабочихъ. Это подражаніе принудительности самой „повинности" не имѣло, очевидно, успѣха среди самихъ дѣятелей рабочаго движенія и было замѣнено обязательной организаціей всего пролетаріата въ заводскіе комитеты, фактически объединяемые профессіональными союзами.

Споръ между хозяиномъ и заводскимъ комитетомъ, будь это изъ-за условій труда для всѣхъ рабочихъ или изъ-за оставленія мѣста однимъ человѣкомъ, если спросъ этотъ не разрѣшается ими полюбовно (улучшеніемъ условій, отпускомъ рабочаго) — передается въ вторую инстанцію.

Второй инстанціей является примирительная камера, по одной въ каждомъ округѣ (всякое генералъ-губернаторство состоитъ изъ нѣсколькихъ округовъ). Камера состоитъ изъ трехъ рабочихъ и трехъ хозяевъ. Личности рабочихъ опредѣляются профессіональными союзами. Хотя союзы объединяютъ лишь часть пролетаріата, но они признаются такимъ путемъ представительствомъ всего его въ цѣломъ. Подобное отношеніе правительства къ союзамъ установилось, впрочемъ, въ Германіи съ самаго начала войны, въ данномъ случаѣ дѣлается лишь попытка юридически оформить его. Наиболѣе

развитые и активные рабочіе, во всякомъ случаѣ, являются въ Германіи членами союзовъ, и въ этомъ смыслѣ послѣдніе, дѣйствительно, представляютъ волю пролетаріата. Даже и сейчасъ, несмотря на всѣ мобилизаціи, измѣненія въ составѣ пролетаріата и дороговизну, все же одинъ изъ каждыхъ наличныхъ шести мужчинъ рабочихъ состоитъ платящимъ членомъ профессіональныхъ союзовъ. Двое изъ рабочихъ членовъ примирительной камеры являются постоянными, третій призывается каждый разъ изъ представителей рабочихъ союзовъ той отрасли хозяйства, къ какой относится обсуждаемый случай. Предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ примирительной камеры офицеръ, но безъ права рѣшающаго голоса. Рѣшающій голосъ имѣютъ только рабочіе и хозяева.

Третьей инстанціей является „третейскій судъ", по одному на каждое генералъ-губернаторство. Членами опять трое рабочихъ отъ профессіональныхъ союзовъ и трое хозяевъ и сверхъ того одинъ представитель центральнаго общеимперскаго „Kriegsamt'a".

Для рѣшенія производственно-техническихъ и общехозяйственныхъ вопросовъ остаются тѣ же „областные комитеты" по одному на каждое генералъ-губернаторство, какіе проектировало правительство. Они рѣшаютъ, какія предпріятія подлежатъ закрытію, сколько рабочихъ изъ даннаго района слѣдуетъ и можно набрать для военной промышленности и т. д. Только составъ ихъ мѣняется и дѣлается семичленнымъ: 1 офицеръ-представитель „Kriegsamt'a", 1 представитель правительства изъ высшихъ гражданскихъ чиновъ, 1 фабричный или горный инспекторъ, двое рабочихъ отъ профессіональныхъ союзовъ и двое хозяевъ. Иначе сказать, коалиція рабочихъ съ хозяевами имѣетъ перевѣсъ надъ представителями власти, между тѣмъ въ правительственномъ проектѣ было наоборотъ. Въ рейхстагѣ и хозяева и рабочіе высказывали опасенія слишкомъ неумѣлаго вмѣшательства агентовъ власти въ вопросъ, какія предпріятія закрыть, какія нѣтъ, — отзвукомъ этихъ опасеній явилось усиленіе представительства и рабочихъ и хозяевъ въ учрежденіяхъ, какія должны непосредственно опредѣлять судьбу предпріятій и рѣшать общехозяйственные и производственно-техническіе вопросы. Старой точкѣ зрѣнія предпринимателей „я хозяинъ въ домѣ" противополагается здѣсь право рабочихъ на участіе, — пока только на участіе, — въ управленіи предпріятіемъ и всѣмъ производственнымъ процессомъ, а не только въ опредѣленіи условій найма.

Рядомъ съ этими общими требованіями союзовъ всѣхъ направленій соціалъ-демократы выставили еще нѣкоторыя спеціальныя поправки. Группа Шейдемана и группа Гаазе желаютъ установленія

для взрослыхъ мужчинъ максимальнаго рабочаго дня въ восемь часовъ. Интересно, что отъ имени партіи прогрессистовъ депутатъ Готгейнъ заявилъ въ бюджетной комиссіи рейхстага о согласіи ихъ на немедленное введеніе восьмичасоваго дня для мужчинъ съ работой тремя разными смѣнами въ теченіе сутокъ: по мнѣнію прогрессистовъ сокращеніе рабочаго дня должно повысить производительность труда и является справедливой компенсаціей рабочимъ за ограниченіе личной свободы. Такъ при переходѣ въ тюрьму иной рабочій попадаетъ въ лучшую камеру, чѣмъ какова была у него каморка на волѣ. Женщины должны работать только шесть часовъ въ сутки (четырьмя разными смѣнами), это даетъ возможность легче разрѣшить вопросъ о присмотрѣ за дѣтьми („Форвертсъ" предлагаетъ учредить въ каждомъ домѣ или нѣсколькихъ сосѣднихъ домахъ „сборный пунктъ" для дѣтей моложе 14 лѣтъ, гдѣ они должны оставаться подъ надзоромъ оплачиваемыхъ мѣстнымъ самоуправленіемъ пожилыхъ женщинъ). Особыя поправки требуютъ также полнаго возстановленія дѣйствія законовъ, охраняющихъ трудъ женщинъ и подростковъ, и права стачекъ при недовольствѣ предлагаемыми условіями. Депутатъ Носке внесъ еще поправку о томъ, что рабочая повинность прекращается 1 іюля н. ст. 1917 г., если рейхстагъ не отмѣнитъ ея раньше, т. е. вводится пока всего на семь мѣсяцевъ (чтобы при обсужденіи вопроса о продленіи на дальнѣйшій срокъ войны правительство принуждено было согласиться на всѣ поправки, какія тогда рейхстагъ предложитъ на основаніи опыта). Эбертъ потребовалъ заодно утвержденія принятыхъ рейхстагомъ еще въ началѣ ноября законовъ объ ограниченіи военно-административныхъ арестовъ и объ облегченіи цензуры (Гельфферихъ отвѣтилъ обѣщаніемъ поторопиться съ „благопріятнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ" и черезъ три дня союзный совѣтъ утвердилъ первый изъ нихъ, а депутатъ Давидъ заявилъ, что обѣщаннаго измѣненія закона о налогѣ съ военной прибыли недостаточно, надо прямое ея ограниченіе. Зюдекумъ и текстильщикъ Кретцигъ предложили объединить въ „принудительныя производительныя товарищества" (подобныя трестамъ) всѣ предпріятія каждой отрасли промышленности съ тѣмъ, чтобы прибыль всѣхъ предпріятій такого „производительнаго товарищества" считалась однимъ цѣлымъ и чтобы изъ нея не только выдавались дивиденды акціонерамъ и владѣльцамъ дѣйствующихъ предпріятій, но также пособія рабочимъ закрытыхъ предпріятій и нѣкоторое вознагражденіе владѣльцамъ принудительно закрытыхъ предпріятій. Нѣсколько лѣтъ назадъ представителямъ бюргерскихъ партій послѣдняя мысль показалась бы неслыханной. Война пріучила ихъ разсматривать каж-

даго хозяина, лишь какъ одинъ изъ элементовъ класса предпринимателей въ его цѣломъ. Потому идеи Крэтцига (не вышедшій изъ Фракціи Шейдемана противникъ военныхъ кредитовъ, секретарь союза текстильныхъ рабочихъ) и Зюдекума не вызвали бури. Наоборотъ, прогрессистъ Готгейнъ согласился на основаніе принудительныхъ синдикатовъ съ раздѣломъ прибыли также между пострадавшими отъ мѣръ „Kriegsamt'a" рабочими и хозяевами, на то же согласился націоналъ-либералъ Штреземаннъ (одинъ изъ лидеровъ тяжелой индустріи и аннексіонистовъ). А депутатъ Эрцбергеръ отъ партіи центра внесъ резолюцію: окончательное рѣшеніе вопросовъ о закрытіи, ограниченіи или объединеніи, сліяніи предпріятій и о вознагражденіи потерпѣвшихъ передается соглашенію канцлера съ заинтересованными кругами, какъ хозяевами, такъ и рабочими. Если же канцлеръ не сможетъ придти къ такому добровольному соглашенію, то вопросъ передается на безапелляціонное рѣшеніе особаго „пятичленнаго комитета при „Kriegsamt'ѣ". Составъ этого высшаго учрежденія, какое должно рѣшать окончательно судьбы „предпріятій всякаго рода", сливать цѣлыя отрасли народнаго хозяйства въ единый трестъ и т. п. по резолюціи центра таковъ: 1 представитель канцлера, 1 представитель „Kriegsamt'a", 1 представитель одного изъ союзныхъ государствъ Германіи, 1 представитель хозяевъ и 1 представитель рабочихъ. Легко видѣть, что большинство голосовъ принадлежитъ администраціи, и предприниматели могутъ не бояться враждебной имъ политики новаго учрежденія. Оно представляетъ лишь интересы класса предпринимателей въ его цѣломъ по отношенію къ особо наживающимся его группамъ. Послѣдніе дни газеты полны были воплями ожидающихъ закрытія фирмъ (по словамъ Гельфериха будутъ закрыты даже университеты, такъ что владѣльцы частныхъ „ненужныхъ для войны" предпріятій, какъ универсальные магазины, ювелирныя мастерскія, садоводства, кинематографы и т. д. забили набатъ, требуя не пропускать закона безъ выясненія ихъ участи). Весь классъ владѣльцевъ превращается въ отстраняемыхъ отъ самовольнаго распоряженія своими заведеніями пайщиковъ единой „фирмы Германія", получающихъ затѣмъ свою долю изъ всего произведеннаго въ странѣ прибавочнаго продукта (въ видѣ прибыли), хотя бы онъ былъ произведенъ вовсе не въ ихъ предпріятіи, хотя бы ихъ личное предпріятіе стояло закрытымъ и заколоченнымъ. Никогда еще въ такой ярко-наглядной формѣ не обнажалась въ Германіи механика взаимоотношеній между германскимъ пролетаріатомъ, какъ цѣлымъ, и между классомъ германскихъ предпринимателей, тоже какъ цѣлымъ.

Изложить требованія профессіональныхъ союзовъ представлялось

нужнымъ, хотя программа ихъ не осуществлена, ибо безъ нихъ нельзя оцѣнить итога сравнительно съ запросами среды, для которой они назначены [1]). Депутатъ Диттманъ, говорившій отъ фракціи Гаазе, выразилъ, безъ сомнѣнія, мнѣніе самыхъ широкихъ круговъ пролетаріата, когда сказалъ про правительственный проектъ: „Исключительный законъ противъ рабочихъ, законъ для запрета стачекъ подъ угрозой долгой тюрьмы, законъ для недопущенія повышенія заработной платы". Появленіе закона Диттманъ объясняетъ, между прочимъ, и тѣмъ, что зимою можно ожидать дальнѣйшаго ухудшенія питанія и быта рабочихъ: законъ предложенъ правительствомъ, чтобы „быть въ силахъ сдерживать недовольство".

8. ПРИНЯТЫЙ ТЕКСТЪ ЗАКОНА.

За всѣ изложенныя поправки голосовали обѣ рабочія фракціи германскаго рейхстага, патріотическая Шейдемана и противовоенная Гаазе. Хотя послѣдняя принципіально отвергала весь законъ (какъ „орудіе поддержки и продленія имперіалистской войны" по характеристикѣ Гаазе при третьемъ чтеніи 2 дек. н. ст.), но она старалась по возможности обезвредить его, и иниціатива нѣкоторыхъ важныхъ поправокъ, поддерживавшихся затѣмъ обѣими фракціями, принадлежитъ именно ей (напр., о правѣ стачекъ, объ оплатѣ женскаго труда наравнѣ съ мужскимъ и др.). Правительство боролось противъ всѣхъ главныхъ поправокъ, и, провалившись разъ, возобновляло устами Гельфериха свои протесты при второмъ и третьемъ чтеніи (особенно по пункту о гарантіи права союзовъ и собраній и о контролѣ рейхстага), консерваторы становились еще неуступчивѣй, націоналъ-либералы и часть центра ихъ часто поддерживали. Все время съ рабочими голосовали только представители угнетенныхъ провинцій (поляки, эльзасцы) и почти всегда прогрессисты и опирающаяся

[1]) Изъ частныхъ требованій можно еще отмѣтить: имперское страхованіе отъ безработицы для мирнаго времени, ибо при упраздненіи рабочей повинности многіе окажутся безработными (союзы служащихъ); введеніе государственной монополіи навсегда на собственно военную промышленность съ изъятіемъ отъ Круппа и др. ихъ заводовъ (либеральный „Berl. Tagebl.", органъ противовоенныхъ „газовскихъ" с.-д. „Лейпц. Нар. Газ." и др.), отмѣна принудительности для бельгійскихъ рабочихъ (фракція Гаазе въ бюдж. ком.). Наоборотъ, нац.-либ. Шифферъ требовалъ введенія „повинности" также въ союзныхъ съ Германіей странахъ, а консерваторъ графъ Вестарпъ — распространенія принудительной повинности и на подростковъ моложе 17 лѣтъ и на женщинъ (одна консервативная газета требовала этого даже для всѣхъ отъ 14 до 70 лѣтъ: народъ, видите ли, въ такомъ энтузіазмѣ, что требуетъ „безпощаднаго руководства собою" — караси любятъ жариться въ сметанѣ).

на рабочіе округа часть партіи центра и націоналистовъ. При такихъ условіяхъ важнѣйшія рѣшенія принимались иногда большинствомъ всего одного голоса, и въ окончательномъ видѣ законъ оказался несовпадающимъ ни съ проектомъ правительства, ни съ требованіями рабочихъ, ни съ первоначальными обѣщаніями бюргерскихъ партій. Вмѣсто четырехъ краткихъ оказалось восемнадцать очень длинныхъ параграфовъ слѣдующаго содержанія.

Рабочей повинности въ военной промышленности подлежатъ всѣ мужчины отъ 17 до 60 лѣтъ. Военной промышленностью признается не только производство оружія, но также сельское хозяйство, горная промышленность и всѣ отрасли производства, какія признаны будутъ необходимыми для обслуживанія арміи и населенія, а также казенная, военно-хозяйственная и муниципальная администрація и врачебное дѣло. Сверхъ того, по соглашенію рейхстага съ правительствомъ въ понятіе военной промышленности (Vaterländische Hilfsdienst) имѣютъ быть включены предусмотрѣннымъ порядкомъ (см. ниже) вся періодическая печать (включая спеціальные органы), педагогическій персоналъ школъ, духовенство всѣхъ религій, должностныя лица и руководители всѣхъ хозяйскихъ и рабочихъ профессіональныхъ союзовъ и больничныхъ кассъ, адвокаты и иныя лица, занятыя въ учрежденіяхъ по оказанію населенію юридической помощи (въ томъ числѣ „рабочіе секретаріаты").

Изъ тѣхъ отраслей производства, какія будутъ признаны не принадлежащими къ военной промышленности (приготовленіе предметовъ роскоши и т. п.), рабочіе будутъ переводиться въ ту отрасль военной промышленности (въ широкомъ смыслѣ слова), куда понадобится и насколько понадобится. Равнымъ образомъ, можетъ быть сокращено или закрыто (т. е. лишено рабочихъ), либо присоединено къ другому любое предпріятіе военной промышленности, если это признано будетъ полезнымъ. Установлено лишь одно ограниченіе: изъ сельскаго хозяйства запрещается переводить въ другія промышленныя предпріятія рабочихъ, которые заняты были въ сельскомъ хозяйствѣ до 1 августа 1916 г.

Интересно отмѣтить, что при дѣловомъ обсужденіи закона въ рейхстагѣ во всѣхъ трехъ чтеніяхъ и рѣчи не было о „зажиточныхъ бездѣльникахъ", противъ которыхъ, молъ, направленъ законъ, какъ пыталась внушить при опубликованіи проекта пылавшая патріотизмомъ часть печати. Наоборотъ, дѣло все время шло о порядкѣ перевода уже наличныхъ рабочихъ, объ ихъ правахъ и обязанностяхъ.

Особымъ областнымъ комитетамъ (обычно по одному на генералъ-губернаторство), предоставлено рѣшеніе вопросовъ, какія от-

расли хозяйства относятся къ военной промышленности (т. е. къ обслуживаемымъ рабочей повинностью производствамъ), какія предпріятія вообще подлежатъ закрытію, сокращенію, расширенію и т. д. и не является ли чрезмѣрнымъ количество лицъ, занятыхъ въ той или иной отрасли военной промышленности или въ отдѣльномъ ея предпріятіи (напр., численность персонала, обслуживающаго газету или профессіональный союзъ). Областной комитетъ состоитъ изъ семи членовъ: офицеръ отъ „Kriegsamt'a", горный или фабричный инспекторъ, одинъ изъ высшихъ гражданскихъ чиновниковъ и по два рабочихъ и хозяевъ. На рѣшенія этихъ областныхъ комитетовъ допускаются жалобы въ общеимперскую „Zentralstelle" при вѣдомствѣ ген. Гренера. Она состоитъ тоже изъ семи членовъ, но другого состава: два офицера, два представителя канцлера, одинъ чиновникъ отъ одного изъ союзныхъ государствъ Германіи и по одному рабочему и хозяину. Иначе сказать, въ первой инстанціи большинство можетъ принадлежать соединеннымъ рабочимъ и хозяевамъ. Въ технически-хозяйственныхъ вопросахъ мыслимо такое объединеніе ихъ противъ усмотрѣнія администраціи (напр., и хозяинъ типографіи и ея рабочіе могутъ быть заинтересованы въ несокращеніи ея состава, а чиновникамъ можетъ казаться, что штатъ ея является чрезмѣрно многочисленнымъ), но зато въ высшей инстанціи перевѣсъ всецѣло принадлежитъ администраціи. При извѣстныхъ условіяхъ законъ о рабочей повинности ужъ благодаря одному этому можетъ явиться источникомъ и орудіемъ политическаго давленія и преслѣдованій. Само собой, что „Zentralstelle" и подчиненные ей областные комитеты будутъ руководствоваться общимъ единымъ планомъ, намѣчаемымъ шефомъ техническаго штаба.

Второй рядъ организацій создается закономъ для осуществленія самой отдачи на работу. Сначала должны издаваться призывы къ добровольному переходу желающихъ въ какую-нибудь отрасль военной промышленности (черезъ посредство учрежденій по пріисканію труда и т. д.). Если желающихъ окажется недостаточно, то за работу принимаются особыя мѣстныя „окружныя комиссіи". Каждая такая комиссія состоитъ изъ шести человѣкъ: офицеръ, одинъ изъ старшихъ гражданскихъ чиновниковъ и по двое рабочихъ и хозяевъ. Предсѣдательствуетъ офицеръ, при равенствѣ голосовъ считается принятымъ раздѣляемое имъ рѣшеніе. Комиссія посылаетъ письменное приглашеніе отдѣльно каждому мужчинѣ отъ 17 до 60 лѣтъ, кому найдетъ нужнымъ. Получившій приглашеніе обязанъ въ теченіе двухъ недѣль самостоятельно пріискать себѣ занятіе въ какой-либо отрасли военной промышленности (все время понимая ее въ широкомъ смыслѣ слова, т. е. включая сельское хозяйство и т. д.). Ненашедшій мѣста

въ теченіе двухъ недѣль опредѣляется комиссіей на работу принудительно по ея усмотрѣнію. Однако § 8 закона обязываетъ комиссію при этомъ „взвѣшивать, обезпечиваетъ ли имѣемая въ виду заработная плата достаточный жизненный уровень рабочаго и живущихъ на его заработокъ лицъ". Это постановленіе принято рейхстагомъ на основаніи мотивировки с.-д. депутата Іеккеля, который заявилъ, что комиссіи должны считать нормой одну марку за часъ работы для женатаго рабочаго (т. е. около 300 мар. въ мѣсяцъ). Насколько это будетъ исполнено, покажетъ будущее.

Эти же „окружныя комиссіи" рѣшаютъ, какъ видимъ, вопросъ, куда опредѣлить рабочаго, если онъ оставитъ прежнюю службу въ одной изъ отраслей „военной промышленности" и не найдетъ себѣ новаго мѣста въ теченіе двухъ недѣль. На рѣшенія „окружныхъ комиссій", можно жаловаться въ упомянутые выше „областные комитеты".

Третій рядъ организацій созданъ для регулированія центральнаго вопроса всего дѣла — права оставлять работу и переходить на другое мѣсто. По выраженію нац.-либ. Штреземанна „законъ лишаетъ рабочихъ двухъ главныхъ ихъ правъ: права свободно переходить на другое мѣсто и права свободно прекращать работу". Этотъ пунктъ (§ 9) вызвалъ наибольшія нападки. Депутатъ Диттманъ (фракція Гаазе) говорилъ о „параграфѣ порабощенія (Versklavung)", объ „установленіи крѣпостной зависимости (Hörigkeit)", депутатъ Эбертъ о „неслыханныхъ требованіяхъ къ рабочимъ", депутатъ Гохъ (фракціи Шейдеманна) о „перегруженіи корабля этого закона не въ пользу рабочихъ" и т. д. Новая крѣпостная зависимость модернизована слѣдующимъ образомъ. Если кто-либо служитъ въ предпріятіи, причисленномъ къ обслуживаемымъ рабочей повинностью, то ему открываются три возможности оставить мѣсто. Во-первыхъ, онъ можетъ сдѣлать это самовольно, противъ воли хозяина и никуда не апеллируя. За это не установлено никакой судебной или административной отвѣтственности, но ни одинъ хозяинъ не имѣетъ права принимать къ себѣ на работу такого рабочаго въ теченіе двухъ недѣль послѣ самовольнаго оставленія имъ прежняго мѣста. Это означаетъ, что по истеченіи двухъ недѣль рабочій будетъ командированъ куда-либо на работу принудительно упомянутой выше „окружной комиссіей", ибо свыше двухъ недѣль быть безъ работы не разрѣшается, а самостоятельное пріисканіе новаго мѣста въ теченіе этихъ двухъ недѣль законъ дѣлаетъ при самовольномъ оставленіи невозможнымъ. Слѣдовательно, этотъ исходъ для рядовой массы рабочихъ вообще не имѣетъ реальнаго значенія и является однимъ изъ невинныхъ демократическихъ украшеній фасада крѣпостническаго зданія.

Второй исходъ — оставленіе прежняго мѣста съ письменнаго разрѣшенія прежняго хозяина. Въ этомъ случаѣ рабочій имѣетъ двѣ недѣли для пріисканія новой должности, но при общемъ недостаткѣ рабочихъ рукъ нельзя ожидать отъ предпринимателей готовности отпускать рабочаго по первому же его желанію, напр., для перехода на предлагающую болѣе высокую заработную плату конкурирующую фабрику. Потому главнымъ и основнымъ изъ допускаемыхъ закономъ типовъ ухода является третій. Именно, въ каждомъ округѣ образуется особый увольнительный комитетъ. Онъ состоитъ изъ трехъ представителей рабочихъ, трехъ хозяевъ и одного уполномоченнаго отъ „Kriegsamt'a" въ качествѣ предсѣдателя. Предсѣдатель имѣетъ право рѣшающаго голоса, такъ что при разногласіи между представителями рабочихъ и хозяевъ все представительство окажется пустой декораціей, а рѣшитъ дѣло по своему усмотрѣнію, — съ однимъ указаннымъ въ законѣ изъятіемъ, — военный администраторъ. Именно, при несогласіи хозяина отпустить рабочаго, этотъ комитетъ можетъ выдать рабочему увольнительное свидѣтельство собственной властью, если считаетъ, что у рабочаго есть „серьезное основаніе" для ухода. Упомянутое изъятіе въ пользу рабочихъ заключается въ слѣдующемъ точномъ постановленіи закона: „Серьезнымъ основаніемъ для ухода съ мѣста считается соразмѣрное (angemessene) улучшеніе условій труда" въ предѣлахъ совокупности предпріятій, на которыя распространяется законъ о рабочей повинности. Это значитъ, что комитетъ не имѣетъ права отказать рабочему въ увольнительномъ свидѣтельствѣ въ двухъ случаяхъ. Во первыхъ, когда хозяинъ не согласенъ улучшить условія труда (увеличить заработную плату и пр.) согласно требованіямъ рабочаго, признаваемымъ комитетомъ „соразмѣрными". Во-вторыхъ, когда рабочій можетъ указать другого хозяина, согласнаго принять его на работу на лучшихъ противъ прежняго мѣста условіяхъ. Этотъ практически очень важный пунктъ прошелъ въ рейхстагѣ послѣ большой борьбы. Правительство, консерваторы и національ-либералы требовали, чтобы при подобной выдачѣ увольнительныхъ свидѣтельствъ комитетъ имѣлъ бы право также „принимать во вниманіе потребности, коимъ служитъ рабочая повинность". Эта поправка пояснялась въ рѣчахъ такъ: если изъ-за лучшей платы рабочіе начнутъ переходить изъ пушечныхъ и снарядныхъ заводовъ въ производство кофейниковъ, то комитетъ долженъ имѣть право оставить ихъ при производствѣ пушекъ. Сначала большинство рейхстага приняло въ бюджетной комиссіи эту поправку. Но въ общемъ собраніи рабочіе депутаты разныхъ фракцій устроили такой „бунтъ", что прогрессисты и партія центра сняли свои подписи и вмѣстѣ съ соц.-дем. и инородцами про-

валили „патріотическую поправку“ (какъ ее иронически называли). Большинство рейхстага постановило, такимъ образомъ, что при коллизіи между патріотизмомъ и заработной платой должно повышать плату, а не запрещать рабочимъ переходить на лучше оплачиваемыя мѣста. На первый взглядъ это представляется крупной уступкой рабочимъ. Но если вспомнить, что предстоитъ приблизительное уравненіе условій труда для всѣхъ рабочихъ каждой спеціальности, то реальное значеніе права искать лучше оплачиваемое мѣсто не такъ ужъ велико. А при оставленіи прежняго мѣста просто изъ желанія „соразмѣрной“ прибавки, — вѣдь отъ увольнительнаго комитета, т. е. въ конечномъ счетѣ — отъ предсѣдательствующаго въ немъ офицера зависитъ признать или нѣтъ это желаніе „соразмѣрнымъ“. Значитъ, рабочіе больше не являются ни равноправной стороной въ договорѣ съ хозяиномъ, ни вообще стороной: они могутъ только жаловаться офицеру и должны исполнять то, что онъ рѣшитъ. Во многихъ случаяхъ такимъ офицеромъ, предсѣдателемъ увольнительнаго комитета, окажется мобилизованный инженеръ, директоръ завода или т. п. Сверхъ того, что также было указано въ рейхстагѣ, представитель военнаго вѣдомства („Kriegsamt'a“) естественно прежде всего поглощенъ будетъ мыслью объ увеличеніи количества снарядовъ и другихъ нужныхъ предметовъ, и это неизбѣжно будетъ накладывать отпечатокъ на представленія его о „соразмѣрности“ того или иного требованія. До сихъ поръ офицеры склонны были въ Германіи побуждать хозяевъ къ уступкамъ рабочимъ, но вѣдь до сихъ поръ они имѣли право стачекъ, профессіональные союзы угрожали имъ, и ради избѣжанія остановки производства военное министерство давило на хозяевъ (иногда подъ такимъ давленіемъ бывали прибавки почасной платы до ста процентовъ). Но теперь послѣ запрещенія неразрѣшенныхъ стачекъ можно не церемониться съ рабочими, и самодержавіе офицеровъ въ увольнительныхъ комитетахъ можетъ повести къ итогамъ, которые испортятъ въ глазахъ нѣмецкихъ рабочихъ репутацію „спеціальнаго смысла“, установившуюся за военнымъ вѣдомствомъ въ первые два года войны.

Выше упомянуто о неразрѣшенныхъ стачкахъ — ибо въ Германіи будутъ отнынѣ также забастовки „административно одобренныя“. Такія стачки появляются въ результатѣ четвертаго ряда организацій, созданныхъ закономъ о рабочей повинности, именно организацій для регулированія условій труда. Прежде всего въ предпріятіяхъ, занимающихъ не менѣе пятидесяти рабочихъ или работницъ учреждаются „рабочіе комитеты“. Комитеты эти выбираются всѣми совершеннолѣтними рабочими и работницами предпріятія путемъ прямого, тайнаго и пропорціональнаго голосованія. Если въ пред-

пріятіи имѣется не менѣе пятидесяти служащихъ (не рабочихъ), то служащіе выбираютъ для себя такой же комитетъ отдѣльно отъ рабочихъ. Комитетъ имѣетъ право предъявлять хозяину требованія относительно повышенія заработной платы и улучшенія условій труда, какъ отъ имени совокупности всѣхъ рабочихъ, такъ и отъ каждаго въ отдѣльности. Комитетъ имѣетъ право дѣлать хозяину всякія предложенія и передавать жалобы и желанія относительно всего, что относится къ предпріятію (не только объ условіяхъ труда) и къ его учрежденіямъ (лавки, квартиры и т. д.), въ томъ числѣ и о выдачѣ письменнаго разрѣшенія на оставленіе мѣста. Если какое-либо предложеніе, желаніе, жалоба или требованіе заявляется не менѣе чѣмъ четвертью членовъ комитета, то хозяинъ обязанъ (§ 12) явиться на засѣданіе рабочаго комитета (лично или черезъ представителей) и вести съ комитетомъ переговоры по заявленному требованію, желанію, жалобѣ или предложенію.

Легко видѣть, что это постановленіе закона фактически ставитъ на мѣсто личнаго договора найма коллективный и создаетъ всеобщую организованность рабочихъ. Предприниматели, желавшіе видѣть доселѣ въ рабочихъ только „людскую пыль", видѣвшіе въ каждомъ рабочемъ только „отдѣльнаго посѣтителя фабрики", — такіе предприниматели все еще преобладаютъ въ нѣмецкой крупной промышленности и даже во время войны не хотѣли „признавать рабочія организаціи", т. е. воспрещали рабочимъ своего завода избирать объединяющій ихъ заводскій комитетъ, отказывались вступать въ сношеніе и переговоры съ профессіональными союзами и т. п. Теперь законъ обязалъ ихъ „признать" не только „рабочіе комитеты" изъ рабочихъ своего предпріятія, но во второй инстанціи, какъ увидимъ, даже уполномоченныхъ профессіональныхъ союзовъ. Въ послѣднюю минуту хозяева старались еще спасти прежнюю практику „невмѣшательства рабочихъ въ хозяйскія распоряженія" и „невмѣшательства постороннихъ (т. е. профессіональныхъ союзовъ) въ дѣла предпріятія". Именно въ день начала обсужденія закона о рабочей повинности въ рейхстагѣ въ Берлинѣ состоялся созванный по этому поводу „центральнымъ военнымъ комитетомъ германской промышленности" съѣздъ всевозможныхъ крупнопромышленныхъ организацій. Среди участниковъ было свыше 600 главныхъ промышленниковъ Германіи, въ томъ числѣ весь „техническій штабъ" „Kriegsamt'a". Съѣздъ выразилъ „сожалѣніе" по поводу того, что патріотически необходимую мѣру „соціалъ-демократія пытается использовать въ интересахъ односторонняго рѣшенія вопросовъ политической власти", и послалъ 29 ноября н. ст. по телеграммѣ императору и Гинденбургу, прося принять мѣры къ „недопущенію въ законъ такихъ постановленій" (особенно объ учрежденіи рабо-

чихъ комитетовъ и обязательныхъ третейскихъ судовъ съ представительствомъ профессіональныхъ союзовъ), которыя „серьезно угрожаютъ жизнеспособности промышленныхъ предпріятій въ будущемъ и приведутъ насъ къ такому состоянію“ якобы диктатуры рабочихъ организацій, „какое Англія должна была какъ разъ устранить, чтобы создать работоспособную военную промышленность“. Этотъ горячій призывъ [1]) нашелъ въ рейхстагѣ достаточный откликъ. Вице-канцлеръ Гельфферихъ сказалъ 30 нояб.: „Утвержденіе закона не станетъ легкимъ союзному совѣту, разъ въ немъ рѣшается вопросъ, спорный въ теченіе десятилѣтій“. Консерваторы до конца голосовали противъ, прочія партіи уступили ультиматуму группы Легина. Отъ имени нац.-либераловъ депутатъ Штреземаннъ заявилъ: „Мы идемъ этой дорогой нелегко, но это неизбѣжно“. Отъ имени прогрессистовъ депутатъ Патеръ сказалъ: „Мы питаемъ сомнѣнія въ виду односторонняго рѣшенія спорныхъ вопросовъ въ пользу рабочихъ, но принуждены идти на это, дабы вообще сдѣлать значительной части рейхстага возможнымъ принятіе этого закона“.

Въ итогѣ приведенныя постановленія были приняты, положено начало всеобщей организованности рабочихъ — но для чего? Для того, чтобы возможно организованнѣе прошелъ процессъ ихъ „вживанія“ въ условія новаго крѣпостничества. Въ самомъ дѣлѣ, рабочій комитетъ даннаго предпріятія не является свободной стороной, которая при несогласіи хозяина можетъ отвѣтить стачкой или полнымъ расчетомъ. Юридическое полноправіе отсутствуетъ. Все, что можетъ сдѣлать рабочій комитетъ — это пожаловаться въ третейскій судъ. Третейскимъ судомъ законъ признаетъ упомянутый выше семичленный „увольнительный комитетъ“ (три представителя рабочихъ, три хозяина и предсѣдательствующій уполномоченный отъ военнаго вѣдомства). Къ этому же комитету должны обращаться

---

[1]) Между прочимъ, столь противившійся даже минимальной охранѣ интересовъ рабочихъ „центр. ком. герм. промышленности“ не постѣснялся въ половинѣ ноября н. ст. опубликовать протестъ противъ намѣренія военнаго вѣдомства ограничить плату за заказы себѣстоимостью фабрикантамъ ихъ производства съ набавкой десяти процентовъ барыша. А одна изъ главныхъ организацій „цент. комитета“ (Союзъ желѣзной и стальной промышленности, опубликовала 18 ноября н. ст., что „тѣмъ, кто при необычайныхъ условіяхъ создаетъ необычайные результаты (производство стали достигло въ ноябрѣ 90% мирнаго уровня), слѣдуетъ предоставить и необычайное вознагражденіе“ (изъ отвѣта на извѣщеніе военнаго вѣдомства). Въ то же время фирма Круппа, какъ было доказано въ рейхстагѣ, старается понижать женщинамъ заработную плату. Послѣ всѣхъ налоговъ фирма Круппа дала чистаго дохода: въ мирномъ 1913/14 году — 33 милл. мар., въ первомъ военномъ году — 86 милл. мар., во второмъ военномъ году — 95 м. м.

за рѣшеніемъ споровъ рабочіе и хозяева мелкихъ предпріятій (гдѣ нѣтъ 50 рабочихъ) и сельско-хозяйственныхъ. Ибо въ изъятіе изъ общаго правила въ сельскомъ хозяйствѣ „рабочіе комитеты“ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ не устраиваются. Но „увольнительные комитеты“ въ качествѣ третейскихъ судовъ дѣйствуютъ и для сельскаго хозяйства и для всѣхъ вообще предпріятій, какъ частныхъ такъ и казенныхъ, за исключеніемъ только желѣзныхъ дорогъ. Гельферрихъ требовалъ послѣдняго исключенія, угрожая въ противномъ случаѣ отказомъ союзнаго совѣта утвердить законъ. Это заявленіе его при третьемъ чтеніи произвело чрезвычайный эффектъ. „Отсюда видно, какъ мало необходимъ вообще весь законъ“, сказалъ депутатъ Ледебуръ. И даже самъ глава патріотическихъ рабочихъ союзовъ Легинъ выразилъ сомнѣніе: „Этого я не ожидалъ; если законъ можетъ потерпѣть крушеніе въ союзномъ совѣтѣ изъ-за правовыхъ гарантій рабочимъ, то, повидимому, въ основѣ его лежатъ совсѣмъ другія намѣренія, чѣмъ тѣ, о которыхъ намъ здѣсь всегда говорили“. Иначе сказать: дѣло не въ патріотическомъ умноженіи снарядовъ, этого можно было бы достичь другими средствами, а въ правовомъ „обузданіи“ рабочаго класса въ видѣ предупредительной мѣры противъ все усиливающагося въ нѣмецкомъ пролетаріатѣ противовоеннаго теченія (за послѣднее время съ патріотической позиціи на противовоенную перешли такія важныя организаціи рабочей партіи, какъ въ центрѣ горной промышленности Бохумъ-Гельзенкирхенъ, затѣмъ въ Штеттинѣ и др.). Однако, Гельфферихъ побѣдилъ въ данномъ случаѣ большинствомъ одного голоса.

Третейскій судъ рѣшаетъ и въ отсутствіе хозяина. Но приговоры его необязательны ни для хозяина ни для рабочихъ. Однако, формально-юридическое равенство на дѣлѣ оказывается мнимымъ. Именно, если приговору не подчиняется хозяинъ, то все ограничивается выдачей третейскимъ судомъ увольнительныхъ свидѣтельствъ всѣмъ рабочимъ, т. е. признаніемъ за ними права на прекращеніе работъ. Наступаетъ состояніе „концессіонированной стачки“, какъ выразился патріотъ — с.-д. депутатъ Бауэръ. Но эта „административно одобренная“ стачка отличается отъ обыкновенной въ самомъ существенномъ пунктѣ: до закона о рабочей повинности свободная стачка могла продолжаться сколько угодно времени, а теперь разрѣшенное прекращеніе работъ не можетъ продолжаться долѣе двухъ недѣль. Фабриканту надо только потерпѣть двѣ недѣли, — и рабочіе или принуждены будутъ принять его условія или будутъ посланы куда-либо принудительно на работу, если только имъ не посчастливится найти себѣ за эти двѣ недѣли другое мѣсто по собственному усмотрѣнію. Но при солидарности германскихъ предпринимателей отно-

сительно стачечниковъ послѣднее представляется не особенно вѣроятнымъ. Ограниченіе срокомъ вырываетъ у стачки ея жало даже въ случаѣ ея „концессіонированья“ увольнительнымъ комитетомъ (т. е. фактически предсѣдательствующимъ въ немъ офицеромъ).

Если приговору третейскаго суда не подчиняются рабочіе, то комитетъ (онъ же третейскій судъ) не имѣетъ права выдавать имъ увольнительныхъ свидѣтельствъ. Иначе сказать, они не могутъ получить другого мѣста, и черезъ двѣ недѣли отправляются на работу принудительно. А „рекламированные“ изъ нихъ (т. е. мобилизованные для арміи, но оставленные работать на заводахъ сверхъ того будутъ отправлены въ окопы за уклоненіе отъ работы „безъ серьезныхъ основаній“. Ибо относительно рекламированныхъ въ порядкѣ верховнаго управленія рейхстагу по его желанію сдѣлана правительствомъ 2 декабря н. ст. еще такая уступка. Оставленные на заводахъ мобилизованные не будутъ подлежать военной дисциплинѣ. Имъ предоставляются всѣ права, какими обладаютъ прочіе рабочіе на основаніи закона о рабочей повинности, въ томъ числѣ право выборовъ и участія въ рабочихъ комитетахъ и третейскихъ судахъ (увольнительныхъ комитетахъ) и право оставленія прежняго мѣста для перехода на новое, если имъ предлагаютъ болѣе выгодныя условія, вообще, право полученія увольнительныхъ свидѣтельствъ съ двухнедѣльнымъ срокомъ для самостоятельнаго пріисканія новаго занятія.

Представительство рабочихъ въ увольнительныхъ комитетахъ (третейскихъ судахъ), въ „окружныхъ комиссіяхъ“ (по опредѣленію на работу) и въ областныхъ комитетахъ и центральномъ учрежденіи по технически-хозяйственному руководству организуется такимъ образомъ. Профессіональные союзы представляютъ „Kriegsamt'у“ своихъ кандидатовъ, и изъ ихъ числа „военное вѣдомство“ назначаетъ представителей рабочихъ. Но за „Kriegsamt'омъ“ остается право, если онъ найдетъ нужнымъ, дѣлать отступленія отъ такой практики и выбирать представителей рабочихъ по собственному усмотрѣнію. „Нормально“ въ третейскихъ судахъ, напр., должно сидѣть три представителя профессіональныхъ союзовъ. А въ третейскомъ судѣ (онъ же увольнительный комитетъ) сходятся нити рабочихъ комитетовъ всѣхъ отдѣльныхъ предпріятій, эти комитеты какъ бы вѣнчаются и руководятся представительствомъ профессіональныхъ союзовъ. Но будетъ ли это фактически — зависитъ отъ усмотрѣнія военной администраціи: перестанетъ ей нравиться направленіе и характеръ дѣятельности профессіональныхъ союзовъ, и она можетъ прекратить назначеніе ихъ кандидатовъ, руки развязаны. А профессіональные союзы, наоборотъ, попадаютъ въ серьезную

зависимость отъ благоволенія или недоброжелательства администраціи (и стоящихъ за нею силъ), — по крайней мѣрѣ, поскольку рѣчь идетъ объ использованіи законныхъ возможностей.

Само существованіе союзовъ ограждено спеціальнымъ постановленіемъ закона (§ 13а), что для лицъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ, обслуживаемыхъ рабочей повинностью (въ томъ числѣ согласно приведенному выше и для оставленныхъ работать мобилизованныхъ рекрутовъ) — „не можетъ быть ограничиваемо пользованіе правомъ союзовъ и собраній". Гельфферихъ старался сорвать этотъ пунктъ и во второмъ и въ третьемъ чтеніи. Консерваторы вопили о гибели сельскаго хозяйства, тѣмъ болѣе, что другой параграфъ освобождаетъ имѣющихъ быть переведенными въ сельское хозяйство промышленныхъ и иныхъ рабочихъ отъ подчиненія дѣйствующаго вообще для сельско-хозяйственныхъ рабочихъ крайне реакціоннаго „устава о челяди" (еще до-конституціоннаго происхожденія). Аграріи рисовали такую картину: перешедшіе въ деревню промышленные рабочіе, пользуясь провозглашеннымъ неограниченнымъ правомъ союзовъ и собраній, начнутъ „мутить и подстрекать" коренныхъ сельскихъ батраковъ. По каждому поводу они будутъ подбивать коренныхъ батраковъ тащить помѣщика въ третейскій судъ (увольнительный комитетъ), что навсегда совершенно уничтожитъ „отеческую патріархальность отношеній" въ нѣмецкой деревнѣ. Тѣмъ не менѣе побѣдилъ ультиматумъ Легина: давшіе было подпись подъ искаженіемъ этого параграфа прогрессисты и націоналъ-либералы взяли ее въ третьемъ чтеніи обратно, постановленіе принято, и сельское хозяйство, если вѣрить аграріямъ, должно погибнуть. Но черезъ пару дней (5 декабря н. ст.) послѣдовала первая мѣра по проведенію въ жизнь рабочей повинности, т. е. по сокращенію затраты труда на отрасли хозяйства, не безусловно необходимыя. Именно, союзный совѣтъ предписалъ сократить количество пассажирскихъ поѣздовъ (при чемъ вовсе отмѣнены спальные вагоны и вагоны-рестораны и почти устраненъ первый классъ); сократить число разносокъ почты (съ 8 до 5, съ 5 до 3, съ 3 до 1 раза въ день, смотря по населенію города), телеграфныхъ и телефонныхъ сношеній; значительно ограничить повсемѣстно движеніе городскихъ и пригородныхъ трамваевъ, особенно въ предночные часы; сократить освѣщеніе на улицахъ и въ витринахъ и закрывать всѣ лавки, кинематографы, театры, рестораны, кафе и т. п. учрежденія не позже десяти часовъ вечера (для очень крупныхъ городовъ разрѣшается продлить срокъ не болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ часа). Между тѣмъ частыя теперь сверхурочныя работы приводятъ къ столь позднему освобожденію рабочихъ, что имъ очень трудно бу-

детъ поспѣвать на собранія своихъ организацій съ такимъ расчетомъ, чтобы успѣть кончить собранія до 10 часовъ вечера. Затрудняя правильное функціонированіе рабочихъ организацій, первая же мѣра въ области „сокращенія менѣе важнаго“ въ замѣтной степени обезцѣниваетъ общую гарантію пользованія правомъ союзовъ и собраній. А такихъ мѣръ можетъ появиться еще много: по ироническому замѣчанію одной газеты, союзный совѣтъ полагаетъ, что подъ вліяніемъ рабочей повинности населеніе „будетъ больше нуждаться въ отдыхѣ и меньше въ развлеченіяхъ“, чѣмъ до сихъ поръ.

Пунктамъ о порядкѣ увольненія и пріема на работу дано было генераломъ Гренеромъ въ рейхстагѣ такое толкованіе, что отнынѣ хозяинъ не можетъ уволить рабочаго противъ воли послѣдняго, если по жалобѣ рабочаго „увольнительный комитетъ“ признаетъ причину увольненія неосновательной. Съ другой стороны, хозяинъ обязанъ допускать къ работѣ всякаго рабочаго, какой будетъ ему указанъ „окружной комиссіей“ (прямо или черезъ посредство публичныхъ бюро по указанію труда). Этимъ парализуется зловредное вліяніе такъ называемыхъ „черныхъ списковъ“ и соотвѣтствующей политики германскихъ предпринимателей по отбору рабочихъ не на основаніи ихъ техническихъ качествъ, а по соціальнымъ соображеніямъ (ср. корр. „Реформа учрежденій указанія труда“). Вѣрнѣе, создается возможность парализовать ее, — все зависитъ отъ того, насколько „увольнительные комитеты“ рѣшатся пренебрегать волей хозяевъ въ данномъ отношеніи (т. е. захочетъ ли офицеръ присоединить свой голосъ къ тремъ рабочимъ или примкнетъ къ тремъ хозяевамъ). Здѣсь, какъ и во всѣхъ пунктахъ закона, мы натыкаемся на основной его порокъ. Онъ создалъ форму, которая можетъ быть заполнена самымъ различнымъ содержаніемъ въ зависимости отъ поведенія администраціи, усмотрѣнію которой предоставлено дать перевѣсъ волѣ рабочихъ или волѣ хозяевъ. Въ этомъ отношеніи удачную характеристику далъ въ рейхстагѣ самъ генералъ Гренеръ, сказавшій по поводу настаиванья на нѣкоторыхъ поправкахъ: „При этомъ законѣ все зависитъ отъ исполненія. Этотъ законъ лишь плащъ (Mantelgesetz), содержимое котораго будетъ опредѣлено исполненіемъ. Вы можете украшать плащъ всевозможными красивыми позументами и узорами (стенографическій отчетъ отмѣчаетъ здѣсь веселость), это вамъ ничуть не поможетъ, если мы будемъ неразумно осуществлять его. Хотя бы вы пытались предусмотрѣть какъ можно больше и создать всякія гарантіи для рабочихъ, — матерія (т. е. осуществленіе на практикѣ) остается все же чрезвычайно сложной и безъ разумнаго поведенія „Kriegsamt'a“

даже опасной (засѣданіе 29 ноября н. ст.). Практика будетъ зависѣть, такимъ образомъ, отъ фактическаго соотношенія силъ, отъ силы и способности нѣмецкихъ рабочихъ побуждать администрацію прислушиваться къ ихъ голосу. Кое-чего рабочіе промышленныхъ предпріятій спеціально для себя уже добились. Напр., генералъ Гренеръ обязался предъ рейхстагомъ соблюдать всѣ существующіе между союзами рабочихъ и хозяевами „тарифные договоры" объ условіяхъ и оплатѣ труда. Такъ какъ условія и оплата труда будутъ по возможности уравнены повсюду для рабочихъ той же профессіи въ той же отрасли производства, то это обязательство означаетъ распространеніе содержанія тарифныхъ договоровъ также на тѣ предпріятія, хозяева которыхъ до сихъ поръ отказывались признавать ихъ. Такихъ предпріятій, очень много (до 80%), такъ какъ профессіональнымъ союзамъ удалось доселѣ собственными силами принудить къ признанію условій коллективныхъ договоровъ лишь небольшое число хозяевъ, занимавшихъ менѣе 20% промышленныхъ рабочихъ. Соображенія объ улучшеніи договора найма для остальныхъ 80% не въ малой степени, вѣроятно, облегчили главарямъ патріотическихъ профессіональныхъ союзовъ (Легинъ, Бауэръ) голосованіе за весь законъ, — вѣдь руководимые ими союзы являются почти сплошь организаціями промышленныхъ рабочихъ. У земледѣльческихъ рабочихъ нѣтъ коллективныхъ договоровъ и почти нѣтъ профессіональныхъ союзовъ, — имъ дано поэтому еще меньше „гарантій", чѣмъ рабочимъ промышленнымъ (ср. выше о прикрѣпленіи ихъ къ сельскому хозяйству, тогда какъ прочимъ рабочимъ разрѣшено искать лучшихъ мѣстъ во всѣхъ отрасляхъ труда въ предѣлахъ предпріятій, обслуживаемыхъ рабочей повинностью, — равно отсутствіе въ помѣстьяхъ рабочихъ комитетовъ).

Пока съ промышленными рабочими до нѣкоторой степени изъявляютъ готовность считаться. Напр., докладчикомъ по рабочимъ вопросамъ въ центральномъ управленіи „Kriegsamt'a" назначенъ предсѣдатель общегерманскаго с.-д. союза металлистовъ А. Шликке, одна изъ наиболѣе приличныхъ фигуръ въ лагерѣ патріотической части рабочаго движенія (въ руководимымъ Шликке союзѣ было предъ войной почти 600 тыс. членовъ, теперь все еще почти четверть милліона, остальные мобилизованы или вышли). Но духа примѣненія всего закона это отнюдь не предрѣшаетъ, скорѣе можетъ считаться показательной упорная борьба въ рейхстагѣ противъ всякаго улучшенія со стороны высшаго представителя власти, вице-канцлера Гельфериха, о которомъ даже Легинъ сказалъ при третьемъ чтеніи законопроекта: „Если этотъ духъ будетъ рѣшающимъ при осуществленіи закона, то вмѣсто активнаго содѣйствія

вы встрѣтите пассивное сопротивленіе рабочихъ". А черезъ три дня, 6 дек. н. ст., когда проектъ успѣлъ уже стать закономъ, либеральный „Berliner Tageblatt" предложилъ „15-членному" комитету рейхстага принять мѣры для отставки Гельфериха въ виду трудности осуществлять съ такимъ партнеромъ „разумное" проведеніе въ жизнь рабочей повинности. Предложеніе это поддержано патріотическимъ новымъ „Форвертсомъ". Въ отвѣтъ Гельфериховъ повторяетъ въ газетахъ свое обѣщаніе, разъ ужъ вопреки его возраженіямъ рейхстагъ все равно придалъ закону нынѣшній видъ, исполнять его „лойяльно" по отношенію къ намѣреніямъ рейхстага.

Для контроля надъ степенью этой лойяльности § 17 закона, по ультимативному требованію группы Легина, учредилъ упомянутый выше „15-членный" комитетъ рейхстага. Сначала обѣ фракціи с.-д. партіи голосовали за функціонированье въ качествѣ такого комитета всего рейхстага, а когда это провалилось, — обѣ голосовали за 15-членный комитетъ. Это было принято, несмотря на заявленія Гельфериха о неконституціонности подобнаго учрежденія, означающаго прямое подчиненіе рейхстагу также области „верховнаго управленія" и болѣе серьезныхъ распоряженій исполнительнаго характера. Во-первыхъ, всѣ постановленія союзнаго совѣта общаго характера, поскольку они касаются осуществленія рабочей повинности и всѣхъ мѣръ на основаніи закона о ней, подлежатъ предварительному утвержденію 15-членнаго рейхстагскаго комитета. Союзный совѣтъ можетъ передавать свои полномочія по изданію такихъ постановленій „Kriegsamt'у". Въ этомъ случаѣ такія постановленія „Kriegsamt'а" тоже должны быть каждый разъ предварительно утверждены комитетомъ „15". Во-вторыхъ, тому же комитету предоставлено право предварительнаго активнаго контроля надъ всей практической дѣятельностью „Kriegsamt'а". Съ этою цѣлью законъ обязываетъ „Военное вѣдомство" держать комитетъ постоянно въ курсѣ своей дѣятельности; сообщать комитету по его требованію всякія подробности; обсуждать съ комитетомъ вмѣстѣ все, что онъ найдетъ нужнымъ; передъ изданіемъ важныхъ практическихъ распоряженій общаго характера запрашивать предварительно мнѣніе о нихъ комитета. Союзный совѣтъ составляетъ высшій правительственный органъ Германской имперіи, законы утверждаются въ Германіи не императоромъ, а ея союзнымъ совѣтомъ (собраніемъ представителей монарховъ всѣхъ союзныхъ государствъ Германіи). Теперь онъ прямо подчиняется комитету рейхстага во всѣхъ вопросахъ, связанныхъ съ новымъ закономъ, который предсѣдатель рейхстага Кемпфъ объявилъ „самымъ крупнымъ и всеобъемлющимъ мѣропріятіемъ, когда-либо обсуждавшимся въ рейхс-

тагѣ". Генералъ Гренеръ быстро понялъ, что рейхстагъ усвоилъ его слова о значеніи „разумнаго" опредѣленія содержимаго „подъ плащемъ", и заключительную благодарственную рѣчь построилъ уже въ другихъ тонахъ. Онъ говорилъ о „тройственномъ союзѣ рейхстагскаго комитета, „Kriegsamt'a" и союзнаго совѣта", подъ соединеннымъ руководствомъ которыхъ централизація германскаго хозяйства и рабочая повинность должны принести ожидаемые плоды.

Рейхстагскій комитетъ имѣетъ право, между прочимъ, контролировать всѣ договоры о поставкахъ въ казну съ оружейными и прочими заводами и предпринимателями (рейхстагъ имѣетъ въ виду при этомъ контроль надъ дѣйствительностью мѣръ, какія будутъ приняты для ограниченія „военной прибыли"). Комитетъ имѣетъ право засѣдать во всякое время, даже когда рейхстагъ закрытъ. Въ составъ его рейхстагъ избралъ рядъ наиболѣе видныхъ своихъ дѣятелей. Отъ консерваторовъ двое: предсѣдатель фракціи графъ Вестарпъ и фабрикантъ Шиле. Отъ націоналистовъ одинъ: помѣщикъ ф. Вангенгеймъ. Отъ партіи центра трое: симпаризующій хозяевамъ предсѣдатель фракціи Шпанъ, симпатизирующій рабочимъ Греберъ и фабрикантъ Мюллеръ. Отъ націоналъ-либераловъ двое: предсѣдатель фракціи Бассерманнъ и президентъ „Ганзы" (обширный союзъ торгово-промышленныхъ дѣятелей) профессоръ Риссеръ. Отъ прогрессистовъ двое: симпатизирующій рабочимъ горный совѣтникъ Готгейнъ и фабрикантъ Карстенсъ. Отъ поляковъ одинъ: голосовавшій все время вмѣстѣ съ соц.-дем. деп. Зейда. Отъ „старой" фракціи с.-д. трое: предсѣдатель центральнаго комитета (Generalkomission) германскихъ свободныхъ профессіональныхъ союзовъ Легинъ, помощникъ предсѣдателя того же учрежденія Бауэръ и второй предсѣдатель германской с.-д. партіи Эбертъ. Отъ „новой" (противовоенной) фракціи с.-д. одинъ: депутатъ Диттманъ, доставившій Гельфериху особенно много непріятныхъ минутъ при обсужденіи законопроекта и одержавшій нѣсколько частныхъ успѣховъ. Послѣдніе четверо по происхожденію рабочіе. Вообще же въ комитетѣ нѣтъ устойчиваго большинства, потому особенно много зависитъ отъ поведенія рабочей массы на мѣстахъ, отъ давленія ея настроеній на рейхстагскій комитетъ, гораздо болѣе доступный воздѣйствію такого давленія, чѣмъ союзный совѣтъ или „Kriegsamt".

Послѣдней поправкой, какую внесли обѣ с.-д. фракціи, было ограниченіе срока дѣйствія закона семью мѣсяцами — до 1 іюля н. ст. 1917 г. Представители рабочихъ хотѣли имѣть возможность пересмотрѣть тогда законъ (если бы понадобилось продолжить его дѣйствіе) и на основаніи опыта предъявить соотвѣтственныя требованія. Но на это не пошли ни большинство рейхстага, ни правительство:

тѣ и другіе боялись, что послѣ полугодичнаго опыта закону могутъ отказать въ своихъ голосахъ и представители патріотическаго большинства пролетаріата, и не захотѣли рисковать перспективой созданія тогда очень плохаго впечатлѣнія въ арміи, въ странѣ и за границей. Вѣдь и теперь за законъ въ его окончательномъ видѣ послѣ третьяго чтенія изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи рейхстага 98 депутатовъ рабочей партіи только 57, немногимъ болѣе половины, голосовали за законопроектъ. Цѣлыхъ 41 высказались противъ, или прямо подавъ голосъ противъ (19) или демонстративно выйдя изъ зала засѣданія (15) или подавъ записки о воздержаніи (7). Дѣйствіе закона по § 18 оканчивается черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира со всѣми европейскими державами.

9. НѢМЕЦКАЯ ОЦѢНКА ЗАКОНА.

Приводить образцы патріотическаго паѳоса, разумѣется, не собираюсь. Трезвая оцѣнка генер. Гренера приведена выше, равно расчеты крупныхъ капиталистовъ и ожиданія аграріевъ относительно перелива силъ въ сельское хозяйство безъ того повышенія требованій сел.-хоз. рабочихъ, какого нужно было бы ожидать при свободѣ рабочаго рынка. Мнѣнія мелкихъ хозяевъ въ промышленности и торговли приближаются къ отрицательной оцѣнкѣ закона депутатами Гаазе, Диттманомъ, Ледебуромъ и другими. Мелкіе предприниматели опасаются, что въ рамкахъ новаго закона процессъ ихъ устраненія въ пользу крупныхъ пойдетъ семимильными шагами. Самъ Гельфферихъ проронилъ въ бюдж. комм. словечко, что законъ разсчитанъ, главнымъ образомъ, на крупныя предпріятія. Во многихъ „письмахъ въ редакціи“ вліятельныхъ газетъ мелкіе предприниматели доказывали, что никакой рабочей повинности для увеличенія производства снарядовъ не надо, что лишнихъ рабочихъ всегда можно привлечь туда повышеніемъ заработной платы (а не принудительнымъ переводомъ изъ мелкихъ или не военныхъ предпріятій), наконецъ, что, въ крайнемъ случаѣ, пусть введутъ повинность для тѣхъ, кто до сихъ поръ не работалъ, но не для наличныхъ рабочихъ. Все оказалось напраснымъ, по этимъ протестамъ слѣдуетъ приписать, что изъ всѣхъ депутатовъ всѣхъ бюргерскихъ партій, отъ консерваторовъ до поляковъ включительно, только 178 депутатовъ голосовали за законъ въ окончательномъ его видѣ послѣ третьяго чтенія, а цѣлыхъ 107 отсутствовали въ заключительной части засѣданія, въ томъ числѣ Карстенсъ, — небывалое количество отсутствующихъ при именномъ рѣшающемъ голосованіи по поводу столь исключительно важной мѣры! А такъ какъ

даже 57 голосовавшихъ за законъ с.-д. во главѣ съ Легиномъ и Шейдеманномъ сдѣлали это по ихъ собственному заявленію „скрѣпя сердце“, только изъ оппортюнизма, стремясь купить себѣ этимъ право легальнаго вліянія на практическое проведеніе въ жизнь рабочей повинности, — то можно, повидимому, утверждать, что новый законъ навязанъ германскому народному представительству противъ желанія его большинства. По основательному замѣчанію И. Н. Граната „большую роль здѣсь играетъ преднамѣренное стремленіе феодаловъ капитала и феодальныхъ земельныхъ собственниковъ использовать моментъ, чтобы все подчинить регламенту и указкѣ“. Именно — ихъ собственной указкѣ и регламенту въ ихъ интересахъ. Въ этихъ видахъ они и солидарная съ ними власть отчасти путемъ пренебреженія къ протестамъ сознательной части, отчасти путемъ „патріотическаго давленія“ на неразобравшіеся еще въ положеніи слои, продиктовали молчаливое подчиненіе имъ мелкой городской буржуазіи и пролетаріату, т. е. подавляющему большинству населенія Германіи. Мѣра, проведенная съ самаго начала при открытомъ или молчаливомъ протестѣ одной части и при подчиненіи „скрѣпя сердце“ другой части народныхъ массъ, при томъ несущая увеличеніе мощи и наживы и безъ того сильнымъ и немногочисленнымъ кругамъ, — такая мѣра не можетъ стать источникомъ „подъема національнаго духа“ и новаго возрожденія бургфридена, идеи національнаго единства Германіи. Наоборотъ, по мѣрѣ проведенія ея въ жизнь и реализаціи практическихъ ея послѣдствій для „маленькихъ людей“, съ самаго начала давшихъ согласіе скрѣпя сердце либо вовсе его не давшихъ, — новый законъ долженъ стать элементомъ разложенія „національнаго единства“ въ Германіи. Количество снарядовъ можетъ расти, но воля „выдерживать“, пока это будетъ угодно Гинденбургу и Круппу для осуществленія ихъ плановъ, эта воля будетъ падать, — а вопросы продолжительности войны рѣшаются нынѣ не снарядами, а стоящимъ за ними населеніемъ. Одинъ мелкобуржуазный націоналистъ характеризовалъ въ рейхстагѣ тенденціи закона замѣчаніемъ, что онъ руководствуется евангельскимъ принципомъ: имѣющему много будетъ дано больше, у имѣющаго мало будетъ отнято и это. Болѣе рѣзкій депутатъ Фогтгерръ (изъ фракціи Гаазе) заявилъ: „Если бы враги ворвались въ страну и вздумали рекрутировать для работъ населеніе, они придумали бы такой же законъ“. А Теодоръ Вольфъ, главный редакторъ прогрессивнаго „Berliner Tageblatt“, пишетъ по поводу закона о рабочей повинности: „Повидимому, Европа должна пережить самое горькое, уничтожить личную свободу своихъ гражданъ, превратиться во всеобщую казарму, выпить до дна чашу бѣдствій и разочаро-

ваній, раньше чѣмъ мы доживемъ до преобладанія желанія прекратить переживаемое время". И какъ крупный шагъ впередъ на пути испиванія чаши до дна, кончаетъ онъ свою передовицу, встрѣчаю я новый законъ.

Такимъ образомъ, не приходится ожидать отъ реформы воздѣйствія на умы нѣмецкаго народа въ смыслѣ повышенія воинственности и согласія на затягиванье конфликта. „Создаваемое закономъ для рабочихъ состояніе всеобщаго закрѣпощенія, сказалъ въ рейхстагѣ депутатъ Гаазе, обостряется еще сохраненіемъ системы наживы частныхъ предпринимателей отъ заводовъ и помѣстій, обслуживаемыхъ закрѣпощенными рабочими". Не мѣняютъ дѣла небольшія демократическія надстройки, къ тому же большею частью иллюзорныя, надъ крѣпостническою сущностью новаго закона: „для раба плохое утѣшеніе, если въ плети рабовладѣльца сдѣланы приспособленія, чтобы она рвала его тѣло не такъ жестоко. Скованный желаетъ сбросить оковы, а не сдѣлать ихъ только болѣе широкими". И какъ бы торопясь воспользоваться послѣдними днями свободы, — рабочіе отвѣтили замѣтнымъ увеличеніемъ количества стачекъ за послѣднюю недѣлю (въ нѣмецкихъ газетахъ отмѣченъ цѣлый рядъ на заводахъ Круппа, въ горномъ районѣ, въ приморскихъ городахъ — все удачныя для рабочихъ). Всѣ успѣвшія состояться въ Берлинѣ до утвержденія новаго закона собранія профессіональныхъ союзовъ высказались противъ него (металлисты, деревообдѣлочники, рабочіе по кожѣ и др.).

Но зато несомнѣнно другое психологическое дѣйствіе реформы. Она ярко освѣтила передъ германскимъ рабочимъ классомъ рѣшающее, исключительное значеніе его для жизни Германіи (вѣдь ген. Гренеръ даже войну объявилъ „рабочимъ вопросомъ" и вопросомъ рабочихъ силъ). Она показала осуществимость планомѣрной централизованной организаціи всего народнаго хозяйства и преимущества этой системы для увеличенія результатовъ производства. Она освоила массы съ мыслью о возможности провозгласить право на жизнь для всѣхъ членовъ общества подъ условіемъ согласія ихъ работать на пользу и по указаніямъ общественнаго цѣлаго, — согласно собственному пониманію этимъ цѣлымъ своихъ интересовъ или тому пониманію, какое оно позволяетъ себѣ навязывать. Патріотическій „Форвертсъ" рѣшается даже утверждать, будто эта мѣра, по его словамъ въ дѣйствительномъ своемъ содержаніи продиктованная и „изуродованная сочетаніемъ капиталистическихъ интересовъ съ недемократическимъ характеромъ государства" окажетъ своимъ примѣромъ впослѣдствіи содѣйствіе агитаціи за осуществленіе конечной цѣли германской рабочей пар-

тіи: „организовать трудъ не для великаго избіенія народовъ, но для свободной и лучшей ихъ жизни“ путемъ введенія перешедшаго въ собственность всего общества хозяйства (14 ноябр. н. ст.). Депутатъ Гаазе пришелъ въ своей рѣчи къ тому же выводу, но другимъ путемъ. Онъ говорилъ о концентраціи капитала, имѣющей усилиться подъ вліяніемъ новаго закона, — что признавали, впрочемъ, ораторы всѣхъ партій (Гельфферихъ и Гренеръ обѣщали стараться „по возможности“ щадить мелкія предпріятія и, во всякомъ случаѣ, „не ставить сразу всего вверхъ дномъ“). Гаазе говорилъ объ отвращеніи ко всякому диктаторству человѣка надъ человѣкомъ, какое должно вырасти на основѣ воскрешенія крѣпостническихъ отношеній въ Германіи при современномъ уровнѣ культуры. Онъ говорилъ о постановкѣ закономъ передъ всѣмъ населеніемъ безъ всякой маски вопроса о наличности какихъ-то основныхъ противорѣчій и несоотвѣтствій въ отношеніяхъ, при которыхъ „государственный секвестръ труда“ можетъ уживаться съ обращеніемъ его въ распоряженіе наживающихся въ свою пользу отдѣльныхъ владѣльцевъ средствъ производства и т. д. Онъ кончилъ обращеніемъ къ совокупности предпринимателей Германіи: „Вы думаете укрѣпить этимъ закономъ господство капитала, но въ дѣйствительности, въ концѣ концовъ, и этотъ законъ окажется лишь вѣхой на нашемъ пути“.

Быть можетъ, нѣкоторыя психологическія послѣдствія новаго закона, дѣйствительно, окажутся со временемъ полезными для пути депутата Гаазе. Но пока вся германская печать, — да и самъ Гаазе, — сходятся въ двухъ пунктахъ: 1) въ данный моментъ законъ означаетъ увеличеніе политической и экономической власти нынѣ господствующихъ въ Германіи классовъ и круговъ; 2) многія постановленія закона, разъ осуществившись, уже не смогутъ быть устранены изъ германской жизни. Къ послѣднимъ относятъ, между прочимъ, болѣе стройную организацію производства (недавно руководитель хлѣбной монополіи сказалъ, что ея оставленіе въ силѣ предрѣшено, во всякомъ случаѣ, на рядъ лѣтъ послѣ войны) и установленные теперь зачатки, такъ называемой, „внутрифабричной конституціи“ (рабочіе комитеты). Среди среднихъ и мелкихъ предпринимателей Германіи уже до войны были сторонники подобной мѣры (ср. корр. „Реформа учрежд. труда“).

Во всякомъ случаѣ Германія явила только что міру любопытный примѣръ, какъ все нараставшія измѣненія были сразу суммированы законодательнымъ актомъ въ измѣненіе общественнаго строя: основанный на вольнонаемномъ трудѣ частнохозяйственный капитализмъ уступаетъ мѣсто основанному на крѣпостной зависимости труда „организованному капи-

тализму". Хотя теперь законъ обѣщаетъ отмѣнить крѣпостную зависимость черезъ мѣсяцъ послѣ окончанія войны, но опасенія части печати о возможности измѣненія впослѣдствіи этого пункта закона не лишены основаній. Огромный наплывъ отпущенныхъ изъ арміи солдатъ побудитъ тогда германское правительство и германскихъ предпринимателей особенно дорожить „устойчивостью и порядкомъ" въ отношеніяхъ найма. Канцлеръ заявилъ 2 дек. н. ст., что разработка этихъ вопросовъ поручена не кому иному, какъ Гельфериху. Даже по окончаніи переходнаго періода отъ „военнаго" къ „мирному" хозяйству останется соблазнъ сохранить замѣну права стачекъ третейскими судами по образу нынѣшнихъ „увольнительныхъ комитетовъ", гдѣ хозяева и администрація имѣютъ перевѣсъ надъ рабочими и т. п. Чѣмъ бѣднѣе станетъ Германія, чѣмъ меньше окажется сохранившаяся въ ея распоряженіи совокупность производительныхъ силъ, чѣмъ болѣе вялой будетъ хозяйственная жизнь и ростъ спроса на рабочія руки, — тѣмъ больше будетъ вѣроятность попытокъ длительно удержать создаваемое теперь крѣпостническое приниженіе большинства нѣмецкаго населенія. Ждущая людей Америка съ радостью будетъ привѣтствовать бѣгущихъ съ родины отъ новаго крѣпостничества нѣмецкихъ рабочихъ, какъ съ пользой для себя она принимала когда-то ихъ дѣдовъ, если только нѣмецкіе рабочіе не смогутъ дать иного направленія внутреннему развитію своей страны.

Нѣмецкій опытъ пріобрѣтаетъ особый интересъ въ виду встрѣчаемыхъ имъ откликовъ за рубежомъ. Присоединяю поэтому краткую сводку ставшаго пока извѣстнымъ.

10. ПАРАЛЛЕЛИ ВЪ ДРУГИХЪ СТРАНАХЪ.

Первыя извѣстія о предстоящемъ введеніи въ Германіи всеобщей рабочей повинности появились въ англійской печати уже 2 ноября н. ст. (напр., въ „Daily Mail"), т. е. еще раньше опубликованія въ нѣмецкихъ газетахъ. Уже 7 ноября н. ст. манчестерскій „Guardian" сообщилъ о приступѣ къ соотвѣтственнымъ мѣропріятіямъ въ Англіи, затѣмъ появились подробности въ другихъ газетахъ („Шеффильдскій Телеграфъ", интервью секретаря союза рабочихъ по металлу, депутатъ Годжа, въ „Daily News" и т. д.) и былъ опубликованъ офиціальный „формуляръ". Отнынѣ въ Англіи устанавливается такой порядокъ. Какъ извѣстно, всѣ мужчины подлежатъ тамъ теперь воинской повинности, но мобилизованы понятно не всѣ, не мобилизовано еще даже половины. Но по закону правительство можетъ мобилизовать каждаго человѣка. Законъ даетъ

право судамъ освобождать съ согласія администраціи призываемыхъ отъ исполненія воинской повинности въ случаѣ согласія ихъ исполнять какую-либо работу по указанію администраціи. При обсужденіи закона о введеніи воинской повинности въ парламентѣ Асквитъ обѣщалъ профессіональнымъ союзамъ, что приведенное постановленіе, могущее, по его словамъ, оказаться полезнымъ въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ, не будетъ использовано для созданія для мужчинъ всеобщей принудительной рабочей повинности. Нынѣ правительство заявило, что измѣнившіяся обстоятельства побуждаютъ его измѣнить практику. Правда, лицъ, не привыкшихъ къ физическому труду, англійскія власти въ отличіе отъ германскихъ не предполагаютъ пока подвергать принужденію. Но по отношенію къ рабочимъ, какъ вообще не призваннымъ, такъ и призывающимся, но признаваемымъ негодными для арміи, предписана особая мѣра, объемъ примѣненія которой на практикѣ правительство предоставляетъ своему усмотрѣнію въ зависимости отъ соображеній своихъ о благѣ страны и желательномъ распредѣленіи рабочихъ силъ въ производствѣ. Именно, каждому рабочему можетъ быть предписано подписать добровольно приводимый ниже „формуляръ“ съ предупрежденіемъ его, что при отказѣ онъ будетъ немедленно мобилизованъ и отправленъ въ армію, хотя бы медицинское освидѣтельствованіе признало его негоднымъ для военной службы. „Формуляръ“ заключается въ письменномъ обязательствѣ рабочаго работать отнынѣ тамъ, такъ и столько, гдѣ, какъ и сколько прикажетъ военный министръ, — какъ на казенныхъ заводахъ, такъ и въ частныхъ предпріятіяхъ всякаго рода, включая сельское хозяйство. При этомъ „формуляръ“ гарантируетъ рабочему плату въ 7 пенсовъ въ часъ (28 коп. по мирному курсу), особую прибавку въ случаѣ, если у него имѣется не менѣе четырехъ малолѣтнихъ дѣтей, сверхъ того безплатный проѣздъ на мѣсто работы, если приходится ѣздить туда поѣздомъ, и 30 пенсовъ въ день (1 р. 20 к.), если указанное ему мѣсто работы находится такъ далеко, что приходится жить „на два дома“. При обычномъ въ Англіи до войны девятичасовомъ рабочемъ днѣ и при отсутствіи чрезмѣрнаго изобилія малолѣтнихъ дѣтей рабочій долженъ получать, такимъ образомъ, $2^1/_2$ руб. въ день (считая по мирному курсу). Для Англіи это величина совсѣмъ скромная — очевидно, при опредѣленіи вознагражденія подчиненнымъ принудительности рабочимъ („формулярнымъ“) правительство руководствовалось мыслью, высказанной недавно Ллойдъ-Джорджемъ: желательно ограничить ростъ и величину заработной платы, чтобы населеніе не уклонялось отъ труда, будучи въ силахъ удовлетворять свои потребности безъ напряженія всѣхъ своихъ силъ въ теченіе всего мѣсяца.

Во Франціи, какъ сообщила англ. газета „Daily Express", уже 17 ноябр. н. ст. состоялась конференція по вопросу, чѣмъ отвѣтить на нѣмецкую „рабочую повинность, — съ участіемъ Бріана, Тома и др. А 23 ноябр. н. ст. появилось уже офиціальное сообщеніе о циркулярахъ, разосланныхъ по рѣшенію совѣта министровъ всѣмъ префектамъ (губернаторамъ) министромъ внутр. дѣлъ Мальви. Именно Мальви предписалъ пока двѣ мѣры. Прежде всего прекратить выдачу пособій всѣмъ лицамъ (въ томъ числѣ женамъ солдатъ и безработнымъ), которыя будутъ отказываться отъ предлагаемой имъ наемной работы безъ исключительно-важныхъ оправдывающихъ ихъ обстоятельствъ (напр., физическое калѣчество). Во-вторыхъ, префекты должны обратиться съ приглашеніемъ къ пенсіонированнымъ чиновникамъ „и другимъ подходящимъ гражданамъ предложить свои услуги для платной работы въ канцеляріяхъ, бюро, конторахъ и т. п. учрежденіяхъ предпріятій, работающихъ на оборону и подобныхъ имъ по важности.

Въ Италіи въ офиціальномъ органѣ опубликованъ 25 нояб. н. ст. правительственный декретъ, предписывающій введеніе принудительности труда въ предпріятіяхъ военной промышленности и въ разныхъ другихъ отрасляхъ производства, признаваемыхъ правительствомъ достойными этого проявленія заботливости. Слѣдовательно, въ Италіи, какъ въ Англіи и Франціи, принудительная повинность введена только для всѣхъ или извѣстныхъ слоевъ уже наличныхъ рабочихъ, безъ распространенія ея на мужчинъ, не принадлежащихъ къ рабочему классу. Отчасти поэтому, вѣроятно, во всѣхъ трехъ названныхъ странахъ перечисленныя мѣры проведены простыми административными распоряженіями въ порядкѣ верховнаго управленія, а не путемъ изданія парламентомъ особаго закона, какъ въ Германіи.

Затѣмъ, какъ упомянуто, обязательная рабочая повинность введена нѣмцами для безработныхъ въ Бельгіи и Польшѣ. Въ рейхстагѣ вицѣ-канцлеръ заявилъ, что послѣ утвержденія рейхстагомъ закона о рабочей повинности для Германіи — подобный же законъ будетъ изданъ для всего мужского населенія Польши, а не только для безработныхъ. Въ засѣданіи 29 ноябр. н. ст. депутатъ Фогтгерръ (изъ фракціи Гаазе), заявилъ, что въ Литвѣ оккупаціонныя власти уже ввели только что обязательную повинность для всѣхъ мужчинъ отъ 17 до 60 лѣтъ, но съ однимъ интереснымъ дополненіемъ. Фогтгерръ прочелъ это дополненіе изъ объявленія виленскаго коменданта: „богатые жители, непривыкшіе къ физической работѣ, освобождаются отъ рабочей повинности на шесть мѣсяцевъ, если внесутъ по шестьсотъ марокъ въ кассу виленскаго

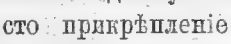
императорскаго германскаго градоначальства“ (здѣсь стенографическій отчетъ отмѣчаетъ возгласы „пфуй“ со скамей группы Гаазе).

Наконецъ, правительство сообщило рейхстагу, что оно уже раньше стало вести переговоры съ союзными государствами о возможности введенія тамъ общей рабочей повинности. Пока извѣстно только объ одной, можетъ быть подготовительной мѣрѣ Турціи. Именно, Турція отмѣнила нѣсколько времени назадъ разрѣшеніе откупаться за деньги отъ воинской повинности (послѣ того, какъ за долгій промежутокъ войны успѣла собрать выкупъ со всѣхъ, кто не желалъ служить въ арміи лично или подвергаться риску попасть въ одну изъ постоянно повторяющихся дополнительныхъ мобилизацій). Тѣмъ самымъ турецкое правительство впервые получило возможность въ случаѣ надобности неограниченно располагать всѣми мужчинами страны. Эту „европеизацію“ Турціи нѣмецкая печать приписываетъ вліянію совѣтовъ германскаго правительства.

Обсуждается и, повидимому, обезпечено введеніе рабочей повинности также въ Исландіи, получившей недавно полную государственную автономію. Но здѣсь это имѣетъ мѣсто не для военныхъ цѣлей, въ Исландіи вообще нѣтъ арміи. Рабочая повинность вводится здѣсь для работъ по проведенію дорогъ, сооруженію построекъ и подобныхъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію матеріальной обстановки жизни и подъему общаго благосостоянія. Не должно имѣть также мѣсто прикрѣпленіе всего работоспособнаго населенія, да еще у частныхъ предпринимателей. Въ Исландіи просто всѣ молодые люди по достиженіи предусмотрѣннаго возраста должны будутъ извѣстный срокъ отбывать государственную рабочую повинность, работая за государственный счетъ въ разныхъ государственныхъ предпріятіяхъ и сооруженіяхъ (постройка желѣзныхъ дорогъ и т. д.). Исландія оказывается первой страной, которая собирается опытъ воюющей Европы учесть для мирныхъ цѣлей, при томъ на основѣ гораздо болѣе демократической постановки дѣла, не могущей быть отнесенной къ „модернизованному крѣпостничеству“.

Стокгольмъ,
8 декабря н. ст. 1916.

М. Лурье.



ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Мирное выступленіе Германіи. — Дипломатическія ноты о мирѣ и ихъ значеніе. — Противоположныя точки зрѣнія обѣихъ воюющихъ сторонъ. — Министерскія перемѣны въ Англіи и Франціи. — Вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ. — Нота президента Вильсона. — Вопросъ о войнѣ и мирѣ.

Не успѣлъ еще улечься шумъ, поднятый австро-германскими актами о возстановленіи Польскаго королевства, какъ совершилось другое, еще болѣе сенсаціонное и неожиданное событіе — выступленіе Германіи съ офиціальнымъ предложеніемъ начать переговоры о мирѣ. Этотъ смѣлый шагъ, сдѣланный вслѣдъ за разгромомъ Румыніи и паденіемъ Букареста, былъ разсчитанъ, повидимому, не на достиженіе непосредственнаго практическаго результата, а на эффектъ иного рода. Народы центральныхъ имперій и союзныхъ съ ними государствъ должны были воспрянуть духомъ при радостномъ извѣстіи о возможномъ мирѣ послѣ блестящаго завершенія военныхъ операцій на Балканскомъ полуостровѣ; ихъ дѣйствующія арміи приняли эту благодатную вѣсть съ понятнымъ восторгомъ, и Германія являлась передъ всѣмъ міромъ въ роли не только побѣдоносной, но и великодушной миролюбивой державы. Германское правительство отлично понимало, что противники не могутъ согласиться на миръ при данномъ положеніи дѣлъ на театрахъ войны, ибо для этого они должны были бы признать себя побѣжденными, а неизбѣжный отрицательный отвѣтъ перенесъ бы на нихъ отвѣтственность за продолженіе страшнаго кровопролитія, вызвалъ бы новый воинственный порывъ со стороны германцевъ и возбудилъ бы неудовольствіе нейтральныхъ странъ, которыя также сильно заинтересованы въ возстановленіи мира. Общее сочувствіе выпало бы на долю Германіи, и ей достанутся всѣ выгоды предпринятаго шага. Расчетъ былъ вѣренъ, и, дѣйствительно, германскій актъ мнимаго миролюбія произвелъ огромное впечатлѣніе во всемъ культурномъ мірѣ.

Сообщая о рѣшеніи правительства въ засѣданіи парламента 29 ноября (12 декабря), канцлеръ Бетманъ-Гольвегъ съ паѳосомъ

говорилъ о доказанной на опытѣ несокрушимости германскаго могущества, объ одержанныхъ нѣмцами побѣдахъ подъ руководствомъ „геніальнаго“ Гинденбурга, объ имѣющихся еще неисчерпаемыхъ ресурсахъ и объ обезпеченномъ снабженіи арміи всѣмъ необходимымъ. „Тѣмъ не менѣе, — продолжалъ онъ, — Германія протягиваетъ руку мира изъ человѣколюбія и въ интересахъ цивилизаціи“. Прочитавъ затѣмъ текстъ ноты, переданной отъ имени четверного союза представителямъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Испаніи и Швейцаріи, для врученія правительствамъ державъ согласія, канцлеръ закончилъ свое сообщеніе словами: „Богъ насъ разсудитъ, мы же безстрашно и прямо пойдемъ по нашему пути, готовые на войну и на миръ“.

„Самая ужасная изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи войнъ, — гласитъ эта дипломатическая нота, — опустошаетъ уже болѣе двухъ съ половиною лѣтъ большую часть Европы. Эта катастрофа, которую не могли предупредить узы общей цивилизаціи, насчитывающей болѣе тысячи лѣтъ существованія, наноситъ ударъ человѣчеству въ его наиболѣе драгоцѣнномъ наслѣдіи. Она угрожаетъ похоронить подъ своими развалинами моральный и матеріальный прогрессъ, которымъ Европа гордилась на зарѣ XX вѣка.

„Въ этой борьбѣ Германія и ея союзники, Австро-Венгрія, Болгарія и Турція дали доказательства своей непреодолимой силы, одержавъ значительные успѣхи надъ болѣе многочисленными и лучше снабженными военнымъ снаряженіемъ противниками. Ихъ непреодолимыя боевыя линіи сопротивляются непрерывнымъ атакамъ непріятельскихъ армій.

„Недавняя диверсія, произведенная на Балканахъ, была быстро побѣдоноснымъ образомъ ликвидирована. Послѣднія событія доказываютъ, что дальнѣйшее продленіе войны не можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ сокрушеніе силы ихъ сопротивленія. Общее положеніе скорѣе позволяетъ имъ надѣяться на новые успѣхи.

„Четыре союзныя державы были вынуждены взяться за оружіе для защиты своего существованія, свободы и національнаго развитія. Подвиги ихъ армій ничего не измѣнили въ этомъ отношеніи. Ни разу онѣ не уклонились отъ того убѣжденія, что уваженіе къ правамъ другихъ націй не находится ни въ какомъ противорѣчіи съ ихъ собственными законными правами и интересами. Онѣ не желаютъ раздавить или уничтожить своихъ противниковъ.

„Увѣренныя въ своей военной и экономической силѣ и готовыя, если это окажется необходимымъ, продолжать до конца навязанную имъ борьбу, но одновременно съ этимъ одушевленныя желаніемъ прекратить кровопролитіе и положить конецъ ужасамъ войны, четыре союзныя державы предлагаютъ немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ. Онѣ убѣждены, что предложенія, которыя ими будутъ сдѣланы и которыя будутъ имѣть цѣлью обезпеченіе существованія, чести и свободнаго развитія ихъ народовъ, окажутся пригодными для того, чтобы послужить основой для возстановленія прочнаго мира.

„Если, несмотря на это предложеніе мира и примиренія, борьбѣ суждено будетъ продлиться, то четыре союзныя державы твердо намѣрены довести ее до побѣдоноснаго конца, торжественно отклонивъ всякую отвѣтственность передъ человѣчествомъ и исторіей".

Одновременно съ передачей этой ноты представителямъ трехъ нейтральныхъ державъ, взявшихъ на себя защиту интересовъ подданныхъ государствъ четверного союза въ предѣлахъ враждебныхъ странъ, германское правительство сообщило ее также римскому папѣ Бенедикту XV, вмѣстѣ со слѣдующимъ офиціальнымъ разъясненіемъ:

„Причины, побудившія Германію и ея союзниковъ предпринять этотъ шагъ, извѣстны всѣмъ. Уже въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ война опустошаетъ европейскій континентъ, уничтожаетъ безконечное количество культурныхъ цѣнностей, насыщаетъ кровью широкія пространства земли. Она поглотила жизнь милліоновъ храбрыхъ борцовъ, другіе милліоны ихъ возвращаются на родину инвалидами. Горе и трауръ наполняютъ почти каждый домъ. Уничтожающія послѣдствія тяжелой борьбы народовъ ложатся всей своей тяжестью не только на воюющихъ, но и на нейтральныхъ.

„Торговля и промышленность, съ большимъ трудомъ развитыя въ мирные годы, теперь въ упадкѣ. Лучшія національныя творческія силы оторваны отъ полезной работы, и Европа, которая раньше посвящала себя распространенію религіи, культуры и рѣшенію соціальныхъ проблемъ, а равно являлась лабораторіей для развитія наукъ, искусствъ и всякой мирной работы, теперь походитъ на огромный военный лагерь, въ которомъ достиженія многихъ десятилѣтій обречены на уничтоженіе".

„Германія ведетъ оборонительную войну противъ уничтожающей дѣятельности ея противника. Она борется за реальное обезпеченіе своихъ границъ, за свободу своего народа, за его желаніе имѣть возможность свободно развивать на равныхъ со всѣми этими государствами правахъ свои культурныя и экономическія силы въ мирной съ ними конкуренціи.

„Противники Германіи все съ большей и большей откровенностью обнаруживали свои завоевательные планы; однако, непоколебимой стѣной стоятъ арміи союзныхъ державъ, обороняя границы своихъ отечествъ и исполненныя сознанія того, что противникамъ никогда не удастся пробить брешь въ этой стальной стѣнѣ.

„Борющіеся чувствуютъ, что ихъ поддерживаетъ весь народъ въ своемъ патріотическомъ самопожертвованіи, исполненный рѣшимости отстаивать до послѣдней крайности свои культурныя и экономическія блага, свою соціальную организацію и каждую пядь отечественной территоріи.

„Исполненная сознанія своей силы, но вполнѣ понимая также, какая мрачная будущность ждетъ Европу въ случаѣ дальнѣйшаго продленія войны, исполненная чувства состраданія къ безпредѣльному несчастью и невѣроятной скорби, переживаемымъ человѣчествомъ, Германія, въ согласіи съ своими союзниками, повторяетъ въ торжественной формѣ уже сдѣланное годъ тому назадъ устами

канцлера заявленіе о готовности возвратить миръ человѣчеству, ставя міру вопросъ о томъ, не представляется ли возможнымъ найти основы для соглашенія.

„Папа съ самаго начала своего понтификата проявлялъ самую широкую заботливость по отношенію къ безчисленнымъ жертвамъ этой войны. Тяжелыя раны были, благодаря ему, залѣчены, и была облегчена судьба многихъ тысячъ людей, пострадавшихъ отъ военной катастрофы. Папа пользовался, въ духѣ своего высокаго сана, также каждымъ случаемъ, чтобы воздѣйствовать въ интересахъ страждущаго человѣчества на скорѣйшее окончаніе кровавой борьбы. Германское правительство считаетъ себя въ правѣ надѣяться на то, что иниціатива, исходящая отъ державъ четверного союза, встрѣтитъ доброжелательное отношеніе со стороны папы, и что ихъ усилія въ пользу мира получатъ возможность опереться на драгоцѣнную поддержку святѣйшаго престола“.

Съ своей стороны, и правительство Австро-Венгріи обратилось къ папѣ съ нотою, въ которой выражено ходатайство о проявленіи активнаго участія св. престола въ мирномъ выступленіи центральныхъ имперій; сверхъ того оно опубликовало офиціальное сообщеніе о мотивахъ предпринятаго шага, составленное еще въ болѣе горделивомъ и надменномъ тонѣ, чѣмъ германское.

„Когда лѣтомъ 1914 г., — говорится въ этомъ сообщеніи, — долготерпѣніе въ Австро-Венгріи передъ рядомъ планомѣрныхъ и все усиливавшихся вызововъ и угрозъ по ея адресу истощилось, и монархія послѣ почти 50-лѣтняго періода непрерывнаго мира была вынуждена обнажить мечъ, то въ этомъ рѣшеніи не играли никакой роли ни агрессивные, ни завоевательные планы, а исключительно тяжкая необходимость самообороны, дабы защитить ея достояніе въ будущемъ отъ подобныхъ коварныхъ нападеній враждебныхъ сосѣдей. Вотъ къ чему сводилась задача и цѣль монархіи въ настоящей войнѣ.

„Въ единеніи съ ея вѣрными и испытанными союзниками австро-венгерскія войска и флотъ сражались, истекали кровью, но и продвигались впередъ, имѣя за собой рядъ успѣховъ и разбивая намѣренія противника. Четверной союзъ одержалъ не только неисчислимый рядъ побѣдъ, но еще и держитъ въ своихъ рукахъ обширныя пространства непріятельской территоріи. Не сокрушена еще его сила, которую почувствовалъ лишь недавно послѣдній вѣроломный противникъ, и непреодолимъ духъ сопротивленія его населенія.

„Противники не имѣютъ никакой возможности надѣяться на побѣду надъ этимъ союзомъ державъ и на возможность его разрушенія. Никогда не удастся имъ путемъ блокады и голода обезсилить эти державы. Цѣли, которыя себѣ поставилъ противникъ и къ которымъ онъ не приблизился на третій годъ войны, окажутся вполнѣ недостижимыми и въ дальнѣйшемъ. Поэтому продленіе борьбы представляется безцѣльнымъ и тщетнымъ для противника.

„Наоборотъ, четверной союзъ съ успѣхомъ стремился къ на-

мѣченнымъ имъ цѣлямъ, а именно, къ оборонѣ отъ давно задуманнаго и подготовлявшагося нападенія на его достояніе и на его неприкосновенность, а также къ полученію реальныхъ гарантій противъ повторенія подобныхъ угрозъ его существованію и его мирному развитію. Онъ никогда не дастъ себя сдвинуть съ почвы обезпеченнаго достигнутыми преимуществами существованія. Продленіе кровопролитной войны, въ теченіе которой противнику удастся еще совершить многочисленныя разрушенія, но не удастся измѣнить судебъ міра, по твердому убѣжденію участниковъ четверного союза, все болѣе представляется безцѣльнымъ истребленіемъ человѣческихъ жизней и человѣческихъ благъ, а также ничѣмъ не оправдываемою безчеловѣчностью и преступленіемъ противъ цивилизаціи.

„Это убѣжденіе, а равно надежда, что подобный же взглядъ возьметъ верхъ и въ лагерѣ противниковъ, укрѣпились у вѣнскаго кабинета, и въ полномъ согласіи со своими союзниками австро-венгерское правительство рѣшило сдѣлать лойяльную попытку начать переговоры съ противниками въ цѣляхъ подготовленія будущаго мира“.

„Австро-Венгрія и ея союзники, предпринимая свой шагъ, дали новое доказательство своего миролюбія. Теперь очередь за противниками обнаружить передъ глазами всего человѣчества свои истинныя намѣренія. Четверной же союзъ, каковъ бы ни былъ результатъ его предложенія, даже если ему придется продолжать навязанную войну, не будетъ нести отвѣтственности передъ судомъ своихъ народовъ“.

Неожиданное формальное предложеніе мира со стороны Германіи было встрѣчено общественнымъ мнѣніемъ союзныхъ странъ съ крайнимъ удивленіемъ и недовѣріемъ. Слова о человѣколюбіи, о вѣковыхъ узахъ цивилизаціи, объ „уваженіи къ правамъ чужихъ націй“, звучали невыносимою фальшью въ устахъ людей, поставившихъ на своемъ знамени грубое отрицаніе самыхъ элементарныхъ началъ международнаго права и гуманности, — людей, возводившихъ въ систему небывалыя по безсмысленной жестокости формы морского пиратства и обращавшихся съ мирнымъ населеніемъ занятыхъ непріятельскихъ областей какъ съ массами безправныхъ рабовъ. Въ нотѣ четверного союза говорится о „непреодолимой мощи“ и „неисчислимомъ рядѣ побѣдъ“ не только Германіи и Австро-Венгріи, но и Болгаріи и Турціи, и вся исторія войны представлена въ совершенно искаженномъ видѣ: войну будто бы навязали этимъ государствамъ; они вынуждены были взяться за мечъ для защиты своего существованія и должны были поневолѣ напасть на Сербію и Бельгію, чтобы обезпечить себя отъ ихъ нападеній и угрозъ. Они предлагаютъ миръ, какъ побѣдители, противъ которыхъ безполезна дальнѣйшая борьба, и этотъ высокомѣрный тонъ всего менѣе могъ свидѣтельствовать объ искренности миролюбивыхъ намѣреній Германіи. Содержаніе ноты и сопровождающихъ ее офиціальныхъ разъ-

ясненій должно было возбудить раздраженіе противниковъ, а не способствовать примиренію съ ними.

Въ сущности, составители ноты стоятъ всецѣло на той точкѣ зрѣнія, что всѣ достигнутые ими успѣхи имѣютъ окончательный характеръ и ни въ чемъ уже не могутъ быть измѣнены или ослаблены, и что противникамъ остается лишь разъ навсегда примириться съ этимъ непріятнымъ для нихъ фактомъ. Германія, Австро-Венгрія и Болгарія вполнѣ довольны своими пріобрѣтеніями и не имѣютъ уже ни повода, ни желанія продолжать войну; имъ дали „захлебнуться пространствомъ", по выраженію одного изъ военныхъ обозрѣвателей, и онѣ готовы закрѣпить за собою занятыя ими территоріи, снабжающія ихъ всевозможными средствами и продуктами; онѣ сдѣлаютъ, конечно, кое-какія уступки, но даромъ онѣ ничего не отдадутъ изъ захваченныхъ ими земель. Въ австрійскомъ сообщеніи прямо сказано, что четверной союзъ „никогда не дастъ себя сдвинуть съ почвы обезпеченнаго достигнутыми результатами существованія" и въ то же время разсчитываетъ еще получить какія-то гарантіи относительно будущаго. Условія желательнаго для Германіи мира заранѣе хорошо извѣстны, — по крайней мѣрѣ приблизительно, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія предполагать, что она добровольно откажется отъ существенныхъ выгодъ своего „побѣдоноснаго" положенія, которое очень высоко оцѣнивается ея общественнымъ мнѣніемъ. Было бы величайшей наивностью думать, что германскіе правители могли бы, вопреки господствующему настроенію нѣмецкаго народа, поразить міръ своимъ великодушіемъ и выпустить изъ рукъ какую-либо часть доставшейся имъ добычи безъ соотвѣтственныхъ компенсацій.

Съ другой стороны, для державъ согласія, не имѣющихъ еще возможности вытѣснить противниковъ изъ предѣловъ своихъ и союзныхъ территорій, психологически немыслимо принять германское предложеніе закончить войну торжественнымъ признаніемъ своей неудачи. Въ противоположность нѣмцамъ, союзники считаютъ всѣ успѣхи и завоеванія ихъ только временными, — хотя, конечно, и самая война есть только временное явленіе и не можетъ продолжаться безконечно. Само собою разумѣется, что вѣра въ будущее нисколько не оправдываетъ пренебреженія настоящимъ, какъ временнымъ, ибо по обычному ходу вещей будущее вытекаетъ изъ настоящаго и подготовляется имъ. Чтобы подготовить, наконецъ, это будущее, правительства Англіи и Франціи предприняли нѣкоторыя преобразованія въ своемъ составѣ и организаціи, съ цѣлью внести больше энергіи и цѣлесообразности въ руководство военными дѣйствіями.

Ллойдъ-Джорджъ убѣдился на опытѣ, что вопросы военнаго харак-

тера не могутъ быть съ пользою обсуждаемы въ обычномъ, сравнительно многочисленномъ составѣ кабинета; онъ предложилъ поэтому для болѣе успѣшнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣлъ этой категоріи образовать среди членовъ правительства особый военный комитетъ изъ пяти-шести министровъ, безъ обязательнаго участія премьера, обремененнаго чрезмѣрной массою всякаго рода парламентскихъ и правительственныхъ заботъ. Асквитъ одобрилъ въ принципѣ проектъ военнаго министра, но нашелъ необходимымъ сохранить за премьеромъ право предсѣдательствовать въ предположенномъ, болѣе тѣсномъ министерскомъ совѣтѣ; на этой почвѣ произошло разногласіе, которое привело къ кабинетному кризису. Ллойдъ-Джорджъ подалъ въ отставку, а такъ какъ онъ признается всѣми совершенно незамѣнимымъ для воюющей Англіи человѣкомъ и его сторону приняли уніонистскіе члены кабинета, съ Бонаромъ Лоу во главѣ, то самъ Асквитъ долженъ былъ удалиться со сцены. Во главѣ правительства становится Ллойдъ-Джорджъ, безспорно самый выдающійся изъ современныхъ британскихъ политическихъ дѣятелей, даровитый и предпріимчивый организаторъ, пользующійся общимъ довѣріемъ страны и громадною популярностью въ народѣ. Онъ гораздо ближе стоитъ къ демократіи, чѣмъ корректнѣйшій Асквитъ, талантливый и изящный юристъ-діалектикъ, безукоризненно, съ замѣчательнымъ самообладаніемъ и искусствомъ, управлявшій судьбами Англіи въ теченіе девяти лѣтъ (съ янв. 1908 г.). Новый премьеръ привлекъ въ свое министерство нѣсколькихъ крупныхъ представителей дѣлового міра промышленниковъ-аристократовъ, безкорыстно работавшихъ на оборону, старыхъ опытныхъ администраторовъ, въ родѣ лордовъ Керзона и Мильнера, и трехъ представителей трудовой или рабочей партіи; заслуженный товарищъ Асквита по кабинету, лордъ Эдуардъ Грей, уступилъ мѣсто Бальфуру, котораго замѣнилъ въ должности морского министра болѣе энергичный, воинственный по темпераменту сэръ Эдуардъ Карсонъ. Роль лидера большинства въ палатѣ общинъ, вмѣстѣ съ должностью канцлера казначейства, переходитъ къ Бонару Лоу, а премьеръ оставляетъ за собою предсѣдательство въ маломъ кабинетѣ, который долженъ засѣдать ежедневно и при постоянномъ участіи начальника генеральнаго штаба и представителя морского вѣдомства. Самой яркою фигурою, заслоняющею всѣхъ другихъ членовъ кабинета, является Ллойдъ-Джорджъ, съ личностью котораго связываются главныя надежды на дѣйствительное подготовленіе необходимыхъ условій для достиженія будущей конечной побѣды. Однородныя, хотя и гораздо менѣе значительныя перемѣны произошли и въ составѣ французскаго правительства, гдѣ министромъ-президентомъ остается попрежнему Аристидъ Бріанъ. Оба пре-

образованныхъ кабинета — англійскій и французскій — окончательно организовались наканунѣ мирнаго выступленія Германіи, а десятью днями раньше прочитана была въ нашей Государственной Думѣ правительственная декларація, возвѣщавшая рѣшимость Россіи воевать до побѣднаго конца, — такъ что Германія знала уже заранѣе, какой пріемъ ожидаетъ ея предложеніе въ союзныхъ странахъ.

Правительства державъ согласія стали поочередно высказываться противъ двусмысленнаго германскаго приглашенія. Прежде всего откликнулся Бріанъ въ своей рѣчи, произнесенной 30 ноября въ палатѣ депутатовъ; за нимъ послѣдовалъ новый русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, выступавшій съ своей декларацією въ Государственной Думѣ, 2 декабря; въ томъ же духѣ говорили 6 декабря Ллойдъ-Джорджъ и баронъ Соннино въ британскомъ и итальянскомъ парламентахъ. Общественное мнѣніе значительной части Европы отнеслось къ германскому призыву безусловно отрицательно, какъ къ акту, лишенному серьезнаго практическаго значенія и способному лишь вызвать смуту въ умахъ; но дѣло получило совершенно новый оборотъ, когда къ выступленію Германіи присоединилось самостоятельное офиціальное выступленіе президента Соединенныхъ Штатовъ, Вильсона. Глава великой американской республики обратился къ воюющимъ державамъ съ обстоятельною нотою, въ которой краснорѣчиво убѣждаетъ обѣ стороны согласиться на предварительное обсужденіе возможныхъ условій мира. Нота адресована министромъ иностраннымъ дѣлъ Лансингомъ на имя соотвѣтственныхъ правительствъ „по порученію“ президента Вильсона. Въ виду важности этого историческаго документа, приводимъ текстъ его безъ всякихъ сокращеній:

„Президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ поручилъ мнѣ предложить (слѣдуетъ названіе соотвѣтствующаго правительства) планъ дѣйствій по отношенію къ настоящей войнѣ, который, какъ онъ надѣется, правительство приметъ во вниманіе, такъ какъ это предложеніе дѣлается самымъ дружескимъ образомъ и исходитъ не только отъ друга, но также и отъ представителя нейтральной націи, интересы которой въ высшей степени серьезно затронуты войной, и желаніе которой видѣть наискорѣйшее окончаніе этой войны вытекаетъ изъ явной необходимости установить гарантіи для обезпеченія этихъ интересовъ на случай продолженія войны“.

Здѣсь текстъ измѣняется, и въ нотахъ, переданныхъ центральнымъ державамъ, слѣдующій отдѣлъ гласитъ:

„Предложеніе, которое я уполномоченъ сдѣлать, президентъ имѣлъ въ виду уже давно, и онъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что дѣлаетъ его въ настоящее необычайное время, такъ какъ оно можетъ показаться вызваннымъ желаніемъ сыграть извѣстную роль въ связи съ недавними предложеніями центральныхъ державъ.

„Въ дѣйствительности же эта нота своимъ возникновеніемъ нисколько не обязана предложенію центральныхъ державъ, и президентъ отложилъ бы дѣлаемое имъ предложеніе до полученія, независимо отъ его предложенія, отвѣта державъ согласія, но дѣло въ томъ, что его предложеніе затрогиваетъ также вопросъ о мирѣ и можетъ быть разсмотрѣно въ связи съ другими предложеніями, преслѣдующими ту же цѣль.

„Президентъ поэтому можетъ лишь просить отнестись къ его предложенію какъ къ вполнѣ самостоятельному и такъ, какъ если бы оно было сдѣлано при другихъ обстоятельстахъ".

Въ нотѣ къ державамъ согласія этотъ отдѣлъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Предложеніе, которое я уполномоченъ сдѣлать, президентъ имѣлъ уже давно въ виду, и онъ нѣсколько смущенъ тѣмъ, что дѣлаетъ его въ настоящее необычайное время, такъ какъ оно можетъ показаться сдѣланнымъ подъ вліяніемъ недавнихъ предложеній центральныхъ державъ. Въ дѣйствительности же эта нота ни въ какомъ отношеніи не обязана своимъ возникновеніемъ этимъ предложеніямъ, и президентъ отложилъ бы ея представленіе, пока не будетъ данъ отвѣтъ на предложенія центральныхъ державъ, но такъ какъ его предложеніе также касается вопроса о мирѣ, оно можетъ быть разсматриваемо въ связи съ другими предложеніями, которыя имѣютъ въ виду ту же цѣль. Президентъ только проситъ, чтобы его предложеніе разсматривалось совершенно самостоятельно, какъ если бы оно было сдѣлано при другихъ обстоятельствахъ".

Далѣе текстъ всѣхъ нотъ тождественъ:

„Президентъ предлагаетъ найти случай, чтобы узнать отъ воюющихъ націй о тѣхъ условіяхъ, на которыхъ, по ихъ мнѣнію, можетъ быть закончена война, и о тѣхъ соглашеніяхъ, которыя были бы признаны удовлетворительной гарантіей противъ возникновенія или возбужденія подобнаго конфликта въ будущемъ, дабы всесторонне сравнить ихъ. Президентъ относится совершенно безразлично къ тѣмъ средствамъ, съ помощью которыхъ можетъ быть осуществлена эта цѣль, но онъ былъ бы счастливъ, если бы могъ содѣйствовать или хотя бы сдѣлать починъ для достиженія этой цѣли любымъ способомъ, который можетъ оказаться пріемлемымъ. Онъ не имѣетъ въ виду опредѣлить методы или средства. Для достиженія великой цѣли, къ которой онъ стремится, всѣ способы одинаково пріемлемы для него, и онъ позволяетъ себѣ обратить вниманіе на тотъ фактъ, что цѣли, къ которымъ государственные дѣятели обѣихъ воюющихъ сторонъ стремятся въ этой войнѣ, по существу одинаковы, на что въ общихъ чертахъ и указывалось ими ихъ народамъ и всему міру. Каждая сторона желаетъ сдѣлать интересы права и привилегій слабыхъ народовъ и малыхъ государствъ столь же обезпеченными противъ агрессивныхъ дѣйствій или отрицанія ихъ въ будущемъ, какъ права и привилегіи великихъ могущественныхъ державъ, участвующихъ нынѣ въ войнѣ. Каждая сторона желаетъ быть обезпечена въ будущемъ на ряду съ другими націями и народами противъ повторенія войны, подобной этой, и противъ нападеній и эгоистическаго вмѣшательства какого бы то ни было рода. Каждая сторона противъ образованія какихъ-либо но-

выхъ соперничающихъ лигъ для поддержки неопредѣленнаго равновѣсія силъ среди все увеличивающейся подозрительности, и въ то же время каждая сторона готова образовать лигу націй для обезпеченія мира и справедливости на всемъ свѣтѣ.

„Но прежде, однако, чѣмъ этотъ окончательный шагъ можетъ быть предпринятъ, каждая сторона считаетъ необходимымъ предварительно закончить настоящую войну на такихъ условіяхъ, которыя обезпечили бы независимость, территоріальную неприкосновенность, политическую и коммерческую свободу вовлеченныхъ въ войну націй. Народъ и правительство Соединенныхъ Штатовъ столь же жизненно и непосредственно заинтересованы въ мѣрахъ, которыя должны быть приняты для обезпеченія всеобщаго мира въ будущемъ, какъ и правительства странъ, находящихся нынѣ въ войнѣ. Кромѣ того, Соединенные Штаты столь же живо заинтересованы въ средствахъ, которыя будутъ приняты для избавленія небольшихъ, болѣе слабыхъ народовъ отъ опасностей, несправедливости и насилія, какъ и всякій другой народъ и всякое другое правительство. Соединенные Штаты готовы ревностно стремиться содѣйствовать осуществленію этихъ цѣлей, когда война будетъ окончена, и употребятъ для этого все свое вліяніе и всѣ средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи. Но война должна быть прежде закончена. Соединенные Штаты не берутся указывать условія, на которыхъ она должна быть прекращена, но президентъ чувствуетъ, что его право и его долгъ — указать, что въ ихъ интересахъ ея прекращеніе, чтобы не оказалось слишкомъ поздно для разрѣшенія тѣхъ крупныхъ задачъ, которыя ждутъ своей очереди послѣ окончанія войны, чтобы положеніе нейтральныхъ націй, въ настоящее время чрезвычайно тяжелое, не стало совершенно невыносимымъ, и чтобы цивилизаціи не было нанесено столь большого ущерба, что уже никогда не удастся его загладить и возмѣстить. Поэтому президентъ считаетъ себя въ правѣ указать на своевременность обмѣна взглядовъ по поводу условій, при чемъ этотъ обмѣнъ долженъ предшествовать дальнѣйшему соглашенію объ общемъ мирѣ, котораго всѣ желаютъ, и въ которомъ нейтральныя націи, такъ же, какъ и тѣ, которыя находятся въ войнѣ, готовы сыграть отвѣтственную роль. Если споръ долженъ продолжаться ради неопредѣленныхъ цѣлей до тѣхъ поръ, пока та или другая изъ воюющихъ сторонъ не будетъ истощена; если милліоны за милліонами человѣческихъ жизней должны продолжать приносить себя въ жертву до тѣхъ поръ, пока на той или другой сторонѣ не останется больше людей; если будетъ разжигаться чувство мести, которое не можетъ остыть, и если возникнетъ отчаяніе, отъ котораго нѣтъ спасенія — то надежды на миръ и добровольное соглашеніе между свободными народами окажутся тщетными и праздными. Жизнь всего міра глубоко затронута во всѣхъ частяхъ. Великая семья человѣчества ощущаетъ гнетъ и ужасъ этой небывалой до сихъ поръ вооруженной борьбы, и ни одна изъ націй цивилизованнаго міра не можетъ сказать, что стоитъ въ сторонѣ отъ ея вліянія, и не можетъ быть обезпечена отъ ея вліянія, и не можетъ быть обезпечена отъ ея разрушительнаго дѣйствія. Между тѣмъ, конкретныя цѣли, ради которыхъ эта борьба ведется, не были никогда точно опредѣлены

руководителями различныхъ воюющихъ странъ. Руководители различныхъ воюющихъ странъ, какъ уже было сказано, установили эти цѣли въ общихъ чертахъ, и онѣ, повидимому, тождественны для обѣихъ сторонъ.

Никогда еще авторитетные представители ни одной изъ сторонъ не указывали на точныя цѣли, которыя, будучи достигнуты, могли бы удовлетворить ихъ и ихъ народы по окончаніи войны. Весь міръ поставленъ во власть недоумѣнія, какіе окончательные результаты, какой дѣйствительный обмѣнъ гарантій, какія политическія и территоріальныя измѣненія и исправленія и даже какая степень военныхъ успѣховъ могутъ принести окончаніе войны. Весьма можетъ быть, что заключеніе мира гораздо ближе, нежели мы знаемъ, и что условія, на которыхъ воюющія стороны найдутъ необходимымъ настаивать, не такъ ужъ несовмѣстимы, какъ того многіе опасаются, а также, что обмѣнъ мнѣній проложитъ, по крайней мѣрѣ, путь для конференціи, и прочное согласіе среди націй станетъ надеждой непосредственнаго будущаго, а достиженіе соглашенія между воюющими — немедленно осуществимымъ".

„Президентъ не предлагаетъ мира, онъ не выступаетъ даже съ предложеніемъ о посредничествѣ; онъ просто предлагаетъ произвести зондировку, дабы мы могли узнать, — нейтральныя націи вмѣстѣ съ воюющими странами, — насколько близки мы къ миру, котораго все человѣчество жаждетъ все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Президентъ вѣритъ, что духъ его рѣчи, а также цѣли, къ которымъ онъ стремится, будутъ поняты всѣми заинтересованными лицами, и твердо надѣется, что отвѣтъ на его слова внесетъ новый свѣтъ въ міровыя событія".

Какъ указано въ этой нотѣ, предложеніе Вильсона было задумано независимо отъ сдѣланнаго Германіею шага и раньше чѣмъ стало извѣстнымъ намѣреніе центральныхъ имперій. И дѣйствительно, мысль о посредничествѣ Соединенныхъ Штатовъ съ цѣлью скорѣйшаго прекращенія войны усердно пропагандировалась вліятельными нѣмецко-американскими дѣятелями именно въ послѣднее время, и результаты этой пропаганды давали себя чувствовать и среди лицъ, близкихъ къ президенту. Между прочимъ, недавно, 11 (24) ноября, происходилъ въ Нью-Іоркѣ, подъ предсѣдательствомъ бывшаго президента Тафта, торжественный банкетъ общества, имѣющаго цѣлью принудительное сохраненіе общаго мира послѣ окончанія настоящей войны. На банкетѣ присутствовали, съ одной стороны, лордъ Эбердинъ и бельгійскій генеральный консулъ, а съ другой — германскій офицеръ, капитанъ Геккеръ, и редакторъ нѣмецкой газеты, Бернардъ Риддеръ; привѣтственныя телеграммы получены были отъ Аристида Бріана, виконта Грея, лорда Брайса и Бетмана-Гольвега. И въ такомъ собраніи извѣстный банкиръ Яковъ Шиффъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ американскихъ капиталистовъ нѣмецкаго происхожденія, неожиданно произнесъ рѣчь о необ-

ходимости немедленнаго посредничества для возстановленія мира. Обсуждая этотъ инцидентъ, корреспонденты англійскихъ газетъ сообщали разныя свѣдѣнія о весьма сложной „нѣмецкой интригѣ", направленной къ вовлеченію правительства Соединенныхъ Штатовъ въ дипломатическую кампанію для защиты интересовъ германскаго „миролюбія". Эти настойчивыя усилія американскихъ пацифистовъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ, какъ видно изъ самаго факта неожиданнаго выступленія Вильсона.

По содержанію своему, американская нота представляется столь же тенденціозно-одностороннею, какъ и германская. Желая быть или казаться вполнѣ объективнымъ и безпристрастнымъ, авторъ ея утверждаетъ, что обѣ воюющія стороны ставятъ себѣ по существу однородныя задачи, опредѣляя ихъ только въ общихъ чертахъ, и стремятся одинаково къ защитѣ своихъ правъ на свободное существованіе и развитіе, и къ обезпеченію малыхъ народовъ и слабыхъ государствъ отъ болѣе сильныхъ державъ. Другими словами, нападеніе Австро-Венгріи на Сербію ничѣмъ не отличалось отъ заступничества Россіи за ту же Сербію, а нападеніе Германіи на Бельгію было вызвано такою же заботою объ огражденіи и защитѣ малыхъ народовъ, какъ и вооруженный протестъ Англіи противъ нарушенія бельгійскаго нейтралитета. По словамъ составителя ноты, реальные мотивы и цѣли войны никѣмъ не были точно опредѣлены; никто не знаетъ, изъ-за чего возникла война, почему она такъ упорно продолжается и какіе ея результаты могли бы удовлетворить участвующіе въ ней народы. Однако, авторитетные представители заинтересованныхъ государствъ, какъ Асквитъ и Бріанъ, много разъ объясняли, какимъ образомъ ихъ страны вынуждены были воевать и какія цѣли онѣ преслѣдуютъ въ настоящей войнѣ; безъ этихъ офиціальныхъ объясненій всякій, кто слѣдилъ за событіями съ лѣта 1914 года, долженъ знать и помнить, что дѣло началось съ небывало-грубаго австрійскаго ультиматума сербскому правительству, что послѣднее подчинилось и тѣмъ не менѣе подверглось вооруженному нападенію Австро-Венгріи, что просьба Россіи о продленіи срока ультиматума была рѣзко отклонена, что Германія упорно не допускала международнаго обсужденія возникшаго конфликта и рѣшительно отвергала всѣ предлагаемые ей проекты мирнаго улаженія вопроса, что она, наконецъ, подъ недобросовѣстно придуманнымъ предлогомъ объявила войну Россіи и безъ всякаго повода напала на Францію, при чемъ германскія войска возмутительнѣйшимъ образомъ ворвались въ нейтральную Бельгію, за которую тотчасъ заступилась Англія. Неужели этотъ простой послѣдовательный перечень общеизвѣстныхъ фактовъ не

показываетъ наглядно, что Германія сознательно разожгла страшный европейскій пожаръ, надѣясь, при помощи своего военнаго превосходства, утвердить и расширить свое фактическое преобладаніе въ Европѣ? И не естественно ли, что народы, подвергшіеся нападенію Германіи, желаютъ не только отразить ея удары, но и оградить себя отъ ея посягательствъ въ будущемъ? Благодаря преимуществамъ своей военной техники, Германія до сихъ поръ достигла весьма значительныхъ результатовъ и завладѣла большими пространствами чужихъ территорій; она насытилась своими пріобрѣтеніями и жаждетъ мира, но противники ея еще ничего отъ нея не добились, не получили еще обратно своихъ земель, не освободили Бельгіи, Сербіи и Черногоріи и чувствуютъ себя еще настолько сильными, что никакъ не могутъ отказаться отъ этихъ обязательныхъ задачъ и послѣдовать приглашенію смиренно сложить оружіе. Германія и ея союзники съ избыткомъ достигли всего, чего хотѣли; противники ихъ пока еще находятся въ совершенно другомъ положеніи. Эта разница въ положеніи вызываетъ соотвѣтственную разницу въ дальнѣйшихъ планахъ и надеждахъ. Что же тутъ непонятнаго или загадочнаго? Цѣли обѣихъ сторонъ не только не одинаковы, но прямо противоположны: одна группа державъ руководилась агрессивными, завоевательными расчетами, а другая вдохновлялась освободительными цѣлями, къ которымъ только впослѣдствіи, въ связи съ логическимъ ходомъ событій, присоединялись и опредѣленныя положительныя задачи, имѣющія въ сущности также освободительный характеръ. Притомъ первая группа державъ откровенно, передъ всѣмъ міромъ, нарушала не только общепринятыя начала международнаго права, но и собственныя формальныя обязательства, разсматривая ихъ какъ ничтожные „клочки бумаги", а другая группа по возможности соблюдала установленные законы и обычаи войны и оставалась вѣрною традиціямъ чести и элементарной добросовѣстности въ международныхъ отношеніяхъ. Примѣнять къ обѣимъ группамъ одну и ту же мѣрку, какъ это дѣлаетъ американская нота, было бы явною несправедливостью.

Если составителямъ американской ноты были почему-либо неизвѣстны общеизвѣстныя обстоятельства, приведшія къ настоящей войнѣ, то они могли почерпнуть недостающія имъ свѣдѣнія изъ недавнихъ офиціальныхъ декларацій по поводу мирнаго выступленія Германіи. „Намъ предлагаютъ, — говорилъ Бріанъ во французской палатѣ депутатовъ 30 ноября, — обсуждать условія мира въ тотъ моментъ, когда непріятель держитъ въ своихъ рукахъ Бельгію, Сербію и десять департаментовъ Франціи. При помощи двусмысленныхъ и неопредѣленныхъ, но облеченныхъ въ весьма торже-

ственную форму заявленій, онъ дѣлаетъ попытку воздѣйствовать на встревоженное сознаніе и смущенныя сердца гражданъ воюющихъ странъ; онъ вновь хочетъ обмануть нейтральныя націи и самихъ германцевъ, повторяя лживыя слова: „Не мы, не мы хотѣли этой ужасной войны; она была намъ навязана". А мы опять въ сотый разъ отвѣтимъ: „Нѣтъ, вы были зачинщиками, — фактъ налицо, и на ваши головы падаетъ пролитая кровь. Германія обѣщаетъ своему народу и его союзникамъ всевозможныя матеріальныя и духовныя блага, а другимъ народамъ она великодушно заявляетъ, что не станетъ истреблять ихъ до конца. Съ своей стороны, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ своей рѣчи 2 декабря, напомнивъ, что непріятельскія войска опустошили и занимаютъ понынѣ Бельгію, Сербію, Черногорію, часть Франціи, Россіи и Румыніи, и что австро-германцы только что наложили руку на польскій народъ, — спрашиваетъ: „Для кого, кромѣ Германіи, можетъ быть выгодна подобная обстановка для начала мирныхъ переговоровъ?" И категорическое заявленіе министра о невозможности какихъ бы то ни было разговоровъ о мирѣ при такихъ обстоятельствахъ было подтверждено огромнымъ большинствомъ Государственной Думы принятіемъ соотвѣтственной формулы, предложенной прогрессивнымъ блокомъ. Наконецъ, Ллойдъ-Джорджъ въ палатѣ общинъ 6 (19) декабря, заявилъ съ присущею ему ясностью и прямотою, что „безъ возстановленія попранныхъ правъ миръ невозможенъ, такъ какъ союзники приняли участіе въ войнѣ для защиты Европы отъ агрессивныхъ предпріятій и притязаній германской военной касты". „Мы будемъ ждать, — продолжалъ британскій премьеръ, — пока не услышимъ отъ Германіи заявленія объ условіяхъ и гарантіяхъ, болѣе вѣрныхъ и надежныхъ, чѣмъ тѣ, которыя она нарушила". Послѣ подобныхъ указаній и доводовъ странно было встрѣтить въ американской нотѣ отъ 8 (21) декабря отвлеченныя разсужденія, предполагающія однородность цѣлей и равенство положенія обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Отвѣтить категорическимъ отказомъ на дружеское предложеніе правительства такой великой нейтральной націи, какъ сѣверо-американцы, несравненно труднѣе, чѣмъ отвергнуть лицемѣрно протянутую намъ руку Германіи. Дипломатіи державъ согласія придется въ самомъ дружественномъ тонѣ объяснить президенту Вильсону тѣ фактическія ошибки, которыя лежатъ въ основѣ составленной отъ его имени ноты. А пока война продолжается и будетъ продолжаться еще неопредѣленное время, „до конечной побѣды". Ллойдъ-Джорджъ въ упомянутой выше рѣчи добавилъ къ этому обычному лозунгу нѣсколько существенныхъ оговорокъ: „Союзникамъ нужно единство

цѣлей, единство дѣйствій; фронтъ долженъ быть общій, но не единый; не должно быть такого фронта, часть котораго защищалась бы подавляющею силою артиллеріи, а другая часть — только голою грудью храбрецовъ"...

P. S. Въ газетахъ напечатанъ слѣдующій приказъ Государя Императора по арміи и флоту отъ 12 декабря:

„Среди глубокаго мира, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, Германія, втайнѣ издавна подготовлявшаяся къ порабощенію всѣхъ народовъ Европы, внезапно напала на Россію и ея вѣрную союзницу, Францію, что вынудило Англію присоединиться къ намъ и принять участіе въ борьбѣ. Проявленное Германіей полное пренебреженіе къ основамъ международнаго права, выразившееся въ нарушеніи нейтралитета Бельгіи, и безжалостная жестокость германцевъ въ отношеніи мирнаго населенія въ захваченныхъ ими областяхъ понемногу объединили противъ Германіи и ея союзницы Австріи всѣ великія державы Европы.

„Подъ натискомъ германскихъ войскъ, до чрезвычайности сильныхъ своими техническими средствами, Россія, равно какъ и Франція, вынуждены были въ первый годъ войны уступить врагу часть своихъ предѣловъ, но эта временная неудача не сломила духа ни нашихъ вѣрныхъ союзниковъ, ни въ васъ, доблестныя войска Мои. А тѣмъ временемъ, путемъ напряженія всѣхъ силъ государства, разница въ нашихъ и германскихъ техническихъ средствахъ постепенно сглаживалась. Но еще задолго до этого времени, еще съ осени минувшаго 1915 года, врагъ нашъ уже не могъ овладѣть ни единой пядью русской земли, а весной и лѣтомъ текущаго года испыталъ рядъ жестокихъ пораженій и перешелъ на всемъ нашемъ фронтѣ отъ нападенія къ оборонѣ. Силы его, видимо, истощаются, а мощь Россіи и ея доблестныхъ союзниковъ продолжаетъ неуклонно расти.

„Германія чувствуетъ, что близокъ часъ ея окончательнаго пораженія, близокъ часъ возмездія за всѣ содѣянныя ею правонарушенія и жестокости. И вотъ подобно тому, какъ во время превосходства въ своихъ боевыхъ силахъ надъ силами своихъ сосѣдей, Германія внезапно объявила имъ войну, такъ теперь, чувствуя свое ослабленіе, она внезапно предлагаетъ объединившимся противъ нея въ одно неразрывное цѣлое союзнымъ державамъ вступить въ переговоры о мирѣ.

„Естественно, желаетъ она начать эти переговоры до полнаго выясненія степени ея слабости, до окончательной потери ея боеспособности. При этомъ она стремится для созданія ложнаго представленія о крѣпости ея армій использовать свой временный успѣхъ надъ Румыніей, не успѣвшей еще пріобрѣсти боевого опыта въ современномъ веденіи войны.

„Но если Германія имѣла возможность объявить войну и напасть на Россію и ея союзницу Францію въ наиболѣе неблагопріятное для нихъ время, то нынѣ окрѣпшія за время войны союз-

ницы, среди коихъ теперь находятся могущественнѣйшая Англія и благородная Италія, въ свою очередь, имѣютъ возможность приступить къ мирнымъ переговорамъ въ то время, которое онѣ сочтутъ для себя благопріятнымъ.

„Время это еще не наступило, врагъ еще не изгнанъ изъ захваченныхъ имъ областей. Достиженіе Россіей созданныхъ войною задачъ, обладаніе Царьградомъ и проливами, равно какъ созданіе свободной Польши изъ всѣхъ трехъ ея нынѣ разрозненныхъ областей — еще не обезпечено.

„Заключить нынѣ миръ, значило бы не использовать плодовъ несказанныхъ трудовъ вашихъ, геройскія войска и флотъ.

„Труды эти, а тѣмъ болѣе священная память погибшихъ на поляхъ доблестныхъ сыновъ Россіи не допускаютъ и мысли о мирѣ до окончательной побѣды надъ врагомъ, дерзнувшимъ мыслить, что если отъ него зависѣло начать войну, то отъ него же зависитъ въ любое время ее окончить.

„Я не сомнѣваюсь, что всякій вѣрный сынъ Святой Руси, какъ съ оружіемъ въ рукахъ вступившій въ ряды славныхъ Моихъ войскъ, такъ равно и работающій внутри страны на усиленіе ея боевой мощи или творящій свой мирный трудъ, проникнутъ сознаніемъ, что миръ можетъ быть данъ врагу лишь послѣ изгнанія его изъ нашихъ предѣловъ, только тогда, когда, окончательно сломленный, онъ дастъ намъ и нашимъ вѣрнымъ союзникамъ прочныя доказательства невозможности повторенія предательскаго нападенія и твердую увѣренность, что самою силою вещей онъ вынужденъ будетъ къ сохраненію тѣхъ обязательствъ, которыя онъ на себя приметъ по мирному договору.

„Будемъ же непоколебимы въ увѣренности въ нашей побѣдѣ, и Всевышній благословитъ наши знамена, покроетъ ихъ вновь неувядаемой славой и даруетъ намъ миръ, достойный вашихъ геройскихъ подвиговъ, славныя войска Мои, — миръ, за который грядущія поколѣнія будутъ благословлять вашу священную для нихъ память“.

Л. Слонимскій.

НА ТЕМЫ ДНЯ.

Сближеніе недавно еще далекихъ другъ отъ друга общественныхъ элементовъ. — Обнаружена ли при этомъ „легкомысленная довѣрчивость“? — Возможные пути безотвѣтственныхъ вліяній. — Рѣчи Н. А. Маклакова и А. С Стишинскаго. — Достижимое и достигнутое. — Далеко идущая перемѣна настроеній. — Продовольственный вопросъ. — Послѣднія до перерыва засѣданія Государственной Думы. — М. И. Брунъ и Г. Н. Штильманъ †.

Послѣднія недѣли принесли съ собою комбинацію условій, небывалую въ Россіи. Среди широкихъ сферъ, еще недавно другъ другу чуждыхъ или враждебныхъ, установилось согласіе въ оцѣнкѣ настоящаго и ближайшаго будущаго. Труденъ былъ уже первый шагъ въ этомъ направленіи, сдѣланный осенью прошлаго года; неожиданнымъ было сближеніе партій, приведшее къ образованію прогрессивнаго блока. Устойчивость единенія столь разнородныхъ элементовъ возбуждала серьезныя сомнѣнія. Можно было думать, что ему положитъ конецъ перерывъ законодательной сессіи, затянувшейся почти на полгода. Падали одна за другою тѣ немногія точки опоры, которыя оно могло встрѣтить въ правящихъ сферахъ; голосъ сочувствовавшихъ ему общественныхъ организацій долженъ былъ умолкнуть. Перемѣны въ составѣ правительства совершались въ направленіи прямо противоположномъ преобразовательной программѣ. Испытаніе, однако, было выдержано; переживъ новый періодъ вынужденнаго бездѣйствія, переживъ новую концентрацію реакціонныхъ силъ, союзъ прогрессивныхъ думскихъ партій, уменьшившійся численно, но не ослабѣвшій реально, занялъ, съ перваго дня зимней сессіи боевую позицію, болѣе рѣшительную чѣмъ прежде. Раскрытъ, безъ смягченій и умолчаній, то, что есть, и вывести отсюда то, что должно быть — такова была задача, поставленная и исполненная его ораторами. Не вступая въ открытую борьбу, министерство пыталось скрыть отъ страны содержаніе обвинительныхъ рѣчей; но система «бѣлыхъ столбцовъ» оказалась безсильной и безцѣльной. Ни къ чему не привела и частичная перемѣна въ составѣ кабинета. Государственная Дума, выслушавъ декларацію новаго предсѣдателя совѣта министровъ, приняла формулу, предложенную прогрессивнымъ блокомъ. Оставаясь вѣрной своей рѣшимости «стремиться всѣми доступными ей законными способами къ образованію кабинета, объединеннаго одинаковымъ понима-

ніемъ задачъ переживаемаго времени и готоваго въ своей дѣятельности опереться на Госуд. Думу и провести въ жизнь программу ея большинства», Дума высказалась, вмѣстѣ съ тѣмъ, за необходимость «устранить вліяніе безотвѣтственныхъ темныхъ силъ», разоблаченію котораго были посвящены рѣчи, выслушанныя ею въ засѣданіяхъ 1-го, 3-го, 19-го и 22-го ноября.

Дорога была открыта; на очереди стоялъ вопросъ, кто вступитъ за нее вслѣдъ за Думой. Четыре дня спустя онъ получилъ непредвидѣнное разрѣшеніе. Государственный Совѣтъ, въ засѣданіи 26-го ноября, принялъ весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ, формулу если не тождественную съ думской, то очень къ ней близкую. Какъ и Дума, Госуд. Совѣтъ призналъ необходимымъ: 1) рѣшительное устраненіе вліянія на дѣла государственныя скрытыхъ безотвѣтственныхъ силъ, и 2) образованіе работоспособнаго правительства, дѣйствительно сплоченнаго и объединеннаго опредѣленной программой, опирающагося на довѣріе и сочувствіе страны и тѣмъ самымъ способнаго къ совмѣстной съ законодательными учрежденіями дѣятельности». Прошло еще пять дней — и совершилось нѣчто еще болѣе удивительное: 1-го декабря аналогичную резолюцію единогласно принялъ съѣздъ объединеннаго дворянства. «Въ государственное управленіе, — такъ гласитъ эта резолюція, — внѣдряются чуждыя законной власти безотвѣтственныя темныя силы. Силы эти подчиняютъ своему вліянію верхи власти и посягаютъ даже на управленіе церковью. Достойнѣйшіе святители церковные смущены происходящимъ на глазахъ у всѣхъ соблазномъ... Не менѣе потрясено гражданское управленіе. Подверженное тѣмъ же пагубнымъ вліяніямъ, оно, кромѣ того, не обладаетъ необходимой сплоченностью, единствомъ мысли и воли и не пользуется довѣріемъ народа... Необходимо рѣшительно устранить вліяніе темныхъ силъ на дѣла государственныя. Необходимо создать правительство сильное, русское по мысли и чувству, пользующееся народнымъ довѣріемъ и способное къ совмѣстной съ законодательными учрежденіями работѣ... Только такое правительство можетъ обезпечить доведеніе войны до полной побѣды, безъ которой народная мысль не допускаетъ мира». Не лишено значенія и то, что не имѣла успѣха попытка небольшого меньшинства (приблизительно — 25 изъ 126 человѣкъ съѣзда) отложить — и тѣмъ самымъ, быть можетъ, и вовсе предупредить — опубликованіе резолюціи съѣзда.

Въ высокой степени знаменательно и характерно совпаденіе въ одномъ руслѣ теченій, идущихъ изъ столь различныхъ источниковъ. Не только нѣсколько лѣтъ, но и нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ ни о чемъ подобномъ нельзя было и мечтать. Въ Госуд. Совѣтѣ самыя смѣлыя надежды сочувствовавшихъ съ самаго начала, прогрессивному блоку не шли дальше присоединенія къ нему, вмѣстѣ съ лѣвой и безпартійными, нѣкоторой части центра; между тѣмъ, за формулу голосовали всѣ, или почти

всѣ нейгардтцы и, повидимому немалое число правыхъ [1]). Что касается до съѣзда объединеннаго дворянства, то отъ него за нѣсколько недѣль, даже за нѣсколько дней до его созыва, ожидались выступленія крайне реакціонной окраски, вполнѣ гармонирующей съ прежними привычками. Правда, было извѣстно, что нѣкоторыя — немногія — дворянскія собранія недовольны направленіемъ, котораго держится съѣздъ, недовольны извѣстной перепиской его предсѣдателя съ бывшимъ премьеромъ; но это позволяло предвидѣть нѣсколько бурныхъ засѣданій, а отнюдь не рѣзкую перемѣну въ общемъ настроеніи съѣзда. Какъ ни авторитетно, въ глазахъ объединенныхъ дворянъ, большинство Государственнаго Совѣта, даже его примѣръ, повидимому, долженъ былъ остаться безъ вліянія на твердыню старозавѣтныхъ стремленій и традицій. И если бы она, по крайней мѣрѣ, пошатнулась только въ одной своей части! Но нѣтъ: она сдалась вся цѣликомъ; открытыхъ противниковъ формулы, идущей въ разрѣзъ со всѣмъ прошлымъ объединеннаго дворянства, въ его средѣ не оказалось. Значитъ ли это, что ихъ вовсе и не было? Конечно, нѣтъ. Коллективное обращеніе Савловъ въ Павлы немыслимо; лучъ свѣта, въ области убѣжденій, не озаряетъ сразу цѣлую толпу. Не принципіальный характеръ имѣли, очевидно, тѣ соображенія, которыми руководились многіе изъ числа вотировавшихъ въ большинствѣ членовъ Госуд. Совѣта, многіе изъ числа внезапно оказавшихся единодушными членовъ дворянскаго съѣзда. Не рискуя ошибиться, можно сказать, что большую роль сыграли и тамъ, и тутъ мотивы политическаго оппортунизма. Неудержимо распространялась неотступно тревожила мысль, что дальше идти по прежней дорогѣ было бы неблагоразумно и неосторожно. Укрѣпленіе этой мысли способствовало многое, происшедшее въ теченіе послѣдняго года, особенно въ теченіе послѣднихъ недѣль: медленный ходъ войны, быстрый ростъ внутренней «разрухи» (никогда, кажется, этотъ терминъ не встрѣчался такъ часто въ разговорномъ и печатномъ обиходѣ), увеличивающееся разстройство продовольственнаго дѣла, непрерывная смѣна министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ, усиливающееся недовольство въ широкихъ кругахъ населенія, далеко не столь пассивнаго, какъ прежде, невольно напрашивающееся сравненіе съ происходящимъ за границей, наконецъ — все болѣе и болѣе ясныя указанія на вліяніе «скрытыхъ, безотвѣтственныхъ силъ». Перенесенныя, вслѣдъ за возобновленіемъ законодательной сессіи, на думскую трибуну, повторенныя представителями всѣхъ партій, кромѣ крайнихъ правыхъ, не вызвавшія категорическаго опроверженія, эти указанія переполнили чашу и въ значительной степени опредѣлили собою, какъ видно изъ тек-

---

[1]) Въ составъ крайней правой входило еще недавно болѣе пятидесяти членовъ Госуд. Совѣта — а въ меньшинствѣ, голосовавшемъ противъ второго пункта формулы, оказалось только 34 голоса.

ста всѣхъ вышеприведенныхъ формулъ, настроеніе законодательныхъ собраній и дворянскаго съѣзда.

Единственный ораторъ, отрицавшій существованіе или значеніе «темныхъ силъ» — членъ Государственнаго Совѣта графъ А. А. Бобринской, — говорилъ объ «осадѣ власти, обратившейся въ спортъ, въ систему», объ «обдуманномъ походѣ, не брезгающемъ никакими оружіями», о «дешевыхъ нападкахъ на правительство прошедшее, настоящее и будущее» (?!). Но развѣ можетъ быть рѣчь о систематическомъ «походѣ противъ власти», разъ что въ осужденіи ея дѣйствій или ея бездѣйствія участвуютъ ея исконные приверженцы? Развѣ главною цѣлью соединенныхъ усилій не является образованіе правительства, которое не навлекло бы на себя всеобщихъ нападеній? Или, можетъ быть, всему виною та «легкомысленная, невѣроятная, болѣзненная довѣрчивость ко всему нехорошему и злому», о которой также говорилъ гр. Бобринской? Но почему же она охватила такіе широкіе круги, изъ которыхъ многіе гораздо болѣе расположены къ тенденціозной защитѣ, чѣмъ къ суровой критикѣ власти? И вотъ что особенно важно: объ избыткѣ легковѣрія, о готовности повторять самые вздорные слухи можетъ быть рѣчь до тѣхъ поръ, пока молва сохраняетъ безличный характеръ, передается шопотомъ, пока сказанное на ухо никѣмъ не повторяется громко и публично. Но вѣдь теперь дѣло перешло въ другой фазисъ: открыто выступали ораторы въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ, открыто подавались голоса въ законодательныхъ собраніяхъ и на дворянскомъ съѣздѣ. Сознаніе отвѣтственности не оставляетъ мѣста для «легкомысленной довѣрчивости». При извѣстныхъ условіяхъ, прервать молчаніе — значитъ ясно сознавать обязанность говорить.

Во всѣхъ трехъ формулахъ—Госуд. Думы, Госуд. Совѣта и дворянскаго съѣзда — одинаково идетъ рѣчь объ образованіи министерства, пользующагося общественнымъ довѣріемъ, и объ устраненіи вліянія безотвѣтственныхъ темныхъ силъ. Въ Госуд. Совѣтѣ каждая изъ двухъ частей формулы голосовалась отдѣльно, и противъ той изъ нихъ, которая касалась темныхъ силъ, было подано меньше голосовъ (23), чѣмъ противъ другой (34). Объясняется это, по всей вѣроятности, съ одной стороны страхомъ, который внушаетъ приверженцамъ рутины мысль о прогрессивномъ министерствѣ, съ другой стороны — широко распространеннымъ глубокимъ отвращеніемъ къ «темнымъ силамъ»; но тѣ одиннадцать членовъ Государственнаго Совѣта, которые голосовали только за часть формулы, направленную противъ темныхъ силъ, впали, очевидно, въ противорѣчіе съ самими собою. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ обусловливается опасность, представляемая «темными силами»? Ихъ вліяніемъ. Вліяніемъ на кого? Главнымъ образомъ — на тѣхъ, отъ кого въ значительной степени зависятъ и назначенія, и повышенія, и увольненія, на тѣхъ, кѣмъ могутъ быть возбуждены, пріостановлены или прекращены преслѣдованія, кѣмъ могутъ быть предоставлены, или

не предоставлены всякаго рода матеріальныя и иныя выгоды. При наличности министерства, сознающаго свои обязанности передъ страною, проникнутаго чувствомъ гражданскаго долга, справедливаго въ оцѣнкѣ лицъ и притязаній, энергично отклоняющаго неосновательныя домогательства, откуда бы они ни шли, и кѣмъ бы ни были поддерживаемы, значенію «темныхъ силъ» неминуемо наступилъ бы конецъ. Отношеніе къ нимъ, однажды установленное на верху власти, быстро распространилось бы до ея низовъ; духъ приказаній не замедлили бы усвоить себѣ исполнители. Послѣдовательность требовала, поэтому, одинаковаго отвѣта на обѣ части формулы: или сплошь отрицательнаго, или сплошь утвердительнаго. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить разсказъ В. Н. Львова (въ рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи Госуд. Думы 29-го ноября) о томъ, какъ была учреждена должность второго товарища оберъ-прокурора св. синода. Къ бывшему оберъ-прокурору явился рекомендованный весьма вліятельнымъ лицомъ кн. Жеваховъ и выразилъ желаніе служить по вѣдомству православнаго исповѣданія. Ему было предложено занять любое изъ вакантныхъ мѣстъ, но кн. Жеваховъ нашелъ, что ни одно изъ нихъ ни по рангу, ни по званію, ни по жалованью для него не подходитъ. Тогда пришлось создать для него должность, которая бы его вполнѣ удовлетворила — и создать ее, при томъ, даже не въ порядкѣ ст. 87, а просто въ порядкѣ управленія. Развѣ что-нибудь подобное было бы мыслимо, если бы у власти находилось такое министерство, какое рисуется передъ умственнымъ взоромъ Госуд. Думы, Госуд. Совѣта и даже дворянскаго съѣзда?.. На это могутъ возразить, что существуютъ пути, ведущіе мимо министерства и вполнѣ доступные для «безотвѣтственныхъ силъ». Съ перваго взгляда такое возраженіе можетъ показаться основательнымъ: оно вызываетъ на память странное явленіе, удивившее недавно даже тѣхъ, кто уже многому пересталъ удивляться. Когда въ половинѣ минувшаго ноября, послѣ устраненія системы «бѣлыхъ столбцовъ», изъ рѣчей, произносимыхъ въ Госуд. Думѣ и Госуд. Совѣтѣ, стали почему-то исчезать болѣе или менѣе значительные отрывки, отнюдь не подлежавшіе, по закону, военной цензурѣ и предсѣдательскою цензурою не тронутые, ораторы заявили противъ этого протестъ въ печати и въ палатахъ; предсѣдатель Госуд. Думы вступилъ въ переписку съ предсѣдателемъ совѣта министровъ. Отвѣтъ со стороны А. Ф. Трепова послѣдовалъ весьма опредѣленный, какъ въ печати, такъ и въ Госуд. Совѣтѣ (черезъ посредство министра юстиціи): никакихъ указаній, которыми требовались или оправдывались бы подобныя сокращенія, имъ дано не было. Не были, значитъ, они даны и другими членами «объединеннаго» министерства. Итакъ, кромѣ и помимо законныхъ органовъ власти, цензурныя функціи могутъ быть исполняемы еще кѣмъ-то, можетъ быть именно, какою-нибудь «безотвѣтственною силою»? Фактически такая возможность существуетъ, но только до тѣхъ поръ, пока къ ней

пассивно относится министерство. Для министерства, созданіе котораго составляетъ предметъ общихъ желаній, пассивное отношеніе къ безправному вмѣшательству въ его законную сферу дѣйствія было вы непереносимо, и оно всегда отвѣчало бы на него своей отставкой.

Какими же соображеніями руководилось меньшинство законодательныхъ собраній, отрицая необходимость министерства, «опирающагося на довѣріе и сочувствіе страны»? Объ этомъ всего лучше можно судить по рѣчамъ членовъ Госуд. Совѣта Н. А. Маклакова и А. С. Стишинскаго. Первая выдержана въ обычномъ духѣ и краскахъ реакціонной прессы: здѣсь и упрекъ правительству за безвластіе и угодничество передъ общественностью, упрекъ законодательнымъ собраніямъ — за захватъ власти (!), упрекъ обществу — за революціонность. Безвластіе, съ точки зрѣнія бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, началось, конечно, лишь послѣ его ухода изъ министерства; но неужели онъ забылъ, при какихъ обстоятельствахъ совершился этотъ уходъ, до чего довела Россію традиціонно понимаемая и примѣняемая «полнота власти»? И развѣ эта «полнота» уменьшилась въ послѣдніе мѣсяцы управленія И. Л. Горемыкина, во все время управленія Б. В. Штюрмера? Развѣ «угодничествомъ общественности» отмѣчены безконечные періоды безумья, длившіеся съ начала сентября по начало февраля, со второй половины іюня по ноябрь?.. Квинтъ-эссенціей той политической мудрости, представителемъ которой служитъ Н. А. Маклаковъ, является слѣдующая фраза, достойная стать рядомъ съ безсмертными нѣмецкими афоризмами объ ограниченномъ умѣ подданныхъ (beschränkter Unterthanenverstand), и о спокойствіи, какъ о первой обязанности гражданина (Ruhe ist die erste Bürgerpflicht). Общественность, по словамъ бывшаго министра, «можетъ быть здоровымъ и сильнымъ государственнымъ факторомъ только тогда, когда она спокойно и скромно несетъ свои обязанности на благо родинѣ, на законно предуказанномъ ей мѣстѣ, не бросаясь въ открытое море новыхъ политическихъ завоеваній». Итакъ, общественность должна быть похожа на благовоспитанное дитя — благовоспитанное, конечно, въ старомъ смыслѣ этого слова. У нея есть только обязанности и нѣтъ никакихъ правъ; для нея существуютъ только «предуказанія», ея иниціатива равносильна возмущенію! Государственная мораль Н. А. Маклакова оказывается еще болѣе упрощенной, чѣмъ мораль нѣмецкихъ блюстителей порядка въ первой половинѣ XIX вѣка: она вся можетъ быть выражена словами извѣстной поговорки: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ». И такъ какъ завѣты этой морали все еще хранятся кабинетомъ, не далеко ушедшимъ впередъ сравнительно съ своими предшественниками, то рѣчь Н. А. Маклакова послужила, противъ его воли, аргументомъ въ пользу столь горячо оспариваемой имъ формулы.

Гораздо болѣе сдержанна, но не болѣе убѣдительна рѣчь А. С. Стишинскаго. Отожествляя министерство, «опирающееся на довѣріе и сочув-

ствіе страны», съ министерствомъ формально отвѣтственнымъ передъ парламентомъ, онъ старается доказать, что непрерывная смѣна министровъ, у насъ представляющая явленіе случайное, преходящее, въ государствахъ парламентарныхъ постоянна и неизбѣжна. Такъ думали многіе въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ виду того, что тогда происходило въ Франціи; но не пора ли отказаться отъ рискованнаго мнѣнія, и тогда уже, впрочемъ, находившаго опроверженіе въ исторіи Англіи?.. Утверждать, что министерство находитъ у насъ уже теперь точку опоры въ довѣріи и сочувствіи страны, А. С. Стишинскій не рѣшился; а между тѣмъ, только такимъ образомъ — если не примыкать къ теоріи «ограниченнаго ума подданныхъ», — можно было бы доказать, что пожеланіе, выраженное въ формулѣ, ненужно и несправедливо. По одному пункту, впрочемъ, А. С. Стишинскій оказался прямо солидарнымъ съ кабинетомъ: онъ заявилъ, что до окончанія войны не время говорить объ отмѣнѣ ограниченій для лицъ польскаго происхожденія въ Западномъ краѣ...

Къ чему же привело до сихъ поръ единеніе, установившееся по столь важнымъ вопросамъ между Госуд. Думой, Госуд. Совѣтомъ и дворянскимъ съѣздомъ? Фактически — ни къ чему. Перемѣны, происшедшія на-дняхъ въ составѣ кабинета, не имѣютъ никакого принципіальнаго значенія. Ничего не слышно объ уменьшеніи вліянія «безотвѣтственныхъ силъ». Запрещеніе съѣздовъ въ Москвѣ — симптомъ тѣмъ болѣе тревожный, что оно подверглось распространительному толкованію и сопровождалось цѣлымъ рядомъ печальныхъ явленій. Само собою разумѣется, что обсужденіе продовольственнаго вопроса Госуд. Думой ни оправданіемъ, ни даже объясненіемъ veto, наложеннаго на голосъ съѣздовъ, служитъ не можетъ. У общественныхъ союзовъ есть свои особыя задачи, разработкѣ которыхъ и должна была быть посвящена, главнымъ образомъ, дѣятельность съѣздовъ; но если бы они и коснулись другихъ вопросовъ, болѣе общихъ, то это могло бы только пролить новый свѣтъ на требованія данной минуты. И если бы съѣзды земскій, городской, военно-промышленный присоединились, такъ или иначе, къ резолюціямъ законодательныхъ учрежденій, то это было бы только новымъ доказательствомъ того, что и теперь совершенно несомнѣнно: преобладанія въ широкихъ, очень широкихъ кругахъ одного и того же взгляда, одного и того же чувства...

Къ богатому арсеналу полицейскихъ «предупредительныхъ» мѣръ, прибавилась, въ послѣдніе дни, высылка въ собственное имѣніе высылаемыхъ. Безспорно, эта новая варіація на старую тему свидѣтельствуетъ о неисчерпанной еще вѣрѣ въ дѣйствительность привычныхъ пріемовъ управленія; но не даетъ ли она поводъ заключить, что духъ протеста нашелъ доступъ въ такія сферы, куда онъ до сихъ поръ не проникалъ?.. Съ дру-

гой стороны, не только не прекращается и не ослабѣваетъ, но, повидимому, усиливается открытая и тайная работа, такъ называемыхъ, «монархическихъ организацій»: открытая — въ реакціонной прессѣ, тайная — въ «союзныхъ» чайныхъ и въ руководящихъ ими кабинетахъ. Ничтожная сама по себѣ, она характерна, какъ признакъ. Продолженіе субсидій, безъ которыхъ едва ли могли бы существовать газеты извѣстнаго типа, заставляетъ думать, что продолжается близость между властью и крайними изъ крайнихъ правыхъ. Чрезвычайно важно было бы знать, въ какой степени обоснованы свѣдѣнія, сообщаемыя по этому предмету въ печати и, слѣдовательно, прямо вызывающія повѣрку. «Союзъ русскаго народа», по словамъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» [1]) — «учрежденіе чрезвычайно солидное: стоитъ только какому-нибудь хулигану явиться къ доктору Дубровину и заявить себя человѣкомъ готовымъ на все, какъ ему немедленно выдается оружіе, разрѣшеніе на ношеніе и употребленіе его, и предоставляется право участвовать въ обыскахъ». Эти указанія не могутъ и не должны быть оставлены безъ вниманія. Вѣдь выдача разрѣшеній на ношеніе оружія зависитъ непосредственно и исключительно отъ полиціи; не трудно, поэтому, привести въ извѣстность, какую роль играетъ при ихъ полученіи рекомендація д-ра Дубровина или другого лица, сходнаго съ нимъ по положенію и дѣятельности. Столь же легко удостовѣриться, существуетъ ли особая категорія людей, облеченныхъ, въ силу подобныхъ же уполномочій, правомъ участвовать въ производствѣ обысковъ. Разъясненіе этихъ вопросовъ особенно необходимо именно теперь. Сообщеніе Сергѣя Прохожаго обратилось изъ сенсаціоннаго газетнаго извѣстія въ серьезный фактъ: петроградская прокуратура, произведя дознаніе, признала его достаточнымъ поводомъ для назначенія предварительнаго слѣдствія по ст. 1457 Улож. о Нак. [2]). Невольно приходятъ на память имена Герценштейна, Іоллоса, Караваева, о гибели которыхъ столь многое извѣстно, но столь немногое обнаружено офиціально [3]). Не имѣются ли и теперь налицо «на все готовые люди», кандидаты въ ремесленники наемнаго убійства?... Еще больше, по всей вѣроятности, кандидатовъ въ погромщики. На это довольно ясно намекаетъ органъ «союза русскаго народа». Напуганное рѣшеніемъ «зазорно пожелтѣвшаго» дворянскаго съѣзда, готовое заподозрить въ неблагонадежности даже часть правительства, «Русское Знамя» принимаетъ угрожающую позу. Правые при Самодержцѣ,—восклицаетъ оно,—могутъ стать лѣвыми

---

[1]) № 15973, статья: „Повѣсть о Ванькѣ Каинѣ".

[2]) Статья 1457-я предусматриваетъ приготовленіе къ убійству, подлежащее уголовной карѣ вопреки общему правилу о ненаказуемости этой стадіи осуществленія преступнаго умысла.

[3]) Большого вниманія заслуживаетъ именно теперь статья В. Л. Бурцева объ убійствѣ Іоллоса, помѣщенная въ № 15977 „Биржевыхъ Вѣдомостей".

при конституціонномъ монархѣ, и такими еще лѣвыми, какихъ не рождала ни одна страна». Ни на что другое, кромѣ погрома, правые, группирующіеся подъ знаменемъ доктора Дубровина, неспособны; только погромщиками они останутся и тогда, когда назовутъ себя лѣвыми. Теперь у нихъ имѣется, кромѣ вспоминаній 1905 и 1906 гг., еще одинъ заманчивый образецъ: недавнее избіеніе въ Аѳинахъ венизелистовъ и подданныхъ державъ согласія...

Но если не достигнуты реальныя цѣли, намѣченныя въ ноябрьскихъ формулахъ, если въ активъ движенія можно включить, до сихъ поръ, только уходъ Б. В. Штюрмера и генерала Курлова, то отсюда еще не слѣдуетъ, что оно прошло безслѣдно. Въ политической жизни, особенно въ томъ ея фазисѣ, какого она достигла у насъ въ Россіи, исходъ борьбы далеко не всегда обрисовывается сразу; отсутствіе, въ данную минуту, успѣха не всегда равносильно пораженію. Можно было бы, пожалуй, понять ликованіе правыхъ, заинтересованныхъ въ томъ, чтобы все возможно дольше оставалось по старому; но такого ликованія что-то не слышно, — и это неудивительно, потому что слишкомъ невыгодно для правыхъ многое, обнаружившееся во время боя. Труднѣе объяснить себѣ категорическія утвержденія, идущія съ противоположной стороны — утвержденія, что ошибся прогрессивный блокъ, ошиблись всѣ, къ нему примкнувшіе, что партія проиграна ими и проиграна по собственной ихъ винѣ, изъ-за неудачнаго выбора какъ цѣлей, такъ и способовъ дѣйствія. Исчерпывающее обсужденіе возникающаго такимъ образомъ вопроса было бы сопряжено теперь съ непреодолимыми трудностями; серьезныя препятствія оно встрѣтило даже въ Госуд. Думѣ, тѣмъ болѣе встрѣтило бы въ печати. Неравнымъ было бы при томъ положеніе спорящихъ сторонъ. Ограничусь поэтому немногими замѣчаніями. Совпадаетъ ли общественное настроеніе, какимъ оно сознается и чувствуется въ настоящую минуту, съ настроеніемъ, предшествовавшимъ открытію, 1 ноября, законодательной сессіи? Несомнѣнно — нѣтъ. На многое у многихъ открылись глаза; многое, остававшееся въ тѣни, стало ясно. Въ области юриспруденціи существуетъ правило: невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ. Въ области политической жизни дѣйствуетъ неписанное, но тѣмъ не менѣе обязательное правило: незнаніемъ стремленій и взглядовъ, широко распространенныхъ въ народѣ, никто изъ тѣхъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ, отговариваться не долженъ. Объ этомъ послѣднемъ правилѣ внушительно напомнили недавнія событія, — и трудно предположить, чтобы ихъ смыслъ долго оставался неугаданнымъ или непризнаннымъ... Для правильной оцѣнки достигнутаго необходимо принять въ расчетъ количество и качество силъ, участвовавшихъ въ достиженіи. Для каждаго учрежденія, какъ и для каждаго отдѣльнаго лица, есть граница, дальше которой оно идти не можетъ; законно только требованіе, чтобы оно до нея дошло. И вотъ, именно до такой границы готова, повидимому, дойти Госуд. Дума четвертаго созыва. Обязанная своимъ бы-

тіемъ положенію 3-го іюня и, въ значительной мѣрѣ, руководительству избирательной кампаніи 1912 года, она не могла, рѣшившись идти впередъ, вступить на другой путь, кромѣ ею избраннаго. И она до сихъ поръ остается ему вѣрна. По той же дорогѣ пошелъ, въ критическій моментъ, и Госуд. Совѣтъ. Нарушенный, при такихъ условіяхъ, застой на разныхъ пунктахъ сталъ уступать мѣсто движенію. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы городскіе выборы въ Москвѣ происходили до 1 ноября, они не окончились бы столь блестящею побѣдой прогрессистовъ. Въ правой фракціи Госуд. Думы возникъ расколъ; изъ нея началось бѣгство. Священники принадлежащіе къ разнымъ фракціямъ, заговорили языкомъ для нихъ совершенно новымъ. Въ засѣданіи 29 ноября, за упомянутою выше рѣчью. В. И. Львова послѣдовали не менѣе откровенныя рѣчи трехъ священниковъ, Крылова, Немерцалова и Будиловича [1]). «Наша обязанность, — сказалъ о. Немерцаловъ, — громко, на всю православную Русь крикнуть, что православная церковь въ опасности: братья, берегитесь!.. На верхахъ церковныхъ протягивается какая-то грязная рука, желающая властно править судьбами церкви». Не знаменательно ли, что грозящая Россіи опасность провозглашается въ одно и то же время опытнымъ юристомъ, достигшимъ высшихъ ступеней государственной службы, и скромнымъ провинціальнымъ іереемъ, не выдѣлявшимся до сихъ поръ изъ массы консервативно настроеннаго думскаго духовенства? Націоналистомъ числился прежде и священникъ Филоненко, такъ горячо убѣждавшій своихъ собратій, сидящихъ на крайней правой, порвать всякую связь съ «идеологами насилія». Онъ пошелъ еще дальше: онъ обратился ко всему православному духовенству съ призывомъ «строить новую жизнь, чуждую вражды и человѣконенавистничества, осуществлять идею правды Божіей и вмѣстѣ съ тѣмъ свободы и равенства для всѣхъ здѣсь на землѣ». Не можетъ быть, чтобы перемѣна въ построеніи и взглядахъ думскихъ священниковъ не отразилась далеко за предѣлами Думы; не можетъ быть, чтобы во время новыхъ выборовъ, православное духовенство вновь выступило въ той печальной роли, которую оно сыграло въ 1912-мъ году. Характеренъ далѣе фактъ неоднократной присылки рабочими петроградскихъ фабрикъ депутацій къ предсѣдателю Госуд. Думы. Это даетъ право думать, что сознаніе значенія, пріобрѣтеннаго Думой, начинаетъ проникать въ среду, до сихъ поръ стоявшую въ сторонѣ отъ законодательныхъ учрежденій. Россія теперь не та, какою она была, или, по крайней мѣрѣ, казалась еще недавно. На сторонѣ правительства нѣтъ ни одной законодательной палаты, ни одного сословія, ни одной партіи, кромѣ безнадежно и быстро тающей группы крайнихъ правыхъ, ни одного органа печати, кромѣ содержимыхъ на казенныя средства,

[1]) Въ спискахъ членовъ Госуд. Думы о. Крыловъ значится принадлежащимъ къ центру, о. Немерцадовъ — націоналистомъ, о. Будиловичъ — октябристомъ.

ни одной общественной организаціи, кромѣ окончательнаго дискредитированныхъ «союзовъ», именующихъ себя монархическими, но менѣе всего служащихъ истиннымъ интересамъ монархіи. Правда, на сторонѣ власти остается сила; но не при всякихъ условіяхъ внѣшней силой достигается и обезпечивается внутренняя крѣпость. Сила можетъ быть дѣйствительнымъ орудіемъ противъ силы, можетъ отразить открытое нападеніе, выдержать открытую борьбу; но противъ кого и противъ чего она можетъ быть пущена въ ходъ при спокойствіи улицы, при отсутствіи активнаго сопротивленія? Слишкомъ недавно еще, при томъ, у насъ были примѣнены, въ небывалыхъ размѣрахъ и съ небывалою остротою самыя различныя, самыя крайнія формы репрессіи; нелегко было бы прибѣгнуть къ нимъ вновь, въ особенности при полномъ отсутствіи вызова съ другой стороны. Не случайно генералъ Курловъ призналъ нужнымъ сложить съ себя вновь предоставленное ему званіе; онъ почувствовалъ, вѣроятно, что теперь очередь не за «исполнителями» его типа, а за государственными людьми въ истинномъ смыслѣ этого слова. Такихъ людей не оказывается въ той средѣ, откуда до сихъ поръ длинной вереницей выходили министры. А между тѣмъ обстоятельства складываются такъ, что все больше и больше чувствуется потребность въ русскихъ Асквитахъ и Ллойдъ-Джорджахъ, русскихъ Виваніи и Бріанахъ.

Закончивъ обсужденіе общихъ политическихъ темъ, связанныхъ съ декларацiей министерства, Государственная Дума и Государственный Совѣтъ перешли къ текущимъ дѣламъ. Въ Госуд. Думѣ на первую очередь былъ поставленъ продовольственный вопросъ. Отношеніе свое къ нему Дума выразила, послѣ продолжительныхъ преній, въ формулѣ перехода, принятой въ засѣданіи 5 декабря. По своей подробности эта формула, какъ справедливо замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ, больше похожа на законодательное предположеніе. И, можетъ быть, именно въ такомъ порядкѣ было бы наиболѣе цѣлесообразно направить, въ данномъ случаѣ, думскую работу. Принявъ форму законопроекта, она настоятельно потребовала бы вниманія со стороны правительства, а затѣмъ и со стороны Госуд. Совѣта; оставить ее безъ отвѣта было бы невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый ея отдѣлъ былъ бы изложенъ съ такою опредѣленностью и точностью, какою резолюція можетъ и не отличаться. Въ законопроектѣ не было бы мѣста для такихъ выраженій, какъ «и т. п.», двукратно встрѣчающееся въ формулѣ перехода. Что означаетъ оно, напримѣръ, въ пун. 8, гласящемъ, что «долженъ быть произведенъ полный и точный учетъ рабочей силы имперіи и установлено болѣе цѣлесообразное и справедливое распредѣленіе наличныхъ трудовыхъ силъ, въ частности — военноплѣнныхъ, рабочихъ дружинъ, военныхъ командъ и т. п.»?.. Быть можетъ, для составленія законодатель-

наго предположенія понадобилось бы нѣсколько больше времени; но пренія о немъ едва ли были бы болѣе продолжительны. Въ такомъ вопросѣ, какъ продовольственный, недопустима медленность, но не желательна и чрезмѣрная торопливость. Правильнѣе поэтому было бы отложить голосованіе формулы до слѣдующаго засѣданія, какъ о томъ просили прогрессисты, ссылаясь на ея сложность. Трехдневная отсрочка была бы, по всей вѣроятности, болѣе чѣмъ компенсирована увеличеніемъ большинства голосовъ, поданныхъ за формулу; теперь оно составляетъ всего 114 голосовъ, противъ 17, при 87 воздержавшихся (въ число послѣднихъ, кромѣ прогрессистовъ, вошли трудовики и правые націоналисты). Но если въ пассивъ прогрессивнаго блока можно поставить его неуступчивость въ вопросѣ объ отсрочкѣ, то нельзя не вспомнить, что первоисточникъ прискорбныхъ треній заключается въ выходѣ прогрессистовъ изъ состава блока, уменьшившемъ авторитетъ столь много сдѣлавшей коалиціи и вмѣстѣ съ тѣмъ не поднявшемъ авторитетъ выдѣлившейся фракціи. Какіе бы ни были внѣшніе поводы къ разладу, внутренняя близость между фракціей прогрессистовъ и фракціей народной свободы настолько велика, что совмѣстная ихъ дѣятельность, при существующихъ условіяхъ вполнѣ возможна, вполнѣ цѣлесообразна. Расхожденіе ихъ, проявляющееся, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, и при выборѣ комиссій, можетъ быть полезно только ихъ принципіальнымъ противникамъ — тому «третьему радующемуся», которому ненавистно и опасно всякое единеніе оппозиціонныхъ элементовъ. Въ продовольственномъ дѣлѣ ничто не мѣшало прогрессистамъ внести поправки къ резолюціи прогрессивнаго блока, общій характеръ которой не могъ не быть имъ заранѣе извѣстенъ. Противъ ея главныхъ положеній они едва ли стали бы возражать по существу.

Покончивъ съ продовольственнымъ дѣломъ, Госуд. Дума перешла къ обсужденію законопроекта о волостномъ земствѣ, запроса о нарушеніи ст. 87 Зак. Осн. и нѣкоторыхъ указовъ, изданныхъ на основаніи этой статьи. Послѣднее слово по всѣмъ этимъ предметамъ Думою еще не сказано, но кое-что уже теперь, послѣ засѣданій 8 и 9 декабря, можно считать достаточно выясненнымъ. Сюда относится, напримѣръ, вопросъ о распредѣленіи между министерствомъ и Думой отвѣтственности за неправильное примѣненіи ст. 87. Что въ пользованіи чрезвычайно указнымъ правомъ съ самаго начала министерствомъ допускался и допускается до сихъ поръ рядъ сознательныхъ, систематическихъ отступленій отъ закона—это давно уже не подлежитъ никакому сомнѣнію, это признано теперь г. Щегловитовымъ въ Госуд. Совѣтѣ, г. Замысловскимъ—въ Госуд. Думѣ. Что касается до Госуд. Думы, то въ первые годы послѣ избранія она — какъ и ея предшественница, Дума третьяго созыва,—безспорно допускала небрежное отношеніе къ обязанностямъ, возлагаемымъ на нее статьею 87; она не спѣшила съ рѣшеніемъ судьбы указовъ, изданныхъ въ чрезвычайномъ порядкѣ, по цѣлымъ годамъ

оставляя ихъ безъ движенія въ своихъ комиссіяхъ. Только весною нынѣшняго года, напримѣръ, существенно дополненный ею указъ 5 октября 1906 года объ уравненіи крестьянъ съ другими сословіями, облеченъ въ форму законопроекта и переданъ въ Госуд. Совѣтъ. Иное дѣло — безчисленные указы, обнародованные послѣ начала міровой войны. Медленность ихъ разсмотрѣнія меньше всего можетъ быть поставлена въ вину Госуд. Думѣ, которая за все это время засѣдала не болѣе 5—6 мѣсяцевъ и нѣсколько разъ была неожиданно распускаема, иногда — прежде истеченія двухмѣсячнаго срока, установленнаго ст. 87. Совершенно неудачной поэтому была попытка г. Замысловскаго доказать, что отвѣтственность за ненормальное положеніе дѣла падаетъ, главнымъ образомъ, на Думу. Во всякомъ случаѣ, Дума рѣшила поправить свою ошибку; ея комиссіямъ поручено выдѣлить указы, изданные съ явнымъ нарушеніемъ закона, и въ засѣданіи 9 декабря ею отклонены четыре указа этой категоріи. Сами по себѣ они безспорно очень маловажны, относясь къ учрежденію новыхъ сыскныхъ отдѣленій или къ переводу существующихъ изъ одного разряда въ другой; но именно эта маловажность ярко иллюстрируетъ ихъ незаконность. Въ самомъ дѣлѣ, неужели могли быть такія чрезвычайныя, непредвидѣнныя обстоятельства, которыя требовали бы немедленнаго обостренія охраны или немедленнаго увеличенія числа спеціальныхъ охранителей?.. За первымъ шагомъ должны послѣдовать другіе, гораздо болѣе серьезные. Едва ли, напримѣръ, останется въ силѣ указъ объ устройствѣ главнаго управленія здравоохраненія.

Скончавшійся на-дняхъ Г. Н. Штильманъ принадлежалъ къ числу тѣхъ работниковъ періодической печати, которые, рѣдко подписывая свои статьи, остаются мало извѣстными широкой публикѣ, но высоко цѣнятся всѣми ближе знакомыми съ ихъ дѣятельностью. Далеко не всѣмъ читателямъ «Права», «Новаго Пути», «Товарища», «Слова» (когда его издавалъ М. М. Федоровъ), было знакомо имя Штильмана, но его труды не проходили для нихъ безслѣдно. Какъ фактическій, одно время, редакторъ «Слова», онъ оставилъ самую лучшую память среди сотрудниковъ этой газеты. Въ «Вѣстникѣ Европы» появилась одна изъ послѣднихъ его статей: «Война и патріотизмъ» (1916 г., іюль), написанная горячо и ярко. Раньше онъ напечаталъ у насъ слѣдующія статьи: «Реформа уголовнаго законодательства въ Германіи» (1910 г., августъ); «Вопросъ о судѣ присяжныхъ въ Германіи» (1911 г., январь); «Отвѣтственность за преступленія періодической печати» (1912 г., іюнь); «Уголовно-правовая охрана выборовъ» (1912 г., октябрь).

Большой потерей для русскаго юридическаго міра является смерть М. И. Бруна, ученика и друга С. М. Муромцева, сотрудника его по «Юри-

дическому Вѣстнику», одного изъ лучшихъ знатоковъ частнаго международнаго права. Въ «Вѣстникѣ Европы» онъ помѣстилъ статью: «Палата лордовъ въ Англіи» (1906 г., май).

P. S. Вмѣсто освѣженія и очищенія атмосферы, котораго можно было ожидать нѣсколько недѣль тому назадъ, происходитъ нѣчто прямо противоположное. Каждый день приноситъ съ собой новыя усложненія, и значительная ихъ часть исходитъ изъ того вѣдомства, во главѣ котораго стоитъ бывшій товарищъ предсѣдателя Госуд. Думы. Не выступая передъ лицомъ своихъ недавнихъ товарищей съ отвѣтомъ на обвиненія, идущія изъ ихъ среды, предпочитая полемизировать съ ними въ печати, защищая въ одно и то же время и свои офиціальныя распоряженія, и свои издательскіе планы, А. Д. Протопоповъ доходитъ въ борьбѣ съ общественностью, о близости къ которой онъ говорилъ еще такъ недавно, до крайностей, передъ которыми отступалъ даже Б. В. Штюрмеръ. Въ засѣданіи Госуд. Думы 13 декабря произошло нѣчто небывалое: закрытія дверей Думы, совершавшагося до сихъ поръ только по иниціативѣ министровъ военнаго и морского, въ видахъ охраненія военной тайны, потребовалъ управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, по вопросу, не имѣющему ничего общаго съ государственной обороной. Не подлежащимъ оглашенію онъ призналъ разбирательство по запросу, предметомъ котораго служили обстоятельства, сопряженныя съ запрещеніемъ московскихъ съѣздовъ. Этотъ запросъ, какъ видно изъ газетныхъ сообщеній, былъ выработанъ только утромъ 13-го числа и около 1 ч. дня врученъ предсѣдателю Думы; но еще за полчаса передъ тѣмъ М. В. Родзянко получилъ отъ А. Д. Протопопова письмо (позднѣе подтвержденное А. Ф. Треповымъ), требовавшее устраненія гласныхъ преній по запросу. Двери были закрыты, но авторы запроса не нашли возможнымъ обсужденіе его при столь ненормальныхъ условіяхъ, и запросъ былъ ими снятъ. Вслѣдъ затѣмъ П. Н. Милюковъ, отъ имени к.-д. фракціи, но съ согласія прогрессивнаго блока, предложилъ поставить на повѣстку слѣдующаго засѣданія обсужденіе объясненій правительства по принятому еще весною вопросу объ обезпеченіи свободы дѣйствій союзовъ земскаго и городского. Предложеніе это Думою принято.

О московскихъ событіяхъ, связанныхъ съ запрещеніемъ съѣздовъ, московская печать, а вслѣдъ за нею и петроградская, по «независящимъ причинамъ» можетъ сообщить лишь сравнительно немногое. Не подлежитъ сомнѣнію, во всякомъ случаѣ, одно: чрезвычайно широко примѣнялся, въ эти тяжелые дни, указъ 1 сентября, распространившій до крайнихъ предѣловъ область надзора за собраніями. Полицейскіе наблюдатели появлялись въ такихъ учрежденіяхъ, которыя никогда еще не видѣли ихъ въ своихъ стѣнахъ. Была сдѣлана попытка подвергнуть надзору

даже губернское земское собраніе; не остались отъ него свободными даже дѣтскіе врачи. Не знаю, внесенъ ли въ Думу указъ 1-го сентября; во всякомъ случаѣ, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, изданіе которыхъ явно шло въ разрѣзъ съ прямымъ смысломъ ст. 87 Зак. Осн. — Отклоненіе Думою четырехъ указовъ той же категоріи не остались безъ вліянія на министерство; А. Д. Протопоповъ взялъ назадъ изъ Думы тринадцать указовъ той же категоріи, т. е. призналъ ихъ какъ бы не внесенными въ Думу и, слѣдовательно, потерявшими силу.

Нельзя не пожалѣть, что для обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ мѣстными властями, не установлено корректива въ родѣ того, какимъ служитъ думское veto для пользованія чрезвычайно-указнымъ правомъ. Эти постановленія сплошь и рядомъ являются какъ бы мѣстными законами, противорѣчащими общимъ. И издаются они иногда по «предуказаніямъ» центральнаго правительства. Это прямо выражено въ недавнемъ обязательномъ постановленіи петроградскаго градоначальника, установляющемъ кару за невѣдомый до сихъ поръ проступокъ: «сообщеніе незавѣдомо ложныхъ слуховъ». Не говорю уже о томъ, что «незавѣдомая ложь» — contradictio in adjecto: введеніе въ жизнь этой юридической и логической необразности можетъ создать для печати непреодолимыя трудности въ исполненіи одной изъ ея существенно важныхъ задачъ — сообщенія свѣдѣній, офиціально и формально не подтвержденныхъ. Все шире и шире раздвигается область вынужденнаго молчанія, столь мало отвѣчающаго потребностямъ проснувшагося общественнаго мнѣнія.

Въ засѣданіи 13 декабря Дума закончила общія пренія по законопроекту о волостномъ земствѣ и рѣшила перейти къ постатейному его обсужденію. Отлагая разборъ вопроса, которому нашъ журналъ въ теченіе цѣлой трети вѣка придавалъ особенную важность, замѣчу только, что въ рѣчахъ, которыя ему посвятили депутаты-крестьяне, отразился съ большою ясностью тотъ подъемъ политическаго сознанія, о которомъ шла рѣчь выше, какъ о характерномъ признакѣ времени.

P. S. Въ послѣдній день передъ перерывомъ сессіи, 16-го декабря, Госуд. Дума приняла слѣдующую формулу перехода, предложенную прогрессивнымъ блокомъ: «находя, что запрещеніе съѣздовъ городского и земскаго союзовъ находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ заявленіемъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, признавшаго ихъ высоко-патріотическую дѣятельность, что дѣятельность эта, необходимая для арміи, не можетъ правильно развиваться въ виду встрѣченнаго со стороны властей противодѣйствія, и что препятствія, поставленныя дѣятельности общественныхъ элементовъ, организовавшихся на помощь войнѣ, обостряютъ внутреннее недовольство и даютъ ему нежелательное направленіе, и, принимая во

вниманіе, что, какъ видно изъ заявленія земскаго и городского союзовъ, они поддерживаютъ неоднократно высказанное законодательными палатами мнѣніе о текущемъ моментѣ и даютъ, такимъ образомъ, яркое проявленіе нравственной связи страны съ народными представителями, Госуд. Дума, привѣтствуя патріотическую дѣятельность союзовъ на пользу обороны, рѣшительно осуждаетъ недопущеніе съѣздовъ». Эта формула показываетъ наглядно, что Дума остается вѣрной тому пути, на который она вступила съ самаго возобновленія сессіи.

К. Арсеньевъ.

ЭДУАРДЪ ФРАНЦЕВИЧЪ НАПРАВНИКЪ.

(родился 12 августа 1839 г., умеръ 10 ноября 1916 г.).

Смерть Направника не была неожиданною для музыкальнаго міра. Артистъ былъ тяжело боленъ уже около двухъ лѣтъ, и въ его годы борьба съ тяжелой болѣзнью оказалась не подъ силу. И тѣмъ не менѣе эта смерть является великою потерею для петроградскихъ музыкантовъ! Не потому, что мы могли разсчитывать вновь увидѣть Направника за дирижерскимъ пультомъ. Онъ самъ, несмотря на тяжкія страданія, во все время болѣзни лелѣялъ мечту опять взять въ руку дирижерскую палочку, но близкіе къ нему люди знали, что старику въ 77 лѣтъ, даже если бы онъ оправился отъ болѣзни, немыслимо вновь подвергнуться трудамъ и волненіямъ дирижерскаго дѣла. Какъ активный дирижеръ оперы, Направникъ не могъ бы вновь явиться среди насъ. Но для каждаго, любящаго родную оперу, отрадно было знать, что живетъ человѣкъ, совершившій огромное музыкально-культурное дѣло, артистъ, пользующійся исключительнымъ авторитетомъ, какъ музыкантъ и какъ человѣкъ, что къ нему можно придти за совѣтомъ и поддержкой въ минуты сомнѣній и тревогъ, которыми такъ обильны послѣдніе годы русской музыки.

И вотъ, этого человѣка не стало, его властный голосъ уже никогда не вмѣшается въ хоръ музыкальныхъ сужденій, онъ уже никогда не скажетъ намъ, что нужно сдѣлать для процвѣтанія русской оперы.

Но голосъ Направника, такъ много сдѣлавшаго для русской оперы, не можетъ замолкнуть безслѣдно: его личность еще вполнѣ жива въ памяти близкихъ ему людей, его сужденія и принципы должны еще и впредь служить руководящей нитью въ чрезвычайно сложномъ оперномъ дѣлѣ, и потому на обязанности тѣхъ людей, которые это могутъ сдѣлать, лежитъ — возсоздать духовный образъ великаго артиста и человѣка.

Направникъ сыгралъ совершенно исключительную роль въ исторіи русской оперы. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ онъ былъ руководящимъ центромъ сложной организаціи, онъ былъ мозгомъ художественнаго организма, и именно благодаря Направнику Императорская русская опера въ Петроградѣ достигла высоты первоклассной оперной сцены.

Если принять во вниманіе, что въ началѣ дѣятельности Направника (онъ сдѣлался первымъ камельмейстеромъ въ 1869 году, начавъ службу органистомъ и піанистомъ въ Императорской русской оперѣ въ 1863 г.), произведенія русскихъ композиторовъ, за отсутствіемъ частныхъ сценъ, могли исполняться только въ Императорскихъ театрахъ въ Петроградѣ и Москвѣ, и что такое положеніе длилось многіе годы, если знать, что первое исполненіе оперы на много лѣтъ впередъ рѣшаетъ ея судьбу, то можно безъ преувеличенія сказать, что судьба русскихъ оперныхъ композиторовъ многіе годы была въ рукахъ Направника, и руки эти были руки большого и честнаго художника: объ этомъ единогласно свидѣтельствуютъ сами русскіе композиторы.

За 50 лѣтъ своего дирижерства (первая опера, поставленная Направникомъ — въ 1864 г. — былъ «Донъ-Жуанъ» Моцарта) Направникъ поставилъ всего 80 оперъ [1]): 45 оперъ русскихъ и 35 иностранныхъ. Пять главныхъ русскихъ оперъ, поставленныхъ до 1869 г. («Жизнь за Царя» — поставлена въ 1836 г. К. Л. Кавосъ; «Русланъ и Людмила» — поставлена въ 1842 г. К. Ф. Альбрехтомъ; «Русалка», «Юдиѳь» и «Рогнѣда» — поставлены К. Н. Лядовымъ въ 1856 г., въ 1863 г., и въ 1866 г.), съ этого года постоянно шли подъ управленіемъ Направника. При этомъ та опера, которая является гордостью русской сцены, та опера, изъ которой, какъ изъ живоносснаго родника текутъ ручьи всего дальнѣйшаго національно-русскаго опернаго творчества, та опера, которая сразу поставила русское творчество на одну высоту съ величайшими европейскими образцами — «Русланъ и Людмила» — только при возобновленіи ея Направникъ въ 1871 году открылъ свои безсмертныя красоты публикѣ.

Изъ остальныхъ русскихъ оперъ, имѣющихъ значеніе, только четыре были поставлены не Направникомъ: «Князь Игорь» Бородина (1890 г.), «Орестейя» С. И. Танѣева (1895 г.), «Китежъ» Римскаго-Корсакова (1897 г.) и «Хованщина» Мусоргскаго (1911 г.).

Такимъ образомъ, не будетъ преувеличеніемъ сказать, что петроградская публика узнала всю русскую оперную литературу (да и всю иностранную!) въ толкованіи Направника. А каково было это толкованіе, лучше всего свидѣтельствуютъ отзывы самихъ композиторовъ. Я могу здѣсь не приводить отзывовъ Чайковскаго, бывшаго личнымъ другомъ Направника и чрезвычайно высоко цѣнившаго его указанія. Я сошлюсь лучше на отзывы Римскаго-Корсакова, питавшаго къ Направнику личную непріязнь, получившую такое откровенное выраженіе въ посмертной книгѣ Римскаго-Корсакова «Лѣтопись моей музыкальной жизни». Не-

---

[1]) Цитирую по моей книгѣ „Э. Ф. Направникъ". Къ 50-лѣтію его артистической дѣятельности. Санктпетербургъ. 1914 г.

пріязненное отношеніе Р.-Корсакова къ Направнику обусловливалось тѣмъ, что Направникъ честно и откровенно высказывалъ ему свое мнѣніе о его сочиненіяхъ, въ которыхъ бывали вещи, не вызывавшія сочувствія Направника — такихъ отзывовъ композиторы не прощаютъ[1]). Во всякомъ случаѣ, такъ думаетъ самъ Р.-Корсаковъ. Разсказывая о томъ, какъ онъ написалъ въ 1868 году статью порицательнаго смысла объ оперѣ Направника «Нижегородцы», Р.-Корсаковъ прибавляетъ: «Статья появилась за моею полною подписью. Конечно, статьею этой я испортилъ на всю жизнь свои отношенія съ Направникомъ, съ которымъ мнѣ вскорѣ пришлось познакомиться и варить кашу въ теченіе всей композиторской оперной дѣятельности. Разумѣется, Направникъ никогда не позволилъ себѣ намекнуть на мою статью, но не думаю, чтобы онъ о ней забылъ» (стр. 95, 1-го изданія). На стр. 277, говоря о постановкѣ «Млады», Р.-Корсаковъ пишетъ: «Направникъ, въ качествѣ сыщика фальшивыхъ нотъ, былъ, по обыкновенію, неподражаемъ. Сравнивая постановку «Снѣгурочки» въ Москвѣ и Петроградѣ, Р.-Корсаковъ пишетъ (стр. 286): «Въ Москвѣ «Снѣгурочка» съ менѣе отборными оркестровыми силами и съ дирижеромъ, не пользующимся ни у кого особенно высокимъ музыкальнымъ авторитетомъ (Альтани, постановка 1893 г.), пошла прекрасно. Въ Петербургѣ же, при опытномъ и отличномъ оркестрѣ, при дирижерѣ, пользующемся величайшимъ авторитетомъ у публики и музыкантовъ, она шла сухо и мертво, съ казенно-скоренькими темпами при отвратительныхъ купюрахъ. Я просто возненавидѣлъ Петербургъ съ его «великимъ мастеровымъ», какъ называетъ В. Стасовъ Направника». Искренно и откровенно!

Такъ пишетъ (въ посмертной книгѣ!) композиторъ о дирижерѣ, поставившемъ девять его оперъ! И что же? Въ концѣ своей книги (стр. 341) Р.-Корсаковъ по поводу постановки въ Маріинскомъ театрѣ его оперы «Садко» (въ 1901 г.) пишетъ: «Опера прошла прекрасно. Пріятно было наконецъ услышать свою музыку въ большомъ оркестрѣ и при надлежащей разучкѣ» . . . «Направникъ разучивалъ и дирижировалъ, не морщась, но, впослѣдствіи, все-таки сдалъ мою оперу Феликсу Блуменфельду». Изъ этихъ словъ Р.-Корсакова видно, что «мастеровой», которому въ это время было уже 62 года, все же прекрасно исполнялъ «Садко».

Для характеристики авторитета, которымъ пользовался Направникъ въ глазахъ композиторовъ, прибавлю еще одинъ фактъ. Цезарь Кюи, одинъ изъ пяти членовъ, «могучей кучки», которому, также какъ и Римскому-

---

[1]) Самъ Направникъ, прочитавъ „Лѣтопись“ Римскаго-Корсакова, объяснялъ враждебность къ нему композитора тѣмъ, что онъ, Направникъ когда-то сдѣлалъ купюры въ „Снѣгурочкѣ“.

Корсакову, приходилось выслушивать отъ Направника непріятные для композиторскаго слуха отзывы о своей музыкѣ при постановкѣ его оперъ: «Ратклифъ», «Анджело», «Кавказскій плѣнникъ» и «Сарацинъ», — въ 1911 году все же просилъ именно 72-лѣтняго Направника ставить его новую оперу «Капитанская дочка».

Отчего зависѣлъ этотъ непоколебимый дирижерскій авторитетъ Направника, сохранившійся за нимъ до самаго конца его жизни?

Авторитетъ Направника покоился на двухъ основахъ: музыкальной и моральной. Направникъ былъ не только первоклассный дирижеръ, но это былъ человѣкъ долга, человѣкъ съ исключительной силой воли.

Въ послѣднія 15—20 лѣтъ, съ пріѣзда къ намъ Никиша, принято говорить о Направникѣ въ снисходительномъ тонѣ, какъ о дирижерѣ, хотя и выдающемся, но сухомъ, мало увлекающемъ публику, безъ огня и т. п. Дѣйствительно, рядомъ съ Никишомъ, Маляромъ на концертной эстрадѣ Направникъ производилъ гораздо меньшее впечатлѣніе, и это имѣло достаточное объясненіе. Направникъ принадлежалъ къ тому типу дирижеровъ прежняго времени, которые прежде всего выдвигаютъ автора, стараясь оставить свою личную художественную индивидуальность какъ можно менѣе замѣтной. Въ исполненіи же Никиша и Малера индивидуальность дирижера такъ ярко выдвигается впередъ, что публика именно на него переноситъ, и вполнѣ заслуженно, всѣ свои восторги.

Но, не говоря уже о томъ, что Никишъ и Малеръ такіе артисты, которыхъ исторія дирижерскаго искусства знаетъ очень мало, самая индивидуализація этого искусства есть дѣло новѣйшаго времени, результатъ новѣйшей психики оркестроваго исполненія, создавшейся со временъ Ганса Бюлова.

Этой психикѣ не соотвѣтствовали ни природныя данныя художественнаго темперамента Направника, ни вся его выучка. И не въ этой области — магическаго владѣнія оркестромъ и публикой — нужно искать заслугу жизни Направника.

Конечно, и на концертной эстрадѣ Направникъ сдѣлалъ очень много, продирижировавъ симфоническими концертами Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества въ теченіе 13 сезоновъ (1869—1882 года), и отдѣльными концертами въ позднѣйшіе годы. И конкуренція съ нимъ Балакирева или Римскаго-Корсакова въ качествѣ дирижеровъ Безплатной Музыкальной Школы была дѣломъ достаточно безнадежнымъ. Но главный трудъ всей жизни Направника былъ въ русской оперѣ, и здѣсь онъ не имѣлъ соперниковъ даже въ послѣдніе годы.

Публика, посѣщающая оперу, имѣетъ такъ мало понятія о томъ громадномъ трудѣ, которымъ достигается радующее ее представленіе, что я позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ предметѣ.

Чтобы поставить оперу, въ музыкальномъ отношеніи, необходимъ цѣлый рядъ подготовительныхъ работъ, результатомъ которыхъ и является представленіе оперы, т. е. тотъ фазисъ постановки оперы, въ которомъ дирижеръ, не желающій нарочно выдвинуть свою персону, играетъ, по мнѣнію публики, второстепенную роль: машетъ палочкой, чтобы пѣвцы не разошлись съ оркестромъ. А между тѣмъ этотъ самый дирижеръ есть душа того сложнѣйшаго художественнаго дѣйствія, которое называется представленіемъ оперы. Но чтобы дѣйствительно быть душою представленія, дирижеръ долженъ предварительно продѣлать огромную работу разучиванія оперы съ исполнителями, число которыхъ можетъ достигать нѣсколькихъ сотенъ.

Дирижеръ разучиваетъ отдѣльно всѣ партіи съ пѣвцами подъ фортепіано и придаетъ ихъ исполненію то единое пониманіе музыкальнаго содержанія, которое образуетъ стиль произведенія. Точно такъ же отдѣльно подъ фортепіано разучиваются хоры. И, наконецъ, отдѣльно проходится оркестровая часть партитуры. Это самая трудная часть дирижерской работы, въ которой дирижеръ либо укрѣпляетъ свой авторитетъ въ глазахъ оркестра, либо теряетъ его безповоротно, и тогда никакая внѣшняя дисциплина не можетъ вернуть утерянный дирижеромъ авторитетъ. А сколько дирижеровъ, плѣняющихъ публику красотою и темпераментомъ своего жеста, пребольно ушибались на этомъ скользкомъ пути оркестровой корректуры. Именно во время оркестровой корректуры можно было понять, какая величина Направникъ! Я игралъ подъ управленіемъ первѣйшихъ капельмейстеровъ Европы — Никишъ, Малеръ, Рихтеръ, Мотль, Мукъ — и беру на себя смѣлость утверждать, что во владѣніи оркестромъ Направникъ спокойно могъ стоять съ ними рядомъ.

Что же означаетъ это владѣніе оркестромъ и чѣмъ оно достигается?

Когда дирижеръ дѣлаетъ корректуру оркестровой части оперы, онъ читаетъ глазами партитуру, т. е. слышитъ внутреннимъ слухомъ все то безчисленное множество звуковъ, изображенныхъ на 30-ти и болѣе линейкахъ партитуры, которое образуетъ сложнѣйшія комбинаціи, и въ то же время онъ внѣшнимъ слухомъ слѣдитъ за выполненіемъ этихъ комбинацій инструментами, руководя движеніями палочки ритмомъ исполненія. Чтобы понять, въ чемъ особенная трудность этой работы, нужно знать, что помимо того, что услышать каждый звукъ сложнаго аккорда, исполняемаго оркестромъ само по себѣ достаточно трудно, трудность эта особенно увеличивается тѣмъ, что въ отдѣльныхъ партіяхъ и въ партитурѣ, особенно рукописныхъ, бываетъ масса ошибокъ, и что исполнители при чтеніи нотъ еще ошибаются сами по себѣ. И вотъ каждому исполнителю дирижеръ долженъ сказать, какая у него нота, при чемъ въ разныхъ инструментахъ одинъ и тотъ же знакъ имѣетъ разное значеніе. Горе тому дири-

жеру, который не можетъ отвѣтить на вопросъ музыканта, какая должна быть нота! [1]).

Вотъ здѣсь Направникъ былъ незамѣнимъ. Онъ приходилъ на репетицію, изучивъ въ точности партитуру, и, благодаря теоретическимъ познаніямъ и необычайной тонкости слуха, могъ съ полной увѣренностью сказать каждому, что онъ долженъ играть, и если Направникъ на корреитурѣ сложнѣйшей музыки, не останавливая исполненія, кричалъ: «третья валторна ми бемоль», то музыкантъ зналъ, что это вѣрно, и исправлялъ ошибку, не останавливая репетицію вопросомъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ работъ начинаются совмѣстныя репетиціи всѣхъ исполнителей. Здѣсь работа дирижера становится еще гораздо труднѣе. Кромѣ оркестра, онъ долженъ одновременно слушать и хоръ, и пѣвцовъ, и, дирижируя палочкой, онъ долженъ еще иногда дирижировать звонкомъ органисту или закулисному хору. Но, кромѣ этихъ чисто музыкальныхъ функцій дирижеръ долженъ еще слѣдить за дисциплиной нѣсколькихъ сотъ исполнителей, долженъ заставить ихъ быть всѣмъ своимъ вниманіемъ въ общемъ дѣлѣ. Вотъ сколько функцій одновременно долженъ выполнять дирижеръ! Легко себѣ представить, какъ это утомительно, особенно если репетиція длится часовъ 5 подъ рядъ. Но дирижеръ не смѣетъ уставать! Какъ только, сами достаточно уставшіе, исполнители замѣтятъ, что дирижеръ усталъ и ослабѣлъ, дѣло тотчасъ же начинаетъ ползти по всѣмъ швамъ: вниманіе исчезаетъ, во всѣхъ углахъ слышна болтовня, ошибки становятся такъ часты, что продолжать репетицію невозможно. Вотъ здѣсь Направникъ былъ на наибольшей высотѣ требованій, предъявляемыхъ къ дирижеру. Обладая желѣзнымъ ритмомъ, онъ умѣлъ прежде всего подчинить этому ритму всѣхъ участвующихъ, такъ что у Направника играли и пѣли «вмѣстѣ». Обладая исключительной памятью, Направникъ помнилъ всѣ вступленія голосовъ и инструментовъ, и исполнители твердо знали, что въ нужный моментъ они получатъ указаніе дирижера, если не палочкой, то взглядомъ. Но зато и промахи исполнителей Направникъ хорошо помнилъ, и бывало черезъ двѣ недѣли въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ошибся музыкантъ, къ нему поворачивается голова дирижера, и на немъ останавливается его взглядъ.

Наконецъ, выносливость Направника въ работѣ была изумительная, и всѣ исполнители хорошо знали, что то, что сегодня нужно пройти, будетъ пройдено, хотя бы пришлось сидѣть еще столько же времени, и потому каждый понималъ, что его промахъ, заставляющій сто человѣкъ по-

---

[1]) Въ Маріинскомъ театрѣ сохранился классическій отвѣтъ одного, уже давно умершаго, балетнаго дирижера. На вопросъ музыканта онъ добродушно отвѣтилъ: „Ну что ты ко мнѣ присталъ? Вѣдь не я сочинялъ эту музыку! Ну, играй ми бемоль“; „Игралъ, фальшиво выходитъ“. „Ну, играй ми бекаръ!“ „Игралъ — тоже фальшиво“. „Ну, играй піано!“.

вторять вновь то, что уже сыграно, есть вещь непростительная, и каждый подтягивался, напрягая все свое вниманіе.

Такимъ образомъ достигалось такое знаніе каждымъ своей партіи, такой точный и дружный ансамбль, при которомъ выявленіе эмоціональнаго содержанія музыки уже не встрѣчало препятствій въ технической сторонѣ дѣла и являлось результатомъ художественнаго подъема во время исполненія оперы передъ публикой. И такое исполненіе достигалось не внѣшними принудительными мѣрами, не взысканіями за промахи или нарушенія дисциплины, а исключительно личнымъ примѣромъ въ работѣ и необыкновеннымъ капельмейстерскимъ умѣніемъ Направника. Зато опера, выученная Направникомъ, на долгіе годы запечатлѣвалась въ памяти всѣхъ исполнителей, и возобновленіе ея черезъ нѣсколько лѣтъ являлось прямо легкимъ дѣломъ.

Оперы подъ управленіемъ Направника исполнялись всегда съ непоколебимой увѣренностью, которую не могли нарушить неизбѣжные случайные промахи пѣвцовъ и инструменталистовъ. Помня каждую ноту партируры, Направникъ въ опасную минуту умѣлъ всегда остановить невѣрно вступившаго и показать ему новое вступленіе, и только укоризненное покачиваніе головой или особый угрожающій жестъ палочки, вызывалъ холодокъ въ сердцѣ провинившагося. Увѣренность Направника въ томъ, что все въ свое время окажется на мѣстѣ, была такъ велика, что онъ, не колеблясь, переставалъ дирижировать, даже въ ансамбляхъ, чтобы обернуться и внушительно посмотрѣть на болтающихъ музыкантовъ (прежде Направникъ сидѣлъ у самой рампы, имѣя оркестръ за спиною).

Самъ Направникъ до послѣднихъ годовъ, когда старость и болѣзни стали брать верхъ надъ желѣзной волей артиста, никогда не дѣлалъ ошибокъ въ дирижированіи, ни разу не далъ невѣрнаго дѣленія ритма, ни разу не показалъ невѣрнаго вступленія. За 25 лѣтъ, что я игралъ подъ управленіемъ Направника, я помню только одинъ его промахъ. Въ «Жизни за Царя» выходная арія Антониды въ первомъ актѣ предшествуется оркестровымъ вступленіемъ. Вѣроятно, Направникъ о чемъ-то задумался и послѣ хора и заключенія оркестра прямо далъ знакъ Мравиной начинать. Наша превосходная пѣвица, не слыша вступленія оркестра (соло кларнета), съ изумленіемъ смотритъ на Направника, тотъ настойчиво повторяетъ свой жестъ, и Мравина послушно начинаетъ: «Въ поле чистое гляжу» ... Въ это мгновеніе Направникъ понялъ свою ошибку, улыбнулся и показалъ оркестру, что слѣдуетъ пропустить все вступленіе.

Въ послѣдніе годы былая увѣренность Направника стала исчезать. Онъ сталъ бояться за свою память, и все больше и больше смотрѣлъ при дирижированіи въ партитуру, тогда какъ прежде всѣ трудныя мѣста онъ дирижировалъ наизусть, взглядомъ поддерживая указанія своей палочки. Но это было въ послѣдніе годы, когда Направникъ, перейдя за 70 лѣтъ,

сталъ сильно страдать отъ болѣзней и дирижировалъ иногда совсѣмъ больной. Но бросить дорогое ему дѣло, составлявшее самую существенную часть его жизни, Направникъ не могъ — это было свыше его силъ.

Точно также съ ослабленіемъ физическихъ силъ Направника, стали измѣняться его темпы: еще скорые темпы онъ выдерживалъ, но очень медленные темпы были ему не подъ силу, у него какъ бы не хватало дыханія, и напр. «Вступленіе» къ «Лоэнгрину» онъ дирижировалъ замѣтно скорѣе, чѣмъ прежде.

Я упоминаю объ этомъ потому, что посѣтители Маріинскаго театра, не знавшіе Направника раньше и судившіе о его дирижированіи по исполненіи послѣднихъ годовъ, составятъ себѣ невѣрное понятіе о дирижерѣ Направникѣ, а тѣмъ, которые повторяютъ слова Римскаго-Корсакова, приведенныя мною выше, о «казенно-скоренькихъ темпахъ» Направника, я напомню только финалъ второго акта изъ «Тангейзера» или финалъ «заклинанія мечей» въ «Гугенотахъ», какъ они исполнялись Направникомъ въ былое время: здѣсь было настоящее художественное вдохновеніе, передававшееся отъ дирижера всѣмъ участвовавшимъ артистамъ, при чемъ Направникъ для передачи самыхъ сильныхъ по выразительности мѣстъ партитуры, никогда не прибѣгалъ къ внѣшнимъ пріемамъ, иллюстрирующимъ темпераментъ дирижера [1]).

Но никакая степень умѣнія дирижировать, никакая сила внѣшней власти капельмейстера не могутъ создать ему такого авторитета, какимъ пользовался Направникъ, если авторитетъ этотъ не опирается еще на моральную основу. Эта моральная основа можетъ быть кратко опредѣлена такъ: для Направника выше всего на свѣтѣ были двѣ вещи — честь артиста и честность человѣка.

Что такое была для Направника честь артиста?

Она состояла въ томъ, чтобы при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ его исполненіе было наилучшимъ, чтобы онъ самъ не могъ себя упрекнуть за тотъ или другой недостатокъ исполненія, котораго можно было бы избѣгнуть при большемъ напряженіи силъ дирижера. Но вѣдь исполненіе оперы зависитъ отъ совмѣстной работы нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Какъ же можетъ одинъ дирижеръ отвѣчать за всѣхъ? Вотъ эту отвѣтственность Направникъ и бралъ на себя, и каждый промахъ музы-

---

[1]) По этому поводу считаю нелишнимъ сохранить каламбуръ, очень распространенный въ прежніе годы въ музыкальныхъ кругахъ. Вторымъ дирижеромъ въ Императорской оперѣ былъ много лѣтъ К. А. Кучера, нынѣ уже умершій. Онъ совершенно не пользовался авторитетомъ, и, несмотря на то, что съ первыхъ взмаховъ палочки становился весь мокрый, оркестра онъ не могъ разогрѣть. Объ этомъ говорили такъ: „у Кучера оркестръ сухой, а дирижеръ мокрый, у Направника дирижеръ сухой, а оркестръ весь въ поту“.

канта или пѣвца былъ ударомъ для Направника, разсматривался имъ, какъ оскорбленіе его чести, какъ ущербъ чести русской оперы, и онъ соотвѣтственно реагировалъ на такіе промахи, реагировалъ рѣшительно и рѣзко, хотя никогда не прибѣгалъ ни къ штрафамъ, ни даже къ грубымъ выраженіямъ. И на его замѣчанія, никто, даже самые избалованные артисты, не смѣлъ возразить, потому что каждый зналъ, что Направникъ защищаетъ честь русской оперы, защищаетъ ее изъ побужденій идеальнаго, а не личнаго свойства, что защищаетъ онъ ее всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, и что отъ защиты этой чести его нельзя отклонить никакими посторонними вліяніями.

А въ жизни артиста эти постороннія вліянія, отвлекающія его отъ идеальнаго служенія искусству, къ сожалѣнію, играютъ часто, почти всегда, слишкомъ большую роль. Изъ этихъ вліяній сильнѣйшими являются: женщины, деньги и слава.

О томъ, какое вліяніе на дѣятельность артиста имѣютъ женщины, можно прочитать въ біографіи почти каждаго великаго музыканта. Я напомню только біографію Вагнера и Листа, или менѣе извѣстный эпизодъ изъ жизни одного изъ величайшихъ дирижеровъ — Моттля. Его жена, пользуясь своимъ вліяніемъ на мужа, бывшаго директоромъ оперы въ Мюнхенѣ, за деньги устраивала карьеру пѣвцовъ на королевской сценѣ. Это раскрылось, когда одинъ изъ пѣвцовъ, не получившій обѣщаннаго, возбудилъ процессъ о возвращеніи ему денегъ, и открытіе это было для Моттля роковымъ моральнымъ ударомъ, ускорившимъ его смерть, послѣдовавшую отъ сердечнаго припадка.

Въ хроникѣ и преданіяхъ Маріинскаго театра не сохранилось даже намека на то, чтобы какая-нибудь пѣвица могла похвалиться, что ея положеніе въ оперѣ зависѣло отъ ея красоты или очарованія, плѣнившихъ Направника, а не отъ ея артистическихъ заслугъ. Въ 1865 году Направникъ женился на пѣвицѣ Императорской русской оперы Ольгѣ Эдуардовнѣ Шредеръ, но ея артистическая карьера отъ этого не выиграла, и никому и въ голову не приходило добиваться чего-нибудь на сценѣ отъ Направника, ища поддержки его супруги, а О. Э. Шредеръ была на сценѣ до 1882 года.

Второе искушеніе артиста — деньги. Какъ часто даже величайшіе художники звука изъ-за жадности къ деньгамъ унижаютъ свое высокое достоинство, выступая при такихъ условіяхъ, когда настоящее художественное исполненіе невозможно. Въ этомъ отношеніи Направникъ также былъ безупреченъ. Да у него просто и не было жадности къ деньгамъ. Всѣ свои силы въ теченіе 50-ти лѣтъ онъ отдавалъ Императорской русской оперѣ, получая за это, въ сущности говоря, не вполнѣ соотвѣтствующее его заслугамъ вознагражденіе. Но онъ не дѣлалъ никакихъ усилій для полученія бо́льшаго жалованья, хотя это жалованіе, небольшой гоно-

раръ за симфоническіе концерты [1]) и доходы отъ сочиненій были единственными источниками матеріальнаго обезпеченія Направника. Вотъ какое онъ получалъ жалованіе. Съ 10 сентября 1863 года до 19 мая 1864 года Направникъ служилъ безплатно. Затѣмъ жалованіе его было 500 р. въ годъ, съ 29 апрѣля 1865 года 800 р. въ годъ, съ 27 ноября 1868 года ему прибавленъ былъ полубенифисъ, съ 15 мая 1869 года Направникъ получалъ 3140 р. и полубенефисъ, съ 19 февраля 1873 года 7000 р., съ 1884 года и до конца жизни — 9000 рублей. За 50 лѣтъ службы Направникъ только одинъ разъ просилъ дирекцію Императорскихъ театровъ о пособіи. Это было въ 1868 году, когда Направникъ получалъ 800 рублей жалованія и для лѣченія долженъ былъ поѣхать за границу. Онъ получилъ пособіе въ 200 рублей.

Въ 1913 году по Высочайшему повелѣнію Направнику было выдано въ награду 9000 рублей. Эти деньги онъ пожертвовалъ на учрежденіе стипендіи для дѣтей артистовъ оркестра и хора въ добавленіе къ капиталу, пожертвованному имъ въ 1892 году. Всего на средства Направника при жизни его было учреждено 6 стипендій въ двухъ мужскихъ и одной женской гимназіи.

Наконецъ, третій соблазнъ, искажающій идеальный образъ артиста — желаніе славы, успѣха. Какъ больно видѣть, когда даже величайшіе артисты прибѣгаютъ къ искусственнымъ средствамъ для увеличенія своего успѣха. Я не говорю о заискиваніяхъ и даже подкупѣ музыкальныхъ критиковъ или о приглашеніи клакеровъ. Есть средства болѣе тонкія, но все же унизительныя для большого артиста — это подлаживаніе подъ вкусы публики, ферматы на высокихъ нотахъ, повторенія излюбленныхъ номеровъ и другіе пріемы плѣненія публики.

Никогда Направникъ не унизилъ своей артистической чести подобными пріемами, никогда не ставилъ онъ своего успѣха выше достоинства музыки, никогда не повторялъ онъ выигрышнаго хорового или оркестроваго номера единственно для того, чтобы усилить аплодисменты.

Даже, какъ композиторъ, Направникъ не проявлялъ той слабости къ успѣху своихъ произведеній, которая такъ естественна и такъ обыкновенна среди авторовъ. Онъ искренно былъ благодаренъ исполнителямъ, выступавшимъ съ его сочиненіями, но онъ также мало дѣлалъ усилій для уве-

---

[1]) Въ Императорскомъ Русскомъ Музыкальномъ Обществѣ Направникъ въ теченіе 13 лѣтъ получалъ по тысячѣ рублей за сезонъ (10 концертовъ). Всѣми остальными концертами, благотворительными, торжественными и другими — весьма многочисленными, Направникъ всегда дирижировалъ безвозмездно.

личенія своего композиторскаго успѣха [1]) искусственными способами, какъ и для достиженія дирижерскаго успѣха. Онъ не хуже другихъ композиторовъ понималъ, какое значеніе для успѣха его сочиненій имѣетъ участіе того или другого пѣвца, но это не мѣшало ему дѣлать такія же замѣчанія знаменитостямъ, какія онъ дѣлалъ вторымъ персонажамъ оперы.

Что касается критиковъ, то отнюдь не будучи равнодушенъ къ голосу прессы, Направникъ никогда въ жизни не покривилъ душой, не похвалилъ того, что считалъ плохимъ, не проводилъ на сцену или концертную эстраду сочиненія, которое этого не заслуживало, для того, чтобы встрѣтить взаимную любезность критика-композитора. Что такое отношеніе Направника къ критикамъ создавало ему искреннихъ враговъ, понятно само собою, и можетъ быть впослѣдствіи исторія нашей музыкальной критики раскроетъ любопытные факты въ этой области.

Здѣсь мы подходимъ непосредственно къ другой важной чертѣ моральнаго характера Направника — къ его честности. Быть честнымъ человѣкмъ, т. е. говорить откровенно правду (по отношенію къ музыкальнымъ вопросамъ) въ томъ отвѣтственномъ и властномъ положеніи, которое занималъ Направникъ, свсѣмъ не такъ просто и легко, какъ это можетъ показаться. Мы уже видѣли, какую непріязнь питалъ къ Направнику Римскій-Корсаковъ за то только, что дирижеръ критически относился къ произведеніямъ композитора. Другихъ основаній этой враждебности не было, такъ какъ личныхъ отношеній (помимо музыкальныхъ) между Направникомъ и Римскимъ-Корсаковымъ не было. При этомъ нужно имѣть въ виду, что Направникъ былъ наилучшимъ исполнителемъ девяти оперъ Корсакова!

Какъ же должны были относиться къ Направнику тѣ композиторы, сочиненія которыхъ не попадали на сцену или на эстраду благодаря отрицательному отзыву о нихъ Направника?! А вѣдь среди такихъ композиторовъ за 50 лѣтъ дѣятельности Направника были и музыкальные критики, и люди съ очень большими связями. Чтобы такимъ людямъ говорить правду, нужно было имѣть мужество, и Направникъ проявлялъ такое мужество во всѣ времена своей дѣятельности: и въ началѣ ея, когда онъ только завоевывалъ положеніе, и въ цвѣтущемъ возрастѣ, когда онъ былъ всесильнымъ лицомъ въ музыкальномъ мірѣ Петрограда, и въ старости, когда болѣзни подорвали уже его силы.

Но не только въ музыкальныхъ вопросахъ Направникъ имѣлъ мужество быть честнымъ человѣкомъ. Онъ былъ такимъ же и во всей своей

---

[1]) Дирижируя въ теченіе 13 сезоновъ (130 концертовъ: 1869—1862 гг.) симфоническими концертами Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества, Направникъ исполнилъ только 12 своихъ сочиненій, изъ которыхъ 5 были поставлены на программу солистами.

жизни, и если многихъ пугала его суровость и строгая требовательность, то именно его честность и правдивость вызывала уваженіе всѣхъ.

Направникъ умиралъ въ тяжелыхъ страданіяхъ, проболѣвши почти два года, но духъ его былъ бодръ, и мысль о томъ, что онъ прожилъ плодотворную и интересную жизнь, по совѣсти исполнивши своей долгъ артиста, давала ему силы переносить страданія и мужественно, какъ онъ всю жизнь говорилъ правду другимъ, сказать и себѣ послѣднюю правду, что онъ умираетъ. Онъ зналъ, что земной его жизни приходитъ конецъ, но всѣ мысли его, даже за нѣсколько часовъ до полной потери сознанія (Направникъ умеръ отъ зараженія крови при высокой температурѣ) были тамъ, на сценѣ Маріинскаго театра, въ русской оперѣ, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ, больше себя. И послѣдній привѣтъ его былъ артистамъ и оркестру Императорской русской оперы.

Пусть образъ этого великаго артиста и человѣка будетъ тѣмъ источникомъ свѣта, который всегда укажетъ намъ вѣрный путь изъ мрака личныхъ интересовъ къ свѣтлому идеалу безкорыстнаго служенія великому музыкальному искусству.

Викторъ Вальтеръ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

И. Н. Игнатовъ. Театръ и зрители. Часть I. Первая половина XIX столѣтія. Изд-во „Задруга". Москва, 1916. Стр. IV+340+2.

Очерки изъ исторіи русскаго театра за первую половину девятнадцатаго вѣка, принадлежащіе И. Н. Игнатову, выгодно выдѣляются изъ довольно уже обширной литературы о театрѣ новизною точки зрѣнія, и живостью, и тщательною разработкою обильнаго собраннаго авторомъ матеріала. Много писалось уже о развитіи драмы и сценическаго ея воплощенія. Г-нъ Игнатовъ задался мыслью прослѣдить на первомъ планѣ эволюцію настроеній и вкусовъ зрителя, величины въ театрѣ, до сихъ поръ мало освѣщенной, но безъ которой не было бы и самаго театра. Мнѣ кажется, — справедливо говоритъ авторъ, — что изслѣдовать дѣйствительную связь, существующую между зрителемъ и сценой, не довольствуясь общими разсужденіями о „благотворномъ" или „тлетворномъ" вліяніи послѣдней, было бы въ высокой степени интересно. Но содѣйствовать выясненію связи можно, лишь опредѣляя вліяніе театра на перемѣну чувствованій, воли, мысли зрителей, что я и пытаюсь сдѣлать въ книгѣ".

Для своей цѣли авторъ предпосылаетъ историческому изслѣдованію теоретическую главу, заключающую нѣкоторыя очень интересныя положенія. Размышляя надъ психологической сущностью воздѣйствія театра на зрителя, г. Игнатовъ въ особенности подчеркиваетъ неизбѣжный въ театрѣ элементъ пассивности воспріятій зрителя и указываетъ, что эта пассивность имѣетъ свою отрицательную сторону: посѣтитель театра „болѣе эстетикъ, чѣмъ кто бы то ни было", потому что въ зрительной залѣ онъ „долженъ сдерживать свои моральныя требованія и выражать только эстетическій восторгъ или эстетическое недовольство игрой актера, т. е. формой, въ которой представлено негодяйство и добродѣтель... Мы въ душѣ негодуемъ и возмущаемся злодѣяніями Яго и всѣмъ сердцемъ, можетъ быть, жалѣемъ Отелло и Дездемону, но наружно мы не проявляемъ ни этого негодованія, ни нашей жалости. И чѣмъ

сильнѣе на не сочувствіе, чѣмъ живѣе иллюзія, — тѣмъ болѣе велико тормозящее вліяніе театра на нашу активность"... Театральныя зрѣлища развиваютъ въ душѣ зрителя задерживающіе центры, соціальный характеръ совмѣстнаго участія въ одномъ дѣйствіи ослабленъ, „солидарность съ другими выражается въ совмѣстномъ бездѣйствіи, что, во всякомъ случаѣ, назвать культурой соціальныхъ чувствъ нельзя". Привычная пассивность зрителя въ театрѣ легко переносится и въ жизнь: „привычка — деспотъ межъ людей привычка къ театральнымъ зрѣлищамъ, къ быстрому прохожденію первой стадіи рефлекса (возбужденіе чувствъ) и къ сведенію послѣдней (активной реакціи) до микроскопическихъ размѣровъ поддерживаетъ принципъ невмѣшательства въ чужую жизнь и создаетъ твердое основаніе для проведенія въ жизнь принципа: моя хата съ краю"... „Эта основная тенденція театра, которую нельзя не назвать противо-соціальной, можетъ умѣряться или увеличиваться въ зависимости отъ содержанія пьесъ, но она присутствуетъ непремѣнно, совершенно независимо отъ того, нравственна или безнравственна представляемая пьеса. За самыми лучшими, самыми нравственными пьесами, если онѣ имѣютъ въ виду только взволновать добрыя чувства зрителя, останется та же прерогатива способствовать развитію въ немъ бездѣятельности и пассивности, дѣлать изъ посѣтителя зрительной залы зрителя въ дѣйствительной жизни". Тотъ параличъ активности, которому содѣйствуетъ театръ по самому своему существу, находитъ себѣ противодѣйствіе въ другомъ театральномъ элементѣ: помимо чисто чувственныхъ переживаній, театръ можетъ возбуждать и сильно возбуждать мысль зрителя, что даетъ соціальное оправданіе театру. Но гораздо чаще, повидимому, все-таки „зритель оставляетъ залу ошеломленный, разбитый, истерзанный, можетъ быть, эстетически удовлетворенный, но умственно придавленный и не способный къ дѣятельности". Свойство развивать пассивность „можетъ быть полезно въ тѣхъ случаяхъ когда зритель нуждается въ развитіи задерживающихъ центровъ, и, несомнѣнно, вредно, когда чувствительность его и безъ того повышена, а энергія (въ особенности альтруистическая энергія) понижена. Въ тѣхъ случаяхъ, когда театръ черезъ посредство чувства (другими словами, театръ истинно-художественный) возбуждаетъ мысль зрителя, это вредное и съ общественной, и съ индивидуальной точки зрѣнія, свойство почти незамѣтно, и сцена пріобрѣтаетъ значеніе воспитательницы „совершенной личности", распространительницы „добрыхъ чувствъ" и альтруистическихъ поступковъ. Въ зрителяхъ, несомнѣнно, таится стремленіе къ усиленію раздражительныхъ свойствъ театра, какъ въ привычныхъ алкоголи-

кахъ скрыта постоянная жажда къ новому принятію разрушительнаго яда... Человѣчество старалось бороться съ этой стороной вліянія сцены при помощи развитія другихъ ея свойствъ, имѣющихъ въ виду подѣйствовать на мыслительную способность зрителя. Очень часто, впрочемъ, эта борьба кончалась вторженіемъ на сцену дидактизма, сухого морализированія, совершенно нехудожественныхъ проповѣдей"...

Большую часть книги составляетъ, однако, не эта теоретическая часть, а историческая, посвященная эволюціи вкусовъ и настроеній зрителя. Авторъ замѣчаетъ, что въ этомъ отношеніи матеріалы для работы неблагодарны. „Лишь въ незначительной части записокъ найдете вы характеристику театральной публики. Такіе драгоцѣнные въ этомъ отношеніи матеріалы, какъ записки Жихарева, передающія день за днемъ впечатлѣнія юнаго зрителя, или воспоминанія Аксакова, попадаются какъ рѣдкость. О психологіи зрителя приходится судить косвеннымъ путемъ, изучая репертуаръ, сопоставляя его съ данными о состояніи общества, собирая мелкія крупицы намековъ, разбросанныя въ разныхъ запискахъ, воспоминаніяхъ, письмахъ". Трудности увеличены еще вмѣшательствомъ цензуры, которая препятствовала свободному развитію творчества.

Во всякомъ случаѣ, авторъ отнесся къ своей задачѣ съ большой добросовѣстностью, пересмотрѣлъ обширный матеріалъ записокъ, рецензій, архивныхъ данныхъ, заглянулъ въ старыя пьесы и извлекъ изо всего этого множество любопытныхъ чертъ и подробностей, а иногда необыкновенныхъ курьезовъ на нынѣшній вкусъ (напр. восторги нѣмцевъ предъ святой Русью, предъ мощью русскаго оружія въ пьесѣ Шаховского „Ломоносовъ"). Чрезвычайно живыя и любопытныя картины увлеченій и пристрастій зрителя поочередно характеризуютъ смѣнявшія другъ друга настроенія слезливой сантиментальности и повышеннаго патріотизма, бурно-пламенное увлеченіе романтическими драмами и раздирательной мелодрамою, водевилемъ въ сороковые годы и т. д. Въ этомъ изложеніи выступаетъ рельефно, какъ, въ сущности, вяло влачился русскій театръ, благодаря цензурѣ и стороннимъ на него давленіямъ, за общимъ движеніемъ литературы. При этомъ имѣли нѣкоторое воспитательное значеніе даже плохія передѣлки плохого иностраннаго репертуара, и все же зритель выросталъ и, наконецъ, перешелъ, пресыщенный театромъ условнымъ, мелодраматическимъ и романтическимъ, далекимъ отъ реальной дѣйствительности, къ бытовому репертуару Островскаго. На этомъ авторъ останавливается, обѣщая въ слѣдующемъ томѣ исторію отношеній зрителя къ реализму на сценѣ и въ репертуарѣ. Одна изъ главъ этого тома недавно напечатана въ „Вѣстн. Евр."

Ч. В—скій.

К. и *О. Ковальскіе.* Двуликій богъ. Т. I и II. К-во „Жизнь и Знаніе“ Петроградъ, 1916. Ц. 3 р.

Двуликій богъ — это театръ современности, въ которомъ такъ странно сочетаются свѣтъ и тѣни, высокое и низменное, идеальное и земное, въ которомъ сцена и кулисы — два совершенно разнородныхъ міра, своего рода лицо и изнанка.

Преимущественно закулисную сторону театра и имѣли въ виду въ своемъ романѣ К. и О. Ковальскіе.

О томъ, что разсказываютъ авторы романа, мы въ большей или меньшей степени наслышаны давно.

Рядъ персонажей, зарисованныхъ Ковальскими, и обстановка, въ которыхъ они дѣйствуютъ, для насъ поэтому не такъ уже новы. При всемъ томъ, романъ волнуетъ, мѣстами увлекаетъ, оставляетъ въ цѣломъ впечатлѣніе.

Исторія молодого талантливаго драматурга, промѣнявшаго карьеру юриста на служеніе искусству, и сестры его, молодой очаровательной дѣвушки, тоже устремившейся на подмостки, испытавшихъ на себѣ все страшное и тлетворное вліяніе двуликаго бога сцены — таковъ стержень романа, его основная суть. Драматично разсказанная исторія этихъ двухъ персонажей получаетъ свое освѣщеніе въ соприкосновеніи съ цѣлымъ рядомъ эпизодическихъ лицъ. Эти послѣднія достаточно многочисленны, при чемъ каждое прибавляетъ извѣстную долю горечи, оттѣняетъ трагизмъ обстановки. Эта обстановка — міръ сцены, „особый міръ, царство второго, преображеннаго бытія, управляемое своими собственными желѣзными законами, огромная машина, которая можетъ перемолоть человѣка, какъ зерно, и въ одну минуту перелицевать всю его кажущуюся видимость“. Таково было первое впечатлѣніе Ланского, автора пьесы „Весеннія воды“, принесшаго свое первое дѣтище, едва переступившаго порогъ того дома, который принесъ ему столь много разочарованій и огорченій въ жизни. И только пройдя длинную цѣпь испытаній, переживъ муки Дантова ада, Ланской могъ убѣдиться въ правдивости словъ актрисы Чекаловой, напутствовавшей его зловѣще и предостерегающе, словно онъ вступалъ въ „волчью стаю: „упадешь — съѣдятъ“... Постепенно въ этотъ „лабиринтъ, лежащій по ту сторону занавѣса, отдѣленный отъ зрительной залы яркими огнями рампы“, входитъ сестра Ланского, хрупкое, одаренное существо, „золото-самородокъ“, покинувшая родной кровъ ради манящихъ далей искусства, ради свѣтлаго божества сцены. Лиза Ланская — одна изъ многихъ, которыя несутъ на подмостки сцены свой юный пылъ и талантъ, свои лучшія вѣрованія и мечты, свои самыя дивныя и обольстительныя грезы, взлелѣянныя пред-

вкушеніемъ восторговъ и обаянія искусства. Очутившись въ водоворотѣ страстей, сплетенъ и интригъ, грязи и лжи, онѣ вскорѣ становятся лицомъ къ лицу съ предметомъ своихъ недавнихъ вожделѣній и грезъ, гдѣ „честь, любовь, дружба, уваженіе — это пухъ, одуванчикъ: было и уже нѣтъ“, звукъ пустой, гдѣ за „вечеръ славы“ люди нерѣдко отдаютъ на поруганіе тѣло и душу. Въ цѣпкія объятія театра попалъ чудесный, благоуханный цвѣтокъ — и нѣтъ ему возврата. „Театръ, — говоритъ Ланская, — это богъ, и плѣнъ его и страшенъ и сладокъ“. Да и одна ли Ланская? Длинной чередой проходятъ въ романѣ эти жертвы двуликаго бога, изъ которыхъ однѣ вызываютъ симпатіи и состраданіе, другіе ужасъ, третьи омерзѣніе и отвращеніе. Но всѣ онѣ сливаются въ одинъ слѣпой, заколдованный кругъ, гдѣ „нѣтъ ни жалости, ни правды, есть только борьба, гдѣ побѣдитель правъ“, какъ выражается нѣкто Полянцевъ, всевластный режиссеръ. Этотъ Полянцевъ, рекомендующій Ланскому „плюнуть на тѣхъ, кто будетъ возмущаться и бормотать о морали“; этотъ Полянцевъ, по мнѣнію котораго „мораль чужда театру, онъ амораленъ, ибо есть не что иное, какъ ложь, возведенная въ принципъ“; этотъ Полянцевъ, отнявшій молодость и красоту у человѣка чуткой души, актрисы Лѣтневой, и послѣ того грубо ее оттолкнувшій, пролагаетъ себѣ путь къ дальнѣйшей славѣ и благополучію при посредствѣ змѣеподобной Рутинъ-Вильковской, премьерши труппы, не брезгующей средствами въ достиженіи своихъ прямыхъ и скрытыхъ цѣлей, въ осуществленіи своихъ грязныхъ замысловъ и чудовищныхъ козней. Въ этомъ лабиринтѣ гибнетъ и задыхается художникъ Саяновъ, „предтеча новыхъ вѣяній въ живописи“, человѣкъ вдохновеннаго таланта и недюжиннаго ума, милый юноша Дунаевъ, несчастная актриса Чекалова, фанатикъ идеи новаго театра Скворцовъ. „Любовники мечты“, они бились въ сѣтяхъ, которыя не выпускаютъ своихъ жертвъ, цѣпко ихъ оплетаютъ, готовятъ имъ Голгоѳу. Судьба ихъ — развѣ она не символична для всѣхъ тѣхъ, кто путается и никнетъ въ этихъ дьявольскихъ сѣтяхъ, въ сѣтяхъ двуликаго чудовища, какимъ изображенъ современный театръ.

Да подлинно ли все обстоитъ такъ въ томъ домѣ, куда люди несутъ свои восторги и поклоненіе, гдѣ переживаютъ восхитительнѣйшія мгновенія, откуда уходятъ преображенные и просвѣтленные? Заключаетъ ли въ себѣ романъ Ковальскихъ черты жизненныя, документальныя или же представляетъ фантасмагорію романиста? Несомнѣнно, элементъ тенденціозности — налицо въ романѣ Ковальскихъ. Въ ихъ задачу, очевидно, болѣе входило отображеніе темнаго лика театра; и въ этомъ смыслѣ краски, пожалуй, чрез-

мѣрно сгущены, положенія и лица — не всегда правдоподобны. Въ то же время произведенію Ковальскихъ нельзя отказать въ художественности. На ряду съ мрачнымъ ликомъ, у нихъ встаетъ на отдѣльныхъ страницахъ и свѣтлый, торжествующій ликъ театра, ликъ ослѣпительный, духотворящій. Чары лжи, волшебство и красота иллюзіи, вдохновеніе творчества, безраздѣльный трепетъ переживаній, муки и экстазъ, радость творческаго упоенія и самозабвенія, — все это проходитъ, какъ въ сказкѣ, какъ во снѣ. Красивы страницы романа, гдѣ говорится объ искусствѣ будущаго, представителемъ котораго является геніальный безумецъ, художникъ Саяновъ, мечтающій о „храмахъ радости, куда люди изъ тьмы вѣковъ несутъ свое единственно цѣнное: безсмертное творчество". „Нужно, — говоритъ онъ, — строить храмы. Бѣлые храмы на вершинахъ, куда могли бы приходить всѣ усталые... всѣ взыскующіе Града! Свѣтлый Градъ, гдѣ никогда не заходитъ солнце... огромное. Гдѣ у людей, какъ у серафимовъ, шумятъ крылья, гдѣ нѣтъ этихъ гадовъ ползучихъ"... Надъ пошлостью и суетой томительныхъ будней, надъ мелкимъ и преходящимъ, призрачнымъ и земнымъ возвышается въ ореолѣ своего трагическаго безумія образъ Саянова: въ его рѣчахъ отблескъ грядущаго, зарница восходящаго, отраженіе не двуликаго, а единаго нераздѣльнаго бога, бога свѣтлаго всеозаряющаго искусства, за которымъ завтрашній день завтрашній часъ.

М. Королицкій.

Извѣстія Петроградской Городской Думы. № 1. Октябрь, 1916 годъ.

Давно ожидавшаяся и необходимая реформа „Извѣстій Петроградской Городской Думы", представлявшихъ въ теченіе 50-ти съ лишнимъ лѣтъ собраніе управскихъ и разныхъ комиссіонныхъ докладовъ въ думу, повидимому, теперь совершается, о чемъ свидѣтельствуетъ первый номеръ обновленныхъ извѣстій. Правда, еще при покойномъ городскомъ головѣ Н. А. Рѣзцовѣ дѣлались попытки оживить сухія офиціальныя извѣстія путемъ приложеній къ нимъ брошюръ по вопросамъ городского хозяйства. Но вышло всего нѣсколько приложеній, и дѣло обновленія извѣстій опять заглохло. Нужно ли говорить о томъ, что, если вообще развитіе спеціально-городской прессы является назрѣвшей потребностью для Петрограда, то нельзя больше оставаться безъ своего муниципальнаго органа? Какъ видно изъ помѣщенной въ книжкѣ статьи Б. Б. Веселовскаго „Муници-

пальная пресса въ Россіи", уже теперь 31 городъ у насъ имѣетъ городскія изданія общаго характера.

Первая книжка обновленныхъ извѣстій составлена очень разнообразно и интересно: тутъ имѣется обстоятельная статья С. Загорскаго о карточной системѣ распредѣленія продуктовъ, статья Л. Эрнрота о центральномъ бюро финляндскихъ городовъ и статья по дровяному вопросу въ Петроградѣ (Ник. Андреева) и хроника иностранной городской жизни и русскихъ городовъ и т. д.

Кто знакомъ съ условіями работы въ петроградскомъ городскомъ управленіи въ настоящее время, тотъ особенно оцѣнитъ усилія новой редакціи дать, наконецъ, городу серьезный муниципальный органъ и пожелаетъ ей полнаго успѣха въ этомъ трудномъ дѣлѣ.

В. Б—ъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ началѣ XX столѣтія 1901—1914). Часть I. Стр. 388. Ц., 1916.

Новая книга проф. Карѣева составляетъ первую часть заключительнаго VII тома капитальнаго труда по „исторіи западной Европы въ новое время". Съ свойственною ему научною обстоятельностью почтенный авторъ излагаетъ разнообразныя событія политической жизни западно-европейскихъ государствъ съ начала новаго столѣтія, опираясь на огромную массу собраннаго имъ матеріала. Обиліе и точность фактическихъ данныхъ, въ соединеніи съ живостью и ясностью изложенія, придаютъ книгѣ особую цѣнность въ настоящее время, когда факты современной исторіи представляютъ самый жгучій интересъ для массы читающей публики. Въ своей „Исторіи" авторъ, какъ сказано имъ въ предисловіи, вообще выдвигаетъ на первый планъ „не международныя отношенія, не внѣшнюю политику, не дипломатію и войну, а соціальную и культурную жизнь отдѣльныхъ націй, т. е. внутреннія ихъ отношенія, взятыя въ ихъ политическихъ, экономическихъ и идеологическихъ аспектахъ", при чемъ изложеніе касается, главнымъ образомъ, „пяти великихъ западныхъ державъ: Франціи, Англіи, Германіи, Австро-Венгріи и Италіи, изъ которыхъ каждой удѣляется особая глава, и въ особой же главѣ даются болѣе краткіе очерки исторіи второстепенныхъ государствъ западной Европы". Въ книгѣ помѣщены слѣдующія главы: „Культурные итоги исторіи прошлаго столѣтія", „Международныя отношенія на рубежѣ XIX и XX вѣковъ", „Внутренняя жизнь Франціи съ конца прошлаго столѣтія до начала міровой войны", „Англія со времени бурской войны до принятія парламентомъ ирландскаго гомруля", „Германія во вторую половину царствованія Вильгельма II", „Внутренніе кризисы въ Австро-Венгріи въ началѣ XX в.", „Италія при Викторѣ-Эммануилѣ III", „Понтификатъ Пія X" и „Второстепенныя государства западной Европы въ началѣ XX в. (Швейцарія, Бельгія, Нидерланды, Данія, Швеція, Норвегія, Испанія и Португалія).

Русская литература XX вѣка. 1890—1910. Подъ ред. проф. С. Л. Венгерова. Изд. тов. „Міръ". М., 1916. Стр. 209—320.

Въ новомъ выпускѣ этого полезнаго и интереснаго изданія напечатаны: окончаніе статьи С. А. Венгерова объ „этапахъ нео-романтическаго движенія", автобіографія Леонида Андреева и критическій этюдъ объ его произведеніяхъ Л. С. Козловскаго, статья проф. Митрофанова объ Иннокентіи Анненскомъ, этюдъ Вячеслава Иванова о Бальтрушайтисѣ и автобіографія Александра Блока. Къ статьямъ приложены прекрасно исполненные портреты Л. Андреева, И. Анненскаго и Ю. Бальтрушайтиса.

В. М. Устиновъ. Ученіе о народномъ представительствѣ. Т. II. Идея о народномъ представительствѣ во Франціи въ теченіе XIX столѣтія М., 1915. Стр. 397. Ц. 3 р. 50 к.

Въ сущности, авторъ даетъ читателю не „ученіе" о народномъ представительствѣ, а исторію либеральной доктрины и конституціонной практики во Франціи отъ іюльской революціи 1830 г. до установленія системы цезаризма при Наполеонѣ III. Изложеніе основано не только на обшир-

ной литературѣ предмета, но и на тщательно разработанныхъ архивныхъ матеріалахъ. Въ первой главѣ, подъ заглавіемъ „Либералы у власти", говорится о господствѣ буржуазіи, о смѣнѣ династіи, о хартіи 1830 года и объ избирательномъ законѣ; вторая глава посвящена характеристикѣ либеральной доктрины и демократіи въ эпоху іюльской монархіи; въ дальнѣйшихъ трехъ главахъ излагаются особенности партій реакціонеровъ, радикаловъ и соціалистовъ, а заключительныя двѣ главы даютъ разборъ и оцѣнку демократическаго цезаризма въ томъ видѣ, какъ его пытался осуществить Наполеонъ III, къ которому, кстати сказать, авторъ относится довольно благосклонно.

В. Фриче. Германскій имперіализмъ въ литературѣ М. 1916. Стр. 119. Ц. 1 р. 25 к.

Въ этой небольшой книжкѣ собраны интересные очерки, напечатанные въ разное время въ журналахъ и газетахъ, по поводу нѣмецкихъ литературныхъ произведеній, проникнутыхъ духомъ воинственно-патріотическаго имперіализма. Первый этюдъ касается еще старыхъ писателей, современниковъ франко-прусской войны; затѣмъ идутъ статьи объ историческихъ романахъ на тему о германскомъ міровомъ владычествѣ, объ идеологіи германскаго имперіализма, объ отношеніи имперіализма къ культурѣ, о романахъ, изображающихъ крушеніе англійскаго господства на моряхъ, объ Италіи и Турціи въ имперіалистской литературѣ, объ отношеніи старыхъ и новыхъ нѣмецкихъ писателей къ Польшѣ, о сатирѣ на германскій имперіализмъ въ романѣ Генриха Манна, и объ австрійскихъ романахъ, касающихся распаденія „великой" Австріи.

Карлъ Каутскій. Средняя Европа. Перев. съ нѣмецкаго В. Цедербаума и Б. Волосова, съ предисловіемъ А. Потресова. М., 1916. Стр. 75. Ц. 60 к.

Г-нъ Потресовъ въ своемъ предисловіи ставитъ брошюру Каутскаго въ образецъ „россійскимъ демократамъ", не обладающимъ тою европейскою, объективно-научною манерою подходить къ роковымъ вопросамъ современности, которая отличаетъ нѣмецкаго теоретика. „Среди многихъ блуждающихъ огоньковъ, сбивающихъ съ пути нашу интеллигенцію", умъ Каутскаго рисуется автору „тѣмъ вѣрнымъ огнемъ, который зажженъ на маякѣ, на твердой гранитной скалѣ". Онъ рекомендуетъ „русскому демократу-читателю, не устоявшему, смятенному, почаще прикасаться къ этой „землѣ", къ той культурной традиціи, которой такъ много вобрало въ себя великолѣпное мышленіе Каутскаго". Свѣтъ, идущій отъ Каутскаго, — восклицаетъ Потресовъ — „вольетъ въ русскаго читателя хотя бы сколько-нибудь отъ нужнаго ему равновѣсія ума". Намъ кажется, что было бы справедливѣе обращаться съ подобными упреками" увѣщаніями не къ русскому читателю-демократу, а къ большинству нѣмецкой соціалъ-демократіи, поддавшемуся соблазнамъ вульгарнаго имперіализма Гогенцоллерновъ и ихъ вѣрныхъ слугъ.

Л. С.

Въ теченіе ноября мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры.

Боцановъ, А. Подъ ласковымъ солнцемъ. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бунинъ, Ив. Господинъ изъ Санъ-Франциско. Разсказы. 1915—1916 г. Москва, 1916 г. Ц. 2 р.

Водовозовъ, В. На Балканахъ. Путевые очерки. Пгр., 1917 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гандеръ, К. Текущіе счета Государственнаго банка и чековое обращеніе. Пгр., 1916 г. Ц. 30 к.

Каменевъ, Ю. Экономическая система имперіализма. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р.

Карташевъ, А. Реформа, реформаціи и исполненіе церкви. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Круковскій, Адр. Забытые критики. (Къ 50-лѣтію смерти А. В. Дружинина и А. А. Григорьева). Москва, 1916 г.

Крюковъ, Н. Сахаръ и сахарная свекла въ Россіи. 1916 г.

Лейбовичъ, Несанель. Послѣ плача земли. Одесса, 1916 г. Ц. 35 к.

Лонгфелло. Пѣснь о Гайаватѣ. Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 75 к.

Мастрюковъ, А. Пишите книгу своей жизни. Москва, 1916 г. Ц. 45 к.

Монтеверде, Н. Н. Развитіе и современное состояніе промысла сбора и культуры лѣкарственныхъ растеній въ Полтавской губерніи. Матеріалы для изуч. естествен. производительныхъ силъ Россіи. Пгр., 1916 г. Ц. 20 к.

Нелединскій, В. Томленіе духа. Вольные сонеты. Пгр., 1916 г. Ц. 2 р.

Новиковъ, Ив. Между двухъ зорь. Ром. Москва, 1917 г. Ц. 2 р. 50 к.

Пановъ, В. Къ исторіи народовъ Средней Азіи. Владивостокъ, 1916 г.

Розенбергъ, В. Крестьянскій вопросъ въ наши дни. Москва, 1917 г. Ц. 35 к.

Рунова, О. Лунный свѣтъ. Пгр. 1917 г. Ц. 2 р.

Серафимовичъ, А. Клубокъ. Разсказы. Москва, 1916 г. Ц. 1 р. 60 к.

Серафимовичъ, А. Воробьиная ночь. Разск. Москва, 1916 г. Ц. 65 к.

Сиротининъ, Анд. Съ родныхъ полей. Стихи. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р. 85 к.

Скороходовъ, Моисей. Пѣсня первая. Стихи. Съ предисловіемъ К. Ѳ. Жакова. Пгр. 1916 г. Ц. 70 к.

Суриковъ, И. Избран. стих. Москва, 1916 г. Ц. 75 к.

Тилло, А. Поляки и Польша. Саратовъ, 1916 г.

Туфановъ, А. Эолова арфа. Стихи и проза. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р. 35 к.

Фортунатовъ, А. Ѳ. По вопросамъ научной школы. Сборн. статей А. Ѳ. Фортунатова съ прил. ст. К. А. Фортунатова „Пассивное обученіе и научное образованіе въ высшихъ школахъ". Москва. Ц. 1 р. 50 к.

Хлѣбниковъ, В. Ошибка смерти. Москва, 1917 г. Ц. 60 к.

Чужакъ, Н. Къ эстетикѣ марксизма. Иркутскъ, 1916 г. Ц. 10 к.

Шитковъ, В. Сибирскій сказъ. Пгр., 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Штейнъ, В. Финансы Германіи и Австро-Венгріи за два года войны. Пгр. 1917 г. Ц. 1 р.

Яриловъ, А. Наука о почвѣ — русская наука. Воронежъ, 1916 г.

Алфавитный сводъ опредѣленій сената по земскимъ дѣламъ за 50 лѣтъ. Харьковъ, 1916 г. Ц. 11 р. Составилъ М. Ржевускій.

Альманахъ „Стремнины". Москва, 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

Альманахъ для юношества. Пгр., 1916 г.

Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Москва, 1917 г. Ч. II. Ц. 3 р. 75 к.

*** Записки судьи. Ялта, 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

Къ вопросу о внѣшн. торг. Россіи во время войны. Пгр., 1916 г.

Матеріалы къ вопросу о госуд. регулированіи хлѣбной торговли. Пгр. 1916 г.

„Огни“. Латышскій сборникъ. Пгр. 1916 г. Ц. 1 р. 75 к.

Отчетъ Императорскаго Россійскаго Историч. Музея имени императора Александра III въ Москвѣ. 1916 г. Москва.

„Охрана труда“. Дѣтская смертность и соціальныя условія. Соціальное страхованіе въ Европѣ. Алкоголизмъ и рабочіе и проч. Семь серій. Пгр. 1916 г. Ц. отъ 14 к. до 56 к.

Петроградскій мировой судъ. За 50 лѣтъ. 2 тома. Пгр., 1916 г. Ц. 10 р.

Потребленіе сахара въ Россіи. Пгр., 1916 г.

Сѣверные дни. Сборникъ первый. Москва, 1917 г. Ц. 2 р.

Издатель: { Д. Н. Овсянико-Куликовскій,

Ред.: { Д. Д. Гриммъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ.

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ „ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ“ ВЪ 1916 ГОДУ.

Приложеніе: Портретъ М. М. Ковалевскаго. (Апр.)
Андреевскій, С. — Изъ В. Гюго (февр, 34). Стихотв. (Апр., 33.)
Изъ В. Гюго: Бѣдные люди. — Стихотв. (Нояб., 49.)
Анисимовъ, А. — Весенній сонетъ. — Стихотв. (Май, 32.)
Арисова, Л.—Красная дача. (Декабрь, 75.)
Арсеньевъ, К. — Отмѣна крестьянскихъ правоограниченій. (Іюнь, 249.) М. М. Ковалевскій. (Апр.)

Вакалинская, В. — Тяжко, мнѣ, Боже!.. — Стихотв. (Май, 22.)
Батюшковъ, Ѳ. — Цѣною лжи. (Февр., 392.) — Шекспиръ и Л. Толстой. (Май, 33.) — Бытовое. (Іюнь, 325.)
Бахчисарайцевъ, Х.—Не искушай судьбу свою. — Стихотв. (Авг., 65.)
Бланкъ, Р. — Сэръ Эдуардъ Грей. (Февр., 116.) — Американскія настроенія. (Сент., 289.)—Вудро Вильсонъ. (Нояб., 211.)
Боборыкинъ, П. — Жить—ждать. (Дек., 5.)
Богдановъ, Ал. — Моркиашинская колонія. (Дек., 431.)
Боголѣповъ. А. — М. М. Ковалевскій, какъ историкъ политической мысли. (Іюль, 249.)
Боголѣповъ, М. — И. И. Кауфманъ. (Янв., 436.)
Бородинъ, Н. — Организація помощи военноплѣннымъ. (Авг., 394.)
Боткинъ. С. — Сервантесъ. (Апр., 77.)—Драматургъ-мистик (Д к.153.)
Вузескулъ. В.—Древнѣйшая цивилизація въ Европѣ. (Авг. 67.)
Бунаковъ. П. — Надъ рѣкой. — Стихотв. (Апр., 76.) — Въ минтуы радости. (Окт, 79.)
Бунинъ, И. — Людмила. — Стихот. (Мартъ, 44.) — Цейлонъ. — Стихотв. (Окт.. 42.)
Бѣлоусовъ, И. — Въ глушь. — Стихотв. (Сент., 107.)

Ватманъ, Е. — Буба. (Сент., 109.)
Ватсонъ, М. — Не надо унынія.— Стихотв. (Сент., 156.) — Прославленная судомойка. Пов. Сервантеса. Пер. съ испанскаго (Апр., 129.)— Да, мы тоскуемъ... (Дек., 42.)
Вагнеръ, В. — М. М. Ковалевскій, какъ соціологъ. (Авг., 125.)
Вальтеръ, В.—Шаляпинъ. (Февр., 380.) — Scriabiniana. (Авг., 353.)— Э. Ф. Направникъ (Дек, 392.)
Вейнбаумъ, Э.— Въ парижскомъ пансіонѣ. Нильса Коллета Вогта.— Пер. съ норвежскаго (Нояб., 161.)— Письмо изъ Молде. Нильса Коллета Вогта. Пер. съ норвежскаго (Нояб., 168.) — Святая икона въ Луккѣ. Сельмы Лагерлефъ. — Пер. съ шведскаго (Нояб., 175.)
Венгровъ, Н.—Стихотв. (Янв., 168.)
Веселовскій, Ю. — Литературное творчество турецкихъ армянъ. (Мартъ, 75.)
Викторовъ-Топоровъ, В.—Изъ исторіи Балканскихъ соглашеній и союзовъ (Авг. 297.)
Водовозовъ, В. — По сербской Македоніи. (Янв. 169.)
Вознесенскій, А. — Тишина. — Стихотв. (Іюнь, 156.)
Войтинскій, В. — По Сибири. (Февр., 75, іюнь, 157, сент. 157.)
Вѣтвицкій, Вл. — Изъ тетради: „Забытыя усадьбы“. — Стих. (Декабрь, 152.)
Вѣтринскій, Ч. — Мелочи о П. Я. Чаадаевѣ. (Февр., 396.)

Вяткинъ, Г.—Потомкамъ.—Стихот. (Янв., 208.) — У древнихъ береговъ морей... — Стихотв. (Февр., 53.) — Все кончено... — Стихотв. (Іюнь, 44.) — Въ библіотекѣ. — Стих. (Іюнь, 256.) — Изъ цикла: „Алтай". (Авг. 42.)
Генерозовъ, А. — Клубятся пѣной бѣлоснѣжной.—Стихотв.(Нояб., 112.)
Гнѣспнъ, Е. — Балаганъ. (Іюль, 39.)
Гофманъ, М. — Новыя строфы „Евгенія Онѣгина". (Дек., 291.)
Граціанскій, Н. — М. М. Ковалевскій, какъ историкъ средневѣковья. (Іюнь, 143.)
Горовицъ Власова, Л. — Личныя воспоминанія объ И. И. Мечниковѣ. (Ноябр., 153.)
Григорьевъ, С.—Народное образованіе въ Петроградѣ. (Нояб., 318.)
Гросманъ. Л. — Композиція въ романѣ Достоевскаго. (Сент., 121.)
Л. Д. Лѣто Св. Луки. М. Чолмонделей; перев. съ англ. (Іюнь, 115.)—Двѣ стороны. Поля и Виктора Маргериттъ; перев.съ франц. (Нояб.190.)

Дерепталь, А. — Изъ рядовъ французской арміи. (Іюль, 281.)
Дерманъ, А. — Первая лекція. (Май, 189.) — Гимназистка. (Іюль, 15.) С. Н. Сергѣевъ-Ценскій. (Нояб. 302.)
Дигановъ, Р. — Чужой берегъ. (Нояб. 105.)
Діонео. — Журавлиный перелетъ. (Мартъ, 311.) — Нѣчто о миѳахъ. (Май, 290.) — Четыре всадника. (Авг. 227.) — Письмо изъ Франціи (Окт. 298.)
Доброхотовъ, А. — Въ кинематографѣ. — Стих. (Сент. 177.)—Въ мечтахъ. Стих. (Дек., 250.)
Долининъ, А. — Prélude. — Стих. (Сент. 298.)
Домасудъ-Бромирская, А. — Тихо за скорбными тучами... — Стих. (Авг., 108.)

Ефименко, Т. — Тихій домъ нашъ. Стих. — (Апр., 56.)
Ефимовичъ, Л.— Эпилогъ, (Сент., 71.)
Желѣзновъ, В. — О раціональной постановкѣ хозяйственнаго труда. (Май, 47.)
Журавская, З. — Тоска. — Ром. Грація Деледа. Пер. съ итальян. (Іюль, 165, авг. 151, сент., 197, окт. 195.) — Бѣлоснѣжка. Русск. эл. Бродов. (Дек., 183.)

Закъ, А. — Годъ войны и внѣшняя торговли С.-Штатовъ. (Янв., 339.)
Залевскій, К. Франкъ Бренгвинъ. (Авг. 252.)
Зарѣчная, А.—Ave Maria. (Мартъ, 71.)
Зиловъ, Л. — Ангелъ смерти. — Стихотв. (Янв. 112.)
Зубовскій, Ю. — Ночь на Демѣ. Стих. — (Янв. 71.) — Уходитъ, тихо тая. Стих. (Дек. 134).

Игнатовъ, И. — Психика русскаготеатральнагозрителя60-хъгодовъ. (Сент. 249.)
Изгнанникъ, И. — Въ степяхъ Туркестана.—Стих. (Февр., 114.) — Объятъ порывомъ желаній. Стих. — (Іюнь, 324.)
Измайловъ, А. — Загадки Діониса (Іюль, 133.)

Кайдаровъ, А. — Въ великую минуту (Авг., 45.)
Карачаровъ, В. — Улыбки. (Май 161.)
Карѣева, Е.—Завтра. (Мартъ, 45.)
Карѣевъ, Н. — Психологія якобинца въ изображеніи романиста-эпикурейца. (Іюнь, 93.)
Кашкинъ, Д. — Виды съ пригорка. — Стихотв. (Іюнь, 310.)
Кисинъ, М. — Ратникъ ополченія. (Февр., 55.)—Доброволецъ. (Май, 5.)
Ковалевскій, М. — Юбилей А. С. Посникова. (Янв., 456.) — Соперничество нѣмецкаго, французскаго и англійскаго вліянія на русскую интеллигенцію въ серединѣ прошлаго столѣтія. (Янв., 210.)
Кондратьевъ, Н. — М. М. Ковалевскій, какъ учитель. (Май, 183.)
Кони, А. — М. М. Ковалевскій въ законодательной области. (Апр.)
Корниловъ, А. — В. И. Семевскій и его историческіе труды. (Нояб., 282.)
Королицкій, М. — На рубежѣ. (Май, 401.)
Котляревскій, Н. — Шекспиръ и старая Россія. (Май, 23.)
Кривцовъ, Е. — Погасшая лампада. (Апр., 57.)
Кропивницкій, М. — Автобіографія. (Февр., 141, мартъ, 110.)
Кулаковскій, С. — Interieur. — Стихотв. (Сент., 247.)

Ладыженскій, В. — На шоссе. Отдыхъ. Сочельникъ. — Разсказы, (Апр. 37.)

Лазаревскій. Б. — Цвинтарь. (Янв. 73.) — Вэня. (Сент., 5.)
Липецкій, А. — Душа снѣговъ.— Стихотв. (Апр., 68.) — Прибой. — Стихотв. (Іюнь, 200.) — По вѣтру.— Стихотв. (Окт., 174.)
Левицкій, М. — Деда. (Май, 168.)
Лепетичъ, Н. — Въ сумеркахъ.— Стихотв. (Авг., 150.) — Въ степи.— Стихотв. (Авг., 202.)
Линиченко, И. — Проектъ новаго университетскаго устава. (Февр., 175.)
Лурье, М. — Реформа учрежденій по указанію труда въ Германіи. (Янв., 311. — Государственно-коммунальная организація продовольствія въ Германіи. (Мартъ, 282.) — Аграріи и дороговизна въ Германіи. (Май, 306.) — Подъ покровомъ бургфридена. (Іюнь, 201.) — Пониженіе культуры въ Германіи. (Сент., 307.) — Новое въ германскомъ продовольствіи. (Нояб., 235.) — Рабочая повинность въ Германіи. (Дек., 298.)
Любимовъ, А. — Ольгинъ скитъ. (Сент., 83.) — Къ морю Хвалынскому. (Дек., 135.)
Лятковская, О. — Вечера. — Стихотвор. (Ноябр., 144) — Родной уголъ. — Стихотв. (Нояб. 152.)
Майскій, В. — Ллойдъ-Джорджъ. (Янв., 131.)
Мануйловъ, А. — Примирительныя камеры. (Авг., 319.)
Мижуевъ, П. — Англія и Соединенные Штаты. (Мартъ, 201.)
Морозова К. — Предметы. — Стихотв. (Дек., 73.) — Зовы — Стихотв. (Дек. 74.) — Элегія. — Стихотв. (Дек., 94.)
Морозовъ, Н. — Да будетъ свѣтло ваше счастье. . Стихотв. (Іюль, 132.)
Морозовъ, П. — А. Н. Островскій въ его перепискѣ. (Окт., 45.)
Мягковъ. Е. — Пѣшкомъ отъ Ниша до Адріатическаго моря. (Февр., 265.)
Набоковъ, В. — Лунная греза. — Стихотв. (Іюль, 38.)
Наживинъ, И. — Красная книжечка. (Авг., 109.)
Науменко, Д. — Проектъ реформы средней школы. (Авг., 263.)
Никитинъ, А. — Матерямъ. — Стих. (Дек. 133.)
Никольскій, В. — В. И. Суриковъ. (Май, 382.) — Огюстъ Роденъ. (Іюнь, 271.)
Кн. Оболенскій, В. — Послѣдніе годы стараго порядка. (Авг. 153, сент., 179.)
Овсянико-Куликовскій, Д. — Послѣднее прости. (Апр.) — Изъ этюдовъ по психологіи оптимизма и пессимизма. (Янв. 113.) — Что такое мистика? (Окт., 121.) — Нѣсколько мыслей о природѣ и прогрессѣ морали. (Нояб. 119.) — Радость познанія — радость бытія. (Дек., 177).
Олигеръ, Н. — Великій Митра. (Февр., 5.) — На войнѣ. (Іюнь, 171.)
Орѣшинъ, П. — Ночь золотила земные просторы. — Стихотв. (Сент., 288.)
Осиповичъ, Н. — Романсъ. (Іюль, 5.)
Осоргинъ. М. — Пути развитія итальянской націи (Апр., 261.) — Носильщикъ полустанка (Іюнь, 45.) — Мой бѣдный Кокко. (Окт., 87.)
Павловъ, И. — Рефлексъ цѣли. (Апр. 69.)
Палѣй, А. — Весна. — Стихотвор. (Мартъ, 109.)
Первушинъ, И. — Теорія кризиса.
Посниковъ, А. — Землеустройство и крестьянскій банкъ. (Февр., 325.)
Радловъ, С. — Да, я знаю упадая... — Стихотв. (Май, 192.) — Пусть. — Стихотв. (Май, 224.)
Райновъ, — Лейбницъ въ русской философіи во второй половинѣ XIX столѣтія. (Дек., 284.)
Розенъ, Н. — Павильонъ королевы.— Стихотв. (Іюнь, 35.) — Пикадилли.— Стихотв. (Іюнь, 270.)
Роммъ, С. — Воспоминанія о И. С. Тургеневѣ. (Дек., 95.)
Ростовцевъ, С. — Въ моей душѣ покой страданій... — Стихотв. (Сент., 70.)
Рязановъ, А. — Моркваширская колонія (Дек., 43.)
Рязанцевъ, В. — Дмитровская суббота. (Іюнь, 37.)
Г. С. — Памяти учителя Н. О. Зиберъ-Шумовой. (Іюль, 331.)
Сакулинъ, П. — Народный златоцвѣтъ. (Май, 193.)
Семевскій, В. — Петрашевцы А. П. Беклемишевъ и К. И. Тимковскій. (Нояб., 57.)
Семеновскій, Д. — Вечеръ — Стихотв. (Февр., 82.)
Семеновъ-Тянъ-Шанскій, А. — У могилы. — Стих., (Окт., 85.) — То было раннею весной — Стих. (Дек., 151.)
Славинская, М. — На вершинѣ. Ром. Т. Серстона. Перев. съ англійскаго. (Янв. 235, февр., 200. мартъ, 155, апр., 185, май, 225.)

Славенсонъ, В. — Вѣженское. (Іюль, 292.)
Слонимскій, Л. — Англичане о внѣшней политикѣ и будущемъ мирѣ. (Янв., 372.) — Сближеніе съ западомъ. (Февр. 318.)—Новая книга о Россіи. (Мартъ, 368.) Нѣмецкая книга о Россіи. (Апр., 321.)—Полемика о войнѣ. (Іюнь, 233.)—Книга о цѣляхъ войны. (Авг. 314.)
Смирновъ, В. — Братская могила. Стихотв. (Іюль, 64.) — Воры. — Стихотв. (Сент., 119.) — Птица-Небылица (Окт., 193.)
Сталинскій, Е. — Проблема будущаго мира. (Май, 326).
Стефановичъ, Я. — По этапамъ. (Іюль, 79.)
Стрѣльцовъ, Р. — Перепись Петрограда. (Февр., 374.)

Тальниковъ, Д. — Народный театръ (Февр., 291.)
Гарасевичъ, Л. — Памяти И. И. Мечникова. (Окт., 175.)
Гарховъ, В. — Березы плакучія парка тѣнистаго.—Стихотв. (Іюль, 164.) — Какъ въ чистой водѣ отражается ландышъ прибрежный.— Стих. (Нояб., 56.)
Тимирязевъ, К. — Изъ лѣтописи науки за ужасный годъ. (Апр., 99.)
Тимковскій, Н. — Женихъ. (Янв., 250.)—Псевдонимы. (Окт., 5, нояб., 5.)
Гр. Толстой, Л. Л. — Мы проснемся. (Мартъ, 5, апр., 1, май, 101.)
Томашевская, В.—Сестры. (Іюнь, 5.)
Гулубъ, З.—На перепутьи. (Авг., 5.)

Умановъ-Каплуновскій, В.—Въ мигъ тишины. — Стих. (Авг., 149.)

Фатѣевъ, А. — Гимназическіе и студенческіе годы И. И. Мечникова. (Нояб., 145.)
Федоровъ, А.—Сомнѣніе.—Стихотв. (Февр., 74.) — Безлюдье, осенняя грусть... — Стих. (Іюнь, 142.)
Фридманъ, М. — Преобразованіе нашей налоговой системы. (Янв., 378.)

Хлопинъ, Г. — Памяти Ѳ. Ѳ. Эрисмана. (Янв., 429.)
Христіанъ, Г. — Вопросы тыла и ихъ разрѣшеніе въ Миланѣ. (Нояб., 282.)

Зинаида Ц.—Въ дачномъ поѣздѣ.— Стихотв. (Нояб., 104.)
Циперовичъ, Г. — Борьба съ дороговизной во Франціи. (Апр., 221.)

Чебышева-Дмитріева. — Ольга Андреевна Шапиръ. (Окт., 375.)
Чекинъ, А. — Подъ знакомъ экономіи. (Мартъ, 250.) — Экзаменъ демократіи. (Май, 257.) — Вокругъ дороговизны. (Дек., 251).
Черновъ, Ф. — Хлѣбникъ Степанычъ. Разсказъ. (Окт., 113.) — Исканіе вѣчности.—Стихотв. (Май, 46.) — Молилась душа моя. Стих. (Май, 196.)
Чешихинъ-Вѣтринскій. — Выборный человѣкъ Нижегородскаго края. (Іюль, 325.)
Чубинская, Н. — Бредъ. — Стих. (Май, 100.) — Я помню туманныя, дальнія горы. (Май, 182.)

Шевляковъ, Г. — Непрерывный вѣтеръ съ юга. — Стихотв. (Авг., 124.)
Шкляръ, Н. — У истоковъ сердца. (Мартъ, 55.)
Шмурло, Е. — На выставкѣ. (Февр., 37.)
Штильманъ, Г. — Война и патріотизмъ. (Іюль, 228.)
Шульговскій, Н. — Тріолеты. — Стих. (Окт., 120.)

Экъ, Е. — Все обстоитъ благополучно. (Май, 209.)
Ѳоминъ, С. — Вѣчно время. — Стих. (Дек., 28.) — Зимній пейзажъ. Стих. (Дек., 93.)—Въ Іюлѣ.— Стих. (Дек., 182.)

Хроника.

I. На темы дня. К. Арсеньева.

Январь. — Окончаніе тяжелаго года. — Широкій разливъ „благожелательности". — Значеніе „сильной власти".—„Жизненность" крайней правой программы. — Положеніе печати. (Стр. 403.)
Февраль. — Послѣднія перемѣны въ составѣ министерства. — Свѣтъ, бросаемый прошедшимъ на настоящее. — Прогрессивный блокъ и Государственный Совѣтъ.—Движеніе въ церковной сферѣ. — Постановленія симбирскаго дворянства.—П. А. Ровинскій и Е. В. Павловъ †. (Стр. 347.)
Мартъ. — Декларація крайнихъ правыхъ. — Составъ партіи, ея точки опоры, ея вожди. — Ея отношеніе къ подоходному налогу и къ внѣшней политикѣ. — Прогрессивный блокъ и лѣвыя партіи. — Отставка А. Н. Хвостова и газетная бесѣда съ бывшимъ

его товарищемъ.—Насталъ ли знаменательный день въ исторіи русской церкви? — Общее собраніе Вольнаго Экономическаго Общества. (Стр. 326.)

Апрѣль. — Новыя перемѣны въ составѣ министровъ. — Уходъ ген. Поливанова. — Назначеніе графа Бобринскаго. — Пренія о бюджетѣ въ Государственной Думѣ. — Судьба „еврейскаго" запроса.—Письмо Е. К. Брешко-Брешковской.—Юбилей П. И. Макушина. — А. А. Сабуровъ и Д. Г. фонъ-Дервизъ. (Стр. 287.)

Май.—Десятилѣтіе народнаго представительства. — Адресъ первой Думы и программа прогрессивнаго блока. — „Измѣненіе" положеній земскаго и городового. — Совѣщаніе о введеніи земства на Кавказѣ. — „Министерство самоуправленія". — Пятидесятилѣтіе новаго суда. — Юбилей Д. В. Стасова. — П. А. Харитоновъ, С. Ф. Платоновъ, П. В. Никитинъ и кн. Б. Б. Голицынъ. (Стр. 369.)

Іюнь.—Измѣнился ли государственный строй Россіи. — Предѣлы примѣненія 87 ст. Зак. Основн. — Предѣлы дѣйствія военной цензуры.— Предѣлы безотвѣтственности депутатовъ. — Провинціальное пониманіе положенія объ охранѣ. — Витебскіе „патріоты" и вѣдомство православнаго исповѣданія.—Изъ лѣтописи Государственнаго Совѣта.—Юбилей В. К. Случевскаго.— А. А. Савельевъ †. (Стр. 295.)

Іюль. — Предполагаемое продленіе думскихъ полномочій.—Послѣднія перемѣны въ составѣ кабинета.— Характерное постановленіе губернскаго присутствія. — А. И. Иванчинъ-Писаревъ †. (Стр. 302.)

Августъ. — Вопросъ о твердыхъ цѣнахъ на хлѣбъ.—Методъ исчисленія ихъ по „себѣстоимости". — Твердыя цѣны на сахаръ и на скотъ. — Продовольственное дѣло, какъ „побочное" для министерства земледѣлія.—Землевладѣльческая идиллія.—Письмо А. И. Гучкова.— Рабочіе старосты и примирительныя камеры. — Перемѣна въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія. — Маріампольская трагедія.— Дерзновеніе и покаяніе. — М. Ѳ. Громницкій †. (Стр. 325.)

Сентябрь. — Твердыя цѣны на хлѣбъ. — Іерархія совѣщанія. — Главное управленіе здравоохраненія.—Второй товарищъ оберъ-прокурора св. синода. — Два полюса церковной жизни. — Представленіе о награжденіи гласнаго петроградской думы. — Священники, какъ городскіе избиратели.—Новый министръ внутреннихъ дѣлъ. — В. И. Семевскій †. (Стр. 364.)

Октябрь.— Новый фазисъ польскаго вопроса. — Продовольственное дѣло и „схема", предлагаемая министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.— Несвоевременность проектируемой ломки. — Земство, какъ административный „аппаратъ".—Возможность компромисса. — Выборы въ Государственный Совѣтъ. — Циркуляръ о собраніяхъ. (Стр. 342.)

Ноябрь. — Значеніе, достигнутое Госуд. Думой. — Прогрессивный блокъ и его обвинители.—Обструкція въ засѣданіи 19 ноября. — Декларація новаго предсѣдателя совѣта министровъ. — Рѣчи В. М. Пуришкевича и гр. В. А. Бобринскаго.— Запросы о генералѣ Курловѣ. — Ушедшіе и оставшіеся министры. (Стр 336.)

Декабрь. — Сближеніе недавно еще далекихъ другъ отъ друга общественныхъ элементовъ. — Обнаружена ли при этомъ „легкомысленная довѣрчивость?" — Возможные пути безотвѣтственныхъ вліяній. — Рѣчи А. И. Маклакова и А. С. Стишинскаго — Достижимое и достигнутое. — Далеко идущая перемѣна настроеній. — Продовольственный вопросъ. — Послѣднія до перерыва засѣданія Госуд. Думы. — М. П. Брунъ и Г. Н. Штильманъ † (Стр. 376).

II. Вопросы внутренней жизни. В. Д. Кузьмина-Караваева.

Январь.—Эволюція общественнаго настроенія въ 1914 и 1915 гг. — Оргаризація побѣды и внутренній миръ. — Русская общественность на рубежѣ 1916 года. — Юные „развѣдчики" и „развѣдчицы". — Дѣло о портретѣ. — Законъ и политическая борьба. — А. П. Апостоловъ † (Стр. 412.)

Февраль. — Разбойничья угроза по адресу всероссійскаго земскаго союза. — Рапортъ сенатора Крашенинникова о майскихъ безпорядкахъ въ Москвѣ. — Бездѣйствіе власти или завѣдомое попустительство? — Городскіе выборы въ Петроградѣ. — Графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, П. А. Потѣхинъ и Е. Г. Шольцъ † (Стр. 360.)

Мартъ. — Господа положенія въ настоящемъ и въ будущемъ. — Иллюстрація. — Идейный итогъ петроградскихъ городскихъ выборовъ. — Военно-промышленный съѣздъ и примирительныя камеры. — Просьба о подаркѣ по милліону рублей въ годъ. — Губернаторская чехарда (Стр. 356.)

Апрѣль. — Черты общественно политическаго облика М. М. Ковалевскаго. — Его терпимость и отзывчивость. — М. М. Ковалевскій въ первой Думѣ. — Депутатъ-учитель. — Его аргументація въ пользу отвѣтственнаго министерства — Къ десятилѣтію созыва первой Думы. — Была ли первая Дума жизнеспособна? — В. П. Обнинскій (Стр. 302.)

Май. — Десятилѣтіе Государственной Думы и крестьянскій вопросъ,— Юридическая справка по дѣлу В. А. Сухомлинова. — Рабочій вопросъ въ военно-промышленныхъ организаціяхъ. — Попытка возродить мертвый законъ 1903 года о заводскихъ старостахъ. — Г. Меньшиковъ о трудовой повинности интеллигентной молодежи. (Стр. 390.)

Іюнь. — Памяти гр. И. И. Толстого.— Въ чемъ покойный оставилъ слѣдъ управленія имъ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія? — Гр. Толстой на посту петроградскаго городского головы. — Идейные итоги его общественной работы. — Надежды Кавказа на скорое введеніе земства. — Основныя мысли большинства и меньшинства совѣщанія въ Тифлисѣ. — Задачи земства въ Закавказьѣ. — (Стр. 311)

Іюль. — Польскій вопросъ послѣ двухъ лѣтъ войны. — Отношеніе къ земскому и городскому союзамъ на фронтахъ и въ тылу. — Просьба изъ Полтавской губерніи объ испомѣщеніи участками земли въ прибрежьяхъ Лазистана. — Реклама наживы. — Банковская газетная затѣя. — О. А. Шапиръ и Д. М. Герценштейнъ †. (Стр. 309.)

Августъ. — Вопросъ о принудительномъ трудѣ крестьянъ на помѣщиковъ. — Государственная необходимость и частный интересъ землевладѣльцевъ. — Сельско-хозяйственныя работы военноплѣнныхъ. — Походъ аграріевъ на земли колонистовъ и на хлѣбныя цѣны.—Еще о польскомъ вопросѣ.— (Стр. 340.)

III. Иностранное обозрѣніе.

Январь. — Печальные итоги прошлаго года. — Положеніе дѣлъ на Балканахъ. — Ликвидація Дарданельскаго предпріятія. — Вопросъ о воинской повинности въ Англіи.— Мнимые сторонники мира въ Германіи. — Политическое фантазерство въ области миролюбія. — Перемѣна формы правленія въ Китаѣ. (Стр. 388.)

Февраль. — Банкетъ въ Нишѣ и политическія рѣчи участниковъ.— Положеніе дѣлъ на Балканахъ. — Неудавшаяся капитуляція Черногоріи. — Внутренній кризисъ въ Турціи. — Смерть наслѣдника и паденіе Эрзерума. — Набѣги цеппелиновъ и споры о блокадѣ. — Франсисъ Шармъ †. (Стр. 334.)

Мартъ. — Внѣшнее положеніе Германіи и послѣдствія верденской неудачи. — Нѣмецкія настроенія.— Подтвержденіе и расширеніе обязательствъ союзниковъ относительно Бельгіи. — Азіатскія неудачи Германіи. — Разрывъ съ Португаліей. — Споръ съ Соединенными Штатами. — Рѣчи о внѣшней политикѣ въ Гос. Думѣ. (Стр. 342.)

Апрѣль. — Современное политическое положеніе и подводная война.—Германская система террора.— Рѣчь канцлера Бетмана-Гольвега и ея особенности. — Общее настроеніе противниковъ. — Паденіе Трапезунда и смерть Гольцъ-паши. (Стр. 276.)

Май. — Французскіе гости въ Россіи и франко-русскій банкетъ. — Русскіе парламентскіе дѣятели въ Англіи и Франціи. — Значеніе и роль Госуд. Думы въ международной политикѣ. — Реальныя событія и дипломатическіе конфликты. (Стр. 386.)

Іюнь. — Перемѣны въ политическомъ положеніи. — Битва въ Сѣверномъ морѣ и смерть лорда Китченера.— Нѣмецкіе толки о мирѣ и полемика Бетмана-Гольвега. — Министерскій кризисъ въ Италіи. — Греческія дѣла. — Постановленія парижской экономической конференціи.— Конецъ монархическихъ плановъ въ Китаѣ. (Стр. 257.)

Іюль. — Итоги двухлѣтней войны. — Общественное настроеніе въ Германіи. — Планы и дѣйствія союзниковъ. — Германскія „звѣрства“.— Новыя международныя конвенціи.— Отставка С. Д. Сазонова и новый

министръ иностранныхъ дѣлъ. (Стр. 270.)

Августъ. — Активное выступленіе Румыніи противъ Австро-Венгріи. — Офиціальные мотивы этого акта. — Значеніе румынскаго участія въ войнѣ. — Объявленіе войны Германіи со стороны Италіи. — Международное положеніе Греціи. — Борьба съ Австро-Венгріей. (Стр. 360.)

Сентябрь. — Воинственныя увлеченія въ Германіи. — Рѣчь канцлера въ рейхстагѣ. — Съѣздъ соціалъ-демократической партіи въ Берлинѣ. — Конгрессъ британскихъ рабочихъ союзовъ въ Бирмингамѣ. — Политическое настроенія во Франціи. — Балканскія дѣла и греческій кризисъ. (Стр. 349.)

Октябрь. — Перемѣна настроеній въ Германіи. — Австро-венгерскіе акты по польскому вопросу и ихъ значеніе съ точки зрѣнія международной политики. — Новыя рѣчи Бетмана-Гольвега. — Австрійскія дѣла. — Президентскіе выборы въ Соед. Штатахъ. (Стр. 356.)

Ноябрь. — Францъ-Іосифъ и его дѣятельность. — Печальные итоги его царствованія. — Русско-австрійскія отношенія при Францѣ-Іосифѣ. — Живучесть Австро-Венгріи и современныя событія. — Общее политическое положеніе въ Европѣ. — Ходъ „операцій“ на Балканахъ и въ другихъ мѣстахъ. — Внѣшняя политика въ Государственной Думѣ. (Стр. 354.)

Декабрь. — Мирное выступленіе Германіи. — Дипломатическія ноты о мирѣ и ихъ значеніе. — Противоположныя точки зрѣнія обѣихъ воюющихъ сторонъ. — Министерскія перемѣны въ Англіи и Франціи. — Вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ. — Нота президента Вильсона. — Вопросъ о войнѣ и мирѣ (Стр. 360.)

IV. Литературное Обозрѣніе.

Январь. — Русскіе Пропилеи. Томъ 3. И. С. Тургеневъ. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. — *Ч. В—скаго.* — H. T. Salonen „Die Landschaf bei I. S. Turgenev“ („Пейзажъ въ произведеніяхъ И. С. Тургенева“). — *К. К. Истомина.* — Стихотворенія Аполлона Григорьева. Собралъ и примѣчаніями снабдилъ Александръ Блокъ. — *Ч. В—скаго.* — Петръ Витязевъ. Ссылка П. Л. Лаврова въ Вологодской губерніи и его занятія антропологіей. Изданіе Вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. — Къ вопросу объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ Вологодской губерніи. Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. А. Золотарева. Изданіе Вологодскаго общества изученія Сѣвернаго края. — *М. Королицкаго.* — С. А. Новосельскій. Смертность и продолжительность жизни въ Россіи. — *В. Б—ъ.* (Стр. 440.)

Февраль. — Письма графа Л. Н. Толстого къ женѣ. 1862—1910. Изданіе второе, исправленное и дополненное. — „Бесѣды“. Сборникъ Общества исторіи литературы въ Москвѣ. — *Ч. В—скаго.* — Проф. Е. Кагаровъ. Прошлое и настоящее египтологіи. — *Б. П. Иванова.* — Е. В. Тарле. Экономическая жизнь королевства Италіи въ царствованіе Наполеона I. — *Н. Карѣева.* — Проф. У. Макъ-Дауголлъ. Основныя проблемы соціальной психологіи. — *Питирима Сорокина.* — Вопросы финансовой реформы въ Россіи. Подъ редакціей проф. В. Я. Желѣзнова. И. А. Поплавскій. Желѣзнодорожный тарифъ и условія пересмотра желѣзнодорожныхъ тарифовъ въ Россіи въ 1914—1915 гг. — Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Выпускъ II и III. Я. М. Букшпанъ. Міровая дороговизна. — *В. В.* — Гр. В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ и З. Евзлинъ, подъ ред. проф. М. И. Боголѣпова. Деньги. — *Н. Кондратьева.* — Шарль Жидъ. Основы политической экономіи. Переводъ съ французскаго Виктора Сережникова. Подъ ред. прив.-доц. В. Ѳ. Тотоміанца. — *Н. Кондратьева.* — А. А. Поповъ. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и др. источникамъ. — *П. Юшкевича.* — Воронцовъ, А. Евдокимовъ и А. Петровъ. На пути къ высшей крестьянской школѣ. — *В. В.* — Общеобразовательныя поѣздки въ средней школѣ. — Изданіе мастерской учебныхъ пособій Бендерскаго земства. А. Грекуловъ. — *Н. Сума.* (Стр. 402.)

Мартъ. — Архивъ села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и къ Некрасову. Примѣчанія составилъ Н. Ашукинъ. Москва. Издательство К. Ф. Некрасова MCMXVI. — *Ч. Вѣтринскаго.* — Д. Айзманъ. Дѣти. К-во „Жизнь и Знаніе“

М. Королицкаго. — А. Море. Цари и боги Египта. Переводъ Е. Ю. Григоровичъ. М. Изд. Сабашниковыхъ. — *Б. П. Иванова.* — Е. В. де-Роберти. Понятія разума и законы вселенной. Перев. съ франц. С. Златковскаго, подъ ред. автора, съ предисловіемъ проф. М. Ковалевскаго. — *Питирима Сорокина.* — Н. А. Каблуковъ. Статистика. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова. — А. А. Кауфманъ. Теорія и методъ статистики. Изд. Г. А. Лемана и С. И. Сахарова.—*Р. Стрѣльцова.*—А. Коллонтай. Общество и материнство. I. Государственное страхованіе материнства. *В. Б—а.* — Н. Г. Брянскій. Московскія производительно-трудовыя артели.—*В. В.*—Fernand-Hubert Grimauty. — Six mois de guerre en Belgique par un soldat belge. — Gustave Somville. — Vers Liège. Le chemin du Crime.—Henri Malo. Le drame des Flandres — un an de guerre. — *М. Весловскаго.* (Стр. 374.)

Апрѣль. — Дневникъ Льва Николаевича Толстого. Изданіе первое, подъ редакціей В. Г. Черткова. Т. I. 1895—1899. (Съ портретомъ 1897 г.). Москва, 1896.—С. Елпатьевскій. Литературныя воспоминанія (Близкія тѣни, ч. II). Кн-во писателей въ Москвѣ. — Н. Котляревскій. Канунъ освобожденія. 1855—1861. Изъ жизни идей и настроеній въ радикальныхъ кругахъ того времени, Петроградъ, 1896. — *Ч. В—ій.* — „Родной языкъ въ школѣ", ежемѣсячный журналъ, Годъ изданія первый, 1914—1915. №№ 1—9—10 (4—5).—*Е. К—вичъ.*— Л. Я. Гуревичъ. Обзоръ дѣятельности городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ за первый годъ войны 1915—1916 г. Петроградъ, 1916 г.— Н. Д. Кондратьевъ. Развитіе хозяйства Кинешемскаго Земства Костромской губерніи. Съ предисловіемъ проф. П. П. Мигулина. Подъ редакціей прив.-доц. А. I. Буковецкаго. Изданіе Кинешемскаго Уѣзднаго Земства. Кинешма. 1915 г. — *И. Михайловъ.* — Д. Г. Скоттъ. Эволюція растеній. Петроградъ. 1915 г. Ш. Депаре. Превращенія животнаго міра. Петроградъ. 1915 г. — *В. В.* — Календарь русской природы на 1916 г. Естественно - историческій справочникъ. Редакторы: Н. К. Кольцовъ, Н. М. Кулагинъ, Л. А. Тарасевичъ. Изданіе журнала „Природа". Москва. — *В. Б—ъ.* — Марія Монтессори. Руководство къ моему методу. Переводъ Р. Ландсбергъ. Москва. 1916 г. — *В. В.* (Стр. 326.)

Май. — Русскіе Пропилеи. Томъ II. Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы. Собралъ и приготовилъ къ печати М. Гершензонъ. Москва, 1916. — Юрій Соболевъ. О Чеховѣ. Москва, 1915. — Евгеній Архиповъ. Миртовый вѣнецъ. К-во „Жатва". Москва, 1915. — *Ч. В—аго.* — П. Г. Виноградовъ. Очерки по теоріи права. Москва, 1915.—*Н. Тоцкаго.*—Проф. М. Хвостовъ. Развитіе формъ промышленности въ древнемъ мірѣ. Казань, 1915. — *Б. П. Иванова.* — Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь.—*В. П. Иванова.*—Проф. М. Гернетъ. Преступленіе и борьба съ нимъ въ связи съ эволюціей общества. — *Питирима Сорокина.* (Стр. 411.)

Іюнь. — Библіотека мемуаровъ. Вып. II. Записки декабриста И. И. Горбачевскаго. Съ прилож. и вступительной статьей В. Е. Сыроѣчковскаго. Москва. 1916. — Старина и новизна. Историческій сборникъ О-ва ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Александра III. Книга двадцатая. Москва. 1916. — С. Ф. Либровичъ. На книжномъ посту. Воспоминанія, записки, документы. Петроградъ и Москва. 1916. — П. О. Потаповъ. Изъ исторіи русскаго театра. Жизнь и дѣятельность В. А. Озерова. Одесса. 1915. — Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ. Подъ ред. проф. С. А. Венгерова. II в. Петроградъ. 1916.—А. В. Амфитеатровъ. Свѣтъ и сила.—*Ч. В—аго.* Труды комиссіи по изученію современной дороговизны. Вып. IV. Москва. 1916.— С. А. Первушинъ. Прекращеніе продажи питей, какъ одинъ изъ факторовъ современной дороговизны. Москва. 1916. — Г. А. Кущенко. Крестьянское хозяйство въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. по переписямъ 1882—1911 гг. Черниговъ. 1916. — А. М. Стопани. Нефтепромышленный рабочій и его бюджетъ. Баку. 1916. — Народное хозяйство въ 1914 году (VII годъ) Петроградъ. 1916. *В. В.* — Туганъ-Барановскій. Соціальныя основы кооперации. Москва. 1916. *Н. Кондратьева.*—С. Л. Франкъ. Предметъ знанія. Объ основахъ и предѣлахъ

отвлеченнаго знанія. Петроградъ. 1915. *Т. Райневъ.*—М. А. Бунятянъ. Экономическіе кризисы. Опытъ морфологіи и теоріи періодическихъ экономическихъ кризисовъ и теоріи конъюнктуры. Москва. 1915. *Н. Кондратьева.* (Стр. 331.)

Іюль. — А. Н. Пыпинъ. Русское масонство. XVIII и первая четверть XIX вв. Ред. и примѣч. Г. В. Вернадскаго. Петроградъ. 1916. — Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и прим. Н. К. Пиксанова. Петроградъ. 1916. — Дарскій. „Радость земли". Изслѣдованіе лирики Фета. Москва. — В. С. Федина. А. А. Фетъ (Шеншинъ). Матеріалы къ характеристикѣ. Петроградъ. 1915. — С. А. Золотаревъ. Синхронистическая діаграмма по исторіи русской литературы и историко-литературная карта Россіи (1661—1904). Пгр. 1916. — *Ч. В—скаго.* — Г. Ферреро. Величіе и паденіе Рима. Томъ II. Юлій Цезарь. Переводъ А. Захарова. М. 1916. — *Б. П. Иванова.* — В. К. Шилейко. Вотивныя надписи шумерійскихъ правителей (Клинописные тексты памятниковъ южной Месопотаміи собранія Н. П. Лихачева). Съ прил. семи фотографическихъ таблицъ. Петроградъ. 1916. — *В. Смолина.* — В. М. Хижняковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. Петроградъ. 1916. — *Ч. В—скаго.* (Стр. 338.)

Августъ. — В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Москва. 1916. — Мемуары П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. Томъ III и IV. Эпоха освобожденія крестьянъ въ Россіи (1857—1861 гг.). Петроградъ. 1915—1916 гг. — Къ 10-лѣтію I Государственной Думы 27 апрѣля 1906 — 27 апрѣля 1916 г. Сборникъ статей перводумцевъ. Петроградъ. 1916 г. — *Ч. В—скаго.* — Георгію Ивановичу Челпанову отъ участниковъ его семинаріевъ въ Кіевѣ и Москвѣ 1891—1916. — Статьи по философіи и психологіи. Москва. 1916. — *Т. Райнова.* — „Музыкальный Современникъ", № 8-й, посвященный памяти С. И. Танѣева. Апрѣль. 1916. Петроградъ. — *Виктора Вальтера.* — Б. А. Кистяковскій. Соціальныя науки и право. Очерки по методологіи соціальныхъ наукъ и общей теоріи права. Москва. 1916. — *Питирима Сорокина.* — Вячеславъ Ивановъ. Борозды и межи. Опыты эстетическіе и критическіе. Москва. 1916. *Ч. В—скаго.* (Стр. 373.)

Сентябрь. — П. Е. Щеголевъ. Дуэль и смерть Пушкина. Изслѣдованіе и матеріалы. Петроградъ, 1916. — Борисъ Садовской. Ледоходъ. Статьи и замѣтки. Петроградъ, 1916. — Императорское Русское Историческое Общество. 1886—1916 гг. Петроградъ, 1916. — *Ч. В—ій.* — П. И. Люблинскій. „На смѣну стараго права". Пгр., 1915. — *В. М.* — Бюллетень Московскаго Общества по подготовкѣ спеціалистовъ земской и городской службы. Вып. I. Москва, 1916. — Московскій городской народный университетъ имени А. Л. Шанявскаго. 1916—1917 академическій годъ. Годъ 9-й. Москва, 1916. — *Ч. В—ій.* (Стр. 379.)

Октябрь. — Вопросы теоріи и психологіи творчества. Т. VII. Статьи по психологіи и теоріи художественнаго, научнаго и философскаго творчества. Харьковъ, 1916. — *А. Кунцмана.* — В. Муйжель. Хуторъ № 16 и другіе разсказы. К-во „Жизнь и Знаніе". Петроградъ, 1916. — *М. Королицкаго.* — А. Измайловъ. Чеховъ. 1860—1904. Жизнь. — Личность. — Творчество. Біографическій набросокъ. — *Ч. В—скаго.* — Баронъ Н. В. Дризенъ. Сорокъ лѣтъ театра. Воспоминанія. 1875—1915. К-во „Прометей", Н. Н. Михайлова. — *Ч. В—аго.* (Стр. 368.)

Ноябрь. — С. П. Сингалевичъ. Среднешкольное и университетское преподаваніе исторіи (Глава изъ методики исторіи). 2-е дополн. изд. Казань. 1916. — *В. Смолина.* — Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый (1850—1859). Съ портретомъ. Москва. Изд. Л. Э. Бухгейма. — Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ ред. проф. Ѳ. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Ѳ. Е.

Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго, и акад. А. А. Шахматова. Томъ II. Пгр. 1916. — *П. Стебницкаго.* — Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга двадцать первая. (XXI.) Москва. — *С. Н—ва.* — Письма къ библіографу С. И. Пономареву съ 1 гравюрой и 14 иллюстраціями. Москва. Изд. Л. Э. Бухгейма. 1915. — *Ч. В—скаго.* — М. М. Кацнельсонъ. Приготовленіе синтетическихъ химико-фармацевтическихъ препаратовъ. Практическія работы для химиковъ, медиковъ и фармацевтовъ. Подъ ред. и съ предисловіемъ проф. А. Е. Чичибабина. Съ прил. описанія приготовленія нѣкоторыхъ фитохимическихъ препаратовъ и съ 69 рис. въ текстѣ. Москва, 1915. *Н. Сума.* — Б. Авилова. Настоящее и будущее народнаго хозяйства Россіи. (Вліяніе войны, возможныя послѣдствія ея для народнаго хозяйства и проблема будущаго.) Петроградъ. 1916. — *Н. Кондратьева.* — И. В. Михайловъ. Война и наше денежное обращеніе (Война и экономическая жизнь, изд. Всероссійскаго земскаго союза, подъ общ. ред. проф. П. Б. Струве, вып. II, діаграммъ 11.)— *Н. Кондратьева*

Декабрь. — И. Н. Игнатовъ. Театръ и зритель. Ч. 1. Изд. „Задруга". Москва. 1916.—*Ч. В—скаго.* К. и О. Ковальскіе. Двуликій Богъ. Т. I и II. К-во „Жизнь и Знаніе". Петроградъ 1916. — *М. Королицкаго.* — Извѣстія петроградской городской думы. № 1. Октябрь. 1916.— *В. Б—а.*

V. Библіографическій листокъ.

Январь, 46 (февраль, 426; мартъ, 397; апрѣль, 344; май, 426; іюнь, 361; іюль, 352; сентябрь, 398; октябрь, 397; ноябрь, 386; декабрь, 411

ОБУЧАЯСЬ ЗАОЧНО

по изданіямъ Книгоиздательства „БЛАГО", Вы безусловно БЫСТРѢЕ и УСПѢШНѢЕ достигнете намѣченной цѣли, чѣмъ при занятіяхъ у учителей. Съ первой же лекціи Вы заинтересуетесь изучаемымъ предметомъ, и такъ какъ Вамъ не придется напрягать свои мозги на заучиваніе наизусть, то заранѣе можете быть увѣрены, что легко, безъ напряженія

Вы начатое дѣло доведете до конца.

За 7 лѣтъ примѣненія въ Россіи своихъ методовъ заочнаго обученія Книгоиздательство „БЛАГО" успѣло дать законченныя знанія сотнямъ тысячъ подписчиковъ своихъ. Не ограничивайтесь же однимъ чтеніемъ этого объявленія. Напишите намъ сейчасъ же о высылкѣ нашего проспекта, а ознакомившись подробнѣе со всѣми нашими изданіями, выбирайте:

Гимназія на дому 30 томовъ по 280—360 стр. Для заочнаго прохожденія всего курса средне-учебныхъ заведеній, для подготовки на званія вольноопредѣляющагося, классный чинъ, аптек. учен., высш., начальн., домашн. учителя и т. п.

Искусство для всѣхъ 10 том. по 96—112 стр. Для заочнаго прохожденія курса рисованія, живописи и прикладного искусства.

Академія иностранныхъ языковъ. Французскій, Англійскій и Нѣмецкій языки. Каждый языкъ состоитъ изъ 10 томовъ. Для заочнаго изученія языковъ.

Академія коммерческихъ знаній. 15 томовъ по 250 стр. Для изученія всѣхъ коммерческихъ наукъ: бухгалтеріи, ком. корр., ком. ариѳм., товаровѣд., банков. дѣло, финанс., биржи и т. д. и т. д.

Народная школа. 10 томовъ по 112—128 стр. для безграмотн. и малограмотныхъ.

Пособіе по русскому языку. 4 тома—10 руб. **Бухгалтерія.** 4 тома—7 руб.

Коммерческая Корреспонденція. Русская, Французск., Англійск. Нѣмецк. Каждая по 1 р. 75 к.,

Коммерческая ариѳметика. 1 руб. 75 коп.

Ариѳметич. задачникъ, Алгебраич. задачникъ. По 2 руб.

Библіотека языкознанія. Для усовершенствованія въ языкахъ. Франц., англ. и нѣм. по 60 коп. за книжку.

Краткій проспектъ БЕЗПЛАТНО. — Подробный 15 коп.

Корреспонденцію адресовать: Въ Главную Контору Книгоиздательства «БЛАГО», Петроградъ, Глазовая ул., с. д. 18.

Собств. магазины (для проживающихъ въ Москвѣ и Петроградѣ): ПЕТРОГРАДЪ, Невскій 65; МОСКВА, Мясницкая 18.

ПОСОБІЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ ЯЗЫКОВЪ

„ФОНОЛЕКСИКА“:

Практическій курсъ АНГЛІЙСКАГО ЯЗЫКА для школы и самообученія, съ **УКАЗАНІЯМИ ПРОИЗНОШЕНІЯ** („Фонолексика“), обстоятельными объясненіями, вполнѣ замѣняющими учителя, ключомъ и пр. Сост. препод. С. Уманскій и Т. Джонсонъ. ▫ Цѣна **2** р. **40** к.; ключъ **30** к.

АНГЛО-РУССКІЙ словарь „ФОНОЛЕКСИКА“ съ точными указаніями **ПРОИЗНОШЕНІЯ** и грамматическихъ свойствъ словъ. ▫ 2-е изд. ▫ Цѣна **1** р. **35** к.

ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ словарь „Фонолексика“ съ точн. указ. **ПРОИЗНОШЕНІЯ** и граммат. свойствъ словъ и множ. примѣровъ франц. фразеологіи. Часть I: франц. русская. Часть II: русско-французская. ▫ 4-е изданіе. ▫ Цѣна каждой книги **1** р. **20** к

НѢМЕЦКО-РУССКІЙ словарь „Фонолексика“ съ точн. указ. **ПРОИЗНОШЕНІЯ** и грамматич. свойствъ словъ и множ. примѣровъ нѣм. фразеологіи. Часть I: нѣмецко-русская. Часть II: русско-нѣмецкая. ▫ 3-е изд. ▫ Цѣна каждой книги **1** р. **20** к.

СПРАВОЧНЫЙ словарь русскаго языка, указывающій правописаніе ударенiе, переносы и граммат. свойства 60.0 0 словъ не только въ начальной, но и въ **ПРОИЗВОДНЫХЪ** формахъ (листъ, лис-та, ар-тистъ, ар-ти-ста, раз-нять, рбз-нялъ). 3-ье изд. Ц. **1** р. **20** к.

ИЛЛЮСТРИРОВ. СЛОВАРЬ ИНОСТРАННЫХЪ СЛОВЪ съ 600 рис. въ тек. (единств. иллюстр. изд.); содер. множ. **НОВЫХЪ** словъ. Ц. **1** р. **20** к.

АНГЛІЙСКІЯ КНИЖКИ для русск. читателей, со словар., пояснит. примѣч. и пр.: 1) Англійск. стихотворенія; 2) M. Twain, The Experiences of Mc Williamses; 3) Dickens. The Way I made my Fortune; 4) Mogarzea and his Son; The princess и пр. Цѣна каждой книжки **30** коп.

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ КНИГИ:

Проф. В. Вундтъ. **Введеніе въ Психологію.** Пер. подъ ред. проф. Ланге. Ц. **75** к. Д-ръ Гартенбергъ. **Физіономія и характеръ.** (Опредѣленіе характера по чертамъ лица и почерку); Ц. 1 р. 25 к. Д-ръ Левенфельдъ. **О глупости.** (Формы глупости и пр.); Цѣна **1** р. **25** к. Проф. Рибо. **Этюдъ о страстяхъ.** Цѣна **75** коп.

Высылаетъ съ наложеннымъ платежемъ

Лингвистическое издательство А. Копельмана, Одесса, ул. Скобелева 9, тел. 73-95 и 51-20.